Мир Французской революции

Н. А. Троицкий

Наполеон Великий

Том 2

Император Наполеон

Мир Французской революции

Н. А. Троицкий

•

Наполеон Великий

В двух томах

Том 2

Император Наполеон

РОССПЭН
Москва
2020

УДК 94(100)”654”
ББК 63.3(0)5
Т70

Троицкий Н. А.

Т70 Наполеон Великий : в 2 т. / Н. А. Троицкий ; [подгот. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова]. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – (Мир Французской революции).

ISBN 978-5-8243-2357-3

Т. 2 : Император Наполеон. – 549 с. : ил.
ISBN 978-5-8243-2361-0

Вниманию читателей представлен фундаментальный труд известного российского историка, профессора Николая Алексеевича Троицкого (1931–2014). Книга стала результатом его многолетних исследований наполеоновской темы и истории русско-французских отношений. Это не просто биография выдающегося государственного деятеля, но и ценный историографический источник, отражающий важную веху в истории изучения наполеоновской проблематики в России. Работа Н. А. Троицкого предельно полемична. Он осознанно выделяет наиболее острые вопросы, словно подталкивая оппонентов к дискуссии.

Второй том («Император Наполеон») рассказывает о жизни Наполеона со дня коронации до смерти на острове Святой Елены.

Книга предназначена научным работникам, аспирантам и студентам вузов и всем, кто интересуется наполеоновской проблематикой.

УДК 94(100)”654”
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-2361-0 (т. 2)
ISBN 978-5-8243-2357-3

© Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, 2020
© Ковалев М. В., Степанов Ю. Г., вступительная статья, 2020
© Политическая энциклопедия, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Апогей

1. «Император Республики» 5
2. От Булони до Ульма: третья коалиция против Наполеона 20
3. «Битва трех императоров» и разгром третьей коалиции 38
4. Четвертая коалиция: от Йены до Эйлау 57
5. Мария Валевская! 81
6. Фридланд-Тильзит: разгром четвертой коалиции 89
7. Империя в апогее 102

Глава II. Предгрозье

1. Испанский синдром 130
2. Эрфурт 145
3. Разгром пятой коалиции 154
4. Кризис русско-французского союза 176

Глава III. Гроза двенадцатого года

1. Накануне 191
2. Начало 201
3. От Немана до Москвы 215
4. Москва 237
5. От Москвы до Немана 252

Глава IV. Начало конца

1. Очередная (шестая!) коалиция 270
2. «Битва народов» 286
3. 1814-й год: победоносное поражение 295
4. Первое отречение 319

Глава V. Эльба
1. Миниимперия 333
2. Франция без Наполеона 346
3. Прощание с Эльбой 358
Глава VI. Сто дней
1. Полет орла 367
2. Обновленная империя против седьмой коалиции 387
3. Ватерлоо 400
4. Второе отречение 421
Глава VII. Святая Елена
1. Путь в преисподнюю 443
2. «Логово сатаны» 462
3. Жизнь продолжается 473
4. Кончена жизнь... Умер или убит? 500
Глава VIII. Эпилог
1. Последнее новоселье 514
2. Суд истории 522
Условные сокращения 531
Указатель имен 532

Глава I
АПОГЕЙ

Я не думаю, что Франция
когда-либо знала лучший
порядок, нежели тот,
каковой был при мне.
Наполеон

1. «Император Республики»

Весна 1804 г. в Париже и всей Франции прошла под знаком разнообразных (больших и малых, официальных и приватных) торжеств по случаю превращения республики в империю. Собственно, и в чиновных, и обывательских кругах речь шла о том, чтобы возвести Наполеона на французский престол, сделать *гражданина* первого консула *государем*, монархом. Вопрос о монаршем титуле – император или король – какое-то, очень недолгое, время оставался открытым.

Дело в том, что Франция за последние полтора века привыкла к пиетету перед монархом до такой степени, что эту привычку не вытравила из национального сознания даже революция. Ведь в продолжение 130 лет, с 1643 по 1774, как подметил академик Ф. Массон, во Франции правили только два короля, и оба – с одним именем: Людовик XIV и Людовик XV. «Народу могло казаться, – цитирую Массона, – что над ним более столетия царствует один и тот же монарх; он перестал быть личностью и стал просто королем. Это усиливало поклонение, народ падал ниц перед этим властелином, не подчиняющимся общим законам и как бы стоящим вне человечества, высоко, далеко, недоступно для простого смертного»[1].

[1] Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта. М., 2006. С. 309.

В такой ситуации Ш. М. Талейран посоветовал одному из самых доверенных лиц в окружении Наполеона, генералу Л. А. Бертье, предложить первому консулу принять королевский титул. Возможно, «хромоногий бес» предвидел отказ Наполеона (причем в самой резкой форме), потому и не рискнул сам обратиться к нему с таким предложением, но на всякий случай (а вдруг согласится?) решил проверить его умонастроение, подставив вместо себя Бертье. Вот как вспоминала о реакции первого консула на предложение Бертье фрейлина Жозефины графиня Клара де Ремюза, ссылаясь на Талейрана, оказавшегося свидетелем этой сцены: «Бонапарт подносит кулак к подбородку Бертье и толкает его к стене. “Глупец! – говорит он. – Кто посоветовал вам раздражать мою печень?”»[1].

После такого казуса, естественно, никто более не предлагал первому консулу стать королем. Наполеон, разумеется, учитывал, что королевский титул вызовет отторжение у тех людей, которые вершили в стране революцию, травмирует их лучшие чувства. А такие люди в его окружении составляли абсолютное большинство. С другой стороны, титул императора привлекал его, поскольку ассоциировался с образом Карла Великого и сулил ему не только монаршие прерогативы, но и возможность вернуть Франции после тысячелетнего перерыва статус *империи*[2], вне всякой связи с *королями* Бурбонами.

Законодательные палаты – Госсовет, Трибунат, Законодательный корпус, Сенат – поняли соображения первого консула и почти единодушно согласились с ними. К 18 мая 1804 г. они подготовили новый сенатус-консульт, т. е. второе после акта 4 августа 1802 г. (о пожизненном консульстве) дополнение к Конституции 1799 г. Этот сенатус-консульт, который называют иногда Конституцией XII года (от провозглашения Республики в 1792 г.), принципиально не изменял, а лишь приспосабливал те же *республиканские* институты к новому, монархическому, строю[3]. Статья 2 гласила: «Управление Республикой поручается Императору». Здесь же был назван по имени обладатель императорского титула – Наполеон Бонапарт. Он, таким образом, становился *императором Республики*. Правда, круг его полномочий не был строго очерчен. Зато провозглашалось главное: «Императорское достоинство передается по наследству в прямом, естественном и законном потомстве Наполеона Бонапарта от мужчины к мужчине в порядке первородства при исключении женщин

---

[1] Мемуары г-жи де Ремюза (1802–1808 гг.). М., 1912. Т. 1. С. 238.

[2] Империя во Франции существовала только при Карле Великом плюс еще 29 лет после его смерти – с 800 по 843 г.

[3] Подробно об этом см.: Constitution de l’an XII // Dictionnaire Napoléon. Sous la direction de J. Tulard. Fayard, 1999. Т. 1. P. 527–529.

навечно». Поскольку Наполеон не имел собственных детей, законодатели специально наделили его (в статье 4-й сенатус-консульта) правом усыновлять любого из детей или внуков своих братьев.

«Пункт об усыновлении, – подчеркивает Жан Тюлар, – явился новшеством: будучи основателем Империи, Наполеон оставлял за собой право распоряжаться ею по своему усмотрению»[1]. Так в мае 1804 г. был сделан первый шаг к воцарению во Франции четвертой правящей династии – Бонапартов (после Меровингов, Каролингов и Капетингов с их двумя нисходящими ветвями: Валуа и Бурбонов)[2].

Подавляющее большинство (даже республикански настроенных) французов приветствовали новое возвышение Наполеона как дополнительную гарантию национальной стабильности, тем более что высочайший в мире с античных времен статус империи здесь сохранял основные завоевания революции и Республики. «Все его поддерживают, – писал о Наполеоне той поры Эмиль Людвиг, – и вот уже 130 человек из числа тех, кто 12 лет назад голосовал за казнь короля, будут возглавлять императорские учреждения»[3].

Принимая императорский титул, Наполеон щедро – в традициях Карла Великого – вознаграждает своих соратников. По его инициативе уже 19 мая 1804 г. были учреждены шесть высших придворных должностей – великого электора (избирателя), архиканцлера, архиказначея, великого коннетабля (главнокомандующего), государственного канцлера и великого адмирала, а также высшее воинское звание маршала Франции для 18 наиболее отличившихся генералов Республики. Архиканцлером стал бывший второй консул Ж. Ж. Р. Камбасерес, архиказначеем – третий консул Ш. Ф. Лебрен, великим электором – Жозеф, а великим коннетаблем – Людовик Бонапарт.

Что касается маршалов, то о них речь пойдет особо (в § 7), а пока ограничусь перечнем их *первого* состава: четыре *почетных* маршала (из старейших по возрасту и боевому опыту) – победитель в исторической битве при Вальми Ф. Э. К. Келлерман, Ж.-М. Ф. Серрюрье, К.-Д. Периньон, Ф. Ж. Лефевр – и 14 *строевых*. В число 14 наряду с преданными Ж. Ланном, Л. А. Бертье, И. Мюратом, Л. Н. Даву, М. Неем, Ж. Б. Бессьером, Н. Ж. Сультом, А. Ж. Монсеем, Э. А. К. Мортье Наполеон включил и оппозиционеров: А. Массена, Ж. Б. Бернадота, Ж. Б. Журдана, Г. М.-А. Брюна, П. Ф. Ш. Ожеро. Все строевые маршалы, кроме Бертье и Монсея, были моложе любо-

---

[1] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «Спасителе». М., 1996. С. 144.

[2] Меровинги правили во Франции с 457 по 751 г., Каролинги – с 751 по 987, Капетинги – с 987 (с 1328 – Валуа, с 1589 по 1792 г. – Бурбоны).

[3] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 196.

го из почетных, а половина строевых не достигла и 40 лет: Даву было 34 года, Ланну, Нею, Бессьеру и Сульту – по 35, Мортье – 36, Мюрату – 37 лет.

Из лучших генералов Республики за маршальским бортом остались, пожалуй, лишь четверо: фрондеры Ж. Э. Макдональд, Л. Гувион Сен-Сир (эти двое позднее все-таки станут маршалами), К. Ж. Лекурб и уже сидевший тогда в тюрьме Ж. В. Моро.

Наполеон, несмотря на очевидную и колоссальную поддержку соотечественников (а может быть, именно потому, что он был уверен в такой поддержке), вновь, как это было в 1799 и 1802 гг., потребовал от парламентариев провести в стране всенародный опрос – референдум об учреждении империи. Собственно, на референдум был вынесен вопрос не о титуле императора, который Наполеон считал всего лишь сменой формы, а о *наследственности* его полномочий: новоявленный император полагал, что победа на таком референдуме придаст его власти ореол монархии «не волею Божьей, а волею народной».

Как и следовало ожидать, референдум принес Наполеону триумфальный, еще более убедительный, чем в 1802 г., успех. Если тогда за пожизненное консульство генерала Бонапарта голосовали 3 653 600 граждан против 8272, то теперь за наследственную власть императора Наполеона соответственно 3 572 329 против 2569[1]. «В реестрах некоторых коммун, – отмечает Ж. Тюлар, – фигурировала лишь одна запись: “Все единогласно проголосовали за”»[2]. Только один генерал в департаменте Шаранта запретил своим подчиненным какие бы то ни было изъявления восторга. То был Клод Франсуа Мале – будущий организатор нашумевшего на всю Европу заговора против Наполеона[3].

Речь о заговоре Мале еще впереди, а пока отметим, что Наполеон был, конечно же, удовлетворен, если не сказать польщен, итогами референдума. Здесь уместно процитировать воспоминания Констана Вери, который в течение 15 лет, с 1800 по 1814 г., был личным камердинером Наполеона: «После его свержения я часто слышал, как Его Величество называли узурпатором. Если император действительно узурпировал трон, то у него было больше сообщников, чем у всех тиранов трагедий и мелодрам вместе взятых, ибо три четверти французского народа оказались участниками заговора».

Поддержав почти единодушно восшествие *гражданина Бонапарта* на монарший престол, французы, особенно, двух полярных

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 145.

[2] Там же.

[3] Наполеон. Годы величия (1800–1814). В воспоминаниях К. Ф. Меневаля и Констана Вери. М., 2001. С. 107.

категорий: придворные слуги и ближайшие соратники, долго не могли привыкнуть к статусу *императора Наполеона*, путаясь в обращениях к нему. «Что могло быть более забавным, чем растерянность слуг, когда надо было отвечать на вопросы Его Величества! – вспоминал тот же Констан Вери. – Они начинали с ошибочного обращения, затем вновь делали попытку и, что хуже всего, повторяли по десять раз: «Сир, генерал, Ваше Величество, гражданин, первый консул»»[1].

Тем временем необходимые для перевоплощения Франции из республики в империю поиски и опыты продолжались. Наполеон сформировал даже особую комиссию с заданием найти выразительные символы – для империи и лично для императора[2]. Комиссия порекомендовала ему в качестве символа, который мог бы украсить государственный герб Французской империи... *петуха*, ибо петух (по латыни «галлус») – слово с тем же корнем, что и «галлы» (население Галлии, т. е. территории Франции в древности). Наполеон, по воспоминаниям очевидцев, фыркнул: «Петух есть принадлежность скотного двора. Он слишком слаб». Члены комиссии стали предлагать другие символы – кто льва, кто слона, а кто орла. Наполеон выбрал: «Орел в полете!»

Наполеон сам подобрал себе – при содействии историков – и личный символ, как ему хотелось, из древних времен. «Он намеревался построить будущее, – тонко подметил В. Кронин, – но для этого ему надо было найти корни в прошлом, по возможности до 987 года, когда началась династия Капетингов»[3]. Историки ему подсказали: в 1653 г. была вскрыта могила короля франков, основателя первой французской династии Меровингов Хильдерика I, который правил в 457–481 гг. В могиле были обнаружены кроме боевого топора, копья и меча еще и металлические пчелы, которые, по всей вероятности, украшали костюм Хильдерика. Наполеону понравилась эта история, и он сделал пчел своим личным символом трудолюбия: в годы империи они украшали не только его костюм, но и стены, ковры, балдахины дворцов, а главное, императорский трон.

Теперь встал вопрос о коронации. Наполеон вынес его на обсуждение Государственного совета: как, где и когда совершить обряд коронации и надо ли при этом задействовать папу римского, а если надо, то ехать ли императору к папе по примеру Карла Великого или пригласить папу к себе. Мнения членов Совета были разными.

---

[1] Там же. С. 108.

[2] См. об этом: Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 307.

[3] Там же.

Наполеон всех выслушал и решил *по-своему*: короноваться он будет не в Реймсе, где до и после Наполеона традиционно, с V в. по 1825 г., короновались французские короли (кстати, без участия римских пап), а в Париже, в главном соборе Франции – Нотр-Дам де Пари. Что касается папы, то Наполеон предпочел вызвать его на свою коронацию из Рима в Париж. Договориться об этом с папой император поручил своему дяде, кардиналу Жозефу Фешу, который был тогда французским послом в Папской области.

Папа Пий VII реагировал на приглашение Наполеона с опаской. Феш склонил на свою сторону большинство римских кардиналов, и те не без труда уговорили Его Святейшество согласиться на вояж к повелителю Франции. Кардиналы утешали его примерами из истории, ссылаясь, в частности, на то, как папа Лев I Великий в 452 г., ради того чтобы спасти Рим, «поехал скрепя сердце даже навстречу Аттиле, вождю гуннов, который уже во всяком случае не мог очень превосходить своей благовоспитанностью, вежливостью и изяществом манер нового французского императора»[1]. Пий VII уступил скорее другому аргументу – услуга за услугу: надо короновать Наполеона в благодарность за Конкордат 1802 г., который снял революционные запреты с католической церкви во Франции.

2 ноября 1804 г. Пий VII выехал из Рима со свитой из 100 священнослужителей. Наполеон встретил его 25 ноября в лесу Фонтенбло под Парижем[2]. Император был одет в охотничий костюм и окружен охотниками, псарями, собаками. Он остановил папский кортеж и пригласил Пия VII пересесть к нему в императорский экипаж. Папа в парадном одеянии и атласных туфлях вышел из своей кареты на дорогу (В. Слоон подчеркивает: «прямо в грязь») и занял место рядом с Наполеоном в его коляске. Император приветствовал его, но, вопреки принятым тогда нормам этикета, не опустился перед папой на колени и не поцеловал его руку. Это могло шокировать Пия VII, но в Париже ему все понравилось: пышный прием, роскошные покои в Тюильри, обставленные точно так же, как папская резиденция в Риме, и подобающее его сану почтение со стороны всех и вся, включая членов семьи императора. Наполеон, пользуясь случаем, устроил аудиенцию у Его Святейшества своей любимой кормилице Камилле Илари.

В оставшиеся дни до коронации, назначенной на 2 декабря 1804 г., Наполеон обсудил с Пием VII важные детали коронационного обря-

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 165.

[2] См.: Там же. С. 166; Кронин В. Цит. соч. С. 310; Людвиг Э. Цит. соч. С. 203; Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 2. С. 30.

да, а в последний момент успел решить вдруг всплывший перед ним вопрос ошеломляющей значимости. Судя по совокупности данных, которыми оперируют Ж. Тюлар, А. Кастело, В. Кронин, император *заранее* договорился с папой, что собственноручно возложит на себя корону[1], хотя Констан Вери, а вслед за ним и некоторые историки утверждают, будто Наполеон совершенно неожиданно «выхватил корону из рук Папы и сам нахлобучил ее себе на голову» (а потом и на голову Жозефины)[2]. Гораздо сложнее было решить другой вопрос – о коронации Жозефины.

Дело в том, что Жозефина сама призналась Пию VII, что она не венчана с Наполеоном церковным браком. Реакция папы на это признание испугала Жозефину. «Святой отец чуть не лишился чувств, – пишет об этом Андре Кастело. – Как же так! Его, посланца Христа на земле, наместника Господа, посмели вызвать за тысячу лье от Рима, чтобы помазать священным елеем двух людей, живущих в смертном грехе вот уже несколько лет?!»[3] Пий VII был настолько скандализирован таким попранием христианских норм брака, что заявил Наполеону со всей категоричностью: «Ничто не заставит меня обесчестить Святой престол и узаконить сожительство императора Франции с женщиной, которая в глазах Церкви – никто!» Теперь и Наполеон был озадачен: до коронации – считаные дни, что делать?! Папа сам подсказал ему: «Нужно немедленно провести обряд бракосочетания по церковным канонам с помощью опытного священника, иначе императрица останется без короны!» Так и было сделано: 1 декабря 1804 г., за день до коронации, у алтаря в кабинете Наполеона *опытный священник* обвенчал императора с его невенчаной супругой. Этим «опытным священником» был кардинал Феш[4].

Утро 2 декабря выдалось в Париже морозным и снежным, да еще с пронизывающим ветром. Тем не менее к 9 часам на всем пути от дворца Тюильри до собора Нотр-Дам уже собрались толпы зевак, чтобы поглазеть на невиданное за всю историю Франции зрелище – проезд папы римского на коронацию императора французов, первого за тысячу лет после Карла Великого. Ждать на морозе под снегом и ветром им пришлось долго, но они дождались, и увиденное их не разочаровало. Вот как описывает прибытие папы к собору Хилэр

---

[1] Ср.: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 146; Кронин В. Цит. соч. С. 310; Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 525.

[2] Наполеон. Годы величия. С. 136; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 167; Слоон В. Указ. соч. Т. 2. С. 34; Людвиг Э. Цит. соч. С. 205. Ранее (в кн. «Александр I и Наполеон») я тоже придерживался этой версии.

[3] Кастело А. Указ. соч. С. 520.

[4] Там же. С. 520–522.

Беллок: «Наконец, появилась кавалерия – эскадрон драгун, а за ним кареты официальных лиц, сопровождавших папу, и (к радости мальчишек, да и взрослых, которые смеялись и хлопали в ладоши) крестоносец папы, восседавший на муле и высоко поднявший тяжелый крест с золотым распятием. Затем появилась карета, в которой сидел Пий VII в белой шелковой мантии и белой шапочке и напротив него два кардинала в красных мантиях. Папа, подняв два пальца, благословлял верующих направо и налево своей старческой рукой. Но никто не преклонил колен и не осенил себя крестным знамением. Это было нечто новое: уже 12 лет жители Парижа не видели у себя на улицах никаких религиозных процессий»[1].

Когда Пий VII под звон главного колокола собора вышел из кареты и направился к соборным вратам, его свита, вываливаясь из своих карет, потянулась за ним, и все вокруг могли подивиться ее многолюдью и пышности: подсчитано, что папу сопровождали 5 кардиналов, 4 епископа, 2 римских князя и 97 прелатов, камергеров, секретарей.

Наполеон со своей свитой должен был прибыть в Нотр-Дам к 11 часам. С утра он нервничал, облачаясь в непривычно роскошный и, как ему казалось, очень неудобный наряд. Пока Констан помогал ему одеться, он «прибегал к риторике и проклятиям в адрес вышивальщиков, портных и поставщиков»[2]. Его можно было понять, учитывая, что он надел на себя с помощью камердинера шелковые чулки с золотой вышивкой, шнурованные туфли с позолотой, бриллиантовые пряжки и пуговицы на подвязках, сверкавший от золота и драгоценных камней жилет, плащ с двойной бриллиантовой застежкой и, наконец, мантию с поясом из бриллиантов. Не зря, вернувшись после коронации в Тюильри и сбросив с себя весь этот «шик-блеск», он скажет Констану: «Ну, наконец, я смогу дышать». «Без сомнения, он чувствовал себя гораздо лучше в дни сражений», – подумал тогда Констан[3].

Зато парижане взирали на торжественный выезд императора из Тюильри к собору Нотр-Дам с неописуемым восторгом. Надо признать, зрелище было диковинным и красочным. Впереди гарцевал конный эскорт, во главе которого рисовался, салютуя народу обнаженной саблей, весь разодетый в шелка и бархат зять императора, комендант Парижа Иоахим Мюрат. За ним следовала императорская карета, запряженная восьмеркой на редкость красивых лошадей в сверкающих сбруях и чепраках. Карету украшал золотой герб –

[1] Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 194–195.
[2] Наполеон. Годы величия. С. 133.
[3] Там же. С. 134–135.

«орел в полете». На бархатных подушках передней скамьи лицом к Наполеону и Жозефине сидели братья императора – Жозеф и Людовик. За императорской каретой спешил длинный ряд из 25 свитских карет, в которые были впряжены 152 лошади. На дверцах карет блестели орлы и пчелы всех цветов радуги. Все это двигалось под перезвон колоколов со всех церквей Парижа, под залпы артиллерийского салюта и гром музыкального сопровождения. «Я никогда, ни раньше, ни позже, – вспоминал Констан, – не слышал такой впечатляющей музыки: два оркестра с четырьмя хорами, более трехсот музыкантов; множество военных оркестров, игравших героические марши»[1].

Наполеон в те минуты, судя по всему, чувствовал себя, как обычно, спокойным перед ликующими толпами народа. Но Жозефина едва ли могла успокоиться при мысли о том, что она пережила в последние дни и что еще предстояло ей пережить в ближайшие часы. Ее мучило скандальное «дело о шлейфе». Три сестры Наполеона давно ненавидели Жозефину, завидуя ней, а теперь, в преддверии ее коронации, боялись еще ниже «опуститься» в сравнении с нею. Поскольку брат Наполеона Людовик, как коннетабль, был возведен в достоинство «императорского принца», его жена Гортензия (дочь Жозефины!) стала принцессой. Этого сестры императора стерпеть не могли. Все три – Каролина, Элиза и Полина – закатили брату истерику: «Гортензия – принцесса, а мы – никто?!» Император осадил их фразой, которая, по мнению Эмиля Людвига, «достойна войти в сборник всемирного юмора: “Слушая вас, можно подумать, что Его Величество наш покойный отец оставил нам империю и корону!”»[2]. Сестры угомонились, но ненадолго: случилось «дело о шлейфе».

В момент коронации Жозефины полагалось кому-то из наиболее высокопоставленных дам нести шлейф ее 22-метровой бархатной мантии, расшитой золотыми пчелками. Наполеон поручил эту деликатную миссию своим сестрам. Они, все три, вновь взбунтовались: «Такая обязанность – не для порядочных женщин!» На этот раз император был так разгневан, каким его сестры никогда не видели. «Либо шлейф, либо ссылка!» – заорал он на них[3]. Теперь, уже на пути в Нотр-Дам, Жозефина не могла скрыть от императора своего беспокойства: а вдруг его сестры намеренно или случайно уронят ее шлейф? – ведь она может упасть! Наполеон ее успокоил: оказалось, он уже отрядил в помощь своим сестрам трех камергеров, которые все сделают, как надо, и ничего не уронят.

---

[1] Там же. С. 135.
[2] Мемуары г-жи де Ремюза. Т. 1. С. 264.
[3] Кастело А. Цит. соч. С. 515.

Часть пути от Тюильри до Нотр-Дам императорский кортеж проследовал по улице Сен-Никез – той самой, где 24 декабря 1800 г. Наполеон и Жозефина едва не стали жертвами взрыва адской машины роялистов. Удивительный факт: теперь восьмеркой лошадей императорской кареты управлял тот самый кучер (по имени Цезарь!), который тогда промчал карету первого консула мимо бомбозаряда за считаные секунды до взрыва.

Тем временем у Нотр-Дам собрались уже несметные толпы простонародья. Часть из них спозаранку прорвалась внутрь храма, чтобы лицезреть своего идола в момент коронации. Я говорю «прорвалась», поскольку многолюдная стража сдерживала у дверей храма напор зевак, *ограничивая* их проникновение в храм. Но читатель должен иметь в виду, что Наполеон заранее распорядился сделать обряд его коронации публичным – по контрасту с коронацией Людовика XVI, когда публику допустили в храм только после коронования. Как бы то ни было, к началу коронации Наполеона Нотр-Дам заполнили, по данным очевидцев, примерно восемь тысяч человек.

Наполеон и Жозефина вошли в собор около полудня. При появлении императорской четы все присутствующие встали с возгласами «Да здравствует император!». Два оркестра грянули военный марш, который потом уже не смолкал, повторяясь снова и снова, пока не началась торжественная литургия. Пий VII под музыку благодарственного молебна, сочиненного Джованни Паизиелло, благословил императорскую *державу* (золотой шар с крестом как символ монаршей власти), скипетр, жезл правосудия, шпагу, два кольца – Наполеона и Жозефины, обе их короны и мантии. Затем Наполеон поднялся к алтарю, где стоял, словно изваяние, маршал Келлерман, держа перед собой бархатную подушку. На подушке сияла золотая корона. Наполеон взял ее и без всякой патетики, как-то уж очень просто, надел («нахлобучил», как выражаются иные историки) на себя. Тем самым он подчеркнул, что не желает принимать корону из чьих бы то ни было рук, кроме собственных, и не обязан ею никому, кроме себя самого.

Восемь тысяч собравшихся в храме гражданских, военных и духовных вельмож, иностранных послов, корифеев науки, литературы, искусства и простолюдинов в тот момент ликовали. Но для Наполеона еще важнее был следующий шаг. Он повернулся к Жозефине...

Женщин во Франции не короновали с 1594 г., когда была коронована вместе с королем Генрихом IV его жена, знаменитая Мария Медичи (1573–1643 гг.), мать следующего короля Людовика XIII. Теперь Наполеон решил подчеркнуть роль Жозефины как вдохнови-

тельницы его славы и внес в церемониал коронации новый момент: Жозефина должна разделить с ним императорские почести и стать с благословения папы римского первой в истории Франции *императрицей*.

Когда Жозефина шла к алтарю, где ждал ее Наполеон, шлейф ее мантии несли сестры императора и три камергера. Хотя Каролина, Элиза и Полина делали это, по выражению А. Кастело, «как можно хуже», камергеры не позволили им что-либо испортить или уронить. И вот он – миг, запечатленный на грандиозном полотне великого Давида! Жозефина опустилась перед императором на колени. Он взял приготовленную для нее другую корону, высоко поднял ее и, после многозначительной паузы, очень нежно возложил на голову Жозефине, стараясь не помять ее прелестно завитые волосы. Очевидица этой сцены, будущая герцогиня Лаура д'Абрантес, вспоминала: «У императрицы Жозефины особенно пленительна была не только изящность ее талии, но и поступь ее <...>. В ней были величие и прелесть <...>. Она была хороша во всем для роли императрицы, хотя никогда не училась играть ее». По словам герцогини, Наполеон «с видимым удовольствием» долго поправлял корону на голове Жозефины, как бы кокетничая с ней[1]. Она же смотрела на него глазами, полными благодарности, любви и... слез.

Коронование Жозефины все восемь тысяч очевидцев, кроме трех женщин (читатель поймет, кого я имею в виду), встретили с таким же ликованием, как и самокоронование Наполеона. Вероятно, император в те минуты вспоминал свою беседу с Давидом незадолго до коронации. Художник принял тогда заказ: увековечить для потомства церемонию коронации на полотне исторически точно, выигрышно и ярко. Но только после того, как Давид напишет картину, император увидит, что маэстро воссоздал именно тот момент, когда Наполеон возлагает корону на голову коленопреклоненной Жозефины. «Отлично, Давид! – похвалит император художника. – Ты догадался, что я имел в виду! – изобразил меня французским рыцарем»[2].

Впрочем, пока картина Давида – дело будущего. Наполеон с интересом и удовольствием воспринимал все детали его коронации, поразившей очевидцев невиданной даже для королей пышностью. О том, как сам император был тронут великолепием собственного торжества, свидетельствует такой факт: в паузе между церемониаль-

---

[1] Д'Абрантес Л. Записки или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 7. С. 244, 245.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 313–314.

ными актами он успел шепнуть старшему брату: «Ах, Жозеф, если бы отец мог нас видеть сейчас!»[1]

После обряда коронования Пий VII благословил императорскую чету, поцеловал Наполеона со словами «Vivat imperator in aeternun!»[2] и удалился в ризницу. Наступила заключительная, *светская,* часть церемонии, рассчитанная, как подметил Ж. Тюлар, «на то, чтобы потрафить бывшим революционерам»[3]. Наполеон положил руку на Евангелие и произнес сакраментальные слова присяги отечеству: «Я клянусь сохранять в неприкосновенности территориальную целостность Республики. Клянусь уважать и требовать, чтобы все уважали равенство людей в их правах и обязанностях – как политических, так и гражданских, соблюдать и следить за соблюдением принципов Конкордата и свободы вероисповеданий <...>. Клянусь управлять страной исключительно в интересах французского народа, для его счастья и славы»[4]. Этой присягой Наполеон, по меткому определению того же Ж. Тюлара, заявил о себе как о «коронованном представителе восторжествовавшей Революции»[5].

Как только отзвучала присяга императора, герольдмейстер поставил заключительную точку в церемониале коронации, объявив: «Славнейший и августейший Наполеон, император французов, миропомазан и воцарен»[6].

Можно представить себе, какими взволнованными, преисполненными счастливых надежд вернулись Наполеон и Жозефина с коронации к себе домой, в Тюильри. И здесь «славнейший и августейший» император, сняв с себя коронационное облачение, глядя на золото, бриллианты и прочую роскошь своих знаков отличия, вдруг обратился к женщине, которую он любил и только что короновал, с вопросом: «Ну и кому я это все оставлю, Жозефина?»[7]

Итак, первый консул стал императором. Но Французская республика осталась Республикой. По сенатус-консульту от 18 мая 1804 г. Наполеон принял императорский титул «милостью Божьей и согласно Конституции Республики». «Формула “согласно Конституции Республики” будет фигурировать последний раз в им-

---

[1] Цит. по: Сорель А. Европа и Французская Революция. СПб., 1906. Т. 6. С. 331.

[2] Да здравствует император в вечности! (*лат.*).

[3] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 146.

[4] Там же. С. 146–147; Кронин В. Цит. соч. С. 314; Беллок Х. Цит. соч. С. 198.

[5] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 147.

[6] Кронин В. Цит. соч. С. 314.

[7] Мемуары г-жи де Ремюза. Т. 1. С. 223.

ператорском декрете от 28 мая 1807 г.»[1], а на монетах надпись «Французская Республика. Император Наполеон» заменят надписью «Французская империя» лишь 1 января 1809 г.[2] Такое парадоксальное словосочетание «император Республики» свидетельствует о том, что Наполеон не спешил расставаться с республиканскими институтами и принципами. Винсент Кронин объяснил этот парадокс так: император считал себя республиканцем или, точнее, «всегда был немножко больше, чем республиканцем»[3]. Это верно, но надо учитывать, что Наполеон не только сам в глубине души еще оставался пока республиканцем, но и просто обязан был считаться с республиканским настроем абсолютного большинства своих соратников.

Между тем, заглянув вперед, мы увидим, что Наполеон не удовольствуется французским престолом. 9 мая 1805 г. итальянский Административный совет (благодарный Наполеону за его помощь итальянцам в борьбе против австрийского и собственного феодального ига) собрался в Париже и пожаловал императору Франции еще и титул короля Италии. Наполеон, не теряя времени, уже 26 мая в Миланском соборе возложил на себя Железную корону[4] – ту самую, которой в 800 г. короновали в Риме Карла Великого. Приняв титул итальянского короля, он объявил своего пасынка Евгения Богарне вице-королем и правил Италией через его посредство.

С двумя коронациями Наполеона связана отмена республиканского календаря во Франции, введенного якобинским Конвентом 5 октября 1793 г. Он имел необычные названия для всех 12 месяцев (вандемьер, брюмер и т. д. до фрюктидора) по времени года от осени до лета. Наполеон отменил его и вернул Францию к прежнему, христианскому, григорианскому календарю 1 января 1806 г.[5]

Практически общенациональная поддержка императорского статуса Наполеона не исключала отдельных, случалось и резких, смелых до дерзости, возражений со стороны даже близких его соратников. В Сенате против обращения республики в империю выступил один из идеологов революции Константен Франсуа Вольней, а в

---

[1] Дюфрес Р. Наполеон. М., 2003. С. 97.

[2] Собуль А. Первая республика (1792–1804). М., 1974. С. 359–360.

[3] Кронин В. Цит. соч. С. 315.

[4] Железной эта корона названа потому, что в ней помещался железный обруч, выкованный, по преданию, из гвоздя – одного из тех, которыми был распят Иисус Христос.

[5] Позднее республиканский календарь во Франции был вновь восстановлен, но ненадолго (с 18 марта по 28 мая 1871 г.) во время Парижской Коммуны. Кстати, разработчиком этого календаря был член Конвента Шарль Жильбер Ромм (ранее, в 1779–1786 гг., гувернер графа П. А. Строгонова – будущего члена Негласного комитета при Александре I).

Трибунате – «организатор побед» республиканских армий Лазар Карно, речь которого современники назвали «последним вздохом революции». Карно прямо заявил Наполеону: «Вам следовало оставаться первым консулом. Вы были единственным в Европе, а теперь взгляните, в какой компании вы оказались» (в одном ряду с *феодальными* монархами Европы)[1]. В ближайшем окружении Наполеона буквально восстал против его монархизма самый верный и талантливый из генералов, начальник консульской гвардии Жан Ланн, устроивший императору (которому ранее, в Италии, он дважды спас жизнь) «бурную сцену протеста»[2]. Впрочем, Ланн, и только он, мог позволить себе любые протесты – ему Наполеон все прощал.

Передовые люди разных стран, узнав о коронации Наполеона, разочаровались в нем. «Быть Бонапартом – и стать императором! Так опуститься!» – восклицал замечательный французский писатель, публицист, автор «Памфлета о памфлетах» Поль Луи Курье[3]. Так же отреагировал на коронацию Наполеона юный 21-летний Симон Боливар – будущий вождь трех революций в Южной Америке, национальный герой Боливии (страны, названной его именем), Колумбии и Венесуэлы. Он был свидетелем коронационных торжеств в Париже 2 декабря 1804 г., а много лет спустя так вспоминал о своих юношеских впечатлениях: «Я боготворил Наполеона как героя республики, как блестящую звезду славы, как гения свободы. Я не видел в прошлом никого, кто бы мог с ним сравниться. Мне казалось, что и в будущем не сможет появиться подобный человек. Но с того дня, когда Наполеон провозгласил себя императором, для меня он превратился в двуличного тирана»[4].

Напомню читателю, что величайший композитор того времени Людвиг ван Бетховен, посвятивший генералу Бонапарту свою бессмертную 3-ю («Героическую») симфонию, после коронации Наполеона изменил посвящение: «Симфония в честь памяти великого человека». Республикански настроенные поклонники Наполеона теперь противопоставляли его Джорджу Вашингтону, первому президенту США, который отказался от короны и тем самым еще выше поднял себя в глазах своей нации и всего человечества. Наполеон знал если не все, то почти все об откликах на провозглашение его императором. Из всей бездны этих откликов он математически выде-

---

[1] Текст речи Л. Карно см.: Mémoire adressé au Roi en jullet 1814 par m-r Carnot. P., 1814. P. 65–72.

[2] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 36.

[3] Цит. по: Lacour-Gayet G. Napoléon: sa vie, son oeuvre, son temps. P., 1921. P. 168.

[4] Цит. по: Лаврецкий И. Р. Боливар. М., 1981. С. 31.

лил для себя главное: итоги народного референдума – 3 572 329 против 2569, поэтому он был снисходителен к редким протестам против его коронования. Когда, например, некоторые студенты Политехнической школы в Париже демонстративно отказались подписать поздравления с его коронацией и были за это арестованы, а список их полиция представила Наполеону, он увидел, что в списке стоят фамилии лучших из студентов, и сказал: «Я не могу выгнать первых воспитанников. Жаль, что они не последние. Оставьте это дело!»[1]

В самой Франции практически все проявления недовольства императорским статусом Наполеона утихнут после самой блистательной из всех, более чем 50, его побед над войсками феодальной коалиции в битве при Аустерлице. «Народ тогда, – по свидетельству Стендаля, – с удовлетворением отметил, что эта победа одержана 2 декабря, в первую годовщину коронования. С тех пор никто во Франции уже не возмущался этой (коронационной. – *Н. Т.*) нелепой церемонией»[2].

Зато европейские монархи восприняли коронацию Наполеона как преступную и оскорбительную для достоинства каждого из них акцию. Поскольку «маленький капрал» не был наследным принцем хоть какой-нибудь из монарших династий, он, как они полагали и как писал об этом (соглашаясь с ними) Вальтер Скотт, «узурпаторски похитил» императорскую власть и, стало быть, провозглашение его императором «совершенно недействительно»[3]. Выходило, что худородный «разбойник» с дикого острова вставал как бы вровень с ними, августейшими государями, помазанниками Божьими, и они по ритуалу, принятому среди монархов, должны теперь обращаться к нему как к равному: «государь, брат мой...». Этого «августейшие» стерпеть не могли. Учитывая, что коронование Наполеона совпало по времени с провозглашением империи на негритянском острове Сан-Доминго, кн. А. Н. Голицын во всеуслышание, в присутствии Александра I сострил: «Императорское общество становится не совсем приличным»[4].

Итак, для европейских монархов коронация Наполеона оказалась, с его стороны, вторым после расстрела герцога Энгиенского, менее болезненным, но еще более демонстративным *вызовом*. В та-

---

[1] Гранин Д. А. Араго и Наполеон // Пути в незнаемое. М., 1972. Сб. 9. С. 217.

[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 49.

[3] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 405–406.

[4] Бутенев А. П. Воспоминания // Русский архив. 1881. № 5. С. 46.

кой ситуации Англия как «спонсор» и Россия как главный поставщик «пушечного мяса» форсируют начавшийся с весны 1804 г. процесс сколачивания третьей антифранцузской коалиции.

2. От Булони до Ульма: третья коалиция против Наполеона

Советские историки дружно охарактеризовали феодальные коалиции 1805–1807 гг. как «оборонительные союзы европейских государств», которые, мол, противостояли «экспансии Франции» и стремились к созданию в Европе *системы коллективной безопасности*, «такой системы государств, которая помешала бы новым завоеваниям Наполеона»[1]. Такие оценки, бывшие в ходу еще у российских придворных летописцев (А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича, Н. К. Шильдера, И. К. Кайданова и др.)[2] и повторяемые доселе (в трудах А. В. Шишова, А. Н. Архангельского, В. М. Безотосного, А. А. Орлова и др.)[3], со всей очевидностью противоречат фактам и документам.

Разумеется, войны 1805–1807 гг. со стороны наполеоновской Франции отличались агрессивностью: Наполеон стремился к европейской гегемонии, намереваясь поставить государства Европы в политическую зависимость от Франции. Эта сторона вопроса о характере войн 1805–1807 гг. ясна и неоспорима, хотя избитый тезис наших историков о стремлении Наполеона к *мировому* господству утрирован (о господстве над Соединенными Штатами Америки или

---

[1] Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 197. О том же: Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 23; Окунь С. Б. История СССР. Лекции. Л., 1974. Ч. 1. С. 164; Жилин П. А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 457, 503, 504; Орлик О. В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 16.

[2] См.: Кайданов И. К. Краткое изложение дипломатии Российского двора. СПб., 1833. Ч. 2. С. 150; Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 6–8; Богданович М. И. История царствования императора Александра I. СПб., 1844. Ч. 1. С. 56, 87; Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 2. С. 120–121; Три века. Сб-к к 300-летию Дома Романовых. М., 1913. Т. 5. С. 184.

[3] См.: История России. С нач. XVIII до кон. XIX в. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2000. С. 307–308; Архангельский А. Н. Александр I. М., 2000. С. 136, 235; Шишов А. В. Неизвестный Кутузов. М., 2001. С. 152–153; Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 12; Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. М., 2008. С. 27–28; Безотосный В. М. Антинаполеоновские войны: борьба с прогрессом или агрессией? (Полемика с Н. А. Троицким) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2008. Т. 7. С. 393–394, 399–400, 402.

над Японией и Китаем Наполеон не помышлял[1]), – речь могла идти в 1805–1807 гг. о господстве именно в Европе.

Но ведь всякая война – процесс *двусторонний,* и если научно подойти к оценке войн 1805–1807 гг. со стороны антинаполеоновских коалиций, то легко понять, что все эти коалиции вели с Наполеоном отнюдь не оборонительные, а завоевательные войны в тех же экспансионистских целях, что и Наполеон, плюс их стремление вытравить исходящую из Франции революционную «заразу». Опубликованные тексты договоров 1804–1805 гг. между Англией, Россией и Австрией гласят, что цель третьей коалиции, как и двух предыдущих и четырех последующих, была двоякой: во-первых, обуздать «узурпатора» Наполеона, «предупредить захваты» с его стороны и обеспечить гегемонию коалиционных держав в Европе, а во-вторых, «поддержать законные (т. е. феодальные. – *Н. Т.*) правительства, которые до сего времени избежали косы революции», и «восстановить свергнутых государей в их прежних владениях»[2], откуда они были изгнаны Французской революцией и Наполеоном. Все это опровергает мнение А. З. Манфреда, будто, «в отличие от первой и второй коалиций, третья коалиция сняла реставраторские лозунги»[3].

Инициатором и, говоря по-нынешнему, спонсором третьей коалиции (так же как и всех предыдущих и последующих) выступила Англия. Согласимся с Анри Лашуком: «Победа любой ценой и обязательно за счет крови других – таков обычный английский план»[4]. Уже больше ста лет во всех самых крупных войнах – за испанское наследство (1701–1714 гг.), за австрийское наследство (1741–1748 гг.) и в Семилетней войне (1756–1763 гг.) – Англия неизменно была в стане противников Франции, щедро оплачивая их «пушечное мясо». «В одиночку Англия никогда (с XV в. – *Н. Т.*) не могла даже мечтать о войне с Францией на твердой земле»[5]. Так и теперь: по союзному договору с Россией, подписанному в Петербурге 30 марта (11 апреля) 1805 г., Англия обязалась выплачивать субсидии в 1 млн 250 тыс. фунтов стерлингов (около 8 млн рублей) ежегодно на каж-

---

[1] С правительством США Наполеон поддерживал *добрые* (политические и торгово-экономические) отношения, а за неделю до нашествия Наполеона на Россию, 18 июня 1812 г., Соединенные Штаты объявили войну Англии – главному врагу наполеоновской Франции.

[2] Внешняя политика России XIX и нач. XX в.: Док-ты Российского мин-ва иностр. дел (далее – ВПР). М., 1961. Сер. 1. Т. 2. С. 147, 149, 182, 370, 374 и др.

[3] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 466.

[4] Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796–1815. М., 2004. С. 172.

[5] Там же.

дые 100 тыс. русских солдат[1]. Общая же сумма расходов Англии на субсидирование третьей коалиции достигала, по данным английского историка Дж. Шервига, 7 млн фунтов[2].

Царское правительство и лично Александра I такой расклад ролей и ресурсов вполне устраивал. Более того, именно Александр взялся с весны 1804 г., после убийственно-оскорбительного для него ответа Наполеона на протест русского царя против казни герцога Энгиенского, формировать третью коалицию. В течение целого года он созывал и сплачивал коалиционеров, держа в орбите своих усилий Англию, Австрию, Пруссию, Швецию, Турцию, Испанию, Португалию, Данию, Неаполитанское и Сардинское королевства. Послания царя императору Австрии Францу I и королю Пруссии Фридриху Вильгельму III, инструкции российским послам – С. Р. Воронцову в Лондон, А. К. Разумовскому в Вену, М. М. Алопеусу в Берлин, его брату Д. М. Алопеусу в Стокгольм и т. д. – полны советов и предписаний «рассеять страхи», «побудить Австрию занять решительную позицию», «заставить Пруссию действовать», «пробудить от апатии нейтральные державы»[3].

Как видим, Александр I был вдохновителем и организатором третьей коалиции, вопреки бытующему у нас мнению, будто лишь к началу 1805 г. агрессия Наполеона «побудила Александра примкнуть» к коалиционерам[4]. О. В. Соколов справедливо, хотя и слишком акцентированно, заключает, что Александр I с весны 1804 г. был «одержим жаждой воевать с Францией» и «упорно, буквально пинками заталкивал всю Европу в коалицию против своего врага»[5], каковым стал тогда не только для феодальной самодержавной России, но и лично для царя Наполеон.

Начиная войну 1805 г. – первую из шести войн России с Наполеоном, – Александр I призвал российское воинство «потщиться возвысить еще более приобретенную и поддержанную ими славу»[6], но не объяснил, во имя чего.

Вероятно, он посчитал это лишним, учитывая, что официальная пропаганда коалиционных держав уже раструбила по всей Европе о благих намерениях коалиционеров освободить Францию «от це-

---

[1] ВПР. Сер. 1. Т. 2. С. 356, 369.

[2] Sherwig John M. Guineas and Guprowder. British foreign aid in the Wars with France 1793–1815. Cambridge, 1969. P. 165.

[3] ВПР. Сер. 1. Т. 2. Док-ты № 3, 12, 14, 15, 30, 118, 119, 122, 125, 130.

[4] См.: Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 48–49; Орлов А. А. Указ. соч. С. 18 и сл.; Мезенцев Е. В. Указ. соч. С. 28.

[5] Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. М., 2006. Т. 1. С. 127, 131.

[6] ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 69.

пей» Наполеона, а другие страны – «от ига» Франции, обеспечить «мир», «безопасность», «свободу», даже «счастье» европейских народов и всего «страдающего человечества»[1].

Что касается «жажды воевать», которой был одержим Александр I, то вот поразительный факт, о котором наши историки (все – от царских до постсоветских) умалчивают: никогда, ни раньше, ни позже, царизм не был так воинствен, как в 1805–1814 гг. Считается, что «беспрецедентным уровнем военной активности, равному которому не было места за всю историю русского государства», отмечена последняя треть XVIII в., когда Россия в течение 30 лет вела 7 войн[2]. Но ведь с 1805 по 1815 г., т. е. всего за 11 лет, царизм провел 11 войн: в 1805, 1806–1807, 1812, 1813, 1814 и 1815 г. – с Францией, в 1806–1812 гг. – с Турцией, в 1806–1813 гг. – с Ираном, в 1807–1812 гг. – с Англией, в 1808–1809 гг. – с Швецией, в 1809 г. – с Австрией (как видит читатель, ряд лет – по нескольку войн *одновременно*!). Даже в активе Наполеона – по убеждению большинства историков, главного агрессора того времени – войн за те же годы было меньше, чем у «миролюбивого» Александра I: всего на одну войну, но все-таки меньше.

Воинственность Александра I дала богатые плоды. Вслед за союзным договором с Англией Россия к осени 1805 г. успела заключить такие же договоры об участии в антифранцузской коалиции с Австрией, Швецией, Турцией и Неаполитанским королевством[3]. Когда, неожиданно для Александра, застопорились его переговоры с Пруссией, он прибег к фантасмагорическим мерам воздействия на прусского короля. Все началось с того, что король Фридрих Вильгельм III на переговорах в Потсдаме с главой внешнеполитического ведомства России кн. А. Чарторыйским предпочел всего лишь «посредничество между воюющими державами». Александр I лично помчался из Петербурга в Потсдам, чтобы «образумить» короля, надеясь при этом на поддержку королевы Луизы, которая со времени их первой встречи в Мемеле летом 1802 г. нравилась Александру не меньше, чем Александр нравился ей. По инициативе Александра и по сценарию Луизы была разыграна трагикомичная сцена: в полночь с 3 на 4 ноября 1805 г. Александр, Луиза и Фридрих Вильгельм III прошли через пустынный двор Потсдамского замка в гарнизонную церковь, спустились в подземный, сырой и мрачный склеп, где была гробница с прахом Фридриха Великого (которому, кстати, Фридрих Вильгельм III приходился внучатым племянни-

[1] ВПР. Сер. 1. Т. 2. С. 146–149, 368, 407, 430.
[2] Золотарев В. А. и др. Во славу Отечества Российского. М., 1984. С. 23.
[3] См.: ВПР. Сер. 1. Т. 2. Док-ты № 63, 89, 179, 184.

ком), и там, взявшись за руки, все трое испросили у почившего благословение и поклялись друг другу в вечной дружбе. Так было скреплено согласие Фридриха Вильгельма III на «участие Пруссии в войне, которую союзники ведут против Франции»[1].

Е. В. Тарле назвал эту клятву над гробом Фридриха Великого «нелепейшей сценой» и – не без основания: «Нелепость ее заключалась в том, что в свое время Россия воевала именно с этим Фридрихом семь лет, и то Фридрих бил русских, то русские жестоко били Фридриха, успели занять Берлин и чуть не довели короля до самоубийства»[2].

Увы, Фридрих Вильгельм III так и не успел принять участие в военной кампании 1805 г., не угнался за своими более резвыми партнерами по третьей коалиции, монархами России и Австрии. Он соберется с силами и выступит против Наполеона уже после того, как австрийские и русские войска будут разгромлены при Аустерлице, – выступит с решимостью отомстить «узурпатору» за своих собратьев по коалиции, но, как мы увидим, подвергнется еще более страшному разгрому. Прочие же коалиционеры (Турция, Швеция, Дания, Неаполь, Сардиния) ограничатся пока дипломатическим и финансовым содействием. На войну с Наполеоном в 1805 г. отважились только Англия, Австрия и Россия.

Австрийский император Франц I к тому времени, конечно, не мог забыть, как Наполеон громил его армии в 1796–1797 и 1800 г., боялся «узурпатора» и к тому же еще был удручен личной утратой: потерял вторую из своих четырех жен, мать его 13 детей. Поэтому он сам и вся австрийская военщина настраивались на очередную кампанию против Наполеона опасливо, хотя и с надеждами на приток финансовых ресурсов из Англии и людских – из России. Совершенно иным был тогда настрой в правительственных и военных кругах России.

Александр I при всех его поверхностно-либеральных (*лагарповских*[3]) увлечениях оказался самым пылким среди коалиционеров рыцарем феодально-династического принципа легитимизма. Он еще летом 1803 г. в письме к Ф. Ц. Лагарпу объявил Наполеона «исчадием» революции и «одним из величайших тиранов, которых порожда-

---

[1] ВПР. Сер. 1. Т. 2. С. 617.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 185–186.

[3] Так выражались современники Александра и последующие историки, говоря о влиянии на него (в то время, когда он был еще наследником престола) со стороны его республикански настроенного педагога-наставника, швейцарского просветителя Фредерика Цезаря Лагарпа (1754–1838).

ла история»[1]. Тогда же царь предостерегал своего посла в Париже А. И. Моркова от недооценки «всех бичей революции, которые они (французы. – *Н. Т.*) приносят с собою»[2], а с весны 1804 г., после расстрела герцога Энгиенского, все более утверждался в мысли, которую граф Ф. В. Ростопчин (будущий, в 1812–1814 гг., генерал-губернатор Москвы) сформулировал так: «Революция – пожар, французы – головешки, а Бонапарт – кочерга». Кстати, в память о герцоге Энгиенском Александр I распорядился установить в католическом соборе Петербурга кенотаф[3] с надписью «Quem devoravit belua corsica!»[4].

Именно Александр больше, чем кто-либо, заботился о французских контрреволюционерах. Их патриарха, будущего короля Франции Людовика XVIII, которого Павел I в 1801 г. изгнал из России (где тот жил с 1797 г., получая по 200 тыс. руб. ежегодной пенсии), Александр уже на следующий год вновь приютил у себя в Митаве (ныне г. Елгава в Латвии) и содержал его с придворным штатом из 80 человек за русский счет[5]. Никогда раньше не подвизались на российской службе столько «зубров» бежавшей из Франции роялистской знати, как при Александре I: герцоги В. Ф. Брольо (сын и внук маршалов Франции), А. Э. Ришелье (правнучатый племянник знаменитого кардинала), М. Лаваль де Монморанси, А. Ж. Полиньяк, маркизы И. И. Траверсе и Ж. д'Отишан, графы Э. д'Антрег, М. Г. Шуазель-Гуфье, К. О. Ламберт, А. Ф. Ланжерон, Л. П. Рошешуар, Э. Ф. Сен-При и десятки других, менее крупных. К ним надо приплюсовать и сонмище титулованных старорежимных кондотьеров из других стран, как то: герцоги Брауншвейгский, Вюртембергский, Месленбургский, Ольденбургский, маркиз Ф. О. Паулуччи, графы Г. М. Армфельд, Ж. де Местр, А. Ф. Мишо де Боретур, К. О. Поццо ди Борго, бароны К. Л. Фуль, Г. Ф. Штейн, Ф. Ф. Винценгероде, Л. Ю. Вольцоген и многие другие. Даже адъютантом у казачьего атамана М. И. Платова служил принц Гессенский. Рядовым же от роялистской эмиграции в России не было и числа.

Сам государь-император Всея Руси впервые после Петра Великого лично отбыл на войну. Его сопровождали все, кроме

---

[1] Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу. СПб., 1832. С. 36–37.

[2] Сб-к Русского исторического об-ва. СПб., 1890. Т. 70. С. 201.

[3] Надгробие без тела умершего.

[4] «Тому, кого пожрал корсиканский хищник» (*лат.*). См.: Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 85.

[5] См.: ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 220–221; Людовик XVIII в России // Русский архив. 1877. № 9. С. 58, 60.

В. П. Кочубея, «молодые друзья» императора по Негласному комитету[1], а именно кн. А. А. Чарторыйский, граф П. А. Строганов и будущий граф Н. Н. Новосильцев, несколько генерал-адъютантов во главе с «цареубийцей» П. М. Волконским, обер-гофмаршал Н. А. Толстой (брат «цареубийцы» П. А. Толстого) и еще не ставший пока alter ego царя А. А. Аракчеев. «Общие усердные молитвы и благословения сопровождают нашего *ангела во плоти*», – записывал в те дни наблюдательный современник, литератор и театрал С. П. Жихарев[2]. Настроение не только военных, но и гражданских кругов России было тогда самое боевое. Наполеона россияне не боялись и даже (вопреки мнению А. В. Суворова или просто не зная о нем) не считали зело талантливым полководцем; ведь он еще не встречался ни с «орлами» Фридриха Великого, ни с «чудо-богатырями» великого Суворова! Генерал П. И. Багратион, перед тем как отправиться в поход 1805 г., посетил Александро-Невскую лавру, чтобы стать на колени перед могилой Суворова, словно призывая на помощь тень «русского Марса». «Трудно представить, – вспоминал гвардейский офицер И. С. Жиркевич, – какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов <...>. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»[3]. Княгиня Е. Р. Дашкова, сестра государственного канцлера графа А. Р. Воронцова и сподвижница Екатерины Великой, провожая на войну один из полков, просила доставить Бонапарта в Москву пленником. Офицеры отвечали ей: «Дайте нам только добраться до него, а об остальном не беспокойтесь!»[4]

Тем не менее Александр I не очень полагался на своих генералов и решил пригласить «на русскую службу полным генералом» аж из Соединенных Штатов Америки французского генерала Ж. В. Моро, изгнанного французами за причастность к заговору против Наполеона. Царь при этом ссылался на пример Петра Великого, который перед вторжением в Россию Карла XII приглашал командовать русскими войсками знаменитого английского полководца герцога Д. Мальборо. Однако прежде чем посланец Александра I (камергер царского двора граф Ф. П. Пален – сын «цареубийцы» П. А. Палена) встретился с Моро, он узнал о разгроме войск третьей коалиции при Аустерлице и «возвратился с пути»[5]. В результате пер-

---

[1] Негласный комитет 1801–1803 гг. – неофициальный высший совещательный орган при Александре I (царь называл его «собственным Комитетом общественного спасения»).

[2] Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. С. 119.

[3] Жиркевич И. С. Записки // Русская старина. 1874. № 2. С. 218.

[4] Дашкова Е. Р. Записки... М., 1987. С. 349.

[5] Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 22, 23.

вым из русских полководцев сразиться с Наполеоном довелось М. И. Кутузову.

Пока третья коалиция собиралась с силами, Наполеон, не отвлекаясь от внутренних дел, готовил десант для вторжения на Британские острова. 3 августа 1805 г. он прибыл в Булонский лагерь и лично возглавил подготовку десанта. К тому времени за два года неустанных интенсивных трудов было сделано многое. По данным А. Жомини, в Булони и близ него на побережье Ла-Манша были приведены в боевую готовность 128 тыс. солдат пехоты, 12 тыс. – кавалерии и 4 тыс. – артиллерии с 450 орудиями. Для них на Булонском рейде снарядили 2200 различных судов – от шлюпочных до линейных кораблей[1]. Такими же данными оперировал А. З. Манфред. У Д. С. Мережковского – другие цифры: 160 тыс. солдат трех родов войск, 650 орудий, 2365 судов[2]. В новейшем исследовании О. В. Соколова все прежние подсчеты скорректированы таким образом: 161 215 солдат, около 500 орудий, 2193 судна[3]. Ажиотаж вокруг идеи десанта рождал в осведомленных кругах «самые невероятные прожекты»: «...один член Академии наук на полном серьезе предложил создать корпус *морских свиней*, чтобы использовать их вместо лошадей»[4], которых, кстати, по данным О. В. Соколова, в Булонском лагере было 9059[5].

Приготовления к десанту поначалу шли как нельзя лучше. Тулонской (Средиземноморской) эскадрой, которая должна была прибыть к Ла-Маншу и обеспечить высадку десанта на британскую землю, командовал вице-адмирал граф Луи Рене де Латуш-Тревиль – лучший во Франции того времени флотоводец. Он верил в успех задуманной операции и действовал решительно, хотя и с трезвым расчетом. В июле 1804 г. он вышел из Тулона с восемью линейными кораблями, чтобы дать бой английской эскадре во главе с непобедимым Горацио Нельсоном, однако Нельсон, имея на три линейных корабля меньше, уклонился от боя и «вынужден был спасаться от преследования французов»[6]. Наполеон был доволен Латуш-Тревилем. Поэтому необъяснимая скоропостижная смерть флотоводца в Тулоне 19 августа 1804 г. потрясла императора. Равноценной замены Латуш-Тревилю не нашлось.

---

[1] Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1838. Т. 3. С. 66.

[2] Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 187.

[3] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 141.

[4] Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 24.

[5] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 141.

[6] Там же. С. 142.

Морской министр Д. Декре рекомендовал императору назначить командующим Тулонской эскадрой вице-адмирала Пьера Шарля де Вильнёва, который был с детских лет другом министра. Вильнёв считался отменным знатоком морского дела, но ему недоставало ни силы характера, ни должной решительности, что и скажется, непредвиденно и самым негативным образом, на судьбе Булонского лагеря. Но пока, 13 августа 1805 г., Наполеон буквально воззвал к Вильнёву: «Отправляйтесь, не теряя ни мгновения, и входите в Ла-Манш. Англия наша! Мы все готовы, мы все стоим по местам. Покажитесь только – и все закончено»[1]. Когда Наполеон писал эти строки, Вильнёв уже вел свою эскадру заданным курсом на Брест, к Ла-Маншу.

Тем временем в ожидании эскадры Вильнёва десантные войска заканчивали последние приготовления к броску через Ла-Манш. Летом 1803 г., организуя Булонский лагерь, Наполеон сказал: «Мне нужно только три дня туманной погоды – и я буду господином Лондона, парламента, Английского банка»[2]. Теперь, в августе 1805 г., он считал, что достаточно «восемь часов благоприятного ночного времени» для того, чтобы форсировать пролив шириной в 32 км[3], разумеется, с учетом прибытия к Ла-Маншу эскадры Вильнёва. При этом эскадра могла вступить в бой с английским флотом и даже проиграть его, но в любом случае, приняв на себя удар англичан и отвлекая их внимание от Булони, помогла бы высадке французских войск на английский берег. О том, что случилось бы дальше, сходились во мнении почти все французы и очень многие англичане: «Наполеон сломил бы все препятствия, прошел бы от места высадки до Лондона и вступил бы в английскую столицу»[4]. В войсках, на кораблях и верфях Булонского лагеря царил необычайный подъем боевого духа: 160-тысячный десант рвался в бой и ждал только сигнала.

Сам Наполеон позднее, уже в изгнании на острове Святой Елены, так говорил о целях своего Булонского десанта: «Я провозгласил бы республику в Англии, уничтожение аристократии, палаты лордов <...>, свободу, равенство и верховную власть народа»[5]. В 1805 г. он считал все это реальным и вполне достижимым. Английские верхи, получившие информацию о грандиозном размахе десантных приготовлений Наполеона, пребывали в страхе перед угрозой французского вторжения. Британский кабинет министров был близок к панике.

---

[1] Цит. по: Там же. С. 148.
[2] Цит. по: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 158.
[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 187.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 158.
[5] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 173.

Он учредил в Дувре[1] наблюдательный пост, с которого вперед смотрящий круглосуточно наблюдал за французским берегом, чтобы выстрелить из пушки, как только заметит приближающихся «громил» Наполеона. Видя перед собой, всего в 32 км от собственных берегов, небывало могучего врага, Англия отчаянно звала на помощь своих континентальных партнеров по третьей коалиции.

В этот критический для Англии момент («чуть не в один день», по словам Е. В. Тарле[2]: вероятно, 22 августа) Наполеон получил два пренеприятных для него известия. Он узнал, что Вильнёв, дезориентированный разноречивыми данными о силах и перемещениях английского флота, смалодушничал и... повернул назад! – повел свою эскадру не в Брест на север Франции, а в Кадис на юг Испании (с 1796 г. союзницы Франции). Там, возле Кадиса, ждал его ужас и позор Трафальгара. Но Трафальгар был еще впереди, а пока вместе с информацией об оплошности Вильнёва Наполеон получил столь же тревожную весть, что австрийские и вслед за ними русские войска готовятся выступить в поход на Францию.

В такой ситуации Наполеон мог принять только одно решение и принял его без промедления, на следующий же день, 23 августа: отказаться от десанта в Англию, свернуть Булонский лагерь и перебросить войска по кратчайшему маршруту через Баварию к Вене, чтобы разбить армии третьей коалиции порознь (австрийскую – еще до подхода русской), не давая им соединиться. «Если я через 15 дней не буду в Лондоне, то должен быть в середине ноября в Вене», – заявил император, просчитав различные варианты. «Лондон спасся, но Вена должна была заплатить за это», – так комментировал Е. В. Тарле этот прогноз Наполеона[3]. За считаные дни Наполеон поднял Булонский лагерь и «с волшебной быстротой»[4] начал переброску войск с Ла-Манша на Дунай. Стратеги третьей коалиции с циркулями в руках подсчитали, что Наполеону потребуются для такой переброски 64 дня. Наполеон сделал это за 35 дней.

Против третьей коалиции Наполеон подготовил в Булонском лагере и повел за собой к Вене исключительно боеспособную, обученную и отлаженную во всех звеньях армию – свою *La Grande Armée*. Российские историки переводят это название по-разному: одни (Е. В. Тарле, А. З. Манфред, И. А. Шеин) как Великая армия, другие (М. Н. Покровский, С. Б. Окунь, Л. Г. Бескровный) как Большая. Французские источники разъясняют: «Так назвали, ввиду чрезвы-

---

[1] Дувр – английский порт, ближайший к побережью Франции.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 178.
[3] Там же. С. 179.
[4] Ланжерон А. Ф. Записки // Военный сб-к. 1900. № 8. Прил. С. 5.

чайной в то время *значимости* кадрового состава, ту армию, которую Наполеон сосредоточил в Булонском лагере»[1]. Следовательно, по-русски La Grande Armée – именно Великая армия, а не просто Большая.

Систему комплектования армии Наполеон унаследовал от Французской революции. Это была самая передовая для того времени система всеобщей воинской повинности с равными возможностями продвижения по службе, без социальных различий и ограничений. Ее декретировал в 1793 г. революционный Конвент, а в сентябре 1798 г. по новому закону, инициатором которого был генерал и будущий маршал Наполеона Ж. Б. Журдан, она была несколько ограничена и стала действовать в форме т. н. *конскрипции* (от лат. conscriptio – запись)[2]. С 1798 г. все французы от 20 до 25 лет записывались на военную службу. Из них Наполеон каждый год призывал нужное ему число новобранцев. Срок действительной военной службы составлял 6 лет.

Великая армия не знала ни кастовых барьеров между солдатами и офицерами, ни бессмысленной муштры, ни палочной дисциплины, зато была сильна сознанием равенства гражданских прав и возможностей. Генрих Гейне писал о ней: «Последний крестьянский сын совершенно так же, как и дворянин из древнейшего рода, мог достигнуть в ней высших чинов»[3]. Сам Наполеон любил говорить, что каждый его солдат «носит в своем ранце маршальский жезл». Это не просто красивая фраза. Почти все лучшие маршалы Наполеона (Ж. Ланн, А. Массена, М. Ней, И. Мюрат, Ж. Б. Бессьер, Л. Г. Сюше, Ж. Б. Журдан, Ф. Ж. Лефевр, Н. Ж. Сульт и др.) вышли из простонародья. Службу они начинали солдатами. Но рядом с ними были маршалы-«аристократы»: Л. Н. Даву, Ж. Э. Макдональд, О. Ф. Мармон, Э. Груши. Среди генералов равно блистали сын столяра Жозеф Леопольд Сигисбер Гюго (отец Виктора Гюго) и сын маркиза и его чернокожей рабыни Дюма де ла Пайетри (отец Александра Дюма).

Для Наполеона всегда много значил дух армии. «На свете, – говорил он, – есть лишь две могущественные силы: сабля и дух. В конечном счете дух побеждает саблю»[4]. Его шокировал культ телесных на-

---

[1] Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et ecrits militaires. P., 1968. V. 3. P. 259. Тем курьезнее дилетантский апломб А. В. Шишова в его указ. соч. (С. 46): «Ни до 1812 г., ни после наполеоновская армия ни в документах, ни на словах ее героев никогда (?! – *Н. Т.*) не называлась Великой».

[2] Подробно см.: Pracad D., Smythe T. Conscription: A World Survey. L., 1968; Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 50–59.

[3] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 5. С. 408.

[4] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 590.

казаний в феодальных (русских, австрийских, прусских) и даже английских войсках; ведь прославленный А. Веллингтон считал, что «дисциплина в британской армии погибнет, если минимум ударов плетью-девятихвосткой будет определен всего только в 75»[1]. «Чего же можно ожидать от людей обесчещенных? – возмущался Наполеон. – Вместо плети я управлял честью»[2].

Все, что выгодно отличало тогда Великую армию от войск третьей коалиции, – социальное равенство, профессиональная выучка, боевой дух – обретало особую силу от того, что командовал ею сам Наполеон, к тому времени уже общепризнанный гений и феноменально авторитетный кумир французского воинства. Не зря тот же Веллингтон считал присутствие Наполеона на поле боя «равнозначным добавлению еще 40 000 людей»[3]. Секрет ни с чем не сравнимого воздействия Наполеона на солдатскую массу, офицеров и генералов заключался не только в том, как он искусно руководил ходом любой кампании и каждой отдельной битвы, но и в том, как умел воодушевлять войска словом, личным примером (вспомним Арколе и чумной госпиталь в Яффе) или эффектным поощрением (он мог снять со своей груди орден Почетного легиона и вручить его простому солдату).

О. В. Соколов математически вычислил в Великой армии 1805 г. почти идеальное соотношение опыта и молодости[4]: при среднем возрасте солдат в 25 лет около половины из них (43,5 %) уже воевали по крайней мере в одной кампании, а до четверти состава имели в активе не менее 10 лет службы и несколько кампаний. Что касается командного состава, то средний возраст полковников к началу кампании 1805 г. составлял 39 лет, генералов – 41 год, маршалу Даву было 35 лет, а маршалам Ланну, Нею, Бессьеру, Сульту и самому Наполеону по 36. Только два маршала из участников той кампании – 50-летний Бертье и 47-летний Ожеро – считались в сравнении с остальными «стариками».

Именно в 1805 г. Наполеон впервые реализовал новый принцип использования армейских соединений на войне. Согласно экспертной оценке Д. Чандлера, «принцип величайшего значения. Старые “фронтовые” армии, – пишет Д Чандлер, – были отменены (у Карно их было не менее тринадцати). Отныне должна быть только *единая* французская армия, со своей основной силой, которую сосредоточи-

---

[1] История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 504.

[2] Цит. по: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 538.

[3] Цит. по: Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 113.

[4] См.: Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 158–159.

вали против главной цели, и со своими вспомогательными отрядами, выделявшимися для сдерживания противника на других участках фронта, если было необходимо»[1].

Общую численность Великой армии к 1805 г. Д. Чандлер определял примерно в 350 тыс. человек, включая гарнизоны и войска второго эшелона[2]. На главном же направлении, от Булони к Ульму, Наполеон задействовал, по скрупулезным подсчетам О. В. Соколова[3], 178 609 человек (139 189 – пехоты, 25 327 – кавалерии, 14 093 – артиллерии) и 340 орудий. Ударным кулаком Великой армии была императорская гвардия – на тот момент 6265 отборных солдат пехоты, кавалерии и артиллерии с 24 орудиями.

Перед выступлением Великой армии в поход Наполеон разделил ее на семь корпусов для оперативного взаимодействия[4]. Командовать первым из них (по порядковому номеру, но по численности предпоследним, шестым) был назначен маршал Ж. Б. Ж. Бернадот. Возможно, Наполеон поставил его во главе именно 1-го корпуса, памятуя, что Бернадот был в свое время военным министром Французской республики, а теперь состоял в родстве с императором, поскольку его жена (бывшая невеста Наполеона) Дезире Клари была родной сестрой супруги Жозефа Бонапарта. Впрочем, при назначении командующих корпусами император мог руководствоваться любыми соображениями, вплоть до загадочных и оставшихся неразгаданными. Так, 2-м корпусом командовал даже еще не маршал, а генерал О. Ф. Мармон, а самый выдающийся из маршалов Ж. Ланн возглавил 5-й (по численности же второй) корпус. Командующим 3-м корпусом стал маршал Л. Н. Даву, 4-м (самым многочисленным) – маршал Н. Ж. Сульт, 6-м – маршал М. Ней, 7-м (самым малочисленным) – маршал П. Ф. Ш. Ожеро. Каждому корпусу были приданы полки легкой кавалерии (гусары и конные егеря), а всей тяжелой кавалерией из шести дивизий карабинеров, кирасиров и драгун командовал маршал И. Мюрат, которого Наполеон официально назначил своим заместителем.

Расклад сил третьей коалиции, спланированный 16 июля 1805 г. в Вене и согласованный с Петербургом, был таков: 220 тыс. русских и австрийцев в Южной Германии и 100 тыс. австрийцев в Северной Италии плюс еще 45 тыс. русских солдат, англичан и неаполитанцев на вспомогательном направлении – в Южной Италии. Наполеон смог противопоставить австрийским войскам в Северной Италии

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 218.
[2] Там же.
[3] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 158.
[4] Подробнее см.: Там же. С. 157–158.

(кстати, под командованием знаменитого эрцгерцога Карла) 65-тысячную Итальянскую армию во главе с маршалом А. Массена, а союзникам в Южной Италии – 15-тысячный экспедиционный корпус генерала Г. Л. Сен-Сира[1].

Войска коалиции начали кампанию 1805 г. разновременно. Первой двинулась к границам Франции 80-тысячная австрийская армия К. Макка. 9 сентября 1805 г. она вторглась в Баварию (немецкое курфюршество, союзное с Францией) и вынудила местного курфюрста бежать из собственных владений под защиту французов. Далее Макк со своей армией занял крепость Ульм и здесь стал ждать подхода войск эрцгерцога Иоганна[2] (около 30 тыс. человек) из Тироля и для начала двух из четырех обещанных армий из России. Одна из них, численностью в 46,5 тыс. человек под командованием генерала от инфантерии М. И. Кутузова, уже выступила в поход 25 августа, а другая (в 48 тыс.) генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксгевдена готова была следовать за ней. Еще две русские армии – генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена (еще одного «цареубийцы») с 48 тыс. человек и генерал-лейтенанта И. Н. Эссена (56 тыс.) – заканчивали последние приготовления к походу[3].

Австрийский главнокомандующий фельдмаршал-лейтенант[4] барон Карл Макк фон Лейберих (1752–1828) имел отличную репутацию. Он был учеником прославленного австрийского стратега фельдмаршала Г. Э. Лаудона, который не без успеха соперничал с самим Фридрихом Великим. Умирая, Лаудон сказал императору Леопольду II: «Не жалейте обо мне, государь, – я вам оставляю Макка»[5]. В 1795 г. Екатерина Великая, отказавшаяся ранее принять на русскую службу Наполеона Буонапарте, настойчиво приглашала в Россию Макка, но тот отклонил приглашение[6]. Теперь два несостоявшихся *российских* военачальника (Наполеон и Макк) встретились друг против друга.

---

[1] Там же. С. 151–152.

[2] Младший брат императора Франца I и эрцгерцога Карла.

[3] Там же. С. 165.

[4] Это необычное, принятое тогда в Австрийской империи воинское звание, равнозначное званию *генерал-лейтенанта*, сбивало с толку иных историков, которые, случалось, объявляли Макка *фельдмаршалом*.

[5] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1844. Т. 2. С. 313.

[6] Авторитет К. Макка при австрийском дворе к 1805 г. был столь высок, что даже после того, как военный суд в 1806 г. приговорил его за Ульмскую капитуляцию к смертной казни, замененной 20-летним заключением в крепости с лишением всех чинов и орденов, он по ходатайству эрцгерцога Карла через два года был освобожден, а к концу жизни получил чин генерал-фельдмаршала.

Вот поразительный факт, свидетельствующий о безмерном доверии императора Франца к Макку: хотя формально главнокомандующим армией был эрцгерцог Фердинанд (24-летний племянник императора), а Макк – его начальником штаба, император приказал своему племяннику исполнять директивы Макка[1]. В такой ситуации Макк возомнил себя распорядителем судеб Австрийской империи и дал волю своим запредельным амбициям. «Никогда никакая армия, – заверял он императора в письме к нему от 8 октября из Ульма, – не находилась в столь выгодном положении, как наша, для того чтобы одержать победу над неприятелем. Сожалею только об одном, что нет здесь императора, и Ваше Величество не сможет быть свидетелем торжества своих войск»[2].

Только после Ульмской катастрофы Макк потеряет всякий респект в глазах императора Франца, своих соратников и современников, и о нем будут говорить, что само имя Макка (еврейское «Mackah») означает поражение[3]. Другой фельдмаршал-лейтенант австрийской армии граф Адам фон Нейперг – кстати, будущий любовник второй супруги Наполеона Марии-Луизы и (после смерти императора) ее муж – так напишет о Макке: «Амбиции ослепили его, воображение его подвело, а неверный расчет увлек нас к погибели»[4]. Посмотрим, как это было.

Пока Макк спешил в Баварию из Австрии, Наполеон устремился туда же из Булонского лагеря, планируя «закинуть исполинскую сеть от Рейна до Дуная, чтобы поймать в нее Макка»[5]. Марш Великой армии с Ла-Манша на Дунай был не только стремительным, но и скрытным, искусно законспирированным. «Все упоминания о движении войск запрещались и отсутствовали во французских газетах, – читаем об этом у Д. Чандлера. – Границы были закрыты, чтобы предотвратить утечку информации; даже корпусным командирам давался минимум сведений из опасения, что перехваченный пакет приказов может раскрыть весь план. Но прежде всего неприятель был сбит с толку прекрасными операциями по прикрытию, которые проводили эскадроны кавалерийского резерва Мюрата, и высокой скоростью движения всей французской армии»[6].

Маневрируя своими корпусами так же легко, как он передвигал флажки на полевой карте, Наполеон сбил с толку и самого Макка, и,

---

[1] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 245.
[2] Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Цит. соч. С. 39.
[3] Богданович М. И. Указ. соч. Т. 2. Прил. 4.
[4] Цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 164.
[5] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 190.
[6] Чандлер Д. Цит. соч. С. 250.

естественно, эрцгерцога Фердинанда, уже привыкшего повиноваться Макку. Однако при этом эрцгерцог испытывал меньше оптимизма, чем его всемогущий начальник штаба. Получив тревожные данные о приближении французов к Ульму «*со всех сторон*», Фердинанд предложил Макку оставить Ульм и отходить на соединение с австрийскими и русскими резервами. Макк отказался. Тогда эрцгерцог самовольно эвакуировал из Ульма кавалерию (6 тыс. сабель), как оказалось, на верную гибель. Наполеон был уже рядом. Он заметил маневр эрцгерцога и отправил в погоню за австрийской кавалерией свою – под командованием Мюрата. Сам эрцгерцог чудом спасся, но почти всю его кавалерию Мюрат взял в плен. Тем временем к 14 октября 1805 г., Наполеон буквально обложил Ульм[1].

Последнюю точку в Ульмской операции, после которой мышеловка для Макка захлопнулась, поставил маршал Ней. 14 октября блестящей атакой, которая сразу вошла в историю, он овладел крепостью Эльхинген и высотой, господствовавшей над Ульмом. Теперь положение Макка стало безнадежным: он был заперт наглухо. За этот подвиг, в котором Ней уже тогда показал себя, по выражению Наполеона, «храбрейшим из храбрых», позднее (19 марта 1808 г.) Наполеон пожалует ему титул герцога Эльхингенского.

15 октября Наполеон предложил Макку капитулировать и согласился обсудить условия капитуляции, а 19-го, на пятый день переговоров между представителями сторон, император пригласил Макка к себе в Эльхинген. Здесь Наполеон популярно, с картой в руках, объяснил Макку, что он окружен и что ему остается только капитулировать во избежание штурма крепости Ульм и гибели ее защитников. По условиям капитуляции австрийская армия должна была сдать крепость, оружие, боеприпасы, знамена, но каждому солдату, офицеру, генералу гарантировалась жизнь. В тот день Макк был уже готов к любому исходу.

«20 октября на равнине перед крепостью Ульм состоялась одна из самых величественных и драматических церемоний военной истории», – так начинает О. В. Соколов подробный рассказ о церемонии капитуляции Ульма[2]. Действительно, зрелище, занявшее три часа, было на редкость впечатляющим, и запомнили его как победители, так и побежденные на всю жизнь, конечно, по-разному. Олег Валерьевич очень уместно сопоставил воспоминания двух очевидцев того зрелища – одного с французской, другого с австрийской сторо-

---

[1] Подробно об Ульмской операции см. в цит. соч. Д. Чандлера, А. Лашука, О. В. Соколова.

[2] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 199.

ны. Генерал О. Ф. Мармон ликовал: «В каком счастливом опьянении находились наши солдаты! Какая награда за месяц их лишений! Какой пыл, какое доверие вызвали у войск эти сцены! Для такой армии не было ничего невозможного». Безымянный австрийский офицер, напротив, грустил: «Австрийцы выходили <...> с яростью в сердце и отчаянием в душе. Они проходили вдоль строя французских войск, в то время как вражеская музыка угощала нас мелодией "Vogel Fanger"[1] <...>. Позор подавляет нас. Грязь, которой нас испачкали, невозможно стереть»[2].

Понять таких очевидцев, как французский генерал и австрийский офицер, можно. Французские войска стояли сомкнутыми рядами вдоль стен и ворот крепости, одетые в парадную форму, при оружии, и солнце, казалось, радостно искрилось на стали их штыков, сабель, орудийных стволов. Австрийцы же, выйдя строем из крепостных ворот, складывали оружие к возвышению, где стоял Наполеон со своим штабом (при этом артиллеристы передавали французам свои орудия, кавалеристы – своих коней), после чего возвращались в крепость уже безоружными и потерявшими строй.

Всего, по подсчетам О. В. Соколова, в Ульме капитулировали 25 365 австрийских солдат и офицеров и 18 генералов, которые сложили перед Наполеоном помимо ружей, сабель и пистолетов 65 орудий, 42 зарядных ящика, 40 знамен. Причем надо учесть, что в ходе всей Ульмской операции только пленных французы взяли 37 тыс., а с учетом убитых, тяжело раненных и разбежавшихся общие потери австрийцев составили «почти 50 тыс. человек»[3]. Е. В. Тарле насчитал у австрийцев за всю операцию «61 тыс. одними только пленными; убитые, не взятые в плен тяжело раненные и пропавшие без вести тут не учтены»[4].

Австрийский штаб из 18 пленных генералов возглавлял сам Карл фон Макк. По данным разных источников, он то ли самому Наполеону, то ли (не признав императора в скромно одетом офицере) кому-то из более импозантных особ императорской свиты представился не по-макковски робко: «Сир, перед вами несчастный генерал Макк...»[5] Наполеон отпустил из плена Макка и всех его генералов «под честное слово не воевать против Франции» до заключения мира, причем даже утешал их на прощание такими словами: «На войне бывают разные случайности, и часто победители становятся

---

[1] Пойманная птица (*нем.*).
[2] Там же.
[3] Там же. С. 200.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 184.
[5] Чандлер Д. Цит. соч. С. 255.

побежденными»[1]. 24 октября Макк прибыл в штаб М. И. Кутузова, армия которого уже вступила на территорию Баварии, и лично, едва ли не раньше всех, известил союзников об Ульмской катастрофе. Эта встреча Макка с Кутузовым колоритно описана в первом томе романа Л. Н. Толстого «Война и мир»[2].

Лагерь третьей коалиции, узнав о капитуляции армии Макка, испытал потрясение, тем более удручающее, что сам Макк почти до конца Ульмской операции обнадеживал союзное командование своими оптимистическими докладами и прогнозами. Один из таких его докладов официальная Вена восприняла даже как весть о победе Макка над Наполеоном. Вот как реагировала на это 14-летняя эрцгерцогиня, дочь императора Франца I и будущая жена Наполеона Мария-Луиза. «С какой радостью, – гласит ее запись в дневнике, – восприняли мы известие, что Наполеон проиграл сражение, в котором лично участвовал. Пусть бы он свернул себе шею! Здесь делается немало пророчеств по поводу его конца, и очень многие говорят, что он и есть тот самый зверь из Апокалипсиса. Утверждают, что он умрет в этом году в Кёльне, в гостинице “Красный рак”. Я, конечно, не придаю особого значения таким предсказаниям, но я была бы счастлива, если бы они сбылись!» Пожалуй, именно будет уместно сравнить с этой записью другую запись из дневника Марии-Луизы, сделанную после битвы при Аустерлице: «Я никогда не верила, что подобная катастрофа может случиться с нами, но теперь нужно в это поверить. И все же я не сомневаюсь, что на нашей стороне Бог, он пошлет нам победу над этим чудовищем Наполеоном и его прикончит»[3].

Ульмская операция Наполеона сразу встала в ряд лучших в мировой военной истории образцов стратегии и тактики. Карл фон Клаузевиц (один из величайших военных историков, который, кстати сказать, сражался *против* Наполеона) признал Ульм «единственным в своем роде» примером ликвидации целой армии противника без сколько-нибудь серьезного «кровопролития»[4]. Сам Наполеон в 8-м бюллетене Великой армии объявил: «Никогда победы не были такими полными и менее дорогими»[5].

Шок в лагере третьей коалиции, вызванный известием об Ульмской катастрофе, был отчасти компенсирован другой новостью: на следующий день после капитуляции Ульма, 21 октября, у мыса Трафальгар возле испанского порта Кадис эскадра адмирала

---

[1] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 200.
[2] См.: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 4. С. 154–155.
[3] Цит. по: Кастело А. Наполеон. С. 36, 62.
[4] Клаузевиц К. О войне. 3-е изд. М., 1936. Т. 1. С. 300.
[5] Correspondance de Napoléon. P., 1862. T. 11. № 9404. P. 414.

Г. Нельсона из 27 линейных кораблей разгромила объединенный франко-испанский флот (33 линейных корабля: 18 французских и 15 испанских) под командованием вице-адмирала П. Ш. Вильнёва. Сам Нельсон, бывший к тому времени уже одноглазым и одноруким, погиб[1]. Вильнёв же был взят в плен – живым и здоровым.

По мнению А. З. Манфреда, «победа Нельсона заслонила поражение Макка, Трафальгар затмил Ульм»[2]. Это очевидное преувеличение. Разумеется, Трафальгар был для Наполеона тяжелым ударом. Он лишился флота и (по крайней мере надолго) возможности для вторжения в Англию. Близкие к нему люди рассказывали, что после Трафальгара он кричал во сне, обращаясь к Вильнёву: «Вар, верни мои легионы!»[3] Он не мог простить трафальгарского позора Вильнёву, и, когда тот был освобожден из английского плена под честное слово, Наполеон распорядился взять его под стражу и предать военному суду по обвинению в трусости и некомпетентности. Узнав об этом, Вильнёв уже на пути в Париж, в отеле города Ренн (провинция Бретань) покончил с собой, «шесть раз всадив в себя кинжал»[4]. Но, как ни печален был для Наполеона Трафальгар, Ульма он не затмил: война шла по ульмскому, а не трафальгарскому руслу.

3. «Битва трех императоров» и разгром третьей коалиции

13 ноября 1805 г., осуществляя с математической точностью свой план, составленный в Булони тремя месяцами ранее, Наполеон занял Вену, которая до тех пор никогда не сдавалась врагу, хотя дважды – в 1529 и 1683 г. – едва успевала спастись от нашествия турок. Император Франц I вновь, как и в 1797 г., с лихорадочной поспешностью бежал из собственной столицы на север, в Ольмюц (Оломоуц), куда спешил из Берлина и Александр I. Резервная русская армия Ф. Ф. Буксгевдена тоже была на подходе к Ольмюцу. Собирались там и остатки австрийских войск с главного, германского театра военных действий, бывшие в начале кампании под командованием К. Макка и эрцгерцога Фердинанда. В скором времени ожидалось прибытие еще двух русских армий – Л. Л. Беннигсена и И. Н. Эссена.

---

[1] Подробно о Трафальгарской битве см.: Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю (1793–1812). М.; Л., 1940. Т. 2. С. 145–152.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 469.

[3] Так восклицал в 9 г. н. э. римский император Октавиан Август, после того как германские племена уничтожили в Тевтобургском лесу три его легиона во главе с родственником императора Публием Квинтилием Варом, а сам Вар покончил с собой. Цит. по: Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 8. С. 300.

[4] Кастело А. Наполеон. С. 40.

Но основной ударной силе коалиции – армии Кутузова – грозила гибель.

Кутузов после капитуляции Макка начал отступать с 25 октября от Браунау (в Баварии) к Ольмюцу (в Чехии) на соединение с Буксгевденом. Наполеон, продвигаясь к Вене, отрезал ему кратчайшие пути на Ольмюц. У Кутузова было меньше 45 тыс. воинов. Наполеон, имея почти 100 тыс.[1], готовил ему судьбу Макка. 4 ноября император спешно переправил на левый берег Дуная 10-тысячный корпус маршала Э. А. Мортье, а Мюрату приказал усиленно преследовать русских по правому берегу, что должно было поставить армию Кутузова между двух огней. Мюрат, однако, затеял лишний марш к Вене, позволив Кутузову форсировать Дунай у Кремса. Венский марш Мюрата будет иметь и эффектные последствия (о них речь впереди), но пока он стал губительным для расчетов Наполеона и спасительным для Кутузова. Дело в том, что теперь корпус Мортье на левом берегу Дуная оказался один против всей армии Кутузова.

Наполеон объявил Мюрату, что тот действует «как недоумок» (comme un étourdi)[2], но уже не мог исправить его оплошности, которую отлично использовал Кутузов. В бою у Кремса[3] 11 ноября русские корпуса М. А. Милорадовича и Д. С. Дохтурова (будущих героев 1812-го года) нанесли поражение корпусу Мортье и открыли для себя путь к Ольмюцу. Бой был яростным. Русские потери под Кремсом Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев определяют в 2 тыс. человек, О. В. Соколов – в 3,5 тыс., Д. Чандлер и А. Лашук – в 4 тыс.; французы потеряли, по Гуляеву и Соглаеву, около 5 тыс., по Соколову – от 2,5 до 3 тыс., по Чандлеру – 3 тыс., по Лашуку – «несколько более 2 тыс. человек»[4].

Бой под Кремсом, конечно же, делает честь Кутузову как неоспоримая, хотя и не вполне реализованная победа его армии над корпусом Мортье. Попытки европейских (не только французских, но и ан-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 187. П. А. Жилин безосновательно увеличивал численность войск Наполеона до 150 тыс., Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев – до 200 тыс., а Л. Г. Бескровный – до 220 тыс. человек (Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. М., 1988. С. 99; Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 205; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 28).

[2] Correspondance de Napoléon. T. 11. № 9470. P. 476.

[3] Иногда местом этого боя называют г. Дюренштейн, соседний с Кремсом.

[4] Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 211–212; Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 247–248; Чандлер Д. Цит. соч. С. 258; Лашук А. Цит. соч. С. 190.

глийских) историков представить Кремс победой французов[1] несостоятельны. С другой стороны, П. А. Жилин, который объявил Кремс «блестящей победой» Кутузова над самим Наполеоном[2], а также Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев, в изображении которых эта победа имела важное значение «для всей Европы», ибо, мол, ею Кутузов «полностью реализовал свои стратегические замыслы»[3], грешат (мягко говоря) преувеличениями.

О. В. Соколов, который, как представляется, дал одно из самых подробных и самое достоверное освещение военных событий 1805 г., объективно подводит итоги боя под Кремсом: с одной стороны, «несомненный успех» и «мощный контрудар» армии Кутузова, но, с другой стороны, «крайне неудачная» попытка окружить и уничтожить корпус Мортье, ибо «Мортье не только сумел вырваться из окружения, но и нанес противнику чувствительный урон»[4], о чем говорят цифры русских потерь.

Вернемся теперь к венскому маршу Мюрата. 13 ноября он и маршал Ланн играючи сотворили просто чудо, запечатленное с того дня и навечно в военной истории. Практически вдвоем без единого выстрела они овладели центральным – Шпицким – мостом через Дунай. Вот как это было[5]. Мост длиною в 430 м, подготовленный к взрыву (на нем – 20 бочек пороха, фитили и взрывные заряды), защищали несколько тысяч австрийских солдат с 16 орудиями. Их начальник фельдмаршал-лейтенант князь Карл фон Ауэрсперг имел приказ в случае нападения французов взорвать мост. Однако Мюрат и Ланн, спрятав батальон гренадер в прибрежных зарослях, сами хладнокровно взошли на мост, одетые в парадную форму и с радостными возгласами о будто бы заключенном перемирии. Вступив в переговоры с князем Ауэрспергом, они отвлекли на себя внимание всех защитников моста. Тем временем французские гренадеры выскочили из засады, ворвались на мост, сбрасывая в Дунай заготовленные для взрыва заряды, и разоружили австрийских канониров, прежде чем они поняли, что, собственно, происходит. Так, проявив «необыкновенную лихость и хитрость» (выражение Д. Чандлера), Мюрат и Ланн обеспечили Великой армии самую удобную (если не сказать

---

[1] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 258. Вальтер Скотт в его цит. соч. (Т. 1. С. 422) утверждал, что армия Кутузова за все время отступления из Браунау к Ольмюцу ни на одной позиции «не могла дать успешный отпор».

[2] Жилин П. А. Указ. соч. С. 95, 367.

[3] Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Цит. соч. С. 212.

[4] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 246, 248.

[5] Подробно см.: Там же. С. 249–254; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 186; Чандлер Д. Цит. соч. С. 259; Лашук А. Цит. соч. С. 188.

комфортную) переправу через Дунай рядом с Веной. Узнав об этом, Наполеон «тут же простил Мюрата и стал снова благоволить ему»[1].

Теперь Мюрат с кавалерией быстро настиг армию Кутузова у деревни Шёнграбен (близ г. Холлабрун) и стал наседать на нее, зная, что к Шёнграбену уже подходят корпуса Ланна и Сульта. Далее произошло то, что О. В. Соколов справедливо расценил как «тайну Шёнграбена», причем разгадал эту тайну[2].

До последнего времени в отечественной литературе принято было считать, что Мюрат под Шёнграбеном, желая выиграть время к прибытию подкреплений, предложил Кутузову заключить перемирие, т. е. решил повторить с русскими свой трюк, только что удавшийся с австрийцами. В действительности, как установил Соколов по документам, хранящимся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, не Мюрат Кутузову, а Кутузов Мюрату предложил подписать договор и не о перемирии, а о *капитуляции* русской армии. С таким предложением Кутузов прислал к Мюрату царского генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винценгероде, и Мюрат с удовольствием принял это предложение, остановив военные действия на 36 часов, а пока он, по словам очевидца, барона М. де Марбо, «вдыхал фимиам» русского обмана[3], Кутузов увел свою армию на два перехода вперед к Ольмюцу. Предвидя, что французы после такого qui pro quo[4] будут преследовать его с удвоенной яростью, Кутузов оставил у Шёнграбена заслон под командованием П. И. Багратиона из 7 тыс. солдат, заведомых, как представлялось тогда Кутузову, *смертников*. «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, – доносил Михаил Илларионович царю, – не менее того я должен был щитать себя щастливым *спасти* пожертвованием оного *армию*»[5].

В тот же день, 16 ноября, когда Кутузов, прикрывшись, словно щитом, арьергардом Багратиона, уходил от Шёнграбена на Ольмиц, Мюрат получил гневный выговор от Наполеона: «Не могу найти слов, чтобы выразить вам все мое неудовольствие <...> Из-за вас потеряны плоды всей кампании <...> Адъютант русского императора не кто иной, как прохвост. Офицеры значат что-нибудь только тогда, когда у них есть полномочия от власти; у этого же не было никаких

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 259.

[2] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 264–265.

[3] Марбо М. де. Мемуары. М., 2005. С. 149.

[4] «Одно вместо другого» (*лат.*), означает, что произошло недоразумение, поскольку что-то одно приняли за что-то другое. – *Примеч. ред.*

[5] Рапорт М. И. Кутузова Александру I от 19 ноября 1805 г. // М. И. Кутузов. Сб-к док-тов. М., 1950. Т. 2. С. 171. Курсив мой. – *Н. Т.*

полномочий. Австрийцы дали себя обмануть на венском мосту, вы дали обвести себя вокруг пальца адъютанту царя. Я не понимаю, как вы могли допустить, чтобы вас провели подобным образом»[1].

Получив такой нагоняй, Мюрат всеми силами, которыми в тот момент он располагал (по данным О. В. Соколова и А. Лашука, 16–17 тыс. штыков и сабель), обрушился на «смертников» Багратиона, но не сумел ни окружить, ни уничтожить их. Багратион, потеряв половину своих бойцов, все же спас остальных и вместе с ними присоединился к основным силам армии Кутузова. Теперь Кутузов мог считать свою армию спасенной. 22 ноября она прибыла в Ольмюц, куда уже подоспела 2-я армия Ф. Ф. Буксгевдена, а еще через три дня – и русская гвардия во главе с вел. кн. Константином Павловичем.

Здесь уместно подчеркнуть заслугу О. В. Соколова, который в своем двухтомном исследовании «Аустерлиц» опроверг две живучие легенды: французскую – о том, что Мортье под Кремсом с 6 тыс. солдат разгромил 35 тыс. русских, и российскую – о том, как под Шёнграбеном 5 тыс. русских воинов побили 60 тыс. французов[2].

За 29 дней, с 25 октября по 22 ноября 1805 г., армия Кутузова прошла с боями от Браунау до Ольмюца 417 км, избежав окружения и разгрома. Историки (не только отечественные) признают кутузовскую «ретираду» 1805 г. замечательным образцом стратегического марш-маневра. Д. Н. Бантыш-Каменский уподобил ее знаменитому в истории войн (описанному в «Анабасисе» Ксенофонта) отступлению десяти тысяч греков во главе с Ксенофонтом через всю Малую Азию от Вавилона к Трапезунду в 401 г. до н. э.[3] Да, марш-маневр к Ольмюцу подтверждает репутацию Кутузова как выдающегося полководца. Но нельзя при этом забывать и другое. Во-первых, то была хоть и героическая, но все-таки *ретирада*, временами похожая на бегство (в иные дни – по 30 и более верст[4] в день[5]) от врага. Во-вторых, здесь надо учитывать и неожиданно спасительные для россиян (вопреки директивам Наполеона) промахи Мюрата у Кремса и Шенграбена. Наконец, только в насмешку над фактами можно утверждать, как это делал П. А. Жилин, что в 1805 г. на дорогах

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 11. № 9497. P. 505.

[2] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 256 и сл.

[3] См.: Бартыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 44.

[4] Верста – 1,067 км.

[5] См.: Бутовский И. Г. Фельдмаршал кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 18.

Баварии Кутузов «возглавлял борьбу русского народа против наполеоновской агрессии»...[1]

Итак, к 25 ноября союзные (пока только русские и австрийские) войска собрались в Ольмюце. Там радостно встретили армию Кутузова два императора – русский и австрийский. Третий император – французский – остановил свою Великую Армию у городка Брюнна (Брно). В 25 км от Брюнна и в 70 от Ольмюца находилась деревня Аустерлиц (ныне г. Славков в Чехии), где трем императорам предстояло сразиться в одной из величайших битв мировой истории.

Соотношение сил перед битвой при Аустерлице специалисты определяют разноречиво, но чаще всего приводились такие цифры: у Наполеона – от 73 до 75 тыс. человек и 250 орудий, у союзников – от 84 до 86 тыс. человек (из них – 70 тыс. русских) и 330 орудий[2]. О. В. Соколов вычислил такие данные: Наполеон имел 72,5–73 тыс. человек и 140 орудий против 80 тыс. человек и 300 орудий у союзников[3]. При таком соотношении сил Наполеон не сомневался в победе. Но скоро оно могло стать для него угрожающим. Значительную часть своих войск (не менее 50 тыс. человек) под командованием А. Массена он отрядил на север Италии для противодействия 90-тысячной армии эрцгерцога Карла. Между тем из России шли резервные армии Л. Л. Беннигсена и И. Н. Эссена. Главная же опасность для Наполеона исходила от Пруссии.

Наполеон знал, что из Берлина к нему держит путь граф Х.-А. Гаугвиц (прусский министр иностранных дел) с ультиматумом, заведомо не приемлемым: признать независимость Голландии, Швейцарии и Неаполитанского королевства, а сардинскому королю возместить его расходы на войну с Францией. Наполеон не сомневался, что, как только он отвергнет ультиматум, Пруссия ударит ему в тыл. Нужно было спешить: навязать союзникам генеральное сражение и выиграть его, пока к ним не присоединились пруссаки и русские резервы.

В течение недели до сражения Наполеон день за днем виртуозно разыгрывал перед союзниками видимость своих колебаний и опасений. Он начал с того, что 25 ноября прислал в Ольмюц к Александру I своего генерал-адъютанта Р. Савари «поздравить Его Величество с прибытием к армии», причем Савари притворился, что боится ата-

---

[1] Жилин П. А. О войне и военной истории. С. 503, 504.

[2] А. З. Манфред насчитывал 73 тыс. французов и 85 тыс. союзников, Г. А. Леер – соответственно 73 –74 тыс. и 84,5 тыс. , Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев – 74 и 84,5 тыс. , А. Лашук – 75 и 87 тыс. , Д. Чандлер – 66,8 и 90,4 тыс.

[3] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 35–36.

ки союзников, и таким же боязливым представил самого Наполеона[1]. Когда же союзники действительно перешли к активным действиям, и 28 ноября в стычке под Вишау 56 русских эскадронов отбросили восемь французских на глазах у Александра I, Наполеон вторично отправил Савари к Александру с просьбой о перемирии и свидании. Александр повидаться с Наполеоном не захотел, но прислал к нему своего любимца 27-летнего генерал-адъютанта князя П. П. Долгорукова, который высокомерно потребовал, чтобы французский император отказался от всех своих завоеваний («Этот шалун <...> разговаривал со мной как с боярином, которого ссылают в Сибирь», – вспоминал позднее Наполеон[2]). Император смиренно выслушал князя и с тревогой вздохнул: «Значит, будем драться?» Долгоруков вернулся в боевом настроении: «Наш успех несомненен!»[3]

В союзном штабе лишь один человек был против генерального сражения с Наполеоном – главнокомандующий М. И. Кутузов. Он предлагал отступать к Карпатам до соединения с войсками Беннигсена и Эссена и возможного выступления Пруссии. Его мнение поддержали только «молодые друзья» царя, находившиеся тогда в царской свите, Н. Н. Новосильцев и А. А. Чарторыйский[4].

Важно подчеркнуть, что бытующие в нашей литературе утверждения таких авторитетов, как А. З. Манфред, С. Б. Окунь, М. В. Нечкина и даже Е. В. Тарле, будто Кутузов «настаивал», «твердо и настойчиво требовал» не давать Наполеону сражения[5], голословны. Все источники, как один, свидетельствуют, что главнокомандующий союзной армией, напротив, не проявил ни твердости, ни смелости, чтобы настоять на своем мнении. «Я был молод и неопытен, – сокрушался потом Александр I, – Кутузов говорил мне, что надобно было действовать иначе, но ему следовало быть настойчивее!»[6] Перед самым сражением Кутузов попытался было воздействовать на царя через обер-гофмаршала графа Н. А. Толстого: «Уговорите государя не давать сражения. Мы его проиграем». Толстой резонно воз-

---

[1] Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 135.

[2] Correspondance de Napoléon. Т. 11. № 9545. P. 554.

[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 136.

[4] См.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. Л., 1957. С. 233.

[5] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 187–188; Манфред А. З. Цит. соч. С. 472; Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX в. Л., 1956. С. 152. О том же: Нечкина М. В. Михаил Кутузов. М., 1944. С. 13; Брагин М. Г. Кутузов. М., 1975. С. 84. Если верить Л. Г. Бескровному, Кутузов даже «всеми силами боролся» за свою точку зрения (М. И. Кутузов. Сб-к док-тов. Т. 1. С. XIII).

[6] Богданович М. И. Цит. соч. Т. 2. С. 82.

разил: «Мое дело – соусы да жаркое. Война – ваше дело»[1]. После этого Кутузов ни перед кем и ни на чем не настаивал и ничего не требовал.

А. С. Шишков, А. А. Чарторыйский и Ж. де Местр были убеждены, что только «придворная выправка» и «робость» перед царем помешали Кутузову оспорить желание царя сразиться с Наполеоном[2]. Такого же мнения был герой Аустерлица, будущий генерал и декабрист М. А. Фонвизин: «Наш главнокомандующий из человекоугодничества согласился приводить в исполнение чужие мысли, которые в душе своей не одобрял»[3].

Спустя семь лет, в последние дни Отечественной войны 1812 г., Кутузов, увидев отбитое у врага знамя с надписью «За победу под Аустерлицем», скажет своим офицерам: «После всего, что совершается теперь перед нашими глазами, одной победой или одной неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, но запомните: я не виноват в Аустерлицком сражении»[4]. Да, с чисто военной точки зрения Кутузов в аустерлицком разгроме не виноват, как *полководец* он сделал тогда все возможное. Но, по мнению авторитетных военных историков Г. А. Леера и П. А. Гейсмана, очевидна вина Кутузова под Аустерлицем «не военная, а *гражданская:* недостаток гражданского мужества высказать всю правду юному императору». Не сделав этого, Кутузов тем самым «допустил исполнение плана, приведшего к погибели армию»[5].

План битвы при Аустерлице со стороны союзников подготовил генерал-квартирмейстер Франц фон Вейротер, в 1796 г. бывший начальником штаба у фельдмаршала Д. С. Вурмзера и состоявший при штабе у генералиссимуса А. В. Суворова в 1799 г. Смысл плана был таков: усиленным левым крылом из трех русских колонн[6] обойти ослабленное (как показала рекогносцировка) правое крыло

---

[1] Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. М., 1995. С. 104.

[2] Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 168–169; Местр Ж. де. Петербургские письма 1803–1817. СПб., 1995. С. 63; Русский двор в конце XVIII и начале XIX ст. Из записок кн. А. Чарторыйского (1795–1805). СПб., 1908. С. 158.

[3] Фонвизин М. А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Ч. 2. С. 153.

[4] Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподвижники. СПб., 1846. Т. 3. Вып. 53. С. 22–23.

[5] Леер Г. А. Подробный конспект. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 34; Гейсман П. А. М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский // Русский биографический словарь / под набл. А. А. Половцова. СПб., 1903. Т. 9. С. 652.

[6] Колонны соответствовали корпусам, которые будут введены в русской армии (по примеру французской) лишь в 1810 г.

Наполеона и разбить его ударом во фланг и тыл. Императоры Александр и Франц не возражали против такого плана. В ночь с 1 на 2 декабря Вейротер доложил его на совете у главнокомандующего. Кутузов, открыв заседание совета, вскоре заснул, «в чем и выразилась, – по словам Г. А. Леера, – вся его оппозиция плану»[1]. Собравшиеся на совет генералы хотя и бодрствовали, но отмалчивались. Только А. Ф. Ланжерон полюбопытствовал: «Что будем делать, если Наполеон атакует нас первым?» Вейротер такой вариант исключил: «Если бы он считал это возможным, то давно уже атаковал бы!» В этот момент (было уже 3 часа утра) Кутузов проснулся и отпустил генералов, сказав: «В 7 часов атакуем неприятеля в занимаемой им позиции»[2].

На рассвете 2 декабря союзные войска изготовились к бою в таком порядке. Три первые русские колонны генерал-лейтенантов Д. С. Дохтурова, А. Ф. Ланжерона и И. Я. Пржибышевского составляли левое крыло под общим командованием генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксгевдена; 4-я русско-австрийская колонна генерал-лейтенантов М. А. Милорадовича и графа И. К. Коловрата – центр, непосредственно подчиненный Кутузову; 5-я колонна генерал-лейтенанта П. И. Багратиона и австрийского князя И. И. Лихтенштейна – правое крыло, которым командовал Багратион. Гвардейский резерв за 4-й колонной был под начальством вел. кн. Константина Павловича. Оба императора и главнокомандующий Кутузов находились при 4-й колонне. Александр I появился перед войсками под гром приветствий. «Ну что, Михайло Ларионович, – обратился он к Кутузову, – как вы полагаете, дело пойдет хорошо?» Кутузов поклонился с улыбкой: «Кто может сомневаться в победе под предводительством вашего величества?» – «Нет, нет, – возразил император, – командуете вы. Я только зритель». Кутузов вновь поклонился – уже без улыбки[3].

Царь был в приподнятом настроении, как, впрочем, и вся русская армия (чего нельзя сказать об австрийцах, переживших позор Ульма и падение Вены). Опасения Кутузова казались преувеличенными. Ведь на стороне союзников было численное превосходство – и в людях, и в артиллерии. Боевые качества русских солдат даже в отступательных боях под Кремсом и Шёнграбеном проявились с блеском и только что были подтверждены под Вишау. Репутация русской армии за 100 лет, со времени Петра Великого, не проигравшей ни одного генерального сражения, была высочайшей в мире. Не потому ли

[1] Леер Г. А. Цит. соч. С. 34.
[2] Богданович М. И. Цит. соч. Т. 2. С. 57, 58.
[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 139.

Наполеон выглядел явно оробевшим? В союзном штабе у всех на устах были слова кн. П. П. Долгорукова как *очевидца*: «Наполеон боится сражения!» В подобной ситуации такому воинству во главе с двумя императорами вдруг повернуться спиной к противнику и отступать значило бы непоправимо унизить себя перед отечеством и Европой. Все это побуждало царя и весь союзный генералитет отнести пораженческий синдром Кутузова на счет его возраста (ему тогда пошел уже седьмой десяток) и желания перестраховаться.

Великий С. М. Соловьев приводил еще один довод против кутузовского предложения отказаться от битвы с Наполеоном и отступать. «Уклониться от решительной битвы, когда такой полководец, как Наполеон, ее хотел, трудно, невозможно. Надобно отступить, но для этого надо иметь план отступления, надо знать, куда отступать, с какими средствами и какие средства можно найти в стране, куда будет направленно отступление. Отступать в Венгрию: но что такое Венгрия? Не надобно забывать, что русский главнокомандующий был в чужой стране, ходил ощупью, впотьмах»[1].

В отечественной историографии бытует расхожее мнение, заимствованное еще у А. И. Михайловского-Данилевского, будто Александр I якобы «отстранил» Кутузова и сам «руководил» битвой при Аустерлице[2]. Утрируя, В. Д. Мелентьев объявил даже, что в той битве «русскими войсками *распоряжались* иностранцы: генералы и полковники Вейротер, Гогенлоэ, Лихтенштейн, Вимпфен, Буксгевден, Ланжерон и другие»[3]. Мало того, что Мелентьев «забыл» здесь о таких русских генералах (не говоря уж о полковниках), как П. И. Багратион, Д. С. Дохтуров, М. А. Милорадович, Ф. П. Уваров, А. С. Кологривов, П. П. Долгоруков, Н. М. и С. М. Каменские и многих других; он не учел, что все перечисленные им «иностранцы» (равно как и россияне) находились в *распоряжении* Кутузова, причем ни Гогенлоэ, ни Лихтенштейн к русским войскам прямого отношения не имели, они командовали союзными, австрийскими войсками.

---

[1] Соловьев С. М. Цит. соч. С. 105.

[2] Михайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 140; Подорожный Н. Е. Кутузов. М., 1942. С. 64; Полководец Кутузов. Сб-к статей. М., 1955. С. 82; Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. С. 100; Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 76; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 33. Есть и оригинальная постсоветская версия о Кутузове при Аустерлице: «Его просто-напросто заставили командовать заранее проигранным сражением» (Андрианова И. А. Спаситель отечества. М., 1999. С. 169).

[3] Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 115. Курсив мой. – *Н. Т.*

Но самое главное, Александр I не только не отстранял главнокомандующего генерала Кутузова, но и не вмешивался в его распоряжения, лишь в самом начале битвы он поторопил его с атакой. Когда три колонны левого крыла союзников уже шли в наступление, 4-я колонна все еще задерживалась на командных Праценских высотах. Александр осведомился у Кутузова: «Михайло Ларионович! Почему не идете вперед?» Кутузов ответил: «Я поджидаю, чтобы все войска колонны пособрались». Теперь улыбнулся император: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки». «Государь! – возразил было Кутузов. – Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу... Впрочем, если прикажете...» Далее и у Михайловского-Данилевского, и у Шильдера следует одна и та же фраза: «Приказание было отдано»[1]. Так оба придворных историка подчеркнули, не называя имени того, кто отдал приказание, якобы *согласованную* волю государя и его военачальника. Центральная колонна союзников с главнокомандующим и двумя императорами пошла вперед, оставляя Праценские высоты и не зная, что этого момента очень ждал и теперь с удовлетворением его зафиксировал третий император – Наполеон.

С той минуты, когда Наполеон проводил «этого шалуна» (ce polisson) П. П. Долгорукова, он был уверен, что союзники его атакуют, и приготовился к битве. Войска он расположил таким образом: мощный центр под командованием маршала Сульта, сильное левое крыло (маршалы Ланн и Бернадот) и слабый, причем несколько оттянутый назад правый фланг, которым командовал маршал Даву. Резерв за боевыми порядками центра составляли гвардейские полки маршала Бессьера, кавалерия маршала Мюрата и гренадеры генерала Н. Ш. Удино. Таким расположением Наполеон провоцировал союзников на обход его правого фланга и преуспел в этом. Перед сражением он провел тщательную рекогносцировку местности, разгадал возможные маневры союзников и противопоставил им свой маневр.

Главный удар Наполеон решил нанести по центру противника, чтобы прорвать его, разрезать союзную армию на две части и бить ее по частям. Он рассчитал, что в случае, если союзники предпримут обход его правого крыла и, следовательно, растянут линию своих войск, их центр окажется менее глубоким и более уязвимым для прорыва. С наибольшими шансами на успех он мог бы ударить по войскам союзного центра, если бы они спустились с Праценских высот.

---

[1] Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра... С. 182; Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 140.

Ночь с 1 на 2 декабря 1805 г. армии трех императоров провели на боевых позициях друг против друга – в разном настроении. Великая армия Наполеона с вечера ликовала в предвкушении победы, словно уже победила. Наполеон распалил ее боевой дух своей знаменитой (А. Лашук называет ее «всемирно известной»[1]) прокламацией, которую огласили по всем полкам в конце дня 1 декабря. В ней говорилось: «Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться вдали от огня, если вы с вашей обычной храбростью внесете в ряды неприятеля беспорядок и смятение. Но если исход сражения будет сомнителен хоть на одну минуту, вы увидите вашего императора под огнем врага. Наша победа должна быть безусловной, особенно в такой день, когда речь идет о чести французской армии, столь необходимой для чести всей нации. Не расстраивайте рядов под предлогом заботы о раненых! Пусть каждый из вас будет проникнут мыслью победить этих наемников Англии, которых пожирает пламя ненависти к нашему народу. Эта победа завершит кампанию, и мы сможем занять зимние квартиры, куда придут к нам подкрепления, которые формируются во Франции. Мир, который я заключу, будет достоин моего народа, достоин вас и меня»[2].

Этой прокламацией Наполеон, по выражению Д. С. Мережковского, заразил французских солдат своим «магнетическим предвиденьем»: «...завтрашнее “*солнце Аустерлица*” уже взошло для них в ночи»[3].

Ближе к ночи император совершил последний перед сражением объезд своих войск. Было очень темно. Барон де Марбо вспоминал: «Егеря эскорта императора сообразили зажечь факелы из сосновых палок и соломы <...>. Войска, видя приближение группы ярко освещенных кавалеристов, сразу узнавали императорский штаб. И в тот же миг, как по волшебству, мы увидели бесконечную линию огней наших бивуаков, освещенных тысячами факелов, которые держали солдаты. Мы с огромным энтузиазмом приветствовали Наполеона криками, тем более громкими, что завтрашний день был годовщиной коронации императора <...>. Враги должны были быть немало удивлены, когда сверху с соседнего холма посреди ночи они увидели тысячи зажженных факелов и услышали тысячекратно повторенные крики “Да здравствует император!”, которые сливались в одну сплошную музыку. На наших бивуаках все было радостью, светом и движением, тогда как в лагере австро-русских войск стояли тьма

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 199.
[2] Correspondance de Napoléon. T. 11. № 9533. P. 536.
[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 190.

и тишина»[1]. Разумеется «тьма и тишина» у союзников означали отнюдь не сомнения и страхи перед битвой, а напряженную, без энтузиазма, сосредоточенность в ожидании битвы.

За два часа до полуночи Наполеон приказал погасить все огни, будто бы для сна, и быстро, а главное, в образцовом порядке, по заранее намеченным для каждой дивизии проходам перевел большую часть своих войск на левый берег Бозеницкого ручья, откуда им было удобнее атаковать противника, тем более что противник такого маневра не ожидал.

В 7.30 утра Наполеон, окруженный маршалами, получил донесение от Даву, что союзники обходят его, и сам увидел движение центральной колонны неприятеля с Праценских высот. Он обратился к Сульту: «Сколько времени нужно вам, чтобы ваши дивизии заняли эти высоты?» – «Меньше 20 минут!» – ответил маршал. «Тогда подождем еще четверть часа. Если противник делает ошибочное движение, не надо ему мешать», – сказал Наполеон и только через 15 минут дал сигнал к атаке союзного центра[2].

Удар Наполеона по 4-й, центральной, колонне союзников был страшной силы. По воспоминаниям А. Ф. Ланжерона, «колонна была раздавлена и рассеяна менее чем в полчаса»[3]. Александр I, Франц I и Кутузов сразу потеряли друг друга из виду. Франц, увлеченный потоком бегущих австрийских солдат, умчался с поля битвы на лихом коне одним из первых. Александр своих солдат пытался остановить, кричал им: «Стой! Я с вами! Я подвергаюсь той же опасности!»[4] Его не слушали. Кто-то доложил ему, что Кутузов ранен. Царь послал к главнокомандующему своего лейб-медика, *англичанина* Я. В. Виллие, который ранее был личным врачом Павла I (по одной из версий, именно он в ночь на 12 марта 1801 г., желая «прибрать труп» Павла, обнаружил, что «покойник» еще жив, и «перерезал ему артерию»[5]).

«Поблагодари государя! – воскликнул Кутузов, отправляя врача обратно. – Доложи ему, что моя рана не опасна, но смертельная рана – вот где!» Жестом отчаяния главнокомандующий показал на своих бегущих солдат. Только что у него на глазах его любимый зять,

---

[1] Марбо М. де. Цит. соч. С. 158–159.

[2] Подробно о битве при Аустерлице, кроме цит. соч. Г. А. Леера и О. В. Соколова, см.: Slovak A. Die Schlacht bei Austerlitz. Brunn, 1898; Thiry J. Ulm, Trafalgar, Austerlitz. P., 1962.

[3] Ланжерон А. Ф. Записки // Военный сб-к. 1900. № 11. Прил. С. 35.

[4] Там же. С. 35–36.

[5] Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. СПб., 1914. С. 608.

герой Кремса, флигель-адъютант граф Ф. И. Тизенгаузен со знаменем в руках повел их в контратаку и «пал, пронзенный насквозь пулею»[1]. Сам Михаил Илларионович едва не попал в плен.

Тем временем Наполеон обрушил столь же страшный удар силами войск Ланна на правое крыло союзников, а Бернадоту приказал поддержать Даву и совместно громить колонны левого крыла. Союзная армия была расчленена на три части и, как это спланировал Наполеон, уничтожалась по частям. Русские солдаты дрались храбро, но не могли устоять перед натиском французов, резервы которых Наполеон искусно направлял в решающие пункты сражения. Кутузов успел отправить Буксгевдену приказ о всеобщем отступлении и потерял управление войсками[2]. Александр I рассылал казаков во все стороны разыскивать его, но увиделся с ним уже после битвы у местечка Годвежици[3]. Только колонна Багратиона и Лихтенштейна отступала без паники. Войска всех прочих колонн бежали. Отброшенные к полузамерзшим прудам, они пытались спастись по льду и тонули там целыми полками, ибо Наполеон, державший в руках все нити боя, приказал своей артиллерии бить ядрами в лед.

«Ледовое побоище» при Аустерлице запомнил на всю жизнь барон де Марбо, один из героев битвы. «Снаряды разбивали лед во многих местах, – вспоминал он, – и это все сопровождалось ужасным шумом. Вода стала выступать через пробитый лед. Мы видели, как тысячи русских солдат, их лошади, пушки, повозки медленно погружались в эту ледяную пропасть. Это было страшное зрелище, которое я не забуду никогда. В одно мгновение поверхность пруда покрылась всем, что могло плавать. Люди и лошади бились на середине пруда с наступающими льдами. Некоторым – очень небольшому числу – удалось спастись с помощью шестов и веревок, которые протягивали им с берега наши солдаты, но основная масса утонула»[4].

В воспоминаниях М. де Марбо засвидетельствован и отрадный факт среди ужасов Аустерлица. На следующее утро Наполеон, объезжая поле битвы, увидел плывущую льдину, с которой раненый русский офицер, весь в орденах и в крови, взывал о помощи. Император тут же приказал своему адъютанту «сделать все возможное, чтобы спасти этого несчастного». Сразу несколько гвардейцев из императорского эскорта и «даже два офицера штаба» устремились к пруду,

---

[1] Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны... С. 184.

[2] Леер Г. А. Цит. соч. С. 43.

[3] См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны... С. 188–189.

[4] Марбо М. де. Цит. соч. С. 161.

не снимая мундиров, и застряли между льдинами так, что пришлось спасать их самих. Тогда барон де Марбо и лейтенант Руместайн разделись донага, бросились в ледяную воду и спасли раненого, хотя Руместайн при этом схватил воспаление легких и вынужден был оставить военную службу[1].

Вернемся, однако, к вечеру 2 декабря. С наступлением сумерек, еще до 5 часов, все было кончено. «Я был уже свидетелем проигранных битв, но я не мог даже представить себе такого разгрома, – вспоминал генерал А. Ф. Ланжерон. – Нужно было быть очевидцем сумятицы, царившей в нашем отступлении, или, скорее, в нашем бегстве, чтобы составить о ней понятие»[2]. О том же свидетельствовал другой очевидец, А. П. Ермолов: «Беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, полков не бывало; видны были разные толпы»[3].

Кстати, Ермолов, тогда еще полковник, по ходу битвы «достался в плен» французам (по его собственному выражению)[4], но успел спастись. Зато восемь генералов русской армии остались к концу того дня в плену. Впрочем, Наполеона порадовал плен не столько этих восьми генералов, сколько 200 кавалергардов из личного эскорта царя. Когда пленные кавалергарды были доставлены к императору, он, глядя на них, улыбнулся: «Много прекрасных дам в Петербурге будут оплакивать этот день»[5]. Командир эскадрона кавалергардов флигель-адъютант князь Николай Григорьевич Репнин (внук генерал-фельдмаршала Н. В. Репнина, женатый на дочери другого генерал-фельдмаршала, А. К. Разумовского) тоже был взят в плен и представлен Наполеону. Этот момент запечатлен на всемирно известной картине Франсуа Жерара и в воспоминаниях очевидцев, включая самого Репнина. «Ваш эскадрон достойно исполнил свой долг», – похвалил Наполеон пленника, зная, что кавалергарды действительно сражались геройски. «Это самая прекрасная награда – получить похвалу от великого человека», – ответил комплиментом на комплимент Репнин[6].

Смятение, охватившее союзный олимп к концу битвы, было так велико, что вся свита Александра I рассеялась в разные стороны и присоединилась к нему только ночью и даже наутро. В первые же часы после катастрофы царь скакал несколько верст от поля битвы

---

[1] Марбо М. де. Цит. соч. С. 163–165.
[2] Цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 75.
[3] Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 58.
[4] Там же. С. 57.
[5] Чандлер Д. Цит. соч. С. 271.
[6] Воспоминания Н. Г. Репнина цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 57.

лишь с врачом, берейтором, конюшим и двумя лейб-гусарами, а когда при нем остался один лейб-гусар, Александр, по рассказу этого гусара, «слез с лошади, сел под дерево и горько плакал»[1]. После страшной ночи отцеубийства с 11 на 12 марта 1801 г. никогда более он не переживал такого потрясения, как в день битвы при Аустерлице.

Архив Военного министерства Франции хранит следующие данные о потерях сторон под Аустерлицем: союзники – 15 тыс. убитых и раненых, 20 тыс. пленных, 180 орудий, 45 знамен; французы – 1290 убитых и 6943 раненых[2]. В России с этими данными соглашался только Е. В. Тарле[3]. Все остальные наши историки – и дореволюционные, и советские – подсчеты французов взяли под сомнение и в большинстве своем оперировали цифрами А. И. Михайловского-Данилевского: потери союзников – 27 тыс. убитых, раненых и пленных (в том числе 21 тыс. русских), 158 орудий (русских – 133), 30 знамен; потери французов – до 12 тыс. человек[4]. Все восемь пленных генералов (известных поименно) – русские. Среди них был начальник 3-й колонны генерал-лейтенант И. Я. Пржибышевский.

Лишь в постсоветское время Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев избрали оптимальную методику исчисления потерь при Аустерлице: русских – по русским ведомостям, французских – по французским[5]. По этой методике наиболее обоснованными (хотя и с оговоркой «приблизительно») выглядят подсчеты О. В. Соколова: союзники потеряли 30–35 тыс. человек (25–28 тыс. русских и 6 тыс. австрийцев), 197 орудий (160 русских и 37 австрийских) и от 14 до 17 знамен; французы – около 9–9,5 тыс. человек[6].

Некоторые из наших историков (П. А. Жилин, Л. Г. Бескровный, Н. Ф. Шахмагонов, А. М. Валькович) пытаются преуменьшить масштабы аустерлицкого разгрома союзников, цитируя при этом реляцию М. И. Кутузова царю, где сказано, что «российские войска <...> почти до самой полночи *стояли* (?! – *Н. Т.*) в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений», и что урон русской армии «не доходит до 12 000», тогда как у французов «простирается до 18 000»[7]. Тот факт, что Александр I после Аустерлица повелел Кутузову «прислать две реляции: одну, в коей по чистой со-

---

[1] Из рассказов старого лейб-гусара // Русский архив. 1887. № 3. С. 193.

[2] Tranié J., Carmigniani J. Napoléon et la Russie. P., 1980. T. 1. P. 123.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 191.

[4] Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны... С. 209–210.

[5] См.: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Цит. соч. С. 228.

[6] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 77–79.

[7] М. И. Кутузов. Т. 2. С. 257–259. Курсив мой. – *Н. Т.* См.: Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 37; Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. С. 102;

вести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую – для опубликования», предан гласности еще в 1869 г. М. И. Богдановичем[1]. Кутузов выполнил это повеление. С тех пор и доныне наши «патриоты» рассуждают об Аустерлице не «по совести и справедливости», а «*для опубликования*», опираясь на кутузовскую реляцию[2].

В действительности же аустерлицкий разгром был для России и Австрии ужасающим. Официальный Петербург воспринял его тем больнее, что русская армия больше 100 лет, после Нарвской битвы 1700 г., никому не проигрывала генеральных сражений и что при Аустерлице, опять-таки впервые после Петра Великого, возглавлял русскую армию сам царь. «Здесь действие Аустерлицкой баталии на общественное мнение подобно волшебству, – писал Ж. де Местр из Петербурга в Лондон 4 января 1806 г. – Все генералы просят об отставке и кажется, будто поражение в одной битве парализовало целую империю»[3].

Зато Париж и вся Франция ликовали. Наполеон еще не знал об этом, но был уверен, что так и будет, когда он писал своей Жозефине 3 декабря 1805 г. из Аустерлица: «Я разгромил русско-австрийскую армию, которой командовали два императора. Немного устал. Жил на воздухе восемь дней и восемь морозных ночей. Завтра смогу отдохнуть в замке князя Кауница[4] и постараюсь поспать там два-три часа. Русская армия не просто разбита, но уничтожена. Обнимаю тебя. Наполеон»[5]. В один день с этим письмом (необычно скупым на эмоции) Наполеон обратился к Великой армии с эмоциональным, как нельзя более, воззванием, которое начиналось так: «Солдаты!

Шахмагонов Н. Ф. Кому служил барон? // Дорогами тысячелетий. М., 1989. Кн. 3. С. 197.

[1] Богданович М. И. Цит. соч. Т. 2. С. 105.

[2] В постсоветском издании к 250-летию со дня рождения Кутузова эта фальшивка еще раз перепечатана (Фельдмаршал Кутузов. Док-ты, дневники, воспоминания / отв. составитель А. М. Валькович. М., 1995. С. 90–93). Показательно, что «фанаты» Кутузова любят цитировать сказанное им перед собственной свитой (что называется, «на публику»): «Я не виноват в Аустерлицком сражении», но игнорируют его признание в откровенном разговоре с фельдмаршалом А. А. Прозоровским: «Я проиграл Аустерлицкое сражение, да не плакал» (Из записок фельдмаршала кн. И. Ф. Паскевича // Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 412). Один из таких «фанатов» Ю. Н. Леонов сопроводил портрет-плакат Кутузова из серии «Отчизны верные сыны» (М., 1987) текстом: «В своей жизни он не проиграл ни одного сражения».

[3] Местр Ж., де. Указ. соч. С. 61.

[4] Кауниц Венцель Антон, князь Кауниц-Ритберг (1711–1794) – выдающийся австрийский дипломат, в 1753–1792 гг. государственный канцлер.

[5] Letters of Napoleon to Josephine. New York, 1931. P. 105–106.

Я доволен вами»[1]. Эти слова были тогда на устах у всех французов – не только солдат. Главное же, то были не пустые слова. «Два миллиона золотых франков, – читаем у Д. Чандлера, – были розданы офицерам. Наполеон дал щедрые пенсии вдовам погибших. Осиротевшие дети были официально усыновлены самим императором, и им было позволено добавлять имя "Наполеон" к своим именам, данным при крещении. Память Аустерлица должна была оставаться навеки живой!»[2] Герой Аустерлица артиллерийский офицер Октав Левавассер вспоминал о том времени: «Париж был весь в эйфории энтузиазма, как и вся Франция <...>. Император своей победой заставил замолчать все враждебные голоса. Он вырос в глазах Франции, и она видела только его славу»[3].

Впрочем, «битва трех императоров» имела значение, далеко выходившее за рамки интересов Франции, России и Австрии. «Она потрясла современников, а затем вошла в летописи истории не потому, что один император взял верх над двумя другими, – справедливо заключил А. З. Манфред. – Современники видели в Аустерлицкой битве <...> решающий поединок нового и старого миров»[4]. Всемирная история уже тогда знала ряд битв, более крупных по числу участников и жертв, но трудно найти среди них такую, которая сравнилась бы с Аустерлицем по значимости. 2 декабря 1805 г. на поле Аустерлица столкнулись не просто три императора, три армии, три державы, а именно *два мира* – только что утвердившийся буржуазный и обветшалый феодальный. Победа Наполеона (самая яркая из всех его более чем 50 побед) давала ему возможность провозгласить освобождение народов, порабощенных Габсбургами и Романовыми, – венгров, чехов, словаков, поляков – и поднять всю Центральную Европу под знамя идей Французской революции. Но император Наполеон смотрел на мир уже иными глазами, нежели генерал Бонапарт, – теперь он предпочитал союзу с народами союз с монархами.

Главную свою задачу – разгромить третью коалицию – Наполеон под Аустерлицем решил. Император Австрии Франц I через день после битвы сам явился к Наполеону с повинной – перепуганный, смиренный, буквально убитый позором Ульма и Аустерлица. Всем своим видом он подтверждал точность эпиграммы, которую сочинил о нем К. Ф. Рылеев, осведомленный, между прочим, о страсти Франца убивать мух:

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 11. № 9537. P. 539.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 275.
[3] Цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 101.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 478.

Весь мир великостию духа
Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
А неприятелям был муха[1].

Наполеон принял Франца у костра на своем бивуаке. «Вот дворец, в котором я живу два месяца», – сказал победитель, любезно приглашая побежденного на переговоры. По воспоминаниям очевидцев, которые стояли поодаль и могли слышать отдельные фразы монархов, император Франц обругал англичан («это – торговцы человеческим мясом»), а на вопрос Наполеона: «Итак, Ваше Величество, вы обещаете мне, что больше не начнете войну?», с жаром ответил: «Да, я клянусь и сдержу свое слово!»[2] 6 декабря в Аустерлицком замке Наполеон и Франц договорились о перемирии, согласно которому русская армия должна была за 14 дней очистить Моравию и Венгрию и вернуться домой.

А на следующий день к Наполеону явился граф Х.-А. Гаугвиц, который три недели ехал из Берлина с ультиматумом от Пруссии. Теперь, запрятав ультиматум подальше, Гаугвиц поздравил Наполеона с победой. Наполеон усмехнулся: «Ваши поздравления предназначались другим. Фортуна переменила их адрес»[3]. Так Пруссия отпала от третьей коалиции, не успев вступить в нее.

Тяжело переживала аустерлицкую катастрофу Англия. Премьер-министр У. Питт 23 января 1806 г. умер, как полагали, с горя, сохраняя до смертного часа тот подавленный вид, который его министры называли «взглядом Аустерлица»[4]. Кстати, тогда же в Австрии умер «от горя и злости» (по выражению А. Ф. Ланжерона) Ф. Вейротер, а в России – 28-летний кн. П. П. Долгоруков. Но все это было лишь отголосками главной кончины: умерла третья коалиция.

Пока европейские монархи приходили в себя после Аустерлица, Наполеон в течение полугода по-хозяйски перекроил карту Центральной Европы. 26 декабря 1805 г. в Пресбурге (ныне – Братислава) он продиктовал мирный договор Австрийской империи, отняв у нее Венецию, Истрию, Далмацию, Каттаро, Фриуль, где проживала шестая часть всего подвластного Габсбургам населения (4 млн человек из 24-х млн)[5]. Все эти территории отошли к Итальян-

---

[1] Рылеев К. Ф. Стихотворения... М., 1956. С. 266.

[2] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 90–91.

[3] Lefebvre A. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. P., 1900. T. 2. P. 232.

[4] История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1905. Т. 1. С. 67.

[5] См.: De Clerc. Recueil de traites de la France. P., 1880. T. 2. P. 145–151.

скому королевству и к союзным с Францией германским государствам – Баварии, Бадену, Вюртембергу. «Франция, – как подчеркивает О. В. Соколов, – непосредственно не получала никаких территориальных приращений. Однако усиливались ее союзники, и прежде всего Италия, которая фактически являлась частью империи Наполеона»[1].

Мало того, к лету 1806 г. Наполеон объединил 16 послушных ему германских княжеств в Рейнский союз, тут же «избравший» его, Наполеона, своим протектором и узаконивший на своей территории Code Napoléon. Этот акт лишил смысла Священную Римскую империю, т. е. верховенство австрийских императоров, тяготевшее над раздробленной Германией уже тысячу лет. Теперь, 6 августа 1806 г. Франц I по предложению Наполеона сложил с себя титул властителя Священной Римской империи. «Изумление и страх произвело падение империи, основанной десять столетий назад гением Карла Великого, пережившей шесть династий и уже три столетия управляемой Габсбургами», – так писал об этом российский историк, автор шеститомной «Истории русского народа» и пятитомной «Истории Наполеона» Н. А. Полевой[2].

4. Четвертая коалиция: от Йены до Эйлау

1806-й год стал для Наполеона не менее славным, чем даже 1805-й, причем теперь, после Аустерлица, император действует в Европе все более агрессивно, хотя и (с точки зрения исторического прогресса) оправданно. Так в феврале 1806 г. он покончил с независимостью средневекового Неаполитанского королевства, одного из самых реакционных в Европе.

К тому времени правила в Неаполе одиозная супружеская чета из династии Бурбонов. Король Фердинанд I по прозвищу Назон[3] (1751–1825 гг.), который едва умел читать и писать, приказал публично сжечь книги Вольтера, зато любил обвешивать себя с головы до ног ладанками с мощами святых, а еще «заказывать в свою ложу в театре макароны, чтобы заглатывать их прямо из тарелки, строя обезьяньи гримасы под хохот публики»[4]. Главное же, за полвека своего правления он вогнал 5 млн соотечественников в страшную нищету: по подсчетам В. Кронина, 2/3 всех земель в королевстве находились в руках 31 тыс. дворян и 82 тыс. священников, причем один аббат из провин-

---

[1] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 99.
[2] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1844. Т. 3. С. 45–46.
[3] Назон (*ит.* nasone) – носище, носач (о человеке с огромным носом).
[4] Кронин В. Цит. соч. С. 323.

ции Базиликата «владел 700 рабами, которым он запрещал строить себе жилища и каждую ночь загонял на ночлег в общий приют – по нескольку семей в комнату, – где они жили как скот»[1].

Достойную пару Фердинанду Назону составляла его благоверная Мария Каролина (1752–1814 гг.), дочь австрийской императрицы Марии Терезии и родная сестра французской королевы Марии Антуанетты, казненной в 1793 г. Именно она была вдохновительницей кровавой расправы над неаполитанскими республиканцами летом 1799 г., жертвами которой стали выдающиеся философы-просветители Италии Марио Пагано и Винченцо Руссо. Она же, командуя своим мужем-королем, словно денщиком, втянула Неаполь осенью 1805 г. в третью коалицию против ненавистной для нее революционной Франции. Мария Каролина даже похвасталась перед французским представителем Ш. Алькье, что ее королевство будет спичкой, которая зажжет в Европе большой пожар. «Теперь, после Аустерлица, – читаем об этом у Е. В. Тарле, – "спичка" сгорела мгновенно»[2].

27 декабря 1805 г. из Шёнбрунна Наполеон обратился к войскам своей Итальянской армии под командованием А. Массена с «громоподобной» (как выразился О. В. Соколов) прокламацией: «Солдаты! <...>. Неаполитанская династия Бурбонов отныне должна перестать царствовать. Ее существование несовместимо со спокойствием Европы и честью моей короны. Идите же вперед и сбросьте в море ее жалкие батальоны!»[3] Неаполитанские Бурбоны, не веруя в мощь своих «батальонов», спешно бежали на остров Сицилию под охрану английского флота. 14 февраля 1806 г. французские войска без боя вступили в Неаполь, а на следующий день въехал в опустевшую резиденцию местных Бурбонов Жозеф Бонапарт, которого Наполеон без каких-либо церемоний объявил неаполитанским королем под именем Иосифа I.

Нужно отдать должное братьям Бонапартам. По указаниям Наполеона Жозеф в первые же месяцы своего правления разрушил многовековые феодальные устои Неаполитанского королевства, отменил все привилегии баронов, передал землю крестьянам, ввел в действие Кодекс Наполеона, полностью реформировал налоговую систему: «учитывая интересы бедняков, заменил 23 прямых налога (некоторые – с урожая) на единый налог, взимаемый с определенного уровня дохода»[4].

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 324.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 193.
[3] Correspondance de Napoléon. T. 11. № 9625. P. 620.
[4] Кронин В. Цит. соч. С. 324–325.

Но неаполитанская – локальная и скоротечная – акция Наполеона 1806 г. явила собой лишь своего рода прелюдию к масштабной, потрясшей всю Европу, прусской кампании 1806–1807 гг. Дело в том, что Пруссия, хотя и не успела вступить в войну с Францией на стороне третьей коалиции, поддалась увещаниям со стороны Англии и России и даже раньше их открыла военные действия против Франции в составе уже четвертой коалиции. Кстати, подталкивали Пруссию к войне с Францией не столько английские, сколько российские верхи и в первую очередь, как ни странно, сам Александр I. Российский самодержец был, конечно, потрясен и унижен аустерлицким разгромом, он воспылал еще большей ненавистью к Наполеону, а главное, жаждой мести и реванша за такое потрясение и унижение. Едва успев бежать с поля битвы при Аустерлице, он уже 5 декабря 1805 г. отправил графа П. А. Строганова в Лондон – «узнать о намерениях английского правительства и *обещать ему* прежнее *единодействие* России», а кн. П. П. Долгорукова в Берлин – «*обещать*, если *Пруссия решится воевать с Наполеоном <...>, поддерживать ее всеми силами России*»[1].

Наполеон тем временем, надеясь, что аустерлицкий урок образумит зарвавшегося по молодости и неопытности царя, делал шаги к примирению с Россией. Вновь, как ранее Павлу I, он вернул Александру Павловичу русских пленных (всех – от генералов до рядовых), взятых при Аустерлице, а одного из них – кн. Н. Г. Репнина – обязал передать царю: «Мы еще сможем найти путь к сближению. Пусть он пришлет ко мне в Вену своего уполномоченного представителя, но только не из этих придворных, которые наполняют его Главный штаб. Правда далека от монархов. Александр родился на троне, а я стал императором сам, но мои бывшие товарищи и командиры не осмеливаются больше мне ее говорить, как не говорят ему правды его придворные»[2].

«Красивые жесты Наполеона в отношении русских пленных, призванные послужить сближению двух империй, остались без ответа», – справедливо заключает О. В. Соколов[3]. Более того, Александр I не внял и высказанному после Аустерлица совету одного из своих «молодых друзей» кн. А. А. Чарторыйского «искать сближения с Наполеоном»[4], а затем, спустя менее полугода, уволит князя (не за такой ли совет?) с поста управляющего Министерством иностран-

---

[1] Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны... С. 233. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 144.

[3] Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 2. С. 96.

[4] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 144.

ных дел Российской империи и заменит его столь же непримиримым врагом Наполеона, как он сам, бароном А. Я. Будбергом.

Александр I, безусловно, извлек урок из Аустерлица, но не тот, на который рассчитывал Наполеон. Царю стали неприятны свидетели его аустерлицкого конфуза. Он уволил не только Чарторыйского, но и А. Ф. Ланжерона (в отставку), разжаловал в солдаты (!) вернувшегося из плена генерал-лейтенанта И. Я. Пржибышевского, отдалил от себя П. А. Строганова, потерял расположение к М. И. Кутузову. Изменились к худшему характер и поведение царя. «До этого он был кроток, доверчив, ласков, – вспоминал генерал Л. Н. Энгельгардт, – а теперь сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто-то говорил ему правду»[1].

Главное же, как ни тяжел был удар по иллюзиям Александра при Аустерлице, царь все же тешил себя мыслью о вековой непобедимости русской армии и считал возможным скорый реванш за Аустерлиц, особенно в союзе с воинством Фридриха Великого, мощь которого Наполеон еще не испытал на себе. Александр отправил в Париж на мирные переговоры своего уполномоченного (не из Главного штаба!) статского советника П. Я. Убри, но продолжал сговариваться с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III о совместной борьбе против Наполеона. 8 (20) июля 1806 г. Убри подписал в Париже с генералом, военным министром Франции 1807–1814 гг. Г. Кларком договор между Францией и Россией «*о мире и дружбе на вечные времена*», как это сказано в ст. 1-й[2]. Однако пока Убри вез текст договора в Петербург, Александр I 12 (24) июля скрепил личной подписью секретную декларацию о союзе России с Пруссией против Франции[3]. Договор же, подписанный Убри, царь, выждав двухнедельную паузу, отказался ратифицировать. 10 (22) августа он уведомил об этом Фридриха Вильгельма III и обратился к нему с просьбой «прислать доверенное лицо для уточнения плана совместных действий» русских и прусских войск[4].

Наполеон, судя по письму к Жозефине от 27 августа 1806 г., с нетерпением ждал и до последнего момента верил, что русско-французский договор будет утвержден Александром. Он уже приказал начальнику Главного штаба Л. А. Бертье обеспечить возвращение Великой армии во Францию. Но 3 сентября он узнал, что Александр не желает ратифицировать договор, и тут же отдал Бертье новое распоряжение: приказ о возвращении армии на родину задержать[5].

---

[1] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 145.

[2] ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 229.

[3] Текст декларации см. там же. С. 231–234.

[4] Там же. С. 263.

[5] См.: Correspondance de Napoléon. T. 13. № 10730. P. 170–171.

Осень 1806 г. в Европе выдалась не менее тревожной, чем предыдущая. Наполеон, систематически получавший от своих агентов информацию о том, что Россия, Пруссия и Англия сговариваются образовать четвертую коалицию, насторожился и демонстрировал европейским монархам свою мощь: 15 августа, в день рождения императора, не только во Франции, но и во всех зависимых от нее странах прошли грандиозные торжества во славу «великой империи».

Тем временем Россия, Англия и Пруссия договорились между собой и 15 сентября оформили новую коалицию против Франции. К ним присоединилась Швеция. Коалиционеры особенно много ждали от Пруссии как хранительницы традиций и славы Фридриха Великого. Но прусская армия, воспитанная и как бы законсервированная в устарелых догмах Фридриха, давно потеряла былую боеспособность. Портила ее (как, впрочем, и русскую и австрийскую армии) главным образом феодально-крепостническая система комплектования, обучения, содержания, использования войск. Хорошо сказано об этом у Е. В. Тарле: «Солдат – крепостной мужик, перешедший из-под розог помещика под фухтеля[1] и шпицрутены офицера, осыпаемый пощечинами и пинками со стороны всякого, кто выше его, начиная с фельдфебеля, обязанный рабски повиноваться начальству; он знает твердо, что и речи быть не может об улучшении его участи, как бы храбро он ни сражался. Офицер только потому офицер, что он дворянин»[2]. Добавлю к этому, что прусский генералитет в 1806 г. был бездарен и немощен (19 высших генералов вместе имели тогда за плечами 1300 лет жизни).

Зато королевский двор Пруссии петушился, как при «великом Фридрихе». И министры, и король Фридрих Вильгельм III (по характеристике Ф. Энгельса, «один из величайших олухов, когда-либо служивших украшением престола»[3]), и даже умница королева Луиза торопились начинать войну с Наполеоном до подхода союзных войск, чтобы не делить с ними лавры победы. 1 октября прусский двор предъявил Наполеону ультиматум, требуя в течение недели вывести все французские войска из германских земель, даже вассальных по отношению к Франции, за Рейн. «Сципион перед Карфагеном,

---

[1] Фухтель – плоская сторона клинка, которой солдат в феодальных армиях били по спине.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 209.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 567. Наполеон тоже считал Фридриха-Вильгельма III «величайшим болваном на свете» (цит. по: О'Мира Б. Наполеон. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 67).

наверное, не обращался к побежденным с более властной речью», – вспоминал об этом Наполеон[1]. В ожидании ответа из Парижа Берлин щеголял военными парадами. Королева Луиза на коне объезжала войска, поднимая их боевой дух. Офицеры королевской лейб-гвардии точили свои сабли о ступени французского посольства и заражали друг друга уверенностью в том, что их армия первой «обломает зубы» непобедимому дотоле Бонапарту. Их генерал Э. Рюхель бахвалился: «Зачем нам сабли? Мы вполне можем обойтись и дубинами»[2].

Наполеон, узнав о военных приготовлениях Пруссии, еще до ультиматума из Берлина, а именно 12 сентября, обратился к Фридриху Вильгельму III с письмом, которое процитировано даже Н. К. Шильдером в официальной биографии Александра I: «Наполеон подтвердил, что не хочет войны, ничего не требует от Пруссии и готов прекратить свои вооружения, как только король прекратит свои»[3]. В ответ на это письмо император Франции и получил от короля Пруссии ультиматум. «Нас вызывают к барьеру на 8 октября», – сказал Наполеон маршалу Бертье и, не дожидаясь, когда истечет срок ультиматума, 6 октября обратился к своим войскам с воззванием. Оно фактически стало публичным объявлением войны Пруссии. В воззвании говорилось: «Солдаты! Приказ о вашем возвращении во Францию был уже отдан. Вас ожидало победное торжество в столице, и все было приготовлено к встрече с вами <...>. Но призывы к войне раздались в Берлине. Уже два месяца нас вызывают к барьеру. Солдаты! Никто из вас не желает возвратиться иначе как *путем чести*. Только через триумфальную арку войдем мы в наше отечество. Неужели для того мы презирали непогоду, моря, пустыни, побеждали не один раз коалиционную Европу, распространили свою славу от востока до запада, чтобы вернуться на родину беглецами, предав союзников и слыша вслед себе смех: французский орел устрашился прусской армии!»[4] Так, «путем чести» Великая армия Наполеона устремилась в очередной поход навстречу прусским войскам.

Уникальный факт мировой истории: 7 октября 1806 г. война между двумя великими державами – Пруссией и Францией – началась,

---

[1] Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. 3-е изд. СПб., 1844. Т. 1. С. 335.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 228.

[3] Ср.: Correspondance de Napoléon. T. 13. № 10764. P. 207–209; Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 154.

[4] Correspondance de Napoléon. T. 13. № 10948. P. 384–385. Курсив мой. – *Н. Т.*

а через неделю, когда еще не все пруссаки узнали о начале войны, она фактически уже закончилась! Почти все вооруженные силы Пруссии, сконцентрированные в двух армиях численностью до 150 тыс. бойцов во главе с его величеством королем, тремя высочествами – племянниками Фридриха Великого и четырьмя фельдмаршалами, каждый из которых успел принять участие хотя бы в одной из кампаний Фридриха, были разгромлены в один и тот же день, 14 октября, сразу в двух генеральных сражениях – под Йеной самим Наполеоном и при Ауэрштедте маршалом Л. Н. Даву. По словам великого немца Генриха Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало»[1].

Посмотрим, и с подробностями, как все это происходило[2]. К началу кампании 1806 г. действующие армии с обеих сторон были по численности примерно равны: К. Клаузевиц насчитывал 128 тыс. пруссаков против 130 тыс. французов, Е. В. Тарле – 175–180 тыс. против 195 тыс.[3] Преимущество Великой армии Наполеона заключалось не столько в ее численном (незначительном) превосходстве, сколько в передовой (при социальном равенстве) системе комплектования, современном боевом опыте и выдающихся дарованиях командного состава. Прусская же армия, по оценке Наполеона, внешне образцовая, «с замечательной выправкой и дисциплиной <...>, была телом без души»[4]. Что же касается ее генералитета, то король Фридрих Вильгельм III, «став лично во главе армии, откопал всех ее старых полководцев эпохи Семилетней войны»[5]. Один из них, 82-летний фельдмаршал Рихард Меллендорф, участвовал во всех кампаниях Фридриха Великого, но за минувшие полвека он, как и все вообще «старые полководцы» Пруссии, растерял старое и не узнал ничего нового о военном искусстве.

Первые же бои показали, что война Франции с Пруссией похожа на поединок кошки с мышкой. 8 октября у Заальбурга молниеносной атакой кавалерии И. Мюрата «был сбит один (по-видимому, слабый. – *Н. Т.*) прусский отряд»[6], 9 октября под Шлайцем Ж. Б. Бернадот разбил дивизию генерала Б. Тауэнцина, а 10-го при Заальфельде Ж. Ланн практически уничтожил элитную дивизию пруссаков во главе с принцем Людвигом-Фердинандом.

---

[1] Цит. по: История XIX века. Т. 1. С. 71.

[2] Подробно о кампании 1806 г. см.: Клаузевиц К. 1806 год. М., 1937; Чандлер Д. Цит. соч. Ч. 8: «Отмщенный Росбах»; Шиканов В. Н. Первая польская кампания 1806–1807 гг. М., 2002.

[3] Клаузевиц К. Указ. соч. С. 77; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 209.

[4] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 337.

[5] Там же.

[6] Там же.

Людвиг-Фердинанд, принц прусский (1772–1806 гг.), племянник Фридриха Великого, «молодой лев» с «неистощимым богатством отваги», «кумир солдат и молодых офицеров», «прусский Алкивиад»[1], как характеризовал его Карл Клаузевиц[2], возглавлял в Пруссии военную партию и буквально рвался в бой со своей дивизией. Его дивизия составляла авангард и ударный кулак одной из двух главных армий Пруссии – той, которой командовал фельдмаршал кн. Ф. Гогенлоэ. По данным К. Клаузевица, в дивизии принца при Заальфельде насчитывалось 10 тыс. человек, а Ланн имел 14 тыс., хотя и втрое уступал противнику в артиллерии (14 орудий против 42)[3]. Французы одержали блестящую победу. Оставив на поле боя до 5 тыс. убитыми и ранеными и всю свою артиллерию, пруссаки обратились в беспорядочное бегство, а принц Людвиг-Фердинанд был настигнут и после яростной схватки зарублен рядовым французским гусаром по фамилии Гинде.

Наполеон, узнав о гибели принца, послал Ланну записку: «Кажется, это Божий приговор, потому что тот человек был подлинным зачинщиком нынешней войны»[4]. Тем не менее в знак уважения к личности, титулу и храбрости принца Людвига-Фердинанда император приказал Ланну похоронить принца со всеми воинскими почестями.

В следующие дни главные силы враждебных армий маневрировали друг против друга, пока не сошлись под Йеной и Ауэрштедтом в двух генеральных сражениях. Оба сражения начались одновременно, с рассветом 14 октября, на расстоянии примерно в 22 км одна от другой. Прусские полководцы своими непредсказуемыми маневрами не только запутали себя самих и потеряли друг друга из виду, но и дезориентировали Наполеона, ибо он предполагал с их стороны осмысленные действия. В результате под Йеной он оказался, вопреки своим расчетам, не перед главной армией герцога Брауншвейгского (где находился и король), а против 2-й армии князя Гогенлоэ. Впрочем, к Ауэрштедту, где не исключалось появление любой из прусских армий, Наполеон заранее направил корпус Даву, приказав в то же время Бернадоту следовать со своим корпусом туда же «вместе с Даву»[5].

Итак, на рассвете 14 октября 1806 г. началась историческая битва под городом Йена. К началу битвы, по данным Д. Чандлера,

---

[1] Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) – выдающийся политик и военачальник Древней Греции, ученик Сократа.

[2] Клаузевиц К. Указ. соч. С. 29–31.

[3] Там же. С. 101; Чандлер Д. Цит. соч. С. 293; Лашук А. Цит. соч. С. 238.

[4] Цит. по: Беллок Х. Цит. соч. С. 220.

[5] См. об этом: Чандлер Д. Цит. соч. С. 307.

Наполеон имел 46 тыс. человек и 70 орудий, Гогенлоэ (вот еще один ветеран Фридриха Великого и, кстати, кавалер высшего российского ордена св. Андрея Первозванного, отличавшийся, в оценке К. Клаузевица, «только воодушевлением и личной храбростью, но отнюдь не выдающимся умом»[1]) – 38 тыс. человек и 120 орудий[2]. Уже по ходу битвы к обеим сторонам прибывали подкрепления примерно равной численности – в 15–20 тыс. человек.

В 5 часов утра начал сражение корпус Ланна, который убийственно разящей атакой отбросил 8-тысячный авангард пруссаков под командованием незадачливого генерала Тауэнцина, а вслед за Ланном обрушились на боевые порядки противника и в центре и на обоих флангах корпусы Сульта и Ожеро. Когда войска Гогенлоэ, не выдержав такого удара, дрогнули, Наполеон получил подкрепление: пехота Нея и кавалерия Мюрата с ходу включились в битву, обратив расстроенные батальоны и эскадроны пруссаков в бегство. В этот момент (около 14 часов) подоспел к полю битвы 15-тысячный корпус генерала Рюхеля. Вместо того чтобы попытаться хоть как-то прикрыть бегство армии Гогенлоэ, Рюхель пошел в лобовую атаку на французов, был разбит, а сам тяжело ранен. Теперь «большие батальоны» (как любил говорить Фридрих Великий) Гогенлоэ и Рюхеля вместе бежали в паническом страхе по дороге на Веймар. Гусары и драгуны Мюрата в упоении своей победой преследовали их до самого Веймара и в самом Веймаре – нагоняли и рубили беглецов нещадно.

Разгром армии Гогенлоэ под Йеной был страшным. Пруссаки потеряли 27 тыс. человек (в том числе 15 тыс. пленных) и все свои 120 орудий, тогда как потери французов не превышали 5 тыс. (из них 3 тыс. ранеными и меньше 2 тыс. убитыми)[3]. Деморализованные остатки своего воинства Гогенлоэ повел на север, к Пренцлау, где его ждала скорая (спустя две недели) капитуляция. А пока к беглецам из-под Йены вечером и ночью с 14 на 15 октября стали присоединяться столь же панически расстроенные беглецы из-под Ауэрштедта с известием о разгроме войск герцога Брауншвейгского в присутствии самого короля Фридриха Вильгельма III.

В те же часы, когда Наполеон громил под Йеной 2-ю армию князя Гогенлоэ, маршал Даву во главе своего корпуса (27 тыс. человек и 44 орудия) принял на себя под Ауэрштедтом удар 1-й, главной, прусской армии герцога Брауншвейгского численностью (по разным

---

[1] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 29.

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 299.

[3] Ср.: Там же. С. 303; Лашук А. Цит. соч. С. 254; Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 135.

данным) от 50 до 60 тыс. человек с артиллерией из 230–250 орудий[1]. Где же был в часы этой битвы Бернадот, обязанный следовать со своим корпусом к Ауэрштедту «*вместе с Даву*»? Весь день 14 октября он блуждал между Йеной и Ауэрштедтом, вполне мог слышать канонаду и с того и с другого поля битвы, но остался в стороне от них, не сделав ни одного выстрела.

К Бернадоту мы еще вернемся. Посмотрим сначала, что и как сотворил под Ауэрштедтом Даву. Он, по-видимому, быстро понял, что остался один, без поддержки Бернадота, и что перед ним – превосходящие силы главной прусской армии (в подзорную трубу маршал мог определить войсковые штандарты противника и даже лицезреть особо пышную свиту герцога Брауншвейгского и самого короля). Даву не растерялся. Напротив, он вдохновил своих солдат зажигательным призывом: «Великий Фридрих говорил, что только "большие батальоны" решают исход сражения. Ерунда! Победу одерживают только самые упрямые и стойкие. Берите пример с вашего маршала, ребята!»[2]

Упрямство и стойкость, которые сам Даву и каждый из его «ребят» проявили под Ауэрштедтом, оказались невероятными. Они отразили мощную атаку 25 эскадронов кавалерии лучшего из прусских генералов, будущего фельдмаршала Г. Л. Блюхера; затем, стоя как скала, отбили шквал атак прусской пехоты, не дрогнули под массированным артиллерийским огнем противника, а когда натиск пруссаков ослабел, перешли в контратаку. Герцог Брауншвейгский (между прочим, «тесть наследника британского престола»[3]), который, по мнению Наполеона, «великолепно умел поставить армию в затруднительное положение, но не был в состоянии вывести ее оттуда»[4], под Ауэрштедтом даже не успел проявить ни лучших, ни худших своих качеств. Он был смертельно ранен в начале сражения (картечью в лицо), что лишь усугубило расстройство боевых порядков его армии. Она бежала с поля битвы одновременно с бегством армии Гогенлоэ из-под Йены и в таком же хаотическом беспорядке.

По данным разных источников, пруссаки потеряли под Ауэрштедтом от 13 до 18 тыс. человек, убитыми, ранеными и пленными (в плен был взят и 82-летний фельдмаршал Р. Меллендорф), «помимо разбежавшихся и не вернувшихся в строй» (Н. А. Левиц-

---

[1] О соотношении сил и потерях сторон в битве при Ауэрштедте см.: Левицкий Н. А. Указ. соч. С. 136, 138; Клаузевиц К. Цит. соч. С. 88, 122; Чандлер Д. Цит. соч. С. 304, 307; Лашук А. Цит. соч. С. 256, 259.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 256.

[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 460.

[4] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 342.

кий). Потери французов превысили 7 тыс. человек. Как видим, победа досталась французам немалой ценой, но это была блистательная победа – самая выдающаяся в полководческой карьере маршала Даву и, главное, одна из исторически значимых в наполеоновской эпопее.

Сам Наполеон на следующий же день после Ауэрштедта, 15 октября, объявил в бюллетене Великой армии, «который был зачитан во всех войсках и даже во всех лазаретах»[1]: «Корпус маршала Даву совершал чудеса <...>. Этот маршал проявил выдающуюся храбрость и твердость характера – главные качества воина»[2]. Император пожалует маршалу титул герцога Ауэрштедтского, тем самым увековечив его главный триумф.

Возвращаемся теперь к Бернадоту. Дэвид Чандлер так объяснил причину его странного «блуждания» 14 октября 1806 г. между Йеной и Ауэрштедтом: «Причина была или в полной некомпетентности и отсутствии оперативного мышления у Бернадота, или, что более вероятно, в его чисто профессиональной ревности»[3]. Думается, инкриминировать Бернадоту как военачальнику некомпетентность и недомыслие несправедливо, но его «профессиональная ревность» (к Даву, к другим маршалам и к самому Наполеону) здесь проявилась не в первый и не в последний раз и, как подметил Чандлер, «едва не стоила Бернадоту головы»[4]. Великая армия – от императора до рядовых солдат – восприняла поведение Бернадота именно как военное преступление. «Армия ожидала, что Бернадота сурово накажут», – вспоминал барон М. де Марбо[5]. Император действительно подписал было приказ отдать Бернадота под суд военного трибунала, но спохватился (подумал и о жене маршала Дезире Клари, бывшей когда-то его, Наполеона, невестой, и о том, что сестра жены Бернадота замужем за братом Наполеона Жозефом) и собственный приказ порвал. О своем отношении к этому «делу» Бернадота Наполеон откровенно рассказал тогда генерал-адъютанту и министру полиции Р. Савари: «Это дело настолько возмутительно, что, если я отправлю его в трибунал, это будет равнозначно моему приказу о расстреле; для меня лучше не говорить с ним об этом, но я постараюсь, чтобы он знал, каковы мои мысли о его поведении. Я думаю, что у него есть понятие чести, чтобы осознать, какой позорный поступок он совершил»[6].

---

[1] Марбо М. де. Цит. соч. С. 184.
[2] Correspondance de Napoléon. Т. 13. № 11014. P. 443.
[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 307.
[4] Там же.
[5] Марбо М. де. Цит. соч. С. 184.
[6] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 308.

Увы! Ничего в смысле чести маршал Бернадот не осознает и кончит тем, что предаст своего императора и пойдет войной против собственного отечества во главе шведских армий. Единственная в своем роде попытка А. А. Егорова оправдать Бернадота, а предъявленные ему обвинения признать «как минимум, несправедливыми»[1], выглядит несерьезной.

От Йены и Ауэрштедта французы гнали остатки прусских войск разными дорогами на север, к морю. «Никогда в истории – ни до, ни после этого, – резонно подчеркивал в 30-е годы XX в. Хилэр Беллок, – не было такого стратегического преследования, как преследование разбитой прусской армии. Три недели беглецов безостановочно догоняли, забирали в плен, уничтожали – вплоть до Балтийского моря»[2]. Наполеон с главными силами Великой армии, а именно с корпусами Ланна и Даву, шел прямо на Берлин. 24 октября он вступил в Потсдам и здесь, в церкви при дворце Сан-Суси, побывал у гробницы Фридриха Великого. «Вначале он шел быстро, – вспоминал сопровождавший императора генерал-адъютант граф Ф. П. Сегюр, – но, подходя к церкви, он пошел медленнее и размереннее, приближаясь к праху великого короля, память которого он пришел почтить. Дверь к монументу была открыта. Он остановился у входа в глубоком раздумье. Пробыл он там почти десять минут, неподвижно и безмолвно»[3].

О чем думал Наполеон в те минуты у гроба Фридриха Великого? Он сам рассказал об этом, спустя годы, уже в изгнании на острове Святой Елены: «Семь лет Фридрих сопротивлялся половине всей Европы, а за 15 дней его монархия пала перед моими орлами. Такой ход дел зависит от того, какие обстоятельства и какие люди управляют судьбами народов»[4]. Восхищение славой Фридриха Великого не помешало Наполеону конфисковать в Потсдаме шпагу великого короля и отослать ее как трофей вместе с 340 прусскими знаменами в парижский Дом инвалидов для ветеранов минувших войн. «Многие из них, – вспоминал Наполеон, – были современниками позорного поражения при Росбахе[5]. Я гордился тем, что посылал им доказательства своего блистательного возмездия»[6].

27 октября Наполеон триумфально вошел в Берлин. По его указанию, первыми шли войска маршала Даву – герои Ауэрштедта, при-

---

[1] Егоров А. А. Маршалы Наполеона. Ростов н/Д., 1998. С. 59.

[2] Беллок Х. Цит. соч. С. 232–233.

[3] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 310.

[4] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 348.

[5] Росбах – селение в Пруссии, возле которого 5 ноября 1757 г. Фридрих Великий разгромил союзную австро-французскую армию.

[6] Там же.

чем за последними рядами их кавалерии пешком брели пленные лейб-гвардейцы короля Пруссии. «Их публичное унижение, – комментирует этот факт Анри Лашук, – было платой за бахвальство перед войной. Таким манером прусские лейб-гвардейцы вернулись в Берлин через месяц после того, как самонадеянно точили свои сабли о ступени французского посольства»[1]. Кстати, «такой манер» напоминал собою триумфы полководцев Древнего Рима после их побед над врагами.

Сам Наполеон ехал тогда верхом в 20 шагах впереди своих войск на виду у любопытствующих, хотя и перепуганных, толп берлинского люда. «Не было ничего легче, – вспоминал Стендаль, – как выстрелить в него из любого окна на Унтер-ден-Линден <...>. Толпа хранила молчание и не приветствовала его ни единым возгласом»[2]. Зато Наполеон, подъехав к статуе Фридриха Великого, на полном скаку сделал круг у памятника и отсалютовал ему обнаженной шпагой. Когда же бургомистр Берлина сдал Наполеону ключи от города, император «приказал, чтобы магазины были открыты и чтобы жизнь в городе шла нормально. Население встречало его боязливо, с почтительными поклонами и оказывало беспрекословное подчинение»[3].

Тем временем французские войска, преследуя остатки прусского воинства, занимали город за городом. Одним из первых пал Веймар. Он считался тогда культурной столицей Пруссии. Здесь жили и работали лучшие ученые, художники, литераторы во главе с великим Иоганном Вольфгангом Гёте. «Все это мирное и добропорядочное население, – вспоминал барон М. де Марбо, – было крайне взволновано громом пушечных выстрелов, уходом побежденных прусских войск и входом в город победителей»[4]. Однако маршалы Ланн, Сульт и Ожеро обеспечили в Веймаре такой порядок, что город не пострадал ни от каких злоупотреблений; «ему, – скромно заметил Марбо, – пришлось только поставить французским войскам необходимый провиант»[5]. Что касается Гёте, то ему Ланн и Ожеро нанесли визит с вручением охранной грамоты, выказав при этом «все знаки внимания и почтения»[6].

В те дни прусские города и крепости сдавались французам одни за другими, без сопротивления. Карл Клаузевиц составил перечень самых мощных крепостей, которые капитулировали: 25 октября

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 261.
[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 49.
[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 214.
[4] Марбо М. де. Цит. соч. С. 182.
[5] Там же.
[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 500.

Шпандау – перед Ланном, 29 октября Штеттин – перед Лассалем, 1 ноября Кюстрин – перед Даву, 8 ноября Магдебург – перед Неем[1]. «Паника, самая беспросветная, как-то сразу и повсеместно овладела генералитетом, офицерами, солдатами погибающих остатков прусской армии. От хваленой ее дисциплины не осталось и следа»[2], – к такому выводу Е. В. Тарле пришел, исследуя подробности сдачи перечисленных крепостей.

Так, если Шпандау – крепость с огромными запасами оружия, снаряжения и продовольствия – сдалась все же внушительным силам пехоты, кавалерии и артиллерии под командованием Ланна, то капитуляцию Штеттина, еще более оснащенного всем необходимым, перед генералом А. Л. Ш. Лассалем, который подступил к крепости во главе отряда гусар, Евгений Викторович приравнял к фантастике: «...могучая твердыня, защищаемая обильной артиллерией, без единого выстрела сдалась по первому требованию гусарскому генералу, у которого не было ни одной пушки»[3]. Впрочем, Кюстрин перед Даву и особенно Магдебург (с гарнизоном в 22 тыс. человек!) перед Неем сдавались столь поспешно и в такой панической деморализации, что Наполеон даже *не сразу поверил* донесениям о подробностях скоропалительной капитуляции Магдебурга.

«Кульминацией целого ряда несчастий» такого рода (по выражению Д. Чандлера) стало для Пруссии событие 28 октября 1806 г. в Пренцлау близ Штеттина. Здесь Мюрат с передовым отрядом своей кавалерии настиг отступавшие в панике части армии Гогенлоэ, объявил пруссакам, что они окружены, и предложил им сдаться, «а Ланн, который лично находился там же, хотя его корпус далеко еще не прибыл, сделал то же самое, чтобы обмануть неприятеля»[4]. Гогенлоэ поддался обману и капитулировал с остатками своей армии численностью от 10 до 12 тыс. человек. Читатель, запомнивший, как 13 ноября 1805 г., перед битвой при Аустерлице, Мюрат и Ланн без боя овладели главным мостом через Дунай у самой Вены, теперь, наверное, думает: опять эти двое!

После Пренцлау паника в прусских верхах достигла предела. Король Фридрих Вильгельм III и королева Луиза укрылись на северо-восточной окраине своего королевства, в г. Мемель (ныне Клайпеда в Литве), надеясь на скорую помощь России и лично Александра I. Из Мемеля Фридрих Вильгельм III отправил Наполеону «почтительное письмо, в котором выражал упование, что

---

[1] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 143.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 214.
[3] Там же. С. 213–214.
[4] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 352.

Его Величество император Наполеон доволен удобствами королевского дворца в Потсдаме и что все там для него оказалось в исправности. Наполеон на это ничего не ответил»[1].

Из всех прусских военачальников дольше всех продержался до капитуляции самый талантливый из них и, пожалуй, главный среди них франкофоб Гебхард Леберехт Блюхер (1742–1819 гг.). Его предвоенный настрой был сверхоптимистическим. «Я нисколько не боюсь встречи с французами, – говорил он. – Я загоню в могилы всех, кого встречу вдоль берега Рейна. С одной своей конницей я доскачу до Парижа!»[2] В ходе войны, однако, ему пришлось главным образом бежать от французских войск, безостановочно в течение трех недель, с поля битвы при Ауэрштедте до г. Любек у самой границы с Данией. Там, в Любеке, он был осажден, вырвался из Любека в соседний городок Раткау, но 6 ноября все же вынужден был сдаться в плен с 10 тыс. своих солдат.

Капитуляция войск Блюхера и через день – крепости Магдебург стали заключительной точкой в прусской кампании Наполеона. От армии, численность которой доходила до 180 тыс. человек (по данным Е. В. Тарле), остался лишь 14-тысячный резервный корпус генерала А. В. фон Лестока[3], который не успел подвергнуться тотальному разгрому пруссаков и спешно был передан в подчинение русским войскам; мы с ним еще встретимся. «Лучше сто раз умереть, чем пережить это вновь», – вспоминал о том времени знаменитый фельдмаршал А. В. А. Гнейзенау[4]. Зато каждый француз из тех, кому довелось отличиться в кампании 1806 г., обрел славу национального героя. Кстати, среди них был и сержант Огюст Рикар де Монферран (1786–1858 гг.) – будущий великий архитектор, ученик Ш. Персье и П. Ф. Л. Фонтена; с 1816 г. он жил в России с именем Август Августович и создал такие шедевры российского зодчества, как Исаакиевский собор и Александровская колонна в Петербурге[5].

Сокрушив прусскую монархию, Наполеон унизил ее тяжелейшей контрибуцией в 159 млн 425 тыс. франков[6]. Зато союзницу Пруссии Саксонию помиловал и сделал своей союзницей: он начал с освобождения из плена 6 тыс. саксонских солдат и 300 офицеров, которые

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 216.

[2] Цит. по: Кастело А. Наполеон. С. 83.

[3] Антон Вильгельм фон Лесток (1738–1815) был племянником лейб-медика и фаворита императрицы Елизаветы Петровны графа Иоганна Германа (Ивана Ивановича) Лестока (1692–1767).

[4] Цит. по: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 130.

[5] См. о нем: Ротач А. А., Чеканова О. А. Огюст Монферран. Л., 1990.

[6] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 162.

сражались с французами в составе прусской армии под Йеной, а кончил тем, что «возвел курфюста Саксонского в ранг короля и включил Саксонию в состав Рейнского союза» (под протекторатом Франции)[1]. «Пруссия теперь походила на крепость, разрушенную страшным землетрясением», – так подытожил кампанию 1806 г. Вальтер Скотт[2].

Действительно, столь быстрого и легкого завоевания великой державы история войн еще не знала. Но уже через восемь с половиной лет сам Наполеон превзойдет этот собственный мировой рекорд, когда за 20 дней, вообще без боя, завоюет... Францию.

А пока в поверженном Берлине 21 ноября 1806 г. Наполеон подписал знаменитый декрет о континентальной блокаде – «величайшее, самое бескровное и самое опасное из всех его объявлений войны»[3]. Он понимал, что, если не сокрушит Англию, его борьба с коалициями будет подобна борьбе с многоглавой гидрой, у которой вместо каждой отрубленной головы тут же вырастает новая (как только что вместо Австрии Пруссия). Покорить Англию силой оружия он не мог – для этого нужен был мощный флот, какового Наполеон не имел. И он решил задушить Англию экономически, взять ее, как крепость, осадой. Крупнейший в мире знаток этой темы, автор капитального двухтомного исследования «Континентальная блокада» академик Е. В. Тарле подчеркивал намерение Наполеона «изгнать англичан не только из Французской империи, но и со всей Европы, экономически их обескровить, лишить их всех европейских рынков сбыта»[4]. Своим декретом он объявлял Британские острова блокированными и запрещал всем странам, зависимым от Франции (а к ним относилась уже почти вся Европа), какие бы то ни было, даже почтовые сношения с Англией[5]. «Пусть варится в собственном соку!» – заявил Наполеон, начиная блокаду Англии.

Континентальная блокада отныне стала главной идеей внешней политики Наполеона. Эта идея толкнет его к завоеванию Испании и Португалии, а затем приведет в Москву. Ей с 21 ноября 1806 г. он подчинял все прочие, даже самые выигрышные для Франции внешнеполитические идеи, включая расчет на союз с Россией. Историки до сих пор обсуждают его континентальную систему. На Западе бытует мнение, что Наполеон, экономически унифицируя Европу (да-

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 162.

[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 467.

[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 232.

[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 217.

[5] Текст декрета см.: Correspondance de Napoléon. T. 13. № 11283. P. 682–685.

же в противовес Англии), тем самым разумно предвосхищал современную доктрину «общего рынка»[1]. Российские исследователи считают такой взгляд неисторичным, а континентальную идею Наполеона – химерой. Даже А. З. Манфред, ценивший умение Наполеона «и при дерзновенности замыслов всегда оставаться трезвым в расчетах», признавал эту идею химеричной, ибо «основное направление социально-экономического развития Европы начала XIX века шло по совсем иным магистралям – то было время формирования буржуазно-национальных независимых государств»[2]. Рассуждение Альберта Захаровича правомерно, но все же в континентальной системе Наполеона нам видится не сплошная химера, а по-наполеоновски дерзновенная, в целом, как *позднее* выяснилось, обреченная на неудачу, но не лишенная трезвого расчета попытка опередить свое время.

Сам Наполеон понимал, сколь каверзна задача, которую он вознамерился решить. В официальном послании Сенату Франции из Берлина от 21 ноября 1806 г. (в день объявления декрета о континентальной блокаде!) он признавал: «Недешево нам стоило поставить интересы частных лиц в зависимость от ссоры монархов и возвратиться после стольких лет цивилизации к принципам, которые характеризуют варварство первобытных времен, но мы были вынуждены противопоставить общему врагу то оружие, которым он пользуется»[3].

Судя по всему, Наполеон «предвидел с самого начала», что затеянная им экономическая блокада Англии могла иметь успех, «только если бы вся Европа попала или под прямую власть, или под властный контроль со стороны Наполеона. В противном случае достаточно было одной стране не повиноваться и продолжать торговать с Англией, как и весь декрет о блокаде сводился к нулю, потому что из этой непослушной страны английские товары (под неанглийскими марками) быстро и легко распространились бы по всей Европе»[4]. Но поскольку Наполеон это предвидел, у него были основания рассчитывать на успех, несмотря ни на какие препятствия: во-первых, конечно, он верил в свои силы, в свою Великую армию и в собственный гений политика и военачальника, а кроме того, как отмечал Е. В. Тарле, Наполеон учитывал, что «есть один слой населения во всей Европе – именно промышленная буржуазия (из тех самых

---

[1] См., напр.: Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 110.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 505.

[3] Correspondance de Napoléon. Т. 13. № 11281. P. 680.

[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 218.

“частных лиц”. – *Н. Т.*), которая будет приветствовать избавление от английской конкуренции»[1], а стало быть, так или иначе, поддержит его.

Итак, Англия вновь – после Булонского лагеря – оказалась перед угрозой гибели, и опять, как и в 1805 г., на помощь ей пришла Россия.

Собственно, Александр I спешил помочь не столько своему английскому «спонсору», сколько прусскому другу. Фридриха-Вильгельма III царь почему-то любил, хотя испытывал понятную антипатию к другому своему постоянному союзнику – Францу I – этому «старому грязному уроду»[2], как назвал его Александр в письме к сестре Екатерине Павловне, собиравшейся выйти за 39-летнего императора Австрии замуж[3]. «Для меня нет ни жертв, ни усилий, которых я не совершил бы, чтобы доказать вам всю мою преданность дорогим обязанностям»[4], – так написал Александр Фридриху Вильгельму, этому (напомню читателю отзыв о нем Наполеона) «величайшему болвану на свете», 3 ноября 1806 г., вспоминая, должно быть, их клятву над гробом Фридриха Великого. В тот же день на помощь Пруссии был отправлен 60-тысячный корпус Л. Л. Беннигсена с артиллерией из 276 орудий, а следом за ним – другой, 40-тысячный, Ф. Ф. Буксгевдена при 216 орудиях. Оба корпуса были уже за границей, когда Александр I решил наконец, кого назначить главнокомандующим.

Трудно далось царю это решение. М. И. Кутузов после Аустерлица на время впал в немилость. Других отечественных военачальников царь ставил еще ниже. Вновь приглашать Ж. В. Моро из Америки было некогда. В конце концов Александр склонился к мнению двора вверить главное командование самому популярному из сохранившихся екатерининских полководцев, соратников П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Таковым был признан генерал-фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский (1738–1809 гг.) – отец двух известных российских военачальников, генералов от инфантерии Сергея Михайловича (1771–1834 гг.) и Николая Михайловича (1776–1811 гг.); второй из них прославился еще в Швейцарском походе Суворова, штурмом взяв Чертов мост, за что Суворов прозвал его, 23-летнего полковника, «Чертовым генералом» и представил к генеральскому чину. Сам Михаил Федотович когда-то, по свидетельству

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 218.

[2] Валлоттон А. Александр I. М., 1966. С. 288.

[3] 13 апреля 1807 г. скончалась вторая из четырех жен Франца I Мария-Тереза, которая за 17 лет брака родила мужу 13 детей (в их числе была и будущая вторая жена Наполеона императрица Мария-Луиза. – *Ред.*)

[4] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 154.

Дениса Давыдова, «имел счастье нести в общем мнении и в мнении самого Суворова высокую честь единственного его соперника»[1], а теперь был уже «ветеран с придурью» (так сказал о нем К. В. Нессельроде) – оглохший, полуослепший и наполовину выживший из ума.

«Пиит пиитов» Г. Р. Державин посвятил Каменскому хвалебную оду с такими строками:

Оставший меч Екатерины,
Булат, обдержанный в боях!

Царь и царица Елизавета Алексеевна приняли М. Ф. Каменского в своих дворцовых апартаментах как *спасителя* и напутствовали его на «святое дело» борьбы с Наполеоном, призывая к «спасению горячо любимой им Родины»[2]. Вслед за тем Александр I предписал Синоду, чтобы по всем церквам возглашалась анафема Наполеону как антихристу, «твари, совестью сожженной и достойной презрения»[3].

В тот день, когда россияне впервые услышали эту анафему (7 декабря), Каменский прибыл к армии и моментально учинил в ней хаос. «Последний меч Екатерины, – иронизировал над ним осведомленнейший мемуарист Ф. Ф. Вигель, – видно, слишком долго лежал в ножнах и оттого позаржавел»[4]. Его распоряжения оказались настолько путаными, что все смешалось и целую неделю командиры отдельных частей не знали, где армия, что с ней и есть ли она вообще. Сам Каменский, убедившись в собственной беспомощности, через шесть дней самовольно покинул армию и уехал к себе в имение (Орловского уезда), а перед отъездом приказал: «Всем отступать, кто как может, в пределы России»[5]. Александр I, узнав об этом, сказал окружающим: «Угадайте-ка, господа, кто первый бежал из армии?»[6] Самому же «спасителю» царь направил жесткий рескрипт: «Хотя и с прискорбием, но не обинуясь, должен я сказать вам, что таковой предосудительный поступок, если бы он сделан был кем-либо другим, надлежало бы предать строжайшему военному суду, коего неминуемым последствием было бы лишение живота»[7]. Генерал-фельдмаршал граф М. Ф. Каменский избежал военного суда, но спу-

---

[1] Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 187.
[2] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 155.
[3] Там же. С. 156.
[4] Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 421.
[5] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 3. С. 145.
[6] Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 507.
[7] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 288.

стя два года подвергся «лишению живота», более страшному, чем расстрел или даже виселица, – его зарубил топором собственный дворовый[1].

Официально Александр I объявил вторую с 1805 г. войну Франции манифестом от 16 ноября 1806 г.[2] Наполеон, как только узнал об этом, по своему обыкновению стремительно пошел навстречу русским войскам и 19 декабря занял Варшаву – бывшую столицу Польши, а теперь город и стратегический пункт на крайнем востоке прусского королевства. Новая война между Россией и Францией запылала на исконно польских землях. Напомню читателю, что трижды, в 1773, 1793 и 1795 г., Польшу, «эту несчастную страну (цитирую Д. Чандлера. – *Н. Т.*), делили ее мощные и прожорливые соседи – Россия, Пруссия и Австрия»[3]. Теперь, в 1806 г., Польша встречала Наполеона с восторгом и надеждой на него как на *освободителя*, способного восстановить единую, неделимую и независимую Польшу. Наполеон, однако, хотя и сочувствовал полякам и даже использовал «польские легионы» в составе своей Великой армии, не торопился оправдывать их надежды. «Мне хотелось бы сделать Польшу независимой, но это трудное дело, – говорил он Л. А. Бурьену. – Австрия, Россия и Пруссия все отрезали себе от этого пирога; если зажечь спичку, кто знает, чем кончится пожар. Мы должны оставить это дело хозяину всего – времени»[4]. Время покажет, что Наполеон и тогда считал вероятным (несмотря на две войны!) союз Франции с Россией, при котором восстановление независимой Польши (Речи Посполитой, как она называлась) было бы невозможно, ибо означало отказ Пруссии, Австрии и России от всех польских территорий.

Кампания 1806 г. в Польше ужаснула французов (россиян – тоже, но лишь отчасти) погодными и дорожными условиями. «Здесь не четыре, а пять стихий, – досадовал Наполеон. – Пятая стихия – грязь». Эта «пятая стихия» лишила Наполеона его важного козыря – быстроты маневра: любой род войск «останавливали непроходимые грязи, среди коих тонули пушки и обозы, вязли люди и лошади, все движения замедлялись»[5]. К вязкой грязи добавились снежные мете-

---

[1] См.: Русский биографический словарь. Ибак-Ключарев. СПб., 1897. С. 422.

[2] Текст манифеста см.: Полное собр. законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 29. С. 865–866.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 319.

[4] Бурьенн Л. А. Записки о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 4. Ч. 7. С. 228.

[5] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 3. С. 148.

ли и каменевшие от мороза ухабы. Все кареты Наполеона сломались в грязи польских дорог, а карета обер-гофмаршала М. Дюрока опрокинулась на ухабах, переломив ему ключицу[1]. В этих условиях война приняла затяжной позиционный характер, а в такой войне неожиданно проявил себя с лучшей стороны генерал от кавалерии барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826 гг.), один из главных убийц Павла I, слывший, подобно М. Ф. Каменскому, соратником великого генералиссимуса А. В. Суворова, хотя под командованием Суворова он участвовал только в подавлении польского восстания 1794 г.

Беннигсен отказался выполнять приказ Каменского об отступлении в Россию и продолжил боевые действия. Фигурально говоря, он сыграл вничью 26 декабря 1806 г. при Пултуске (в 35 км севернее Варшавы) с лучшим из маршалов Наполеона Ж. Ланном. Правда, Беннигсен имел здесь более чем двойное превосходство в силах: 45 тыс. человек против 20 тыс. у Ланна[2]. Но именно Беннигсен и вынужден был с наступлением ночи отступать от Пултуска на север. Впрочем, Ланн не имел ни сил, ни возможностей его преследовать. Е. В. Тарле так подытожил эти события: «Сражение окончилось без явного перевеса в ту или иную сторону, и, как всегда в таких случаях бывает, обе стороны рапортовали своим государям о победе. Ланн донес Наполеону, что русские с тяжелыми потерями отброшены от Пултуска (здесь-то налицо большая доля правды. – *Н. Т.*), а Беннигсен донес Александру, что он разбил самого Наполеона (которого и в помине не было ни в Пултуске, ни даже в далекой окружности от Пултуска)»[3].

Благодарный Александр I в ответ на такое донесение назначил Беннигсена главнокомандующим всеми русскими войсками в Польше, вместо уже отбывшего на родину М. Ф. Каменского. В новой роли главнокомандующего Беннигсен 8 февраля 1807 г. под г. Прейсиш-Эйлау (ныне Багратионовск Калининградской области) выстоял в генеральном сражении с самим Наполеоном.

Соотношение сил в пехоте и кавалерии было примерно равным – при большом преимуществе русской артиллерии. Новейшие подсчеты А. А. Панченко (на основе сопоставления различных данных) показывают, что Наполеон имел от 59 до 75 тыс. человек и 200 орудий против 70–75 тыс. человек (включая 8-тысячный прусский корпус

---

[1] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 320, 321.
[2] Богданович М. И. Цит. соч. Т. 2. С. 180.
[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 223. См. также: Манфред А. З. Цит. соч. С. 508.

генерала А. Б. фон Лестока) и 400 орудий у Беннигсена[1]. По общему мнению очевидцев и участников битвы при Эйлау, такого кровопролития история войн еще не знала. «С самого момента изобретения пороха никто никогда не видел столь ужасных последствий его применения», – вспоминал барон М. де Марбо[2]. К тому же эта «страшная бойня» происходила в «почти невозможных погодных условиях», в снежную пургу при морозе до 30°[3].

Об ожесточенности битвы говорит тот факт, что корпус маршала П. Ф. Ш. Ожеро, занимавший позицию в центре французской армии был почти полностью уничтожен (главным образом огнем русской артиллерии). «Из 15 тысяч бойцов, имевших оружие в начале сражения, – вспоминал М. де Марбо, бывший тогда адъютантом Ожеро, – к вечеру осталось только 3 тысячи под командованием подполковника Масси. Маршал, все генералы и все полковники были убиты или ранены»[4]. Сам Наполеон в тот день едва не погиб. Он стоял с гвардией на командном пункте посреди городского *кладбища*, что выглядело символичным для такой «страшной бойни». Русские ядра со свистом пролетали над его головой, обламывали и бросали к его ногам ветки стоявших рядом с ним деревьев. Император оставался неподвижен на своем месте, рассылая во все стороны адъютантов с приказами. Хорошо сказано об этом у Е. В. Тарле: «Наполеон всегда считал, что главнокомандующий не должен рисковать своей жизнью без крайней необходимости. Но тут, под Эйлау, он видел, что снова, как под Лоди, как на Аркольском мосту, наступила именно эта крайняя необходимость. Но там, под Лоди или под Арколе, нужно было броситься первому на мост, чтобы этим порывом увлечь замявшихся гренадер за собой; под Эйлау же требовалось заставить свою пехоту стоять терпеливо часами под русскими ядрами и не бежать от огня»[5].

Уловив критический момент в ходе битвы, Наполеон дал знать Мюрату: пора! Иоахим Мюрат, маршал империи и великий герцог Бергский, зять Наполеона встал во главе своей кавалерии (более 60 эскадронов, а именно 11 тыс. драгунов, егерей и кирасиров) и лично повел ее в атаку против русского центра. То была «легендарная

---

[1] Панченко А. А. Эйлау 1807 г.: Точки зрения на соотношение сил, ход и итоги сражения // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2005. С. 31, 36–37.

[2] Марбо М. де. Цит. соч. С. 205.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 332, 334.

[4] Марбо М. де. Цит. соч. С. 205.

[5] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 224.

атака», «одна из величайших кавалерийских атак в истории»[1]. Лавины озверевших рубак, одна за другой, расшвыривая снежные завалы и сметая все на своем пути, обрушились на боевые порядки россиян. Русская артиллерия не успела сделать больше одного залпа, а пехота – построиться в каре. Кирасиры в стальных панцирях и на мощных лошадях, вслед за ними драгуны и егеря, «пронзили», по выражению Д. Чандлера, две линии русского центра, изрубив артиллерийскую прислугу и сбивая с ног целыми ротами пехоту, а затем промчались, сокрушая все и вся, вплоть до русских резервов.

Но вот тут, по признанию А. Лашука, «русская пехота в полной мере проявила свою способность к сплачиванию при обороне. Она не обратилась в беспорядочное бегство, а быстро пришла в себя и сомкнула ряды за спиной кавалерии Мюрата, прорвавшей ее линии. Пехота закрыла образовавшуюся брешь в боевых порядках русской армии, отрезав французскую кавалерию»[2]. Теперь Мюрат развернул свои эскадроны и повел их на прорыв в обратный путь. «Штыки и пули русской пехоты, картечь и гранаты артиллерии не смогли преградить путь этому живому тарану из людей и лошадей, – читаем у А. Лашука. – Возвращение конницы было не менее губительным для противника, чем ее первый натиск. Русская пехота опять понесла огромные потери, и целые батальоны были буквально “вытоптаны” эскадронами Мюрата»[3]. Сам Мюрат, как всегда «карусельно разодетый» (выражение Дениса Давыдова), но уже почерневший от пороха, вернулся к императору с докладом, что он выполнил приказ, хотя и немалой ценой (потерял 1500 человек).

Чего добился Наполеон в результате этой «легендарной атаки» своей кавалерии? По мнению таких авторитетных специалистов, как француз А. Лашук, англичанин Д. Чандлер, немец О. фон Леттов-Форбек, он «вырвал инициативу из рук Беннигсена», который после разгрома корпуса Ожеро готовился торжествовать победу[4]. Теперь Беннигсен до конца битвы, т. е. до наступления темноты, перешел к глухой обороне, а ночью оставил свои позиции и отступал все дальше и дальше на север, к Кенигсбергу. Наполеон от Эйлау (как ранее Ланн от Пултуска) его не преследовал – для этого у французов уже не было сил.

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 338; Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 171. Подробно об этой атаке см. также: Лашук А. Цит. соч. С. 286–287; Давыдов Д. В. Соч. С. 218.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 287.

[3] Там же. С. 288.

[4] Там же. О том же см.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 338; Леттов-Форбек О. фон. История войны 1806 и 1807 гг. Варшава, 1898. Т. 4. С. 83.

Потери сторон под Прейсиш-Эйлау были колоссальны, как ни в одном другом из предыдущих сражений Наполеона, а главное, фактически равны: по подсчетам О. фон Леттова-Форбека, к которым близки подсчеты и А. Лашука, и Д. Чандлера, русские войска потеряли 26 тыс. человек плюс 800 человек из прусского корпуса Лестока, французы – 23 150 человек[1].

Каковы же итоги столь страшного кровопролития при Эйлау? Французы сочли себя победителями, поскольку русские уступили им поле битвы. Однако Наполеон понимал, что настоящей, *неоспоримой* победы он впервые с 1799 г. (после неудачной осады Сен-Жан д'Акра) не одержал. Он сам признает в разговоре 1809 г. с флигель-адъютантом Александра I А. И. Чернышевым: «Я назвал Эйлау своей победой только потому, что после сражения вы изволили отступить»[2]. Хуже того, именно в Эйлау, как подметил Д. Чандлер, «проявились первые признаки будущего падения Наполеона. Почти вся Европа увидела, что впервые "страшилище" было остановлено <...>. Наполеон отнюдь не непобедим, в бронированном "людоеде" есть щели»[3]. Д. С. Мережковский выразился на этот счет конкретнее: «Ужас Двенадцатого года – ужас рока глянул в глаза Наполеону в этой ледяной, железной и кровавой ночи Эйлау»[4].

Беннигсен со своей стороны вновь, как и после Пултуска, рапортовал Александру I, что он (уже второй раз подряд!) разбил Наполеона. Царь на радостях по такому случаю пожаловал барону за эту «победу» высший орден Российской империи – Св. Андрея Первозванного – и пожизненную пенсию в 12 тыс. руб. «На вашу долю, – гласило приветствие царя "цареубийце" от 8 (20) февраля 1807 г., – выпала слава победить того, кто еще никогда не был побежден»[5].

Российское общество, узнав об Эйлау (в трактовке Беннигсена) ликовало. В Петербурге (как и в Париже!) служили благодарственный молебен «Te Deum» за эйлаускую победу. Вновь выступил с патриотической одой Г. Р. Державин – теперь, правда, в иносказательной форме, под названием «Персей и Андромеда». Поэт изобразил Наполеона чудовищным драконом из преисподней, «серпокогтистым, двурогатым», «живым саламандром», которого поражает *рус-*

---

[1] Леттов-Форбек О. фон. Указ. соч. С. 88; Лашук А. Цит. соч. С. 293; Чандлер Д. Цит. соч. С. 340.

[2] А. И. Чернышев исполнял тогда экстраординарные обязанности *личного представителя* императора Александра при императоре Наполеоне.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 341.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 191.

[5] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 164.

ский витязь (Беннигсен, стало быть, барон из Ганновера, который, кстати сказать, не владел русским языком и, хотя прослужил в России почти полвека, с 1773 по 1818 г., даже не принял российского гражданства)[1].

Тем временем «война, собрав богатый урожай смерти на поле Эйлау, вновь замирает»[2]: и французские, и русско-прусские войска, не мешая друг другу, расходятся по зимним квартирам – до весны.

5. Мария Валевская!

После Эйлау Наполеон расквартировал свою Великую армию в центральной Польше, избрав для себя, своего штаба и гвардии старый рыцарский замок в г. Остероде, а с 1 апреля переместил свою главную квартиру в более просторный и комфортный замок Финкенштейн (40 км западнее Остероде). Весь остаток зимы и раннюю весну 1807 г. он был занят неустанными хлопотами по восстановлению и наращиванию боеспособности своих войск, а главное, по изысканию и доставке подкреплений – не только из Франции, отовсюду. Наполеон требовал (и получал) войсковые пополнения от своих союзников – Баварии, Саксонии, Испании, не говоря уже об Италии, где он сам был королем, а его пасынок вице-королем. В то же время император следил, чтобы ни Англия, ни Россия не смогли ослабить его контроль над Балтийским побережьем. Поэтому так порадовал его маршал Ф. Ж. Лефевр, который 27 мая, после более чем двухмесячной осады, заставил капитулировать прусский гарнизон мощной портовой крепости Данциг под командованием фельдмаршала Ф. А. Калькрейта. Падение Данцига позволило Наполеону не только взять под усиленный контроль побережье Балтики, но и высвободить для нового, летнего, этапа войны с Россией первоклассный корпус Лефевра. Сам Лефевр получил от Наполеона титул герцога Данцигского.

Тяжкое, полное забот и тревог время первых месяцев 1807 г. скрасил Наполеону его роман с Марией Валевской, «один из знаменитейших романов истории», по мнению Мариана Брандыса[3].

Об этом романе написаны десятки книг, как научных, так и художественных, сочинены поэмы, драмы и оперные либретто, снят ряд

---

[1] Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. СПб., 1864. Т. 2. С. 613–614. Подробно см.: Наринский М. М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 295.

[3] Брандыс М. Мария Валевская. М., 1975. С. 402. См. также об этом романе Наполеона: Гонсеровский В. Пани Валевская. М., 1994; Sutherland Ch. Marie Walewska Napoleon's Great love. L., 1979.

фильмов, из которых лучшим был первый (1937 г.), американский, суперфильм «Покорение» с несравненной Гретой Гарбо в главной роли (в польском фильме «Марыся и Наполеон» роль Валевской играла другая кинозвезда – Беата Тышкевич). Биографы Наполеона, однако, не всегда принимают его польский роман всерьез. Е. В. Тарле лишь упомянул Валевскую. А. З. Манфред, считавший любовь Наполеона к Жозефине, «пожалуй, единственным в его жизни сильным чувством к женщине»[1], признал, возражая себе самому, что «в романе жизни императора глава “Мария Валевская” осталась, наверное, самым сильным, самым ярким его воспоминанием»[2]. Самый авторитетный знаток личной жизни Наполеона академик Ф. Массон назвал Валевскую его «сильнейшей, единственной сердечной привязанностью»[3]. Это верно при одном уточнении: с тех пор как изменила Наполеону Жозефина.

Мария Лончиньская, дочь родовитого, но обедневшего польского шляхтича, родилась 7 декабря 1786 г. Гувернером ее был Николя Шопен – французский эмигрант и участник польского восстания 1794 г., будущий отец великого композитора. 17 июня 1803 г. она, 16-летней, была против ее воли выдана замуж за богатого камергера, дважды вдовца, 70-летнего Анастазия Колонна-Валевского, который по возрасту (вчетверо старше Марии) годился ей в деды, даже его внучка была на 10 лет старше ее. В 1805 г. Мария родила мужу-«деду» сына Антония Базиля Рудольфа. Он не доживет и до 30 лет, причем «о его судьбе практически ничего не известно»[4].

С Наполеоном Мария впервые встретилась 1 января 1807 г. в польском местечке Яблонна, когда он ехал из Пултуска в Варшаву. В тот день карету Наполеона встречали толпы жителей Яблонны. Они (да и все вообще поляки) экзальтированно воспринимали французского императора как спасителя их родины от «прожорливых соседей», трижды расчленивших великую Польшу. Среди них оказалась и 20-летняя Мария Валевская. Она с таким отчаянием воззвала из толпы к обер-гофмаршалу М. Дюроку («Месье, помогите мне увидеть *его* хоть одну минуту!»), что Дюрок подошел к ней, взял за руку и, властно раздвигая толпу, подвел ее к открытому окну императорской кареты. «Государь! – обратился он к Наполеону. – Взгляните на нее... Она не побоялась быть раздавленной толпой, чтобы только увидеть вас!»

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 131.

[2] Там же. С. 508.

[3] Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 232.

[4] См. послесловие Эльвиры Архиповой к указ. соч. В. Гонсеровского (С. 442).

Наполеон едва успел сказать что-то, как Мария в экстазе преклонения перед ним быстро заговорила на чистом французском и с трогательным польским акцентом: «Добро пожаловать, тысячу раз добро пожаловать на нашу землю! Никакими словами не выразить тех чувств, которые мы питаем к Вам. Мы ждали вас, чтобы снова встать с колен!»[1] Наполеон слушал ее, сняв шляпу и присматриваясь к ней. Затем он взял букет цветов, оказавшийся у него в карете, и поднес его Марии с такими словами: «Сохраните его как залог моих добрых намерений. Мы увидимся, надеюсь, в Варшаве, и я потребую тогда благодарности из ваших прелестных уст». Было видно, что Мария своим приветствием, а главное, всем своим обликом произвела на императора неизгладимое впечатление. Он еще какое-то время смотрел на нее, любуясь ею, а когда его экипаж тронулся в путь, помахал на прощание шляпой.

Эта «польская Жанна д'Арк», по выражению (дружески шутливому) Наполеона, грациозная, как античная статуэтка, и прелестная, как мадонна Рафаэля, с нежно-белокурыми локонами, пленительным взглядом фиалковых глаз и словно бы тенью грусти на одухотворенном лице, буквально ослепляла мужчин (и убивала завистливых дам) своей внешностью. По убеждению наполеоновского камердинера Л.-Ж. Маршана, она «могла свести с ума кого угодно»[2]. Когда прославленный Франсуа Жерар написал ее портрет, весь Париж восхищался им, говоря, что «это самое прекрасное произведение, которое выходило из его мастерской»[3]. Но Наполеон увидел в Марии большее. «Она ангел, – сказал он о ней брату Люсьену почти те же слова, которые А. С. Пушкин скажет потом своей Натали. – Душа ее столь же прекрасна, как и ее лицо»[4]. Вопреки стараниям некоторых литераторов (вроде Валентина Пикуля и Олега Михайлова) развить версию злоязычной графини Анетки Потоцкой, будто Валевская оборонялась перед Наполеоном «столь же слабо, как крепость Ульм»[5], неопровержимые документы, включая письма самого Наполеона, свидетельствуют, что завоевать Марию Валевскую всемогущему императору стоило гораздо больше сил, чем для победы над третьей коалицией европейских монархий.

Тогда, в январские дни 1807 г., по дороге из Яблонны в Варшаву и потом в самой Варшаве Наполеон не забывал о прекрасной незна-

---

[1] Подробно о первой встрече Наполеона с Марией Валевской см.: Массон Ф. Цит. соч. С. 195–197; Брандыс М. Цит. соч. С. 511–512.

[2] Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания. Мемуары. М., 2003. С. 137.

[3] Брандыс М. Цит. соч. С. 443.

[4] Цит. по: Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 168.

[5] Мемуары графини Потоцкой (1794–1820). СПб., 1915. С. 85.

комке, которой он оставил букет цветов с надеждой на новую встречу. 17 января он увидел и узнал ее на балу в королевском замке Варшавы, где она была под присмотром мужа. «Император подошел к ней, – читаем в воспоминаниях очевидца этой сцены Констана Вери, – и немедленно завязал разговор, который она поддержала с большим изяществом и остроумием, демонстрируя при этом блестящее образование. Легкая тень меланхолии, присущая всему ее облику, делала ее еще более обольстительной»[1].

На следующий день после бала Наполеон был сам не свой. Он показался Констану «необычно возбужденным; вскакивал с кресла, прохаживался взад и вперед по комнате, садился в кресло и вновь поднимался с него»[2]. Так *все* началось: император отправил к Валевской Дюрока с раскошным букетом цветов и следующей запиской: «Я видел только Вас, восхищался только Вами, жажду только Вас. Пусть быстрый ответ погасит жар моего нетерпения... Н»[3]. Дюрок вернулся к императору ни с чем: «мадонна» Валевская на письмо не ответила! Наполеон спешно (может быть, в тот же день) вновь посылает Дюрока к Валевской с новым букетом и новым письмом. В этом втором письме, как заметил Мариан Брандыс, «уже нет императора, есть только влюбленный мужчина». Вот его текст:

«Неужели я не понравился Вам? Мне кажется, я был вправе ждать обратного. Разве я ошибался? Ваш интерес ко мне слабеет по мере того, как растет мой. Вы лишили меня покоя. Прошу Вас, уделите намного радости моему сердцу, готовому Вас обожать. Неужели так трудно дать мне ответ? Вы должны мне уже два... Н».

Можно себе представить смятение императора, когда Дюрок предстал перед ним, что называется, несолоно хлебавши – без ответа Валевской и на второе письмо. Наполеон, уже больно задетый за живое и как вожделенный «спаситель» Польши, и просто как мужчина, отправил Валевской третье письмо, умоляя ее теперь не только как женщину, но и как патриотку: «О, придите! Придите! Все Ваши желания будут исполнены. Ваша родина будет мне дороже, когда Вы сжалитесь над моим сердцем. Н». На этот раз Мария согласилась приехать вместе с Дюроком в апартаменты к Наполеону, но там, наедине с императором, она, как ей показалось тогда, не ощутила ничего, кроме стыда за свой грех перед мужем и страха. Он пытался успокоить ее, признавался ей в любви, но как только у него вырвались слова «твой старый муж», она вскрикнула и с рыданиями бросилась к две-

[1] Наполеон. Годы величия. С. 217.

[2] Там же.

[3] Здесь и далее цит. письма Наполеона к Марии Валевской, опубликованные Ф. Массоном (С. 205–220) и М. Брандысом (С. 385–387).

ри. Наполеон остановил ее, бережно (но властно!) усадил в кресло. Вновь и вновь он порывался утешить ее, восхищаясь ею, – она только плакала. Тогда он отпустил ее: подвел к закрытой двери и, «грозя не открыть, заставил ее поклясться, что она придет завтра»[1].

Назавтра утром Мария получила четвертое письмо от Наполеона, преисполненное любви. «Мария, нежная моя Мария, – писал император. – Моя первая мысль – о Вас, мое первое желание – видеть Вас снова. Вы еще придете, правда? Ведь Вы обещали мне это. Если нет, орел сам полетит к Вам. Друг мой (М. Дюрок. – *Н. Т.*) говорил, что я увижу Вас сегодня за обедом. Благоволите принять этот букет. Пусть он поможет нам тайно общаться даже на глазах у толпы. Когда я прижму руку к сердцу, знайте, что оно все занято Вами, и в ответ мне Вы коснетесь этого букета. Любите меня, моя милая Мари, и пусть Ваша рука никогда не оставляет букета. Н».

«Букет», приложенный к письму, оказался изумительной по красоте брошью с бриллиантами. Валевская наотрез отказалась принять ее, но на обед в королевский дворец прибыла вместе с мужем (который не подозревал ее ни в каком прелюбодеянии) и без броши. Наполеон, увидев Марию, так посмотрел на нее, что ей показалось, будто глаза его мечут молнии. Когда он встал и направился к ней, она скорее непроизвольно, чем сознательно, приложила руку к тому месту, где должна была красоваться брошь. Лицо Наполеона сразу смягчилось, пламя гнева в его глазах погасло.

Вечером того же дня Валевская вновь приезжает к Наполеону и на этот раз остается с ним до утра. Возможно, как предполагает Ф. Массон, она «отдалась Наполеону или, вернее, позволила взять себя» не из каких-либо чувств (любви ли, поклонения и пр.) к нему лично, а в самоотверженной надежде на возрождение Польши[2]. Ведь она, как и все поляки, испытывала «патриотический восторг» при одной мысли о Наполеоне и тем более при виде его. Мария знала: где бы император ни появлялся, его встречали ликующие толпы с возгласами: «Да здравствует Наполеон Великий! Да здравствует Спаситель Отчизны!»[3] Впрочем, бесспорно лишь одно: «превращение мифического героя во влюбленного мужчину, домогающегося любовного свидания»[4], должно было стать для Валевской головокружительной неожиданностью. Такое превращение потрясло Валевскую, но и вызвало в ней ответное чувство. Она увидела в непобедимом *герое* столь же неотразимого *мужчину*: «Бог войны» стал

---

[1] Массон Ф. Цит. соч. С. 219.
[2] Там же. С. 224.
[3] Брандыс М. Цит. соч. С. 387.
[4] Там же. С. 388.

для нее «Богом любви». Все следующие дни до отъезда Наполеона из Варшавы в армию (26 января) она встречалась с ним уже как возлюбленная и любящая.

Январские встречи 1807 г. для Наполеона и Марии Валевской были только началом их любви. Пока он был на фронте, они обменивались любовными письмами (он писал ей даже с поля битвы при Эйлау), а в середине апреля Наполеон вызвал ее к себе в замок Финкенштейн. Здесь их роман обрел, по определению М. Брандыса, «черты супружеской респектабельности», тем более что свои отношения с мужем Валевская в то время фактически (пока еще не формально) уже порвала. Подробно вспоминал об этом Констан Вери – личный камердинер и «неотступная тень» императора: «Наполеон, по-видимому, высоко ценил прелести этой *ангельской* женщины, чей добрый и готовый к самопожертвованию характер произвел на меня глубокое впечатление. Когда они обедали вместе, а их обслуживал только я один, мне предоставлялась возможность получать удовольствие от их разговора, который всегда со стороны императора принимал дружеский, веселый, оживленный характер, а со стороны госпожи Валевской их беседа окрашивалась нежностью, страстностью и несколько загадочной грустью <...>. Очарование ее натуры заметно пленило императора, который с каждым днем все больше становился ее рабом»[1].

В начале мая 1807 г., после трех недель «супружески респектабельной» связи Наполеон и Мария вынуждены были расстаться: он уехал на фронт завоевывать мир с Россией, она – домой, терпеть нелюбимого мужа. Перед отъездом из Финкенштейна Мария заказала для Наполеона и подарила ему на прощанье золотое кольцо с надписью: «Если разлюбишь меня, не забудь, что я тебя люблю»[2].

Тем временем какие-то слухи о польском романе Наполеона дошли в Париж до Жозефины, и она написала императору ревнивое письмо о своих подозрениях. Наполеон 10 мая 1807 г., спустя всего лишь несколько дней после разлуки с Валевской, ответил Жозефине не без лукавства: «Я получил твое письмо. Не знаю, что ты имеешь в виду, говоря о дамах, которые со мной в переписке. Я люблю только мою маленькую Жозефину, милую, надутую и капризную, которая даже ссориться умеет с изяществом, присущим всему, что она делает, а потому всегда мила, кроме тех минут, когда она ревнует. Вот тогда она становится сущей ведьмой!.. Однако вернемся к нашим дамам. Если бы я мог заинтересоваться какой-либо из них, то,

[1] Наполеон. Годы величия. С. 218–219. Курсив мой. – *Н. Т.*
[2] Там же. С. 219; Брандыс М. Цит. соч. С. 426.

уверяю тебя, только при условии, что она была бы прелестна, как розовый бутон. Разве дамы, о которых ты говоришь, принадлежат к этой категории?»[1]

«Лицемер! – так комментировала это письмо Наполеона Гертруда Кирхейзен. – Но ведь этим "розовым бутоном" он делал половинное признание, скрытый намек на свою юную подругу, которая украшала собою его пребывание в Финкенштейне»[2]. «Как нелегко быть биографом!» – восклицал по этому поводу Мариан Брандыс[3].

Нам еще доведется (и не единожды) упоминать Марию Валевскую в связи с теми или иными событиями в жизни Наполеона. Но для полноты представления о ней самой, о том, как развивались ее отношения с Наполеоном и как в конечном счете сложилась судьба этой «ангельской женщины», заглянем вперед. С 1807 по 1815 г., от торжественного въезда Наполеона в Варшаву до его изгнания на остров Святой Елены, Мария, его «маленькая Мари», как он ее называл, встречалась с ним в самых разных местах и при самых различных обстоятельствах – и на вершине его величия, и у развалин его. Она приезжала к нему в Вену, Шёнбрунн и даже на остров Эльба, но, главное, подолгу жила в Париже, где император снимал для нее изящный отель на улице Монморанси, а затем поручил Дюроку купить ей «очаровательный домик» на Шоссе д'Антен[4]. Там она часто принимала Наполеона в бытность при нем и первой, и второй его жен.

Самой важной и счастливой для императора из всех его встреч с Валевской была, пожалуй, та (в середине августа 1809 г. в Вене), когда Мария сказала ему, что беременна. По его желанию и с ее согласия этот факт был официально подтвержден личным медиком императора Ж.-Н. Корвизаром. М. Брандыс обоснованно заключил, что «беременность Валевской стала для Наполеона, независимо от сентиментальных соображений, событием государственного значения»[5]. *Только теперь* император окончательно удостоверился, что может стать основателем собственной династии, вопреки попыткам Жозефины взвалить на него вину за ее бездетность, ибо в своем отцовстве по отношению к двухлетнему Леону, рожденному от его мимолетной связи с лектрисой[6] Элеонорой Денюэль, которую подставил ему Мюрат, он все еще сомневался, подозревая, что именно Мюрат и был отцом того ребенка.

---

[1] Letters of Napoleon to Josephine. P. 157–158.
[2] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 173.
[3] Брандыс М. Цит. соч. С. 428.
[4] Там же. С. 441; Наполеон. Годы величия. С. 219.
[5] Брандыс М. Цит. соч. С. 434.
[6] Лектриса – придворная чтица.

Биографы Валевской допускают, что Наполеон, как только узнал о ее беременности, «чуть было не предложил ей корону», но спохватился, подчинив чувство разуму, который диктовал ему «политически-династический» подход к браку[1]. Он разведется с Жозефиной, хотя и любил ее как женщину даже после ее измен (правда, уже без былой страсти), и женится на принцессе из авторитетнейшей в Европе династии Габсбургов Марии-Луизе, которую будет любить как *мать* его законного сына, *наследника*. Валевская же останется для него любимой и непорочной *женщиной*.

4 мая 1810 г. у Марии родится сын Александр Валевский – будущий (уже при Наполеоне III) министр иностранных дел Французской империи, председатель исторического Международного конгресса 1856 г. в Париже, где были подведены итоги Крымской войны 1853–1856 гг. После рождения Александра Мария сделает все, чтобы добиться развода с Анастазием Колонна-Валевским, и 24 августа 1812 г. (в тот день Наполеон в России подойдет к Бородину) их брак будет официально расторгнут. Наполеон впервые увидит Александра Валевского в конце 1810 г., когда Мария приедет с ним, полугодовалым, на постоянное жительство в Париж. Здесь император окружил свою «польскую супругу» (как закулисно называли ее осведомленные лица) с ее – и его! – ребенком нежной заботой: «...каждое утро он посылал к ней за распоряжениями. К ее услугам предоставлены ложи во всех театрах, перед нею открыты двери всех музеев. Корвизару поручено заботиться о ее здоровье. На Дюрока возложена обязанность снабжать ее по высшему классу материально и вообще заботиться о ее удобствах. Император дает ей ежемесячную пенсию в 10 тыс. франков[2] <...>. Сыну ее немедленно по его прибытию был пожалован титул графа Империи»[3].

Последний раз Валевская встретится с Наполеоном 28 июня 1815 г., через 10 дней после Ватерлоо. С ними будет их пятилетний сын Александр. Об этой встрече, как и о романтической поездке Марии и Александра к Наполеону на остров Эльба речь пойдет особо – в V и VI главах. Но о том, как сложилась судьба Валевской после того как Наполеон был сослан на остров Святой Елены, уместно сказать здесь.

---

[1] Брандыс М. Цит. соч. С. 438.

[2] М. Брандыс в его цит. соч. подсчитал, что пенсион Валевской был в 60 раз больше баронской ренты, которую Наполеон назначил герою польских легионов Великой армии Яну Козетульскому за подвиги в битвах при Сомосьерре и Ваграме (С. 441).

[3] Массон Ф. Цит. соч. С. 233, 234. О том же: Брандыс М. Цит. соч. С. 441, 445, 457.

Прощаясь с Наполеоном 28 июня 1815 г. в Мальмезоне, Мария долго плакала в его объятиях и предлагала ехать вместе с ним в любое изгнание, хоть на край света. «Он обещал вызвать ее к себе, если позволит ход событий»[1], но прошел год, тянулся, месяц за месяцем, второй, а вызова с другого края света не было. И вот 7 сентября 1816 г. Мария Валевская вторично вышла замуж. На этот раз ее избранником стал двоюродный брат Наполеона (!), граф, дивизионный генерал и будущий (при Наполеоне III) маршал Империи, герой Аустерлица, Иены, Бородина и Лейпцига Филипп Антуан Орнано (1784–1863 гг.). Он был давно влюблен в Марию и добивался ее руки с 1812 г., когда она развелась с Анастазием Колонна-Валевским. Но лишь после ссылки Наполеона на Святую Елену Мария согласилась стать женой Орнано, который приглянулся ей, надо полагать, не только как ее обожатель, но и как соратник, а главное, близкий родственник Наполеона, похожий на него, как говорили вокруг, даже внешне. Кузен императора был счастлив в браке с его бывшей возлюбленной (9 июня 1817 г. она подарит ему сына, Рудольфа-Огюста), но недолго: ровно через полгода после рождения сына и на четвертый день 31-го года своей жизни (11 декабря 1817 г.) Мария Валевская умерла в Париже, в том самом доме, который подарил ей Наполеон[2]. Расставшись навеки с Наполеоном, она уже не столько радовалась жизни, сколько *угасала*, – рядом с мужем, который боготворил ее, но не мог заменить ей того, кто был для нее незаменим. Похоронили Марию на всемирно знаменитом кладбище Пер-Лашез, но в 1818 г., исполняя волю покойной, родственники перевезли ее останки в Польшу и предали земле в костеле ее родного местечка Кернозя. Там наконец обрел покой прах этой женщины, которая однажды очень просто сказала о Наполеоне и о себе: «Тот, кто видел мир у своих ног, был у моих»[3]. И это не было преувеличением.

6. Фридланд – Тильзит: разгром четвертой коалиции

За время с февраля по май 1807 г. Наполеон тщательно подготовился к летней кампании, которая должна была, по всем его выкладкам, решить судьбу четвертой коалиции. К началу июня он сосредоточил в ударный кулак под своим командованием шесть корпусов и гвардию общей численностью в 125 тыс. человек. Л. Л. Беннигсен, тоже восполнивший зимние потери и получивший подкрепления,

---

[1] Брандыс М. Цит. соч. С. 469.
[2] Подробно см.: Там же. С. 473–477.
[3] Цит. по: Там же. С. 525.

имел, «по одним подсчетам, 85, а по другим – около 100 тыс. годных к бою солдат»[1]. Теперь военные действия развернулись на территории Восточной Пруссии.

Наполеон знал, что операционным центром и главной военной и продовольственной базой русских войск (точнее, даже русско-прусских, поскольку в составе армии Беннигсена оставался еще прусский корпус А. В. фон Лестока) был Кёнигсберг. Поэтому в первую очередь император планировал отрезать Беннигсена от его базы, тогда как Беннигсен стремился не допустить этого.

Тем временем Александр I, который после Эйлау проникся боевым духом, осведомился у Беннигсена, «когда прибытие его (царя. – *Н. Т.*) к армии окажется наиболее полезным». Беннигсен, вдохновленный не столько итогами битвы при Эйлау, сколько своим донесением царю об ее итогах, 9 (21) марта ответил, что просит государя «поспешить отъездом»[2].

16 (28) марта Александр I с военно-придворной свитой, включая прежний «триумвират» его «молодых друзей» (П. А. Строганова, А. А. Чарторыйского и Н. Н. Новосильцева) отправился из Петербурга в действующую армию. Проездом он посетил в Митаве Людовика XVIII и заявил ему, что «день, когда он водворит его во Франции, будет счастливейшим днем его (Александра. – *Н. Т.*) жизни»[3]. 23 марта (4 апреля) царь уже проводил смотр своей гвардии близ Юрбурга в присутствии Фридриха Вильгельма III. Тронутый убитым видом короля Пруссии, Александр братски обнял его и со слезами на глазах воскликнул: «Не правда ли, никто из нас двоих не падет один? Или оба вместе, или ни тот, ни другой!»[4]

Столь чувствительные объятия российского и прусского самодержцев были скреплены Бартенштейнской конвенцией о союзе между Россией и Пруссией. 14 (26) апреля 1807 г. в г. Бартенштейне (ныне Бартошице на севере Польши) Александр I и Фридрих Вильгельм III договорились, что «*для обеспечения благодеяний мира* необходимо продолжать войну самым энергичным способом» против их «общего врага» – Франции[5].

Тогда же в Бартенштейне Александр, памятуя о своем разладе с М. И. Кутузовым при Аустерлице, четко определил полномочия Беннигсена особым приказом по армии: «Все повеления исходят по-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 229–230.

[2] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 165.

[3] Там же; Рябинин Д. Людовик XVIII в России // Русский архив. 1877. № 9. С. 88.

[4] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 166.

[5] ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 561, 562. Курсив мой. – *Н. Т.*

прежнему (даже после приезда в армию царя. – *Н. Т.*) от одного главнокомандующего генерала Беннигсена, равно как и рапорты доставляются прямо к нему»[1]. Себе лично царь отводил роль вдохновителя и наблюдателя.

Летняя кампания 1807 г. началась 10 июня с битвы при Гейльсберге, где Беннигсен попытался остановить наступление французов на Кёнигсберг. И снова, как ранее при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, ни одна из сторон не добилась решающего перевеса. Русские войска оставили поле битвы, но отступили в порядке, хотя и с большими потерями (по данным Е. В. Тарле, около 10 тыс. человек, причем сам Беннигсен был ранен и ненадолго выбыл из строя). Потери французов были немногим меньше (по тем же данным, до 8 тыс. человек)[2]. Герцогиня Л. д'Абрантес вспоминала (может быть, со слов своей подруги, жены маршала Ланна), что в день этой битвы Ланн будто бы сказал Наполеону: «Русские сражаются все лучше и лучше». «Да, – согласился Наполеон, – мы даем им уроки, и, возможно, они станут нашими учителями»[3].

Поскольку русские войска вновь отступили, Наполеон, естественно, объявил себя победителем. Стремясь развить достигнутый им весьма относительный успех и форсировать выигрыш всей кампании, он пошел с главными силами от Гейльсберга прямо на Кёнигсберг. Его стратегический расчет строился на том, что Беннигсен непременно приложит все силы к тому, чтобы защитить древнюю твердыню Восточной Пруссии и свою главную базу. Как рассчитал Наполеон, так все и вышло. Беннигсен действительно ускорил свой марш к Кёнигсбергу, а Наполеон настиг и атаковал его у городка Фридланд (ныне Правдинск в Калининградской области России). Здесь 14 июня, в седьмую годовщину исторической битвы при Маренго, грянуло не менее историческое сражение, в котором и произошел окончательный разгром четвертой антинаполеоновской коалиции.

Соотношение сил в битве под Фридландом было для Наполеона необычно выигрышным: «...из всех сражений, которые дал когда-либо (до 1809 г. – *Н. Т.*) Наполеон, – подчеркивал барон М. де Марбо, – только в этом его войска по численности превышали неприятельские»[4]. В различных источниках цифры приводятся разные, но

---

[1] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 166.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 230. Впрочем, у Д. Чандлера те же цифры перевернуты: 8 тыс. потеряли русские, а 10 тыс. французы (С. 351). По данным А. Лашука, французы потеряли 9 тыс., русские – 12 тыс. человек (С. 302).

[3] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 10. С. 127.

[4] Марбо М., де. Цит. соч. С. 221.

чаще всего – от 80 до 85 тыс. французов и от 60 до 75 тыс. русских[1]. Битва началась как никогда рано. В 3 часа утра маршал Ланн, возглавлявший авангард Великой армии, заметил движение русских войск из Фридланда к реке Алле. Беннигсен (кстати сказать, еще не вполне оправившийся от раны) повел русскую армию на западный берег реки, чтобы затем ускорить ее марш к Кёнигсбергу. Ланн открыл по русским колоннам ураганный огонь из всех своих орудий и послал адъютантов за помощью к Наполеону, который с главными силами был только еще на подходе к Фридланду.

С рассвета и до полудня Ланн, в первые часы со своим 10-тысячным корпусом, а потом при поддержке примерно такого же по численности корпуса маршала Мортье, сдерживал атаки всей армии Беннигсена, пока не подоспели к полю битвы главные силы Наполеона. Император сразу определил, сколь неудачна позиция русской армии, которая перешла реку Алле и оказалась теперь зажатой в ее излучине, имея реку с крутыми берегами позади себя, а перед собой – превосходящие силы противника. Оценив ситуацию, Наполеон дал сигнал (мощным залпом из 25 орудий) к общей атаке.

С этого момента император лично руководил ходом битвы, рискуя, как это было под Эйлау, собственной жизнью. По рассказам очевидцев, русские ядра пролетали над ним и рядом с ним. Когда одно из них взорвалось, солдат, стоявший неподалеку, бросился на землю. Наполеон *с улыбкой* упрекнул его: «Чего боишься? Если бы этот снаряд предназначался именно тебе, он нашел бы тебя, спрячься ты хоть под землю!»[2]

Главный удар по русским позициям у Фридланда нанесла французская артиллерия, которой командовал в тот день генерал Александр Антуан де Сенармон (1769–1810 гг.) – герой Маренго и Аустерлица; он погибнет через три года после Фридланда в Испании при осаде Кадиса. Батареи генерала, искусно маневрируя по указаниям Наполеона, расстроили ряды русских воинов, вынудили их отступать в беспорядке к реке, а затем разрушили все мосты через реку, что привело к гибели тысяч солдат противника в водах Алле. Участник битвы Денис Давыдов на всю жизнь запомнил этот день, когда русская армия была «засыпана на тесном пространстве густою массою чугуна и свинца». Хотя она и сражалась, по воспоминаниям Давыдова, с «неимоверною храбростью»[3], все же была разгромлена. Ее разрозненные части искали спасения на восточном бе-

---

[1] См., напр.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 355; Лашук А. Цит. соч. С. 304, 307; Беллок Х. Цит. соч. С. 249.

[2] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 310. О том же: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 230.

[3] Давыдов Д. В. Соч. С. 229.

регу реки Алле, откуда к началу битвы они перешли на западный берег; иные из них сохраняли относительный порядок, но большая их часть в панике бежала. Еще один свидетель, «кавалерист-девица» Надежда Дурова, вспоминала: «...множество негодяев солдат, убежавших с поля сражения, рассеивают ужас между удаляющимися толпами, крича: “Все погибло! Нас разбили наголову! <...> Бегите! Спасайтесь!”»[1].

«Поражение (русских войск. – *Н. Т.*) было уничтожающее», – справедливо резюмировал О. фон Леттов-Форбек[2]. Беннигсен потерял всю артиллерию и до 25 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, тогда как потери французов исчисляют по разным источникам в 7–10 тыс.[3] Утром 15 июня из Фридланда Наполеон отправил письмо в Париж, Жозефине: «Друг мой, пишу тебе лишь несколько слов, ибо я очень устал. Несколько дней кряду провел на бивуаках. Мои дети[4] победно отметили годовщину Маренго. Битва под Фридландом будет столь же памятной и столь же славной для моего народа. Вся русская армия разбита <...>. Эта наша победа – достойная сестра Маренго, Аустерлица и Йены»[5].

Альбер Вандаль оценил значение битвы под Фридландом такими словами: «В этот день Наполеон своей шпагой завоевал русский союз»[6]. Да, сразу после Фридланда маршал Сульт вступил в Кёнигсберг, где «захватил огромные боевые запасы, хлеб, одежду – все это только что было доставлено с моря англичанами, не предполагавшими такой близкой катастрофы»[7]. А 19 июня Наполеон с главными силами Великой армии подошел к Неману и встал у Тильзита, на границе Российской империи. Там, в Тильзите (ныне г. Советск Калининградской области), пребывал тогда со своей свитой Александр I. Он стал свидетелем жуткого зрелища: остатки русских войск, преследуемые французами, спешно переправлялись через Неман на российскую землю, без всякого пиетета к особам из царской ставки, непоправимо деморализованные. «В главной квартире, – свидетельствовал Денис Давыдов, – все было в тревоге, как за полчаса до *светопреставления*»[8]. 19 июня Александр I перенес свою

---

[1] Избр. соч. кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М., 1988. С. 74.

[2] Леттов-Форбек О. фон. Указ. соч. Т. 4. С. 284.

[3] См.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 230; Чандлер Д. Цит. соч. С. 358; Лашук А. Цит. соч. С. 314; Durant W. J. The age of Napoleon. New York, 1975. P. 212.

[4] Так император Наполеон отзывался о своих солдатах.

[5] Letters of Napoleon to Josephine. P. 164.

[6] Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. IV.

[7] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 231.

[8] Давыдов Д. В. Соч. С. 238.

ставку на правый берег Немана в селение Амт-Баублен, а Наполеон во главе Великой армии вступил в Тильзит. Согласимся с Е. В. Тарле: «Александр I переживал нечто похуже того, что ему пришлось испытать после Аустерлица. Наполеон мог через полторы недели быть в Вильне»[1]. Беннигсен настаивал на немедленном перемирии. Брат царя великий князь Константин Павлович, бывший мужем отнюдь не робкого десятка (участвовал в итальянском и швейцарском походах А. В. Суворова), заявил: «Государь! Если вы не желаете заключать мира с Францией, то дайте каждому из ваших солдат хорошо заряженный пистолет и скомандуйте им пустить себе пулю в лоб. В таком случае вы получите тот же результат, какой вам дало бы новое и последнее сражение»[2].

Выход был только один. 22 июня Александр послал к Наполеону одного из «екатерининских орлов», штурмовавшего в 1790 г. под начальством Суворова Измаил, князя Д. И. Лобанова-Ростовского с предложением и полномочиями заключить перемирие. Вся главная квартира царя пребывала в нервном ожидании: как отнесется к этому предложению «двурогатый» антихрист, захочет ли он мириться? Наполеон, против всех ожиданий, утвердил акт перемирия в тот же день, подчеркнув, что он желает не только мира, но и союза с Россией. Лобанов-Ростовский доставил утвержденный Наполеоном акт Александру и был тотчас вновь отправлен к Наполеону с поручением (в собственноручной записке царя): «Скажите ему, что союз Франции с Россией постоянно был предметом моих желаний»[3].

Русско-французские переговоры начались немедленно. Наполеон поручил вести их Ш. М. Талейрану. Александр же в помощь Лобанову-Ростовскому отрядил еще одного «екатерининского орла», кн. А. Б. Куракина[4], желая показать Наполеону, что теперь он выставляет не каких-то молокососов вроде П. П. Долгорукова и П. Я. Убри, как ранее, а зрелых государственных мужей из славного прошлого России. Впрочем, Наполеон решил иметь дело не с царскими уполномоченными, а с самим царем. 24 июня он предложил Александру личное свидание на следующий же день. Александр, разумеется, согласился. Чтобы ему не пришлось ехать на занятый фран-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 232.

[2] Мартенс Ф. Собр. трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Трактаты с Франциею 1717–1807. СПб., 1902. Т. 13. С. 296.

[3] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 178–179.

[4] Александр Борисович Куракин (1752–1818) – внук другого Александра Борисовича Куракина (1697–1749), который был двоюродным дядей императора Петра II.

цузами левый берег Немана, а Наполеону – на русский, правый, государи договорились встретиться посередине реки на плоту.

За ночь французские инженеры соорудили посреди Немана, напротив Тильзита, плот с двумя павильонами, обтянутыми белым полотном: один из них, роскошный, с вензелями A и N на противоположных фронтонах, был предназначен для императоров; другой, попроще, – для их свиты. Утром 25 июня оба императора – Наполеон с тильзитского берега, Александр с противоположного, каждый со своей свитой, – одновременно вступили в лодки и поплыли к плоту. Наполеон, верный своей привычке опережать всех и вся, первым взошел на плот и встретил Александра, когда тот выходил из своей лодки. Посмотрев друг на друга, императоры в обоюдном порыве чувств обнялись. Очевидцы запомнили первые слова Александра Наполеону: «Государь, я ненавижу англичан так же, как и вы!» «В таком случае, – отвечал Наполеон, улыбаясь, – все будет улажено и мир упрочен»[1]. Бывшие враги, расточая улыбки друг другу, прошли в главный павильон и оставались там с глазу на глаз около двух часов.

Наполеон сразу предложил Александру вести переговоры tête-à-tête, без свидетелей: «Я буду вашим секретарем, а вы – моим»[2]. Дипломатам доверялась лишь чисто техническая сторона дела. Предложение Александра привлечь к переговорам прусского короля Наполеон отверг по-солдатски цинично: «Я часто спал вдвоем, но втроем – никогда». По свидетельству осведомленнейшего генерал-адъютанта Наполеона Р. Савари, Александр счел это выражение «прелестным»[3]. Самому Александру Наполеон старался понравиться не меньше, чем Александр – Наполеону. Договорились, что завтра же Александр переселится из правобережной «дыры» Амт-Баублен в Тильзит и займет тот самый дом, где он жил до Фридланда. Город на время переговоров решили объявить нейтральным, чтобы не показалось кому-либо, что Александр приехал... в плен к Наполеону.

Закончив первую беседу, императоры пригласили к себе в павильон и представили друг другу свои свиты. При этом Александр знакомился с французскими грандами изысканно и сдержанно, а Наполеон с русскими – весело, одарив каждого неповторимой, а то и парадоксальной любезностью. Беннигсену он сказал такой комплимент: «Вы были злы под Эйлау» (vous étiez méchant à Eilau), о чем сам Беннигсен с удовольствием рассказывал Денису Давыдову[4].

---

[1] Там же. С. 186.
[2] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 82.
[3] Там же. С. 60.
[4] Давыдов Д. В. Соч. С. 246–247.

В следующие дни Наполеон и Александр почти не расставались друг с другом. По утрам они вдвоем или в сопровождении Фридриха Вильгельма III проводили смотры и учения французских войск. Затем, чаще в салоне у Наполеона, реже – у Александра, вели переговоры. Обедали в 20 часов, всегда у Наполеона – чаще вдвоем, иногда втроем (с Фридрихом Вильгельмом) или еще с великим князем Константином Павловичем и Мюратом. После обеда императоры ненадолго расставались, чтобы дать возможность удалиться гостям, особенно прусскому королю, которого Наполеон не переносил и при каждом случае норовил его уколоть (например, мог спросить короля, разглядывая его мундир: «Скажите, как вы умудряетесь застегивать столько пуговиц?»). Часов в 10 вечера Наполеон уже приходил к Александру – пешком, один, без охраны и свиты, и оба императора засиживались за разговорами о мировых, национальных и личных делах. «Мы не расставались до двух-трех часов утра, – вспоминал Наполеон. – <...>. Обычно мы рассуждали о политике и философии»[1]. Иногда, проговорив до полуночи, они выходили прогуляться, и «военные всякого звания, заполнявшие вечерами улицы Тильзита, встречая двух прохожих, которые, идя под руку, дружески разговаривали, с удивлением узнавали в них императоров Франции и России»[2].

Воспоминания Наполеона, продиктованные им на острове Святой Елены, и отчасти реминисценции Александра I, записанные его придворными, донесли до нас содержание этих бесед. Говорил больше Наполеон – о своих походах (царя особенно интересовал египетский), правилах военной науки, государственных реформах («рекламируя» свой Гражданский кодекс), сотрудниках и врагах, о достоинствах и недостатках различных образов правления. Александр внимательно слушал, задавал вопросы и вновь слушал, стараясь запомнить уроки сидевшего (или ходившего) перед ним феномена и, как он рассказывал позднее, «твердо решившись при случае этим воспользоваться»[3].

Так же инициативно Наполеон вел и деловые переговоры. По любому вопросу он первым излагал свое мнение, выслушивал доводы Александра и в тот же вечер или на другой день присылал царю краткую, но емкую записку с мотивированными вариантами решения. Следующий разговор становился поэтому уже более конкретным, и, если сохранялись разногласия, Наполеон изыскивал компромисс-

[1] Цит. по: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 50.
[2] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 83.
[3] Mémoires de la comtesse Edling. M., 1888. P. 85.

ный вариант, mezzo termine[1], как он говорил, при котором он позволял Александру что-то выиграть, сам ничего не проигрывая. Этот вариант Наполеон аргументировал в новой записке, которая на очередной встрече императоров принималась к обоюдному удовольствию.

За время тильзитских встреч Наполеон проникся симпатией к Александру, против которого ранее был, естественно, предубежден, считая отцеубийцей и главным поставщиком «пушечного мяса» для антифранцузских коалиций. Нельзя сказать, что он был очарован царем (привыкнув очаровывать других, сам он не поддавался никаким чарам, если не считать Жозефины и Марии Валевской), но Александр ему *понравился*, это бесспорно. «Я был крайне доволен им, – написал он Жозефине после первых же встреч с царем 25 июня. – Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император. Он гораздо умнее, чем думают»[2].

О том, как внешне красив был Александр I, свидетельств более чем достаточно. Вот одно из них, относящееся как раз к лету 1807 г. в Тильзите, вспоминает Надежда Дурова: «Государь наш красавец, в цвете лет (всего 29! – *Н. Т.*); кротость и милосердие изображаются в больших голубых глазах его, величие души в благородных чертах и необыкновенная приятность на румяных устах его. На миловидном лице молодого царя нашего рисуется вместе с выражением благости какая-то девическая застенчивость»[3].

Здесь уместно процитировать и рассказ очевидца о том, как в то же время в Тильзите выглядел Наполеон. Свидетельствует Денис Давыдов, который в те дни видел французского императора совсем близко: «Я увидел человека, держащегося прямо, без малейшего напряжения, что, впрочем, есть принадлежность всех почти людей малого роста[4]. Но вот что было его собственностью: это какая-то сановитость, благородно-воинственная и, без сомнения, происходившая от привычки господствовать над людьми и от чувства морального над ними превосходства. Не менее замечателен он был непринужденностью и свободою в обращении, безыскусственною и натуральною ловкостью в самых пылких и быстрых приемах и ухватках своих на ходу и стоя на месте. Я увидел человека с лицом чистым, смугловатым <...>. Нос его был небольшой и прямой, на переносице едва приметна была легкая горбинка. Волосы на голове его были не черные, но темно-русые, брови же и ресницы ближе к черному цвету,

---

[1] Половинчатое решение (*ит.*).

[2] Letters of Napoleon to Josephine. P. 167.

[3] Избр. соч. кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. С. 78.

[4] Здесь же Давыдов уточняет рост Наполеона: «...ровно двух аршин шести вершков», т. е. 168,5 см.

и глаза голубые, – что от его почти черных ресниц придавало взору его чрезвычайную приятность»[1].

Наполеон всегда мыслил рационально и очень масштабно. Он был так заинтересован в союзе с Россией, что готов был бы заключить в объятия на месте Александра I хоть самого дьявола. То, что царь так обаятелен и покладист, стало для него приятным сюрпризом, и он искренне проявлял дружеское расположение к Александру, с удовольствием испытывал на нем всю силу своей харизмы, чтобы привязать его к себе.

Александру надо было преодолеть еще большее предубеждение против Наполеона – не только как «антихриста», но и как личного оскорбителя, ибо Александр с его обидчивостью и злопамятностью не мог ни забыть, ни простить «антихристу» его майской ноты 1804 г. Однако царь преодолел этот психологический барьер с видимой легкостью. «Ни к кому я не чувствовал такого предубеждения, как к нему, – объяснял он свое впечатление от первой встречи с Наполеоном, – но после беседы, продолжавшейся три четверти часа, оно рассеялось, как сон»[2]. Это признание, сделанное доверенному лицу Наполеона Р. Савари, говорит не об искренности Александра, а об искусстве перевоплощения, которым он владел с детства. Давно обретенное им умение держать наготове двойной набор манер, чувств и мыслей помогло ему в общении с Наполеоном. Он почтительно внимал Наполеону, восхищался его талантами и победами, хвалил его сотрудников и ругал врагов (Людовика XVIII называл «самым ничтожным и пустым человеком в Европе»[3]).

Идя навстречу Наполеону, Александр зашел даже слишком далеко, предложив сделать Жерома Бонапарта королем Польши с женитьбой его на двоюродной сестре Александра I Екатерине Вюртембергской, что в некотором роде поделило бы польский престол между Францией и Россией, но в пользу Франции. Наполеон согласился на брак Жерома с Екатериной, но отклонил польский проект царя, заявив, что он приведет со временем «к разногласиям, более острым, чем те, которые существовали доныне»[4].

А. К. Дживелегов, специально исследовавший тему «Александр I и Наполеон», так объяснил поведение Александра в Тильзите: «Ему нужно было усыпить малейшие подозрения Наполеона. Он решил не останавливаться для этого ни перед чем, даже перед унижениями.

---

[1] Давыдов Д. В. Соч. С. 253–254.

[2] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 62.

[3] Там же. С. 85.

[4] Correspondance de Napoléon. T. 15. № 12849. P. 479; Сб-к Русского исторического об-ва. Т. 88. С. 145–146, 265.

Ненависть к Наполеону не утратила ни силы, ни остроты, но он сумел ее скрыть и опасался обнаружить ее каким-нибудь неосторожным поступком»[1]. Такое объяснение несколько упрощает суть дела. Думается, ближе к истине был А. Вандаль. Вот его версия. Александр, безусловно, ненавидел Наполеона и в объятья к «антихристу» на тильзитском плоту «бросился в порыве отчаяния», но затем, ежедневно общаясь с Наполеоном, не мог не восчувствовать по крайней мере пиетета к мощи, разносторонности и блеску дарований, которые «антихрист» расточал перед ним. Правда, «будучи и на самом деле очарован, он делал вид, что увлечен более чем было в действительности» (чтобы усыпить подозрения Наполеона!). Вандаль определил характер отношений между Наполеоном и Александром в Тильзите как «искреннюю попытку к кратковременному союзу на почве взаимного обольщения»[2].

Русско-французский союз действительно был нужен обоим государям, но – на разных уровнях: Александру (по его собственному признанию в разговоре с кн. А. Б. Куракиным) – для «самосохранения», Наполеону – для возвеличения себя и своей империи. Поэтому, если Александр рассматривал союз как вынужденную и *временную* уступку победителю, то Наполеон – как гарантию стабильности в побежденной Европе под контролем Франции. В конфиденциальном письме к Талейрану от 9 июля 1807 г., сразу после ратификации Тильзитского договора, Наполеон высказался прямо: «Я имею основания надеяться, что наш союз будет *постоянным*»[3].

Переговоры Наполеона с Александром шли довольно близко и гладко, тем более что Наполеон сразу отказался от каких-либо территориальных претензий к России. Александру пришлось хлопотать только о территориях своего друга Фридриха-Вильгельма III. Наполеон вначале предлагал даже просто ликвидировать Пруссию, разделив ее между Францией и Россией, и только «из уважения к Е. в-ву императору всероссийскому», как было записано в четвертой статье Тильзитского договора[4], к вящему унижению национального достоинства пруссаков, согласился оставить Прусское королевство на европейской карте, обкорнав его на одну треть. У прусского орла, как тогда говорили, «были отрублены оба крыла»: с одной стороны, земли, ранее отнятые у Польши (исключая Данциг, объявленный вольным городом), теперь образовали Великое герцогство

---

[1] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 164.

[2] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 68.

[3] Correspondance de Napoléon. Т. 15. № 12886. P. 505. Курсив мой. – *Н. Т.*

[4] ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 638.

Варшавское, которое возглавил вассал Наполеона саксонский король Фридрих Август; с другой стороны, все прусские владения к западу от Эльбы (включая жизненно важный для Пруссии порт и крепость Магдебург) составили королевство Вестфальское во главе с младшим из братьев Наполеона Жеромом.

Пытаясь спасти хотя бы Магдебург, Фридрих-Вильгельм (по-видимому, с одобрения, если не по совету Александра I) решился на крайний шаг. Он вызвал в Тильзит свою жену, королеву Луизу, европейски знаменитую красавицу, чтобы она своими чарами смягчила гнев Наполеона, но увы! – Наполеон проявил к ней лишь преувеличенную любезность, изощрялся в комплиментах ее туалету («Этот креп и газ из Италии?») и в заключение подарил ей вместо Магдебурга... красную розу. «Прусская королева действительно прелестна, – написал он 8 июля своей Жозефине. – Она очень кокетничает со мной. Но не ревнуй. Я – как клеенка, по которой все это только скользит»[1].

Тильзитский договор о мире, дружбе и союзе между Францией и Россией был подписан 7 июля 1807 г. и ратифицирован обоими императорами 9 июля[2]. Два главных его условия Наполеон навязал Александру как победитель: 1) Россия признавала все завоевания Наполеона, а его самого – императором и вступала в союз с Францией; 2) Россия обязалась порвать с Англией и присоединиться к континентальной блокаде. Если первое условие задевало престиж Российской империи и самолюбие царя, который лишь недавно объявил Наполеона «общим врагом» европейских монархий, а теперь вынужден был обращаться к нему, как принято у монархов: «Государь, брат мой...», то второе условие вредило жизненным интересам России. Учитывая, какую роль играла торговля с Англией в экономической жизни России, можно сказать, что континентальная блокада означала нож в сердце русской экономики.

Впрочем, экономический проигрыш России от участия в континентальной блокаде сказался на ней позднее. Политически же Тильзит был не только триумфом Наполеона, но и успехом Александра. Проиграв Наполеону две войны, Россия не потеряла ни пяди своей территории. Неудобства престижного толка вполне компенсировались обретением в лице Франции могущественного союзника, что позволяло России вместе с Францией (пусть даже на правах *младшего* партнера) регулировать международные отношения в центральной Европе. К тому же Тильзитским договором прекраща-

[1] Correspondance de Napoléon. T. 15. № 12875. P. 495.
[2] Текст его см.: ВПР. Сер. 1. Т. 3. С. 631–646.

лась, при посредничестве Наполеона, война между Россией и Турцией, и России получала свободу действий против Швеции.

Понятно, почему на торжествах в Тильзите 9 июля по случаю ратификации договора Александр выглядел столь же удовлетворенным, как и Наполеон. Кульминацией торжеств стал совместный парад французской и русской гвардии, который принимали два императора. Молодые, нарядно одетые, оба голубоглазые, они стояли плечом к плечу: Наполеон – с Андреевской лентой высшего российского ордена Св. Андрея Первозванного, Александр – с лентой ордена Почетного легиона, высшей награды Франции. По окончании парада Наполеон попросил назвать ему самого храброго из русских солдат, и, когда ему был представлен преображенский гвардеец Лазарев, император снял с себя и собственноручно прикрепил к мундиру Лазарева орден Почетного легиона. «Помни, – сказал он солдату, – что это день, когда мы, твой государь и я, стали друзьями»[1]. Позднее в Петербурге посол Франции А. Коленкур будет приглашать к себе Лазарева на балы и обеды, шокируя этим русских вельмож. Да и Александр I тоже был шокирован солдатским жестом Наполеона и сразу не нашелся, как на него отреагировать. Лишь возвратившись к себе, он послал Наполеону для храбрейшего из французских солдат знак отличия ордена Св. Георгия, т. е. не самый орден, а солдатский Георгиевский крест, не рискнув преступить феодальную шкалу привилегий.

Может быть, крест получил именно тот французский гренадер, о котором бытует показательный исторический анекдот. Поскольку лицо гренадера было обезображено громадным шрамом, Наполеон, представив его Александру I, спросил:

– Что вы скажете о людях, которые могут выдержать такие удары?

– А что можно сказать о тех, кто наносит их? – парировал Александр.

– Они погибли, – вмешался гренадер в диалог монархов[2].

Эпизод с Георгиевским крестом несколько омрачил тильзитскую идиллию встреч Наполеона и Александра, а следующий – разбередил болезненную рану, которую Наполеон нанес Александру в мае 1804 г.

Дело в том, что перед расставанием императоры обменялись высшими наградами своих держав. Александр вручил пять орденов Св. Андрея Первозванного Наполеону, Жерому, Ш. М. Талейрану,

---

[1] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 200.

[2] Троицкий Н. А. Улыбки истории. М., 2006. С. 93–94.

И. Мюрату и Л. А. Бертье, а Наполеон – пять орденов Почетного легиона Александру, великому князю Константину Павловичу, министру иностранных дел А. Я. Будбергу, А. Б. Куракину и Д. И. Лобанову-Ростовскому. Александр опрометчиво предложил вместо Будберга (ничем себя не проявившего) наградить Л. Л. Беннигсена, но Наполеон категорически, хотя и не называя причины, отказал, ибо ему, как он вспоминал об этом на острове Святой Елены, «было противно, что сын просит награду для убийцы своего отца»[1]. Александр изменился в лице, поняв, в чем дело. У него хватило такта сохранить в разговоре с Наполеоном любезный тон и расстаться с ним внешне очень дружески (отплывая из Тильзита за Неман, он приветливо отвечал Наполеону, стоявшему на берегу с поднятой в прощальном взмахе рукой), но внутренне Александр, должно быть, кипел, сознавая, что никогда не станет другом Наполеона, лишь на время останется его союзником и рано или поздно вместе с другими монархами вновь объявит его «общим врагом».

Так закончилась в Тильзите историческая встреча двух императоров, «вероятно, как определял ее в 60-х годах XX в. Дэвид Чандлер, первый прототип совещаний глав правительств новейших времен»[2]. Наполеон возвратился из Тильзита в Париж через побежденную, униженную и раболепствовавшую перед ним Германию 27 июля 1807 г. Франция встретила его с небывалым за всю ее историю торжеством, как, может быть, только Древний Рим встречал своих цезарей-триумфаторов. Правда, теперь после Амьенского мира 1802 г. часть нации восприняла Тильзит как всего лишь очередной антракт между войнами и, радуясь миру, славила императора с меньшей надеждой на мир, чем пять лет назад. Но все понимали – одни с гордостью, другие со страхом, – что именно теперь могущество Наполеона достигло апогея. Он сам через много лет, уже в изгнании на острове Святой Елены, когда его спросят, какое время своей жизни он считает самым счастливым, вполне обдуманно ответит одним словом: «Тильзит»[3].

7. Империя в апогее

Итак, Тильзит стал апогеем могущества Наполеона и его империи. Не только французы, но и все европейцы считали тогда, что союз двух крупнейших держав континента нерушим. Враги союза могли рассчитывать только на подрыв его изнутри. Во Франции, по мне-

[1] См.: Алданов М. А. Святая Елена. М., 1989. С. 376.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 361.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 521.

нию падчерицы Наполеона Гортензии Богарне, «Тильзит установил спокойствие и счастье», что следует понимать как ощущение национальной стабильности и мощи в условиях всеобщего мира.

Наполеон поддерживал такое настроение в своих подданных, хотя сам он стремился к большему, а именно к *доминированию* французской мощи в Европе. Тильзитский договор давал ему как творцу и блюстителю континентальной системы отношений между государствами юридическое основание для гегемонистских устремлений. Опираясь на союз с Россией, Наполеон намеревался расширить границы и приумножить могущество своей империи. При этом он не гнушался никакими средствами, вплоть до актов прямой аннексии, начатых еще до Тильзита и теперь продолженных. Он начал сажать на европейские троны – вслед за братом Жозефом и других членов своей семьи – так называемых *наполеонидов*. Евгений Богарне в 1805 г. стал вице-королем Италии, Людовик Бонапарт в 1806 г. – Голландским королем, Жером в 1807 г. – королем Вестфальским, Элиза Бонапарт – великой герцогиней Тосканской, Полина – принцессой Гвастальской. После того как Жозеф Бонапарт летом 1808 г. был перемещен с неаполитанского на испанский трон, королем Неаполя стал Иоахим Мюрат, муж Каролины Бонапарт, которая таким образом на зависть сестрам своим поднялась из герцогинь в королевы. Александр Дюма подсчитал: «Теперь в семье Наполеона стало пять корон, не считая его собственной»[1].

Обычным для Наполеона поводом к изгнанию с трона того или иного монарха и к замене его своим ставленником теперь служило несоблюдение континентальной блокады. Именно за это 17 мая 1809 г. Наполеон лишил светской власти самого папу римского Пия VII и присоединил папские владения к Франции. Когда же «святой отец» вздумал протестовать, Наполеон распорядился взять его под стражу и увезти в Савону, на север Италии, а затем в Фонтенбло, под Парижем[2]. Оное святотатство повергло европейские дворы почти в такой же шок, как расправа Наполеона с герцогом Энгиенским. Зато все монархи, а тем более духовные иерархи, восхищались героизмом папы, который перед отбытием в Савону издал буллу[3], отлучавшую Наполеона от церкви. Эта булла очень повредит Наполеону в Испании. Тамошние церковники будут призывать свою паству истреблять французов, «потому что они посланы *отлученным* от Господа и, значит, сами отлучены»[4].

---

[1] Дюма А. Наполеон. М., 1992. С. 237.

[2] Только в марте 1814 г. Наполеон отпустит папу в Рим.

[3] Булла – высочайшее повеление за подписью папы римского.

[4] Цит. по: Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 11. С. 240.

Уже в 1809 г. Наполеон как император французов, король Италии, протектор Рейнского союза, сюзерен семи вассальных королевств и 30 государей повелевал почти всей Европой от Мадрида до Варшавы и от Гамбурга до Ионических островов. Российский посол в Париже князь А. Б. Куракин докладывал Александру I: «От Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива все сплошь – Франция»[1]. Территорией вассального герцогства Варшавского Франция граничила с Россией. Впрочем, Россия была уже в союзе с Наполеоном. Пруссия трепетала перед ним, Австрия покорно молчала. Только Англия продолжала борьбу, но ее Наполеон рассчитывал придушить континентальной блокадой.

Так наступила блестящая эпоха в истории Франции, которую называют «Le Grande Empire» (Великая империя). «Почти все противники императора повержены или вовлечены в союз с ним, – писал об этом времени Е. В. Тарле. – Весь континент у его ног»[2]. После Тильзита Наполеон, по выражению Н. А. Полевого, «забыл, что есть же всему предел – потворству счастья и гению человека», и с высоты, казалось, недосягаемого, но им достигнутого величия посчитал возможным, как он заявит своим сенаторам, «обеспечить за Францией господство над всем светом», – вознамерился, говоря стихами Виктора Гюго,

Весь мир одушевить Парижем,
В Париже воплотить весь мир[3].

В беседах с Э. Лас-Казом на острове Святой Елены Наполеон так представил свой план: «Вся Европа составила бы один народ. Везде были бы одни законы, одни деньги, одна мера весов. Я бы потребовал, чтобы не только моря, но и все реки были открыты для всеобщей торговли, чтобы войска всех держав ограничились одной Гвардией Государей. Своего сына я сделал бы соцарствующим императором. Кончилось бы мое диктаторское правление и началось бы конституционное. Париж стал бы столицей мира»[4]. Мешала в этом Наполеону главным образом Англия (спонсор всех семи антифранцузских коалиций), политика которой, по словам еще Фридриха Великого, издавна «состояла в том, чтобы стучаться в каждую дверь с кошельком

[1] Цит. по: Попов А. Н. Отечественная война 1812 г. Отношения России с иностранными державами перед войной. М., 1905. Т. 1. С. 3.
[2] Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 606.
[3] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 12. С. 170.
[4] Лас-Каз Э. Мемориал Святой Елены. М., 2010. Т. 2. С. 510–511.

в руке»[1]. Но благодаря континентальной блокаде Англии – при всех ее издержках! – Европа при Наполеоне заметно продвинулась к унификации законов (à la Code Napoléon), денег, меры весов, системы образования. «Сейчас, два века спустя, – заключают современные авторитеты, – мы так и не достигли уровня единства времен наполеоновской империи»[2].

Кстати, Наполеон планировал даже образовать в Париже единый общеевропейский архив, и некоторые историки, включая нашего академика Е. В. Тарле, считают наполеоновскую идею централизации всех архивов Европы «безусловно полезной»[3].

Во всяком случае Наполеон строил планы не Аттилы, не Чингисхана или Тимура, с которыми часто сравнивали его враги, а Цезаря или Карла Великого, соединявшего в себе еще и Вольтера. Одни историки (преимущественно французские) восхваляют его планы как прообраз современной политики «объединения Европы», другие (особенно российские) – осуждают как стремление обеспечить на континенте главенство Франции. Думается, здесь одно не исключает другого. Наполеон действительно стремился к «объединению Европы», но под эгидой Франции. Его апологеты А. Тьер, Э. Дрио, Л. Мадлен и другие примеряли к нему тогу миротворца, повторяя вслед за Стендалем, что, хотя Наполеон вел множество войн, он ни в одной из них, кроме испанской и русской, не был зачинщиком[4]. О войнах здесь еще можно спорить. В принципе Стендаль был прав. Но вот если война Французской республики против второй европейской коалиции была развязана коалиционерами, то уже в ходе ее Наполеон как «зачинщик» предпринял египетский поход, т. е. отдельную войну с мамлюками и турками. Бесспорно другое: Наполеон аннексировал в Европе ряд малых государств (Голландию, Неаполитанское королевство, Тоскану, Ольденбург, Папскую область) мирно, *без войн*, но это не снимает с него ответственности как с агрессора. Совершенно прав А. З. Манфред: «Наполеон нес мир на острие штыка <...>. Мир, который он навязывал Европе силой оружия, был миром французской гегемонии, миром порабощения европейских народов»[5].

Империя Наполеона по масштабам и мощи превзошла все аналоги прошлого, включая державы Александра Македонского и Карла

---

[1] Наполеон. Годы величия. С. 121.
[2] Франчески М., Вейдер Б. Указ. соч. С. 110–111.
[3] Тарле Е. В. Национальный архив в Париже // Соч.: В 12 т. Т. 4. С. 607.
[4] См.: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 153.
[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 552.

Великого. Руководить ею мог только первоклассный, безупречно отлаженный аппарат управления. Наполеон создал именно такой аппарат.

Расхожее мнение о режиме Наполеона во Франции как о тирании отчасти справедливо, но требует существенных оговорок. Еще Стендаль очень точно подметил: «Правил тиран, но произвола было мало. А ведь истинный лозунг цивилизации: “Долой произвол!”»[1]. Действительно, Кодекс Наполеона гарантировал французам больше гражданских прав, чем где бы то ни было в странах (включая Англию), которые боролись против наполеоновской «тирании». Правда, сам Наполеон иногда деспотически преступал собственный кодекс, но не больше, а гораздо меньше, чем любой из феодальных монархов его времени.

Государственный аппарат империи – и структурно и функционально – почти не изменился по сравнению с периодом консульства. Были заменены, переименованы или вновь созданы лишь некоторые его звенья. Само название государства «Французская империя» (вместо «Французская республика») Наполеон узаконил только 22 октября 1808 г., до тех же пор он больше четырех лет оставался «императором республики»[2]. При нем, как и ранее, когда он был консулом, состоял Государственный совет для подготовки законопроектов. До 1807 г. действовала и триада законодательных органов консульства (Сенат, Трибунат, Законодательный корпус), которые с 1804 г. стали законосовещательными, а в 1807 г. Наполеон упразднил Трибунат как «третий лишний» орган верхней структуры управления. Функции министерств не изменились, и даже сами министры, тщательно подобранные консулом Бонапартом, подходили, как правило, для императора Наполеона. В Тильзите он сказал о них Александру I, что «предпочитал скорее не обращать внимания на их недостатки, чем отказываться извлекать пользу из их достоинств; лучше объездить их, чем сокрушить»[3].

Став императором, Наполеон сохранил на своих постах министра иностранных дел Ш. М. Талейрана и министра полиции Ж. Фуше, которых считал лучшими из всех министров империи в профессиональном отношении, хотя и знал цену нравственной низости каждого из них. «У меня, – вспоминал он на склоне лет, – никогда не было сомнений в том, что Талейран не поколебался бы приказать повесить Фуше, но, кто знает, может быть, им пришлось бы идти на виселицу

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 33.
[2] Собуль А. Цит. соч. С. 359–360.
[3] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 84.

вместе. Епископ (Талейран. – *Н. Т.*) хитер, как лиса, его же собрат кровожаден, как тигр»[1].

Впрочем, все министры, включая Талейрана и Фуше, были всего лишь исполнителями воли всемогущего императора, и если проявляли инициативу (порой даже смелую), то все-таки в направлении, которое указывал им его перст. Он мог, конечно, последовать совету любого министра, если этот совет отвечал его собственным намерениям, но мог и выслушать всех министров, а поступить вопреки их мнению или даже принять решение, ни с кем не советуясь.

Деспотизм Наполеона, заметный уже в годы консульства, после провозглашения империи неуклонно усиливался. Проявлялся он сильнее всего, как и раньше, в отношении к печати, которую Наполеон не столько урезал (все-таки к 1811 г. во Франции печатались 205 газет и журналов[2]), сколько обуздывал, неусыпно следя за нею, дабы пресса оставалась послушной. Проявлялся его деспотизм и в социальной сфере: он не отменил ни антирабочий закон Ле Шапелье 1791 г., запретивший стачки, ни собственный декрет 1803 г. о т. н. рабочих книжках, которые ставили наемных работников в унизительную зависимость от хозяев. Тот факт, что рабочие никогда не выступали против Наполеона, а при Бурбонах в 1816–1821 гг. часто волновались под мятежные крики «Да здравствует император!», Е. В. Тарле объяснял просто: на императора они смотрели «как на меньшее из двух зол» по сравнению с феодальным режимом[3]. Думается, однако, все было несколько сложнее и истинная причина заключалась в ином.

Дело в том, что Наполеон всегда старался если не устранить, то хотя бы сгладить коренную причину недовольства трудящихся масс – их бедность. «Я могу обвести вокруг пальца и политика, и военного, – говорил он, – но не в состоянии обмануть хозяйку, которая каждый день ходит на рынок». Поэтому главную свою заботу он не без демагогии определил так: «Чтобы народ имел хлеб – побольше и подешевле»[4]. Действительно, при нем и промышленность, и сельское хозяйство постоянно наращивали производство[5]. Достаточно сказать, что за время его правления в три раза выросла добыча каменного угля и были восстановлены или вновь отстроены дороги об-

---

[1] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 199.

[2] Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 509.

[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 542.

[4] История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 143.

[5] Подробно об этом см.: Волгин В. П. Социально-экономический строй Франции при Наполеоне I // Статьи и выступления. М., 1979. С. 48–54.

щей протяженностью в 52 тыс. км[1]. Кровопролитные войны уносили тысячи и тысячи жизней французов, но зато и приносили Франции кроме славы территориальное расширение, многомиллионные контрибуции, новые рынки сбыта. Только Италия ежегодно платила Франции 36 млн франков. «Эту сумму, – читаем у Е. В. Тарле, – щедрый король Италии Наполеон великодушно дарил императору французов Наполеону»[2]. Французский банк был самым устойчивым в Европе, а бюджет Франции – самым доходным: при Наполеоне ни разу, вплоть до 1813 г., он не был сведен с дефицитом, хотя военные расходы постоянно росли, а к займам Наполеон не прибегал[3]. Все это, несмотря на череду разорительных войн, позволяло гарантировать населению Франции более высокий уровень жизни, чем где-либо на континенте.

Только к 1811 г., когда обнаружилось, что континентальная блокада – это палка о двух концах, ибо рост производства во Франции, как промышленного, так и сельскохозяйственного, требовал расширения импорта и экспорта, французскую экономику поразил кризис. Наполеон, однако, справился с ним. Используя устойчивую доходность своего бюджета и неиссякаемый приток контрибуций, он смог выдать спасительные субсидии фабрикантам: только в Руане ассигновал 15 млн франков на поддержку местных мануфактур. Мало того, в 1811 г. император «прибег к гигантским заказам для промышленников за счет казны: так, он произвел колоссальные закупки шерстяных тканей для армии, дал громадные заказы лионским шелковым и бархатным мануфактурам для дворцов, приказывал всем подвластным ему европейским дворам делать закупки в Лионе и достиг того, что если в июне 1811 г. в Лионе работало в шелковой промышленности 5630 станков, то в ноябре – 8000»[4].

Имела ли диктатура Наполеона классовую природу? С точки зрения историков-марксистов, безусловно имела: то была диктатура крупной буржуазии. Но такая, в принципе допустимая, точка зрения нуждается в существенной корректировке. Во-первых, классовая опора Наполеона была шире слоя крупной буржуазии, включая в себя *всю* буржуазию – и крупную, и среднюю, и мелкую, вплоть до крестьян (собственников). Главное же, Наполеон как диктатор обособлялся от класса, интересы которого он защищал больше всего, стре-

---

[1] См.: Михайлов А. [Шеллер А. К.] Пролетариат во Франции 1789–1852. СПб., 1872. С. 95; Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 122, 125.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 243.

[3] См.: Дживелегов А. К. Цит. соч. С. 120.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 294–295.

мился подчинить этот класс своей воле и возвыситься над ним, как, впрочем, и над остальными классами, ибо представлял себя выразителем и защитником интересов всей нации. Он даже презирал свою главную классовую опору, «величая» плутократию «наихудшей из всех аристократий», и держал ее в строгости, сознавая (как он любил говорить), что «богатство в настоящее время – это плод воровства и грабежа»[1]. Когда крупнейший из плутократов Франции Габриэль-Жюльен Уврар – этот «финансовый Наполеон» – затеял жульнические сделки во вред казне, Наполеон взыскал с его компании «Объединенные негоцианты» 87 млн франков, а самого Уврара посадил в тюрьму Венсенского замка. «Я заставил дюжину мошенников вернуть награбленное», – сообщил он об этом брату Жозефу[2].

Сам Наполеон неукоснительно придерживался режима экономии и в деловых сношениях с финансистами не упускал случая щегольнуть такой фразой: «Когда я имел честь быть младшим лейтенантом, я не тратил так много». По воспоминаниям Констана Вери, для себя он довольствовался лишь таким предметом роскоши, как форменная одежда – «идеально удобная и прекрасного качества»: не только парадные, но и повседневные мундиры и даже «знаменитая серая шинель» были сшиты из лучших тканей, а его не менее знаменитая треугольная шляпа, «подбитая шелком и бархатом», выглядела как верх элегантности[3].

Став императором, Наполеон продолжал взятый им в годы консульства курс на объединение в единую нацию всех французов – в противовес партийному размежеванию на патриотов и аристократов. Назначая буйного якобинца П. Ф. Ожеро командующим Батавской армией, император внушал ему: «Покажите, что вы поднялись выше всех ничтожных раздоров трибуны <...>. Мы принадлежим не какой-нибудь политической сплетне, а народу»[4]. В кругу доверенных лиц императора вращались, с одной стороны, такие «патриоты», как бывший член робеспьеровского Комитета общественного спасения Жан Бон де Сент-Андре, прокурор-якобинец Пьер Франсуа Реаль и даже бабувист (соратник коммуниста Гракха Бабёфа) Жан Батист Друэ. По подсчетам Эмиля Людвига, 130 человек из тех, кто голосовал за казнь Людовика XVI, теперь возглавляли императорские учреждения[5]. С другой стороны, верно служили императору и такие «аристократы», как военный министр

---

[1] Цит. по: Тарле Е. В. Наполеон. С. 287–288.
[2] Там же. С. 297.
[3] Наполеон. Годы величия. С. 142–143, 146.
[4] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 2. С. 47.
[5] Людвиг Э. Цит. соч. С. 196.

Людовика XVI граф Луи Нарбонн-Лара (по некоторым данным – незаконнорожденный сын Людовика XV)[1], маркиз Арман де Коленкур, герцог Жан де Линьи.

Чтобы равно возвысить и «патриотов» и «аристократов» за плодотворную службу империи, Наполеон в марте 1808 г. воссоздал наследственные титулы для новой знати. С 1808 до 1815 г. в империи появились 31 герцог, 452 графа, 1500 баронов, среди которых были и политики разных «цветов» и вообще не политики[2]. Первым герцогом (Данцигским) стал самый «чистокровный» из окружения Наполеона простолюдин, сын пахаря Франсуа Жозеф Лефевр, женатый на прачке[3].

Демонстрируя равную степень доверия ко всем французам, независимо от их политических «сплетен», Наполеон как монарх выполнял исторически прогрессивную роль. «Он уравнял все сословия, не низводя знатных до черни, но поднимая чернь до знати», – сказал о нем его недоброжелатель Ф. Р. Шатобриан[4]. Зато и головокружительно вырос авторитет Наполеона как национального вождя и кумира. «Ведь этот человек, сперва бывший звездой нации, – вспоминал Виктор Гюго, – со временем превратился в ее солнце, и не было преступлением позволить себя ослепить»[5]. Впрочем, сам Наполеон, ослепляя других, смотрел на себя и на окружающий мир вполне трезво: «Велик тот, кто понимает, что титулы нужны лишь государству и не могут что-либо изменить в дружеских, семейных или светских отношениях. С тех пор как меня стали именовать “Величеством”, никто в моем доме не замечает, чтобы я хоть в чем-то изменился»[6].

Говорят ли эти слова Наполеона о скромности его? Нет, скорее именно о трезвости его мышления, о том, что он удовлетворен достигнутым положением, при котором нация радуется своему бытию во главе с ним. Здесь уместно вспомнить сказанное Адамом Чарторыйским об Александре I: «Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление <...>. Он охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен, лишь бы только все добровольно исполняли одну только его волю»[7]. Эта характеристика под-

---

[1] См. о нем: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 384.

[2] История Франции. Т. 2. С. 143.

[3] Жена Ф. Ж. Лефевра Катрин стала героиней всемирно известной комедии Викторьена Сарду «Мадам Сан-Жен» (франц. Sans gêne – без церемоний).

[4] Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 321.

[5] Гюго В. Дела и речи // Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 12.

[6] Письмо Наполеона к Жермене де Сталь цит. по: Людвиг Э. Цит. соч. С. 195.

[7] Цит. по: Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 136.

ходит и к императору Наполеону. В самом деле, насколько абсолютными казались при нем могущество и слава всей Франции, настолько относительной была тогда личная свобода каждого из французов в отдельности. Блистательно иллюстрирует такую дисгармонию сцена из романа Гюго «Отверженные». Бонапартист Мариус превозносит Наполеона: «Он являл собою совершенство. В его мозгу все человеческие способности были возведены в куб <...>. Какая блестящая судьба следовать за человеком, совмещающим в себе Ганнибала, Цезаря и Карла Великого <...>, представлять собою исключительный народ в Европе, сверкающий золотом славы! <...>. Есть ли что-либо прекраснее этого?» – «Быть свободным!» – отвечает Мариусу республиканец Комбефер[1].

Разумеется, культ Наполеона во Франции (да и за ее пределами – в Италии, Швейцарии, Голландии, Польше) имел причиной не только ослепление его гением, но и реальные, вплоть до материальных, основания: жизнеутверждающие статьи гражданского кодекса, социальное равенство, явные признаки просвещенного абсолютизма. Правда, Наполеон не любил доморощенных философов и вообще «идеологов», включая самых выдающихся французских литераторов своего времени: Б. Констана, Ф. Р. Шатобриана, Ж. де Сталь. Книгу мадам де Сталь «О Германии», в которой Наполеон усмотрел принижение французов по сравнению с пруссаками, он собственноручно «бросил в камин» и повелел уничтожить весь ее тираж. Саму мадам император выслал «за 40 миль из окружности Парижа», что для нее уже «было равносильно изгнанию из рая», а потом и вон из Франции[2]. Зато Наполеон всегда покровительствовал естественным наукам и всем видам искусств. Напомню читателю многозначащие факты из первого тома этой книги («Гражданин Бонапарт»): 17 академиков Наполеон назначил в Сенат, троих – на министерские посты и еще одного (зоолога Б. Ж. Э. Ласепеда) сделал великим канцлером ордена Почетного легиона. Кстати, многие академики (П. С. Лаплас, Г. Монж, К. Л. Бертолле, Ж. Сент-Илер, Д. Ларрей, Ж. Н. Корвизар и др.), как, впрочем, и живописец Ж. Л. Давид, скульптор А. Канова, композитор Д. Паизиелло, актер Ф. Ж. Тальма, были личными друзьями императора. Талантами корифеев искусств он старался украсить свой двор.

Двор Наполеона ошеломлял современников пышностью. По авторитетному мнению Гертруды Кирхейзен, «никогда дворцы французских королей не видали в своих стенах столько грации, красоты,

[1] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. С. 118–120.

[2] Наполеон. Годы величия. С. 142; Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 250, 254.

столько блистательной роскоши, как во времена Наполеона. При его дворе роскошь была доведена до крайних пределов»[1]. Только на туалеты Жозефине отпускалось 600 тыс. франков в год, которых ей вечно не хватало (за год она могла купить себе больше 600 платьев)[2]. Как мирился с такой расточительностью жены Наполеон, привыкший во всем, не исключая расходов на самого себя, экономить? Мирился с трудом, скрепя сердце и периодически устраивая Жозефине скандалы (после которых Жозефина продолжала свое мотовство). Себе император назначил было годовую ренту («на все про все») в 25 млн франков – такую же как Людовику XVI, – но укладывался в 13 млн[3].

Кроме внешнего блеска Наполеон придавал своему двору художественное великолепие. Дворцовые залы украшались полотнами Давида и скульптурами Кановы, здесь лицедействовал великий Тальма и пела божественная Джузеппина Грассини, звучала музыка Л. Керубини, А. Гретри, Д. Паизиелло, Р. Крейцера под их управлением или даже в их собственном исполнении.

Оплотом достигнутого и залогом еще большего могущества была для Наполеона армия. Унаследовав от революции систему всеобщей воинской повинности, согласно которой все французы от 20 до 25 лет, независимо от их социального положения, записывались на военную службу и подлежали призыву в армию, Наполеон вместе с тем сохранил множество льгот для призывников (например, призывник освобождался от военной службы, если успевал вступить в брак). Вообще, как подчеркивает Роже Дюфрес, при Наполеоне, вопреки распространенному мнению, «великая нация не была военизированной: в 1800–1810 гг. в армии служило лишь 5,77 % всего населения (в Первую мировую войну Франции пришлось за 52 месяца мобилизовать 20 % населения)»[4].

Автор фундаментального исследования «Армия Наполеона» О. В. Соколов подсчитал, что с 1799 до 1814 г. Наполеон призвал под ружье «около 2 млн человек, из которых приблизительно 1 млн 600 тыс. были французами»[5], а кроме того – иностранные контингенты от вассалов Наполеона: итальянцы, немцы (из Рейнского союза), поляки, голландцы, швейцарцы. Срок действительной службы в армии составлял шесть лет.

---

[1] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 9.

[2] Там же. С. 135.

[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 199.

[4] Дюфрес Р. Цит. соч. С. 101. Подробно об этом см.: Соколов О. В. Армия Наполеона. Гл. 2.

[5] Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 56.

Благодаря успехам французской экономики и за счет ограбления почти всей Европы Наполеон лучше, чем кто-либо из его противников, обеспечивал свою армию материально. Задачу снабжения войск продовольствием император и его сподвижники всегда ставили вровень с сугубо военными. Не зря маршал Л. Даву сказал однажды своему квартирохозяину Людвигу фон Вестфалену (будущему тестю Карла Маркса): «Храбрость зависит от желудка»[1].

Но еще более Великая армия Наполеона превосходила другие армии в социальном отношении. То была массовая армия нового, буржуазного типа, где все – солдаты, офицеры, генералы – были равны в правах человека и гражданина. Хорошо иллюстрирует эту особенность Великой армии сцена награждения ее солдат прямо на поле только что отгремевшей битвы при Лубино в 1812 г. Свидетельствует очевидец, генерал, адъютант Наполеона и будущий академик граф Филипп де Сегюр: «Солдаты построились среди трупов своих товарищей по оружию и неприятельских воинов, на земле, изрытой ядрами и усеянной множеством боевой утвари, опрокинутых повозок и оторванных конечностей <...>. Но это поле смерти Наполеон превратил в поле чести <...>. Он последовательно окружал себя каждым полком, словно семьей, громко вызывал офицеров, унтер-офицеров и солдат, спрашивая, кто самые храбрые из храбрых, и тут же награждал их. Офицеры называли, солдаты одобряли, а император утверждал <...>. То был монарх, но монарх революции; солдатам нравился государь – выходец из народа, который давал возвыситься всем»[2].

Не считаясь с происхождением своих соратников, Наполеон очень скоро уравнял простолюдинов и аристократов наградными титулами: пять его маршалов стали князьями[3], 14 – герцогами и 6 – графами империи. Но они заслужили все эти титулы (а еще дворцы, ренты и прочие награды) воинской доблестью, самоотверженностью и кровью, пролитой за Францию. Когда один из старых приятелей маршала Лефевра завистливо подивился блеску его регалий и роскоши его замка, Лефевр предложил отдать приятелю все свое богатство, но за цену, адекватную той, которую пришлось платить в боях и походах ему, Лефевру: «Мы пойдем в сад, я выстрелю в тебя 60 раз, и после этого, если ты останешься жив, – все это твое»[4].

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 312.

[2] Сегюр Ф. де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 69–70.

[3] Не считая Ю. Понятовского, который был польским князем по крови (племянником последнего короля Речи Посполитой Станислава Понятовского).

[4] Rémusat C.-E.-J., de. Mémoires (1802–1808). P., 1880. T. 2. P. 155.

Наполеон гордился социальным равенством своих воинов. Он ведь хорошо знал о средневековых порядках в армиях феодальных монархий, включая Россию, где, кстати, в 1803 г. солдаты сочинили и много лет распространяли сатирическую оду под названием «Солдатская жизнь» с такими строками:

Я отечеству – защита,
А спина моя избита.
Я отечеству – ограда,
В тычках, палках – вся награда <...>
Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться[1].

Поэтому так задела французского императора русская прокламация с призывом к французам переходить на сторону России: «Вы забудете здесь <...> все то, что составляет военную тиранию». Наполеон сам продиктовал «Ответ французского гренадера» русским солдатам с бранью против крепостного рабства в России. «Вы же идете на рекрутчину, как лошади и скот!» – восклицал от имени «французского гренадера» император французов[2].

Иногда говорят, что солдаты для Наполеона были всего лишь «пушечным мясом» и что он сам употреблял это выражение. Наверное, так он выражал свое понимание горькой доли солдат, но отнюдь не презрение к ним. Он хорошо знал цену своим солдатам и слишком заботился о них, чтобы воспринимать их только как «пушечное мясо». Конечно, в его заботе о них была и политическая игра на солдатских инстинктах, которая побуждала его не только кормить, одевать и вооружать своих солдат лучше всех в мире, но и разделять с ними обед, прикрывать раненых собственной шинелью, материально обеспечивать семьи погибших, срывать с себя крест, чтобы наградить им храбреца из рядовых. Однако в этом было и вполне искреннее уважение к собратьям по оружию. Ведь тот же Веллингтон не позволял себе ничего подобного!

Боевая подготовка Великой армии и для своего времени, и для последующего считалась образцовой. Наполеон довел «до высшей степени совершенства» (выражение Фридриха Энгельса) новую, в отличие от старой *линейной*, тактику колонн и рассыпного строя, элементы которой иногда применялись и в феодальных армиях (на-

[1] Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 337.

[2] Тартаковский А. Г. Из истории одной забытой полемики (Об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812 г.) // История СССР. 1968. № 2. С. 25–43.

пример, П. А. Румянцева и А. В. Суворова), но которая возобладала лишь с победой Французской революции. Он, как никто до него, умел организовать боевое взаимодействие всех родов войск. «Чем лучше пехота, – говорил Наполеон, – тем больше нужно беречь ее и поддерживать артиллерией»[1]. Будучи сам первоклассным артиллеристом, он изучил и пересмотрел весь мировой артиллерийский опыт, использовал изобретенные еще генералом Людовика XVI Ж. Б. Грибовалем, но почти не применявшиеся ранее облегченные лафеты для полевых орудий и придал артиллерии неслыханную доселе маневренность и силу. Во многих его сражениях (включая Тулон, Фридланд, Ваграм, Бородино), успех решающем образом зависел от его умения идеально располагать и перемещать свои батареи. Что касается конницы, то Наполеон первым стал формировать ее в отдельные соединения из нескольких дивизий, т. е. в кавалерийские корпуса, которые отличались небывалым ранее сочетанием мобильности и мощи.

Главной же ударной силой Наполеона во всех его походах была созданная им гвардия – Старая (с 1805 г.) и Молодая (с 1807 г., после Эйлау). Она комплектовалась только из ветеранов, за плечами которых было не менее 10 лет армейской службы и четырех походов, а главное, которые проявили себя как самые храбрые, стойкие, надежные воины. «Ахиллы новой Илиады, / Какой Гомеру не создать», – написал о них Теофиль Готье[2].

Численность гвардии в первые же годы империи составляла 50 тыс. человек, а в 1813 г. – 92 тыс.[3] Наполеон знал чуть ли не каждого из них в лицо, многих – по именам, шутливо называл их «ворчунами» (за их привычку открыто высказываться по любому случаю), а они его, со времен Лоди и Арколе, – «маленьким капралом». «Маленький капрал» всегда мог положиться на своих «ворчунов». Г. Гейне свидетельствовал, что они шли за Наполеоном в Россию «с такою жуткой преданностью, с такою горделивой готовностью к смерти», которая заставляла вспомнить античное приветствие гладиаторов: «Ave, Caesar, morituri te salutant!» (Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!)[4]. Именно в гвардии был особенно силен характерный для всей армии и ни с чем не сравнимый культ Наполеона как полководца и государя. По рассказам очевидцев, перед каждой битвой войска приветствовали его в 50–100 и более тысяч глоток

---

[1] Цит. по: Montholon Ch. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon. P., 1823. T. 2. P. 171.

[2] Готье Т. Эмали и камеи. М., 1989. С. 97.

[3] История XIX века. Т. 1. С. 50.

[4] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 424.

кличем «Vive l'empereur!» (Да здравствует император!) такой силы и страсти, что этот клич, «достигая другой стороны, вызывал мороз по коже у людей, даже весьма неробких, а у многих открывалась медвежья болезнь»[1].

Наполеон как-то сказал: «Монархи Европы создали собственные армии по образцу моей, но ведь надобно же еще уметь командовать ими»[2]. Да, он умел командовать армиями как никто, но не только потому, что его военный гений был уникален и недосягаем. Сочетая в себе полководца и государя, Наполеон оказывался в более выгодном положении, чем его военные противники (эргерцог Карл, Ф. Л. Гогенлоэ, М. И. Кутузов, Л. Л. Беннигсен и др.), большей частью зависевшие от своих монархов и правительств. Он был не только гений, но и властелин, в голове которого сходились все нити руководства боевыми (равно как и дипломатическими, внутригосударственными) операциями. К тому же он сумел подобрать себе во всех сферах деятельности талантливых помощников. В военном деле таковыми были его маршалы.

Маршалы Наполеона – это исторический феномен, впервые в истории ставший возможным благодаря Французской революции[3]. Никогда ранее мир не видел столь блестящей плеяды военачальников, поднявшихся из народных низов исключительно благодаря своим дарованиям и независимо от родства, протекции или монаршего каприза. Правда, некоторые историки (среди них А. С. Трачевский и Е. В. Тарле) полагают, что наполеоновские маршалы – «это все-таки нули, которые составляли крупную сумму лишь при такой единице, как сам Наполеон», и что «без него они теряли половину своей военной ценности»[4]. Но здесь требуется двойная оговорка: маршалы выглядели нулями в сравнении с Наполеоном и, главное, не все. Иные из них и без него блестяще доказывали свою ценность: Массена – в 1799 г. при Цюрихе, Даву – в 1806 г. при Ауэрштедте, Сюше – с 1809 по 1814 г. в Испании, Ланн – всегда и везде, где ему приходилось действовать. Мнение Ж. Тюлара, будто «наполеоновские маршалы и генералы были не столько полководцами, сколько

---

[1] Военно-исторический вестник. 1912. № 4. С. 19.

[2] Наполеон Бонапарт. Исторические максимы. С. 163.

[3] Подробно обо всех маршалах Наполеона см.: Lacroix D. Les maréchaux de Napoléon. P., 1896; Chardigny L. Les maréchaux de Napoléon. P., 1946, 1977; Делдерфилд Д. Ф. Маршалы Наполеона. Исторические портреты. М., 2001; Шиканов В. Н. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. СПб., 2002.

[4] Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и консульство (1769–1804). М., 1907. С. 191; Тарле Е. В. Наполеон. С. 262.

рубаками», безосновательно, ибо в перечне из 30 имен, который Тюлар приводит в доказательство своей версии, фигурируют имена всего лишь двух маршалов – Мюрата и Нея (все остальные – не маршалы, а генералы, выбранные им главным образом из числа «трусов», «прохвостов» и «дезертиров»)[1].

Напомню читателю, что первыми маршалами Первой империи стали 18 генералов, которым Наполеон пожаловал маршальские жезлы декретом от 19 мая 1804 г. – на следующий день после того, как он сам занял императорский трон. Из них четыре старейших (Ф. Э. К. Келлерман, Ж.-М. Ф. Серрюрье, К.-Д. Периньон и Ф. Ж. Лефевр) были объявлены *почетными* маршалами, а в число 14 строевых вошли Ж. Ланн, А. Массена, Л. Н. Даву, Л. А. Бертье, И. Мюрат, М. Ней, Ж. Б. Бернадот, Ж. Б. Журдан, Ж. Б. Бессьер, Н. Ж. Сульт, Г. М. А. Брюн, А. Ж. Монсей, Э. А. Мортье, П. Ф. Ожеро. В дальнейшем стали маршалами империи еще восемь генералов: в 1807 г. – К. Виктор, в 1809 – Ж. Э. Макдональд, О. Ф. Мармон, Н. Ш. Удино, в 1811 – Л. Г. Сюше, в 1812 – Л. Гувион Сен-Сир, в 1813 – Ю. Понятовский, в 1815 – Э. Груши[2].

Выше всех из лучших своих генералов Наполеон ставил Л. Дезе, Ж. Б. Клебера и Ж. Ланна. Двое первых, однако, не дожили до учреждения маршальских званий: оба они погибли в один и тот же день, 14 июня 1800 г., в разных концах мира: Дезе в Италии, Клебер в Египте. Из тех же, кто стал маршалами, самым выдающимся был Жан Ланн, герцог де Монтебелло (1769–1809 гг.)[3].

Сын конюха, солдат революции, Ланн был замечен Наполеоном еще как батальонный офицер в бою при Дего 15 апреля 1796 г. и с того дня стал стремительно расти, закончив Итальянскую кампанию 1796–1797 гг. уже генералом. В Египте он был одним из ближайших соратников Наполеона, а в походах 1805–1809 гг. – его правой рукой и главной надеждой. Ланн не только воплощал замыслы Наполеона, но и сам руководил операциями, выигрывал битвы: при Монтебелло 10 июня 1800 г. с 8-тысячным авангардом рассеял 20-тысячный корпус австрийского фельдмаршала-лейтенанта К. П. Отта, а при Туделе 23 ноября 1808 г. во главе 20-тысячного корпуса разгромил 45-тысячную армию лучших испанских военачальников Х. Палафокса и К. Кастаньоса (того самого, который четырьмя месяцами ранее за-

---

[1] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «Спасителе». С. 168.

[2] О каждом из 26 маршалов Наполеона см.: Dictionnaire analytique, statistique et compare des vingt-six maréchaux du Premier Empire / comp. J. Jourquin. P., 1986.

[3] Подробно о нем см.: Villette L. Le maréchal Lannes. Un d'Artagnan sous l'Empire. P., 1979; Damamme J. C. Lannes, maréchal d'Empire. P., 1987.

ставил капитулировать при Байлене корпус П. Дюпона). В феврале 1809 г. именно Ланн взял штурмом легендарную и ранее неприступную Сарагосу, после чего написал Наполеону о своем неприятии такой войны, когда приходится убивать мирных жителей. Знаменитый Жюль Мишле в своей «Истории XIX века» называл Ланна «великим солдатом» и «великим полководцем»[1]. Сам Наполеон ценил Ланна за «величайшие дарования», называл его «Ахиллом» и «Роландом»[2] французской армии и вспоминал о нем на острове Святой Елены так: «Из всех моих генералов Монтебелло оказал мне наибольшее содействие, и я ставил его выше всех»[3].

Талант полководца Ланн соединял с доблестью солдата. Товарищи по оружию считали его, как свидетельствовал генерал А. Жюно, «без всякого исключения, храбрейшим в армии»[4]. Он первым во главе своих гусар врывался в неприятельские позиции, сражался вместе с рядовыми гренадерами на улицах Сарагосы, вел их на штурм крепостных стен Регенсбурга. Он и погиб в бою (под Эсслингом), когда ему едва исполнилось 40 лет, уже покрытый к тому времени 25 ранами, – факт, поразивший, кстати сказать, Александра I[5].

Ланн (как и М. Дюрок) был самым близким другом Наполеона и верно служил ему, но, получив от императора маршальский жезл, титул герцога, огромное состояние (только в 1807 г. – сразу 1 млн франков[6]), он оставался в душе пылким республиканцем и резко возражал, как мы видели, против коронования Наполеона.

Андре Массена (1756–1817 гг.), тоже простолюдин, ставший герцогом Риволи и князем Эсслингским, может быть, превосходил всех маршалов Наполеона даром полководческой импровизации и вообще как военачальник был всем хорош (именно он в 1799 г. не пустил А. В. Суворова во Францию), но страдал тягой к воровству, грабежу, наживе, отличаясь ненасытной алчностью. «Массена – хороший солдат, но он не думает ни о чем, кроме денег, – раздраженно писал о нем Наполеон брату Жозефу. – <...>. Поначалу он довольствовался небольшими суммами, но теперь даже миллиарды не смогут удовлетво-

---

[1] Мишле Ж. История XIX века. СПб., 1884. Т. 3. С. 265, 269.

[2] Роланд – легендарный соратник Карла Великого, герой эпоса «Песнь о Роланде».

[3] Наполеон. Избр. произведения. М., 1941. С. 49; Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. С. 201; Las-Cases E. Op. cit. T. 1. P. 240; T. 2. P. 180.

[4] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 3. С. 297.

[5] См.: Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 97.

[6] Об этом посол России в Париже граф П. А. Толстой 8 (20) ноября 1807 г. сообщал управляющему Министерством иностранных дел графу Н. П. Румянцеву (Сб-к Русского исторического об-ва. Т. 89. С. 235).

рить его алчность»[1]. Все это вредило репутации Массена и в конце концов погубило его карьеру. Когда Наполеон публично, на дворцовом приеме, обругал его: «Вы самый большой грабитель в мире!» – Массена вдруг возразил, почтительно кланяясь: «После вас, государь...»[2] За такую дерзость он перед походом в Россию был наказан опалой.

Зато Луи Николя Даву (1770–1823 гг.), герцог Ауэрштедтский и князь Экмюльский, отличался редким для маршала империи бескорыстием. Наполеон считал его «одним из самых славных и чистых героев Франции»[3]. Разносторонне одаренный стратег, администратор, политик («великий человек, еще не оцененный по достоинству», – писал о нем в 1818 г. Стендаль[4]), Даву был равно требователен к себе и другим, в любых условиях железной рукой держал порядок и дисциплину (одна из лучших его биографий так и называется: «Железный маршал»[5]). Поэтому в армии его недолюбливали, подозревая в нем дворянскую спесь. В последнем Лев Толстой, по-видимому, и усмотрел какие-то основания для того, чтобы изобразить Даву на страницах «Войны и мира» «Аракчеевым императора Наполеона»[6]. На деле же, кроме личной суровости (тоже, впрочем, несоизмеримой: Даву был предельно строг, Аракчеев – патологически жесток), между «железным маршалом» Франции и «неистовым тираном» России[7] (такое клеймо Аракчеев схлопотал от поэта-декабриста К. Ф. Рылеева) не было ничего общего.

А вот и необычный штрих к портрету Даву: оказывается, он был в родстве с Наполеоном, после того как в 1801 г. женился на Эмэ Леклерк – сестре генерала Ш. В. Леклерка, мужа Полины Бонапарт. Кстати, за два года до замужества с Даву Эмэ, отличавшаяся «строгой красотой» и «изяществом манер», была невестой Ж. Ланна, но тот женился на еще более изящной и красивой Луизе-Антуанетте Генёк[8].

Рядом с Даву, уступая ему как стратег, но превосходя его как тактик, блистал в созвездии лучших наполеоновских маршалов Мишель Ней (1769–1815 гг.), сын бочара, герцог Эльхингенский и *князь*

---

[1] Цит. по: Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 109.

[2] Драгомиров М. И. Заметки о Наполеоне. Очерки. Киев, 1898. С. 156–157.

[3] Цит. по: Hourtoulle F. G. Davout le terrible. P., 1975. P. 3.

[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 299.

[5] Gallaher J. The iron Marshal. L., 1976.

[6] Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 22.

[7] Рылеев К. Ф. Стихотворения... С. 43.

[8] Gallaher J. Op. cit. P. 72; Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 7. С. 79; Мемуары графини Потоцкой. С. 109.

Московский (этого титула он был удостоен за доблесть в Бородинской битве). То был воин рыцарского характера и неукротимого темперамента, живое олицетворение боевого духа Великой армии. Не зря именно ему, «огнедышащему Нею»[1], Наполеон уже после смерти Ланна дал прозвище, которое армия ставила выше всех его титулов: «храбрейший из храбрых».

Далеко не самым талантливым, но самым эффектным внешне и, главное, самым популярным из маршалов Наполеона был Иоахим Мюрат (1767–1815 гг.) – трактирный слуга (половой!), ставший имперским принцем, великим герцогом Бергским и королем Неаполитанским, а также зятем Наполеона (мужем его сестры Каролины). Он вошел в историю войн как прославленный начальник всей кавалерии Наполеона и вообще один из лучших кавалерийских военачальников Запада.

Мюрат не был ни политиком, ни стратегом. Наполеон с досадой говорил о нем: «У него так мало в голове!»[2] Зато как предводитель конницы, виртуоз атаки и преследования он, по мнению Наполеона, был «лучшим в мире»[3]. Коронованный сорвиголова, Мюрат удалью и отвагой не уступал Ланну и Нею. Наполеон в 1816 г. вспоминал: «Невозможно быть более храбрым, чем Мюрат и Ланн. Но Мюрат был только храбрым, тогда как ум Ланна возвысился до его храбрости»[4]. Впрочем, Мюрат вполне заслуживал высочайших похвал и сам по себе, без сравнения с Ланном. Всегда в авангарде, всегда там, где было всего опаснее и требовалось высочайшее мужество, он ободрял своих воинов выспренно-грубоватой речью («Славно, дети мои! Опрокиньте эту сволочь! Вы стреляете, как ангелы!») и в критический момент лично вел в атаку кавалерийские лавины – голубоглазый атлет и красавец с кудрями до плеч, разодетый в шелка, бархат, страусовые перья, со всеми регалиями и с одним хлыстом в руке, причем ни разу после сабельного удара под Абукиром в 1799 г. не был ранен. Не зря Александр Дюма полагал, что Мюрат «мог бы послужить скульптору моделью для статуи бога войны»[5].

Талантливы были каждый по-своему и другие маршалы: начальник Старой гвардии Франсуа Жозеф Лефевр (1755–1820 гг.) – волонтер революции прямо от сохи, получивший от Наполеона мар-

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 351.

[2] Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 294.

[3] О'Мира Б. Цит. соч. С. 380.

[4] Цит. по: Лас-Каз Э. Цит. соч. Т. 2. С. 24.

[5] Дюма А. Тайный заговор. М., 1991. С. 349. Есть десятки биографий Мюрата на разных языках мира. Из новейших см.: Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993.

шальский жезл и титул герцога Данцигского, малограмотный, но зато сильный природным умом, крестьянской смекалкой и солдатской доблестью; командующий гвардейской кавалерией Жан-Батист Бессьер (1768–1813 гг.) – рядовой солдат 1792 г., герцог Истрийский, военачальник, совмещавший в себе энергию Мюрата и выдержку Лефевра, гражданин античного склада, близкий друг Наполеона и любимец солдат[1]; Жан-Батист Жюль Бернадот (1763–1844 гг.) – свояк Жозефа Бонапарта и тайный враг Наполеона, умный и рассудительный, но хитрый и коварный гасконец, князь Понте-Корво, родоначальник ныне правящей в Швеции королевской династии Бернадотов; Николя Жан Сульт (1769–1851 гг.) – герцог Далматский, искусный стратег и тактик, который не без успеха противостоял А. Веллингтону в Испании, но мог бы добиться большего, если бы меньше был занят мыслью стать королем соседней Португалии под именем Николая I; Луи Александр Бертье (1753–1815 гг.) – герцог Валанженский, князь Невшательский и Ваграмский, штабной офицер в войнах двух революций (американской и французской), а при Наполеоне военный министр и с 1807 до 1814 г. бессменно образцовый начальник Главного штаба[2].

О самостоятельной ценности талантов только что перечисленных и ряда других маршалов говорят, между прочим, такие факты: при Наполеоне Мюрат был отнюдь не худшим королем в Неаполе, а Бертье и Даву – военными министрами Франции; после Наполеона успешно и долго (26 лет) Бернадот царствовал в Швеции, а во Франции Сульт был председателем Совета министров, Виктор, Мортье и Сен-Сир – военными министрами, Макдональд – государственным министром.

Но, пожалуй, не всегда Наполеон жаловал маршальские звания безошибочно и своевременно. Так, Ожеро, став маршалом (вполне заслуженно) в 1804 г., после этого ничем себя не проявил. Мармон и Груши блеснули лишь в отдельных сражениях, причем второй из них погубил свою репутацию неявкой к месту битвы при Ватерлоо, а первый, как мы еще увидим, в 1814 г. запятнал свою воинскую честь и достоинство собственного народа так, как никто из 26 маршалов Наполеона. Зато не получили (может быть, точнее – не успели получить) маршальских жезлов первоклассные генералы А. Л. Лассаль, Л. П. Монбрен, Ш. Э. Гюден, А. Друо. Сравнительно поздно стал маршалом Сюше.

---

[1] См. о нем: Маркс К. Бессьер // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 138–139.

[2] См. о нем: Маркс К. Бертье // Там же. С. 95–98.

Луи Габриэль Сюше (1770–1826 гг.), герцог Альбуферский, до гибели Ланна терялся в лучах его славы как командир дивизии в его корпусе. С 1809 г., получив отдельный корпус в Испании, Сюше выдвинулся в первый ряд сподвижников Наполеона. Он был и талантливым полководцем, и храбрым солдатом, и едва ли не лучшим среди маршалов Наполеона (рядом с Даву) администратором, а по той любви, какую питала к нему солдатская масса, Сюше соперничал с Ланном и Бессьером.

Отмечу, что Сюше, как и Даву, оказался в дальнем родстве с Наполеоном, женившись в 1808 г. на племяннице королевы Испании (!), каковой была тогда Жюли Бонапарт, супруга Жозефа Бонапарта[1].

Нельзя не согласиться с мнением И. В. Гёте, утверждавшего, что Наполеон «обладал исключительным чутьем в выборе людей и <...>, наверное, потому всю жизнь, во всех своих грандиозных начинаниях он, как никто другой, был окружен умными и верными исполнителями его воли»[2]. Разумеется, на «верных исполнителей» решающим образом воздействовала не просто воля, но и сама личность Наполеона.

Главное, что в нем поражало каждого, кто с ним общался, – мощь его интеллекта. «Когда беседуешь с императором Наполеоном, – свидетельствовал канцлер Российской империи Н. П. Румянцев (сын знаменитого фельдмаршала П. А. Румянцева), – чувствуешь себя настолько умным, насколько это ему заблагорассудится»[3]. Такое признание могли сделать не только авторитетные военные или дипломаты, но и самые квалифицированные юристы и актеры, финансисты и литераторы, каждый – в своей области знаний. Великий Гёте, вспоминая о своих беседах на литературные темы с Наполеоном в Эрфурте и Веймаре, подчеркивал, что император «трактовал предмет в таком тоне, какого и следовало ожидать от человека столь необъятного ума», и вообще чего-либо «такого, что могло бы поставить его в тупик, попросту не существовало»[4]. В этом Наполеону помогала адекватная его природной одаренности феноменальная начитанность. При всей каждодневной занятости бездной дел он успевал непостижимо много читать – всю жизнь, в любых условиях, постоянно. Его походная библиотека состояла из 800 томов, часто менявшихся, а громадную библиотеку в Тюильри он перечитал всю, заставив ее

[1] См.: Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 7. С. 223; Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 808.

[2] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 552.

[3] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 66–67.

[4] Эккерман И. П. Цит. соч. С. 307, 604.

секретаря А. Филона воскликнуть: «Ни один человек на свете не прочел столько книг!» Поскольку же с детства и до конца своих дней Наполеон обладал «сверхъестественной» памятью («У него хватало памяти на все!» – удивлялся А. Коленкур), ему удавалось накапливать и переосмысливать невероятный по объему и многообразию запас знаний.

Именно интеллект был первоосновой общепризнанного наполеоновского обаяния. Современники почти единодушно свидетельствовали, что Наполеон «в совершенстве умел быть обворожительным» и «когда он хотел, то не было человека, более обаятельного, чем он»[1]. Как никто, он мог заинтересовать, убедить, пленить любого собеседника, излагая или оспаривая те или иные идеи и рассыпая при этом афоризмы, которые впору было записывать за ним. Многие из них были записаны – философские («Люди полезны своими идеями, но идеи сильнее самих людей», «Легче создавать законы, чем следовать им»), житейские («От великого до смешного – один шаг», «Дурак имеет великое преимущество перед человеком умным: он всегда доволен собой», «Копните русского и найдете татарина»), зачастую парадоксальные («Один плохой главнокомандующий лучше, чем два хороших», «Армия баранов, предводительствуемая львом, лучше, чем армия львов, предводимая бараном»).

В характере Наполеона как личности было много хороших черт. Он не был ни мелочным, ни злопамятным, как, например, Александр I: не карал явных иуд, вроде Талейрана и Фуше, предпочитая использовать их деловые качества; не стал мстить любовнику своей жены капитану И. Шарлю и оставил его на службе, хотя от одного взгляда на него приходил в ярость; простил уличенного в служебных злоупотреблениях генерала Д. Вандама, сказав его обвинителям: «Если бы у меня было два Вандама, то одного из них я повесил бы за это»[2].

Выше всего он ценил в людях, будь то друзья или враги, благородство и мужество. Широко известно, как он возвращал шпаги взятым в плен неприятельским военачальникам (австрийцу М. Мервельдту при Лейпциге, русским – Н. Г. Репнину при Аустерлице, П. Г. Лихачеву при Бородине и К. М. Полторацкому при Шампобере), а фельдмаршала С. Вурмзера и генерала К. Макка (Австрия) попросту отпустил домой. Но вот мало известный факт. Во время «Ста дней» ему доложили, что герцог Л. Ангулемский (племянник

---

[1] Коленкур А. де. Цит. соч. С. 68; Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 16 (цит. воспоминания Франческо Мельци – вице-президента Итальянской республики 1802–1805 гг.).

[2] Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 35–36.

Людовика XVI и Людовика XVIII) бежал, покинутый своими войсками, которые перешли на сторону императора, и что верным герцогу остался только один офицер, теперь арестованный, – что с ним делать: осудить, расстрелять? Наполеон повелел наградить этого офицера орденом Почетного легиона[1].

О благородстве самого Наполеона можно спорить. Наряду с возвышенными поступками он был способен, как мы уже видели (на примерах его походов в Италию, Египет и Сирию) и еще увидим, действовать безнравственно, цинично. Но личное мужество было присуще ему в высочайшей мере. Он мог не только вести солдат в штыковую атаку, как под Тулоном, или под огненный смерч врага, как при Арколе, но и стоять на командном пункте под неприятельскими ядрами, как при Эйлау и Монтеро, и при этом успокаивать своих «ворчунов», которые звали его к себе в укрытие: «Не бойтесь! Еще не отлито ядро, что убьет меня!»[2] После ряда покушений на его жизнь он не испугался личной встречи, один на один, с главарем заговорщиков – фанатически смелым и богатырски дюжим Ж. Кадудалем, которому ничего не стоило задушить собеседника. Более того, Наполеон после тех покушений, будучи уже императором, выезжал по делам или на прогулку без охраны, лишь с секретарем или адъютантом, и ругал М. Дюрока за попытки снарядить вслед за ним провожатых[3].

Он был хорошим сыном, братом, отцом и другом. Мы уже видели, как много было у него и в молодые, и в последующие годы сердечных друзей, как он ценил их, дорожил общением с ними и как тяжело переживал смерть каждого из них, особенно Л. Дезе, Ж. Ланна и М. Дюрока. В семье он вел себя строже. Чрезвычайно почтительный с «мамой Летицией», он отечески самовластно распоряжался судьбами братьев и сестер. Правда, он одарил их всех (кроме Люсьена, который с 1803 до 1815 г. был с ним в ссоре) княжескими и даже королевскими титулами, но при этом диктовал им свои, подчеркнуто скромные нормы поведения, не терпел в них заносчивости и умерял их претензии, которым не было границ. А разве все это говорит не в его пользу?

Как супруг и в особенности как отец Наполеон тоже вызывает к себе симпатию. Он страстно любил свою Жозефину и до тех пор, пока не узнал о ее изменах, никогда ей не изменял. Нежен он был и со второй женой, Марией Луизой, трогательно заботился о ней

---

[1] См.: Анекдоты Наполеона с очерком его жизни... М., 1853. Ч. 1. С. 68–69.
[2] Лашук А. Цит. соч. С. 753.
[3] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 10. С. 355–356.

и прекратил случайные связи с другими женщинами, исключая лишь его польскую даму сердца, фактически третью жену Марию Валевскую. Сына и наследника своего – Римского короля – он обожал, буквально носился с ним и строил для него самые «наполеоновские» планы. Ради маленького сына (ему было всего три года, когда монархи шестой коалиции навсегда отняли его у Наполеона) император мог отвлечься от любого, хоть самого важного и срочного дела: садился на пол рядом с ребенком и сам «забавлялся с ним, как ребенок»[1]. А какой он был отчим! Редкий мужчина способен так любить пасынка и падчерицу, как любил Наполеон Евгения и Гортензию Богарне – детей Жозефины от ее первого брака.

Между тем с той поры, как *гражданин Бонапарт* стал *императором Наполеоном*, количество дел, и ранее неисчислимое, у него прибавлялось, и он по привычке своей лично во все вникал. Вот два примера из книги В. Кронина: «Готовясь в 1806 г. к маневру, который сокрушит Пруссию, Наполеон пишет в Париж: “Спросите г-на Денона (директора Лувра. – *Н. Т.*) о том, правда ли, что вчера музей открылся с опозданием и публика должна была ждать”. В письме от 17 июля 1805 г. он просит Фуше навести справки о капитане Компьенской лесной комиссии, который когда-то нуждался и влез в долги, а теперь купил дом за 35000 франков. “Не купил ли он его за счет фондов на развитие лесного хозяйства?”»[2]. Известен и такой факт: однажды Наполеон вздумал «обревизовать все муниципальные кассы – и в несколько месяцев все было кончено, причем изловили более чем на 2 млн воровства»[3]. Зато чиновники-муниципалы больше *почти* не воровали!

С подчеркнутой теплотой Наполеон относился к семьям (особенно к женам и детям) своих боевых соратников, генералов и маршалов. Показателен такой случай, засвидетельствованный очевидцами. Маршал Лефевр, сын пахаря, первым из маршалов получил от Наполеона титул герцога. Его жена, бывшая прачка, Катрин Хюбшер (кстати, родившая ему 14 детей) стала, таким образом, герцогиней. «Однажды она появилась при дворе выряженная в бриллиантовые, жемчужные, золотые и серебряные украшения, следуя принципу “все сразу”. Строгий к вопросам церемонии господин де Бомон, дежурный камердинер, объявил с оттенком неодобрения: “Госпожа супруга маршала Лефевра”. Наполеон пошел ей навстречу: “Здравствуйте, супруга маршала и *герцогиня Данцигская*!” (Этот ее

[1] Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта. С. 127.
[2] Кронин В. Цит. соч. С. 322–323.
[3] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 187.

титул Бомон опустил). Она быстро повернулась к камердинеру: “Ну что, получил, мальчишка?” Наполеон с удовольствием наблюдал за ее умением поддеть обидчика»[1].

Своих чиновников, вплоть до министров, Наполеон держал, как и прежде, будучи первым консулом, в ежовых рукавицах, а может быть, и еще строже. Колоритная сцена обрисована по воспоминаниям очевидцев у В. Слоона: «Прибыв после Аустерлица вечером в Париж, император приказал министрам собраться на другой день в 8 часов утра на заседание. Поздравления министров были прерваны его сухим заявлением: “Нам следует теперь заняться более серьезными делами. Кажется, государство подверглось наибольшей опасности не со стороны Австрии. Министр государственного казначейства[2], потрудитесь изложить ваш доклад”. В этом докладе критически освещалось положение дел с финансами: недостаток государственных доходов, продажность чиновников, их жульнические маневры <...>. Трое из числа виновных высших должностных лиц были тотчас же вызваны на заседание <...>. Последовавшую затем сцену можно сравнить разве лишь с грозой, в продолжение которой громовые удары безостановочно раздавались целый час с высоты небес. Один из виновных залился слезами, другой сделал слабую попытку извиниться, третий же не нашел ничего ответить и слушал, словно оцепенев от страха. Под конец император угрожающим жестом приказал всем удалиться». Вслед за тем сразу были приняты жесточайшие меры по розыску средств, «украденных чиновниками»[3].

Бездна разнообразнейших государственных дел, которыми занимался Наполеон, поражала современников и удивляет историков. Стендаль свидетельствовал: все 15 лет своего правления Наполеон ежедневно подписывал в среднем 31–32 декрета, в каждом из которых было по 10–12, а иногда и до 80 статей, плюс еще ставил свою подпись на полях 20–30 докладов, которые, случалось, заставлял трижды-четырежды переделывать[4]. А сколько писем он отправлял постоянно по разным адресам, не перечесть! Среди них были и ценнейшие письма его братьям-королям (Жозефу, Людовику, Жерому), которые воспринимаются как учебные пособия для начинающих королей. Один из самых дотошных биографов Наполеона – А. С. Трачевский – обобщал: «У его секретарей костенели руки, у адъютантов и курьеров подкашивались ноги. Не говоря про массу

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 352.

[2] То был граф Франсуа Барбе-Марбуа (1745–1837), доверенейшее лицо императора.

[3] Слоон В. Указ. соч. Т. 2. С. 103–104.

[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 154.

повелений и указов, издано 30000 одних его писем, да недостает еще тысяч 50»[1].

Да, секретарям Наполеона знающие люди очень сочувствовали (если не сказать соболезновали). Они воистину не знали «ни сна, ни отдыха» целыми сутками. Дело в том, что Наполеон почти ничего не писал собственноручно. Все, за редким исключением, свои декреты, приказы, запросы, прокламации, бюллетени, письма он *диктовал* – зачастую два совершенно различных документа двум разным секретарям *одновременно*! – ибо «рука его не успевала за скоростью его мыслей», которые фонтаном били из него и притом в законченном виде, «подобно тому, как вооруженная Минерва выпрыгивала из головы Юпитера»[2]. Удивляясь тому, как много разнокалиберных дел успевал Наполеон решать ежедневно, надо еще учитывать, что половину своего времени он как государь провел в боях и походах от египетских пирамид до Московского Кремля, дал не менее 60 сражений – больше, чем Александр Великий, Ганнибал, Цезарь, Фридрих Великий и Суворов вместе взятые. Ведь он рассылал тысячи директив во все концы своей империи не только из Парижа, но также из Рима, Вены, Мадрида, Берлина, Москвы и с походных биваков до и между битвами. «Это был единственный человек на Земле, который на протяжении всей своей жизни не мог сидеть ни минуты сложа руки», – так сказал о фантастической работоспособности Наполеона его министр юстиции граф М. Л. Моле. Столько успеть и вынести к 46 годам жизни мог, разумеется, только гений, но к тому же еще, по выражению Гёте, «человек из гранита»[3]. Как тут не вспомнить сказанное одним из учителей Бриеннской военной школы о юном Наполеоне: «Он сделан из гранита, но внутри у него вулкан».

Из негативных свойств личности Наполеона главным был его деспотизм. Как всякий деспот, он, по признанию даже его почитателей, был «невысокого мнения о человеческом роде»[4] (вспомним здесь откровение Александра I: «все люди – мерзавцы»[5], или позднейшую сентенцию Л. Д. Троцкого обо всех нас: «...злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми»[6]). Безусловно, у Наполеона были исключения из «человеческого рода» – его родные, друзья, боевые соратники,

---

[1] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 187.

[2] Наполеон. Годы величия. С. 122, 123; Слоон В. Цит. соч. Т. 2. С. 123.

[3] Эккерман И. П. Цит. соч. С. 551.

[4] Коленкур А. де. Цит. соч. С. 349.

[5] См.: Кизеветтер А. А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. М., 1912. С. 305.

[6] Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 393.

любимые женщины. Но к большинству человечества он относился бездушно и мог любого из окружающих за любую (пусть даже непозволительную) провинность обидеть, унизить, оскорбить. После солдатски грубой головомойки, которую он устроил Талейрану (уже заподозрив его в измене), старый лис только вздохнул: «Как жаль, что такой великий человек так дурно воспитан!»[1] В приступах гнева, которым Наполеон был подвержен (а то и разыгрывал их артистически, на зависть самому Тальма), он не щадил и самых близких друзей, зная, что никто из них, кроме Ланна, не рискнет ему перечить.

Показательно для него как деспота отношение к женщинам. Да, он почитал свою «маму Летицию», любил всех сестер и обеих жен, влюблялся в других женщин, искренне называл Марию Валевскую «ангелом». Но вообще он считал прекрасную половину человечества умственно и духовно неполноценной, усматривая главные ее грехи в несерьезности, непостоянстве и особенно в неуемной тяге к болтливости. Читатель, должно быть, запомнил сцену, представленную в первом томе «Наполеона Великого», когда первый консул властно рекомендует Лауре Пермон (будущей герцогине д'Абрантес) *вписать в ее герб* такие слова: «Все видеть, все слышать и обо всем сразу же забывать». Женщин, которые пытались влиять на политику, Наполеон просто не выносил, о чем наглядно свидетельствует его неприязнь и даже репрессии против Жермены де Сталь и хозяйки одного из модных салонов в Париже Жюли Рекамье (их обеих он выслал из Парижа, а де Сталь позднее – еще из Франции).

Одной из самых дурных черт Наполеона-деспота была его привычка вмешиваться в брачные дела своих подданных: он либо запрещал им жениться, либо требовал развестись с женами, мотивируя свои капризы, как ханжа и скряга. Маршалу Бертье он не разрешал жениться на маркизе (!) Джузеппине Висконти, как ветренице, а генералу Коленкуру – на фрейлине своего двора Адриенне де Канизи, как разведенной. В то же время он требовал, чтобы его брат Люсьен развелся со своей супругой – вдовой разорившегося спекулянта Александриной Жубертон, неприлично безродной для члена императорской фамилии, – обещая ему взамен ни больше ни меньше как трон в Испании или Португалии. Люсьен отверг предложенную сделку и рассорился с Наполеоном на 12 лет.

Деспотический характер Наполеона заставлял его подданных задумываться над судьбами империи. Они и восхищались «повсюдностью» императора, и боялись ее, понимая, что если он так самовластно держит огромную империю в своих руках, то стоит ему пасть

[1] Цит. по: Борисов Ю. В. Ш.-М. Талейран. М., 1986. С. 248.

(в бою, от болезни, жертвой заговора или несчастного случая), как рухнет и вся империя. Ведь никто другой в роли государя не смог бы следовать его принципу: «Для правительства нерешительность государей – то же, что и паралич в членах тела»[1]. Многие сознавали, что должен быть предел возможностям любого гения, и опасались, как бы Наполеон не обрушил страну в глубочайшую пропасть. Самые проницательные (раньше всех – Ш. М. Талейран) замечали, что к 1810 г., когда могущество наполеоновской империи было в апогее, военная машина Наполеона уже перенапряглась и грозила отказать. Разгромив подряд пять коалиций, его солдаты устали, а генералы и маршалы пресытились победами. Ведь все эти бывшие пахари, конюхи, бочары, половые, бывшие солдаты и сержанты стали не просто маршалами, а баронами и графами, герцогами и князьями, принцами и королями, сами превратились в аристократов, вроде тех, кого они в своей революционной молодости призывали вешать на фонарях. Бернадот, ставший королем Швеции, не мог стереть с груди юношескую татуировку «Смерть королям и тиранам!», но стыдился ее. Наделенные вдосталь титулами и орденами, поместьями и деньгами, маршалы сочли себя *достаточно* повоевавшими и жаждали, что называется, почивать на лаврах. Конечно, они еще повиновались Наполеону (все чаще ворча за его спиной) и могли, как встарь, блеснуть в сражении с любым противником, но уже без былого энтузиазма.

«Начало конца» (по крылатому выражению Талейрана) наполеоновской империи в 1810–1811 гг. провидели и во Франции, и в Европе лишь единицы. Среди них, как ни странно, была мать Наполеона («Madame Mère», как ее величали) Летиция Буонапарте, которой просто не верилось, что такое неправдоподобное могущество может продлиться долго. «Надо откладывать про запас, – говорила “мама Летиция”. – Ведь когда все это лопнет, мне на руки свалятся сразу 7–8 монархов!»[2] Подавляющему же большинству современников Наполеон и его империя после Тильзита вплоть до 1812 г. казались всемогущими. «Кто не жил во времена Наполеона, – вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский, – тот не может вообразить себе степени его нравственного могущества, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о силе без всяких границ»[3].

---

[1] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. С. 166.

[2] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 8.

[3] Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1839. Т. 1. С. 153.

Глава II
ПРЕДГРОЗЬЕ

Самое важное в политике – следовать своей цели: средства ничего не значат.

Наполеон

1. Испанский синдром

Мы видели, что Наполеон мог аннексировать по соседству (а потом «облагодетельствовать» своим Гражданским кодексом) ряд малых государств, вроде Голландии или Неаполитанского королевства, мирно, без войн. Точно так же, мирно, возжаждал он присоединить к себе и первую, отнюдь не малую, страну, которая не покорилась ему и стала для него предвестием конца, Испанию. Она к 1808 г. уже склонялась под влияние Англии, тем самым нарушая континентальную блокаду и потенциально угрожая Франции с тыла. Взять Испанию под свой контроль Наполеон считал необходимым не только ради того, чтобы обезопасить свои тылы и во избежание прорыва континентальной блокады на Пиренеях, но еще и с целью «перелицевать» исторический пример – жест Людовика XIV. Дело в том, что именно Людовик XIV в 1700 г. посадил на испанский трон своего внука Филиппа Анжуйского, который и стал родоначальником испанской ветви Бурбонов под именем Филиппа V. «Испанцы, – цитирую Е. В. Тарле, – приняли нового короля и новую династию в те времена и удержали их на престоле, хотя пол-Европы тогда пошло войной против Людовика XIV с целью удалить Филиппа. Почему же теперь Наполеону, который вне всяких сравнений могущественнее Людовика XIV, может не удаться подобная же комбинация? Почему он не может водворить в Испании династию испанских Бонапартов? И притом ему вовсе и не придется воевать с Европой, как пришлось Людовику XIV: Европа уже разгромлена

и покорена, а с Россией – союз»[1]. Чтобы осуществить задуманное, Наполеон разработал сатанински гениальный план.

Испанский престол занимали тогда «три дегенерата»[2] из династии Бурбонов. Король Карл IV, которому в 1808 г. перевалило за 60, был уже немощным, слабоумным и, главное, затертым под каблук своей сварливой и развратной жены Марии Луизы. Королева ненавидела и мужа, и сына, столь же недалекого умственно, как и его отец, принца Фердинанда, о котором Наполеон говорил: «...он равнодушен ко всему и не имеет ни малейшего представления ни о чем»[3]. Зато Мария Луиза смолоду и надолго завела себе любовника – бравого лейб-гвардейца Мануэля Годоя, который, по выражению Д. Чандлера, «через постель королевы пролез к власти», стал генералиссимусом и премьер-министром, фактически правителем Испании, а королю отвел роль сутенера его собственной жены. Уже в 1804 г. Стендаль оставил в дневнике такую запись о Годое: «Могущественнее испанского короля, потому что спит с королевой»[4]. С тех пор Годой возвысился еще больше, получил от монаршей четы высокопарный, хотя и несколько двусмысленный титул «князь Мира» (за успех на мирных переговорах между Испанией и Францией), но своим наглым беззаконием восстановил против себя, а заодно и против короля с королевой, громадное большинство испанцев снизу доверху. Личные же распри в королевской семье еще больше роняли авторитет коронованных «дегенератов» в глазах собственного народа. К весне 1808 г. терпение испанцев истощилось: 17 марта в пригороде Мадрида Аранхуэсе, где находился дворец «князя Мира», вспыхнуло восстание горожан. Годой был схвачен повстанцами, избит и, чудом избежав расправы, брошен в тюрьму.

Наполеон, внимательно следивший за происходящим в Испании, немедленно приступил к реализации своего плана. Он взял на себя роль арбитра в испанских междоусобицах и раздорах – как между властью и народом, так и внутри власти. Уже 23 марта 1808 г. он пригласил (точнее сказать, заманил) короля и королеву Испании с их чадами и домочадцами, а также освобожденного из тюрьмы и теперь ни на что не претендующего Годоя к себе во французский город Байонну, у самой испанской границы. После случившейся там дикой сцены, когда Карл IV замахнулся палкой на сына, а тот едва не вступил с отцом в кулачный бой, Наполеон припугнул испанских монархов устрашающей перспективой всенародного бунта против них

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 251.
[2] По определению А. Кастело. См.: Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 169.
[3] Correspondance de Napoléon. T. 17. № 13778. P. 39–40.
[4] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 15. С. 97.

в Испании и потребовал «ради спокойствия испанского народа», чтобы и Карл, и Фердинанд отказались от престола[1]. Затем, уже радея об их личном «благоденствии и спокойствии», император отправил короля и королеву Испании фактически под домашний арест в Фонтенбло, а Фердинанда с прочими членами королевской семьи – в Валансэ, в замок Ш. М. Талейрана*. «Он провел всю потрясающую операцию похищения трона сразу у двоих – и у отца, и у сына – виртуозно, – удивлялся А. З. Манфред. – Ни одного выстрела, ни одного резкого жеста, ни одного жестокого слова – и Испания была завоевана»[2].

Спустя несколько дней Наполеон провозгласил королем Испании (обещая при этом выгодные для народа реформы) своего брата Жозефа, бывшего королем в Неаполе. Император приказал брату-королю оставить неаполитанскую корону для И. Мюрата, а самому отправляться в Мадрид, чтобы занять там освободившийся испанский престол. Таким образом, иронизирует Дэвид Чандлер, «Наполеон сохранил неаполитанскую корону “в семье”»[3]. А пока Мюрат во главе армейского корпуса подступил к Мадриду, чтобы подготовить народ Испании к восшествию на престол нового монарха.

Но вдруг в уже в завоеванной, как показалось Наполеону, стране против него восстала испанская «чернь», которую он не принимал в расчет. 2 мая 1808 г. в Мадриде грянуло событие, оказавшееся предвестием народной партизанской войны против французов «когтями и зубами», *герильи* (от исп. la guerra – война). Этот страшный бунт жителей испанской столицы обрел историческую значимость благодаря гению Франсиско Гойя, который увековечил его в картинах «Восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде» и «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 г.»[4].

Накануне, 1 мая, в базарный день, толпы мужчин и женщин заполнили улицы, площади, церковные паперти Мадрида с криками «Смерть французам! Они похитили нашего короля!» (имея в виду не

---

[1] Подробно см.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 250; Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 252–255.

* Лишь в марте 1814 г. Наполеон отпустит Фердинанда в Испанию. Карл IV, Мария Луиза и Годой на родину не вернутся: Годой останется во Франции, экс-королевская чета осядет в Италии.

[2] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 582.

[3] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 375.

[4] Подробно о событии 8 мая 1808 г. см.: Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796–1815. М., 2004. С. 332–333; Марбо М., де. Мемуары. М., 2005. С. 249–251.

самого Карла IV, всеми ненавидимого, а принца Фердинанда как желательную альтернативу). Мюрат, уже вступивший в Мадрид с авангардом своего корпуса, не сразу осознал, что происходит. Но на следующий день повстанцы атаковали французов по всему городу, забрасывали их камнями, стреляли в них из окон чуть ли не всех домов, кидались на них с ножами и топорами и даже норовили увечить их буквально «когтями и зубами». Мюрат обрушил на восставших свою кавалерию, первые ряды которой составили эскадроны мамлюков. «Врезавшись в гущу толпы, – вспоминал очевидец, барон М. де Марбо, бывший тогда адъютантом Мюрата, – мамлюки в один миг снесли своими кривыми саблями сотню голов и проложили путь гвардейским егерям и драгунам, принявшимся яростно рубить мятежников»[1]. В тот же день мятеж был подавлен.

Но из Мадрида герилья перекинулась на провинцию: против французского диктата восстали Андалусия, Валенсия, Галисия, Арагон. Ярость испанцев повсеместно и рьяно разжигало духовенство. Испанские монахи распространяли по стране агитационные катехизисы похлеще ростопчинских афишек 1812 г., с такими заповедями: «Наполеон есть начало всякого зла, конец всякого добра, вместилище всех пороков»; «повелитель преисподней, царь чудовищ ада, еретиков и еретических государей, страшный зверь-бестия о 7 головах и 10 рогах»[2]. В результате в Испании французам пришлось иметь дело – неожиданно для них и, главное, для Наполеона – прямо-таки с «озверелым народом». Очевидцы и участники событий 1808 г. свидетельствовали о леденящих душу примерах жестокости с испанской стороны и ответных акций мщения – французов. Так, в Саламанке «200 французских пленных были разрублены на куски и брошены свиньям»[3]. Близ Тарасоны (Арагон. – *Ред.*) Марбо и его товарищи обнаружили труп молодого французского офицера, «пригвожденного за руки и за ноги к двери какого-то сарая. Несчастный был прибит вниз головой, и под ним загорался костер»[4]. Но, пожалуй, самый жуткий пример такой бесчеловечности приводил капитан Шарль Франсуа – герой битв при Аустерлице, Йене и Фридланде[5]. Вот его рассказ в передаче Андре Кастело: «Отважного

---

[1] Марбо М., де. Указ. соч. С. 250–251.

[2] Цит. по: Лучицкий И. В. Наполеон и Испания // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 47.

[3] Лашук А. Указ. соч. С. 335.

[4] Марбо М., де. Цит. соч. С. 268.

[5] См. о нем: François Ch. // Dictionnaire Napoléon / Sous la direction de J. Tulard. Fayard, 1999. T. 1. P. 833–834.

генерала Рене[1] <...> с женой и ребенком испанцы схватили в одном из ущелий Сьерра-Морены <...>. Там они распилили его надвое после того, как у него на глазах изнасиловали жену, которую потом тоже распилили. Но прежде распилили ребенка на глазах обезумевшей матери»[2].

Французы, со своей стороны, впервые столкнувшись с подобным зверством, естественно, тоже озверели, но не изощрялись в палачестве, как испанцы, а попросту обезглавливали и расстреливали всех, кто выступал против них с оружием в руках. Впрочем, испанцев озлобляли не столько расстрелы и казни, сколько мстительные надругательства «безбожников» французов над церковью, олицетворявшей собой для французских солдат зловещую инквизицию. «Никто не считал, – отмечает Анри Лашук, – сколько священников замучили французы, пытаясь узнать, где спрятаны церковные сокровища». А ведь французы не только мучили и убивали священников, но и разоряли и оскверняли церкви, превращая их в отхожие места[3]. Наполеон попытался было пресечь бесчинства французских солдат, приказав расстреливать каждого уличенного в неоправданном насилии и грабеже. Д. Чандлер приводит характерное свидетельство очевидца о расправе с одним из таких солдат, «застигнутым во время ограбления им церкви. Преступника немедленно вытащили и поставили перед срочно организованным военным судом, приговор был подписан на бумаге, положенной на барабан, солдат приговорен к смерти и немедленно казнен на месте». «Было много подобных случаев применения трибуналами самых крутых мер, – заключает Чандлер, – но бесчинства все-таки продолжались»[4]. Так испанская кампания 1808–1809 гг. становится похожей, по выражению А. Лашука, «на страшные религиозные войны Средневековья»[5].

К тому времени, когда Жозеф Бонапарт торжественно (но с величайшими предосторожностями) въехал в Мадрид, а это произошло 22 июля 1808 г., такая война – *на истребление*! – уже полыхала по всей Испании. Соотношение сил поначалу можно было расценить как обреченно проигрышное для испанцев. Правда, на их стороне было *количественное* превосходство: по данным Д. Чандлера, «около 200 тыс.» солдат плюс несчетное количество герильерос (*исп.* guerrilleros – партизан) против «приблизительно 120 тыс.» францу-

---

[1] Барон Жан Гаспар Рене (1768–1808) – волонтер Французской революции, бригадный генерал с 1801 г.

[2] Кастело А. Цит. соч. С. 203.

[3] Лашук А. Цит. соч. С. 335, 339.

[4] Чандлер Д. Цит. соч. С. 395.

[5] Лашук А. Цит. соч. С. 339.

зов[1]. Но французские войска (кроме отдельных частей новобранцев) безмерно превосходили испанцев в качественном отношении – боевым опытом, выучкой, дисциплиной. Испанский командный состав, хотя в нем числились 127 фельдмаршалов[2], далеко уступал французскому: даже самые талантливые полководцы Испании Ксавьер де Кастаньос (будущий герцог Байленский), Хосе Палафокс (впоследствии герцог Сарагосский) и Хоакин Блейк не шли ни в какое сравнение с наполеоновскими маршалами Лефевром, Монсеем или Виктором, а тем более с Ланном, Сюше или Бессьером[3]; прочие же испанские генералы, как заметил (не без оснований) Анри Лашук, «разбирались в военном деле гораздо хуже любого французского сержанта».

Военная кампания 1808 г. в Испании началась для французов, как и рассчитывал Наполеон, многообещающе. 14 июля в битве при Медина дель Рио-Секо маршал Бессьер с 10-тысячным корпусом разбил 30-тысячную армию генерала Г. Ла Куэста, причем испанцы потеряли, по данным А. Лашука, около 12 тыс. человек (убитыми, ранеными и пленными), а французы – «чуть более 500 солдат». Узнав об этом, Наполеон воскликнул: «Бессьер сделал моего брата королем Испании!»[4] Однако всего через девять дней после триумфа Бессьера Наполеон пережил самое болезненное, чем когда-либо прежде, разочарование, а на всех европейских языках зазвучало позорное отныне для наполеоновской Франции слово: *Байлен*.

Так назывался город в Андалусии на юге Испании, где 23 июля 1808 г. (на следующий день после торжественного явления Жозефа Бонапарта Мадриду в качестве испанского короля) целый корпус французов численностью в 17,5 тыс. бойцов, которым командовал заслуженный боевой генерал, лишь двумя неделями ранее пожалованный в графы, Пьер Дюпон, капитулировал перед сборным воинством генерала К. де Кастаньоса (15 тыс. кадровых солдат плюс до 30 тыс. ополченцев, партизан и даже контрабандистов).

Вот как это произошло[5]. Дюпон вел свой корпус из Андалусии к Мадриду с добычей, награбленной в церквах Кордовы и занявшей 500 повозок. У Байлена войска Кастаньоса окружили его. Дюпон мог

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 377, 387.

[2] Подсчитал И. В. Лучицкий (учитель Е. В. Тарле): Отечественная война и русское об-во. М., 1911.

[3] Называю только тех маршалов Наполеона, которые участвовали в испанской кампании 1808–1809 гг.

[4] Лашук А. Цит. соч. С. 338.

[5] См.: Там же. С. 339–340; Чандлер Д. Цит. соч. С. 380; Беллок Х. Указ. соч. С. 260; Кастело А. Цит. соч. С. 185–186; Марбо М. де. Цит. соч. С. 257–260.

бы попытаться прорвать кольцо окружения, но не пошел на это, боясь потерять награбленное. Он вступил в переговоры с Кастаньосом об условиях капитуляции, по которым все генералы, офицеры и солдаты корпуса (а каждый из них смог бы взять с собою часть добычи) были бы доставлены на кораблях во Францию, в Рошфор, живыми-здоровыми, только без оружия. Кастаньос обещал: «Так и будет! Слово кабальеро»[1]. Но испанцы нарушили свое обещание: отпущены были во Францию только генералы и старшие офицеры, а солдат и младших офицеров заточили в тюрьмы скалистого острова Кабрера (одного из Балеарских островов), откуда вернулись через шесть лет, в 1814 г., лишь 3 тыс.; остальные, почти 14,5 тыс., «погибли от жестокого обращения»[2].

Наполеон узнал о трагедии Байлена в Бордо на пути из Байонны в Париж. Он был вне себя от гнева: швырнул на пол графин с водой, разбившийся вдребезги, и нервно шагал по мокрому ковру, восклицая: «Какая постыдная капитуляция в открытом поле! Честь нашей армии поругана!» По свидетельству очевидцев, он сказал: «Я завидую Августу, который оплакивал свои легионы; они, по крайней мере, погибли, сражаясь»[3]. 3 августа император написал военному министру А. Ж. Г. Кларку: «Согласитесь, что с сотворения мира не было ничего более безграмотного, более глупого или более трусливого»[4]. Дюпон по возвращении во Францию был предан военному суду, лишен чинов, орденов, графского титула, мундира и пенсии с конфискацией всего имущества и заключен в тюрьму, где просидел до падения Наполеона. Зато при Людовике XVIII он станет военным, а затем государственным министром и членом личного совета короля.

Эхо Байлена прокатилось по всему миру. Все узнали не только о позоре непобедимой империи, но и о возможности успешно бороться против нее. Байлен насторожил Францию, вдохновил Испанию, обрадовал Англию. Жозеф Бонапарт, прокоролевствовав всего десять дней, бежал из Мадрида и во главе своей 20-тысячной армии спешно отступил на север Испании, за реку Эбро. Теперь «все то, что ненавидело, но боялось могущества Наполеона, начало поднимать голову»[5]. А в Испании, как справедливо отметил А. З. Манфред, «Байлен удесятерил силы национально-освободительного движения <...>. Испанию после Байлена нельзя было ни завоевать, ни победить. Наполеон до сих пор вел войну против ар-

---

[1] Кабальеро – титул дворянина в Испании.
[2] Лашук А. Цит. соч. С. 340.
[3] Беллок Х. Указ. соч. С. 260; Кастело А. Цит. соч. С. 185.
[4] Correspondance de Napoléon. T. 17. № 14242. P. 427.
[5] Лучицкий И. В. Цит. соч. С. 48.

мий; в Испании он должен был вести войну против восставшего народа. Победить его он не мог»[1].

Последствия капитуляции Дюпона при Байлене усугубила капитуляция генерала А. Жюно (давнего личного друга Наполеона) при Синтре в Португалии, хотя она выглядела менее позорной и имела гораздо меньший резонанс по сравнению с Байленом[2]. Дело в том, что еще осенью 1807 г. Наполеон решил наказать Португалию за ее отказ участвовать в континентальной блокаде. Португальский регент принц Жуан[3], игнорируя давление со стороны Наполеона (вплоть до угрозы объявить Португалии войну!), продолжал торговать с англичанами и даже предоставил им Лиссабон в качестве базы для операций против Тулона и Марселя. Наполеон, хорошо информированный о том, насколько слабы вооруженные силы Португалии, отправил в поход на Лиссабон «весьма жалкую армию молодых рекрутов»[4] (посчитав ее достаточной) под командованием Жюно. Действительно, Жюно, почти не встречая сопротивления, 30 ноября 1807 г. вступил в Лиссабон, а принц Жуан и весь его двор на английских кораблях бежали в Бразилию. Но, к несчастью для Жюно, пока он «наводил порядок» в Лиссабоне, неподалеку, севернее португальской столицы высадились английские войска. Командовали ими генералы Брент Спенсер и Артур Уэлсли – будущий фельдмаршал и (с 1809 г.) виконт, а затем граф, маркиз, герцог *Веллингтон*. 21 августа 1808 г. Жюно проиграл им бой при Вимейро, запросил перемирие и 30 августа в Синтре, близ Лиссабона, подписал капитуляцию, – правда, на почетных условиях: англичане обязались доставить во Францию все 26 тыс. солдат Жюно (вместе с ним самим), их оружие, включая артиллерию, снаряжение и даже трофеи, все это в обмен на полную эвакуацию французов из Португалии. Байлен не повторился: англичане, в отличие от испанцев, выполнили все условия капитуляции.

Теперь Наполеон понял, что без него ни в Испании, ни в Португалии французам не обойтись. Очень занятый урегулированием отношений с Россией (включая личные переговоры

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 545.

[2] Подробно об этом см.: Лашук А. Цит. соч. С. 342; Чандлер Д. Цит. соч. С. 368–369, 381; Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 581–582.

[3] Будущий (с 1816 г.) король Португалии Жуан VI (1769–1826) с 1792 г. фактически правил страной в качестве регента из-за психического расстройства своей матери, королевы Марии I.

[4] Кастело А. Цит. соч. С. 169; Лашук А. Цит. соч. С. 357–360; Чандлер Д. Цит. соч. С. 396–398.

с Александром I в Эрфурте с 27 сентября по 14 октября 1808 г.[1]), он тем не менее внимательно следил за испанскими делами. Едва вернувшись из Эрфурта в Париж, император распорядился направить в Испанию дислоцированные на территории Франции и Германии три свежих корпуса Великой армии (маршалов Ж. Ланна, М. Нея и Н. Ж. Сульта) и, главное, гвардию. Вместе с теми соединениями, которые уже действовали против испанской герильи (корпуса маршалов Ф. Ж. Лефевра, К. П. Виктора, А. Ж. Монсея и генерала Л. Гувиона Сен-Сира, а также кавалерийский резерв Ж. Б. Бессьера), численность французских войск в Испании достигнет 200 тыс. человек. Сам Наполеон выехал из Парижа 29 октября, 3 ноября был уже в Байонне, а еще через день вступил в испанский город Виторию. Далее события стали развертываться с поразительной (для Наполеона привычной) быстротой.

10 ноября Наполеон разгромил под Бургосом Эстремадурскую армию под командованием графа Х. Бельведера и пошел с гвардией, корпусами Нея и Сульта и кавалерией Бессьера прямым курсом на Мадрид, тогда как маршалы Ланн и Виктор обеспечивали его фланги. Позади и справа от императора уже 11 ноября под Эспиносой Виктор нанес поражение Галисийской армии, которой командовал генерал Х. Блейк (ирландец по происхождению), а впереди, слева – под Туделой 30 ноября корпус Ланна сразился с Андалусской армией во главе с лучшими полководцами Испании К. Кастаньосом (победителем при Байлене) и Х. Палафоксом. Несмотря на более чем двойной перевес противника в численности (45 тыс. испанцев против 20 тыс. французов), Ланн одержал победу – самую блестящую в его военной карьере. Остатки разгромленной Андалусской армии бежали к Сарагосе, где им еще предстояло вновь встретиться с Ланном.

Тем временем Наполеон с главными силами ускорил марш на Мадрид. Последней преградой на его пути к испанской столице стало ущелье Сомосьерра с перевалом высотой в 1500 м. Его защищали 9 тыс. испанцев с четырьмя артиллерийскими батареями, расставленными одна за другой на пути возможной атаки противника так, чтобы в случае захвата одной батареи он оказывался под огнем второй, третьей, четвертой. Здесь 30 ноября генерал и будущий граф Луи Пьер Монбрен возглавил кавалерийскую атаку на позиции испанцев, которую А. Жомини назвал «одной из блистательнейших во

[1] Об этих переговорах специально и подробно речь пойдет в следующем параграфе.

всех войнах Наполеона»[1]. Ударный отряд Монбрена, в составе которого отличился эскадрон польских легионеров во главе с полковником Яном Козетульским, ворвался на перевал. Легионеры устремились в атаку с громогласным кличем «Niech żyje Cesarz!» (*польск.* «Да здравствует император!»), в котором, как заметил Макс Галло, Наполеону «послышался акцент Марии Валевской». Сметая с пути пехоту и вырубая, словно кустарник, испанских канониров, атакующие захватили все четыре батареи, после чего уцелевшие защитники Сомосьерры бросились спасаться бегством по дороге в Мадрид. Их начальник Х. Бенито де Сан-Хуан пытался задержать беглецов, но был убит собственными солдатами. Монбрен за этот подвиг получит титул графа и станет одним из кандидатов в маршалы Франции, но погибнет в Бородинской битве, так и не успев получить маршальский жезл.

К Мадриду Наполеон подошел с армией в 30 тыс. человек 2 декабря – в очередную годовщину своей коронации и победы при Аустерлице. Заняв высоты Чамартина у самых стен Мадрида, он послал в город Бессьера с ультиматумом: Верховная хунта (так называло себя самоназначенное после бегства Жозефа Бонапарта правительство Испании) должна сдать Мадрид французам, иначе – штурм с неизбежными и неисчислимыми жертвами. Хунта ответила: «Нет!» Испанское правительство рассчитывало на героизм не только солдат гарнизона, но и, главное, 40 тыс. (!) окрестных крестьян, собравшихся в столице с решимостью защитить ее[2]. С 9 часов утра 3 декабря французская артиллерия пробила бреши в городских стенах, а пехота пошла на штурм и вломилась в город, не щадя никого и ничего. Теперь хунта сама запросила перемирия, и в 5 часов вечера 4 декабря ее представители подписали акт о капитуляции, выразив при этом Наполеону свою покорность. Таким образом, заключает Анри Лашук, «чтобы разбить три испанские армии и взять Мадрид, Наполеону потребовался всего один месяц!»[3]

Французские войска вступили в Мадрид, но Наполеон сохранил свою ставку в Чамартине, облюбовав для себя местный дворец герцога Оссуно. С высот Чамартина он и начал провозглашать декреты о реформах, которые должны были покончить с средневековыми порядками в Испании. Упразднялась на вечные времена инквизиция

---

[1] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 360. Подробно об этой атаке см.: Там же. С. 357–360; Чандлер Д. Цит. соч. С. 396–398; Марбо М., де. Цит. соч. С. 276–277.

[2] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 360–361.

[3] Там же. С. 362.

с передачей ее имущества государству, отменялись феодальные привилегии и декретировалось сословное равенство всех испанцев; сокращалось на две трети количество монастырей, а их владения переходили в общественное пользование, причем монахам и монахиням, согласным вернуться к светской жизни, назначалась пенсия; ликвидировались таможенные барьеры между провинциями, и вся устаревшая налоговая система, находившаяся в хаотическом состоянии, была цивилизованно пересмотрена в интересах большинства нации[1]. Все это сулило Испании исторически необходимый рывок из феодальной отсталости к всестороннему прогрессу, но... Согласимся с А. З. Манфредом: «Мадридские декреты Наполеона 1808 г. имели ярко выраженное антифеодальное содержание; их прогрессивный характер не вызывает ни малейших сомнений. Недостаток этих декретов был не в их характере, а в способе, которым они навязывались испанскому народу <...>. Испанский народ отверг их с порога: он их не принимал не потому, что они были плохи или могли быть лучше, а потому, что это были законы завоевателей»[2].

Проводить в жизнь реформы императора Наполеона должен был король Жозеф. Он вернулся в «свою» столицу и скромно занял под королевскую резиденцию небольшой замок в Пардо (пригороде Мадрида). Тем временем Наполеон обратился к народу Испании с прокламацией, в которой провозглашалась амнистия всем, кто сложит оружие в месячный срок. Мало того, он предал гласности приказ по собственной армии: «Любой военнослужащий, независимо от звания, кого уличат в грабеже, кражах и грубом обращении с жителями, будет немедленно расстрелян»[3]. Теперь – с надеждой на умиротворение и торжество нового порядка в Испании – Наполеон приступил к решению новой задачи: выгнать с Пиренейского полуострова англичан и вернуть под свой контроль Португалию, которую легко завоевал и с еще большей легкостью потерял Жюно.

Дело в том, что английская армия, не довольствуясь отвоеванной у французов Португалией, к середине октября 1808 г. начала операцию в Испании, чтобы соединиться с испанскими войсками и партизанами. Командовал этой армией генерал Джон Мур (1761–1809 гг.) – участник войны в Северной Америке, осады Тулона в 1793 г. – до появления там Наполеона – и войны в Египте – после отъезда Наполеона. Корифей английской военной историографии Дэвид Чандлер считает Мура «безусловно самым талантливым из

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 362–363.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 614–615.
[3] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 363.

всех генералов союзных войск в то время на Пиренеях» и даже «одним из величайших полководцев Англии» вообще[1].

В Португалии Мур имел 35 тыс. солдат. Из них он взял с собою в Испанию более 20 тыс., рассчитывая на соединение не только с испанскими войсками, но и с 10-тысячным английским экспедиционным корпусом баронета Д. Бейрда, который действительно вторгся в Испанию и присоединился к Муру, причем Бейрд стал его заместителем. 19 декабря Наполеон получил депешу от маршала Сульта: войска Мура идут от Асторги (северо-запад Испании) к Вальядолиду прямиком на Мадрид. Реакция Наполеона была мгновенной: 20 декабря он во главе 40 тыс. своих «орлов», включая гвардию, выступил из Мадрида навстречу «красномундирникам». Мур до тех пор не знал, что сам Наполеон с гвардией в Мадриде. Узнав об этом, он сразу повернул назад к Асторге, Наполеон – за ним. Так началась запечатленная в истории наполеоновских войн «погоня за Муром»[2].

Отступление войск Мура скоро превратилось в беспорядочное бегство. «Никогда не видели ничего подобного. Враг бежит быстрее пруссаков после Йены», – говорили в те дни ветераны Старой гвардии Наполеона. Сам Джон Мур написал 13 января 1809 г. в Лондон военному министру Р. С. Каслри: «Я никогда не думал, что британская армия может разложиться столь быстро»[3]. Позднее Вальтер Скотт заметит: «Это отступление – тяжелая и позорная страница английской военной истории»[4].

Наглядный пример такого позора – судьба нескольких тысяч женщин, которые в большинстве своем были законными женами солдат и унтер-офицеров[5]: все они (иные с детьми) брели за армией Мура, но скорость отступавших, а точнее бежавших, солдат оказалась многим из них не под силу, и они были попросту брошены в районе Асторги. Цитирую очевидца, барона Марбо: «Когда здесь мимо императора проходили его войска, из одного огромного сарая послышались крики. Его открыли. Там было 1000 или 1200 английских женщин и детей <...>. У них не было больше сил идти за армией генерала Мура, и они укрылись в этом сарае, где провели уже двое суток и ели только сырой овес! <...>. Они сразу же окружили импера-

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 387, 407.

[2] Подробно о т. н. «погоне за Муром» см.: Там же. С. 398–407; Лашук А. Цит. соч. С. 367–376; Соколов О. В. Погоня за Муром или маленький простой, обернувшийся трагедией // Империя. 2002. № 3. С. 25–33.

[3] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 371.

[4] Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 598.

[5] Английским солдатам XVIII–XIX вв. традиционно разрешалось брать с собою в военные походы жен и детей.

тора, которого тронул их плачевный вид. Их устроили в городе, они получили еду. Наполеон послал парламентера к английскому генералу с сообщением, что, как только позволит погода, женщины и дети его солдат вернутся в армию»[1].

К тому дню 2 января 1809 г., когда Наполеон («под ледяным дождем») вступил в Асторгу, французы уже настигали англичан. Казалось, армии Мура грозила верная гибель: ведь она уступала французам не только в численности, но и практически во всем остальном. Увы! В тот самый день именно в Асторге Наполеон получил тревожные депеши из Парижа, с одной стороны, о военных приготовлениях Австрии, а с другой – об интригах и возможном заговоре против него со стороны Талейрана и Фуше – двух протобестий, ненавидевших друг друга и вдруг помирившихся. Наполеон понял: надо возвращаться в Париж без промедления. Уже на следующий день, 3 января, он помчался в Бургос и далее, через границу, в Байонну с отдельным эскортом гвардии. Перед отъездом император поручил возглавить «погоню за Муром» маршалу Сульту.

Сульт в принципе выполнил поставленную перед ним задачу. 11 января англичане, потеряв за время поспешного отступления до 10 тыс. человек, вошли в город-порт Ла Корунья, но из-за шторма не смогли сразу погрузиться на свои корабли. А на следующий день к Ла Корунье подоспел Сульт, навязал англичанам и выиграл сражение, причем Джон Мур был убит, но его потрепанное войско все-таки погрузилось на суда и отплыло в море. Таким образом, Сульт *выгнал* англичан с Пиренеев, но не сумел использовать, как это сделал бы Наполеон, реальную возможность для *уничтожения* их армии. Примерно 18–19 тыс. солдат Мура спаслись во многом благодаря полководческому искусству их генерала. Кстати, смерть Мура оплакивала не только Англия. В России это сделал замечательный поэт Иван Иванович Козлов, которого очень ценил близко знакомый с ним А. С. Пушкин. Его знаменитый перевод стансов ирландского поэта Ч. Вольфа «Не бил барабан перед смутным полком, когда мы вождя хоронили», – это своего рода реквием в честь Джона Мура[2].

Решение отдельной задачи Наполеон перед возвращением из Мадрида в Париж доверил Ланну: принять на себя командование двумя армейскими корпусами, которые безуспешно осаждали Сарагосу, взять наконец эту, уже прослывшую неприступной, крепость и затем присоединиться к императору на случай войны

[1] Марбо М. де. Цит. соч. С. 282.
[2] Козлов И. И. Стихотворения. Л., 1956. С. 128.

с Австрией[1]. До Ланна осадой Сарагосы (с июня 1808 г.) руководили, сменяя друг друга, генералы Ж. А. Вердье и Ш. Лефевр-Денуэтт, а затем маршалы А. Ж. Монсей и Э. А. Мортье. Сарагоса не сдавалась! К тому моменту, когда Ланн возглавил осаду города, число его защитников превысило 80 тыс., включая местный гарнизон, бежавшие сюда остатки войск К. Кастаньоса, разбитых Ланном в битве при Туделе, и массы вооруженных чем попало крестьян, которые собирались тогда в городах, чтобы защищать их от «чудовищ ада», то бишь французов. Начальствовал в Сарагосе над всем и вся генерал Палафокс (полное имя: Хосе де Реболледо де Палафокс-и-Мельси: 1775–1847 гг.), более придворный, чем военный, личный друг короля Фердинанда VII, тоже участник битвы при Туделе, национальный герой Испании и, как назвал его Д. Чандлер, «человек из легенды» (для испанцев, конечно)[2]. Он, кстати, и родился в Сарагосе (умер в Париже).

Ланн принял в свое распоряжение под Сарагосой 30 тыс. солдат. После тщательной подготовки штурма он 27 января ворвался в город, «но тут, – цитирую Е. В. Тарле, – произошло нечто такое, чего не бывало ни при какой осаде: каждый дом превратился в крепость, каждый сарай, конюшню, погреб, чердак нужно было брать с бою»[3]. Солдаты Ланна убивали даже женщин и детей, ибо женщины и дети Сарагосы убивали солдат с такой же яростью, как и мужчины. В результате французы вырезали на улицах Сарагосы до 20 тыс. военных и более 32 тыс. «мирных» граждан[4], которые тоже сражались против «чудовищ ада», как львы. «Чудовища» потеряли при этом около 3 тыс. убитыми и ранеными[5]. 21 февраля 1809 г. Сарагоса капитулировала перед Ланном. Проезжая по улицам города, буквально заваленным трупами и залитым кровью, Ланн – этот, как и Наполеон, «человек из гранита», «не знавший, – по выражению Е. В. Тарле, – что такое означает слово “нервы”», – был потрясен увиденным. Он прямо написал Наполеону в рапорте о взятии Сарагосы: «Это – совсем не то, к чему мы привыкли в прежних войнах. Такая война приводит меня в ужас и содрогание»[6].

---

[1] Подробно о действиях Ж. Ланна под Сарагосой см.: Марбо М. де. Цит. соч. С. 284–290; Лучицкий И. В. Цит. соч. С. 50–52. Обороне Сарагосы 1808–1809 гг. посвящен исторический роман классика испанской литературы Бенито Переса Гальдоса «Сарагоса».

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 386.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 260.

[4] Там же. Те же цифры называет В. Скотт в его цит. соч. (Т. 1. С. 571).

[5] По данным И. В. Лучицкого и А. Лашука.

[6] Цит. по: Лучицкий И. В. Цит. соч. С. 50.

Итак, героическая 8-месячная эпопея завоевания Сарагосы закончилась (Палафокс был взят в плен и доставлен во Францию, где оставался до 1813 г. на положении военнопленного). Мадрид выказывал (по крайней мере внешне) смирение перед Жозефом Бонапартом. Английская армия, потеряв своего вождя Джона Мура, бежала из Испании. Казалось, теперь у французов в Испании все пойдет на лад: «Ça ira!» «Дела в Испании окончены. Испанские армии уничтожены, англичане сброшены в море», – так писал Наполеон вице-королю Италии (своему пасынку) Евгению Богарне, королю Вестфалии (своему брату) Жерому и владетельным князьям Рейнского союза[1].

Может быть, если бы Наполеон задержался в Испании еще на несколько дней, армия Джона Мура была бы уничтожена, французы вернули себе контроль над Португалией, и тогда английский парламент, как полагает О. В. Соколов, «не дал бы и ломаного гроша для финансирования боевых действий на суше»[2]. Но 18–19 тыс. английских солдат уцелели и были снова задействованы (с необходимыми подкреплениями) в Испании, а вместо Мура там появился Веллингтон. С другой стороны, мог ли Наполеон ради «погони за Муром» задержаться в Испании хотя бы на считаные дни? Ведь он узнал, что Австрия, используя его затруднения в Испании (один Байлен чего стоил!), готова начать против него войну – четвертую за последние десять лет! Эмиль Людвиг резонно рассудил, что для Наполеона «по-настоящему справиться с Испанией возможно было только в том случае, если русский царь будет держать Австрию за горло»[3]. Русский царь, как мы увидим, на это не пошел.

В результате то, что Наполеон посчитал или, точнее сказать, старался представить в письмах к принцу Евгению и королю Жерому, *окончанием* испанского синдрома, оказалось, по меткому определению Мишеля Франчески и Бена Вейдера, «только ремиссией в раковом заболевании Испании, от которого уже нельзя излечиться»[4]. Народ Испании, изнывавший под гнетом своих феодалов, инквизиторов, коронованных «дегенератов», отвергал безоговорочно и всецело антифеодальные, глубоко прогрессивные реформы Наполеона, предпочитая отечественное ярмо навязанным извне свободам. Позднее Наполеон признал: «Я совершил ошибку, вступив в Испанию, поскольку не был осведомлен о духе нации. Меня при-

---

[1] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 376.

[2] Соколов О. В. Указ. соч. С. 33.

[3] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 274.

[4] Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 166.

звали гранды, но чернь отвергла»[1]. Эта «чернь», т. е. именно *народ* Испании, который рабски терпел собственных угнетателей, по отношению к Наполеону как «освободителю» оказался нетерпим и был непобедим. К тому же на помощь испанцам вновь пришли англичане.

Оставшиеся в Испании маршалы Наполеона (Сульт и Журдан, Виктор и Мортье, Монсей и Мармон, некоторое время Ней и Массена) не смогли – отчасти из-за постоянных (в отсутствие императора!) дрязг между собой – усмирить испанцев и выдворить из Испании англичан. Только Сюше, один из всех, с 1809 по 1813 г. неизменно брал верх и над испанцами, и над англичанами; он не только бил противника в чистом поле при Мариа, Бельчите, Сагунте и штурмом брал города (тот же Сагунт, Таррагону, Лориду, Валенсию), но и умело, без лишней жестокости налаживал гражданское управление завоеванными областями. Наполеон в 1814 г. сказал о нем: «Если бы у меня было два таких маршала, как Сюше, я не только завоевал бы Испанию, но и сохранил бы ее»[2]. Увы, другого такого маршала у Наполеона не нашлось (Ланн, так много успевший сделать в Испании от Туделы до Сарагосы за четыре месяца 1808–1809 гг., в 1809 г. погиб). Отныне и до конца Наполеон вынужден был содержать в Испании огромную армию (к 1812 г. – до 400 тыс. человек) и все свои новые войны, включая поход в Россию, вел как бы одной рукой – другая его рука оставалась занятой в Испании.

2. Эрфурт

Союз между Наполеоном и Александром I, так много значивший и (после Тильзита) еще более обещавший, был обречен на недолговечность. Александру сразу же пришлось иметь дело с угрожающей оппозицией тильзитскому курсу. Он, конечно, предвидел, что его союз с «антихристом» раздосадует дворянство и духовенство России, но не ожидал от них такого взрыва недовольства. Первой его вестницей стала императрица-мать Мария Федоровна. Она встретила сына после Тильзита вместо поцелуев словами: «Неприятно целовать друга Бонапарта»[3]. Отовсюду к царю стекались донесения о невидальщине, которую Ф. Ф. Вигель определил не без преувеличений так: «От знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до

[1] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 188.

[2] Цит. по: д'Абрантес Л. Записки или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 14. С. 188.

[3] Валлоттон А. Александр I. М., 1991. С. 101.

солдата, все, повинуясь, роптали с негодованием»[1]. Само слово «Тильзит», как заметит А. С. Пушкин, стало «обидным звуком» для русского слуха.

Повсеместный ропот порождал заговорщические толки, которые начались сразу после Тильзита и не смолкали вплоть до 1812 г. В придворных кругах нарекли Александра I «приказчиком Наполеона» и планировали «постричь императора в монахи», а на престол возвести его сестру Екатерину Павловну[2], памятуя, что Екатерина Великая – эта, как назвал ее Д. Г. Байрон, «драчливейшая баба из цариц»[3] – была удачливой, тогда как воцарявшиеся после нее мужчины (и Павел I, и Александр I) оба оказались неудачниками.

Александр знал об этих толках если не все, то многое и должен был учитывать взгляды и планы оппозиции в своих отношениях с Наполеоном. В откровенном письме к Марии Федоровне (не ранее 26 августа 1808 г.) он, вероятно, с расчетом на то, что письмо прочтут, кроме адресата, другие оппозиционеры, объяснил: пока Франция обладает военным превосходством, Россия должна поддерживать «хорошие отношения с этим страшным колоссом, с этим врагом», должна «примкнуть *на некоторое время*» к нему в качестве союзника и под прикрытием союзного договора «увеличивать свои средства и силы», готовиться «среди глубочайшей тишины» к новой борьбе при более выгодном для России соотношении сил[4].

Исходя из этого, Александр назначил своим послом в Париже «твердого защитника интересов России» боевого генерала Петра Александровича Толстого – «цареубийцу» и (подобно его родному брату обер-гофмаршалу Николаю Толстому) врага Франции. Честный Толстой отказывался от этого назначения, ссылаясь на то, что он не дипломат. Царь заявил, что ему на месте посла при Наполеоне нужен «вовсе не дипломат, а храбрый и честный воин»[5]. Толстой вынужден был принять назначение, хотя его жена пала перед ним на колени, умоляя его «не ехать к врагу рода человеческого»[6]. «Враг рода человеческого» устроил Толстому великолепный прием в Фонтенбло. Взяв посла под руку, он говорил ему, что дни, прове-

---

[1] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 435.

[2] Из записной книжки А. Коленкура // Русский архив. 1908. № 2. С. 9.

[3] Байрон Д. Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 295.

[4] Полный текст письма на французском языке с русским переводом см.: Русская старина. 1899. Апрель. С. 17–24.

[5] Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 218.

[6] Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 239.

денные с Александром I в Тильзите, считает «лучшими в своей жизни» и что к русскому народу преисполнен «величайшего уважения»[1]. Наполеон поселил Толстого в роскошном особняке, выкупив его у И. Мюрата за 1 млн франков[2], приглашал его на приемы – в числе особо доверенных лиц – к себе и Жозефине, но Толстой не поддавался на все эти любезности, ни разу не позволил себе смягчить в разговорах с Наполеоном то ледяное, то скорбное выражение лица и вообще делал все от него зависящее, чтобы привести русско-французские отношения к разрыву.

Александр I, осознав, что он недооценил солдафонство Толстого, либо Толстой переусердствовал в своем солдафонстве, заменил его князем А. Б. Куракиным – столь же рьяным врагом Наполеона, как и Толстой, но, в противоположность Толстому, изысканным дипломатом. Весь в бархате и парче, в золоте и бриллиантах, Куракин, в отличие от Толстого, с почтительным интересом, неизменно излучая улыбку, которая очень шла к его бриллиантам, внимал каждому слову Наполеона и рассыпался перед ним в любезностях, но как только речь заходила о «встречных» шагах России и Франции, становился неуступчив, как и Толстой.

Александр со своей стороны выказывал верх благоволения к послам Наполеона. Первый из них – генерал Рене Савари, герцог Ровиго – был встречен петербургской знатью крайне враждебно не только как посол «антихриста», но и как участник расправы с герцогом Энгиенским. Придворные круги сторонились его, словно прокаженного, но царь, что бы там ни было, демонстрировал свое уважение к нему. Еще большим расположением Александр одарил второго посла – тоже генерала и герцога – Армана де Коленкура, который заменил Савари в декабре 1807 г. Коленкур явно превосходил Савари как дипломат и придворный и должен был, по мысли Наполеона, придать французскому представительству в России больше блеска, а главное – эффективности. С одобрения царя он поставил себя в Петербурге НАД дипломатическим корпусом. На дворцовых церемониях он шел впереди всех послов, садился в одном ряду с членами императорской фамилии и вообще, по воспоминаниям государственного секретаря А. С. Шишкова, «был первейшею особою, едва не ставившею себя наравне с Александром I»[3].

Тем временем Наполеон во Франции успел разрекламировать договор, подписанный в Тильзите, и подсчитал, сколь велики вытекаю-

---

[1] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 220.

[2] См.: Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 196.

[3] Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 96.

щие из него возможности, пока не увидел уже к началу 1808 г., что Россия уклоняется от выполнения главной статьи договора – о континентальной блокаде. Эта статья представляла собой нечто вроде мины замедленного действия, заложенной в русско-французский союз, первоисточник его кризиса. Вторым источником было стремление Наполеона обеспечить за собой (по праву двукратного победителя) роль ведущего партнера по отношению к Александру как ведомому. Александр, которого и без того уже собственные подданные называли «приказчиком Наполеона», не мог позволить себе такого унижения – прежде всего в глазах той же оппозиции, способной (как показала судьба Павла I) на многое, вплоть до очередного цареубийства. В результате через считаные месяцы после Тильзита союз Франции и России оказался в преддверии кризиса.

В такой ситуации Наполеон своевременно прибегнул к аварийным мерам и в феврале 1808 г. предложил Александру подобие второго Тильзита – свидание в любой точке на полпути между Петербургом и Парижем. Александр выбрал Эрфурт – город в южной части Германии на р. Гера. Испанские дела отвлекли Наполеона, а финляндские[1] – Александра неожиданно для них надолго, тем самым лишь подтолкнув их друг к другу: оба (особенно Наполеон, который уже знал о вооружении Австрии) ощутили потребность во взаимной помощи. Разумеется, у каждого из них была при этом своя корысть. Наполеон хотел опереться на Александра в осуществлении континентальной блокады и в надвигавшейся войне с Австрией, Александр – на Наполеона в завершении трех войн, которые вела тогда Россия (одновременно!) против Швеции, Ирана и Турции. К чести Александра, он счел ниже своего достоинства страхи, которые пытались внушить ему Мария Федоровна и ее присные: они боялись, что Наполеон готовит для царя западню и устроит из Эрфурта вторую Байонну – увезет Александра, как ранее испанских Бурбонов, к себе пленником[2].

Лишь 27 сентября 1808 г. оба императора съехались на свидание в Эрфурт. К тому времени Наполеон увяз в Испании и потерял только что завоеванную Португалию. Теперь, после Байлена и Синтры, значимость свидания с Александром для Наполеона резко возросла. Важно было показать Александру, что единичные неудачи отдельных генералов не отражаются на величии Французской империи. Поэтому Наполеон обставил эрфуртское свидание с умопомрачи-

---

[1] 9(21) февраля 1808 г. Россия начала и 5(17) сентября 1809 г. победоносно закончила войну со Швецией, отняв у нее и присоединив к себе Финляндию.

[2] См.: Вандаль А. Указ. соч. Т. 1. С. 412.

тельной помпезностью. «Я хочу до начала переговоров, – сказал он Талейрану, – ослепить императора Александра картиной своего могущества. Это облегчает любые переговоры»[1]. В Эрфурт были приглашены все вассальные по отношению к Франции государи – короли, князья, герцоги, курфюрсты, маркграфы: «не существовало ни одного сносного дома, который не был бы предназначен для какого-нибудь государя с его свитой», – вспоминал о тех днях Талейран[2].

Был, естественно, в этом скопище монархов и прусский король Фридрих-Вильгельм III. А вот император Австрии Франц I не получил приглашения, что его крайне встревожило. Он прислал в Эрфурт своего генерал-адъютанта барона К. Винцента с почтительными письмами к Наполеону и Александру и с заданием (в качестве соглядатая) «разузнать секрет обоих императоров, проникнуть в тайну их соглашений и, если возможно, вырвать Александра из-под влияния Наполеона»[3]. Винцент довольно преуспел в соглядатайстве, поскольку очень помог ему Талейран. Но о роли Талейрана в Эрфурте речь еще впереди.

Вторым, кроме государей, компонентом наполеоновской свиты в Эрфурте были специально приглашенные знаменитости европейской культуры, включая самого авторитетного тогда в Европе литератора Иоганна Вольфганга Гёте и слывшего «Вольтером Германии» Кристофа Мартина Виланда, а также швейцарского историка Иоганна Мюллера. Из Парижа был вызван первый состав главного театра Франции «Комеди Франсез» во главе с великим Франсуа-Жозефом Тальма.

Сам Наполеон взял с собой в Эрфурт ряд высших чинов двора и дипломатии (в том числе М. Дюрока, А. Коленкура и Р. Савари) и несколько прославленных маршалов. Л. Н. Даву, Л. А. Бертье и Н. Ж. Сульт сопровождали императора по пути к Эрфурту из Парижа, а Ж. Ланн встречал Александра I на французских аванпостах в г. Фридберг. Герой битвы при Монтебелло (время Туделы и Сарагосы тогда еще не пришло) так понравился царю, что он наградил маршала орденом Св. Андрея Первозванного. В донесении Наполеону об этой встрече с Александром I Ланн сообщал: «Он повторял мне часто и от души: “Я очень люблю императора Наполеона и дам ему доказательства этого при каких угодно обстоятельствах”»[4].

Утром 27 сентября, когда Наполеон был уже в Эрфурте, Александр в сопровождении великого князя Константина Павло-

---

[1] Талейран Ш. М. Мемуары. М., 1959. С. 197.
[2] Там же. С. 194.
[3] Вандаль А. Указ. соч. Т. 1. С. 423, 425.
[4] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 230.

вича, канцлера Н. П. Румянцева, статс-секретаря М. М. Сперанского и других выехал к месту свидания из Веймара. Наполеон верхом на коне, со свитой встретил карету царя у въезда в город. Один император сошел с коня, другой вышел из кареты, и, по свидетельству Талейрана, «они бросились друг другу в объятия самым дружеским образом»[1]. Затем Наполеон дал знак, чтобы Александру подвели коня, оседланного и убранного по-русски чепраком из горностаевого меха. Александр сел на него, Наполеон – на своего коня. Их свиты смешались в одну колонну, и все направились в город, уже подготовленный к торжественной встрече двух императоров. Цитирую Альбера Вандаля: «Войска в парадных мундирах были собраны у въезда в Эрфурт. Артиллерия гремела непрерывными залпами, а в промежутках между оглушительной пальбой в воздухе разносился со всех церквей, со всех башен торжественный звон колоколов. С высот, окружающих Эрфурт и представлявших народные трибуны, несметные толпы любопытных любовались величественным зрелищем, приближавшимся к городу»[2].

Первые дни встречи прошли без деловых разговоров. Все время занимали завтраки и обеды, парады и маневры, прогулки, балы, театральные спектакли. Наполеон в те дни находил особое удовольствие в общении с мастерами культуры. Если германских монархов он (иногда, казалось, намеренно) заставлял подолгу ждать в приемной, то с Гёте, Виландом, Мюллером, не говоря уже о Тальма (другом юности императора, с времени, когда император был еще лейтенантом) общался просто, без церемоний и намека на покровительство, как с равными. Наибольшее впечатление произвел на французского императора Гёте, творчество которого Наполеон знал и любил с юных лет, но лично познакомился только теперь. Император пригласил его к себе и долго беседовал с ним за завтраком, а потом в театре, после спектакля, «подошел к нему, как к старому знакомому»[3]. Кстати, на спектакле Гёте по приглашению Наполеона занял место в первом ряду партера. «Первый ряд предназначался только для коронованных особ. Монархи должны были смиренно потесниться»[4].

При первой же встрече с Гёте Наполеон приветствовал его словами: «Вы – великий человек!» и обращался к нему по-французски «месье Готт», что по-немецки звучало как «господин Бог». Должно быть, немецкому гению это нравилось. Сам Гете, спустя много лет (в 1830 г.), в разговоре со своим секретарем И. П. Эккерманом вспо-

[1] Талейран Ш. М. Цит. соч. С. 196.
[2] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 421.
[3] Там же. С. 450.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 605–606.

минал о тех беседах с Наполеоном: «Он был в высшей степени любезен со мною и трактовал любой предмет в таком тоне, какого и следовало ожидать от человека столь необъятного ума»[1]. Вот так, по авторитетному мнению С. Н. Дурылина, в октябре 1808 г. «Наполеон навсегда и безвозвратно закрепил Гёте за собой» и тем самым «одержал вторую Йену: заполучил себе не трагедию Гёте («Фауст». – *Н. Т.*), а самого Гете, что, конечно же, стоило десятка-двух немецких княжеств и маркграфств»[2]. Как здесь не вспомнить восторженный отзыв Гёте о Наполеоне: «Квинтэссенция человечества!»[3]

Но главным для Наполеона в Эрфурте было его общение с Александром I. Пока вассальные монархи в эйфории подобострастия не только «гнули спины», но и буквально «бросались под ноги» своему сюзерену (по наблюдению Талейрана)[4], Наполеон выказывал Александру подчеркнутое расположение: любезничал с ним и на военном плацу, и в театральной ложе, и в залах эрфуртского дворца, где они, весело разговаривая, прогуливались под руку на виду у всех. Конечно, свою симпатию к Александру Наполеон подчеркивал, отчасти даже инсценировал, но была в том и доля искренности. «Я доволен Александром, – писал Наполеон в те дни Жозефине. – <...>. Если бы он был женщиной, я думаю, что сделал бы его своей возлюбленной»[5].

Александр со своей стороны тоже не скупился на публичные проявления восторженного пиетета к Наполеону. Когда однажды, торопясь на очередной парад, он забыл свою шпагу, Наполеон предложил ему свою. «Я никогда не обнажу ее против Вашего Величества!» – объявил царь, принимая шпагу Наполеона[6]. А когда в театре Эрфурта перед «*партером королей*» шел «Эдип» Вольтера, и Тальма в роли Филоктета произнес со сцены: «Дружба великого человека – это подарок богов!» – Александр, сидевший рядом с Наполеоном, воскликнул: «Вот слова, сказанные для меня!», встал и пожал руку Наполеону под овацию всего зала[7].

Однако, едва начались переговоры, «великий человек» встретил со стороны своего *друга* неожиданное, очень мягкое по форме, но

---

[1] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 604.

[2] Дурылин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. 1932. № 4–6. С. 148–149.

[3] Эккерман И. П. Цит. соч. С. 173.

[4] Талейран Ш. М. Цит. соч. С. 196.

[5] Letters of Napoleon to Josephine. New York, 1931. P. 179.

[6] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 234.

[7] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 446; Наполеон. Годы величия. 1800–1814. М., 2001. С. 262; Дейч А. И. Ф.-Ж. Тальма. М., 1973. С. 197.

жесткое и неуступчивое по сути противодействие: мало того, что Александр утомительно для Наполеона хлопотал за Пруссию, главное, он отказывался предъявить вместе с Наполеоном ультиматум Австрии, чтобы она перестала вооружаться. «Ваш император Александр упрям, как лошак! – в сердцах говорил Наполеон Коленкуру. – Прикидывается глухим, когда не хочет чего-нибудь слышать!»[1] После долгих споров Наполеон попытался воздействовать на Александра, как когда-то на Л. Кобенцля: вспылил, схватил с камина шляпу, швырнул ее на пол, поддал ей ногой. Александр смотрел на эту сцену с улыбкой. «Вы резки, а я упрям, – сказал он спокойно. – Будем рассуждать, или я ухожу»[2].

Несговорчивость Александра озадачивала Наполеона. Он и с Талейраном поделился своим недоумением. Тот изобразил верноподданническое сочувствие, хотя в душе, безусловно, торжествовал: именно тогда, в Эрфурте, Талейран *предал* Наполеона и *продал* себя Александру. Трудно понять, почему Наполеон еще в 1807 г., вскоре после Тильзита, уволивший Талейрана с поста министра иностранных дел, взял его в Эрфурт и доверил ему вести переговоры с Александром I. В этом А. З. Манфред усмотрел у Наполеона «удивительное ослепление, не случавшуюся до сих пор потерю интуиции»[3]. Думается, все было несколько проще. Наполеон взял Талейрана как изощренно ловкого в дипломатическом ритуале советника, тем более что новый министр Ж. Б. Шампаньи, который, если верить Талейрану, «появлялся каждое утро, чтобы усердно просить извинения за неловкости, совершенные накануне»[4], не удовлетворял императора (вскоре он будет заменен Г. Б. Маре). Предвидеть же государственную измену Талейрана не смог бы и самый проницательный политик: слишком французом выглядел этот «хромой бес», чтобы продавать себя иностранцу.

Итак, в Эрфурте при первой же встрече с Александром Талейран заявил ему: «Государь, зачем вы приехали? Вам предстоит спасти Европу, и вы можете достигнуть этого не иначе, как только противодействуя Наполеону. Французский народ цивилизован, а его государь нет. Русский государь цивилизован, а его народ нет. Поэтому русскому государю надо быть союзником французского народа»[5]. Царь был приятно ошеломлен вероломством Талейрана, сразу определив, что гранит наполеоновской империи уже дает первую трещи-

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 439.
[2] Там же.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. 4-е изд. С. 554.
[4] Талейран Ш. М. Цит. соч. С. 187.
[5] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 231–232.

ну изнутри. Конечно, он мог выдать Наполеону предателя, но не сделал этого, как полагают авторитетные историки, потому что увидел в сношениях с Талейраном большую для себя выгоду[1], и вообще отдать на гибель доверившегося ему человека было не в характере Александра (по-видимому, «хромой бес» заранее вычислил и то, и другое).

С того дня Талейран стал служить русскому, а с января 1809 г. и австрийскому правительству как *платный* агент-осведомитель. После Эрфурта в тайной переписке секретаря русского посольства в Париже К. В. Нессельроде с доверенными лицами императора Александра I Н. П. Румянцевым и М. М. Сперанским он «обозначался несколькими псевдонимами: “мой кузен Анри”, “Та”, “Анна Ивановна”, “наш книгопродавец”, “красавец Леандр”, “юрисконсульт”»[2]. Но и в Эрфурте Талейран успел оказать Александру ценнейшие услуги, выдавая ему при каждой встрече все выведанное у Наполеона. «Утром Талейран по повелению Наполеона составлял и редактировал проект конвенции между Россией и Францией, – читаем у Е. В. Тарле, – а вечером тот же Талейран выбивался из сил, доказывая колебавшемуся Александру, что не следует эту конвенцию подписывать, а нужно сначала выбросить такие-то и такие-то пункты. Царь так и поступал»[3].

А Наполеон не мог понять, почему его друг Александр менее уступчив в переговорах с ним, нежели тогда, в Тильзите. «Он относится ко мне с недоверием», – озадаченно признавался он Коленкуру. Да, комментирует эту головоломку Андре Кастело, «между ними пробежала “черная кошка” – Талейран!»[4]. С огромным трудом в беседах с глазу на глаз Наполеон 12 октября склонил Александра к подписанию такого проекта конвенции, который обязывал Россию по крайней мере «выступить против Австрии вместе с Францией», если Австрия начнет войну против Франции. Наполеон со своей стороны признал присоединение к России Финляндии, Молдавии и Валахии[5]. В тот же день Наполеон и Александр совместно предложили королю Англии Георгу III «заключить мир» на основе uti possidetis[6], а на случай, если их предложение будет отвергнуто, договорились «иметь

---

[1] См.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 554–555; Тарле Е. В. Талейран // Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 80–81.

[2] Тарле Е. В. Талейран. С. 84.

[3] Там же. С. 85.

[4] Кастело А. Цит. соч. С. 190.

[5] Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Док-ты Российского министерства иностр. дел (далее – ВПР). М., 1965. Сер. I. Т. 4. С. 362–363.

[6] Взаимное признание прав воюющих сторон на занятые ими территории (*лат.*).

в течение года свидание, чтобы условиться об операциях в совместной войне и о способах ее всеми силами и всеми средствами обеих империй»[1]. Англия отвергнет их призыв к миру, сославшись на «узурпации» Наполеона, но увидеться вновь и спланировать ход «совместной войны» против нее Наполеон и Александр уже не смогут. Таким образом, каждое из трех желаний, с которыми Наполеон ехал в Эрфурт (привязать к себе Россию, склонить к миру Англию и обуздать Австрию) исполнилось лишь в минимальной степени. Хотя оба императора заявили в Эрфурте о своем намерении «придать соединяющему их союзу более и более тесный и *навеки* прочный характер»[2], их соглашение, как подытожил А. Вандаль, только «продлило союз, но не упрочило его»[3]. Александра это устроило, Наполеона разочаровало.

14 октября 1808 г. Наполеон проводил Александра из Эрфурта на веймарскую дорогу до того места, где встретил его 27 сентября. Отделившись от свиты, оба императора сначала ехали верхом на конях, не торопясь, разговаривая, а потом возле карет, которые ждали Александра, спешились и долго еще прохаживались вдоль дороги, продолжая беседу. О чем они говорили тогда, никто из историков так и не узнал. Наконец императоры пожали друг другу руки, обнялись, расцеловались. Александр и его свита заняли места в экипажах и отбыли. Наполеон долго стоял на дороге, смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Потом молча сел на коня и шагом поехал в Эрфурт. Взгляд императора был таким сумрачным, что свита опасливо держалась в стороне. О чем он думал в тот час расставания? Не о грядущем ли закате столь ценимого им союза? Он не знал, что простился со своим другом, бывшим и будущим врагом *навсегда*, но, может быть, уже предчувствовал это.

3. Разгром пятой коалиции

Пока Наполеон был занят испанскими делами, Англия очень старалась организовать и снарядить за свои деньги очередную, пятую, коалицию против Франции. Главными поставщиками «пушечного мяса» для предыдущих четырех коалиций были Россия, Австрия и Пруссия. На этот раз неизменному «спонсору» всех коалиций, каковым была Англия, не повезло: Россия вступила в союз с Наполеоном, а Пруссия все еще не оправилась от катастрофы 1806–1807 гг.; пришлось довольствоваться людскими ресурсами

[1] ВПР. Сер. I. Т. 4. С. 363.
[2] Там же. С. 361. Курсив мой. – *Н. Т.*
[3] Вандаль А. Цит. соч. Т. 1. С. 501.

Австрии. Здесь после трех кряду проигранных войн с Францией стали расти реваншистские настроения – особенно после Байлена и Синтры. «Луч солнца блеснул наконец из Испании!» – говорили тогда реваншисты по всей Австрии. Английские субсидии (4 млн ф. ст.)[1] позволяли им наращивать силы и возможности. Эрцгерцог Карл (с 1806 г. уже генералиссимус!) реорганизовал австрийскую армию с учетом французского опыта, довел ее численность до 310 тыс. человек и создал обширные резервы численностью в 200 тыс. человек из т. н. ландвера (военнослужащих второй очереди запаса). Партию войны в Австрии возглавляла императрица Мария-Людовика (как ранее в Пруссии, королева Луиза). Она собственноручно вышивала и раздавала полкам боевые знамена[2].

Подогревали агрессивный настрой австрийской военщины не только затруднения Наполеона в Испании, но и предательские (а для Австрии крайне выигрышные) интриги Талейрана. «Хромой бес» не удовольствовался взятой им на себя ролью платного агента России и 29 января 1809 г. на личной встрече с австрийским послом (и будущим канцлером) К. Л. В. Меттернихом вызвался служить еще и Австрии – за плату в «несколько сот тысяч франков»[3]. Сообщая об этом императору Францу I, Меттерних подчеркнул: «Сколь бы великой ни представлялась названная сумма, она все равно меньше тех жертв, к которым мы привыкли, а результаты того, что мы его наняли, будут безмерными». Сошлись для начала на сумме в 400 тыс. франков. Андре Кастело так комментирует эту сделку: «Ничтожно малая сумма, если учесть, что Талейрану в бытность его министром иностранных дел Директории перепало только “на чай” 500 тыс. франков за подписание договора с Португалией и 780 тыс. франков за переговоры с Гамбургом». Действительно, шпионские услуги Талейрана Австрии (как, впрочем, и России) были безмерными. «Он переправлял в Вену самые секретные государственные документы: дипломатическую переписку с Петербургом, директивы послам, сведения о расположении войск, военные планы»[4].

Вернемся теперь к последним январским дням 1809 г. Узнав не только о вооружении Австрии, но и о каких-то (без подробностей) темных интригах Талейрана и Фуше, Наполеон оставил армию в Испании, 23 января примчался в Париж и 28-го затребовал к себе

---

[1] См.: Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 152.

[2] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 382.

[3] Подробно см.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 566; Кастело А. Цит. соч. С. 206; Тарле Е. В. Талейран. С. 86–88; Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 100–101.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 556.

в кабинет шесть высших сановников империи. То были архиканцлер Ж. Ж. Р. Камбасерес, архиказначей Ш. Ф. Лебрен, президент Финансовой ассамблеи Е. П. Монтескью, военно-морской министр Д. Декре, Фуше и Талейран (в качестве обер-камергера двора). Все они стали свидетелями, а Талейран – еще и жертвой знаменитой сцены, сотни раз описанной в исторической и мемуарной литературе, – сцены, о которой ее очевидцы «не могли до гробовой доски вспоминать без содрогания»[1].

Все началось как обычно: Наполеон сел за свой рабочий стол и пригласил всех собравшихся сесть. Заговорил он жестко, но без особого раздражения, о том, что имперские сановники, включая министров, много, хотя и зачастую не то, говорят, но мало что делают, плохо выполняют свои обязанности, причиняя тем самым вред государству. Поскольку он не называл конкретных лиц, сановники, встревоженные ожиданием персональных разборок, стали успокаиваться. Но вдруг император встал. Все моментально вслед за ним поднялись. Талейран, возможно предчувствуя любую кару, вплоть до виселицы, прислонился к камину. Наполеон пошел прямо на него, остановился перед ним лицом к лицу, почти вплотную, и какие-то мгновения так смотрел на него, будто норовил испепелить его взглядом. В зале наступила мертвая тишина. Талейран побледнел и опустил глаза. «Вы вор, мерзавец, человек без чести! – стал кричать на него император в таком порыве гнева, что казалось, он готов сейчас же расстрелять обер-камергера или повесить. – Для вас нет ничего святого, вы всех предавали и продавали! Вы продали бы и родного отца!»

Талейран стоял у камина с лицом «бледнее смерти», молча и неподвижно, точно окаменел (по-русски можно было бы сострить: «*окаминел*»). А Наполеон словно хлестал его по лицу новыми обвинениями – в том, что Талейран подстрекал императора к расправе с герцогом Энгиенским и уговаривал впутаться в войну с Испанией, а теперь хулит и ту расправу, и эту войну. «Он все ему перечислил, – читаем у А. З. Манфреда, – весь длинный список предательств и преступлений; в нем недоставало главного – эрфуртской измены; о ней он не знал». Последние слова Наполеон произнес, буквально содрогаясь от бешенства и отвращения к Талейрану: «Почему я вас не повесил на решетке Карусельной площади! Но берегитесь, это сделать еще не поздно! Вы дерьмо в шелковых чулках!» С этими словами Наполеон вышел из кабинета, хлопнув дверью.

---

[1] Тарле Е. В. Талейран. С. 85. См. также об этой сцене: Манфред А. З. Цит. соч. С. 563–565; Кастело А. Цит. соч. С. 204–205.

Талейран стоял по-прежнему как изваяние, ничего не выражая ни жестом, ни взглядом. Его коллеги смотрели на него с ужасом, видя, что на нем, как говорится в таких случаях, лица нет. Но это «дерьмо в шелковых чулках», уже преодолев страх, внутренне торжествовало: ему стало ясно, что Наполеон, хоть и проведал о чем-то, «не знает ничего (цитирую Е. В. Тарле. – *Н. Т.*) ни об эрфуртских похождениях своего бывшего министра, ни о том, что перед ним стоит "Анна Ивановна", шпионящая и теперь, после Эрфурта, в пользу и за счет императора Александра I. Значит, непосредственной опасности расстрела нет»[1].

Действительно, на следующий день император распорядился лишить Талейрана звания обер-камергера двора – только и всего! Не на радостях ли по этому случаю Талейран в тот же день, 29 января, продал себя Меттерниху? Должно быть, порадовался вместе с ним и Фуше, вообще (пока!) избежавший всякого наказания, – Наполеон уволит его с поста министра полиции лишь 2 июня 1810 г. Между тем император, конечно же, был информирован о конфиденциальных встречах Фуше и Талейрана[2] (ранее не переносивших друг друга), ибо кроме полиции во главе с Фуше он имел другую, более тайную полицию, следившую за самим Фуше, плюс еще бывший адъютант и друг Наполеона А. М. Лавалетт (женатый на Эмилии Богарне – племяннице Жозефины) «следил за этой другой полицией, следившей за Фуше»[3].

Здесь надо согласиться с А. З. Манфредом, который так оценил терпимость Наполеона к Талейрану и Фуше в январские дни 1809 г.: «Бросив публично в лицо Талейрану обвинения, косвенно, через Талейрана ударив и по Фуше, он оставил того и другого на свободе. Более того, он сохранил за ними общественное положение, влияние, возможность безнаказанно приносить вред. Это значило сохранять в штабе армии на высших командных постах изменников и врагов. Наполеон в 1809 г. не знал еще, что тот и другой изменники в самом точном смысле этого слова. Но он уже достоверно знал, что они враги. Разве этого не было достаточно, чтобы их уничтожить? Император проявил странное великодушие или пренебрежение к опасности»[4]. Все это в принципе верно. Но, думается, в «странном», на взгляд Альберта Захаровича, великодушии Наполеона был все-таки тот управленческий расчет, о котором (напомню читателю) сам

---

[1] Тарле Е. В. Талейран. С. 85–86.
[2] См.: Егоров А. А. Фуше. Ростов н/Д., 1998. С. 221–222.
[3] Тарле Е. В. Талейран. С. 84.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 565.

Наполеон говорил в Тильзите Александру I, имея в виду одиозных, но талантливых министров: «Лучше объездить их, чем сокрушить».

В такой ситуации Наполеон, уже информированный о военных приготовлениях Австрии, спешно и не без труда мобилизовал 300 тыс. солдат (кроме тех, примерно стольких же тысяч, отныне и до конца его правления занятых в Испании). Он вызвал из Испании лучших своих маршалов – Ланна и Массена, присоединил к ним Даву и Бессьера, сам лично возглавил гвардию и стоял наготове, не начиная, вопреки своему обыкновению, опережающих действий. Для него было важно показать не только Франции, но и России, что начинает эту войну Австрия. Он еще надеялся, что в таком случае Россия согласно Эрфуртской конвенции выступит в союзе с ним против Австрии.

Вечером 12 апреля 1809 г., когда Наполеон был на оперном спектакле, ему передали экстренное известие: 10 апреля войска эрцгерцога Карла вторглись в Баварию (союзную с Францией), открыв тем самым военные действия против Франции без официального объявления войны. Для Наполеона это известие не стало неожиданностью: его военная машина, уже готовая к контрудару, была запущена моментально. В три часа ночи с 12 на 13 апреля он сел в походную коляску и помчался через Страсбург в Донауверт, где уже были приведены в боевую готовность авангарды французской армии и куда он прибыл 17-го. Перед отъездом из Парижа он заявил окружающим: «Через два месяца я заставлю Австрию разоружиться»[1]. Запомним эти слова.

В первый же день по прибытии в Донауверт Наполеон обратился к своим войскам с воззванием: «Солдаты! Вы были рядом со мной, когда австрийский император прибыл на мой бивак в Моравии (после битвы при Аустерлице. – *Н. Т.*) и клялся мне в вечной дружбе. Побежденная в трех кампаниях Австрия своим существованием обязана нашему великодушию, и три раза она нарушала свои клятвы! Прежние наши успехи служат залогом победы, ожидающей нас и теперь. Вперед! И пусть враг, увидев нас, узнает своих победителей!»[2]

За сутки, проведенные в Донауверте, Наполеон изучил полученную из разных мест информацию о передвижении австрийских войск. Он понял, что эрцгерцог Карл ведет *концентрическое* (по разным направлениям, но с общим центром) наступление против французов. Разгадав замысел противника, Наполеон нанес встречный удар посредством маневра, который специалисты считают гениаль-

[1] Цит. по: Тарле Е. В. Наполеон. С. 263.
[2] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 396.

нейшим из всех его маневров. Он перерезал пути сообщения австрийцев и за пять дней, с 19 по 23 апреля, в пяти сражениях на территории Баварии разбил их по частям.

19-го под г. Тенген отличился Даву, а 20-го под Абенсбергом в очередной раз сверкнула звезда Ланна: это он, кстати только что прибывший из Испании, рассек надвое главные силы эрцгерцога Карла, отбросив их – одну часть под командованием тоже эрцгерцога, Людвига (младшего из братьев императора Франца I), а другую во главе с бароном И. фон Хиллером – в разные стороны с большими для них потерями (более 13 тыс. человек)[1]. Вслед за тем Наполеон, развивая успех, 21 апреля разгромил уже потрепанные войска Хиллера под Ландсхутом и 22-го у деревни Экмюль атаковал самого эрцгерцога Карла. Несмотря на героическое сопротивление, эрцгерцог был разбит и отброшен к Регенсбургу. Оттуда спешно, бросив все обозы, он увел свое расстроенное воинство за Дунай в надежде на подкрепления. В битве под Экмюлем на глазах у императора вновь блестяще проявил себя Даву, за что и будет вскоре награжден титулом князя Экмюльского.

Эрцгерцог и генералиссимус Карл после Экмюля на время пал духом. «Если у нас будет еще одно такое сражение, – написал он императору Францу, – у меня не останется армии. Я ожидаю переговоров»[2]. Но до переговоров (о мире) было еще далеко.

23 апреля пятидневка ярких побед Наполеона завершилась под Регенсбургом и вошла в историю как Регенсбургская операция. Город-крепость Регенсбург закрывал французам дорогу к Вене. Взять его Наполеон поручил Ланну, а сам с гвардией расположился неподалеку, контролируя ход сражения. Гарнизон Регенсбурга был невелик (6 тыс. солдат), но занимал почти неприступные позиции. Войти в город можно было только минуя ров и мощные крепостные стены. Французская артиллерия по личному приказу императора пробила бреши в стенах; оказалось – высоко над землей. Штурмовые колонны Ланна пошли в атаку с приставными лестницами в руках и... под ураганным огнем противника с крепостного вала отхлынули назад. Тогда Ланн (одетый, как всегда на войне, в парадный маршальский мундир) выхватил лестницу из рук ближайшего солдата со словами: «Ну что же! Я вам сейчас покажу, что, прежде чем стать маршалом, я был гренадером и остаюсь им!» – и бросился вперед, увлекая за собой солдат[3]. Четверо его адъютантов догнали маршала,

---

[1] См.: Там же. С. 404; Кастело А. Цит. соч. С. 210; Тарле Е. В. Наполеон. С. 263.

[2] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 429.

[3] См. об этом: Марбо М. де. Цит. соч. С. 301–302.

остановили, буквально вырвали у него лестницу и сами возглавили штурм. Двое из них – Марселен де Марбо и Шарль Франсуа Лабедуайер – первыми ворвались в крепость. Регенсбург пал.

Именно здесь, под Регенсбургом, Наполеон впервые после Тулона, т. е. с 1793 г., был ранен на виду у своих солдат (несколько своих ран в разное время он от них скрыл «и обошелся тогда помощью ближайшего окружения, которому велел молчать»[1]). На этот раз перед самым началом штурма, когда Ланн получал от Наполеона последние распоряжения, австрийская пуля попала в голень правой ноги императора, разорвав ахиллово сухожилие и вызвав сильное кровотечение[2]. Наполеон едва устоял на ногах – Ланн его поддержал. Моментально появился главный доктор Великой армии Доминик-Жан Ларрей. Он осмотрел рану, убедился, что она не тяжела, разрезал сапог императора, остановил кровотечение и перевязал ногу. Тем временем, услышав о ранении Наполеона, к нему «со всех сторон стали сбегаться офицеры и солдаты. В одно мгновение тысячи людей окружили его»[3]. Чтобы успокоить армию и показать, что он жив-здоров, Наполеон с помощью Ланна и Ларрея сел на коня без сапога на перебинтованной ноге и объехал все линии войск, отвечая на их приветствия благодарным жестом поднятой вверх правой руки. А потом, въезжая в Регенсбург, «он с улыбкой отдавал честь приветствовавшим его полкам, скрывая неутихающую боль»[4].

Ранение или даже смерть в бою Наполеон считал для себя вполне вероятными. Поэтому он заранее предупреждал свое окружение о необходимых для того или другого случая мерах. Каких именно? Вот что свидетельствовал об этом Констан Вери, личный камердинер императора: «Перед сражением император всегда говорил, что в случае его ранения должны быть приняты все меры, *чтобы скрыть этот факт от войск*. “Кто знает, – говорил он, – какой ужасный переполох может быть вызван подобной новостью? От моей жизни зависит судьба великой империи. Помните это, господа, и если меня ранят, то пусть об этом никто не узнает, насколько это будет возможно. Если меня убьют, то постарайтесь без меня выиграть сражение; потом будет достаточно времени, чтобы сообщить об этом”»[5].

За пять дней Регенсбургской операции австрийцы, по данным А. Лашука, потеряли 50 тыс. человек, 100 орудий, 40 знамен, 600 за-

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 546. Следы этих ран обнаружили, когда тело императора обмывали после его смерти.

[2] См. воспоминания М. Марбо и Констана Вери: Марбо М., де. Цит. соч. С. 300; Наполеон. Годы величия. С. 270.

[3] Марбо М., де. Цит. соч. С. 300.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 264.

[5] Наполеон. Годы величия. С. 271. Курсив мой. – *Н. Т.*

рядных ящиков и 3000 фургонов. А. З. Манфред определял австрийские потери за время той операции в 45 тыс. человек, французские – в 16 тыс. Подсчеты Е. В. Тарле (только «бои под Экмюлем и Регенсбургом стоили австрийцам около 50 тыс. человек»[1]) в данном случае явно ошибочны. Бесспорно одно: австрийские войска, поначалу как нельзя более настроенные на победу, теперь, пятикратно битые, отступали повсюду в сумятице, охваченные пораженческими настроениями. «Партия войны» в Вене вновь, как и в трех кряду предыдущих войнах с Наполеоном, приуныла. Мало того, согласимся с А. З. Манфредом: «Такого начала войны ни в Вене, ни в Берлине, ни в Лондоне (добавлю от себя: ни в Петербурге. – *Н. Т.*) – нигде не ожидали»[2].

24 апреля из штаб-квартиры в Регенсбурге Наполеон обратился к своим «детям» – солдатам Великой армии – с новым воззванием, которое заканчивалось словами: «Недавно враг умышлял внести войну в пределы нашего Отечества. Теперь он бежит, разбитый, в беспорядке и страхе. Не пройдет месяца, и мы войдем в Вену!»[3] Запомним и этот его прогноз.

От Регенсбурга к Вене Наполеон шел триумфальным маршем. Эрцгерцог Карл, отступая вдоль противоположного берега Дуная на соединение с резервами, не считал возможным защитить Вену. Он получил от Франца I, давно бежавшего из столицы, полномочия вступить с Наполеоном в переговоры о перемирии. Наполеон отверг предложение эрцгерцога. Он стремился «разоружить Австрию», лишить ее способности к дальнейшему сопротивлению, взять Вену и оттуда продиктовать Францу I победоносный мир. «Никто, даже он сам, великий мастер войны, – пишет об этом Анри Лашук, – не мог предвидеть, каким побоищем обернется через месяц попытка переправиться через Дунай близ двух селений, названия которых навсегда войдут в анналы истории. Одно из них называлось Эсслинг, другое – Асперн»[4].

А пока Наполеон подступал к Вене. В те дни столицу Австрии защищали 35 тыс. солдат под командованием эрцгерцога Максимилиана[5]. Они уже были психологически надломлены несчастным для них ходом войны. Вскоре после того как Наполеон, вы-

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 417; Манфред А. З. Цит. соч. С. 567; Тарле Е. В. Наполеон. С. 264.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 568.

[3] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 416.

[4] Там же. С. 417.

[5] Чтобы читатель не запутался в череде австрийских эрцгерцогов, *братьев* императора Франца I, перечисляю их (по возрасту): Фердинанд (1769–1824), Карл (1771–1847), Иосиф (1776–1847), Иоганн (1782–1859), Людвиг

ставив батареи из 20 орудий, начал бомбардировку Вены, Максимилиан прекратил сопротивление. Он оставил город, перешел со всем своим войском на левый берег Дуная и сжег за собой Шпицкий мост – тот самый, которым Ланн и Мюрат овладели перед битвой при Аустерлице так хитро и лихо, без единого выстрела. 13 мая Великая армия вступила в Вену. Прогноз Наполеона оказался точным: не прошло и месяца с того дня, когда он объявил: «Мы войдем в Вену!»

Пока батальоны и эскадроны Великой армии располагались в австрийской столице, Наполеон занял дворец Шёнбрунн (летнюю резиденцию австрийских императоров) в пригороде Вены – тот самый, где в 1805 г. перед Аустерлицем он уже облюбовал себе апартаменты. Отсюда император не только координировал действия своих войск, но и руководил всеми (от мала до велика) делами своей империи. Жители Вены, испуганные бомбардировкой, скоро успокоились, видя, как неукоснительно *оккупанты* соблюдают порядок в городе. Впрочем, тревожили горожан не только военные, но и житейские заботы. «В дни французской оккупации в Вене, – читаем в книге чешского дипломата, бывшего посла в Париже Ярослава Шедивы, – умер Франц Йозеф Гайдн, создатель нового австрийского гимна, который звучит здесь по сей день. А где-то в пригороде, в подвале своего дома спасаясь от обстрела, полуглухой разъяренный Бетховен проклинал те мгновения, когда он задумал посвятить свою знаменитую “Героическую симфонию” Наполеону»[1].

Итак, к середине мая 1809 г. австрийские войска были разбиты и рассеяны по разным направлениям. Наполеон – в Вене! С того дня, 13 мая, когда бургомистр Вены граф Андреас О’Рейли поднес Наполеону ключи от австрийской столицы, казалось, войне – конец. Но вдруг все перевернулось...

Будет уместно сравнить войну 1809 г. с предыдущими войнами Наполеона против той же Австрии 1796–1797, 1800 и особенно 1805 г. Тогда Наполеон имел в своем распоряжении войска, отличавшиеся должной выучкой и боевым опытом. Теперь же он выставил против Австрии преимущественно новобранцев – конскриптов (призывников) 1809 г., тогда как закаленные в боях прежних лет корпуса остались в Испании, – именно к ним более подходило название «Великая армия». Что же касается австрийских войск, то они за три с половиной года после Аустерлица прошли усиленный курс боевой

(1784–1864), плюс еще один эрцгерцог Фердинанд (1781–1850) и Максимилиан – *племянники* Франца I.

[1] Шедивы Я. Указ. соч. С. 105.

подготовки с использованием французского опыта, воодушевились примером Испании и, как никогда ранее, ощутили национальный подъем. Поэтому сражались они в 1809 г. гораздо лучше, более умело и храбро, чем при Арколе, Маренго и Аустерлице. Правда, Наполеон и с новобранцами выиграл пять сражений подряд, но не смог в итоге уничтожить, как он планировал, австрийскую армию: она, даже проигрывая одно сражение за другим и время от времени падая духом, не теряла боеспособности и постоянно пополняла свои ряды за счет ландвера. Испанский синдром сказался не только в том, что Наполеону отныне и до конца пришлось воевать одной рукой (другая, как мы знаем, была занята в Испании), но и в том, что теперь в каждой войне он боролся уже не просто с армиями, а с народами. С наибольшей силой этот синдром проявится в России 1812-го года, но впервые заявил о себе в 1808 г. в Испании.

Теперь, весной 1809 г., пока эрцгерцог Карл собирался с силами после Экмюля и Регенсбурга, предвестником народной войны против иноземных захватчиков выступило крестьянство Тироля – старинного владения Габсбургов, которое Наполеон отнял у Австрии и передал Баварии. Восстание тирольских крестьян во главе с легендарным трактирщиком Андреасом Гофером против баварских и французских властей бушевало с апреля до октября 1809 г., помогая австрийцам и отвлекая на себя часть сил французов.

К 15 мая эрцгерцог Карл присоединил к себе войска эрцгерцога Максимилиана и в ожидании новых подкреплений из Италии под командованием эрцгерцога Иоганна занял позиции на левом (северном) берегу Дуная, фронтом к Вене, чтобы дать очередное сражение Наполеону, когда он попытается наладить переправу через Дунай. Наполеон пошел ему навстречу: 16–17 мая по двум понтонным (плавучим) мостам он переправил свои главные силы с южного, венского, берега Дуная на просторный (4×6 км) остров Лобау – его отделял от северного берега лишь узкий рукав реки. Через этот рукав Наполеон приказал навести третий мост, по которому к утру 21 мая Ланн и Массена с тремя дивизиями вышли на северный берег и с боем взяли две близлежащие деревни – Эсслинг и Асперн. Здесь и разгорелась 21–22 мая кровопролитная битва; преимущественно во французской литературе ее называют битвой при Эсслинге, а преимущественно в немецкой – при Асперне[1].

[1] Подробно о ней см.: Лашук А. Цит. соч. С. 421–432; Чандлер Д. Цит. соч. С. 432–437; Марбо М., де. Цит. соч. С. 322–335; Сухотин Н. Н. Наполеон. Австро-французская война 1809 г. СПб., 1885. С. 86–131.

В первый день битвы Наполеон, по данным А. Лашука, имел всего 30 тыс. человек и 50 орудий против 90 тыс. австрийцев с 288 орудиями (Д. Чандлер насчитал 31 тыс. французов против 100 тыс. австрийцев)[1]. Ланн и Массена отбили все атаки австрийцев, а тем временем к ним по всем трем мостам подходили подкрепления. К утру 22 мая французов на северном берегу было уже вдвое больше (по Лашуку, 60 тыс. человек и 114 орудий; по Чандлеру, 62 тыс. человек и 140 орудий). Хотя они по-прежнему значительно уступали австрийцам в численности, инициативу у противника перехватили, но (цитирую далее Е. В. Тарле), «когда Ланн с кавалерией бросился рубить отступавших в полном порядке австрийцев, вдруг подломился мост, соединявший правый (венский) берег с островом, и французская армия сразу лишилась подвозимых непрерывно до той минуты снарядов»[2]. К тому моменту, когда внезапный подъем воды разрушил не один, как сказано у Е. В. Тарле, а оба понтона, соединявшие Вену с Лобау, по свидетельству М. Марбо, «все предвещало полную победу» французам: «...мы видели, как австрийским офицерам приходится палками бить своих солдат, чтобы удержать их в рядах»[3]. Теперь же Наполеон вынужденно приказал Ланну отступать. Австрийцы тотчас перешли в общее наступление, а французские войска с большими потерями ушли обратно на Лобау.

Вот так под Эсслингом Наполеон впервые проиграл генеральное сражение, причем опять-таки впервые, по данным А. Лашука, понес гораздо более существенные потери, чем его противник: до 35 тыс. человек против 24 тыс. у австрийцев. Впрочем, Д. Чандлер полагает, что австрийцы потеряли здесь 23 тыс. 340 человек, а французы – около 22 тыс. Ж. Гарнье определил потери австрийцев в 23 тыс., французов – в 21 тыс. человек[4]. Как бы то ни было, эрцгерцог Карл по праву объявил себя «победителем непобедимого», хотя сам Наполеон саркастически признавался, что победил его не генералиссимус Карл, а «*генерал Дунай*», снесший французские понтоны[5].

Самой тяжкой для Наполеона потерей в битве при Эсслинге и, пожалуй, из всех его *боевых* потерь была смерть маршала Жана Ланна, которого император ставил выше всех своих военачальников и считал самым близким своим другом[6]. Во время отступления от

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 421; Чандлер Д. Цит. соч. С. 434.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 264–265.

[3] Марбо М. де. Цит. соч. С. 332.

[4] Ср.: Лашук А. Цит. соч. С. 432; Чандлер Д. Цит. соч. С. 437; Dictionnaire Napoléon. T. 1. P. 760.

[5] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 12. С. 226.

[6] Подробно о ранении и смерти Ж. Ланна см.: Марбо М. де. Цит. соч. С. 336–337, 340–341; Воспоминания о Наполеоне, собранные и приведенные

Эсслинга на Лобау австрийское ядро раздробило Ланну колени обеих ног. Наполеон, увидев его, смертельно раненного, на носилках, бросился к нему, упал перед ним на колени и, задыхаясь от рыданий, обнимал его так, что белый жилет императора окрасился кровью маршала, – обнимал и твердил: «Ты будешь жить, мой друг! Ты будешь жить!» Увы!.. Первые четыре дня Ланн был еще в сознании, а Наполеон каждое утро и каждый вечер навещал его, вновь плакал над ним («как Ахиллес над Патроклом», сравнит их Д. С. Мережковский) и пытался сквозь слезы ободрить его; даже у себя, по воспоминаниям мамлюка Рустама, «за завтраком, за обедом, когда император ел суп, его слезы капали в тарелку»[1]. Но в следующие дни у Ланна началась гангрена; он скончался на рассвете 30 мая 1809 г. Тело его бальзамировали и доставили в Париж. Там он был похоронен в Пантеоне великих людей Франции.

Наполеон, тяжело переживший смерть Ланна, окружил трогательной заботой жену (Луизу Генёк) и пятерых детей маршала. Кстати, один из сыновей маршала Наполеон Огюст в 1858 г. станет чрезвычайным и полномочным послом Франции в России.

Поскольку Ланн был единственным из соратников Наполеона, кто мог, что называется, резать правду-матку в лицо императору, историки спорят, действительно ли перед смертью маршал упрекал императора в деспотизме и «ненасытных амбициях»[2]. А. З. Манфред склонен был принять такую версию за истину, но Андре Кастело и Жан Тири ее отвергают, ссылаясь на свидетельства баронов М. Марбо, Ж. Пеле и других лиц, которые не отходили от постели раненого маршала с первого и до последнего его часа[3].

Эсслинг вызвал в Европе куда более громкий резонанс, чем Байлен и Синтра, вместе взятые. Ведь на этот раз был побежден сам дотоле непобедимый Наполеон, а не какой-нибудь рядовой генерал, вроде Дюпона или Жюно. Мало того, с Наполеоном под Эсслингом были его лучшие маршалы – Ланн и Массена, но и с ними он не смог победить. Наполеон пытался ослабить столь нелестное для него впечатление от Эсслинга среди друзей и врагов. В специальном (за № 10) Бюллетене Великой армии он восславил доблесть французских солдат при Эсслинге, а их отступление объяснил происками стихии, неожиданным и злосчастным разрушением мостов через

в порядок Э. М. де Сент-Илером. М., 1840. С. 209–210 (фрагмент воспоминаний барона Ж. Пеле).

[1] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 217.

[2] См.: Villette L. Le maréchal Lannes. Un d'Artagnan sous l'Empire. P., 1979. P. 236.

[3] См.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 577; Кастело А. Цит. соч. С. 216–217; Марбо М., де. Цит. соч. С. 336–337; Пеле Ж. Указ. соч. С. 210.

Дунай[1]. Но никакие объяснения не могли ни сгладить, ни оправдать зловещего факта: битва при Эсслинге проиграна! «После Байлена и Синтры Эсслинг был воспринят как свидетельство кризиса империи», – справедливо заключает А. З. Манфред[2]. Впервые с 1799 г. в Париже, включая императорский двор, возникло ощущение неустойчивости. Парижская биржа объявила о падении всех курсов. Любимая сестра императора Полина в те дни восклицала: «Если он погибнет, что станет со всеми нами? Нас попросту перережут». «Эти слова перепуганной принцессы, – читаем у А. З. Манфреда, – охотно передавали из уст в уста все недруги империи»[3].

Да, «недруги империи» оживились повсюду. «Пруссия волнуется, – писал об этом А. Вандаль. – Часть ее войск дезертирует, хочет на свой страх принять участие в войне, сформироваться в мятежные банды и начать партизанскую войну. Возникает опасность общего восстания Германии»[4]. Майор Фердинанд Шилль с частью гусарского полка, которым он командовал, действительно начал что-то похожее на партизанскую войну против французов. Глава Военного министерства и Генерального штаба Пруссии Г. И. Д. Шарнхорст предложил королю Фридриху-Вильгельму III «воспользоваться благоприятным моментом и объявить войну Франции». Король ответил благоразумно: «Еще одна победа Австрии, и я выступлю»[5].

В такой ситуации на европейском континенте очень многое зависело от России, а точнее – от Александра I. Российский самодержец внимательно следил за ходом австро-французской войны. Он знал, что войну начала Австрия и, стало быть, Россия просто обязана по Эрфуртской договоренности выступить на стороне Франции, но не спешила выполнить свои обязательства. Лишь 18 мая, уже после того как Наполеон занял Вену, Александр приказал выступить в поход трем своим дивизиям численностью до 32 тыс. человек[6]. Командовать ими был назначен генерал князь Сергей Федорович Голицын – более придворный, чем военный (племянник фельдмаршала З. Г. Чернышева, женатый на племяннице светлейшего князя Г. А. Потемкина), с 1794 г. ни в каких военных действиях не участвовавший. Он и теперь (явно с одобрения царя) воевать не спешил. Только 3 июня войска Голицына перешли границу, а далее «с каж-

---

[1] См.: Correspondance de Napoléon. T. 19. № 15246. P. 34–38.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 570.
[3] Там же.
[4] Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 80.
[5] Кастело А. Цит. соч. С. 219.
[6] См. об этом: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 240.

дым днем их переходы делались короче, зато стоянки продолжительнее. Через каждые три дня они отдыхали по меньшей мере день, как будто все их усилия были направлены к потере времени. Их отряды блуждали наудачу, выбирая всегда самый длинный путь и заботясь о том, чтобы заблудиться»[1]. После Эсслинга Александр I, вероятно, как и Фридрих-Вильгельм III, ждал «еще одной победы Австрии». «Они все, – с раздражением говорил тогда Наполеон генералу Р. Савари о феодальных монархах, – назначили себе свидание на моей могиле, да не смеют собраться»[2]. Вся российская помощь Наполеону в кампании 1809 г. выразилась в том, что между одним из отрядов Голицына и австрийцами «произошла (и то по ошибке) лишь одна ночная стычка (с австрийской стороны погибли 3 человека)»[3].

Тем временем с конца мая по начало июля 1809 г. Наполеон и эрцгерцог Карл недалеко от Вены готовились к новому сражению, которое должно было стать решающим для исхода войны и судьбы Австрийской империи. Наполеон призвал к себе корпуса своего пасынка, вице-короля Италии Евгения Богарне и маршала Бернадота с верховьев Дуная, а также генерала Мармона из Далмации; эрцгерцог Карл – несколько дивизий ландвера со всех концов Австрии и корпус своего брата, эрцгерцога Иоганна из Венгрии, но Иоганн прийти на помощь брату не успеет. В результате к моменту решающей битвы у селения Ваграм в 16 км к северо-востоку от Вены (а от Эсслинга – в 8 км) Наполеон имел, по данным А. Лашука, немалый численный перевес над австрийцами: 180 тыс. человек и 544 орудия против 125 тыс. человек и 414 орудий[4]. Правда, Д. Чандлер насчитал против 180 тыс. французов 155 тыс. австрийцев; Х. Беллок находил соотношение сил при Ваграме примерно равным (по 180 тыс. человек), а у А. Кастело австрийцы даже численно превосходят французов: 160 тыс. человек против 150 тыс.[5]

Главной базой подготовки к сражению и плацдармом для наступления Наполеон сделал остров Лобау. Он был превращен в настоя-

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 106. Об этом «странном походе русских войск» см. также: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 240; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 627.

[2] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 100.

[3] Залесский К. А. Наполеоновские войны 1799–1815. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 269.

[4] Лашук А. Цит. соч. С. 439, 442. Примерно такие же цифры приводятся у В. Слоона в его «Новом жизнеописании Наполеона I» (М., 1997. Т. 2. С. 346) и в российской литературе.

[5] Чандлер Д. Цит. соч. Схема «Ваграмское сражение»; Беллок Х. Цит. соч. С. 270–271; Кастело А. Цит. соч. С. 220.

щий военный лагерь: здесь собирались десантные суда, которые, кстати, патрулировали остров, охраняя его базовый статус; отсюда наводились *прочные* (не в пример майским) мосты через левый рукав Дуная. Дезориентируя противника, Наполеон изображал видимость переправы на одном (северном) берегу острова, а устроил ее с другого (восточного) берега[1], причем – для большей части своих войск – за одну ночь, с 4 на 5 июля, потрясающе быстро и организованно. 5 июля битва «началась, – цитирую Е. В. Тарле, – не так, как ждал эрцгерцог Карл, и не там, где можно было с большим вероятием ее ждать; у Наполеона было твердое правило: не делать того, чего может ждать враг»[2].

Надо отдать должное эрцгерцогу Карлу и его войскам: они в первый день битвы при Ваграме отразили все атаки французов и сами не без успеха контратаковали. Но для Наполеона смысл этих атак и контратак состоял в том, что он *прощупал* особенности позиций, а главное, оборонительных и наступательных действий противника и *нащупал* их слабые места. На следующий день, 6 июля, когда эрцгерцог Карл, довольный ходом дел первого дня, с 4 часов утра начал общее наступление своих войск, излишне растянутых по фронту, Наполеон осуществил гениально задуманный маневр с заключительным, просто нокаутирующим ударом.

Император приказал маршалу Массена выстоять перед атакой австрийского правого фланга, а маршалу Даву – встречно ударить по левому флангу противника. В то же время против центра австрийцев была выставлена мощная батарея из 104 орудий под командованием А. Ж. Б. Лористона – бывшего однокашника Наполеона по Парижской военной школе и будущего посла Франции в Петербурге. Главную роль в управлении этой батареей сыграл Антуан Друо (1774–1847 гг.) – директор артиллерийских парков Императорской гвардии, уже к тому времени многократно отличившийся, а впоследствии, от Бородина до Ватерлоо, всемирно прославивший себя так, что Наполеон на острове Святой Елены скажет: «Я считаю, что во всем мире не было двух таких офицеров, как Мюрат в кавалерии и Друо в артиллерии»[3]. Батарея Друо обрушила на австрийский центр буквально шквал снарядов, между тем как Массена сдерживал атаки правого крыла австрийцев, а Даву взял штурмом Руссбахские высоты на их левом крыле.

---

[1] В 1812 г. он использует тот же прием на р. Березине.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 266–267.

[3] О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. М., 2004. С. 380.

В этот момент битвы при Ваграме Наполеон и применил – впервые в истории войн – удар *тараном* по центру противника[1]. Роль тарана сыграла в тот день сразу ставшая знаменитой *колонна Макдональда*. Эту колонну в 90 шеренг из 30 тыс. пеших и 16 тыс. конных воинов возглавил лично генерал Жак Этьен Макдональд – талантливый военачальник Французской революции, при Наполеоне оказавшийся на время в тени из-за своих непримиримо республиканских убеждений. После убийственной для австрийцев артподготовки с батареи Друо колонна Макдональда устремилась вперед, «протаранив» австрийский центр, все сокрушая на своем пути. Наполеон сразу понял, что битва выиграна и будто бы (согласно распространенной легенде), приказав своему мамлюку Рустаму постелить прямо на земле медвежью шкуру, «заснул на 20 минут под неумолкающий гром орудий»[2].

Австрийцы сражались в тот день не менее героически, чем под Эсслингом и Асперном, но не могли противостоять мощным атакам французов и вынуждены были повсеместно отступать. «Не все бежали врассыпную, часть их сохранила строй, – так писал об этом Е. В. Тарле. – Разгром, который потерпела австрийская армия под Ваграмом, был ужасающим, не меньше, чем под Аустерлицем»[3]. Явное преувеличение. Все основные источники свидетельствуют, что австрийцы от Ваграма не бежали, а именно отступали – в порядке, без паники. Французы со своей стороны, в отличие от Арколе, Маренго и Аустерлица, под Ваграмом поначалу даже не преследовали их, если не считать опрометчивой атаки, которую предпринял во главе своих гусар и по собственной инициативе один из лучших кавалерийских генералов Великой армии, герой Риволи, Пирамид и Штеттина Антуан Лассаль (он при этом был убит пулей в голову). Вот когда Наполеон мог пожалеть, что нет с ним Мюрата, который вообще не участвовал в кампании 1809 г., будучи занят политическим, социальным и экономическим благоустройством своего (Неаполитанского) королевства.

Потери сторон в битве при Ваграме были велики, как никогда ранее в войнах коалиций с Францией, хотя данные о них у разных авторов разнятся: французы потеряли от 30 тыс. (М. Франчески и Бен Вейдер) до 40 тыс. человек (Д. Чандлер), австрийцы – от 37 тыс. (Е. В. Тарле) до 50 тыс. человек (Ж. Тюлар).

---

[1] См. об этом специальное исследование: Camon H. La manoeuvre de Wagram. Nancy; P., 1926.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 462.

[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 267.

8 июля, дав отдохнуть своим солдатам меньше полутора суток, Наполеон начал преследовать австрийскую армию и настиг ее 11-го у г. Цнайм. Здесь генерал Мармон разбил арьергард противника. Казалось, не миновать еще одного сражения, но эрцгерцог Карл, уже получивший к тому времени все полномочия от императора Франца, тотчас прислал к Наполеону генерал-адъютанта князя И. И. Лихтенштейна с новым предложением о перемирии. Теперь Наполеон принял это предложение, но обставил его жесткими предварительными условиями: «...все те части Австрии, куда проник к моменту перемирия хоть небольшой отряд французов, очищаются немедленно австрийцами и остаются в залог у французов, пока не будет заключен окончательный мир»[1]. Император Франц был согласен на все.

Зато маршалы Наполеона – и старые, и новые (Массена и Даву, Макдональд и Удино), – вдруг запротестовали против мира с Австрией, этим «заклятым врагом Франции», полагая, что следует «раз и навсегда раздавить Габсбургов и уничтожить остатки австрийской регулярной армии». Наполеон выслушал их и объявил: «Довольно пролитой крови»[2].

Перемирие было подписано в тот же день, 11 июля. А пока готовились и шли (до середины октября) переговоры о мире, Наполеон вернулся (нет, не в Париж) в Вену и там шумно праздновал свою очередную, на этот раз особенно трудную победу. 15 августа, в день своего 40-летия, он вручил маршальские жезлы сразу трем генералам. То были Макдональд, О. Ф. Мармон и Ш.-Н. Удино, который после смерти Ланна принял командование его корпусом, но ничем выдающимся себя не проявил. Кроме того, еще три маршала были удостоены княжеских титулов: Массена стал князем Эсслингским, Даву – Экмюльским, а начальник Императорского штаба Бертье – Ваграмским. В армейских кругах эти награды были восприняты неоднозначно: многие шептались о том, что титул Массена звучит двусмысленно (ведь битву при Эсслинге французы проиграли), а Бертье свой титул вообще не заслужил. Главное же, как подметил А. З. Манфред, герои Регенсбурга и Ваграма сомневались, «могут ли три новых маршала заменить одного погибшего Ланна?»[3]

Тем временем австрийский император Франц I, укрывшийся с семьей и всем своим двором в скромном городке Эрлау далеко на восток от Вены, не просто страдал; он даже выглядел как побитая собака – побитая в четвертый раз за последние 12 лет одним и тем же

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 267.
[2] Лашук А. Цит. соч. С. 466.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 574.

противником. Кстати, дочь его Мария-Луиза, которая на следующий год станет женой Наполеона, так писала после Ваграма о возможной встрече со своим будущим мужем: «Видеть этого ужасного человека для меня равносильно самой страшной муке из всех мук»[1]. Виновником своего унижения Франц посчитал эрцгерцога Карла (родного брата!), которого почему-то не любил. Эрцгерцог и генералиссимус Карл – один из лучших в Европе полководцев наполеоновской эпохи, а в истории Австрии лучший из всех, после Евгения Савойского[2], – попал в опалу и в 1809 г. навсегда оставил военную службу. «Он никогда уже не обнажил с тех пор меча своего»[3], хотя ему было тогда всего 37 лет, и он прожил еще 38. Зато Наполеон, узнав об увольнении Карла и отдавая ему должное как полководцу, послал ему орден Почетного легиона – высшую награду Франции[4].

Итак, прогноз Наполеона «разоружить Австрию» за два месяца оказался довольно точным, хотя, как подчеркивал Альбер Сорель, «Наполеону, союзнику России, труднее оказалось в 1809 г. побеждать одних только австрийцев, чем в 1805 г. австрийцев и русских, бывших в союзе»[5]. Секрет такого парадокса очевиден: с 1808 г. часть сил Наполеона всегда была занята в Испании. Тем более значимой оказалась его победа 1809 г. над пятой коалицией. Тот же А. Сорель обоснованно предполагал, что если бы после Эсслинга решающую битву выиграла Австрия, «тогда для Наполеона все рушилось бы: и русский союз, и главенство над Пруссией, и Рейнский союз, и Итальянское королевство, и королевство Испанское»[6].

Мирный договор между Францией и Австрией был подписан 14 октября 1809 г. в Шёнбрунне. Переговоры вели министр иностранных дел Франции Жан Батист Шампаньи (сменивший на этом посту Ш. М. Талейрана в августе 1807 г.), который, собственно, лишь озвучивал указания Наполеона, и от другой стороны – посол Австрии в Париже, назначенный министром иностранных дел незадолго до подписания договора, Клеменс Венцель Лотар Меттерних. Они же подписали договор. Вот его главные условия[7].

---

[1] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 229.

[2] Евгений Савойский (1663–1736) – принц, фельдмаршал, главнокомандующий австрийскими армиями в войнах с Францией и Турцией 1696–1718 гг.

[3] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1844. Т. 4. С. 110.

[4] См.: Наполеон. Годы величия. С. 273.

[5] Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1908. Т. 7. С. 296.

[6] Там же. С. 299.

[7] См. текст договора: Recueil des traités de la France. Ed par de Clercq. P., 1880. T. 2. P. 293–299.

Австрийская империя лишилась 300 тыс. кв. км своей территории с населением в 3,5 млн человек: Зальцбург был передан Баварии, северная Галиция с Краковом и Люблин – Великому герцогству Варшавскому, Тарнопольский округ – России (как лакомый кусок в дар за союзническую «помощь» в войне). Все Иллирийские провинции от Каринтии до Далмации были присоединены к Французской империи; тем самым Австрия лишилась выхода к Адриатике. Кроме того, Австрия выплачивала контрибуцию в 85 млн франков, сокращала армию до 150 тыс. человек и признавала все завоевания Наполеона в Испании, Португалии, Италии. Наконец, она обязалась порвать все сношения с Англией и присоединиться к континентальной блокаде.

В общем, по меткому определению Ярослава Шедивы, Австрийская империя «буквально на другой день (после этого договора. – *Н. Т.*) превратилась во второстепенную державу». Правда, здесь же Я. Шедивы делает оговорку: «...в конце концов Наполеон милостиво обошелся с Габсбургами – ведь в его силах было просто свергнуть их»[1]. Как бы то ни было, Ваграм и Шёнбрунн означали конец пятой антифранцузской коалиции. Шёнбруннский договор укрепил доминирующие позиции Наполеона в Европе. Поэтому такие всемирно авторитетные историки, как француз Луи Мадлен и россиянин Е. В. Тарле, несколько абстрагируясь от «испанского синдрома», считали зенитом могущества наполеоновской империи годы 1810–1811, т. е. время от Шёнбруннского мира с Австрией до войны с Россией[2].

После Ваграма враги Наполеона в континентальной Европе, приуныв, присмирели. Но Англия как вдохновитель и организатор пятой коалиции не складывала оружия и очень старалась сорвать мирные переговоры Австрии с Францией. В конце июля она даже снарядила экспедиционный корпус численностью в 40 тыс. человек под командованием генерала А. Чатама в Голландию. Корпус высадился на остров Вальхерен близ устья реки Шельда с целью атаковать Антверпен, надеясь вдохновить противников Наполеона на борьбу с ним. Но французы, для которых Антверпен был, по выражению Наполеона, «пистолетом, направленным в грудь Англии», блокировали Вальхерен так, что 11 сентября Чатам, потеряв 100 человек в боях и более 4 тыс. от «вальхеренской лихорадки», вынужден был приступить к эвакуации своего десанта с Вальхерена[3].

---

[1] Шедивы Я. Цит. соч. С. 107–108.

[2] См.: Тарле Е. В. Наполеон. Гл. XI: «Император и империя в зените могущества (1810–1811)».

[3] См. об этом: Сорель А. Цит. соч. Т. 7. С. 310–312; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 629–631; Джемс Д. История Великобританского флота от времени Фран-

Не оправдались надежды англичан и на восстания против Наполеона в зависимых от него странах Европы. За время от битвы при Эсслинге до мира в Шёнбрунне Наполеон, между прочим, подавил два слабых очага таких восстаний. Майор Ф. Шилль со своим отрядом, хотя и занял Штральзунд (германский порт на Балтике), намереваясь отплыть в Англию, был 31 мая атакован французами, разбит, он сам убит, а его соратники по требованию Наполеона были осуждены *прусским* военным судом на смертную казнь за «бандитизм»[1]. Что касается А. Гофера, то его отряд был разбит в октябре, сам Гофер бежал в Мантую, но там местные власти схватили и выдали его французам, в ноябре 1810 г. он был расстрелян.

Наполеон считал вполне естественным, что ни вооруженные силы всей Австрийской империи, ни 40-тысячный английский десант, ни тем более повстанческие отряды Шилля и Гофера не могли поколебать могущества его империи. 12 октября 1809 г. он был потрясен, осознав, что его империя, которую он олицетворял собой, может погибнуть от руки одного человека, вооруженного... кухонным ножом.

В тот день Наполеон проводил очередной смотр своей гвардии перед дворцом в Шёнбрунне. Поскольку он всегда и везде возбуждал, по выражению Е. В. Тарле, «самое ненасытное любопытство», поглазеть на его смотры в Шёнбрунне обычно собирались толпы венских обывателей. Наполеон разрешал такие сборища венцев в награду за их абсолютную покорность. Смотр 12 октября был близок к концу, когда некий молодой человек интеллигентного вида, в штатском стал пробираться между лошадьми императорской свиты к лошади, на которой сидел император. В левой руке у него была бумага с каким-то прошением. Ему сказали, что он должен передать ее генерал-адъютанту Ж. Раппу, но проситель требовал допустить его к самому императору. Рапп, заподозрив неладное, велел арестовать, обыскать и допросить его. Арестованный ответил на все вопросы: зовут его Фридрих Штапс, он сын протестантского пастора из Наумбурга, студент университета в Эрфурте, ему 17 лет. При нем обнаружили большой и острый кухонный нож. Когда его спросили, для чего ему этот нож, он ответил, не сморгнув глазом: «Чтобы убить Наполеона»[2].

По окончании смотра Наполеону доложили о происшедшем, и он приказал доставить арестованного к нему в гостиную, где находи-

---

цузской революции по Наваринское сражение. Николаев, 1845. Т. 5. С. 137–147.

[1] См.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 315.

[2] Подробно см.: Наполеон. Годы величия. С. 274–275; Манфред А. З. Цит. соч. С. 577–578; Тарле Е. В. Наполеон. С. 268; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 202–203.

лись маршалы Л. А. Бертье и Ж. Б. Ж. Бернадот и генералы М. Ж. К. Дюрок и Р. Савари. Все они стали очевидцами сцены, которую запомнили на всю жизнь. «За что вы хотели меня убить?» – спросил Наполеон. Штапс ответил: «За то, что вы приносите несчастье моей родине и всему миру». – «Я вам причинил зло?» – «Да, как всем немцам». – «Кто вас подучил?» – «Никто». – «Вас этому учат в университете?» – «Нет, государь». – «Я вас помилую, если вы попросите у меня прощения». – «Я не хочу прощения и очень жалею, что мне не удалось вас убить». – «Черт вас возьми! – воскликнул Наполеон. – Можно подумать, что преступление для вас ничего не значит!» Штапс возразил очень спокойно: «Убить вас – это не преступление, это мой долг». – «Ну, а если я вас все-таки помилую, будете вы мне благодарны?» – «Нет, я все равно вас убью».

«Наполеон остолбенел», – вспоминал один из свидетелей этой сцены. После долгой паузы, в течение которой император рассматривал своего незадачливого убийцу, как врач смотрит на безнадежного пациента, он вызвал своего лейб-медика Ж. Н. Корвизара и поручил ему освидетельствовать Штапса: не маньяк ли он? Корвизар, выполнив поручение, доложил, то Штапс умственно и душевно здоров. Когда Штапса увели, Наполеон обратился к Дюроку: «Узнайте, как он умрет, и доложите мне».

Военно-полевой суд тем же вечером приговорил Фридриха Штапса к расстрелу, а на следующий день приговор был приведен в исполнение. Штапс умер как герой. Перед смертью он успел прокричать: «Да здравствует свобода! Да здравствует Германия! Смерть тиранам!»

Наполеон запретил говорить и печатать что-либо об этом происшествии, но сам не мог забыть и понять Штапса до конца своих дней. Уже будучи в изгнании на острове Святой Елены, он все еще недоумевал: «Этот несчастный не выходит у меня из головы. Когда я о нем думаю, мысли мои теряются. *Это выше моего разумения*»[1].

Думается, здесь налицо конфликт между различными категориями человеческого разума: глубоко рациональный гений Наполеона не мог постигнуть мыслительной специфики фанатика (чуть ли не помешанного на идее тираноубийства), поскольку искал в его самопожертвовании и не находил ни мотива, ни смысла, ни элементарной целесообразности.

Читатель видит, что за время мирных переговоров в Шёнбрунне, когда казалось, что после Ваграма Наполеона ждет тишь да гладь да божья благодать, ему пришлось пережить много неприятностей, свя-

[1] Цит. по: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 35.

занных с именами Чатама, Шилля, Гофера и особенно Штапса. Но все это время любую неприятность скрашивало ему одно имя – Мария.

Вскоре после Ваграма Наполеон получил письмо от Марии Валевской. Она спрашивала, можно ли ей приехать к нему в Вену. Наполеон ответил: «Приезжайте! Очень хочу Вас видеть и представить новые доказательства той нежной дружбы, которую я питаю к Вам. Покрываю Ваши прелестные руки тысячами самых сладких поцелуев и одним единственным – Ваши прекрасные уста»[1]. Она приехала, – как вычислил ее биограф Мариан Брандыс, примерно в последних числах июля. Наполеон приготовил для нее, по воспоминаниям Констана Вери, «чудесный дом в одном из предместий Вены». Сюда каждый вечер Констан приезжал за ней в закрытой карете, без гербов и ливрей, с одним лакеем, доставлял ее в Шёнбрунн и «провожал во дворец тайным ходом прямо к императору»[2]. Дорога от «чудесного дома» Марии до Шёнбрунна была короткой, но неухоженной, с выбоинами на каждом шагу. В дождливые дни на такой дороге карета опасно скользила. Наполеон беспокоился, особенно с середины августа (читатель скоро поймет, почему): «Будь осторожен, Констан! Опять шел дождь, и дорога раскисла. Ты доверяешь кучеру? Карета в хорошем состоянии?»[3] Так, вечер за вечером, пролетели для Наполеона и Марии два с лишним месяца любовной страсти. В ее объятьях он встретил свой 40-й день рождения.

И вот в один из таких вечеров, где-то в середине августа (не 15-го ли числа, в день рождения Наполеона?) Мария призналась ему, что ждет от него ребенка, причем уверена, что будет сын. Может быть, Наполеон и теперь, как в сцене со Штапсом, «остолбенел» (на этот раз от избытка иных чувств) и – это уже факт – вновь вызвал к себе Ж. Н. Корвизара. Лейб-медик императора освидетельствовал Марию и подтвердил факт ее беременности. Наполеон сразу же впервые ощутил себя счастливым отцом. Рождение сына (император и мысли не допускал о том, что возможна дочь) он считал для себя бóльшим счастьем, чем победа при Ваграме. Ведь это значило бы, что он станет основателем собственной династии, а сына сделает наследником императорского трона!

Да, а Жозефина?.. Наполеон все еще любил ее, хотя после его возвращения из Египта они поменялись ролями: теперь она хранила ему верность, а он изменял ей, причем по старинке ей же не доверял. «Не

---

[1] Кастело А. Цит. соч. С. 231; Манфред А. З. Цит. соч. С. 574.
[2] Брандыс М. Мария Валевская. М., 1975. С. 432.
[3] Там же.

балуй по ночам, – внушал он ей 25 сентября в письме из Шёнбрунна, – так как вскорости сможешь услышать грохот моей кареты под твоим окном»[1].

Именно в те дни он не просто подумал, а твердо решил развестись с Жозефиной – ради наследника. Но может ли стать наследником французского престола сын императора от польской графини?

Наполеон любил Марию и был безмерно благодарен ей за то, что она смогла доказать его способность к отцовству. Он окружил ее, а потом и общего их ребенка (как они оба предвидели – сына!) нежнейшей заботой. Но все больше мучила его мысль о том, что дитя их с Марией любви ни в качестве наследника монаршего престола, ни тем более в качестве императора не получит должного признания у европейских монархов. А. З. Манфред верно заметил, что лет 15–20 назад, в пору своей якобинской юности, Наполеон поиздевался бы над такими соображениями[2]. Теперь же он, будучи сам монархом, вновь и вновь возвращался именно к монархической и наследственной мотивации своего второго брака: наследником его трона и славы должен быть его сын от принцессы из самых авторитетных *царствующих* династий. Рассуждал он так: в мире, кроме Франции, еще четыре великие державы, надо выбирать из них. Поскольку Ганноверская династия в Англии остается его главным врагом, а династия Гогенцоллернов в Пруссии скомпрометирована тем страшным разгромом, которому он подверг ее в 1806 г., выбор невест сокращается для него до двух династий – либо российские Романовы (самый желанный вариант из всех возможных), либо, менее желательно, австрийские Габсбурги. И тех и других он тоже громил в войнах с ними – дважды Романовых и четырежды Габсбургов, но все-таки они держались более достойно, чем Гогенцоллерны. К тому же сегодня у него с Россией союз.

Вывод для Наполеона отсюда напрашивался сам собой: надо взять себе в жены принцессу из дома Романовых (он знал: их там незамужних – две), европейски обставить и разрекламировать этот *русско-французский* брак, а брачные узы еще сильнее скрепят *политический* союз двух самых авторитетных в мире империй – Франции и России.

4. Кризис русско-французского союза

К тому времени, когда Наполеон решил развестись с Жозефиной и вступить в новый брак с русской княжной, союз между Францией

[1] Letters of Napoléon to Josephine. P. 203.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 575.

и Россией уже необратимо слабел. Главную, предопределившую крах союза трещину он дал из-за континентальной блокады Англии.

«К концу 1807 г., – констатирует Жан Тюлар, – к блокаде, за исключением Швеции, сохранившей верность договору с Англией, присоединились уже все европейские страны»[1]. Британская экономика начала страдать от блокады с первых же лет. Останавливались предприятия, свертывалось производство, росла дороговизна, «наметились симптомы девальвации фунта», а по ряду графств уже прокатилась «волна народных возмущений»[2]. Казалось, сбывается роковой для Англии прогноз Наполеона в его выступлении перед Законодательным корпусом осенью 1807 г.: «Англия, наказанная за методы, которые составляли самую суть ее подлой политики, вынуждена сегодня наблюдать за тем, как от ее товаров отказывается вся Европа, а ее корабли, загруженные никому не нужными дарами, скитаются по бескрайним морям, где, как им казалось, они еще совсем недавно царили, и тщетно отыскивают от Зунда до Геллеспонта хотя бы один готовый приютить их порт»[3].

В 1811–1812 гг. экономический кризис в Англии разразился с новой силой, поразив и финансовую систему, и торговлю, и промышленность (хлопчатобумажную, металлургическую, судостроительную). По всей стране начались рабочие стачки. Именно в те годы достигло наибольшего размаха движение *луддитов* (по имени легендарного ремесленника Неда Лудда), мастеровых, протестовавших против внедрения в промышленность машин и капиталистической эксплуатации. Губительные последствия континентальной блокады для английской экономики могли усугубиться после того, как 21 августа 1810 г. наследным принцем и фактическим правителем Швеции был избран свояк Жозефа Бонапарта маршал Ж. Б. Ж. Бернадот. Наполеон тогда заявил: «Французский маршал на троне Густава-Адольфа – самая лучшая шутка, какую мы когда-либо сыграли с англичанами»[4].

Все это могло только радовать Наполеона. Но континентальная блокада Англии ударила и по экономике его союзника – России. Из-за того, что были разорваны традиционные связи с Англией, внешняя торговля России за 1808–1812 гг. сократилась на 43 %[5]. Новая

---

[1] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 175.

[2] Там же. С. 176.

[3] Correspondance de Napoléon. T. 16. № 13195. P. 57.

[4] Людвиг Э. Цит. соч. С. 320.

[5] Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 290–291.

союзница, Франция, не могла компенсировать этого ущерба, поскольку экономические связи России с Францией были поверхностными – главным образом, по линии импорта в Россию предметов роскоши (ювелирных изделий, фарфора, мебели, парфюмерии). Нарушая внешнеторговый оборот России, континентальная блокада расстраивала ее финансы. Уже в 1809 г. бюджетный дефицит вырос по сравнению с 1801 г. с 12,2 млн до 157,5 млн руб., т. е. почти в 13 раз: «дело шло к финансовому краху»[1]. Русская экономика в условиях континентальной блокады стала походить на человека с острым приступом астмы.

Помещики и купцы, естественно, не могли примириться с таким положением, а царизм, учитывая интересы господствующих классов, потворствовал их *контрабандной* торговле с Англией. Картинно изобразил, как это было, М. Н. Покровский: «Континентальная блокада создавала в России оригинальный транзит: английские товары шли в Западную Европу по нашим речным путям, как некогда, в дни Киевской Руси, шли таким образом мануфактурные произведения Востока, – с берегов Балтики в Австрию и Пруссию, пробираясь далее до южной Германии и даже Швейцарии. Здесь контрабанда, шедшая с северо-востока, подавала руку контрабанде, шедшей с юго-запада через все еще не покоренную Испанию»[2].

Наполеон, избравший континентальную блокаду единственно верным средством одолеть своего главного врага и потому считавший ее «одним из важнейших дел, великой мыслью его царствования»[3], ревниво следил за соблюдением блокады *каждым* из своих сателлитов и союзников. Он понимал: «достаточно одной трещины, чтобы в нее провалилась вся система»[4]. Между тем его агентура постоянно фиксировала нарушения блокады со стороны России. Наполеон реагировал на это болезненно, но все его претензии Александр I вежливо отклонял, уверяя самого Наполеона и французского посла А. Коленкура, что Россия соблюдает континентальную блокаду неукоснительно, «в изначальной строгости»[5]. Канцлер Н. П. Румянцев на встрече с Коленкуром выразился даже таким об-

---

[1] Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. С. 339.

[2] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1924. С. 30.

[3] Тарле Е. В. Континентальная блокада // Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 3. С. 497.

[4] Сорель А. Цит. соч. Т. 7. С. 433.

[5] Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. СПб., 1907. Т. 5. С. 44–49.

разом: «В нашем союзе Россия ведет себя честно и целомудренно, как девственница»[1].

Конфликт между Францией и Россией, подспудно нараставший из-за континентальной блокады, был подогрет Александром I в дни войны Наполеона с пятой коалицией. Хотя в Тильзите и Эрфурте Александр обязался действовать в союзе с Наполеоном против любой страны, которая нападет на Францию, он, после того как Австрия начала войну с Францией, «и пальцем не пошевелил»[2], чтобы должным образом помочь Наполеону. Мало того, после Ваграма он поделился с Н. П. Румянцевым своей радостью («Мы должны радоваться, что не слишком способствовали делу уничтожения австрийской армии»[3]), а перед Францем I даже повинился: «Меня крайне огорчало то, что давние отношения между нашими монархиями были прерваны войной, в которой я должен был принять участие в качестве союзника. Мир дает мне право засвидетельствовать Вашему величеству все те дружественные чувства, которые я к Вам питаю»[4]. Наполеон об этих откровениях Александра не знал, но переизбыток слов о союзе и дружбе в письмах царя к нему[5] без всякого намерения оказать хоть какое-то содействие, раздражал Наполеона. К тому же все более острыми становились разногласия между Францией и Россией в конкретных политических вопросах. Главным из них был польский вопрос.

По Тильзитскому договору Наполеон из польских земель, которыми в результате трех разделов Польши владела Пруссия, создал в 1807 г. т. н. Великое герцогство Варшавское – плацдарм для себя на случай войны с Россией. После этого всякий раз, когда требовалось осадить Александра I, Наполеон угрожающе напоминал, что он может восстановить Польшу в границах 1772 г., т. е. до ее первого раздела между Россией, Австрией и Пруссией[6]. Такие угрозы нервировали царя и обостряли напряженность в русско-французских отношениях, тем более что он замышлял присоединить к себе не только Варшавское герцогство – этот, по выражению А. Вандаля, «авангард Франции, <...> отточенное острие ее копья, прикасавшееся к телу

---

[1] Цит. по: Валлоттон А. Цит. соч. С. 140.

[2] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 179.

[3] ВПР. Сер. I. Т. 5. С. 131.

[4] Там же. С. 301.

[5] Всего Наполеон и Александр написали друг другу 123 письма: 67 – Наполеон, 56 – Александр. См.: Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'apres leur correspondance inédite 1801–1812. P., 1891.

[6] Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 400, 520; Т. 3. С. 91, 217; Попов А. Н. Отечественная война 1812 г. М., 1905. Т. 1. С. 94–95.

России и грозившее вонзиться в него»[1], – но и вообще «все бывшие части Польши». По замыслу Александра I, которым он поделился с кн. А. А. Чарторыйским в секретнейшем письме от 31 января 1811 г., все они объединились бы в «Королевство Польское»; оно «навсегда присоединится к России», а «русский император с этих пор будет называться императором российским и королем польским»[2].

Годом ранее, 4 января 1810 г., Александр I попытался было склонить Наполеона к такому решению польского вопроса, которое гарантировало бы России в будущем поглощение всей Польши. Он предложил Наполеону подписать договор ни больше ни меньше как с такими статьями: «Польское королевство *никогда не будет* восстановлено <...>. Впредь названия Польша и поляки исчезнут навсегда из всех государственных и официальных актов»[3]. Наполеон, разумеется, отказался брать на себя ответственность за кого-либо, кто когда бы то ни было восстановит Польшу, но готов был обещать, что он не намерен и не будет этого делать, и предложил такую редакцию договора: «Император Наполеон обязуется никогда не оказывать ни содействия, ни защиты какому-либо государству, или внутреннему восстанию, или чему бы то ни было, что могло бы способствовать восстановлению Польского королевства»[4]. Формулировку же Александра он назвал (в письме к Ж. Б. Шампаньи от 6 февраля 1810 г.) «смешной и бессмысленной» (ridicule et absurde)[5] и так прокомментировал ее – в другом письме к тому же лицу 24 апреля 1810 г.: «Один Бог может говорить так, как предлагает Россия. Подобной редакции нельзя найти в летописях ни одного народа»[6].

Александр I с наполеоновской редакцией договора согласиться не пожелал, да и не смог бы, главным образом потому, что он *не доверял* Наполеону, как, впрочем, не доверял никогда и почти никому даже из собственного окружения. Он, судя по всему, боялся, что Наполеон если не восстановит Польшу в границах 1772 г. сам, то поможет восстановить ее каким-либо иным, внешним или внутренним, силам. Польский вопрос остался болезненной занозой в русско-французских отношениях, которые и без того с каждым месяцем портились из-за континентальной блокады. К началу 1810 г. союз Франции

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Т. 3. С. 3.

[2] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 56–57.

[3] Мартенс Ф. Ф. Собр. трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1905. Т. 14. С. 430–433.

[4] Correspondance de Napoléon. T. 20. № 16178. P. 149.

[5] Ibid. P. 150.

[6] Ibid. № 16180. P. 156.

и России был уже на грани кризиса. Однако кризис грянул все-таки неожиданно: он был вызван не столько европейскими катаклизмами, сколько второй женитьбой, австрийским браком Наполеона.

Вернемся теперь к матримониальным проектам всемогущего, но бездетного императора Франции. С того дня как Наполеон стал императором, он не переставал думать о своем наследнике. Кто им будет? Где его найти? Жозефина по возрасту (ей было уже за 40) и состоянию здоровья не могла иметь от него детей. Ее сын от первого мужа, виконта Бурбонов и генерала революции, Евгений Богарне был усыновлен Наполеоном, но к роли престолонаследника династии *Бонапартов* не подходил по крови. Наполеон уже решил было сделать своим наследником родившегося в 1802 г. сына Людовика Бонапарта и Гортензии Богарне (короля и королевы Голландии), но этот прелестный ребенок, по имени тоже Наполеон (он мог бы стать Наполеоном II!), любимец императора, неожиданно умер 5 мая[1] 1807 г. от крупа, не дожив и до пяти лет. К тому времени Наполеон уже знал, что он может быть отцом (13 декабря 1806 г фрейлина его двора Элеонора Денюэль родила от него сына Леона – будущего графа Второй империи). Так перед ним встал вопрос о разводе с Жозефиной.

Все толкало Наполеона к разводу – и желание иметь наследника, и происки всех Бонапартов во главе с «мамой Летицией», подстрекавших его «бросить старуху» (Жозефину), и, наконец, дважды пережитая им в 1809 г. угроза гибели. Весной, когда при штурме Регенсбурга Наполеон был ранен австрийской пулей, он подумал, что, будь этот выстрел точнее, его империя осталась бы не только без государя, но и без наследника, а вскоре после австрийской пули, осенью, роковым для него мог стать нож Фридриха Штапса. Когда же, той осенью, он узнал, что ждет от него ребенка Мария Валевская, рассеялись последние сомнения в способности стать отцом.

События 1809 г. положили конец двухлетним колебаниям Наполеона. Он давно уже обсуждал с близкими людьми и процедуру развода, и кандидатуры невест, из которых мог бы выбрать вторую жену, но все время откладывал решающее объяснение с Жозефиной, жалея не только ее, но и себя. «Ведь она почти 15 лет украшала мою жизнь!» – восклицал он в разговоре с архиканцлером Ж. Ж. Р. Камбасересом[2]. Наконец, 30 ноября 1809 г. неизбежное свершилось[3].

---

[1] В тот же день, спустя 14 лет, умрет и сам Наполеон.

[2] Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 98.

[3] Подробно о разводе Наполеона с Жозефиной см.: Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 2. С. 204–216.

В тот вечер императорская чета допивала послеобеденный кофе, когда Наполеон сделал знак прислуге, а также префекту дворца Тюильри барону Л. Ф. Боссе и камердинеру Констану, чтобы они оставили его наедине с Жозефиной. Когда все вышли, он сообщил Жозефине, что акт об их разводе будет подписан 15 декабря. Жозефина, хотя и давно ждала этого приговора, не могла сдержать рыданий. Наполеон, сам едва не разрыдавшийся, стал внушать ей: «Не пытайся меня разжалобить. Я люблю тебя по-прежнему, но у политики нет сердца – у нее только голова». Через считаные минуты Боссе, оставшийся поблизости, услышал душераздирающий крик в покоях императора. Дверь распахнулась, и на пороге появился Наполеон, смертельно бледный, не похожий на себя; его била дрожь. «Боссе, зайдите!» – позвал он. Префект поспешил в комнату и увидел там, что Жозефина лежит на ковре в нервном стрессе. С помощью императора Боссе отнес императрицу в ее спальню. Наполеон вызвал к ней Корвизара и ее дочь Гортензию, а сам всю ночь ежеминутно справлялся о ней, пока его не успокоили: стресс остался без последствий.

15 декабря в тронном зале Тюильри собрались все члены императорской фамилии (кроме Жозефа Бонапарта, который не смог отлучиться из Испании), Евгений и Гортензия Богарне и высшие сановники империи. Жозефина немного задержалась. «В ожидании “приговоренной” Бонапарты ликуют. Члены семьи Богарне с трудом сдерживают слезы», констатирует Андре Кастело. Но на этот раз Жозефина смогла взять себя в руки и по окончании процедуры бракоразводного процесса, которую провели Камбасерес и государственный секретарь Реньо де Сен-Жан д’Анжели, внешне спокойно, с достоинством, подписала вслед за Наполеоном соответствующий акт. По условиям акта Жозефина сохранила ранг и прерогативы императрицы. Ей были предоставлены дворцы на Елисейских полях и в Мальмезоне и назначена ежегодная субсидия в 3 млн франков. Она только перестала быть *женой* Наполеона. «Две императрицы, не считая государыни-матери: возможно ли это? – задавался таким вопросом А. З. Манфред и сам отвечал на него: – Наполеон уже давно разъяснил, что слово “невозможно” для него не существует»[1].

На следующий же день Жозефина со всем штатом своей прислуги отбыла в Мальмезон – дворец в пригороде Парижа, где она проведет почти безвыездно все оставшиеся 4,5 года своей жизни. Наполеон к концу того же дня навестил ее, чтобы убедиться, все ли возможное сделано для ее удобств. Он был с нею нежен и расстроен, а вернув-

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 580.

шись к себе в Тюильри, тут же отправил ей письмо, которое она успела прочесть перед сном: «Друг мой, сегодня я застал тебя более слабой, чем следует быть. Не поддавайся меланхолии. Береги свое здоровье, которое мне так дорого. Если ты меня любишь, покажи, что ты сильна и всем довольна. Не сомневайся в моей нежной дружбе и не думай, что я могу быть счастлив, если ты несчастна. Мне было очень грустно, когда я вернулся в Тюильри, – огромный замок казался мне таким пустым, а я чувствовал себя таким одиноким... Прощай, дорогой мой дружок, спи крепко и помни о том, что я тебе этого желаю»[1].

Вот теперь Наполеон мог выбрать себе невесту. «Тут, – пишет о нем Е. В. Тарле, – ход его мыслей оказался крайне быстр и вполне ясен <...>. На свете, кроме великой Французской империи, есть три великие державы, о которых стоит еще говорить: Англия, Россия и Австрия. Но с Англией – война не на жизнь, а на смерть. Остаются Россия и Австрия. Россия, бесспорно, сильнее Австрии <...>. Значит, нужно начинать с России»[2]. Однако Евгений Викторович здесь несколько упрощает суть дела. Ведь Романовы были не просто сильнее австрийских Габсбургов (и, кстати, прусских Гогенцоллернов), а ближе к Бонапартам как союзники, причем их союз уже был подкреплен двумя браками: в 1806 г. племянница Жозефины Стефания Богарне вышла замуж за наследного принца Баденского, брата жены Александра I Елизаветы Алексеевны (Александр в Эрфурте ухаживал за Стефанией), а в 1807 г. Жером Бонапарт женился на принцессе Екатерине Вюртембергской, двоюродной сестре Александра. Наполеон и Александр обменялись тогда по этому случаю поздравлениями.

Решение Наполеона породниться с Романовыми или Габсбургами толковалось по-разному. Многие авторитеты – от К. Маркса до А. З. Манфреда – восприняли его как «династическое безумие», ослепление разума[3]. В. Г. Белинский же усмотрел в нем «мысль гениальную, свойственную только великому человеку, глубоко понимавшему законы разумной действительности», а именно «что этот брак набросит на него в глазах царей и народов, современников и потомков тот религиозно таинственный свет, который составляет необходимое условие действительности царского достоинства»[4]. Думается, при всей крайности обоих толкований литературный критик здесь ближе к истине, чем основоположник марксизма и профессиональный историк.

---

[1] Letters of Napoleon to Josephine. P. 205.
[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 279.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 578 (со ссылкой на К. Маркса).
[4] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 337–338.

Итак, выбор невесты Наполеон начал с Романовых. В Эрфурте, еще до решительного объяснения с Жозефиной, он через Талейрана зондировал возможность своей женитьбы на вел. княжне Екатерине Павловне – любимой сестре Александра I. Однако царь (не без подсказки ли Талейрана?) любезно уклонился от положительного ответа, а сама Екатерина Павловна заявила: «Я скорее пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца»[1], – и срочно, уже через восемь дней по возвращении Александра из Эрфурта, была помолвлена... с немецким принцем Георгом Ольденбургским. «Принц безобразен, жалок, весь в прыщах, с трудом изъясняется», – писал о нем Коленкур Наполеону[2]. 18 апреля 1809 г. брак Екатерины и Георга был оформлен. Принц кроме безобразия был наделен еще и болезнями, от которых через три года умер. Наполеон в 1810 г. кольнет Александра своим сожалением: «<...> поторопились выдать замуж великую княжну Екатерину за принца, который не мог ни дать ей подобающе высокого положения, ни принести пользу России»[3].

А пока, сразу после развода с Жозефиной, Наполеон поручил Коленкуру официально просить у царя руки другой его сестры – Анны Павловны. Коленкур сделал это 16 декабря 1809 г. Александр ответил, что, если бы решение зависело от него, он «сказал бы "да", не выходя из кабинета, но, поскольку судьбою его сестер распоряжается мать-императрица, надо запросить ее мнение, на что уйдет 10 дней[4]». Мать-императрица Мария Федоровна обдумывала свой ответ почти четыре раза по 10 дней. 23 января 1810 г. Александр сообщил Коленкуру, что императрица согласна на брак Анны Павловны с Наполеоном, но по молодости невесты (ей шел только шестнадцатый год) *«не раньше как через два года»*[5]. Такое согласие было равнозначно отказу, тем более что все заинтересованные лица знали: сам Александр I женился на Елизавете Алексеевне, когда той было всего 14 лет.

Альбер Вандаль считал, что Александр Павлович здесь попросту «спрятался за мать»: одно его слово «решило бы все», если бы он сам

---

[1] Тимощук В. В. Брачные проекты великих княжен Екатерины Павловны и Анны Павловны // Русская старина. 1911. № 3. С. 522–523.

[2] Цит. по: Лачинов В. П. Александр I и Наполеон в Эрфурте // Русская старина. 1897. № 6. С. 495.

[3] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 279.

[4] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 2. С. 248.

[5] Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 281. Курсив мой. – *Н. Т.* В 2005 г. опубликован на русском языке биографически-исторический роман члена Французской академии Анри Труайя об Анне Павловне под названием «Невеста Наполеона» – в оригинальной форме дневника героини романа.

хотел породниться с Наполеоном[1]. Вандаль ссылался при этом на уникальный документ, сохранившийся в Национальном архиве Франции, – копию первой страницы письма Марии Федоровны к Александру, снятую французскими агентами с копии, обнаруженной на столе русского посла в Париже А. Б. Куракина «в один из припадков его тяжкой дремоты». В письме говорилось: «Сын мой, Вы – государь и, благодаря нашему образу правления, неограниченный повелитель Вашего народа и Вашей семьи. Вы можете располагать судьбою Вашей сестры, даже Вашей матери <...>»[2]. По мнению А. З. Манфреда, напротив, когда Александр говорил, что решение зависит не от него, «то была сущая правда»: «...при резко враждебном отношении его матери и всего русского общества к Наполеону брак его сестры был фактически невозможен»[3].

Точка зрения Вандаля более убедительна. Судя по письму Марии Федоровны, Александр вполне мог принять *любое* решение. Конечно, он рисковал возмутить дворянскую оппозицию, но если бы сам был *за* брак Анны Павловны (как за союз с Наполеоном после Тильзита и против мира с ним в 1812 г., несмотря на противодействие высших сановников и собственной матери), то сумел бы настоять на своем вопреки оппозиции.

Итак, 23 января (по н. ст. это было 4 февраля) курьер от А. Коленкура помчался в Париж с вестью о том, что Александр фактически отказывает Наполеону в браке с его сестрой. Но уже 6 февраля, когда курьер был еще далеко в пути, Наполеон, раздосадованный «игрой в прятки» со стороны Александра и потерявший надежду на русское «да», переключился с Романовых на Габсбургов. Сделал он это по-наполеоновски молниеносно: приказал отыскать австрийского посла К. Шварценберга и запросить его, согласен ли император Франц I отдать в жены Наполеону свою дочь Марию-Луизу (о которой до тех пор шли в Париже лишь кулуарные разговоры). А когда радостный, перепуганный Шварценберг на свой страх и риск заявил о согласии Франца, в тот же вечер чрезвычайный совет первых лиц империи «утвердил» выбор Наполеона. На другой день был уже изготовлен брачный контракт, почти дословно скопированный с аналогичного договора между Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Когда курьер доставил в Париж русское «нет», Наполеон уже был женихом Марии-Луизы и a priori... племянником Людовика XVI.

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 236.
[2] Цит. по: Там же. С. 287–288.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 578–579.

Да, эрцгерцогиня Мария-Луиза (полное имя Мария-Луиза Леопольдина Каролина Франциска Терезия Жозефина Лючия[1])[2] – правнучка великой государыни Марии Терезии, приходилась по отцу и по матери племянницей и Марии Антуанетте, и Людовику XVI, так что, женившись на ней, Наполеон мог сказать о Людовике: «мой дядя». Брак был оформлен быстро. 11 марта 1810 г. торжество обручения прошло в Вене, куда Наполеон, по занятости, послал вместо себя своим *представителем* маршала Л. А. Бертье, который, кстати сказать, но не кстати для австрийского двора, носил титул князя Ваграмского. Впрочем, Мария-Луиза с удовольствием приняла от Бертье миниатюрный портрет Наполеона в бриллиантовой оправе и тут же приколола его к груди, «словно хотела показать, что от всего сердца принимает сделанное ей предложение»[3].

1 апреля в Сен-Клу уже состоялась гражданская церемония бракосочетания Наполеона и Марии-Луизы, а на следующий день в Лувре обряд венчания над новобрачными совершил кардинал Жозеф Феш – двоюродный дядя Наполеона. Когда Мария-Луиза приехала в Париж, они с Наполеоном впервые увидели друг друга. Разумеется, Наполеон заранее получил исчерпывающую информацию о том, что собой представляет и как выглядит его невеста: ей 18 лет, она очень женственна, приятной наружности, говорит на пяти языках и еще четыре понимает, умеет играть на бильярде и шевелить ушами. Сравнивал ли Наполеон свою вторую супругу с первой? Да, вот как он вспоминал о них обеих на острове Святой Елены: «В первой все было изящество и грация, вторая была воплощением невинности, ей ни на миг не приходило в голову, что мужчину можно завоевать, изменив безобидными приемами наружность»; Жозефина «постоянно играла», Мария-Луиза «не умела притворяться»[4].

Главное преимущество «второй» перед «первой» для Наполеона заключалось в том, что вторая стала матерью его сына. Он знал, что у матери Марии-Луизы было 13 детей, у бабушки – 17 и у прабабушки – 26. Поэтому он и шутил, что женится «на брюхе» своей австрийской избранницы[5].

Французы были шокированы вторым браком своего императора. Восшествие на французский трон новой «австриячки», да еще племянницы той, казненной, воспринималось как оскорбительный для

---

[1] Герре Ф. Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998. С. 10.

[2] В этом перечне имен Наполеон не мог без волнения видеть имена двух самых любимых его женщин – Жозефины и Марии.

[3] Там же. С. 77.

[4] Там же. С. 122.

[5] Кастело А. Жозефина. Кн. 2. С. 244.

народа Франции реверанс перед «старым режимом». Очевидец, член Государственного совета граф А. К. Тибодо, свидетельствовал, что церемония бракосочетания Наполеона с «австриячкой» в Сен-Клу «прошла холодно и грустно, как если бы это были похороны»[1].

Зато в Австрии все были довольны: одни рассматривали брак эрцгерцогини как подарок судьбы, обеспечивающий империи Габсбургов мир и покой, другие – как искупительную жертву («Пусть лучше одна эрцгерцогиня пойдет к черту, чем вся монархия!» – говорил в те дни знаменитый австрийский дипломат и острослов князь К. И. де Линь[2]). В России же радовалась, пожалуй, только Мария Федоровна, благодарившая Бога за то, что он отдал на съедение «чудовищу Минотавру» не ее дочь, а габсбургскую. Трезвые политики, включая царя, были озадачены той поспешностью, с которой Наполеон посватался к австрийской принцессе, и теперь опасались, что Австрия будет втянута в упряжку наполеоновских сателлитов, а Россия останется на континенте одинокой, лицом к лицу с «Минотавром» и «антихристом».

Действительно, австрийский брак Наполеона резко ухудшил русско-французские отношения. Союз двух великих держав вступил в острую фазу кризиса. Прежде всего то был кризис доверия. Хотя Наполеон и Александр продолжали в «братских» выражениях ратовать за сохранение союза, они все меньше доверяли друг другу и все больше подозревали один другого, что усугубляло их разногласия и взаимные претензии по всем вопросам. Кризис союза стал нарастать: за первой его фазой последовали вторая и третья, пока не назрел разрыв.

Конец 1810 г. принес русско-французскому союзу еще более тяжкие испытания: в декабре произошли одно за другим два события, которые вместе знаменовали собой новую, острейшую фазу кризиса. Виновником первого из них был Наполеон. 13 декабря, следуя своему правилу «уметь ощипать курицу, прежде чем она успеет закудахтать», он присоединил к Франции сразу несколько карликовых германских государств, чтобы закрыть образовавшуюся здесь «дыру» в континентальной блокаде Англии. Среди прочих аннексировано было и герцогство Ольденбургское. Тем самым Наполеон грубо нарушил статью 13 Тильзитского договора: ведь она фиксировала суверенитет герцогства Ольденбургского, хотя и в рамках Рейнского союза, протектором (т. е. фактически хозяином) которого был Наполеон. Главное здесь для Александра I крылось в том, что захват

[1] Thibaudeau A. C. Mémoires. P., 1824. T. 2. P. 278.
[2] Шедивы Я. Цит. соч. С. 124.

Ольденбурга больно ущемил династические интересы царствующей семьи, ибо герцог Петр Ольденбургский был дядей Александра, а сын герцога Георг – счастливым соперником Наполеона в сватовстве к любимой сестре царя Екатерине Павловне, с 1809 г. ее мужем. Может быть, Александр заподозрил в этом месть Наполеона, чье достоинство было уязвлено. Как бы то ни было, 8 февраля 1811 г. Александр заявил решительный протест Наполеону, дабы «оградить посредством настоящего заявления <...> на вечные времена все права» герцогства[1], и повел с Наполеоном упорную дипломатическую борьбу из-за Ольденбурга. Александр не соглашался даже на выгодную территориальную компенсацию для герцога, которую предложил Наполеон, – Эрфурт с прилегающими землями, более богатыми, чем Ольденбург, но – не на море. Мало того, 7 мая 1811 г. Наполеон через посла Куракина предложил Александру I такой вариант: «Если Эрфуртское княжество не по сердцу герцогу и России, пусть император Александр назовет мне то, чего он желает на место Эрфурта. <...>. Пусть он прикажет завязать здесь переговоры и поручит их вам; он увидит тогда мою готовность удовлетворить его во всем»[2]. Александр не согласился и на это предложение. Тем временем взрыв протеста со стороны Александра был усугублен встречным взрывом – со стороны Наполеона.

Дело в том, что 19 (31) декабря, еще не зная об аннексии Ольденбурга, Александр I, стремясь нормализовать внешнеторговый оборот России, ввел самый запретительный за всю историю XVIII–XIX вв. таможенный тариф на товары, «ввозимые по суше»[3]. Этот тариф, ударивший главным образом по французским товарам (английские контрабандно ввозились в Россию по морю!), почти все историки – от А. Вандаля до Е. В. Тарле – расценили как «объявление Франции экономической войны»[4]. «Обнародование этого тарифа, – заключил выдающийся российский историк акад. Н. Ф. Дубровин, – не только разрушило союз, но и нанесло явное оскорбление Наполеону, и поход в Россию стал для него неизбежным»[5].

---

[1] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 70.

[2] Донесения из Франции кн. А. Б. Куракина императору Александру Павловичу // Русский архив. 1870. № 1. С. 130.

[3] Текст его см.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. I. М., 1830. Т. 31. № 24464.

[4] См., напр.: Вандаль А. Цит. соч. Т. 2. С. 551; Покровский М. Н. Избр. произведения: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 217; Тарле Е. В. Наполеон. С. 313.

[5] Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1901. № 11. С. 250.

Наполеон воспринял русский тариф 1810 г., поднесенный ему в качестве новогоднего «презента», крайне болезненно – как предательский удар со стороны «друга». Ведь именно к концу 1810 г. он приходит к выводу, что континентальная блокада разоряет Англию и что его главный враг уже на краю гибели. 2 сентября император с удовлетворением пишет об этом своему военному министру А. Ж. Г. Кларку, а 19 сентября – пасынку, вице-королю Италии Е. Богарне[1]. И вдруг – такой вредительский сюрприз от главного союзника! Александр же, естественно, оправдывался: тариф имеет целью не вредить интересам Франции, а блюсти интересы России, и затрагивает он Францию «не более, чем любое другое государство, с которым Россия находится в дружбе»[2].

В течение января–марта 1811 г. оба союзника пикировались из-за Ольденбурга и русского тарифа, как вдруг русско-французский союз был ввергнут в третью фазу кризиса, едва не приведшего к войне. уже весной того года. 29 и 30 марта военный министр герцогства Варшавского князь Юзеф Понятовский (племянник последнего короля Польши Станислава Августа Понятовского) информировал резидента Франции в Варшаве барона Л. П. Э. Биньона, а тот – Наполеона о готовящемся нападении России на Польшу. Источник информации был более чем надежен: конфиденциальные письма Александра I к его другу и советнику А. А. Чарторыйскому от 25 декабря 1810 и 31 января 1811 г.[3] В них царь сообщал, что готовится начать войну против Наполеона (уже третью за последние пять лет) с присоединения «всей Польши» к России, назвал число войск, «на которое можно рассчитывать в данное время» (200 тыс. русских и по 50 тыс. пруссаков, датчан, поляков), и дал задание Чарторыйскому склонить на сторону России националистические верхи Польши обещанием «либеральной конституции». Чарторыйский сразу же вступил в переговоры с Ю. Понятовским как признанным лидером польских националистов, которого он знал по совместной борьбе за свободу Польши в 1792–1793 гг. и так ему доверял, что рискнул изложить (если не показать?) в приватном разговоре с ним письма Александра I.

Во всяком случае, судя по донесению Биньона в Париж, которое цитирует А. Вандаль, Понятовский имел «вещественное доказатель-

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 21. P. 82, 134.

[2] Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon. P. 549.

[3] Письмо от 25 декабря 1810 г. опубликовано в кн.: Alexandre I et le prince Czartoryski. P., 1865. P. 127–135. Текст письма от 31 января 1811 г. см.: Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. А. А. Чарторыйским. М., 1912. С. 147–154.

ство того, что он рассказывает (резиденту. – *Н. Т.*). Он сам видел это доказательство, осязал его, держал в своих руках. Он знает планы императора Александра так же верно, как знал бы намерения императора Наполеона, "если бы прочел письма Его Величества". Нельзя было яснее дать понять, сказать в более точных выражениях, что инструкции Александра I его сторонникам в Польше были сообщены Понятовскому слово в слово, что он собственными глазами видел письма царя»[1]. Понятовский в то время был уже страстным поклонником Наполеона (о чем еще не догадывались ни Чарторыйский, ни Александр I) и поэтому не замедлил выдать русские планы своему кумиру. Правда, он скрыл от Биньона личность своего бывшего соратника и теперешнего осведомителя, «не захотел назвать и скомпрометировать» его[2].

Наполеон не преминул воздействовать на Александра прежде всего своей осведомленностью. 7 мая 1811 г. он дал Куракину частную аудиенцию и заявил ему: «Будем говорить прямо: вас раздражает герцогство Варшавское, вы хотите завладеть им! <...>. Вот почему я вооружаюсь и вооружусь еще больше. При первом известии о враждебном движении ваших войск сяду на коня, воевать мне не учиться!»[3] Куракин, как ему было предписано инструкциями Александра I и как сам Александр делал это в беседах с Коленкуром, заверял Наполеона, что Россия никому не угрожает, но на вооружение Франции вынуждена будет *ответить* тем же. «Ах, князь Куракин, – снисходительно улыбался Наполеон, – по всему тому, что вы говорите, вижу, что от вас скрыты тайны вашего кабинета»[4].

Так, разыгрывая друг перед другом только намерение прибегнуть к ответным мерам, наполеоновская Франция и царская Россия давно уже (с февраля–марта 1810 г.) взапуски готовились к войне.

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Т. 3. С. 141.
[2] Там же.
[3] Донесения из Франции кн. А. Б. Куракина... С. 125, 127.
[4] Там же. С. 124.

Глава III
ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Гроза Двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?
А. С. Пушкин

1. Накануне

Сигналом к началу военных приготовлений стал для России и Франции австрийский брак Наполеона. «Новость сия, – свидетельствовал находившийся тогда в Петербурге идеолог феодальных коалиций Жозеф де Местр, – повергла все умы в ужас: и действительно, я не представляю более страшного удара для России»[1]. «Умы» политиков не только России и Франции, но и всей Европы поняли, что «новость сия» означает поворот внешнеполитического курса Франции с России на Австрию и неизбежно сулит скорую войну против России.

Наполеон не хотел этой войны. С момента своего прихода к власти он всегда стремился к миру и союзу Франции с Россией. Ни в 1805, ни в 1806–1807 гг. не поднимал он меч против нее первым. Теперь же воевать с Россией было для него еще более нежелательно. По-прежнему, с 1808 г., почти половину его солдат (до 400 тыс.!) отвлекала на себя Испания. Кроме того, в разных концах Европы он держал гарнизоны, следившие за соблюдением континентальной блокады. Поход в Россию был нежелателен для Наполеона еще и потому, что пришлось бы оставлять в тылу весь континент, роптавший против его просвещенного деспотизма. Наконец, учитывал он и пространства России (равные почти 50 Испаниям), тяготы ее климата,

[1] Местр Ж., де. Петербургские письма 1803–1817 гг. СПб., 1995. С. 134.

бездорожья, социального варварства, узаконенного крепостным правом. Уже перед отъездом в поход против России он признался своему министру полиции и бывшему послу в Петербурге Рене Савари: «Тот, кто освободил бы меня от этой войны, оказал бы мне большую услугу»[1].

Все доводы против войны с Россией обрели для Наполеона особую, казалось бы неодолимую силу, после того как 20 марта 1811 г. случилось самое важное, поистине судьбоносное событие в его личной жизни: родился его сын, законный наследник, продолжатель династии Бонапартов.

Когда Мария-Луиза забеременела, не только оба супруга, но и весь императорский двор, все родственники и соратники императора пребывали в ожидании. Наполеон, интуитивно уверенный в том, что родится сын, беспокоился только о самочувствии жены при возможных осложнениях во время родов. Она же боялась не только опасности, грозящей при родах ей и ее младенцу, но и разочарования, которое вызвало бы у императора и вообще у всех французов рождение не наследника-сына, а *дочери*.

Когда вечером 19 марта 1811 г. над Парижем зазвонил большой колокол собора Нотр-Дам, горожане поняли: у императрицы начались роды[2]. Все уже знали, ибо накануне было объявлено, что если родится дочь, последует артиллерийский салют из 21 залпа, а если сын – из 101 залпа. Когда прозвучал 21 залп, наступила долгая пауза. С тем большим ликованием парижане услышали еще 80 залпов, которые оповестили мир о том, что династия Бонапартов обрела законного наследника.

Долгожданный наследник рождался в невыносимых муках матери. Доктор Антуан Дюбуа с отчаянием признался Наполеону, что никогда не видел столь тяжких родов. «Спасайте мать! – сказал ему император. – Мы с нею сможем завести других детей». Доктор взялся за щипцы. Цитирую далее Франца Герре: «Увидев в руках доктора этот инструмент, вполне подходящий для камеры пыток, Мария-Луиза закричала душераздирающим голосом. Ей представилось, что сейчас она будет принесена в жертву ради наследника! Наполеон прибежал ее успокоить, а потом пулей вылетел из комнаты, не в силах наблюдать за работой Дюбуа. Через двадцать шесть минут доктору удалось захватить головку младенца. Роды продолжались двенадцать ча-

[1] Цит. по: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1987. С. 603.

[2] Подробно о рождении Наполеона II см.: Герре Ф. Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998. С. 191–199.

сов. 20 марта в 9 часов утра императрица разрешилась от бремени мальчиком»[1].

Наполеон был на седьмом небе от счастья. Доктора Дюбуа он засыпал щедрыми наградами, пожаловал ему крест кавалера Почетного легиона, титул барона и гонорар в 100 тыс. франков. 9 июня с необычайной пышностью прошел в соборе Нотр-Дам официальный обряд крещения новорожденного. Он был титулован как *Римский король* и получил имя из четырех составляющих: Наполеон Франсуа Жозеф Карл: первое – в честь отца; второе – в честь деда со стороны матери (австрийского императора Франца Габсбурга), который был первым крестным; третье – в честь второго крестного, испанского короля Жозефа Бонапарта; четвертое – в память о дедушке со стороны отца, Карло Буонапарте. Обряд был обставлен патетически. «Римский король выступал в роли младенца Иисуса, императрица Мария-Луиза – в роли Богоматери, а император Наполеон, естественно, олицетворял Бога-Отца, сошедшего с небес, чтобы объявить народу: “Вот Мой сын, на которого снизойдет вся Моя благодать”»[2].

Торжества по случаю рождения, а затем и крещения наследника династии Бонапартов сопровождались буйным ликованием народных масс и боязливым ропотом малочисленной оппозиции не только в Париже и по всей Франции, но и повсюду, где Наполеон царил, – в Риме и Милане, в Амстердаме и Зальцбурге, в Эрфурте и Варшаве. Радовалась и Вена: Франц I «устроил гала-представление в императорском дворце и бесплатные спектакли для публики во всех театрах»[3], а горожане любовались иллюминацией венских улиц. В Веймаре великий И. В. Гёте написал стихотворение «Ее величество императрица Франции», в котором воспел рождение сына Наполеона как залог мира[4].

Да, именно с надеждами на мир связывали тогда свою радость по случаю рождения наследника Бонапартов и французы, и жители других стран европейского континента. Им хотелось верить, что отныне Наполеон, этот *император-воин*, гарантировавший продолжение своей династии, станет *мирным императором*. Во Франции, которая почти 20 лет (с 1792 г.) переживала тяготы нескончаемых войн, мирное бытие давно уже стало главной жизненной потребностью. Здесь, по справедливому заключению А. З. Манфреда, «мир,

---

[1] Там же. С. 193.
[2] Там же. С. 195.
[3] Там же. С. 194–195.
[4] См.: Там же. С. 198–199.

так долго ожидаемый и отодвигавшийся с каждым годом куда-то в неизвестность, теперь, весной 1811 года, казался обеспеченным»[1].

Сам Наполеон был настроен после рождения сына-наследника, более чем когда-либо, на сохранение мира в Европе. Но, увы! Через каких-то девять дней (напомню читателю) он узнал от Юзефа Понятовского, что Александр I готовится напасть на герцогство Варшавское, положив тем самым начало новой, уже третьей за последние шесть лет войне России против Франции. Так Наполеон лишний раз убедился в том, что войны с Россией не избежать. Корень зла был отнюдь не в агрессии Александра. Толкала Наполеона к войне сила обстоятельств, а главным образом – столкновение интересов французской буржуазии и российских феодалов. У Наполеона была idée fixe – континентальная блокада. Только она могла обеспечить ему победу над Англией и, следовательно, европейскую гегемонию, при которой Франция хозяйски распоряжалась бы в Европе, а он – во Франции. Неудача блокады подорвала бы главенство Франции на континенте, а Наполеона лишила бы главной в социальном и материальном смысле опоры внутри страны. Препятствовала же осуществлению континентальной блокады более всего Россия, нарушая при этом подписанный ею Тильзитский договор. Наполеон знал, что российские феодалы, утомленные континентальной блокадой, вынуждают царя прикрывать нарушения договора. Переговоры (даже на высшем уровне, как в Эрфурте) ничего не дают: Александр готов клясться всеми святыми, что он никогда и ничто не нарушает. Значит, по логике Наполеона, надо принудить его к соблюдению блокады силой. Он уже к началу 1810 г. понял, что войны с Россией не миновать, и, поскольку она обещала быть самой трудной и рискованной из всех его войн, развернул такие приготовления к ней, каких он, по его собственному признанию, «никогда еще до сих пор не делал»[2].

Военный бюджет Франции рос таким образом: 1810 г. – 389 млн франков, 1811 г. – 506 млн, 1812 г. – 556 млн[3]. К концу 1811 г. общая численность французских войск, разбросанных по всей Европе, достигала (без польских соединений) 986, 5 тыс. человек[4]. Около половины из них готовились к нашествию на Россию. Мобилизуя свои

---

[1] Манфред. А. З. Цит. соч. С. 592.

[2] Харкевич В. И. Война 1812 г. От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. С. 27.

[3] Молок А. И. Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Учен. зап. ЛГУ. 1938. № 19. Ч. 4. С. 69.

[4] Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба (далее – ВУА). СПб., 1900. Т. 2. С. 116; Т. 6. С. 2–42.

силы, Наполеон старался проникнуть в тайны военных приготовлений России, наводняя ее лазутчиками и шпионами. Засылались даже разведчики-квартирьеры, одной из задач которых было обследование «возможных путей в Индию»[1]. Посол Франции в Петербурге, личный друг Наполеона граф А. Ж. Б. Лористон подготовил (не ранее февраля 1812 г.) своеобразное досье на 60 русских генералов с краткими и довольно точными характеристиками их достоинств и недостатков[2].

Разведка Наполеона смогла установить (недалеко от истины) и общую численность русских войск на западной границе империи. Вот как прокомментировал этот факт В. М. Безотосный: «В российской историографии цифры сил трех русских армий определяются в 220–230 тыс. человек. Наполеоновская же разведка имела явно преувеличенное представление – от 250 до 350 тыс. человек»[3]. В российской историографии цифры бытуют разные. Но, как мы увидим далее, *точные* (по армейским ведомостям за подписями командующих армиями и отдельными корпусами) данные о численности всех русских войск в зоне вторжения Наполеона таковы: 317 тыс. человек. Выходит, данные наполеоновских разведчиков отнюдь не были «явно преувеличенными»!

Важным условием победы над Россией Наполеон считал ее политическую изоляцию. Учитывая, что почти вся Европа к тому времени, по выражению П. А. Вяземского, «онаполеонилась», он стремился «перевернуть идею коалиций наизнанку»[4], лишить Россию союзников, а самому заполучить их как можно больше. Его расчет был таков: России придется вести борьбу одновременно на трех фронтах против пяти государств (на севере – против Швеции, на западе – против Франции, Австрии и Пруссии, на юге – против Турции).

Расчет казался верным. Пруссию и Австрию, недавно разгромленные, Наполеон вынудил вступить с ним в союз против России: 24 февраля 1812 г. он заключил договор с Пруссией, а 14 марта – с Австрией. Пруссия обязалась дать ему 20 тыс. солдат, Австрия – 30 тыс.[5] Что же касается Швеции и Турции, то они, по мысли Наполеона, должны были помочь ему в войне с Россией добровольно: Турция – потому, что она с 1806 г. сама воевала с Россией из-за Крыма, а Швеция, во-первых, точила зубы на Россию из-за Финляндии, отнятой у нее в 1809 г., а во-вторых, фактически прави-

---

[1] Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М., 2005. С. 80.
[2] См.: Симанский П. Н. Перед войной 1812 г. СПб., 1906. С. 8–30.
[3] Безотосный В. М. Цит. соч. С. 76.
[4] Манфред. А. З. Цит. соч. С. 603.
[5] История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 483.

телем Швеции с 1810 г. стал избранный *в угоду* Наполеону престолонаследником старый фрондер, интриган, но все-таки маршал Франции и даже родственник клана Бонапартов Ж. Б. Ж. Бернадот.

В случае реализации этого замысла Наполеона Россия попала бы в катастрофическое положение. Но Наполеон и на этом не останавливался. У самых границ России он готов был в любой момент поднять против нее герцогство Варшавское, армия которого к марту 1811 г. насчитывала 60 тыс. человек[1]. Наконец, «благодаря искусной политике, давшей ряд торговых привилегий и допустившей ряд изъятий из своего торгового законодательства в пользу американцев»[2], Наполеон способствовал тому, что на другом краю света Соединенные Штаты Америки 18 июня 1812 г., за неделю до французского вторжения в Россию, объявили войну Англии – главному врагу Наполеона, затруднив, естественно, ее борьбу с Францией и содействие России.

Александр I со своей стороны уже в те дни, когда он увертливо отклонял брачные намерения Наполеона, счел войну с ним неизбежной и скорой. Царь тоже не хотел этой войны, опасаясь после Аустерлица и Фридланда главным образом самого Наполеона. 25 марта 1811 г. он так и написал своему «брату-антихристу»: «Величайший военный гений, который я признаю за Вашим Величеством, не оставляет мне никаких иллюзий относительно трудностей борьбы, которая может возникнуть между нами»[3]. Но уступить Наполеону, склониться под ярмом континентальной блокады Александр не мог, если бы даже захотел. Он, в отличие от своего отца, был силен классовым чутьем и понимал, что «благородное российское дворянство», плоть от плоти которого был он сам, ориентируется на Англию против Франции и не позволит ему сменить курс, как не позволило этого Павлу I. Поскольку же войны нельзя было избежать, царь приготовился к худшему, вдохновляясь примером испанцев. «Если император Наполеон начнет войну со мной, – говорил Александр А. Коленкуру в апреле 1811 г., – возможно, даже вероятно, он разобьет нас, но это не даст ему мира. Испанцы были часто биты, но они ни побеждены, ни покорены. Между тем они не так далеки от Парижа, да и климат их и ресурсы, и пространства не наши <...>. Я скорее отступлю на Камчатку, но не подпишу в моей завоеванной столице мира!»[4]

---

[1] ВУА. Т. 2. С. 116.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 320.

[3] Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inèdite. P., 1891. P. 551.

[4] Коленкур А., де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 51–52.

В те же апрельские дни 1811 г. Наполеон в письме к своему союзнику, королю Вюртемберга, так охарактеризовал своеобразие фатально назревавшей войны: «Война будет – вопреки мне, вопреки императору Александру, вопреки интересам Франции и России <...>. Все это – не что иное как театральное представление (une scène d'opéra), и режиссирует его Англия»[1].

Гонку вооружений Россия начала одновременно с Францией. 1 февраля 1810 г. вместо своего alter ego А. А. Аракчеева царь назначил военным министром менее симпатичного ему, но неизмеримо более компетентного М. Б. Барклая де Толли. Именно Барклай возглавил всю подготовку к войне. С 1810 г. резко пошла вверх кривая военных расходов России: 1807 г. – 43 млн руб., 1808 – 53 млн, 1809 – 64,7 млн, 1810 – 92 млн, 1811 – 113,7 млн только на сухопутные войска[2]. Общая численность войск за 1810–1812 гг. удвоилась и составила (учитывая армии, занятые в войнах с Ираном и Турцией, а также гарнизоны по всей России) 975 тыс. человек[3].

В то же время Александр I небывалой активностью использовал военную разведку и дипломатию. Он разрешил Барклаю де Толли учредить при посольствах России за границей службу *военных атташе* с дипломатическим иммунитетом, которые добывали карты и планы военных операций, данные о численности, дислокации и перемещениях французских войск. В Вене таковым был барон Ф. Тейль фон Сераскеркен, в Дрездене – майор В. А. Прендель, в Мюнхене – поручик П. Х. Граббе (будущий генерал и декабрист) и т. д. Но самые ценные сведения доставлял из Парижа флигель-адъютант царской свиты полковник А. И. Чернышев, назначенный в январе 1810 г. «состоять постоянно при Наполеоне»[4].

Александр Иванович Чернышев (1785–1857 гг.) – 24-летний племянник екатерининского фаворита А. Д. Ланского, придворный фат и дамский угодник – вкрался в доверие к лицам из ближайшего окружения Наполеона (по слухам, даже Полина Бонапарт не пренебрегала его ухаживанием) и сумел понравиться самому императору. Хотя он начал шпионить в Париже уже после того, как был подкуплен и задействован в качестве российского резидента Ш. М. Талейран, хлопоты Чернышева нисколько от этого не теряли,

---

[1] Napoléon I. Correspondance. T. 22. № 17553. P. 16.

[2] См.: Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 142.

[3] Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 1. С. 203–204.

[4] Архив кн. А. И. Чернышева. Жизнеописание, всеподданнейшие доклады и переписка // РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 15.

ибо «он узнавал такое, что Талейрану и присниться не могло»[1]. Е. В. Тарле здесь имел в виду «tableau général» (общую роспись) войск Наполеона по всей Европе с обозначением численности каждого полка – «секретнейший и наисвященнейший документ, в котором хранилось военное счастье Франции»[2]. Подкупив чиновника Военного министерства по имени и фамилии Мишель Мишель, Чернышев получал от него копии «tableau général» раньше, чем подлинник доставлялся Наполеону. Правда, за четыре месяца до начала войны шпионаж Чернышева был раскрыт (сам он успел отбыть из Парижа в Петербург, а Мишель был арестован, осужден и 1 мая 1812 г. гильотинирован)[3]. Тем не менее разведданные, которые Чернышев передал в Россию, невозможно переоценить.

И все-таки, расточая хвалу по адресу «замечательного разведчика» и «блестящего офицера русской гвардии» Александра Чернышева, как это делают, вслед за советскими, и постсоветские историки[4], нельзя забывать о том «нравственном омерзении», которое он возбуждал в окружающих («величайший подлец и негодяй»[5]), и о его дальнейшей карьере палача декабристов, садистски распоряжавшегося казнью их вождей[6].

Не менее успешно, чем разведка, действовала в преддверии войны 1812 г. русская дипломатия. Она выведала, что Швеция предпочитает ориентироваться на соседнюю Россию, а не на далекую Францию. Граница с Россией была для Швеции единственной континентальной границей, со всех других сторон ее защищали от французов море и английский флот. Потерю же Финляндии Швеция предполагала компенсировать захватом Норвегии, на что согласилась Россия. Что же касается Бернадота, то он с давних пор тайно ненавидел

---

[1] Тарле Е. В. Талейран // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 97.

[2] Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1913. Т. 3. С. 319.

[3] Подробно о деле Чернышева – Мишеля см.: Тимирязев В. А. Чернышев и Мишель // Исторический вестник. 1896. № 2. С. 605–622; Безотосный В. М. Цит. соч. (ук.).

[4] Гарнич Н. Ф. 1812 год. М. 1956. С. 45–46; Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 14–15; Фролов Б. П. «Да, были люди в наше время...» М., 2005. С. 73; Шишов А. В. Битва великих империй. М., 2005. С. 30–31.

[5] Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 491; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию // Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 457; Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 343.

[6] Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 438, 451; Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 83, 588; Фонвизин М. А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 196; Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 132, 268, 273; Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 50, 232, 233.

Наполеона (хотя получил от него все: маршальский жезл, княжеский титул, даже шведский престол), так как сам метил в «наполеоны», а Наполеона не прочь был бы сделать своим «бернадотом». Играя на этом и льстя Бернадоту как «единственному человеку, способному сравниться с Наполеоном и превзойти его военную славу»[1], Александр I добился заключения 24 марта (5 апреля) 1812 г. союзного договора между Россией и Швецией.

Почти одновременно с этой дипломатической викторией на севере Россия одержала еще более важную победу на юге. В затянувшейся войне с Турцией русская армия под командованием М. И. Кутузова 14 октября 1811 г. выиграла битву у Слободзеи. Турки пошли на мирные переговоры, но тянули время, зная, что Наполеон готовится к войне с Россией. В середине мая 1812 г., когда они все еще торговались об условиях мира, к Александру I от Наполеона приехал граф Луи Нарбонн-Лара с заданием выяснить, насколько Россия готова к войне с Францией. Кутузов тут же изобразил перед турецким султаном вояж Нарбонна как миссию дружбы и убедил султана в том, что если уж непобедимый Наполеон ищет дружбы с Россией, то ему, побежденному султану, сам Аллах велит делать то же[2]. Султан согласился и 16 (28) мая 1812 г. приказал своему визирю подписать Бухарестский мирный договор, по которому Россия высвободила для борьбы с Наполеоном 52-тысячную Дунайскую армию да еще и приобрела Бессарабию.

Таким образом, замысел Наполеона об изоляции России и одновременном ударе на нее с трех сторон силами пяти держав был сорван. Русская дипломатия перед самым нашествием Наполеона на Россию обезвредила двух из пяти предполагавшихся противников. Фланги свои Россия успела обезопасить.

Наполеон был вне себя от досады и гнева, посчитав случившееся (вопреки всем его ожиданиям!) противоестественным. «Неслыханная вещь! – восклицал он. – Две державы, которые должны потребовать все свое обратно у русских, становятся их союзниками как раз тогда, когда представляется прекрасный случай вновь завоевать потерянное»[3]. Особенно негодовал он на турок, по адресу которых «истощил весь словарь французских ругательств»[4].

---

[1] Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные П. И. Щукиным (далее – бумаги П. И. Щукина). М., 1900. Т. 6. С. 503.

[2] См.: Внешняя политика России XIX и нач. XX в. Документы Российского Министерства иностр. дел (далее – ВПР). Сер. I. М., 1962. Т. 6. С. 403; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 466.

[3] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 121.

[4] Тарле Е. В. М. И. Кутузов – полководец и дипломат // Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 780.

Но борьба между Францией и Россией за союзников на этом не закончилась. Феодальные Австрия и Пруссия были втянуты в союз с буржуазной Францией насильно и помогали Наполеону чуть ли не из-под палки, готовые в первый же удобный момент переметнуться на сторону феодальной России (что они в конце концов и сделали). Посланец Франца I граф А. Лебцельтерн уже в июне 1812 г. приезжал к Александру, дабы заверить его в том, что и численность, и действия австрийского вспомогательного корпуса Великой армии «по возможности будут ограничены» и что в любом случае «Австрия навсегда останется другом России»[1]. Фридрих Вильгельм III прислал царю аналогичные заверения: «Если война вспыхнет, мы будем вредить друг другу только в крайних случаях. Сохраним навсегда в памяти, что мы друзья и что придет время быть опять союзниками»[2].

Готовясь к войне, российский император, естественно, крепил оборону страны – на случай, если Наполеон нападет первым. В то же время с начала 1811 г. Александр I под влиянием реваншистских планов, которыми осаждали его принц Александр Вюртембергский (дядя царя по матери), князь П. И. Багратион и барон Л. Л. Беннигсен, надеялся «сразить чудовище» (как повторял он полюбившееся ему выражение Бернадота в адрес Наполеона) превентивным ударом[3]. Его попытка в январе того года привлечь на свою сторону поляков, как мы видели, не удалась – ее сорвал Ю. Понятовский. Александр не опустил рук и к осени договорился о совместном походе против Наполеона с Фридрихом Вильгельмом III.

15 (17) октября 1811 г. канцлер Н. П. Румянцев и военный министр М. Б. Барклай де Толли подписали с начальником Генерального штаба Пруссии Г. И. Д. Шарнхорстом конвенцию, согласно которой 200-тысячная русская и 80-тысячная прусская армии должны были наступать, чтобы «дойти до Вислы раньше, чем неприятель утвердится на ней»[4]. 24, 27 и 29 октября последовали «высочайшие повеления» Александра I командующим пятью корпусами на западной границе (П. И. Багратиону, Д. С. Дохтурову, П. Х. Витгенштейну, И. Н. Эссену и К. Ф. Багговуту) приготовиться к походу[5]. Россия могла начать войну со дня на день, «армия наша, –

---

[1] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 757.

[2] Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1839. Т. 1. С. 77.

[3] См.: ВУА. Т. 2. С. 83–93; Т. 5. С. 75–77; Т. 10. С. 253–275.

[4] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 199–200.

[5] Этот факт, который советские историки старательно утаивали, документально засвидетельствован еще в 1904 г.: ВУА. Т. 5. С. 268–270, 302–304, 313–315.

свидетельствовал Барклай де Толли, – была уже в совершенной готовности к выступлению <...>, как вдруг обстоятельства политических дел заставили нас переменить план»[1].

Да, в тот критический момент струсил, заколебался и вильнул под железную пяту Наполеона Фридрих Вильгельм III. Он не ратифицировал русско-прусскую конвенцию, а затем послушно вступил в союз с Наполеоном. Раздосадованный Александр I, этот владелец 20 млн рабов, 1 марта 1812 г. написал королю Пруссии – владельцу 6 млн рабов: «Лучше все-таки славный конец, чем жизнь в рабстве!»[2]

Вероломство Пруссии помешало Александру начать и третью войну против Франции *первым* – Наполеон опередил его.

2. Начало

12 (24)[3] июня 1812 г. Великая армия Наполеона вторглась на территорию России. Так началась Отечественная война русского народа против французских захватчиков. А ведь годом ранее, в январе и октябре, Россия дважды едва не напала на Францию (как это уже было в 1805 и 1806 г.). Помешало лишь неблагоприятное для Александра I стечение обстоятельств и непредвиденный отказ в поддержке со стороны двух человек: в январе – польского князя Понятовского, в октябре – прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Мы видели, что Наполеон и Александр готовили войну, хотя и вынужденно, против собственной воли, но *агрессивно*, с расчетом опередить противника. Бытующие в нашей литературе заверения, будто «подобных планов у русского правительства не было и не могло (?! – *Н. Т.*) быть»[4], и попытки опереться при этом на материалы сборника «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», которые якобы «опровергают утверждение А. Вандаля» 1811 г.[5] о захватнических планах России, выглядят наивно. Дело ведь не в «утверждении Вандаля», а в подлинных, официальных документах, таких как письмо Александра I к А. А. Чарторыйскому от 25 декабря 1810 г. и «высочайшие повеления» пяти генералам 24–29 октября 1811 г. Из того, что эти документы не включены в названый сборник, вовсе не следу-

---

[1] Записка М. Б. Барклая де Толли // Военный журнал. 1859. № 1. С. 2.

[2] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 306.

[3] Далее все даты событий Отечественной войны 1812 г. приводятся по юлианскому (принятому тогда в России) календарю.

[4] Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. С. 190–191; Шишов А. В. Цит. соч. С. 27.

[5] Нарочницкий А. Л. Две тенденции в развитии отношений между СССР и Францией // Новая и новейшая история. 1966. № 5. С. 9.

ет, что они перестали существовать, тем более что они уже давно бытуют в литературе разных стран[1].

Вместе с тем нельзя согласиться и с М. Н. Покровским, заключившим, что после опубликования переписки Александра I с Чарторыйским (о «высочайших повелениях» Михаил Николаевич не упомянул) «совершенно невозможно говорить о “нашествии” Наполеона на Россию», ибо оно есть всего лишь «акт необходимой самообороны»[2]. Если бы Россия в 1811 г. начала войну, тогда было бы невозможно говорить о нашествии Наполеона. Но дело обернулось иначе: пока царь планировал, Наполеон осуществил нападение.

Александр I выехал к армии (из Петербурга в Вильно) раньше Наполеона 9 апреля 1812 г. Наполеон, узнав об этом, 9 мая оставил Париж и помчался вслед за своей Великой армией, которая уже шла разными дорогами через земли государств Рейнского союза к Польше. 16 мая император въехал в Дрезден и здесь задержался на две недели, устроив за это время грандиозную политическую демонстрацию против России. Сюда к нему на поклон съехались почти все европейские монархи, включая прусского короля и австрийского императора. Держались они раболепно, источая лесть, славословие, веру в его непобедимость. Цитирую Е. В. Тарле: «Лесть на этот раз была такой непомерной, безудержной, вне всяких масштабов и рамок, что в разгаре этих дрезденских торжеств кто-то вслух высказал уже нечто вроде гипотезы о божественной природе всемирного завоевателя»[3]. Наполеон реагировал на лакейство коронованных особ снисходительно, трепал за уши (как он любил это проделывать с детьми) королей и принцев, а королев и принцесс то забавлял, то смущал армейскими шутками. Как всегда, отправляясь на войну, он старался быть в приподнятом настроении.

Из Дрездена Наполеон выехал в Познань, где провел еще несколько дней, отслеживая маршруты движения своих войск. Местная шляхта устроила ему торжественную встречу, представ перед ним в немыслимо роскошных нарядах из бархата и парчи, с позолотой и бриллиантами, в напудренных париках. Наполеон, глядя на них,

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Т. 3. С. 140–145; Покровский М. Н. Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 217–218; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 209; Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 386; Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. T. 1. S. 24; Grochulska B. Księstwo Warszawskie. Warszawa, 1966. S. 187.

[2] Покровский М. Избр. произв. Кн. 2. С. 217.

[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 322. Подробно см.: Вандаль А. Цит. соч. Т. 3. Гл. XII: Дрезден.

поморщился: «Господа, я бы предпочел видеть вас в сапогах со шпорами, с саблей на боку, по образцу ваших предков, при приближении татар и казаков»[1].

Из Познани император отбыл в Торн, далее – в Данциг и Кёнигсберг, проверяя в каждом из этих городов, надлежаще ли обеспечены оружием, боеприпасами, продовольствием соединения Великой армии, которые шли и шли к границам России. 10 июня Наполеон прибыл к своим войскам в местечко Вильковышки близ города Ковно. Здесь на биваке он написал воззвание: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась хранить военный союз с Францией и бороться против Англии. Теперь она нарушила свои клятвы. <...> Россия увлечена роком – да свершится судьба ее!»[2]

«Это воззвание, – читаем у Е. В. Тарле, – и было объявлением войны России: никакого другого объявления войны Наполеон не сделал»[3]. Другие отечественные историки (царские, советские, постсоветские) доныне утверждают, что Наполеон вторгся в пределы России вообще «без объявления войны»[4]. Оба этих утверждения неверны. Воззвание Наполеона от 10 июня не было объявлением войны. Оно адресовалось не правителям России, а солдатам Франции – с целью оправдать перед ними начало войны и поднять их моральный дух. Объявление войны России Наполеон сделал в тот же день, 10 июня, по общепринятым нормам – через своего посла в Петербурге А. Ж. Б. Лористона, который вручил управляющему Министерством иностранных дел Российской империи князю А. Н. Салтыкову надлежащую ноту. «Моя миссия окончилась, – уведомлял посол официальную Россию, – поскольку просьба князя Куракина о выдаче ему паспортов[5] означала разрыв, и Его Императорское и Королевское

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 324.

[2] Napoléon I. Correspondance. T. 23. P. 528–529.

[3] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 475.

[4] Михайловский-Данилевский А. И. Цит. соч. Т. 1. С. 160; Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953. С. 79; Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX – нач. XX в. М., 1977. С. 308; История СССР XIX – нач. XX в. / под ред. И. А. Федосова. М., 1981. С. 40; Орлик О. В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 18; История России с древности до наших дней / под ред. М. Н. Зуева. М., 1994. С. 147; Фролов Б. П. Указ. соч. С. 92.

[5] Русский посол во Франции кн. А. Б. Куракин затребовал паспорта для всего посольства 11 мая (по н. ст.) 1812 г. 12 июня министр иностранных дел Франции Г. Б. Маре, сообщив Куракину о решении Наполеона выдать паспорта, уведомил его, что император рассматривает это требование как объявление войны (см.: ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 755).

Величество с этого времени считает себя в состоянии войны с Россией»[1].

Формальность объявления войны для Александра I уже не имела значения. От А. И. Чернышева и других разведчиков царь знал заранее и время, и место наполеоновского вторжения, и силы его. Агрессия Наполеона не таила в себе никакой неожиданности, но грозила смертельной бедой. Больше 100 лет, со времен Карла XII, внешний враг не вступал на русскую землю, и вот теперь он снова топтал ее – враг, на этот раз более могучий, чем когда-либо.

Всего, по ведомости Военного министерства Франции, с 12 по 15 июня перешли русскую границу (по четырем мостам через Неман возле г. Ковно) 448 083 завоевателя[2]. С такой тьмой врагов Русь не сталкивалась и во времена монголо-татарского нашествия. Да и вообще никогда ни один завоеватель – даже Ксеркс и Аттила – не водил за собой таких полчищ. Правда, французов в армии Наполеона было тогда чуть больше (под подсчетам инспектора-ревизора Главного штаба барона П. П. Денье, 52,5 %) или даже меньше половины кадрового состава. О. В. Соколов, детально перепроверив данные Денье, заключил, что собственно французы в Великой армии 1812 г. составляли всего лишь 38 %[3]. Остальные 62 % Наполеон призвал из стран-сателлитов Франции – и послушных, и непокорных. Многие их них, особенно испанцы, ненавидели Наполеона как поработителя своего отечества и шли на войну только по принуждению. Воевали они нехотя и часто дезертировали. В корпусе Даву, например, был полк из ганзейских немцев, который почти весь разбежался еще до перехода через русскую границу[4]. Самые решительные переходили на сторону России, повернув оружие против французов (из 15 тыс. испанцев и португальцев Великой армии так поступили 4 тыс.[5], которые начали партизанскую войну с французами на территории России раньше самих россиян). Вполне надежными из «инородцев» были лишь итальянцы и особенно поляки – «французы Севера», как называли их солдаты французских частей.

---

[1] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 756.

[2] Позднее разновременно, вплоть до ноября, частями к ним присоединились еще 199 075 человек. Всего, таким образом, Наполеон бросил против России 647 158 человек (Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1839. T. 1. Прил. 2).

[3] Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 396–398.

[4] См.: Свечников М. С. Война 1812. Бородино. М., 1937. С. 13.

[5] Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 8.

Таким образом, по меткому определению Е. В. Тарле, «забота Наполеона о количестве солдат Великой армии повредила ее качеству»[1].

Разношерстный, многоплеменный состав Великой армии пагубно влиял на ее хваленую дисциплину и способствовал прогрессированию упадка ее морального духа. Впрочем, моральный дух заметно падал даже в собственно французских частях. Близкие к Наполеону лица забили тревогу. Статс-секретарь граф П. Дарю (кузен великого Стендаля) прямо заявил императору в Витебске: «Не только ваши войска, государь, но и мы сами тоже не понимаем ни смысла, ни необходимости этой войны»[2]. Разумеется, все это тревожило Наполеона, ибо он хорошо понимал и еще в 1808 г. сформулировал истину, оказавшуюся для него в 1812 г. роковой: «На войне три четверти успеха зависит от моральных факторов и только одна четверть – от материальных сил»[3].

Слабее обычного был теперь и командный состав Великой армии. Ж. Ланн погиб еще в 1809 г., А. Массена из-за болезни оставался дома, Л. Г. Сюше, Ж. Б. Журдан и Н. Ж. Сульт сражались в Испании, а Ж. Б. Ж. Бернадот уже перешел в стан врагов. И все же мощь полумиллионной армии вторжения оказалась всесокрушающей. Ее вел сам Наполеон, которого современники (включая и феодальных монархов во главе с Александром I) почти единодушно признавали гениальнейшим полководцем. Вспомним, что даже А. В. Суворов, успев оценить лишь первую, Итальянскую, кампанию Наполеона 1796–1797 гг., назвал его в числе трех величайших полководцев мира рядом с Цезарем и Ганнибалом[4]. А вместе с Наполеоном шли на Россию 11 его маршалов, в том числе Л. Н. Даву, М. Ней, И. Мюрат, Ж. Б. Бессьер, Ф. Ж. Лефевр, Л. А. Бертье, вице-король Италии Е. Богарне, «польский Баярд» Ю. Понятовский, прославленные генералы, среди которых выделялись Луи Пьер Монбрен (1770–1812) – герой «фантастической»[5] атаки на горную позицию испанцев у Сососьерры 30 ноября 1808 г. и Огюст Коленкур (1777–1812) – младший брат Армана Коленкура, который «участвовал в большем числе сражений, чем прожил лет»[6].

---

[1] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 511.

[2] Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812. P., 1842. T. 1. P. 208.

[3] Palluel A. Dictionnaire de l'empereur. P., 1969. P. 551.

[4] Суворов в сообщениях профессоров Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1900. Кн. 1. С. 20.

[5] La campegne de Russie, Napoléon – 1812. P., 1981. P. 170.

[6] Ibidem.

Вообще, при всех слабостях национального, дисциплинарного и морального характера, которые, за малым исключением, скажутся лишь позднее, в ходе войны, солдаты Великой армии большей частью, а именно французские, итальянские, польские соединения и главным образом «ворчуны» Старой и Молодой гвардии, свято верили в звезду своего императора, привыкнув к тому, что там, где Наполеон, – всегда победа, и отправлялись в очередной поход с воодушевлением и самоуверенностью, как это запечатлел Ф. И. Тютчев:

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели –
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими[1]...

Россия в начале войны смогла противопоставить 448-тысячной армии Наполеона 317 тыс. человек, которые были разделены на три армии и три отдельных корпуса. Численность русских войск указывается в литературе (включая энциклопедии и учебники) с поразительным разноречием. Между тем в РГВИА хранятся ведомости численного состава 1-й и 2-й армий и отдельного корпуса к началу войны 1812 г.[2], а такие же ведомости 3-й армии и еще двух резервных корпусов даже опубликованы 100 лет назад[3], но до сих пор остаются вне поля зрения наших историков.

Итак, 1-я армия под командованием военного министра, генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли дислоцировалась в районе Вильно, прикрывая петербургское направление, и насчитывала 120 210 человек; 2-я армия генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона, возле Белостока, на московском направлении, – 49 423 человека; 3-я армия генерала от кавалерии А. П. Тормасова, у Луцка, на киевском направлении, – 44 180 человек. Кроме того, на первой линии отпора французам стоял под Ригой корпус генерал-лейтенанта И. Н. Эссена (38 077 человек), а вторую линию составляли два резервных корпуса: 1-й – генерал-адъютанта Е. И. Меллера-Закомельского (27 473 человека) – у Торопца, 2-й – генерал-лейте-

---

[1] Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 137.

[2] Рапорты М. Б. Барклая де Толли, П. И. Багратиона и И. Н. Эссена Александру I: РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 84. Л. 3–6, 13–16 об.; там же. Ф. 474. Д. 3520. Л. 206–207 об.

[3] Рапорт А. П. Тормасова Александру I: ВУА. Т. 13. С. 160–163.

нанта Ф. Ф. Эртеля (37 539 человек) – у Мозыря. Фланги обеих линий прикрывали: с севера – корпус генерал-лейтенанта барона Ф. Ф. Штейнгейля[1] (19 тыс. человек) в Финляндии[2], с юга – Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова (57 526 человек) в Валахии[3]. Эти войска в начале войны бездействовали. Поэтому русские численно уступали французам в зоне вторжения почти в полтора раза.

Впрочем, главная беда русской армии заключалась тогда не в малочисленности, а в архаичной системе ее комплектования, содержания, обучения и управления. Рекрутчина, 25-летний срок военной службы, непроходимая пропасть между солдатской массой и командным составом, муштра и палочная дисциплина унижали человеческое достоинство русских солдат. Барклай де Толли, став военным министром, попытался было умерить палочный разгул в войсках, но Александр I пресек его инициативу[4]. Никто более из русских военачальников, включая М. И. Кутузова, против культа муштры и палок не возражал. Даже гуманный, любимый солдатами Багратион в 1812 г. призывал их доказать свой патриотизм «слепым повиновением начальству»[5].

До 1805 г. русских солдат вообще готовили не столько к войне, сколько к парадам. Из суворовского наследия усваивали не передовое («Каждый воин должен понимать свой маневр!»), а устаревшее («Пуля – дура, штык – молодец!»). Опыт войн 1805–1807 гг. заставил Александра I учиться у Наполеона. Царь уже с 1806 г. начал переустройство и даже переодевание своей армии на французский лад (после того как были введены эполеты, злые языки стали говорить: «Теперь Наполеон сидит на плечах у всех русских офицеров»). Главное – перенималась наполеоновская система боевой подготовки. Летом 1810 г. в русские войска было разослано «Наставление Его Императорско-королевского Величества Наполеона I», которое ориентировало генералов, офицеров, солдат на инициативу, на умение «действовать *по обстоятельствам* каждому»[6].

К 1812 г. усвоение наполеоновского опыта сделало русскую армию значительно сильнее. Великий князь Николай Михайлович

---

[1] Фаддей Федорович Штейнгейль (1762–1831) – дядя декабриста барона Владимира Ивановича Штейнгейля (1783–1862).

[2] РНБ РО. Ф. 993. Л. 323 (корпусная ведомость от 14 августа 1812 г.).

[3] Рапорт П. В. Чичагова Александру I: ВУА. Т. 17. С. 352–353.

[4] См.: ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 270; Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 12. С. 481.

[5] РГВИА. Ф. 474. Д. 3520. Л. 295.

[6] Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 484–485.

справедливо подчеркивал: «Не будь уроков под Аустерлицем и Фридландом, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига»[1]. Но главные источники русской военной силы заключались не в заимствовании извне (тем более что опыт Наполеона во многом воскрешал безрассудно похороненные заветы Суворова), а в ней самой. Во-первых, она была национальной армией, более однородной и сплоченной, чем разноплеменное воинство Наполеона, а во-вторых, ее отличал несравненно более высокий моральный дух: воины воодушевлялись патриотическим настроением, которое так ярко выразил Г. Р. Державин в строках, обращенных к России:

Скорей ты ляжешь, трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена!

Кстати, Наполеон, со своей стороны, тоже учитывал уроки Эйлау и Гейльсберга и, как мы уже видели, отдавал должное (в разговоре с Ланном после битвы при Гейльсберге) боевым качествам русских солдат. Он знал книгу английского генерала Р. Вильсона о русских войсках и вывод генерала: «Русский солдат хотя и родился в рабстве, но дух его не уничтожен»[2]. Эту книгу Наполеон, между прочим, взял с собой в поход на Россию[3].

Русский командный состав, хотя в целом и уступал наполеоновскому, был представлен в 1812 г. не только высокородными отечественными и чужеземными бездарностями вроде И. В. Васильчикова и Ф. О. Паулуччи, Ф. Ф. Эртеля и П. А. Шувалова, Евгения Вюртембергского и Карла Мекленбургского, но и талантливыми генералами, иные из которых могли поспорить с маршалами Наполеона. Первыми в ряду таких генералов (не считая пока оказавшегося в начале войны не у дел Кутузова) стояли Барклай и Багратион.

Михаил Богданович Барклай де Толли (1757–1818) – потомок шотландских дворян, переселившихся к концу XVII в. в Лифляндию, сын бедного армейского поручика – достиг высших армейских чинов и должности военного министра благодаря своим дарованиям, трудолюбию и доверию, которое с 1807 г. прозорливо возымел к нему Александр I. Дальновидный и осмотрительный стратег («русский

[1] Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 54.

[2] Вильсон Р. Краткие замечания о свойствах русского войска. СПб., 1812. С. 14.

[3] См.: Chuquet A. 1812: La Guerrre de Russie. Notes et documents. P., 1912. T. 3. P. 3.

Даву», как называл его Багратион), «мужественный и хладнокровный до невероятия» воин, «великий муж во всех отношениях» (так отзывались о нем Денис Давыдов, декабристы А. Н. Муравьев и М. А. Фонвизин)[1], Барклай, однако, слыл в представлении многих современников, а также историков, и «нерешительным», и «ограниченным»[2]. Но, несмотря на все метаморфозы его прижизненной и посмертной славы, он еще в XIX в. заслужил признание крупнейших умов России и Запада. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, Барклай де Толли «был бесспорно лучший генерал Александра»[3], а на взгляд А. С. Пушкина, «стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории»[4].

Военачальником совсем иного склада ума, характера, темперамента и происхождения был князь Петр Иванович Багратион (1769–1812) – отпрыск грузинской царской династии Багратионов, потомок Давида Строителя, правнук царя Вахтанга VI, любимый ученик и сподвижник Суворова – «генерал по образу и подобию Суворова», как его называли[5]. Посредственный стратег, он тогда не имел себе равных в России как тактик, мастер атаки и маневра (можно сказать: «русский Ней»). Стремительный и неустрашимый, с открытой, пылкой и щедрой душой, кумир солдат, воин до мозга костей, Багратион к 1812 г. был самым популярным из русских генералов – не только в самой России, но и за границей. «Краса русских войск», – говорили о нем его офицеры. Г. Р. Державин многозначаще «уточнил» его фамилию: *«Бог-рати-он»*. Наполеон после войны с Россией 1805–1807 гг. заключил, что из русских полководцев «лучше всех Багратион»[6].

Отдельными соединениями в армиях Барклая и Багратиона командовали генералы, уже прославившие себя в многочисленных войнах трех последних царствований: генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский (1771–1829) – предприимчивый, отважный, бескорыстный и великодушный герой, о котором Наполеон говорил: «Этот русский генерал сделан из того материала, из которого делают

---

[1] Давыдов Д. В. Соч. С. 529; Фонвизин М. А. Соч. и письма. Т. 2. С. 160; Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 171.

[2] Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9. С. 81; Колюбякин Б. М. 1812 год // Русская старина. 1912. № 6. С. 475; Ростунов И. И. П. И. Багратион. М., 1957. С. 220; Гарнич Н. Ф. Указ. соч. С. 100.

[3] Макс. К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 94.

[4] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 1. С. 217.

[5] ВУА. Т. 16. С. 28.

[6] Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 31.

маршалов»[1]; генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1759–1816) – живое воплощение воинского долга, само вдохновение и натиск при успехе, сама выдержка и стойкость при неудаче: «Если он где встанет, – говорили о нем солдаты, – надобно туда команду с рычагами посылать, а так его не сковырнешь»[2]; генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов (1751–1818) – легендарный атаман Войска Донского, «вихорь-атаман», «русский Мюрат», как его называли, дерзкий, напористый, неутомимый; генерал-лейтенант Петр Петрович Коновницын (1764–1822), который впечатляюще соединял в себе барклаевское хладнокровие, багратионовский порыв и дохтуровскую скромность, отец двух декабристов и дочери-«декабристки»; генерал-майор Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) – будущий «проконсул» Кавказа, друг и покровитель А. С. Грибоедова и многих декабристов, человек блестящей одаренности, в котором все было крупно – рост, фигура («голова тигра на геркулесовом торсе», по выражению А. С. Пушкина[3]), ум, характер, темперамент, дар слова, – в одном лице вольнодумец, мудрец, хитрец и храбрец.

Были в русской армии 1812 г. и другие незаурядные военачальники: по-суворовски энергичный, хотя и несколько легкомысленный генерал от инфантерии Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825), которого Кутузов хвалил: «Ты ходишь быстрее, чем летают ангелы»[4]; умный, прямодушный и благородный генерал-лейтенант Александр Иванович Остерман-Толстой (1770–1875), нравственные достоинства которого высоко ценили А. И. Герцен и Ф. И Тютчев; герой суворовской школы и чуть ли не всех войн своего времени генерал-майор Яков Петрович Кульнев (1763–1812), говаривавший: «Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!»[5]; великолепный, с феноменальными способностями, артиллерист и разносторонне талантливый человек (знал 6 языков, писал стихи, музицировал, рисовал), в 22 года уже генерал-майор (!) Александр Иванович Кутайсов (1784– 1812).

Все они, кроме Барклая де Толли[6] (включая тех, кто держался передовых взглядов, как Раевский, Ермолов, Остерман-Толстой, Коновницын), были феодалами, крепостниками. Атаман Платов, это

---

[1] Архив декабриста С. Г. Волконского. Пг., 1918. Т. 1. С. XV.

[2] ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 117.

[3] Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 7. С. 298.

[4] Михайловский-Данилевский А. И. Цит. соч. Т. 3. С. 322.

[5] Отечественная война 1812 г.: Атака у Клястиц. Киев, 1912. С. 21.

[6] В прошении на имя царя об отставке 19 ноября 1812 г. Барклай писал: «Крестьян за собой не имею»: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 698. Ч. 1. Л. 12.

вольнолюбивое «дитя природы», тоже имел крепостных, в числе которых значился Егор Михайлович Чехов – дед Антона Павловича. В 1812 г. перед лицом врага, вторгшегося на русскую землю, они пережили небывалый патриотический подъем, который позволил им в наивысшей мере и с наибольшей пользой для отечества проявить все их способности.

Александр I вполне мог положиться на таких военачальников, но, может быть, под впечатлением Аустерлица и Фридланда, явно их недооценивал. В начале 1812 г. царь так и заявил шведскому атташе: «В России прекрасные солдаты, но бездарные генералы»[1]. Именно поэтому он еще в 1811 г. собирался пригласить для командования русской армией Ж. В. Моро из США, а в 1812 г. – А. Веллингтона из Англии и Ж. Б. Ж. Бернадота из Швеции[2]. По той же причине, когда заполучить иноземца не удалось, царь долго колебался, боясь, что любое из двух возможных его решений (взять ли главное командование на себя или назначить главнокомандующим кого-то другого: Барклая, Беннигсена, Кутузова...) не приведет к добру. Так русская армия в самое трудное время войны надолго оказалась вообще без главнокомандующего.

По должности военного министра фактическим главнокомандующим стал Барклай де Толли, хотя его инициативу стесняло присутствие в 1-й армии самого царя. Именно Барклай разработал главный стратегический план войны, который был утвержден Александром I не позднее марта 1812 г. Вариант «А» этого плана («когда война с нашей стороны откроется наступательною») предписывал «отрезать, окружить и обезоружить войска неприятельские, в герцогстве Варшавском и в королевстве Прусском находящиеся», и затем идти вперед навстречу главным силам Наполеона. Вариант «Б» (оборонительный) гласил: «Продлить войну по возможности» и «при отступлении нашем всегда оставлять за собою опустошенный край». Избрав для отступления маршрут на Москву, Барклай предполагал отступать до тех пор, пока соотношение сил не изменится в пользу России, а для этого он убеждал царя в необходимости собрать «сильные резервы и ополчения» и призывал «обывателей всех близких к неприятелю мест» развернуть народную войну с захватчиками[3].

Все это доказывает, сколь наивны суждения мэтра французского наполеоноведения Жана Тюлара о том, что отступление россиян

---

[1] Россия и Швеция: Документы и материалы 1809–1818. М., 1985. С. 100.

[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 168; Пугачев В. В. Подготовка России к войне с Наполеоном в 1810–1811 гг. // Учен. зап. Горьковского ун-та. 1964. Вып. 72. Ч. 1. С. 97.

[3] ВУА. Т. 13. С. 409, 414; Т. 17. С. 158, 179.

в 1812 г. «не было преднамеренным» и что «русские генералы отступали не по заранее намеченному маршруту, а в страхе перед Наполеоном и реальностью его победы»[1].

Мало того, Александр I держал при себе, как бы в запасе, другой план, автором которого был главный военный советник царя с 1806 г., его «духовник по военной части»[2], прусский генерал Карл Людвиг Август Фуль. Исходные позиции этого плана совпадали с вариантом «Б» плана Барклая. План Фуля тоже предписывал 1-й армии отступать – до укрепленного лагеря в г. Дрисса (ныне – Верхнедвинск в Беларуси), где Барклай должен был принять на себя удар Наполеона, между тем как Багратион ударит во фланг и в тыл французам[3].

13 июня Александр I подписал приказ по армиям и манифест о войне с Францией. В них впечатляли эффектные концовки. В приказе: «Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего – Бог!»; в манифесте: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем!»[4] В тот же день Александр отправил к Наполеону министра полиции А. Д. Балашова с письмом, где говорилось: «Если Вы согласны вывести свои войска с русской территории, я буду считать, что все происшедшее не имело места, и достижение договоренности между нами будет еще возможно»[5]. Сам царь не верил, что Наполеон, уже перебросивший в Россию полмиллиона солдат, теперь вернет их обратно ради «достижения договоренности». Но для Александра было важно в столь критический момент продемонстрировать перед Европой свое миролюбие. «Пускай будет известно Европе, – напутствовал он Балашова, – что начинаем войну не мы»[6].

Наполеон принял Балашова, уже вступив в Вильно, откуда только что ушла армия Барклая де Толли. «Будем договариваться сейчас же, здесь, в самом Вильно, – предложил император. – Поставим свои подписи, и я вернусь за Неман»[7]. Не довольствуясь этим унизительным для национального достоинства России предложением, он от-

---

[1] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 322.

[2] Пресняков А. Е. Александр I. Пб., 1924. С. 132.

[3] Подробно об этом плане см.: Омельянович Н. План Фуля. СПб., 1898. О самом Фуле: Фрейганг А. В. Барон Карл фон Фуль // Русская старина. 1870. № 4. С. 515–518.

[4] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 443; Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1 (далее – ПСЗ). Т. 32. С. 354.

[5] Tatistcheff S. Op. cit. P. 587–588.

[6] Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 15.

[7] Fain A. Manuscrit de l'an 1812. P., 1827. T. 1. P. 190.

правил с Балашовым письмо к Александру, оскорблявшее монаршую гордость царя: «Если бы Вы не переменились с 1810 г., если бы Вы, пожелав внести изменения в Тильзитский договор, вступили бы в прямые, откровенные переговоры, Вам принадлежало бы одно из самых прекрасных царствований в России <...>. Вы испортили все свое будущее»[1]. И менторский тон этого послания, и в особенности тот апломб, с которым Наполеон, вторгшийся на русскую землю, заранее перечеркивал «все будущее» Александра I, болезненно ранили самолюбие царя. С той минуты, когда царь прочел это письмо, он в еще большей степени стал воспринимать Наполеона как *личного* врага. «Наполеон или я, он или я, но вместе мы существовать не можем!» – вырвалось у него в разговоре с флигель-адъютантом А. Ф. Мишо[2].

Апломб Наполеона казался тогда оправданным. При том соотношении сил между Россией и Францией, которое сложилось к 1812 г., Наполеон вполне мог рассчитывать на успех. Все сугубо военные факторы он предусмотрел. Не учел он одного привходящего обстоятельства, которое, собственно, и решило исход войны, а его погубило: он не учел, что вместе с армией поднимется на борьбу с нашествием весь русский *народ*.

Каким же был план действий Наполеона в начале войны 1812 г.? Его целью было разгромить русские армии в приграничных сражениях *на русской земле*, «наказать» таким образом российского императора за нарушение условий Тильзитского договора и принудить его к миру, выгодному для Франции, т. е. главным образом к соблюдению континентальной блокады[3]. Здесь надо отбросить распространенную версию, будто Наполеон «всегда (и в 1812 г. тоже. – *Н. Т.*) стремился решать исход войны в одном генеральном сражении», отличаясь тем самым от М. И. Кутузова, который полагал, что «исход войны решается не одним, а несколькими сражениями»[4].

---

[1] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 3.

[2] Военский К. А. Две беседы полковника А. Ф. Мишо с императором Александром I в 1812 г. СПб., 1904. С. 14.

[3] Распространенные в трудах советских и постсоветских историков (П. А. Жилина, Л. Г. Бескровного, Б. А. Костина и др.) домыслы, что Наполеон якобы планировал «захватить», «поработить» и даже «стереть с лица земли» Россию, превратить ее народы «в своих рабов», нельзя принимать всерьез.

[4] История военного искусства. М., 1963. Т. 1. С. 179; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 122; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 595, 597; Окунь С. Б. История СССР. Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 6; Жилин П. А. О войне и военном искусстве. М., 1984. С. 501; Шишов А. В. Указ. соч. С. 252 и др.

Надуманность этой версии настолько очевидна, что доверие к ней сонма историков кажется невероятным. Ведь и до 1812 г. Наполеон *никогда* не решал исхода какой бы то ни было из своих войн в одном сражении, и в 1812 г. такой оборот дела заведомо исключался хотя бы потому, что перед Наполеоном (он это знал) стояли вразброс на 850 км три русские армии, и при всем желании он не мог планировать победу над ними в одном сражении.

Поставив перед собой цель победить Россию и навязать ей мир с позиции победителя, Наполеон полагал, что верховная власть – после стольких дворцовых переворотов XVIII в.[1] – не может быть прочной. Учитывал он и другие слабости царского режима: тяготы крепостного права, вражду сословий, уродливость феодальной бюрократии, архаизм рекрутчины. В самом начале войны Наполеон рассчитывал даже на оптимальный вариант своего плана, согласно которому первая же победа Великой армии заставит Александра I из страха, с одной стороны, перед французским нашествием, а с другой – перед угрозой нового дворцового переворота вступить в переговоры о мире. У берегов Немана Наполеон заявил А. Коленкуру: «Меньше чем через два месяца Россия запросит мира»[2]. В расчете на скоротечную войну и были сгруппированы еще до перехода через Неман все силы армии вторжения.

Чтобы разобщить и разгромить по частям русские войска, Наполеон осуществил клинообразное выдвижение от Немана на восток трех больших групп Великой армии: одну (220 тыс. человек) он повел сам против Барклая де Толли, другую (70 тыс.) – под командованием вестфальского короля Жерома Бонапарта – направил против Багратиона, а лучший из французских маршалов Л. Н. Даву во главе третьей группы войск (50 тыс.) «должен был броситься между этими двумя армиями (Барклая и Багратиона. – *Н. Т.*), чтобы не допустить их соединения»[3]. На север, против корпуса Эссена, был выдвинут корпус маршала Ж.-Э. Макдональда; на юг, против армии Тормасова, – два вспомогательных корпуса: саксонский (генерала Ж.-А. Ренье) и австрийский (генерала князя К. Ф. Шварценберга). Наполеон высказал пожелание, чтобы австрийским корпусом командовал эрцгерцог Карл, но тот уклонился от такого назначения. Что же касается Шварценберга, то он действовал с учетом достигнутой

[1] С 1725 по 1801 г. в России произошло шесть дворцовых переворотов: были свергнуты три царя, два временщика и одна «правительница», причем все трое царей (Иван VI, Петр III и Павел I) были убиты.

[2] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 86.

[3] Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Т. 5. С. 274.

в июне 1812 г. тайной договоренности Франца I с Александром I. Наполеон, по справедливому замечанию Ярослава Шедивы, «и не предполагал, что был с ходу предан и что Шварценберг пытается вести лишь "теневую войну"»[1].

Начиная спланированную таким образом операцию, которая получила название Виленской, Наполеон рассчитывал принудить 1-ю и 2-ю русские армии к сражению *порознь*, не дав им соединиться. «Теперь, – объявил он перед началом операции, – Багратион с Барклаем уже более не увидятся»[2].

3. От Немана до Москвы

Тем временем Барклай де Толли повел свои войска из района Вильно в Дрисский лагерь, отправив курьера к Багратиону с директивой: отступать от Белостока на Минск для взаимодействия и последующего соединения с 1-й армией[3]. 29 июня 1-я армия сосредоточилась в Дриссе, и здесь Барклай сумел убедить Александра I отказаться от плана Фуля, ибо местный лагерь при сравнительной малочисленности русской армии и слабости укреплений мог стать для нее только ловушкой и могилой[4]. Александр 27 июня отдал было приказ по армии быть готовой к наступлению – с патриотической ссылкой на годовщину Полтавской битвы 1709 г. («нынешний день ознаменован Полтавскою победою»), – чтобы, следуя плану Фуля, ударить по врагу и «принудить его склониться к миру, который увенчает славу российского оружия»[5]. Однако, выслушав доводы Барклая, царь увидел вздорность и гибельность плана Фуля, а на самого Фуля, с которым раньше не разлучался, и смотреть перестал[6].

2 июля 1-я армия оставила Дриссу – и очень своевременно. Наполеон приготовился было зайти к ней под левый фланг со стороны Полоцка и заставить ее сражаться с перевернутым фронтом, но не успел осуществить этот маневр. По его признанию, он не ожидал, что русская армия «не останется долее трех дней в лагере, устройство которого стоило нескольких месяцев работы и огромных издержек»[7].

---

[1] Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 150, 152.

[2] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 85.

[3] ВУА. Т. 13. С. 156.

[4] Попов А. Н. Эпизоды из истории 12-го года // Русский архив. 1892. № 4. С. 444–445.

[5] РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 1022. Л. 3.

[6] См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 486.

[7] Жомини А. Цит. соч. Т. 5. С. 290.

Барклай де Толли и за три дня пребывания в Дриссе успел сделать для русской армии много полезного. И, пожалуй, главное: он сумел выпроводить из армии (разумеется, деликатно и верноподданно) Александра I. Царь мешал Барклаю и чувствовал себя в армии неуютно: случись позор нового Аустерлица, как его пережить? Поэтому он внял уговорам самых доверенных лиц из своего окружения – А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова и государственного секретаря А. С. Шишкова, которые по подсказке Барклая внушали царю, что он будет более полезен отечеству как правитель в столице, нежели как военачальник в походе. Правда, Аракчеев поначалу заколебался, следует ли разлучать государя с армией, но Шишков урезонил его таким аргументом: «Если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще не велика!»[1] В ночь на 7 июля в Полоцке Александр оставил армию, и Барклай де Толли, уклоняясь от ударов Наполеона, повел ее к Витебску на соединение с Багратионом.

Между тем армия Багратиона оказалась в критическом положении. 26 июня Даву взял Минск и отрезал ей путь на север. С юга наперерез Багратиону шел Жером Бонапарт, который должен был замкнуть кольцо окружения вокруг 2-й армии у г. Несвижа. Корпус Даву (без двух дивизий, выделенных против Барклая) насчитывал 40 тыс. человек, у Жерома в трех корпусах его группы было 70 тыс.[2] Багратион же имел не более 49 тыс. человек. Ему грозила верная гибель. «Куда ни сунусь, везде неприятель, – писал он на марше 3 июля А. П. Ермолову. – Что делать? Сзади неприятель, сбоку неприятель... Минск занят и Пинск занят»[3].

Вестфальский король Жером («король Ерёма», как прозвали его русские офицеры) в 1812 г. впервые был на войне. Молодой (27 лет), легкомысленный, празднолюбивый, он и в походе, несмотря на то что Наполеон требовал от него «величайшей активности», больше отдыхал, чем действовал: 4 дня «отгулял» в Гродно и далее шел к Несвижу такой поступью, что Э. Лависс и А. Рамбо могли только воскликнуть на страницах своей «Истории»: «Он сделал 20 миль в 7 дней!»[4] В результате Жером, хотя и имел преимущество перед Багратионом на пути к Несвижу в два перехода, опоздал сомкнуть вокруг русской армии французские клещи. Багратион ушел.

---

[1] См.: Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 146–147.

[2] Chambray G. Op. cit. T. 1. P. 199–200.

[3] ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 193.

[4] Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1906. Т. 2. С. 163.

Наполеон был в ярости. «Все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только мог представиться на войне, – отчитывал он Жерома, – потеряны вследствие этого странного забвения элементарных правил войны»[1]. Действительно, «король Ерёма» презрел одно из главных правил Наполеона: «Сила армии, как в механике, измеряется массой, умноженной на скорость»[2]. С досады Наполеон подчинил короля Жерома маршалу Даву, который был «только» князем и герцогом. Жером, обидевшись на это, оставил все свои войска (потеряв при этом еще более суток) и 4 июля уехал к себе в Вестфалию[3].

«Насилу вырвался из аду, – написал Багратион Ермолову 7 июля. – Дураки меня выпустили»[4].

Наши историки (советские и постсоветские) объявляют спасительный марш 2-й армии «большим воинским мастерством», «искусным маневрированием» Багратиона[5]. А вот сам Багратион понимал, что, если бы не гродненский «загул» Жерома («дураки меня выпустили!»), никакое искусство маневра не спасло бы 2-ю армию от гибели.

Впрочем, положение 2-й армии оставалось все еще опасным. Она шла через Несвиж и Могилев к Витебску на соединение с 1-й армией – шла истинно суворовскими маршами, делая по 45, 50 и даже 70 км в сутки[6]». Быстроте маршей 2-й армии и великий Суворов удивился бы», – не без гордости писал Багратион Александру I 10 июля на подходе к Могилеву[7]. Но, как ни спешил Багратион, Даву опередил его и 8 июля занял Могилев.

11 июля у д. Салтановка южнее Могилева Багратион попытался прорваться на север сквозь заслоны Даву. В ожесточенном бою, несмотря на героизм воинов особо отличившегося здесь генерала Н. Н. Раевского, Даву отбил все русские атаки. Багратион был вынужден отказаться от Могилева, а стало быть, и от Витебска и повел свою армию кружным путем к Смоленску. Даву мог быть доволен,

---

[1] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 20.

[2] Palluel A. Op. cit. P. 85.

[3] Fabry L. Campagne de Russie (1812). P., 1900. T. 1. P. 239, 477.

[4] ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 195.

[5] Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 100; Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 107–108; Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 284; Фролов Б. П. Указ. соч. С. 133–134.

[6] Неверовский Д. П. Записка о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. № 1. Отд. 5. С. 77; Андреев Н. И. Из воспоминаний // Русский архив. 1879. № 10. С. 181, 182.

[7] ВУА. Т. 14. С. 81.

что он вновь (как и в Минске) не позволил Багратиону прорваться на соединение с Барклаем де Толли. Тем самым «железный маршал» облегчал Наполеону решение его главной задачи – разгромить армию Барклая. Зато Багратион вырвался из-под нависшей над ним угрозы окружения и открыл себе хотя и окольный, дальний, но уже сравнительно безопасный путь к соединению с Барклаем – на Смоленск. Отныне можно было считать, что 2-я армия спасена.

Вернемся теперь к армии Барклая де Толли, которую мы оставили на пути от Полоцка к Витебску.

11 июля, в тот день, когда Багратион под Салтановкой шел на прорыв через Могилев к Витебску, Барклай привел 1-ю армию в Витебск. Здесь он решил подождать Багратиона. Барклай знал, что Наполеон настигает его, но французские корпуса подходят к Витебску по частям, а корпус Даву – лучший, сильнейший из всех – рассредоточен далеко к югу. В то же время буквально с часу на час ожидалась весть о прорыве армии Багратиона. Увы! К утру 15 июля в лагерь Барклая примчался адъютант Багратиона князь А. С. Меншиков[1]: Багратион извещал, что ему не удалось пробиться через Могилев и что он узнал о движении войск Даву к Смоленску[2].

Теперь обстановка резко изменилась. Барклай уже не мог рассчитывать под Витебском на Багратиона. Между тем к Наполеону подходили все новые и новые силы. Снова возникла угроза разъединения русских армий и окружения одной из них. Надо было отвести эту угрозу и успеть к Смоленску раньше Даву. Барклай пошел на военную хитрость.

Тот факт, что 1-я армия была сосредоточена в самом Витебске и вокруг него, подсказывал Наполеону желанный для него вывод: Барклай решился на генеральное сражение. Чтобы не спугнуть Барклая, Наполеон не стал беспокоить его 15 июля, дав возможность собраться с силами, но подтянул при этом и свои силы. Огни в русском лагере горели до поздней ночи. Глядя на них, Наполеон проследил за тем, как расположилась на ночь Великая армия, и, «прощаясь с Мюратом, сказал, что завтра в 5 часов утра он начнет генеральное сражение»[3].

Перед рассветом ординарец Мюрата разбудил Наполеона: Барклай ушел! Оставив на месте биваков огромные костры, которые

---

[1] Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) – правнук генералиссимуса А. Д. Меншикова, будущий генерал, адмирал, академик, главнокомандующий вооруженными силами России в Крымской войне на ее крымском театре, светлейший князь.

[2] См.: Харкевич В. И. Цит. соч. С. 189.

[3] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 521.

до утра вводили французов в заблуждение, Барклай ночью тихо тремя колоннами увел свою армию к Смоленску. Там, в Смоленске, 22 июля обе русские армии соединились.

Таким образом, расчеты Наполеона на разгром русских армий поодиночке уже в приграничье рухнули. Мало того, он сам вынужден был все больше распылять свои силы. Беспокоило его положение на флангах Великой армии – северном и южном. На севере Макдональд 20 июля взял Динабург, но потом застрял между Динабургом и Ригой, которую должен был и мог бы взять с ходу, но даже не попытался этого сделать[1]. Отныне и до конца войны он пребывал в бездействии, потому что не верил войскам собственного корпуса, половину которых составляли пруссаки, а другую половину – поляки, баварцы и вестфальцы; французским был только штаб[2].

После того как Барклай де Толли 5 июля выдвинул на петербургское направление 25-тысячный корпус П. Х. Витгенштейна, Наполеон сразу отделил от Великой армии корпус Н.-Ш. Удино – маршала более решительного, чем Макдональд, и с более надежными войсками в 28 тыс. человек. Удино должен был взаимодействовать с Макдональдом, вместе с ним разбить Витгенштейна и наступать на Петербург[3]. Но Макдональд медлил, хотя и бранил за медлительность подчиненного ему прусского генерала Ю. Граверта: «ползет, как гусеница»[4]. Пока он подбирался к Динабургу, Удино и Витгенштейн 18–19-го, а затем 20 июля обменялись ударами.

18 июля под Клястицами арьергард Витгенштейна под командованием Я. П. Кульнева атаковал и разбил авангард войск Удино, захватив даже личный обоз маршала и 900 пленных. Но на следующий день Кульнев, устремившийся в погоню за разбитым противником, натолкнулся у Боярщины на главные силы Удино, был разбит и сам, первым из русских генералов 1812 г., пал в бою. По общепринятой версии, французское ядро оторвало ему обе ноги, когда он отступал в последних рядах своих воинов[5]. Есть и другая версия, исходящая от барона М. Марбо, бывшего участником этого боя: сразил Кульнева некий «вахмистр Лежандр», «вонзив ему в грудь саблю»[6]. Теперь

---

[1] См.: Жамов В. Е. Отечественная война 1812 г.: Операции в направлении Тильзит – Митава – Рига. Рига, 1912. С. 138–140.

[2] Macdonald J. Souvenirs. P., 1892. P. 180.

[3] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 97 (приказ Наполеона маршалу Удино от 11 июля 1812 г.).

[4] Жамов В. Е. Указ. соч. С. 54.

[5] См.: Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 127–128; Розеншильд-Паулин А. К. Любимец России, или Храбрый Кульнев. М., 2005. С. 209.

[6] Марбо М. де. Мемуары. М., 2005. С. 544.

уже маршал Удино попытался было развить свой успех, но у с. Головщина был отбит и отошел к Полоцку.

Наполеон, следивший за ходом дел на своих флангах, оценил по достоинству и пассивность Макдональда, и активность Витгенштейна, которого к тому же в любой момент могли поддержать корпуса И. Н. Эссена и Ф. Ф. Штейнгейля. Поэтому Наполеон подкрепил силы Удино корпусом генерала Л.-Г. Сен-Сира. Тем самым он, хотя и обезопасил свой левый фланг, еще более ослабил центр Великой армии.

Не добился Наполеон решающего успеха и на своем правом фланге. Здесь 15 июля под Кобрином две русские дивизии (К. О. Ламберта[1] и Е. И. Чаплица) из 3-й армии окружили бригаду генерала М. Кленгеля из саксонского корпуса и заставили ее сложить оружие. То была *первая* в 1812 г. русская победа[2].

Наполеон был раздосадован и встревожен. 21 июля, узнав о Кобрине, он приказал К. Ф. Шварценбергу, чтобы тот «с двумя корпусами (австрийским и саксонским. – *Н. Т.*) пошел на Тормасова, дал бы ему сражение и преследовал бы его повсюду до тех пор, пока не разобьет»[3]. Под впечатлением Кобрина Наполеон изменил свое намерение (ранее согласованное с императором Австрии) включить корпус Шварценберга в центральную группу войск и оставил австрийцев вместе с саксонцами против 3-й армии[4]. Таким образом, Наполеон признал, что он ошибся в расчете нейтрализовать армию А. П. Тормасова силами одного корпуса Ж.-Л. Ренье. Теперь, исправив эту ошибку, он обрекал себя на то, что позднее, при Бородине, недосчитается «тех 30-ти (по крайней мере) тысяч солдат, которых мог привести к нему еще в Витебске князь Шварценберг»[5]. Более того, часть сил Шварценберга и целую дивизию польского генерала Я. Г. Домбровского Наполеон вынужден был отрядить против корпуса Ф. Ф. Эртеля, который закрепился в районе Мозыря.

Как бы то ни было, 31 июля Шварценберг и Ренье выполнили приказ Наполеона и стабилизировали правый фланг Великой армии. В тот день у м. Городечна их корпуса (38 тыс. человек) атаковали Тормасова, который опрометчиво разослал в наступательные рейды больше половины своей армии и остался с 18 тыс. человек. Атаки вел главным образом 13-тысячный корпус Ренье. Шварценберг, распо-

---

[1] Ламберт Карл Осипович (1772–1843) – французский граф, в 1792 г. эмигрировал в Россию, с 1799 г. генерал русской армии.

[2] См.: ВУА. Т. 16. С. 32.

[3] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 116.

[4] Ibid. P. 117–118.

[5] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 525.

лагавший 25 тыс., помогал своему союзнику нехотя, преимущественно артиллерийской канонадой. Тормасов отразил все атаки, но тяжелые потери (до 4 тыс. человек) и видимое превосходство неприятеля заставили его отступить за р. Стырь и далее к Луцку, где он закрепился[1].

Бой у Городечны нельзя признать решительной победой Шварценберга и Ренье. Но инициативу они у Тормасова, безусловно, перехватили. Наполеон был так доволен этим, что исходатайствовал у Франца I фельдмаршальский жезл для Шварценберга[2]. Впрочем, Наполеон не обольщался ни успехом у Городечны, ни самим Шварценбергом, сказав о нем позднее: «Я сделал его фельдмаршалом, но не мог сделать из него генерала»[3].

Итак, война принимала затяжной характер, а этого Наполеон опасался больше всего. Растягивались его коммуникации, отставали обозы, а главное, росли потери: в боях, от дезертирства, болезней и мародерства. Досадуя на затруднения с продовольствием, бездорожье, пространства России, непокорность местного населения, солдаты Великой армии (надо признать, в основном не французских частей, в первую очередь немецких – вестфальских, баварских и пр.) чинили грабежи и насилия, мародерствовали. 2 июля генерал А. Дюронель, который вскоре будет назначен военным комендантом Москвы, почтительно доносил Наполеону, что весь район от Воронова до Лиды в Белоруссии «разграблен войсками Его Величества короля Вестфальского», т. е. Жерома Бонапарта[4].

Наполеон понимал, насколько губительно отражается на моральном духе войск мародерство, и пытался пресечь его суровыми мерами в зародыше. Уже 21 июня в Вильно он приказал судить военным судом всех уличенных в мародерстве, которые тем самым «позорят имя француза», и казнить их в 24 часа[5]. В архиве Санкт-Петербургского ИРИ РАН хранятся подлинные экземпляры приказов Наполеона и смертных приговоров военного суда от 8, 9, 11 июля (н. ст.), согласно которым расстреливались порознь и партиями солдаты и чиновники за грабежи и «грубое обращение» с местными жителями[6]. Однако даже такие крайние меры не давали желаемого эффекта, ибо применялись не везде и не всегда. Гвардия не грабила, по-

---

[1] См.: Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823. Ч. 1. С. 407; Fabry L. Op. cit. T. 4. P. 104.

[2] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 178.

[3] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 187.

[4] Fabry L. Op. cit. T. 5. P. 76.

[5] Chambray G. Op. cit. T. 1. P. 374–375.

[6] СПб ИРИ РАН. Ф. 226. Оп. 1. Д. 365. Л. 1, 3; Д. 366. Л. 1, 2.

тому что ни в чем не нуждалась. Из армейских же корпусов только 1-й корпус Даву сохранял примерную дисциплину: «...беспощадный маршал не допускал мародерства, и его расправа была коротка»[1]. Другие корпуса – одни в меньшей, другие в большей степени – мародерством грешили.

Между тем возможность использовать местные ресурсы сводилась к минимуму, почти к нулю из-за сопротивления народа. Следуя «русскому правилу “Не доставайся злодею!”», горожане и крестьяне повсеместно сжигали продовольствие, угоняли скот, а сами уходили вместе с армией, в ополчение и в партизаны. «Лошади и скот – все исчезало вместе с людьми, и мы, – вспоминал А. Коленкур, – находились как бы среди пустыни»[2]. Наполеон уже предчувствовал, что ему «предстоит новая Испания, но Испания без границ»[3].

Узнав о соединении армий Барклая де Толли и Багратиона в Смоленске, Наполеон утешился было надеждой вовлечь россиян в генеральное сражение за Смоленск как «один из священных русских городов» (это – его выражение[4]) и разгромить сразу обе их армии. Кстати, Александр I в письме к Барклаю радостно признал, что соединение двух армий произошло «противно всякому вероятию»[5]. Зато боевой дух обеих армий был теперь выше «всякого вероятия». В такой ситуации и с учетом того обстоятельства, что численное превосходство французов на главном театре военных действий уже перестало быть угрожающим (обе русские армии насчитывали 130 тыс. человек, а Наполеон, по данным русской разведки, имел не более 150 тыс.)[6], Барклай решил дать противнику сражение за Смоленск. Наполеон мог только радоваться такому решению: казалось, долгожданная, решающая все и вся победа – в его руках, но... только показалось.

Три дня, с 4 по 6 августа, корпуса Н. Н. Раевского и Д. С. Дохтурова с отдельными дивизиями П. П. Коновницына, Д. П. Неверовского и принца Е. Вюртембергского защищали город от подходивших, один за другим, трех пехотных и трех кавалерийских корпусов про-

---

[1] Колачковский К. Записки // Военский К. А. Ист. очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 221. См. также: Арнольди К. К. Французы в Москве в 1812 г. // Русская старина. 1873. № 8. С. 236.

[2] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 104.

[3] Жомини А. Цит. соч. Т. 5. С. 308.

[4] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 113.

[5] М. И. Кутузов: Сб-к документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 475.

[6] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 221; Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 131–132.

тивника. Когда же Наполеон стянул к Смоленску все свои силы и после уничтожающей артиллерийской бомбардировки начал общий штурм города, Барклай де Толли вновь увел русские войска из-под его удара. 6 августа французы вступили в Смоленск, напоминавший собою, по их впечатлениям, «извержение Везувия», «громадный костер, покрытый трупами и ранеными», «пылающий ад»[1]. К досаде Наполеона, этот «ад» был пуст: не только русские войска, но и почти все жители города оставили его, ушли на восток. Призрак победы, второго Аустерлица, за которым Наполеон тщетно гнался от самой границы, и на этот раз ускользнул от него.

Разочарование Наполеона, не желавшего углубляться в пространства России и потому возлагавшего такие надежды на Смоленск, было столь велико, что он решил даже закончить «первую русскую кампанию» в Смоленске. «Мы отдохнем, опираясь на этот пункт, – так объяснил он свой план соратникам, – организуем страну и тогда посмотрим, каково будет Александру <...>. Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, если будет нужно, идти ли на Москву или на Петербург»[2].

Шесть дней размышлял Наполеон в Смоленске и вынужден был от этого плана отказаться. Выяснилось, что зимовать в Смоленске нельзя, так как прокормиться за счет местных ресурсов армия не могла, а подвоз продовольствия из Европы сулил чрезмерные расходы и трудности. Приходилось думать о прекращении уже не одной кампании, а войны вообще.

Именно в Смоленске Наполеон впервые попытался вступить с Александром I в переговоры о мире – через пленного генерала П. А. Тучкова[3]. Предлагая заключить мир, он угрожал на случай отказа: Москва непременно будет занята, а это обесчестит русских, ибо «занятая неприятелем столица похожа на девку, потерявшую честь. Что хочешь потом делай, но честь уже не вернешь!»[4] Александр на это предложение Наполеона (как и на все последующие) не ответил.

---

[1] Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 1. С. 92, 104; Bulletins officiels de la Grande Armée, campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P. 63.

[2] Цит. по: Коленкур А., де. Цит. соч. С. 113.

[3] Тучков Павел Алексеевич (1775–1858) – четвертый из пяти родных братьев, генералов 1812 г., из которых Николай и Александр пали при Бородине, Павел был взят в плен при Лубино, Сергей больше десяти лет безвинно страдал под следствием и только Алексей (дед Н. А. Тучковой-Огаревой) прожил относительно спокойную жизнь.

[4] Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 г. // Русский архив. 1873. № 10. С. 1963.

В ночь на 13 августа Наполеон приказал своим войскам выступать из Смоленска в погоню за русскими армиями, которые ушли по дороге к Москве. Может быть, таким образом он хотел подтолкнуть царя к мирным переговорам, тем более что П. А. Тучков усомнился, возможно ли это. Главное же, Наполеон устремился вперед, к Москве, с надеждой, что если русские сражались так отчаянно за Смоленск, то ради Москвы они обязательно пойдут на генеральное сражение и тем самым позволят ему кончить войну славной, как Аустерлиц или Фридланд, победой.

Тем временем Александр I как глава государства делал все возможное для борьбы с французским нашествием. В день своего отъезда из армии (6 июля) он подписал манифест о созыве «второй ограды» защитников отечества, т. е. народного ополчения. Царь призвал россиян дать общенациональный отпор врагу: «Пусть встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына[1], в каждом гражданине Минина!»[2] Из армии Александр прибыл сначала в Москву, а затем отправился в Петербург – воодушевлять соотечественников на борьбу с врагом. Это ему удалось в обеих столицах. В Москве он был приятно растроган стечением несметных толп народа к Успенскому собору, где царя встречало духовенство. Колокольный звон, море воодушевленных лиц, тысячеголосое «ура» и громозвучные возгласы: «Веди нас, отец наш! Веди, куда хочешь! Умрем или победим!» – все это напоминало Александру «времена Минина и Пожарского» и укрепило его надежды на патриотизм россиян.

Петербург встретил царя не менее жарким проявлением верноподданнического патриотизма. Люди от радости плакали, «хватались за ноги государя, за полы мундира, целовали их и орошали слезами»[3]. В годину вражеского нашествия царь стал вдвойне дорог всем слоям населения как символ отечественной государственности. Он это почувствовал и этим воодушевился. Не довольствуясь мобилизацией двух «оград» национальных сил, он трудился над созданием очередной, шестой по счету, антинаполеоновской коалиции, которую он мог бы возглавить и во главе которой удалось бы наконец разгромить Наполеона. Уже 6 июля Россия заключила договор о союзе и взаимной помощи с Англией, 8 июля – аналогичный договор

---

[1] Палицын Авраамий (Аверкий Иванович) (?–1626) – церковный деятель и писатель, содействовал борьбе ополчения К. М. Минина и Д. М. Пожарского против польских интервентов в 1612 г.

[2] ВПР. Сер. I. Т. 6. С. 495.

[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 89.

с Испанией[1], а 18 августа – дополнительную конвенцию к союзному договору с Швецией. В то же время царские дипломаты энергично пытались и в конце концов, как мы увидим, сумеют привлечь к шестой коалиции Данию, Пруссию, Австрию.

Между тем патриотический подъем нарастал по всей России буквально день ото дня, хотя проявлялся он у различных сословий поразному. Патриотизм подавляющего большинства дворян происходил из их корысти, ибо они сражались за *крепостную* Россию, за сохранение своих богатств и привилегий, за право самим держать в рабстве собственный народ, не уступая этого права кому бы то ни было, Наполеону в особенности. Их энергию подстегивал сословный страх перед Наполеоном как «всемирным бичом» революции, который мог отменить в России крепостное право и тем самым спровоцировать, если не возглавить, новую пугачевщину. Российские помещики так и ругали Наполеона: «французский Пугачев» и даже «брат Емельки Пугачева»[2].

Зато крестьянские массы поднимались на защиту отечества бескорыстно, движимые отнюдь не сословными, а национальными интересами. Для них, в отличие от дворянства, Россия и крепостное право не были синонимами. Они шли в бой «на басурмана» за Россию, которую хотели избавить и от внешнего, и от внутреннего ярма. После победы над национальным врагом, «басурманом», они надеялись получить из рук «царя-батюшки» в награду за свой патриотизм освобождение от собственных господ. При этом ненависть простого люда к Наполеону подогревалась религиозным суеверием, ибо он давно уже воспринимался как антихрист, который теперь привел из-за тридевяти земель орду нехристей истреблять русский народ и православную веру.

Национальное сознание всех россиян – от царя до последнего солдата – не могло мириться с тем, как складывался ход войны. Наполеон занял огромную территорию (больше полудесятка губерний), проник вглубь России на 600 км, создал угрозу обеим ее столицам. За Смоленском русские войска до самой Москвы не имели больше опорного пункта. «Ключ к Москве взят», – так оценил падение Смоленска М. И. Кутузов[3].

В такой ситуации становилось нетерпимым отсутствие главнокомандующего, тем более что 1-я и 2-я армии соединились в одну, а ко-

---

[1] По этому договору Александр I признавал королем Испании не Жозефа Бонапарта, а Фердинанда VII Бурбона.

[2] Бумаги П. И. Щукина. Т. 10. С. 363; Поражение французов на Севере. М., 1814. С. 115; 100 лет назад // Русская старина. 1912. № 7. С. 144.

[3] Русская старина. 1912. № 7. С. 9.

мандующих оставалось двое. Багратион подчинялся Барклаю де Толли как военному министру, но не признавал его главнокомандующим. Искренне полагая, что Великая армия Наполеона «есть сущая сволочь», которую можно «шапками закидать», Багратион отвергал дальновидную стратегию Барклая и ставил ему в вину не только сдачу Смоленска («подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию»)[1], но и потерю огромных пространств России. Поклонник суворовского изречения «Русак – не рак, задом ходить не умеет», Багратион в июльские дни 1812 г. жаловался А. А. Аракчееву: «Русские не должны бежать. Это хуже пруссаков мы стали»[2].

Между собой оба главнокомандующих пикировались, как фельдфебели. «Ты немец! – кричал пылкий Багратион. – Тебе все русское нипочем!» «А ты дурак, – отвечал невозмутимый Барклай, – хоть и считаешь себя русским!» Начальник штаба 1-й армии А. П. Ермолов в тот момент сторожил у дверей, отгоняя любопытных: «Командующие очень заняты. Совещаются между собой»[3].

Почти все генералы и офицеры обеих армий, симпатизируя Багратиону, исподтишка бранили и высмеивали Барклая де Толли, фамилию которого они переиначили в «Болтай да и Только», как «немца» и даже «изменщика»[4]. Среди солдат отношение к Барклаю как к «изменщику» было устойчивым, поскольку все «видели» неопровержимые «доказательства» его измены: Барклай «отдает Россию», а сам он «немец», значит – «изменщик»[5].

Пересуды о Барклае де Толли шли не только в армии, но и в обществе – по всей России. «Благородное российское дворянство» презирало его, царский двор третировал, alter ego царя Аракчеев ненавидел[6].

Сам Александр I, хотя и доверял Барклаю, тоже был недоволен его «отступательными движениями». «С прискорбностью должен был видеть, – упрекал царь Барклая, – что сии движения продолжались до Смоленска»[7]. Теперь, после Смоленска, вдвойне нетерпимым

---

[1] Дубровин Н. Ф. Отечественная война... С. 9, 96; ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 194.

[2] ВУА. Т. 16. С. 216.

[3] Жиркевич И. С. Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 648.

[4] Муравьев А. Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9. С. 49.

[5] Митаревский Н. Е. Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 46–47.

[6] Автобиографическая записка гос. секретаря В. Р. Марченко // Русская старина. 1896. № 3. С. 492.

[7] Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов... 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 28, 29.

для военной и чиновной элиты, включая самого царя, стало не только угрожающе затянувшееся отступление россиян по пути к Москве, но и отсутствие главнокомандующего при наличии двух командующих на этом пути. Распря между Барклаем де Толли и Багратионом зловеще иллюстрировала парадокс Наполеона: «Один плохой главнокомандующий лучше, чем два хороших».

Александр I понимал, что нужен главнокомандующий, облеченный доверием нации, и притом с русским именем. Выбор кандидата на пост главнокомандующего он доверил Чрезвычайному комитету из высших сановников империи. Возглавил комитет председатель Государственного совета генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков (бывший воспитатель юного Александра Павловича). В его доме 5 августа комитет провел свое единственное, ставшее историческим, заседание. Как личный представитель царя в заседании принял участие А. А. Аракчеев. Именно по его докладу было принято решение, которое Аракчеев и подписал вместе с членами комитета.

Чрезвычайный комитет рассмотрел шесть кандидатур: Л. Л. Беннигсена, Д. С. Дохтурова, П. И. Багратиона, А. П. Тормасова, П. А. Палена и М. И. Кутузова. Работал он по методу исключения: последовательно отверг, одну за другой, пять кандидатур, а шестую, названную последней, *единогласно* рекомендовал императору для избрания. То была кандидатура Кутузова.

Генерал от инфантерии с 1798 г. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813 гг.) как самый старший по возрасту и службе из всех действующих генералов, сподвижник П. А. Румянцева и А. В. Суворова, истинно русский барин, род которого уходил корнями в XIII в., имел очевидное преимущество перед другими кандидатами в главнокомандующие. Было ему уже 67 лет (жить оставалось всего 8 месяцев). Боевой опыт Кутузова исчислялся в полвека. Генералом он стал в 1784 г., раньше, чем Наполеон лейтенантом. В молодости ему дважды прострелили голову, но оба раза он, к удивлению русских и европейских медиков, выжил. Его правый глаз выбила турецкая пуля в битве под Алуштой, когда ему было 28 лет. После этого он отличился не в одном десятке походов, осад, сражений, штурмов. К 1812 г. Кутузов прочно зарекомендовал себя как мудрый стратег и блистательный дипломат («Хитер, хитер! Умен, умен! Никто его не обманет! – говорил о нем Суворов[1]), а воспоминания о давней катастрофе под Аустерлицем затмило впечатление от его недавних побед над турками под Рущуком и Слободзеей.

[1] Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 555.

Грандам Чрезвычайного комитета импонировала и феодальная состоятельность Кутузова. По титулу единственный среди шести кандидатов *светлейший князь*, он получил только за 1793–1799 гг. от Екатерины II и Павла I 5667 крепостных «душ», в отличие от худородного Барклая де Толли, который вообще не имел крепостных.

Итак, Чрезвычайный комитет отдал предпочтение Кутузову, основываясь на формально неоспоримых критериях. Единственное, что могло остановить «комитетчиков» перед таким выбором, – это личная антипатия царя к их избраннику. Они знали, что Александр I после Аустерлица терпеть не мог этого, как он выражался, «одноглазого старого сатира», который не осилил Наполеона и тем опозорил своего государя перед отечеством и Европой. Комитет, однако, не усмотрел в этом серьезного препятствия для себя, полагаясь на то, что кандидатуру Кутузова поддержал Аракчеев.

Да, Александр I согласился с выбором Чрезвычайного комитета и 8 августа назначил Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями, хотя и скрепя сердце. «Я не мог поступить иначе, – объяснил он сестре Екатерине Павловне, – как выбрать из трех генералов, *одинаково мало способных быть главнокомандующими* (царь имел в виду Барклая де Толли, Багратиона и Кутузова. – *Н. Т.*), того, на которого указывал общий голос»[1].

Как же встретила русская армия назначение и приезд Кутузова? Расхожее мнение, будто Кутузов был встречен «всеобщим, от солдата до генерала, ликованием»[2], приукрашивает истинную картину. Генералитет, который хорошо знал Михаила Илларионовича не только как военачальника, но и как царедворца, просто как личность, отреагировал на его явление в качестве главнокомандующего неоднозначно. Пожалуй, только Барклай де Толли, хотя и был задет назначением Кутузова больше, чем кто-либо, воспринял его благородно. «Счастливый ли это выбор, только Богу известно, – написал он 16 августа жене. – Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления»[3].

---

[1] Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87. Советские и постсоветские историки (П. А. Жилин и Л. Г. Бескровный, О. В. Орлик и В. Г. Сироткин, Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев) цитируют это письмо царя с непременным *изъятием* выделенных слов.

[2] Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 82. См. также: Богданович М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 125; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. С. 361; История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 2000. С. 312.

[3] Русская старина 1912. № 12. С. 633.

Зато Багратион не скрывал своего раздражения. Он еще в сентябре 1811 г., перед угрозой нашествия Наполеона, уведомлял военного министра (Барклая де Толли!), что Кутузов «имеет особенный талант драться неудачно»[1], а теперь, узнав о назначении Кутузова, возмущался: «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! <...>. Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги»[2]. Между прочим, эти отзывы Багратиона рубят под корень модный у нас (хотя и совершенно голословный) тезис о нем как об «ученике», даже «лучшем ученике» Кутузова[3]. Не могут ученики (особенно лучшие) так низко ставить своих учителей!

Неодобрительно встретили назначение Кутузова и такие герои 1812 г., как М. А. Милорадович, считавший его «низким царедворцем»[4]; Д. С. Дохтуров, которому царедворческие интриги «светлейшего» внушали «отвращение»[5]; Н. Н. Раевский, полагавший, что Кутузов «ни в духе, ни в талантах» не выше «ничтожества»[6], и некоторые другие генералы[7].

Бóльшая же часть офицеров и особенно солдатская масса, встречая Кутузова, действительно ликовали. Солдаты не знали его как царедворца, «куртизана» и «сатира», но Кутузов-военачальник, мудрый, заботливый, с русским именем, был им хорошо знаком и симпатичен. В армии сразу родилась поговорка:

Барклая де Толли
Не будет уж боле.
Приехал Кутузов
Бить французов[8].

---

[1] ВУА. Т. 5. С. 74.

[2] Дубровин Н. Ф. Отечественная война... С. 101 (Багратион – Ф. В. Ростопчину 16 августа 1812 г.).

[3] Полосин И. И. П. И. Багратион. М., 1948. С. 69; Ростунов И. И. Багратион. С. 3, 123; Грибанов В. К. Багратион в Петербурге. Л., 1979. С. 8; Михайлов О. Н. Генерал Ермолов. М., 1983. С. 181.

[4] Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 467.

[5] Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 1. С. 1100.

[6] 1812–1814. Реляции... М., 1992. С. 218, 226. См. также уничижительный отзыв Н. Н. Раевского о Кутузове в кн.: Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1887. С. 388.

[7] См.: Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 391.

[8] Соколова А. И. Северный сфинкс. Исторический этюд. СПб., 1912. С. 97.

Впрочем, не только армия, но и вся Россия воодушевилась тогда надеждой на переход от затянувшегося отступления к контрнаступлению. Кутузов старательно поощрял эту надежду. При первой же встрече с армией в м. Царево-Займище 17 августа он воскликнул (в присутствии Барклая де Толли): «Ну как можно отступать с такими молодцами!»[1] На следующий день был отдан его приказ... продолжать отступление. Правда, он сразу же успокоил войско, объяснив, что теперь отступление будет недолгим и недальним – в поисках лучшей позиции для сражения и «для еще удобнейшего укомплектования» за счет резервных войск и ополченцев[2].

Обрадовался назначению Кутузова и Наполеон, который, кстати, был высокого мнения о своем новом противнике, «расхваливал его ум»: «Кутузов, – говорил Наполеон Коленкуру, – не мог приехать для того, чтобы продолжить отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву»[3].

Кутузов со своей стороны уважительно оценивал полководческий гений Наполеона (мощь которого он испытал на себе при Аустерлице). Вот характерный факт из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского: «Увлеченный молодостью лет, употребил я несколько укорительных выражений против Наполеона. Кутузов остановил меня, сказав: “Молодой человек, кто дал тебе право издеваться над одним из величайших полководцев? Уничтожь неуместную брань”»[4].

Надежды Наполеона, что Кутузов даст ему бой, оправдались. Михаил Илларионович действительно ехал в армию с твердым намерением, о котором он уведомил Александра I: «скорее лечь костьми, чем допустить неприятеля к Москве»[5]. В день прибытия к армии, 17 августа, он написал московскому генерал-губернатору Ф. В. Ростопчину: «По моему мнению, с потерею Москвы соединена потеря России»[6].

Позицию для генерального сражения Кутузов избрал возле большого селения Бородино в 110 км перед Москвой. На подходе к Бородину и с бородинского поля битвы он так определил свою задачу в письмах к царю, Н. И. Салтыкову, П. В. Чичагову и начальнику Московского ополчения И. И. Маркову: «спасение Москвы»[7].

---

[1] Богданович М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 125.

[2] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 36.

[3] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 127, 128.

[4] Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподвижники в 1812 г. СПб., 1846. Т. 3. Вып. 53. Тетр. 1. С. 70.

[5] Из записок гр. Р. С. Эдлинг // Русский архив. 1887. № 1. С. 217.

[6] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 90.

[7] Там же. С. 90, 97, 106, 119.

Русские воины сознавали, что вопрос стоит именно так, и готовились стоять насмерть. В ночь перед битвой вся армия облачилась в чистое белье и дала обет жертвенности на молебне перед иконой покровительницы России – Смоленской божьей матери, которую пронесли по всему лагерю и за которой шел со слезами на глазах сам Кутузов впереди всего русского штаба. «Это живо напоминало приуготовление к битве Куликовской», – вспоминал очевидец, будущий декабрист Федор Глинка[1].

Кутузов дальновидно учитывал возможности и успеха, и неудачи в сражении. «При счастливом отпоре неприятельских сил, – гласит его диспозиция перед битвой, – дам собственные повеления на преследование его <...>. На случай *неудачного* дела несколько дорог открыто, которые сообщены будут гг. главнокомандующим (Барклаю де Толли и Багратиону. – *Н. Т.*) и по коим армии должны будут *отступать*»[2].

Наполеон, жаждавший генерального боя с первых дней войны, о возможной неудаче не думал. Предвкушая победу, он воскликнул в рассветный час перед битвой: «Вот солнце Аустерлица!» Его цель заключалась в том, чтобы взять Москву и там, в древней столице России, продиктовать Александру I победоносный мир. Для этого нужно (и достаточно), по мысли Наполеона, выиграть Бородинскую битву. План императора был прост: смять левое (по данным его рекогносцировки, менее сильное) крыло русских, прорвать их центр, отбросить их в «мешок» при слиянии р. Колочи с Москвой-рекой и разгромить[3]. В приказе по войскам перед битвой Наполеон сулил им в случае победы «изобилие, хорошие зимние квартиры, скорое возвращение на родину» и распалял их воинское тщеславие: «Пусть самое отдаленное потомство с гордостью вспомнит о вашей доблести в этот день! Пусть о каждом из вас скажут: “Он был в великой битве под стенами Москвы!”»[4]. Солдаты Великой армии, обрадованные возможностью сразиться наконец с врагом, который так долго уклонялся от боя, до полуночи веселились и пели[5]. Едва ли кто-то из них сомневался в победе.

С 2 часов ночи и до рассвета Наполеон скрытно перевел большу́ю часть своих войск на правый берег Колочи вплотную к позиции рус-

---

[1] Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839. Ч. 2. С. 39.

[2] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 143–144. Курсив мой. – *Н. Т.*

[3] См.: Жомини А. Цит. соч. Т. 5. С. 333; Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 58–59; Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 1991. С. 60.

[4] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 207.

[5] См.: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 46, 159; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 1. P. 347.

ского левого фланга. Этот маневр, засвидетельствованный не только французскими, но и русскими дореволюционными источниками, а также К. Клаузевицем[1], почему-то замалчивается в трудах советских и даже постсоветских (Ю. Н. Гуляев, В. Т. Согляев, А. В. Шишов) историков. Между тем он существенно повлиял на ход сражения: Наполеон смог атаковать русское левое крыло в упор, а Багратион, войска которого держали здесь оборону, отбиваясь от французских атак, не успевал получать подкрепления.

Бородинская битва 26 августа 1812 г. – единственный в истории войн пример генерального сражения, исход которого и та и другая сторона сразу же объявили и доныне празднуют как свою победу, имея на то основания. Поэтому многие ее моменты, начиная с соотношения сил и кончая потерями, остаются спорными. Новый анализ старых данных[2] показывает, что Наполеон имел при Бородине около 132 тыс. человек и 587 орудий, Кутузов – 154,8 тыс. человек и 640 орудий. Правда, регулярных войск у Кутузова было лишь 115,3 тыс. человек плюс 11 тыс. казаков и 28,5 тыс. ополченцев; но зато у Наполеона вся гвардия (18,9 тыс. лучших, отборных солдат[3]) простояла весь день битвы в резерве, тогда как русские резервы были израсходованы полностью. Здесь важно подчеркнуть, что к моменту Бородинской битвы соотношение сил в ходе войны 1812 г. уже изменилось в пользу России.

Ход сражения складывался удачно для Наполеона. Располагая меньшими силами, он умело создавал на всех пунктах атаки (Шевардинский редут, с. Бородино, Курганная высота с батареей Раевского, Багратионовы флеши, д. Семеновская и Утица) численное превосходство, заставляя россиян отражать атаки вдвое, а то и втрое превосходящих сил. Первым делом французы «с невероятною быстротою» (по признанию Кутузова)[4] атаковали правый фланг русской позиции, ворвались в с. Бородино и овладели им. Одновременно три лучших маршала Наполеона – Даву, Ней, Мюрат – обрушили громаду своих сил на Багратионовы флеши

---

[1] Богданович М. И. Цит. соч. Т. 2. С. 170; Колюбакин Б. М. Бородинское сражение 26 августа 1812 г. СПб., 1912. С. 15; Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 91; Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 46; Fain A. Op. cit. T. 2. P. 16–17.

[2] См.: Васильев А. А., Попов А. И. Grande Armée – состав армии при Бородине. М., 2002. С. 37; Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 255–258; Вовси Э. М. Великая армия Наполеона накануне Бородинского сражения: новые цифры и факты // Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография. Сб. IX. М., 2010. С. 157.

[3] Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 33.

[4] М. И. Кутузов – Александру I (сентябрь 1812 г.) // Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 136.

у д. Семеновской слева. Здесь, говоря словами Кутузова, разгорелся «наикровопролитнейший бой»[1]: то французы врывались на флеши, выбивая оттуда русских, то русские *шли на ура* в контратаку и выбивали из флешей французов. Кстати, французы в ответ на русское «Ура!», которое слышалось как «Au rat!») («На крысу!»), кричали: «Au chat!» («На кошку!»)[2].

Историки до сих пор не могут согласно определить, сколько раз в тот день флеши переходили из рук в руки. Традиционное мнение таково, что французы окончательно взяли их в результате 8-й атаки примерно к 12 часам, когда и был смертельно ранен Багратион. В 1992 г. А. А. Васильев и Л. Л. Ивченко попытались опровергнуть традицию. Опираясь главным образом на дневник начальника штаба 2-й армии графа Э. Ф. Сен-При[3], раненного в одно время с Багратионом, они пришли к небезосновательному (хоть и небесспорному) выводу, что Багратион выбыл из строя еще до 9 часов утра, а флеши пали к 10 часам, в итоге не 8-й, а 3-й атаки[4]. Автор капитального исследования о Бородинской битве В. Н. Земцов полагает: сколько раз переходили флеши из рук в руки, «сказать точно невозможно»[5].

Кульминационным моментом битвы стал штурм Курганной высоты с 18-пушечной батареей из корпуса Н. Н. Раевского. Ее французы с утра уже занимали, но были выбиты оттуда. Теперь, в 14 часов, Наполеон приказал атаковать высоту генералу Огюсту Коленкуру, который только что заменил сраженного русским ядром командующего 2-м кавалерийским корпусом Великой армии Л.-П. Монбрена. Коленкур обещал: «Я буду там сей же час – живой или мертвый!»[6] Он встал во главе дивизии своих кирасир – «gens de fer» («железных людей»), как называл их Наполеон, – и устремился на высоту, к батарее Раевского. В сверкающих кирасах и латах, словно железный смерч, «gens de fer» Коленкура через ров и бруствер ворвались под

---

[1] Там же.

[2] Земцов В. Н. Указ. соч. С. 228.

[3] Сен-При Эммануил Францевич (1776–1814) – французский аристократ. В 1791 г. эмигрировал в Россию. Участник всех войн России с Францией 1805–1814 гг. Был смертельно ранен в бою с французами под французским г. Реймсом 13 марта 1814 г.

[4] Васильев А. А., Ивченко Л. Л. Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 66–67.

[5] Земцов В. Н. Указ. соч. С. 341; он же. Бой за Семеновские высоты // Земцов В. Н., Попов А. И. Бородино. Южный фланг. М., 2009. С. 32. В новейшей монографии Б. В. Юлина «Бородинская битва» (М., 2008. С. 94–96) описывается 6-я атака французов на Багратионовы флеши.

[6] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 1. P. 374.

огнем русских орудий на батарею по трупам чужих и своих солдат и были встречены здесь в штыки. «Казалось, что вся возвышенность обратилась в движущуюся железную гору», – вспоминал участник битвы Е. Лабом[1].

Никто из защитников батареи не бежал от врага. Они разили французов штыками, прикладами, тесаками, дрались банниками, рычагами. Их генерал, соратник Суворова Петр Гаврилович Лихачев, весь израненный, ободрял солдат: «Помните, ребята, деремся за Москву!», а когда почти все они погибли, «расстегнул грудь догола» и пошел на вражеские штыки[2]. Еле живой от ран, он был взят в плен.

Ценой невообразимых усилий и потерь французы овладели Курганной высотой, причем генерал Коленкур был убит. Он сдержал слово, данное Наполеону: живым ворвался на высоту, взял ее и остался на ней мертвым. «Я был рядом с императором, когда ему доложили об этом, – вспоминал Арман Коленкур, старший брат Огюста. – Нет надобности говорить, что́ я при этом почувствовал. “Он умер смертью храбрых, решив исход сражения”, – сказал император»[3].

Атака «gens de fer» Огюста Коленкура, безусловно, самый блестящий маневр и самый большой успех французов в Бородинской битве, более эффектный, чем даже «фантастическая» атака Монбрена у Сомосьерры в 1808 г. Можно понять тот восторг, с которым сами французы относят атаку Коленкура к замечательнейшим подвигам «в военных летописях народов»[4]. Понятны и выспренность их слов о гибели Коленкура. Виктор Гюго называл эту потерю в ряду самых тяжких потерь Наполеона («И Коленкур сражен в редуте под Москвой»)[5].

Все это можно понять. Но нельзя забывать другое. Что выиграл Наполеон ценой гибели таких людей, как Монбрен и Коленкур, ценой крови тысяч и тысяч своих «gens de fer», чего он добился, овладев Курганной высотой? Да, он захватил ключ, главный опорный пункт русской позиции. Мало того, к 17 часам он уже занял *все* вообще русские позиции от Бородина справа до Утицы слева. Но россияне *не бежали*. Они лишь отступили (если не сказать отодвинулись) назад, к высотам у д. Горки, и *стояли* – хотя и поредевшие, но несломленные. Глядя на них с Курганной высоты, Наполеон надолго задумался. Ведь после стольких побед, одержанных на своем веку

---

[1] Французы в России... Т. 1. С. 131.
[2] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С. 106.
[3] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 134.
[4] Французы в России... Т. 1. С. 135.
[5] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 12. С. 175.

чуть ли не над всеми армиями Европы, после того, как он страстно жаждал этого сражения, дождался его и твердо верил в *окончательную* победу, – после всего этого невесело ему было видеть, что на этот раз *такой* победы он не одержал.

О чем он думал в те минуты? Вероятно, о том, что у него осталось нетронутым ударное ядро его армии – гвардия, почти 19 тыс. лучших солдат.

Маршалы Даву, Ней и Мюрат умоляли императора двинуть гвардию в бой и таким образом «довершить разгром русских»[1]. Некоторые авторитетнейшие знатоки нашей темы – например, классик марксизма Ф. Энгельс и президент Военно-исторической ассоциации России О. В. Соколов – полагают, что, если бы Наполеон ввел в сражение гвардию, русская армия «была бы наверняка уничтожена»[2]. Сам Наполеон, по-видимому, не был в этом уверен. «Успех дня достигнут, – заявил он в ответ на просьбы маршалов, – но я должен заботиться об успехе всей кампании и для этого берегу мои резервы»[3]. Такие авторитеты, как А. Жомини и К. Клаузевиц, оправдывали это решение императора: «Победа была в его руках, – читаем у Клаузевица. – Москву он рассчитывал и так занять; выдвигать более крупную цель, поставив на карту последние силы, по его мнению, не вызывалось требованиями ни необходимости, ни разума»[4].

Поскольку русская армия при Бородине, уступив все свои позиции, оставила поле битвы и (как это предусматривал Кутузов в своей диспозиции «на случай неудачного дела») стала отступать к Москве, Наполеон, естественно, был вправе счесть Бородинскую битву выигранной – и тактически, и стратегически. Столь разные «эксперты», как Жозеф де Местр и В. В. Верещагин, рассуждали просто: «Побеждать – это значит идти вперед, отступать – быть побежденным». «Москва отдана, сим все сказано»[5]. Соотношение потерь подтверждает такой итог. По ведомости из архива Военного министерства Франции, Наполеон потерял при Бородине убитыми и ранеными 28 086 человек[6]; Кутузов, по данным Военно-учетного архива

---

[1] Denniée P. Itineraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. P. 78; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 1. P. 369; Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 281.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 260; Соколов О. В. Цит. соч. С. 456.

[3] Dumas M. Souvenirs. P., 1839. T. 3. P. 440.

[4] Клаузевиц К. 1812 год. С. 100. Ср.: Жомини А. Цит. соч. Т. 5. С. 348, 354.

[5] Denniée P. Op. cit. P. 80.

[6] Местр Ж., де. Цит. соч. С. 224; Верещагин В. В. Наполеон I в России. Тверь, 1993. С. 119. В парижском Доме инвалидов рядом с гробницей Наполеона Бородино (Moscowa) значится в перечне – золотом по мрамору – не

Главного штаба Российской империи – 45 633 («нижних чинов» – 45 тыс., генералов и офицеров – 633)[1].

Однако разгромить русскую армию, обратить ее в бегство Наполеон при всех своих надеждах и планах не смог. Он сам и все его воинство, от маршалов до солдат, после битвы были разочарованы, ибо не увидели привычных для Наполеона атрибутов победы (массы пленных, трофеев, бегущих врагов). Русские войска, уступив свои позиции, сохранили главное – боеспособность. Правда, Кутузов тоже не решил своей задачи спасти Москву. После Бородина он вынужден был пожертвовать древней столицей. Но сделал он это не столько по воле Наполеона, сколько по своей собственной, не потому, что был разбит и деморализован, а потому, что выстоял и уверовал в победоносный для России исход войны без риска нового сражения за Москву.

В то же время Бородино ослабило моральный дух наполеоновской армии, пошатнуло былую уверенность в победе, снизило ее наступательную активность. Не в тактическом и стратегическом и вообще не в военном, а в *моральном* и даже (если учитывать последующий ход войны) *политическом* отношении Бородино было русской победой. Сам Наполеон склонялся к такому заключению: «Французы в нем, – сказал он о Бородинском сражении, – показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми»[2].

Кутузов в донесении Александру I о Бородине не употребил слова «победа» (хотя такие историки, как Луи Мадлен и Франц Меринг, упрекали его в этом «бесстыдстве»[3]), но его фраза, отчасти верная: «Кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами»[4], – была воспринята в Петербурге как реляция о победе. Очевидцы свидетельствовали: «Весь город высыпал на улицы <...>. Все, поздравляя друг друга с победою <...> над страшным, ужасным, лютым врагом, <...> обнимались, лобызались

только всех вообще 60 сражений, выигранных Наполеоном, но и 8-ми самых выдающихся его побед. См.: Горицкий В. А. Военная кампания Наполеона 1812 г. в памятниках Парижа // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2001. С. 134.

[1] РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 96. Л. 35–46. Частично (по копии) документ опубликован: М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 208–209.

[2] Цит. по: Пеле. Ж. Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 56.

[3] Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 320; Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1949. T. 12. P. 199.

[4] Бородино. Документы... С. 102.

<...>. С тех пор как Петербург стоит, не было такого ликования»[1]. Александр I с обеими императрицами, всеми великими князьями и великой княжной Анной Павловной разделил общую радость на «благодарственном молебствии с коленопреклонением»[2]. В тот же день царь пожаловал Кутузову за Бородинскую *победу* звание генерал-фельдмаршала и 100 тыс. рублей (плюс по 5 руб. на каждого «нижнего чина» армии). Все это было 30 августа.

Тем большим потрясением стала для царя полученная 7 сентября весть о том, что победоносный Кутузов... сдал побежденному Наполеону Москву. «Голова его, – отметил биограф Александра I В. К. Надлер, – седеет в одну ночь после этой страшной вести»[3].

4. Москва

Пять суток русские войска, по пятам преследуемые французами, отступали к Москве. 1 сентября в подмосковной деревне Фили (ныне Киевский район Москвы) Кутузов созвал десять высших чинов армии на военный совет[4]. Обсуждался один вопрос: сдать ли Москву Наполеону или не отдавать, хотя бы пришлось всем лечь под ее стенами. Прения были жаркие. Все генералы, кроме Кутузова и Барклая де Толли, горели желанием отстоять Москву. Но Барклай, выступив первым, охладил их пыл и троих (Н. Н. Раевского, А. И. Остермана-Толстого и генерал-квартирмейстера К. Ф. Толя) склонил на свою сторону логикой таких рассуждений: позиция для сражения под Москвой слабая, на такой позиции можно проиграть сражение и потерять армию, с гибелью же армии погибнут и Москва и Россия; если же оставить Москву, но сохранить армию, можно будет продлить войну до победы «с удобством: успеют присоединиться в разных местах за Москвой приготовляемые войска»[5]. Шестеро участников совета (Л. Л. Беннигсен, Д. С. Дохтуров, М. И. Платов, П. П. Коновницын, Ф. П. Уваров и А. П. Ермолов) высказались за сражение. Кутузов, выслушав всех, подчеркнул, повторив доводы Барклая де Толли, что «с потерянием Москвы не потеряна еще Россия», и так

---

[1] К чести России. Из частной переписки 1812 г. М., 1988. Т. 1. С. 17.

[2] Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 3. С. 317.

[3] Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 17.

[4] Критический свод данных о совете в Филях см. в кн.: Тотфалушин В. П. М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991. С. 100–105.

[5] Ермолов А. П. Записки 1798–1826 гг. М., 1991. С. 203.

закончил прения (между прочим, по-французски[1]): «Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступать!»[2]

2 сентября русская армия оставила Москву. То был самый горестный для россиян день 1812-го года. Ведь своей «подлинной столицей» они считали именно Москву. Сам царь в июле 1812 г. провозгласил, что «она всегда была главою прочих городов российских»[3]. Поэтому русская армия восприняла приказ оставить Москву болезненно. «Какой ужас! Какой позор!.. Какой стыд для русских!» – сокрушался генерал Д. С. Дохтуров[4]. «Вечным стыдом» назвал сдачу Москвы французам поэт-ополченец П. А. Вяземский[5].

Солдаты плакали, ворчали: «Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!» – и досадовали на Кутузова: «Куда он нас завел?»[6] «Войска в упадке духа», – меланхолически констатировал в те дни доблестный Н. Н. Раевский, а князь А. Г. Щербатов позднее вспоминал о том, как восприняли известие об оставлении Москвы в армии А. П. Тормасова, далеко на юге Украины: «Мы поражены им были как громовым ударом, нельзя себе вообразить уныние и даже удивление, которое оно произвело во всем нашем войске; казалось, что древняя наша столица обесчещена и осквернена»[7].

Вместе с армией столь же потрясенными уходили прочь из города его жители. Ф. В. Ростопчин еще 30 августа сообщал в Петербург: «Женщины, купцы и *ученая тварь* едут из Москвы»[8]. Теперь же, 2 сентября, несметные толпы беженцев запрудили «всю дорогу от Москвы до Владимира». Уходили почти все: из 275 547 жителей осталось в городе чуть больше 6 тыс.[9]

---

[1] Раевский Н. Н. Записки // Давыдов Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского, изданную при Инвалиде 1829 г. с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 г., в коих он участвовал. М., 1832. С. 74. Впрочем, как подметил П. А. Вяземский, «привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски» (Каллаш В. В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 234).

[2] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 228; Раевский Н. Н. Цит. соч. С. 74.

[3] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 46.

[4] Русский архив. 1874. № 1. С. 1098, 1099.

[5] Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 4.

[6] Дурова Н. А. Записки кавелерист-девицы. М., 1962. С. 109; Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966. С. 16; Глинка С. Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 72.

[7] 1812–1814. Реляции... С. 218; Щербатов А. Г. Мои воспоминания. СПб., 2006. С. 77.

[8] Дубровин Н. Ф. Отечественная война... С. 102. Курсив мой. – *Н. Т.*

[9] Тартаковский А. Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. 1973. Т. 92. С. 366, 368.

Не успели россияне со слезами горечи выйти из Москвы через Рязанскую заставу в сторону Боровского перевоза, как со стороны Арбата в нее вступили французы, тоже со слезами, но радости[1]. Вся армия завоевателей, «хлопая в ладоши, повторяла с восторгом: "Москва! Москва!", как моряки кричат "Земля! Земля!" в конце долгого и трудного плавания»[2]. Общее настроение солдат Великой армии было такое, что война фактически уже закончилась, и что подписание перемирия, а затем и мира – вопрос нескольких дней[3].

Сам Наполеон, выехав со свитой к 14 часам 2 сентября на Поклонную гору и увидев всю распахнувшуюся перед ним Москву, не мог сдержать торжествующего возгласа: «Вот, наконец, этот знаменитый город!», а его маршалы, «опьяненные энтузиазмом славы», бросились к нему с поздравлениями[4]. Но уже в следующий час выпало Наполеону первое разочарование: как ни ждал он депутацию «бояр» с ключами от города, ни депутатов, ни ключей не оказалось. Адъютанты принесли ему весть, казавшуюся невероятной, дикой: Москва пуста! Наполеон подумал даже (и сказал об этом свите), что, «может быть, московские жители не знают, как надо сдаваться?»[5]

Столиц, в которые входили победителями войска Наполеона, было полтора десятка: Берлин и Вена, Рим и Варшава, Венеция и Неаполь, Милан и Флоренция, Мадрид и Лиссабон, Амстердам и Триест, Каир и Яффа. Везде – депутации с ключами и церемонии сдачи городов, любопытствующее многолюдье. Теперь впервые Наполеон попал в столицу, покинутую жителями. Он проехал через весь Арбат до Кремля, «не увидя ни одного почти жителя»[6] (те, кто остался, попрятались). «И некому было слушать нашу музыку, игравшую "Победа за нами!"», – досадовал бравый сержант А.-Ж.-Б. Бургонь[7].

Впрочем, утешились завоеватели тут же. Они обнаружили в Москве огромные запасы товаров и продовольствия: «сахарные заводы, особые склады съестных припасов – калужскую муку, водку и вино со всей страны, суконные, полотняные и меховые магазины» и пр.[8] То, что сулил им Наполеон перед Бородинской битвой («изо-

---

[1] Ложье Ц. Дневник офицера Великой Армии в 1812 г. М., 1912. С. 161.

[2] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 30–31.

[3] См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 599.

[4] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 32–33.

[5] Ibid. P. 35.

[6] Пожар Москвы. По воспоминаниям и запискам современников. М., 1911. Т. 1. С. 149.

[7] Бургонь А.-Ж.-Б. Мемуары. М., 2003. С. 14.

[8] Пасторе А. Записки о 1812 г. // Русский архив. 1900. № 12. С. 531. См. также: Бургонь А.-Ж.-Б. Цит. соч. С. 14; Larrey D. Mémoires. P., 1817. T. 4. P. 77; Коленкур А., де. Цит. соч. С. 153; Французы в России... Т. 2. С. 47.

билие, хорошие зимние квартиры»), стало явью. Казалось, Наполеон «совершил кампанию с успехом, какого только мог желать»[1]. Он знал, что падение Москвы эхом отзовется во всем мире как еще одна, может быть, самая главная его победа.

Но, едва успев разместиться и возрадоваться богатствам Москвы, французы подверглись в буквальном смысле испытанию огнем – в тот же день, 2 сентября, начался грандиозный московский пожар, который бушевал неотрывно целую неделю, до 8-го.

Пожар Москвы 1812 г. до сих пор вызывает споры, хотя давно пришло время поставить в них точку. Официозная советская историография «1812-го года» во главе с генерал-лейтенантом начальником Института военной истории Министерства обороны СССР, член-корр. АН СССР лауреатом Сталинской и Ленинской премий П. А. Жилиным сводила их к «двум основным тенденциям: русские историки и писатели доказывали, что Москву сожгли Наполеон, солдаты французской армии; французы обвиняли в этом русских»[2]. Такое представление о спорах вокруг пожара Москвы донельзя упрощает и, главное, искажает их смысл. Правда, Александр I (объявивший при этом Наполеона «новым Аттилой»), Ф. В. Ростопчин, Святейший Синод, некоторые придворные историки, вроде А. И. Михайловского-Данилевского, и публицисты, как протоиерей И. С. Машков, действительно обвиняли в поджоге Москвы Наполеона, французов. Такова была в царской России официальная версия[3]. Она широко распространялась посредством слухов, печатных изданий и богослужений не только в самой России, где люди верили в нее, но и за рубежом, где ей почти никто не верил. В СССР поддержали царскую версию, вслед за П. А. Жилиным, Л. Г. Бескровный, Н. Ф. Гарнич и длинный ряд других историков. В наши дни за ними следуют уже немногие[4], удивляясь, кстати, тому, что Александр I «даже не потребовал с Франции денег за пожар

---

[1] Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 230.

[2] Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. С. 189.

[3] Подробно см.: Тартаковский А. Г. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 253–257.

[4] См.: Гуляев Ю. Н. Документы РГИА о пожаре Москвы в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С. 50; Шахмагонов Н. Ф. Тайна московского пожара. М., 1999; История России. С начала XVIII до конца XIX в. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2000. С. 315; Фролов Б. П. Указ. соч. С. 331.

Москвы», хотя ему «ничего не стоило <...> приказать в отместку за Москву сжечь дотла» Париж[1].

Это все было и есть. Но ведь такие авторитетнейшие русские историки и писатели, как А. С. Пушкин и Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов и А. И. Герцен, В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский, М. И. Богданович и А. Н. Попов (в СССР – академики Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, Н. М. Дружинин, В. И. Пичета, М. В. Нечкина), такие герои 1812 г., как А. П. Ермолов и Денис Давыдов, И. Т. Радожицкий и кн. Д. М. Волконский, П. Х. Граббе и Федор Глинка, наконец сам Кутузов, вопреки официальной, сфабрикованной версии со всей определенностью утверждали, что сожгли Москву россияне.

Прежде чем «дать слово» документам, подчеркну словами Е. В. Тарле (хотя и сказанными по другому поводу) «внутреннюю невероятность, кричащую несообразность»[2] версии о поджоге Москвы Наполеоном. «Что же, они были враги себе?» – резонно спрашивает В. М. Холодковский, лучше, чем кто-либо, доказавший, что пожар Москвы был невыгоден французам ни с экономической, ни с политической, ни с военной, ни даже с «мародерски-грабительской» точки зрения: «...вместо всех богатств им досталась лишь малая часть, остальное было уничтожено огнем»[3]. Сам Наполеон в том огне едва не сгорел. Утром 3 сентября он в сопровождении свиты и охраны с риском для жизни выбрался из Кремля, окруженного пламенем. «Мы шли по огненной земле под огненным небом, между стен из огня», – вспоминал очевидец, граф Ф. П. Сегюр[4]. Наполеон переселился в Петровский замок на северной окраине города и только через пять дней, когда пожар, насытившись огнем, утих, вернулся обратно в Кремль.

Теперь пусть говорят документы. Под утро 2 сентября Ростопчин приказал полицейскому приставу П. И. Вороненко «стараться истреблять все огнем», что Вороненко и делал весь день «в разных местах по мере возможности <...> до 10 часов вечера». Донесение об этом самого Вороненко в Московскую управу благочиния[5] было учтено еще в 1876 г. А. Н. Поповым, а позднее – Е. В. Тарле

---

[1] Сироткин В. Г. Дипломатический финал в Париже // От Москвы до Парижа (1812–1814). Малоярославец, 1998. С. 5, 7.

[2] Тарле Е. В. Гегемония Франции на континенте // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 549.

[3] Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 33.

[4] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 49.

[5] См.: РНБ РО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 259.

и В. М. Холодковским[1]. Поэтому для тех, кто считает, что сожгли Москву русские, «главным виновником» ее поджога является Ростопчин[2]. Но ведь с прибытием в Москву Кутузова он стал здесь еще «главнее», чем Ростопчин, как главнокомандующий, высшее должностное лицо империи на театре военных действий. Какова же роль Кутузова в московском пожаре? Документы отвечают на этот вопрос однозначно.

В то же утро, 2 сентября, оставляя город, новоиспеченный фельдмаршал приказал жечь склады и магазины с продовольствием, фуражом, частью боеприпасов. Этот факт, удостоверенный окружением Кутузова, признан и в дореволюционной, и в советской историографии[3].

Вместе с тем Кутузов и Ростопчин, независимо друг от друга, распорядились эвакуировать из города противопожарный инвентарь. Ростопчин сам признавался, что он «приказал выехать 2100 пожарным с 96 пожарными насосами»[4]. Что касается Кутузова, то его («мимо графа Ростопчина») собственноручное предписание московскому обер-полицмейстеру П. А. Ивашкину вывезти из Москвы «весь (! – *Н. Т.*) огнегасительный снаряд» видел Сергей Глинка[5]. Такая мера, по вескому заключению В. М. Холодковского, «говорит сама за себя: лишить город средств защиты от огня значило готовить его к сожжению»[6].

Действительно, Кутузов и Ростопчин придавали такое значение вывозу «огнеспасительного снаряда», что заняли под него и время, и транспорт, бросив при этом громадные арсеналы оружия: 156 артиллерийских орудий (Наполеон формировал из них батареи для своей армии!), 74 974 ружья, 39 846 сабель, 27 119 снарядов, 108 712 единиц чугунной дроби и многое другое[7], а также 608 старинных русских знамен и больше 1000 штандартов, булав и других во-

---

[1] См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 604; Холодковский В. М. Цит. соч. С. 36.

[2] См., напр.: Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 2. С. 317; Клаузевиц К. 1812 год. С. 114; Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 319; Горностаев В. М. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин. М., 2003. С. 51; Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010. С. 136; Palmer A. Napoleon in Russia. New York, 1967. P. 153.

[3] См.: Липранди И. П. 50-летие Бородинской битвы // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. С. 155; Попов А. Н. Французы в Москве. М., 1876. С. 106; Полосин И. И. М. И. Кутузов и пожар Москвы // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 147.

[4] Ростопчин Ф. В. Соч. СПб., 1953. С. 211.

[5] Глинка С. Н. Указ. соч. С. 66.

[6] Холодковский В. М. Цит. соч. С. 35.

[7] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 715–716.

енных доспехов. «Удивлялись тогда, – писал об этом в 1867 г. русский военный историк генерал И. П. Липранди, – удивляются и теперь и будут всегда удивляться, что эти памятники отечественной славы были оставлены неприятелю»[1]. Оставить оружие и знамена *без боя* врагу издревле у всех народов считалось позором. Такого же их количества, как в Москве 2 сентября 1812 г., россияне никогда – ни раньше, ни позже – никому не оставляли.

Хуже того. Торопясь увезти «огнеспасительный снаряд», заняв под него сотни подвод, Кутузов и Ростопчин оставили в городе, обреченном на сожжение, 22 500 раненых[2], из которых многие, если не большинство, сгорели. «Душу мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля, – вспоминал А. П. Ермолов. – <...>. С негодованием смотрели на это войска»[3].

Таким образом, собственные власти Москву в 1812 г. «просто бросили»[4]. Бросили и подожгли. Но кроме того, Москву жгли сами жители – из патриотических побуждений, по принципу «не доставайся злодею!» Многочисленные французские свидетельства об этом (А. Коленкура, Ф.-П. Сегюра, Ц. Ложье, А.-Ж.-Б. Бургоня и др.) подтверждают русские свидетели. И. П. Липранди видел и слышал, как москвичи «на каждом переходе, начиная от Боровского перевоза <...> до Тарутина даже», являлись в расположение русской армии и рассказывали о «сожжении домов своих». То же удостоверяли Ф. Н. Глинка, П. Х. Граббе, кн. Д. М. Волконский[5] и, главное, сам Кутузов.

23 сентября 1812 г. Кутузов заявил посланцу Наполеона А.-Ж. Б. Лористону, настойчиво отводившему от французов обвинения в поджоге Москвы (французы, мол, «не осквернили бы себя таким действием, даже если бы заняли Лондон»): «Я хорошо знаю, что это сделали русские. Проникнутые любовью к Родине и готовые ради нее на самопожертвование, они гибли в горящем городе». Это заявление Кутузова опубликовано в официальных известиях его штаба[6].

---

[1] Липранди И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867. С. 102.

[2] По официальным данным Государственного совета: М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 471.

[3] Ермолов А. П. Цит. соч. С. 206. «Раненых всех бросили», – сокрушался в те дни Н. Н. Раевский (1812–1814. Реляции... С. 218).

[4] Верещагин В. В. Указ. соч. С. 29.

[5] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С. 139; Липранди И. П. Война 1812 г. М., 1869. С. 167; Граббе П. Х. Из памятных записок. М., 1873. Ч. 2. С. 77–78; 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 144.

[6] Листовки Отечественной войны 1812 г. С. 47.

А вот Наполеон не мог понять такого самопожертвования. Глядя на зарево московского пожара, он восклицал: «Что за люди! Это скифы!»[1] Его рациональный ум не постигал бескомпромиссного характера русских. «Чтоб причинить мне временное зло, уничтожили создание многих веков», – саркастически говорил он о россиянах[2].

Пожар действительно испепелил Москву на три четверти. Из 9158 жилых строений сгорели 6532[3].

В «Мемориале» Э. Лас-Каза цитируется впечатляющий фрагмент из воспоминаний очевидца, главного хирурга Великой армии и будущего президента Парижской академии наук Д.-Ж. Ларрея. «Трудно представить себе картину ужаснее той, какая была у нас перед глазами, – вспоминал Ларрей. – Особенно зловещей выдалась ночь с 18 на 19 сентября, когда пожар достиг апогея. В эту ночь, страшный образ которой навсегда остался в моей памяти, весь город был охвачен пламенем. Со всех сторон до самого неба, закрывая горизонт, вздымались огромные столбы огня, озаряя все вокруг. Эти огненные снопы, разбрасываемые во все стороны со зловещим свистом, быстро поднимались вверх и сопровождались взрывами воспламенившегося пороха, селитры, смолы, масла или водки, запасы которых были почти во всех лавках и домах.

Крашеное кровельное железо внезапно, под воздействием сильного жара, вздувалось и отскакивало в стороны. Большие куски горящих бревен и балок отлетали так далеко, что загорались дома вдали от очагов пожара. Всех охватил страх, ужас <...>.

Оставшееся в Москве простонародье с жалобными стонами перебегало из дома в дом. Многие, желая спасти последнее имущество, нагружались такими узлами, которые едва были в силах нести и часто все-таки их бросали, спасаясь от огня. Женщины несли на плечах одного, а то и двух детей, таща остальных за руки. Чтобы избежать грозившей им со всех сторон смерти, они метались по закоулкам в поисках убежища, из которого их снова выгонял пожар, и тогда они разбегались во все стороны и часто оказывались не в силах выбраться из этого лабиринта, ставшего для многих из них могилой. Я видел стариков с опаленными бородами, которых их дети спешили вывезти на тележках из этого ада <...>.

Наконец, 8–10 дней спустя весь обширный и прекрасный город был превращен в пепел»[4].

---

[1] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 49.

[2] Бумаги П. И. Щукина. Т. 5. С. 149.

[3] См.: История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 110.

[4] Цит. по: Лас-Каз Э. Мемориал Святой Елены. М., 2010. Т. 2. С. 176–177.

Погибли дворцы и храмы (из 329 церквей – 122), здание Московского университета, европейски знаменитая библиотека графа Д. П. Бутурлина в Лефортове, богатейшая художественная галерея графа А. Г. Орлова в Донском монастыре, масса исторических документов (в том числе бесценный оригинал «Слова о полку Игореве»).

Но, тяжело ударив по экономике, финансам и культуре России, московский пожар с политической и военной точки зрения изменил положение Наполеона, превратив его из выигрышного в проигрышное. Вместо уютных квартир в городе, который только что поразил французов своим великолепием, они оказались на пепелище, а тем временем вокруг Москвы разгоралось пламя народной войны, росло «остервенение народа» против захватчиков. Великий Байрон писал, обращаясь к Наполеону:

Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из злата
Горят на солнце... Но, увы!
То солнце твоего заката.

Здесь, в Московском Кремле, на высшей точке своего величия, как это признавала тогда вся Европа[1], Наполеон уже мог видеть, что война, которую он затеял, сулит ему неминуемое фиаско. Поэтому он и досадовал на острове Святой Елены в беседах с приближенными: «Я должен был умереть в Москве! Тогда я имел бы величайшую славу, высочайшую репутацию, какая только возможна»[2].

Такие авторитеты, как английский фельдмаршал герцог А. Веллингтон и русский партизан Денис Давыдов, считали, что Наполеон мог избежать катастрофы, если бы ушел из Москвы хотя бы двумя, а еще лучше тремя-четырьмя неделями раньше, как только начался московский пожар. Тогда, с одной стороны, Кутузов не успел бы приготовиться к контрнаступлению, а с другой – холода не успели бы настигнуть французов раньше Смоленска или даже Березины[3].

Если бы ушел... В том-то и дело, что, заняв Москву, Наполеон по крайней мере в первые три недели не мог уйти: он ждал от Александра I согласия на мир, трижды *великодушно* предложенный

---

[1] См.: Россия и Швеция. С. 209.

[2] Gourgand G. Journal de Saint-Hélène (1815–1818). P., 1947. T. 1. P. 150; Bertrand A. Cahiers de Saint-Hélène. P., 1959. T. 2. P. 134–135.

[3] РНБ РО. Ф. 859. К. 38. Д. 31: Веллингтон А. Записка о 1812 г. Л. 22 об.; Давыдов Д. В. Соч. С. 290–291.

царю из Москвы (поочередно через двух москвичей – генерала И. А. Тутолмина и отставного капитана гвардии И. А. Яковлева[1], а также лично знакомого с царем бывшего посла Франции в Петербурге графа А.-Ж.-Б. Лористона).

Александр I ни на одно из этих предложений (как и ранее на присланное ему из Смоленска через генерала П. А. Тучкова) не ответил. Надо отдать ему должное. Тот месяц, пока Наполеон был в Москве, стал для царя едва ли не самым тяжким месяцем всей его жизни. Общепринятая у нас пушкинская характеристика Александра («в двенадцатом году дрожал») требует уточнения: может быть, и «дрожал», но превозмог дрожь и сполна проявил необходимую в его положении твердость. Не поддался он и давлению, которое оказывали на него соратники и даже родственники, панически возжелавшие мира с Наполеоном. Их возглавлял великий князь Константин Павлович и поддерживала мать-императрица Мария Федоровна. Мать и брат толкали царя к миру по-семейному неотвязно. О том же просили его чуть не на коленях трое самых влиятельных в его окружении сановников: всемогущий уже тогда А. А. Аракчеев, канцлер империи Н. П. Румянцев и министр полиции А. Д. Балашов. Царский двор, за малым исключением, и почти вся бюрократия стояли за мир. Наполеон знал об этом и ждал в Москве, что со дня на день Александр вступит с ним в переговоры. Царь, однако, был непримирим. «Я отращу себе бороду вот до сих пор, – говорил он в сентябре 1812 г. своему флигель-адъютанту А. Ф. Мишо, указывая себе на грудь, – и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири скорее, чем подпишу стыд моего отечества»[2]. В разговоре с Ж. де Местром Александр выразил даже готовность отступить на Камчатку и стать «императором камчадалов», но не мириться с Наполеоном[3]. Такую твердость самодержца после сдачи Москвы, когда все его окружение, кроме императрицы Елизаветы Алексеевны и великой княжны Екатерины Павловны, в панике требовало мира, А. К. Дживелегов не без основания назвал «подвигом, почти сверхъестественным»[4]. Впрочем, на этот подвиг толкнули царя две вполне естественные причины – осознание неприемлемости континентальной блокады для России и личная ненависть к Наполеону.

---

[1] Яковлев Иван Алексеевич (1767–1846) – отец А. И. Герцена.

[2] Военский К. А. Две беседы полковника А. Ф. Мишо с императором Александром I в 1812 г. С. 8.

[3] Maistre J., de. Correspondance diplomatique 1811–1817. P., 1860. T. 1. P. 119.

[4] Дживелегов А. К. Цит. соч. С. 207.

Если бы Александр I согласился на мир с Наполеоном, занявшим Москву, то, по резонному заключению К. Клаузевица, «поход 1812 г. стал бы для Наполеона наряду с походами, которые заканчивались Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом»[1]. Наполеон хорошо это понимал. Именно поэтому он так долго (36 дней) оставался в Москве.

В ожидании ответа из Петербурга на свои «великодушные» предложения Наполеон в Москве развернул, по обыкновению, кипучую деятельность. Главное, он навел в многострадальном городе порядок. В первый же день последовал его приказ – запретить разграбление города![2] Тогда же было напечатано в два столбца – по-французски и по-русски – и расклеено по городу «Объявление московским обывателям» за подписью Л. А. Бертье. Русский текст его гласил: «Спокойные жители города Москвы должны быть без никакого сомнения о сохранении их имущества и о собственных их особах»[3]. Но, когда вспыхнул пожар, солдаты предались грабежу под предлогом «спасения имущества из огня», который трудно было оспорить, а тем более подтвердить. Едва пожар начал стихать, Наполеон распоряжениями от 7, 8 и 9 сентября строжайше повелел прекратить грабежи и наказать виновных[4], однако грабежи обрели уже почти такую же стихийную силу, как и пожар. Грабили, надо признать, больше не французские части. «Французы уж, бывало, не обидят даром, – вспоминали москвичи. – А от их союзников упаси боже! Мы их так и прозвали: *“беспардонное войско”*»[5].

В конце концов порядок в завоеванной и на три четверти сожженной Москве Наполеон водворил. Исправно работала французская администрация: генерал-губернатор маршал Э.-А. Мортье, командующий гарнизоном генерал А. Дюронель, гражданский губернатор Ж.-Б. Лессепс (участник знаменитой экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза 1785–1787 гг., бывший комиссар по торговым делам в Петербурге, дядя строителя Суэцкого канала Ф. Лессепса). В помощь им был создан муниципалитет из 67 москвичей, среди которых наряду с дворянами и купцами оказались четверо ученых и двое дворовых (крепостных крестьян); «такого демократического состава, – верно отмечает Е. Н. Понасенков, – городские власти России еще не знали»[6].

---

[1] Клаузевиц К. О войне. М., 1836. Т. 1. С. 170.

[2] Бургонь А.-Ж.-Б. Цит. соч. С. 25.

[3] Дубровин Н. Ф. Отечественная война... С. 120.

[4] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. ... Т. 2. С. 326; Кольчугин Г. Н. Записка о 1812 г. // Русский архив. 1879. № 9. С. 49.

[5] Толычева Т. [Новосильцева Е. В.] Рассказы очевидцев о 12-м годе. М., 1912. С. 37, 61, 99, 104, 109; Верещагин В. В. Цит. соч. С. 42–43.

[6] Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Русский архив. 1868. № 6. С. 896–899; Понасен-

Мэром был назначен 66-летний купец 1-й гильдии П. И. Находкин, который, однако, как и все члены муниципалитета, старался лишь помогать оставшимся в Москве соотечественникам, уклоняясь от сотрудничества с захватчиками[1].

Французские власти попытались было наладить мирные отношения с жителями Москвы и Подмосковья: поощряли торговлю, разрешили богослужения с молебствиями в честь Александра I[2], допускали при случае послабления оккупационного режима. Так, однажды проездом в Петербург из своего подмосковного имения оказалась в Москве графиня Н. А. Зубова («Суворочка»). Французы «остановили ее лошадей, окружили карету», учинили допрос, но, когда узнали, что перед ними – дочь генералиссимуса А. В. Суворова, «немедленно воздали ей воинские почести и пропустили ее экипаж»[3]. Такие примеры чисто французской галантности со стороны завоевателей, как и все их административные, хозяйственные и прочие инициативы, оставались с русской стороны безответными. Русские люди не желали идти ни на какие сделки с врагом, оккупировавшим древнюю столицу России.

Сам Наполеон устраивался (или делал вид перед всей Россией и Европой, что устраивается) в Москве надолго. Он руководил из Москвы делами своей колоссальной империи, «как если бы находился в Тюильри»[4], лично вникал во все детали экономической, политической и культурной жизни Европы. Именно в Москве он подписал действующий поныне декрет о статусе главного театра Франции Комеди Франсез (декрет так и называется «московским»). Для самой Москвы Наполеон возобновил спектакли местной французской труппы, которая развлекала Великую армию; «в театр приходили среди ночной темноты по дымящимся развалинам»[5].

Недавно один из самых авторитетных специалистов по истории войны 1812 г. В. Н. Земцов опубликовал статью под необычным названием: «Русские дети Наполеона, или Московский воспитательный дом в 1812 г.». Фабула статьи примечательна. Французы подобрали на улицах сгоревшей Москвы двух мальчиков, оставшихся без родителей, – Алексея (7 лет) и Василия (4 года) Михайловых.

ков Е. Н. Организация местного управления на территории, занятой Великой Армией Наполеона в 1812 г. // Наполеон. Легенда и реальность. М., 2003. С. 74.

[1] См.: Кольчугин Г. Н. Указ. соч. С. 50–51, 60.

[2] См.: Французы в России... Т. 2. С. 65.

[3] Шумигорский Е. С. Суворочка // Исторический вестник. 1900. № 5. С. 547.

[4] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 165.

[5] Французы в России... Т. 2. С. 80.

Наполеон «не только приказал доставить детей в Воспитательный дом, но и неоднократно после этого осведомлялся о том, как они устроены. Согласно обычаю, мальчики получили фамилию того, кто принял участие в их судьбе, и стали *Наполеоновыми*»[1].

Между тем положение завоевателей на московском пожарище становилось все более затруднительным и опасным. Недоставало жилья, медикаментов, а главное – продовольствия: запасы его, казавшиеся неисчислимыми, частью сгорели, а частью были разворованы. Близились дни, когда французы будут есть кошек и стрелять ворон[2], а россияне – посмеиваться над ними: «Голодный француз и вороне рад». Попытки же наполеоновских фуражиров поживиться за счет ресурсов Подмосковья пресекались партизанскими отрядами, число и активность которых росли буквально день ото дня. Вокруг Москвы разгоралось пламя народной войны.

Когда стало ясно, что Александр I на мир не пойдет, Наполеон занервничал. Он приказал искать в уцелевших от пожара московских архивах документы о Е. И. Пугачеве, чтобы использовать их для возбуждения русских крестьян против русского же дворянства, обдумывал такую акцию и колебался. 20 декабря 1812 г. на заседании Сената Франции он так объяснит свою позицию: «Я мог бы поднять против нее (России. – *Н. Т.*) бóльшую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов <...>. Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, то отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки»[3]. Говоря словами Е. В. Тарле, Наполеон не захотел «разнуздать стихию народного бунта», после чего «“не с кем” было бы заключить мирный договор»[4]. Ради сохранения возможности договориться с императором Александром I император Наполеон после некоторых колебаний отказался от того, на что не колеблясь пошел бы генерал Бонапарт.

Разумеется, дело не только в том, что бывший генерал революции стал монархом, названным братом таких китов феодальной реакции, как Александр I, Франц I, Фридрих-Вильгельм III, зятем второго из них и даже племянником Людовика XVI. Польских крестьян освобождал в 1807 г. тоже монарх, а не генерал. Но в России он не ожидал, что «рабы», лишенные у себя на родине всяких прав, поднимут-

---

[1] Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С. 132.

[2] См.: Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. ... Т. 2. С. 388.

[3] Napoléon I. Correspondance. T. 24. P. 342.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 359.

ся против него на отечественную войну. Просчет Наполеона состоял в том, что он, верно определив «рабскую» степень правовой и материальной придавленности русских крестьян, преувеличил их духовную, нравственную отсталость, посчитав, что они столь же косны, темны, сколь бесправны. Это заблуждение Наполеона не удивительно. Так судили на Западе о русских крестьянах и более передовые умы, например великий социалист Анри Сен-Симон, полагавший, что «в России крестьяне так же невежественны, как и их лошади»[1]. Между тем крестьяне составляли к 1812 г. 90 % всего населения России, и именно патриотический подъем *народных масс*, приумноживший силу русской армии, главным образом и погубил Наполеона.

Пока Наполеон, вопреки своему обыкновению, военной активности в Москве не проявлял (предвкушая переговоры о мире), Кутузов успел подготовиться к контрнаступлению. Оставив Москву, фельдмаршал четыре дня демонстрировал перед французами видимость отступления на юго-*восток* по Рязанской дороге, а на пятый скрытно повернул на Калужскую дорогу и 21 сентября расположился лагерем у с. Тарутино, в 80 км юго-*западнее* Москвы. Знаменитый тарутинский марш-маневр Кутузова позволил ему прикрыть Калугу и Тулу, откуда шли русские резервы вооружений и продовольствия, и поставить под угрозу главную коммуникацию французов Москва – Смоленск. Тарутинский укрепленный лагерь стал базой подготовки русского контрнаступления.

К началу ноября Кутузов уже собрал у Тарутина против 116 тыс. солдат Наполеона более чем вдвое превосходящие силы – 240 тыс. (120 тыс. человек регулярных войск и казаков плюс как минимум еще 120 тыс. ополченцев)[2]. Примерно такой же перевес россияне обеспечили себе к тому времени и на флангах: на севере П. Х. Витгенштейн, И. Н. Эссен и Ф. Ф. Штейнгейль имели 68 тыс. человек против 52 тыс. у Ж.-Э. Макдональда, Н.-Ш. Удино и Л.-Г. Сен-Сира, а на юге А. П. Тормасов, П. В. Чичагов и Ф. Ф. Эртель – 95,5 тыс. против 46 тыс. у К. Ф. Шварценберга и Ж.-Л. Ренье[3]. Даже прибытие в Смоленск 27 сентября 30-тысячного резервного корпуса Великой армии под командованием маршала К. П. Виктора, который мог в случае необходимости помочь и северному, и южному флангам французов, не меняло соотношения сил, повсеместно определившегося в пользу России.

---

[1] Сен-Симон А. Избр. соч. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 125.

[2] Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 315; М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 1. С. 440; Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. С. 134.

[3] Подробно см.: Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 385–386.

Теперь переход русских войск в контрнаступление стал вполне назревшей задачей. Важно было выбрать время и место первого удара. Штаб Кутузова сделал отличный выбор. 6 октября русские войска вчетверо превосходящими силами атаковали на р. Чернишня 20-тысячный кавалерийский корпус И. Мюрата, который беспечно располагался в 6 км от Тарутинского лагеря, выжидая, когда начнутся мирные переговоры. Кутузов рассчитывал окружить и уничтожить этот корпус. Такой расчет не оправдался: Мюрат, потеряв 3,5 тыс. человек, с боем отступил за Чернишню[1]. Тем не менее эта первая в 1812 г. победа россиян в *наступательном* бою стала если еще не началом, то уже прологом русского контрнаступления.

Поразительный факт: 6 октября грянул бой на р. Чернишня (его называют и Тарутинским), а уже на следующее утро Наполеон повел свою более чем 100-тысячную армию из Москвы восвояси. Прямая связь между этими двумя событиями очевидна, но ясно и то, что Наполеон не успел бы за одну ночь подготовить эвакуацию своего воинства – подготовка была начата ранее, за пять дней до боя на Чернишне: 1 октября «гвардия, армейские корпуса, хозяйственные части получили приказ быть готовыми к выступлению»[2].

Уходя из Москвы, Наполеон приказал маршалу Мортье взорвать Кремль – «в отместку Александру I за то, что тот не ответил на три мирных предложения»[3] (если считать смоленское – на четыре!). Этот приказ – пожалуй, самый варварский из всех приказов Наполеона – осужден даже во французских источниках[4]. Друг семьи Наполеона герцогиня Л. д'Абрантес (жена генерала Ж.-А. Жюно) возмущалась: взрыв Кремля должен «показать нас варварами, более первобытных скифов»[5]. К счастью, дождь подмочил фитили и ослабил мощь подготовленного взрыва, а часть фитилей загасили русские патриоты[6]. Башни и соборы Кремля уцелели, разрушено было только здание Арсенала.

Маршал Мортье с Молодой гвардией уходил из Москвы утром 11 октября последним, подготовив все необходимое для взрыва

---

[1] См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 256–257; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 666–667; М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 17–18.

[2] Французы в России... Т. 2. С. 109; Ложье Ц. Цит. соч. С. 202; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 97, 98.

[3] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 669.

[4] См.: Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 325.

[5] Д'Абрантес Л. Записки, или Исторические воспоминания о Наполеоне... М., 1837. Т. 15. С. 34.

[6] См.: Бумаги П. И. Щукина. Т. 5. С. 167; Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 4. С. 192–194.

Кремля. Он, конечно же, слышал взрывы и, возможно, проследил за их последствиями. А Наполеон с главными силами к тому времени был уже далеко от Москвы и, вне всякого сомнения, думал он тогда не столько о Москве или Париже, сколько о русском городе под названием *Калуга*.

5. От Москвы до Немана

Граф Ф.-П. Сегюр запомнил восклицание Наполеона перед уходом из Москвы: «Идем в Калугу! И горе тем, кто станет на моем пути!»[1] Наполеон не считал тогда, что он уже отступает. «Армия возвращалась в Смоленск, но это был марш-маневр, а не отступление», – объяснял он впоследствии[2]. Калуга была нужна ему не столько для захвата ее богатых складов, сколько для выхода на *новую*, Калужскую, дорогу к Смоленску, чтобы возвращаться туда не по *старой*, разоренной дотла, Можайской дороге. При этом он рассчитывал скрытно обойти Кутузова (пока он «сидит» в Тарутинском лагере), или отбросить, если тот преградит ему путь.

В первые дни все удавалось Наполеону, как в сказке. Удалось же ему, несмотря на то что вокруг Москвы буквально роились казаки и партизаны, вывести из города 116-тысячное полчище так скрытно, что лишь на четвертый день, вечером 11 октября, казаки из отряда генерала И. Д. Иловайского обнаружили: «Москва пуста!»[3] Тем временем на пути главных сил Наполеона через Боровск к Малоярославцу (курсом на Калугу) события развивались еще сказочнее. Командир одного из лучших армейских партизанских отрядов капитан (будущий генерал) А. Н. Сеславин, взобравшись на дерево в лесу у Боровска, увидел невдалеке колонны Великой армии и даже «самого Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией»[4]. Сеславин взял в плен приотставшего унтер-офицера, связал его, перекинул через своего коня и доставил к генералу А. П. Ермолову. Пленник подтвердил все увиденное и сказанное Сеславиным: «Уже четыре дня, как мы оставили Москву. Завтра Главная квартира императора – в Боровске. Далее – направление на Малоярославец»[5]. Ермолов тут же отправил майора Д. Н. Болговского нарочным к Кутузову с просьбой срочно направить всю армию к Малоярославцу.

---

[1] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 100.
[2] Montholon Ch. Mémoires. P., 1823. T. 2. P. 104.
[3] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 139.
[4] Давыдов Д. В. Соч. С. 344.
[5] Ермолов А. П. Цит. соч. С. 220.

Болговский потом вспоминал, что Кутузов, выслушав его, «прослезился и, обратясь к иконе Спасителя, сказал: “Боже, создатель мой! Наконец, ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!”»[1] Через считаные часы вся русская армия выступила из Тарутина к Малоярославцу.

Так, благодаря счастливому открытию Сеславина русские войска получили возможность преградить Великой армии путь на Калугу. «Если бы партизан Сеславин не смог предупредить заблаговременно, – рассуждал Ермолов, – <...> был бы Малоярославец беспрепятственно занят неприятелем»[2]. Денис Давыдов выразился еще энергичнее: «<...> извещением Сеславина решилась участь России»[3].

Французские войска от Боровска и русские от Тарутина подходили к Малоярославцу одновременно, корпус за корпусом, и с ходу вступали в бой. 12 октября под г. Малоярославцем разгорелась битва за Калугу – третья по масштабам за всю войну после Смоленска и Бородина, а по значению даже вторая, вслед за Бородином. «Наижесточайшее», по выражению Кутузова[4], побоище длилось весь день – с раннего утра до позднего вечера, с большими (примерно по 7 тыс. человек с каждой стороны) потерями. К 23 часам Малоярославец, многократно (по разным источникам, от 8 до 13 раз!) переходивший из рук в руки, остался у французов[5]. А что русские? Кутузов отступил на 2,7 км к югу и занял там новую позицию, заслоняя собой путь на Калугу[6].

Как же оценить итоги сражения при Малоярославце? Советские историки дружно заключали, что Кутузов здесь победил, даже «разгромил Наполеона»; о том, в чьих руках остался город, помалкивали[7]. П. А. Жилин при этом сетовал: «К сожалению, есть еще за рубежом историки, трактующие сражение под Малоярославцем как победу французской армии»[8]. Как победу французов трактовали это

---

[1] Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 243.

[2] Ермолов А. П. Цит. соч. С. 221.

[3] Давыдов Д. В. Соч. С. 347–348.

[4] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 109.

[5] Этот факт засвидетельствовали все участники битвы – и французы, и русские (в том числе А. П. Ермолов и Н. Н. Раевский, А. Коленкур и Ф.-П. Сегюр).

[6] См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 326.

[7] Гарнич Н. Ф. Указ. соч. С. 264; Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 118; Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. С. 289–290; Орлик О. В. «Гроза двенадцатого года...». С. 77; Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 г. С. 208.

[8] Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. С. 292.

сражение не только «за рубежом», но и в России, и даже сами участники, герои Малоярославца, такие как А. П. Ермолов и Н. Н. Раевский[1]. Они имели в виду победу *тактическую*, чисто военную: ведь Наполеон овладел Малоярославцем, а Кутузов оставил не только город, но и первоначальную позицию за городом, отступив дальше к югу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что зарубежные (не только французские) историки ставят Малоярославец в ряд сражений, выигранных Наполеоном.

Однако битву под Малоярославцем (как и под Бородином) недостаточно оценивать лишь с тактической точки зрения. Здесь важен и *стратегический*, и даже *политический* аспект. Добившись, как и при Бородине, тактического успеха, Наполеон теперь, в отличие от Бородина, ничего не выиграл стратегически; более того, проиграл политически, хотя выяснилось это не сразу после сражения, а в последующие дни.

Пока Кутузов отступал от Малоярославца по дороге на Калугу, Наполеон оставался в Малоярославце. Сразу после битвы он созвал маршалов на совет: атаковать ли Кутузова, чтобы прорваться к Калуге, или уходить к Смоленску по разоренной дороге через Можайск? Маршалы предлагали и оспаривали то одно, то другое. Так и не приняв решения, Наполеон утром 13 октября поехал сам с небольшим конвоем на рекогносцировку местности и возможных особенностей русской позиции. Его сопровождали маршал Л. А. Бертье и генералы А. Коленкур, А.-Ж.-Б. Лористон, Ж. Рапп, Ж. Мутон, А. Дюронель. Едва они выехали из своего лагеря, как на них с криком «Ура!» налетел, откуда ни возьмись, отряд казаков. Императорский конвой был смят. Один из казаков уже пронзил пикой лошадь Раппа. Другие генералы плотным кольцом окружили Наполеона. Все они, обнажив шпаги, приготовились дорого отдать свою жизнь. Подоспевший во главе двух эскадронов конной гвардии маршал Ж.-Б. Бессьер спас их от неминуемой гибели или плена[2].

Наполеон в те минуты смертельной для него опасности сохранял внешнее спокойствие и, как только казаки скрылись, провел рекогносцировку, но вечером приказал своему лейб-медику А.-У. Ювану (заменившему в 1809 г. Ж.-Н. Корвизара) изготовить для него флакон с ядом. «С этого момента император не расставался с флаконом:

---

[1] Ермолов А. П. Цит. соч. С. 224; Раевский Н. Н. Записки. С. 77; Васильев А. А. Малоярославецкое сражение в Отечественной войне 1812 г. // Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 79.

[2] Подробно об этом см.: Васильев А. А. Императорское «Ура» // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994.

попасть в плен живым отныне уже более не грозило ему»[1]. 13 апреля 1814 г., как мы еще увидим, император воспользуется именно этим флаконом при попытке самоубийства.

А пока после рекогносцировки у Малоярославца Наполеон вновь собрал военный совет. Маршал Бессьер решительно выступил против нового сражения с врагом, численно превосходящим, «жертвенно исступленным» и занявшим неприступные позиции[2]. Другие маршалы поддержали Бессьера. Наполеон решил отступать к Смоленску через Можайск.

Так впервые в жизни Наполеон сам отказался от генерального сражения. Впервые в жизни он добровольно повернулся спиной к противнику, перешел из позиции преследователя в позицию преследуемого. Е. В. Тарле справедливо заключил, что истинное отступление Великой армии началось не 7 октября, когда Наполеон вывел ее из Москвы и повел на Калугу, а 13 октября, когда он отказался от Калуги и пошел к Можайску на Старую Смоленскую дорогу[3].

Парадоксальный, беспримерный в истории войн факт: одновременно с отступлением Наполеона от Малоярославца на север, в 5 часов утра 14 октября, Кутузов начал отступать на юг, к с. Детчину, за 24,5 км от Малоярославца, и там уже на следующий день, 15-го, получил известие, что неприятель тоже отступил[4]. «Обе армии отступали одна от другой, французы – к северу, мы – к югу», – вспоминал участник этих боев, будущий декабрист В. С. Норов[5]. (Маршал Даву в драме К. А. Тренева «Полководец» резонно замечает: «Случая отступления от отступающего врага не было в жизни ни у одного полководца»[6].)

Отступательный марш Кутузова к Детчину, а затем еще дальше на юг к слободе Полотняный завод, где фельдмаршал устроил своим войскам двухдневный «растах», вызвал споры между отечественными историками: одни (Н. А. Окунев, М. И. Богданович, А. Н. Попов, М. С. Свечников) порицают его, другие (А. И. Михайловский-Данилевский, П. А. Жилин, Ю. Н. Гуляев и В. Т. Соглаев) оправдывают. Думается, и те и другие по-своему правы. С одной стороны, после того как Наполеон повернул от Малоярославца к Можайску, стало ясно, что марш Кутузова к Детчину и далее к Полотняному заводу был не нужен. Более того, Наполеон из-за этого марша получил вы-

---

[1] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 682.
[2] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 125–126.
[3] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона... С. 681.
[4] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 119, 132.
[5] Норов В. С. Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб., 1834. Ч. 1. С. 16.
[6] Тренев К. А. Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 525.

игрыш времени в трое суток, возможность далеко оторваться от русской армии и до самой Вязьмы быть вне ее досягаемости. Но, с другой стороны, до тех пор пока Наполеон не повернул от Малоярославца к Можайску, у Кутузова были все основания опасаться, что противник сможет пройти к Калуге в обход русской армии – через Медынь. Чтобы прикрыть Медынскую дорогу, фельдмаршал отвел свои войска в Детчино, а затем на Полотняный завод[1]. Значит, его марш был ситуационно оправданной предосторожностью, которая лишь после того, как ситуация изменилась, оказалась излишней.

Отступление французов по Старой Смоленской дороге от Малоярославца к Неману с 13 октября по 2 декабря 1812 г. было для них сплошным бедствием. Дорога представляла собой выжженную пустыню, где, по словам генерала Д. П. Неверовского, «даже кошки нельзя было сыскать»[2]. Поживиться где-либо и хоть чем-нибудь на такой дороге французы не могли. Свернуть же с нее им было некуда: всюду их ждала смерть от рук казаков, партизан, крестьян. Буквально «облепленная», по выражению Дениса Давыдова, партизанскими и казачьими отрядами, Великая армия с первых же дней отступления начала страдать от голода и бескормицы. Бичом армии стал массовый падеж лошадей. Кавалерия превращалась в пехоту. Из-за недостатка лошадей приходилось бросать пушки. Артиллерия тоже превращалась в пехоту. И все терзались муками голода. Н. Н. Раевский 28 октября писал жене о французах: «Они едят собак»[3]. Впрочем, собаки попадались им редко. «Вчерась, – не без удовольствия осведомлял свою супругу Кутузов в тот же день, 28 октября, – нашли в лесу двух (французов. – *Н. Т.*), которые жарят и едят третьего своего товарища»[4]. Француз А.-Ж.-Б. Бургонь сам не видел, но допускал в то время среди солдат Великий армии такое каннибальство: «Не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого черта, будь он зажарен»[5].

После Вязьмы, где ударил первый по-настоящему зимний мороз, сразу в 18^0, на Великую армию обрушился новый враг – холод. По записям французов, 25 октября на их пути было 22^0, 28-го – 12^0, а 1 ноября – 23^0 мороза[6]. Вообще зима 1812 г., как доказал академик М. А. Рыкачев, выдалась самой холодной в России за много десяти-

---

[1] См.: М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 136 (Кутузов – Александру I 16 октября 1812 г.).

[2] Неверовский Д. П. Цит. соч. С. 81.

[3] 1812–1814. Реляции... С. 234.

[4] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 237.

[5] Бургонь А.-Ж.-Б. Цит. соч. С. 62.

[6] Там же. С. 65; Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 426.

летий метеорологических наблюдений[1]. Не зря Н. А. Некрасов полвека спустя писал о России:

В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл[2].

Морозы, северные ветры, снегопады, с одной стороны, подгоняли голодных французов, а с другой – обессиливали их, губили. Великая армия теряла от голода и холода не только боеспособность, она теряла дисциплину, порядок, армейский вид. Солдаты и офицеры, даже генералы «утеплялись» кто как мог: «зачастую генерал был покрыт плохим одеялом, а солдат – дорогими мехами»[3].

Но самым грозным врагом наполеоновской армии оставались регулярные русские войска. В то время как партизаны и казаки, голод и холод гнали французов по разоренной старой (можайской) дороге, Кутузов с главными силами преследовал их *параллельным маршем* южнее, по новой (калужской) дороге, где русские воины всегда находили продовольствие, фураж, места для отдыха и поддержку населения. При этом авангардные части россиян то и дело нападали на арьергарды противника, уничтожали их и брали в плен.

Правда, при всей активности войск авангарда, которыми командовал энергичный Милорадович, Кутузов с главными силами демонстративно не спешил, раздражая собственный штаб своей «системой медления». Служивший тогда при штабе Кутузова прапорщик Н. Д. Дурново (внук генерал-аншефа, сын гофмаршала и сам будущий генерал) возмущался: «Кутузов вынуждает нас двигаться черепашьим шагом»[4]. А генерал Р. Т. Вильсон (английский комиссар при Кутузове) буквально рвал и метал: «Если французы достигнут границы, не будучи вовсе уничтожены, то фельдмаршал, как ни стар и ни дряхл, заслужит быть расстрелянным»[5].

Между тем все французы – от императора до последнего мародера в самом хвосте армии – спешили тогда в Смоленск с его складами, как на землю обетованную. Близость Смоленска придавала им силы. Но в «мертвом, полуразрушенном, полусгоревшем городе отступающую армию ждал удар, сломивший окончательно дух многих ее частей: в Смоленске почти никаких припасов не оказалось»[6].

---

[1] Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 50–51.
[2] Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 273.
[3] Тирион А. Воспоминания офицера. СПб., 1912. С. 41.
[4] 1812 год. Военные дневники. С. 102.
[5] Вильсон Р. Т. Дневник и письма 1812–1813 гг. СПб., 1995. С. 272–274.
[6] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона... С. 694.

Собственно, для гвардии припасов хватило. «Приказывают снабдить на две недели одну гвардию, – записывал в те дни обер-провиантмейстер Великой армии М.-Л. Пюибюск. – В таком случае для 1-го и 4-го корпусов[1] останется только по кусочку хлеба на человека, и то не долее как дня на два»[2]. Армейские части были озлоблены на гвардию за ее всегдашние привилегии, но, так как противиться ей, по-прежнему безупречно организованной, вооруженной и спаянной, нечего было и думать, они, презрев всякую дисциплину, толпами бросились на оставшиеся склады и в голодном исступлении разбили и опустошили их[3].

Не оказалось в Смоленске и подкреплений для Великой армии – ни людьми, ни лошадьми. Отчаяние слышится в ноябрьском письме Наполеона из Смоленска к министру иностранных дел Г.-Б. Маре: «Лошадей, лошадей и еще лошадей!»[4] И тут ко всем бедам прибавились еще дурные вести из Франции.

25 октября Наполеон узнал о заговоре Мале в Париже. Республиканский генерал Клод-Франсуа Мале во главе горстки единомышленников в ночь с 22 на 23 октября (в России то была ночь с 10 на 11) попытался осуществить государственный переворот[5]. Распустив слух, что Наполеон умер в Москве, и оперируя подложными документами, Мале с полуночи до 9 часов утра успел занять почти весь Париж, арестовал министра полиции Р. Савари, провозгласил Францию республикой, а генерала Ж. В. Моро (находившегося тогда в Америке) – президентом и уже готовил заседание временного правительства республики. Лишь поутру военные и полицейские власти Парижа опомнились, рассудили, что «покойник не умер», и арестовали всех участников заговора – 24 человека; 14 из них во главе с генералом Мале были казнены.

Наполеон воспринял весть о заговоре Мале очень болезненно. Он понял, что в самой Франции «вера в устойчивость его власти пошатнулась»[6]. «Когда имеешь дело с французами или с женщинами, – зло шутил он в разговоре с А. Коленкуром, – нельзя отлучаться на слишком долгое время»[7]. Зато русские воины радовались заговору самих французов против Наполеона, хотя смысл заговора терялся

---

[1] 1-м корпусом командовал Л. Н. Даву, 4-м – Е. Богарне.

[2] Пюибюск М.-Л. Письма о войне в России 1812 г. М., 1833. С. 114.

[3] См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона... С. 696; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 192–195.

[4] К истории 1812 г. // Русская старина. 1907. № 11. С. 316.

[5] Подробно см.: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С. 130–149.

[6] Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 176.

[7] Коленкур А., де. Цит. соч. С. 226.

в сумбуре вздорных слухов: Кутузову, например, докладывали, что «во Франции революция» и «сею революцией движет императрица Жозефина»[1].

2 ноября Наполеон оставил Смоленск и повел значительно поредевшие, неотдохнувшие, большей частью голодные и деморализованные, но еще грозные колонны Великой армии дальше на запад. К вечеру 3 ноября император с гвардией, двумя корпусами (Ж.-А. Жюно и Ю. Понятовского) и кавалерией Мюрата подошел к г. Красный. Здесь он узнал, что город занят очень сильным (22–23 тыс. человек при 120 орудиях) отрядом графа А. П. Ожаровского. В то же время войска Милорадовича (два пехотных корпуса и один кавалерийский) вышли к Старой Смоленской дороге у с. Мерлина, отрезая тем самым от главных сил Наполеона сразу три корпуса – Даву, Богарне и Нея. Сзади неотступно преследовали французов казаки Платова. С юга подтягивался к Красному и Кутузов с главными силами[2]. Никогда еще за все время войны армия Наполеона не оказывалась в столь опасном положении.

В поисках выхода Наполеон делал все возможное. В ночь на 4 ноября стремительной атакой дивизии Молодой гвардии под командованием генерала Ф. Роге он выбил отряд Ожаровского из Красного и расчистил себе путь по Старой Смоленской дороге к с. Ляды[3]. Отправив туда Жюно и Понятовского, он сам с гвардией (Старой и Молодой) простоял весь день 4-го в Красном, поджидая отставшие корпуса. Уже за полночь в Красный пришел корпус Богарне. Наполеон и его отправил в Ляды. Выяснив, что россияне не собираются вступать с ним в генеральное сражение, он оставил в Красном Мортье с Молодой гвардией – ждать корпуса Даву и Нея, а Старую гвардию и конницу Мюрата повел вслед за Богарне в Ляды[4].

Даву и Ней тем временем плохо взаимодействовали друг с другом. 5 ноября Даву все же с боем прорвался к Красному, теряя обозы, пушки, отставшие части. Среди русских трофеев оказался и личный обоз Даву, а в нем – его маршальский жезл[5]. Ней же со своим корпусом безнадежно отстал и был окружен со всех сторон войсками Милорадовича. Русский генерал прислал к французскому маршалу парламентера с предложением сдаться. Ней задержал парламентера,

---

[1] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 457.

[2] См. там же. С. 274, 279.

[3] См.: Французы в России. Т. 3. С. 61–62, 68; Бургонь А.-Ж.-Б. Цит. соч. С. 88–92; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 237–238.

[4] См.: Коленкур А., де. Цит. соч. С. 242–243.

[5] См.: РНБ РО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 81 (Военский К. А. Кто захватил жезл Даву?).

чтобы тот не рассказал о бедственном положении корпуса. Тогда от Милорадовича прибыл второй парламентер – «потребовать своего предшественника и сделать маршалу то же предложение»[1]. Ней задержал и второго парламентера. Ценой невероятных усилий и тяжелейших потерь Ней сумел вырваться из русского кольца, перешел в ночь с 6 на 7 ноября Днепр по тонкому льду у Сырокоренья и привел к Наполеону в Оршу 800–900 человек – все, что осталось от его корпуса, а также «еще 4–5 тыс. отставших» солдат других частей[2].

Наполеон считал гибель своего «храбрейшего из храбрых» «почти неизбежной». «Я отдал бы 300 миллионов золота, которые хранятся у меня в погребах Тюильри, чтобы спасти его», – говорил он А. Коленкуру. Когда же Ней предстал перед ним живой и невредимый, император, обнимая маршала, признался ему: «Я уже не рассчитывал на вас»[3].

Кутузов с главными силами все три дня боев под Красным держался в стороне, дав повод некоторым (и царским, и советским) историкам заключить, что он так вел себя «из опасения встретиться лицом к лицу с гениальным противником»[4]. Все было иначе. Ведь Кутузов не побоялся встретиться лицом к лицу с Наполеоном при Бородине. Тем меньше мог он опасаться этого под Красным. Но, убеждаясь с каждым днем после Малоярославца, что победа над Наполеоном обеспечена и близка, фельдмаршал стремился победить с наименьшими жертвами. Возможно, к такому способу действий толкало его сознание своей вины за гибель раненых русских воинов, десятками тысяч брошенных в огне зажженной им Москвы.

Как бы то ни было, сначала в окружении самого Кутузова, а потом и в литературе, вплоть до наших дней, распространилась версия о том, что фельдмаршал строил «золотой мост» Наполеону для отступления, т. е. будто бы он намеренно не мешал врагу уйти из России. Так полагали, например, Н. Н. Раевский и К. В. Нессельроде, А. А. Щербинин и В. И. Левенштерн[5], не считая тех (вроде Л. Л. Беннигсена и Р. Т. Вильсона), кто вообще был настроен против

---

[1] Французы в России. Т. 3. С. 110.

[2] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 142; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона. С. 705; Коленкур А., де. Цит. соч. С. 252.

[3] Французы в России. Т. 3. С. 110; Коленкур А., де. Цит. соч. С. 249.

[4] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 144; Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1923. С. 60.

[5] См.: ВУА. Т. 21. С. 228; Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 170–171; Нессельроде К. В. Воспоминания // Русский архив. 1905. № 8. С. 522; Левенштерн В. И. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 373.

стратегии и самой личности Кутузова. Версию «золотого моста» поддерживал даже Е. В. Тарле[1], но затем советские историки надолго от нее отказались. Лишь в постсоветское время А. М. Рязанов и особенно С. В. Шведов вновь подхватили эту концепцию, согласиться с которой, по-моему, очень трудно.

От самого Тарутина и до Немана Кутузов, по существу, варьировал одну и ту же тактику *«мудрого деятельного бездействия»*, которая так удавалась ему в Тарутинском лагере, когда он ею «усыплял Наполеона на пожарище Москвы»[2]. Он исключал любой риск, не форсировал боевых действий, но, полагаю, и не строил Наполеону «золотых мостов», а преследовал его с надеждой «истребить врага» посредством неустанных ударов по его «хвосту» и при случае окружения отдельных частей, если не всей неприятельской армии. Под Красным Кутузов не сумел это сделать. Но впереди была еще Березина.

После Смоленска с каждым переходом росли бедствия и потери французов, таяла и разлагалась их Великая армия. Евгений Богарне писал маршалу Л. А. Бертье о войсках своего (4-го) корпуса: «Дух в солдатах от сильного изнеможения так упал, что я считаю их теперь весьма мало способными к понесению каких-либо трудов»[3].

Собственно, боевой дух и способность «к понесению трудов», даже обычную выправку сохраняла до конца только гвардия, которую Наполеон и в самое трудное время отступления из России обеспечивал в ущерб другим войскам всем необходимым. Вот зарисовка с натуры из воспоминаний Дениса Давыдова о ноябрьских боях под Красным: «Наконец, подошла Старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон <...>. Неприятель, увидя шумные толпы наши (партизан и казаков. – *Н. Т.*), взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу <...>. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля <...>. Гвардия с Наполеоном прошла посередине толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками»[4].

12 ноября Наполеон подошел к р. Березине у г. Борисов. Именно здесь Кутузов в рапортах Александру I и в предписаниях своим гене-

---

[1] См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеон... С. 676.

[2] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 300. Курсив мой. – *Н. Т.*

[3] РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 86. Л. 64 (письмо от 8 ноября 1812 г., перехваченное и переведенное русскими).

[4] Давыдов Д. В. Соч. С. 370–371.

ралам предрекал «неминуемое истребление всей французской армии»[1].

Дело в том, что еще 8 сентября (!) флигель-адъютант царской свиты А. И. Чернышев доставил Кутузову сочиненный в Петербурге с участием царя план, по которому французы должны были быть «*искоренены до последнего*» на Березине соединенными усилиями войск Кутузова с востока, генерала П. Х. Витгенштейна с севера и адмирала П. В. Чичагова с юга[2]. Кутузов тогда одобрил этот план, а после того как он попытался, но не сумел окружить и уничтожить Великую армию (к тому времени уже *малую*) в районе Смоленска, теперь вернулся к «царскому» плану. Казалось, все предвещало ему успех.

Действительно, по авторитетному мнению К. Клаузевица, «никогда не встречалось столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле»[3]. Во-первых, на Березине русских войск было втрое больше, чем у Наполеона. Кутузов имел от 45 тыс. человек до 50 тыс., Чичагов – 33 тыс., Витгенштейн – около 40 тыс., всего – примерно 120 тыс. бойцов[4]. Наполеон, присоединивший к себе фланговые корпуса Н.-Ш. Удино и Л.-Г. Сен-Сира и резервный корпус К. П. Виктора, располагал, по данным Ж. Шамбре, 30,7 тыс., а по сведениям А. Фэна, 40,7 тыс. боеспособных людей плюс 35–40 тыс. т. н. «некомбаттантов»[5] (безоружных, отставших и больных)[6], которые уже давно не помогали армии, а только мешали ей.

Позиционно россияне имели перед французами еще большее преимущество, чем количественно. Чичагов 9 ноября занял Борисов, выбив из города польскую дивизию Я. Г. Домбровского, и «господствовал совершенно правым берегом реки Березины»[7]. Витгенштейн 13-го прибыл в с. Бараны, не далее одного перехода от Борисова. Таким образом, путь вперед (на запад) Наполеону был отрезан, а сза-

---

[1] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 306, 385, 392, 429, 555.

[2] Там же. Ч. 1. С. 463–470. Итак, в те дни, когда Наполеон занимал Москву, Александр уже планировал истребление его армии. Этот факт, который советские историки всегда недооценивали либо вовсе замалчивали, делает честь царю.

[3] Клаузевиц К. 1812 год. С. 127.

[4] Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 292; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 243, 297, 470–471.

[5] От франц. combattant – воин.

[6] Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 52; Fain A. Op. cit. T. 2. P. 397; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. С. 568.

[7] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 429 (Кутузов – Александру I 19 ноября 1812 г.).

ди его преследовали казаки Платова, за которыми шли и главные силы Кутузова. Наполеон оказывался в западне.

Соратники Наполеона не видели выхода. «Мы все тут погибнем, – говорил Мюрат. – О капитуляции не может быть и речи»[1]. Он предложил Наполеону «спасти себя, пока еще есть время», бежать скрытно с отрядом поляков. Император был разгневан тем, что «посмели думать, будто он покинет свою армию в опасности»[2]. Между тем Чичагов уже готовился взять Наполеона в плен. Адмирал сообщил даже своим войскам приметы императора, подчеркнув в особенности его «малый рост», а потом распорядился: «Для вящей же надежности ловите и приводите ко мне всех малорослых»[3].

Наполеон впервые за всю свою полководческую карьеру оказался в столь катастрофической ситуации. В довершение всех его бед, словно назло ему, Березина, уже было замерзшая, теперь после двухдневной оттепели снова вскрылась, а сильный ледоход мешал строить мосты. В этой безысходности Наполеон изыскал единственный шанс к спасению.

Пользуясь медлительностью Кутузова, главные силы которого отстали на три перехода, Наполеон успел создать видимость переправы через Березину у с. Ухолоды, чем дезориентировал Чичагова. Адмирал потянулся со своими войсками вниз от Борисова к Ухолодам. Тем временем Наполеон начал готовить переправу у с. Студенки выше Борисова на 14 км – там, где в 1709 г., перед Полтавской битвой, прошел навстречу своей гибели Карл XII. Ширина реки достигала здесь 107 м, глубина – 3 м. С утра 14 ноября главный военный инженер Наполеона генерал Ж.-Б. Эбле (тот самый, кто строил мосты через Неман в первый день этой войны) стал наводить два понтонных моста через Березину. Его 400 понтонеров работали по плечи в воде, среди плавучих льдов, шесть часов. Почти все они погибли, но дело свое сделали – мосты навели. Д. С. Мережковский писал о них: «Крови своей не лили на полях сражений, а только давали ей стынуть в жилах, но, может быть, эти неизвестные люди сто́ят многих славных»[4].

К вечеру 14 ноября оба моста были готовы. Остаток этого дня и весь следующий день французы переходили Березину беспрепятственно. Сам Наполеон во главе Старой гвардии переправился к середине дня 15-го. «Император стоял у входа на мост и торопил пере-

---

[1] Rapp J. Mémoires. P., 1895. P. 261.

[2] Ibid.; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 314.

[3] Приказ П. В. Чичагова от 7 ноября 1812 г. // Русская старина. 1892. № 12. С. 642.

[4] Мережковский Д. С. Наполеон. С. 217.

праву, – вспоминал очевидец. – Он казался мне таким же спокойным, как на смотру в Тюильри»[1].

Тем временем Витгенштейн с севера, из Баран, и Чичагов, уже разобравшийся в переправах, с юга, от Ухолод спешили к Студенке. А с востока к Борисову вышли передовые части Главной армии под начальством Ермолова и Платова. Теперь французам пришлось пробиваться и к Березине (с левого на правый берег) и от Березины дальше на запад. Жесточайший бой на обеих берегах реки не утихал с раннего утра 16 ноября до поздней ночи с 16 на 17-е[2].

Утром 17 ноября наступила развязка. Атакуемый Витгенштейном и Чичаговым и не исключавший скорого появления Кутузова, Наполеон понял, что всю артиллерию и обозы ему не спасти. В 8 часов 30 минут утра, когда на левом берегу еще оставалась масса «некомбаттантов» (больше 10 тыс. человек), генерал Эбле по приказу Наполеона и под вопли оставшихся поджег оба моста[3]. Еще через полчаса на всю эту массу беспорядочно толпившихся в пароксизме отчаяния людей налетели казаки и частично изрубили, а большей частью взяли в плен. А в это время Наполеон, отбиваясь от Чичагова, уходил с гвардией, остатками кавалерии Мюрата, корпусов Даву, Нея, Богарне, Удино, Виктора, Жюно, Понятовского через Зембин на запад, к Вильно.

По выражению писателя-юмориста Аркадия Аверченко, Наполеон на Березине «потерпел победу»[4]. Действительно, потерял он здесь людей больше, чем при Бородине (20–25 тыс. строевых и примерно столько же прочих)[5]. Через три дня после Березины у него, по данным Ж. Шамбре, оставалось, кроме 10–15 тыс. «некомбаттантов», всего 9 тыс. бойцов: 2 тыс. офицеров и 7 тыс. солдат, почти исключительно гвардейских[6]. Но ведь Александр I и Кутузов планировали истребить на Березине всю французскую армию «до последнего ее солдата», включая Наполеона, разумеется. Между тем Наполеон спас не только себя самого, но и все то, что россияне особенно старались «искоренить»: гвардию, офицерский корпус, генералитет и всех маршалов (пленен был лишь один генерал – Л. Партуно,

---

[1] Двенадцатый год. М., б. г. С. 134.

[2] См.: Военский К. А. Переправа через Березину. Рукопись // РНБ РО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 123.

[3] Там же. Л. 19 об.

[4] Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». Л., 1990. С. 219.

[5] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 285. Другие источники, как правило, называют цифры, близкие к подсчетам Богдановича.

[6] Chambray G. Op. cit. T. 3. P. 98.

который ранее уже побывал в плену у А. В. Суворова). «К общему сожалению, – рапортовал царю огорченный Кутузов, – сего 15-го числа Наполеон <...> переправился при деревне Студенице»[1].

Сравнив итоги Березинской операции с тем, каково было положение Наполеона в ее начале и какую цель ставил перед собой Наполеон, можно понять, почему не только французы (А. Коленкур, А. Фэн, А. Жомини, А. Тьер), но и ряд авторитетов европейской, русской дореволюционной, советской и постсоветской историографии (К. Клаузевиц, Ф. Меринг, Г. Хатчинсон, Д. Чандлер, М. И. Богданович, Е. В. Тарле, О. В. Соколов) пришли к выводу, что «как военный случай Березинская переправа представляет собой замечательное наполеоновское достижение», ибо «честь свою Наполеон здесь спас в полной мере и даже приобрел новую славу»[2].

Как исследовательскую несообразность отмечу здесь глобальный вывод Л. Г. Бескровного. Этот авторитетнейший в советское время историк, доктор, профессор, ведущий сотрудник Академии наук СССР, известный тем, что он объявил, будто «после Бородинского сражения начался период контрнаступления» россиян (стало быть, оставление Москвы французам было актом русского *контрнаступления*!), так оценил Березинскую операцию: «Военная история нового времени *не знает случая* столь энергично и умело проведенного окружения и уничтожения армии противника»[3]. Выходит, Бескровному был неведом известный каждому школьнику «случай» под Седаном, где в 1870 г. пруссаки окружили и полностью ликвидировали (уничтожили и пленили) 120-тысячную французскую армию во главе с императором Франции (Наполеоном III)!

С легкой руки Кутузова, который в рапортах царю всю вину за то, что не удалось покончить с Наполеоном, возложил на Чичагова[4], адмирал сразу же стал и отныне остается в России козлом отпущения за русские промахи на Березине. Жена Кутузова Екатерина Ильинична, статс-дама императорского двора, говорила: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж – Россию, а Чичагов – Наполеона». Эти ее слова циркулировали даже в Англии, их знал

---

[1] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 416–417.

[2] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. С. 289. См. также: Клаузевиц К. 1812 год. С. 128; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона... С. 707; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 516; Соколов О. В. Цит. соч. С. 414.

[3] Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. С. 398, 579. Курсив мой. – *Н. Т.*

[4] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 422, 555–556.

Д. Г. Байрон[1]. «Все состояния подозревали его в измене», – вспоминал о Чичагове Ф. Ф. Вигель[2]. Г. Р. Державин высмеял «земноводного генерала» в эпиграмме[3], а И. А. Крылов – в басне «Щука и кот». Александр I, ранее доверявший Чичагову, как своему «homme de tête» (впередсмотрящему), теперь поверил молве и не вступился за репутацию адмирала. Чичагов так обиделся за все это, что в 1814 г. навсегда покинул родину (а дожил он до 1849 г.) и писал за границей желчные воспоминания, в которых оправдывал свои действия.

Сегодня любой историк, умеющий судить непредвзято, видит то, на что указывали еще сами участники событий (А. П. Ермолов, В. И. Левенштерн, В. С. Норов, Денис Давыдов): из трех русских командующих именно Чичагов больше всех мешал французам переправиться через Березину и причинил им наибольший урон. Зато Кутузов, который должен был теснить врагов и прижать их к Березине, все время оставался далеко позади и лишь19 ноября перешел через Березину у местечка Жуковец, в 53 км южнее места переправы Наполеона[4]. Не зря Ж. де Местр ехидничал по этому поводу: «Вот если бы Наполеон командовал русскими, то, уж конечно, взял бы в плен самого себя»[5].

Впрочем, Березинская операция, даже не удавшаяся россиянам в главном, поставила Наполеона на край гибели. Его Великая армия вскоре фактически перестала существовать, а то, что осталось от нее, могло лишь послужить (и действительно послужило) основой для создания новой армии. Только теперь Наполеон решился подготовить общественное мнение Франции и Европы к восприятию постигшей его катастрофы. 21 ноября в Молодечно он составил «погребальный», как назвали его сами французы, 29-й бюллетень – своего рода надгробное слово о Великой армии[6]. Признав свое поражение, Наполеон объяснил его превратностями русской зимы, а закончил фразой, которая шокировала даже его верноподданных: «Здоровье Его Величества никогда не было лучшим». «Лев получил тяжелые ранения, – так комментировал эту фразу А. З. Манфред, – но он жив, он еще сохранил силы, и он опасен. Берегитесь! В этом был смысл

---

[1] Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII – пер. пол. XIX в.) // Литературное наследство. 1982. Т. 91. С. 403.

[2] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 2. С. 633.

[3] Державин Г. Р. Соч. СПб., 1866. Т. 3. С. 451.

[4] Подробно см.: Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2003. С. 310–312.

[5] Местр Ж., де. Цит. соч. С. 241.

[6] Текст его см.: Bulletins officiels de la Grande Armée... P. 157–164.

последней фразы 29-го бюллетеня, показавшейся современникам столь мало уместной и странной. То было предостережение»[1].

Вечером 23 ноября в местечке Сморгонь император покинул остатки своей армии, передав командование И. Мюрату как старшему по титулу – монарху, неаполитанскому королю. Он отправился в Париж, чтобы опередить пораженческие толки вокруг 29-го бюллетеня, а главное – собрать новую армию. Взяв с собой А. Коленкура, М. Дюрока, генерал-адъютанта Ж. Мутона, секретаря А. Фэна, переводчика графа С. Вонсовича, несколько слуг и – только до русской границы – кавалерийский эскорт, Наполеон за 13 дней промчался инкогнито, под именем герцога Виченцского, через всю Европу, миновал все расставленные для него западни и к полуночи 6 (18) декабря уже был в Париже.

После отъезда Наполеона из армии моральный дух ее остатков (если не считать гвардии) упал и дисциплина развалилась окончательно. «Присутствие императора воодушевляло нас, – вспоминал сержант А.-Ж.-Б. Бургонь, – он всегда умел находить новые ресурсы, чтобы извлечь нас из беды <...>. Как бы мы ни были несчастны, всюду с ним мы были уверены в победе»[2]. Солдаты Великой армии боготворили своего императора. Стоило ему вскоре после Березины в двадцатиградусный мороз спросить понурого гренадера: «Холодно тебе, мой друг?», как тот приосанился и бодро ответил: «Нет, государь, когда я смотрю на вас, мне тепло». «Тепло, как от солнца, в ледяном аду», – прокомментировал этот ответ гренадера Д. С. Мережковский[3]. Мюрат заменить Наполеона, конечно же, не мог. При нем дезорганизация и деморализация остатков армии (еще раз оговорюсь: кроме гвардии) приняли столь «чудовищные размеры»[4], что испугали его самого: 5 января 1813 г. он вдруг взял и уехал к себе в Неаполь (можно сказать дезертировал), сдав командование Евгению Богарне.

После Березины ударили по деморализованным завоевателям и уже не ослабевали самые жестокие морозы: 23 ноября в Сморгони было минус 25^0, 25-го в Ошмянах -34^0, 27-го и 28-го в Вильно $-28^{0/5}$. Обессиленные «дети Парижа», пришельцы из теплых далей Лазурного берега и солнечного Неаполя гибли от холода и на привалах, и прямо на ходу. «Оставляемый нами бивак походил на поле сражения, – свидетельствовали французы. – Он бывал покрыт тру-

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 638.

[2] Бургонь А.-Ж.-Б. Цит. соч. С. 162.

[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 218.

[4] Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 260.

[5] Larrey D. Mémoires. P., 1817. T. 4. P. 104; Французы в России. Т. 3. С. 252, 271; Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 50.

пами так же, как и дороги, по которым мы проходили»[1]. «Все погибло», – в таких выражениях рапортовал Л. А. Бертье Наполеону в Париж из Вильно 9 декабря[2].

Удивительно, как в таких условиях французы могли вести с собой русских пленных. Всего из Москвы их вывели, по разным данным, от 2 до 3 тыс.[3], и какое-то число, пусть даже крайне малое, довели до Франции. В этом числе оказались граф В. А. Перовский – будущий фаворит Николая I с любопытной родословной (двоюродный внук морганатического супруга *царицы* Елизаветы Петровны А. Г. Разумовского и двоюродный же дед *цареубийцы* Софьи Перовской)[4] и рядовой солдат Семенов – по семейной легенде предок всемирно известного мастера детективного жанра в литературе Жоржа Сименона[5].

Что касается французских военнопленных 1812 г., то наиболее колоритной (даже несколько экзотической) личностью среди них оказался лейтенант Жан Батист Николя Савен, который попал в плен на Березине и с февраля 1813 г. навсегда остался в Саратове, где служил воспитателем в благородном пансионе при местной гимназии, преподавал французский язык и умер 29 ноября 1894 г. на 127 (!) году жизни – последним из ветеранов Наполеона[6].

В плен были взяты и те 5139 больных и раненых французов, которые оставались в госпиталях Вильно к приходу русских войск. В их числе был 27-летний генерал Мари Ксавье Жозеф Лефевр – сын командующего Старой гвардией маршала Ф.-Ж. Лефевра, герцога Данцигского. Маршал оставил раненого сына и при нем – письмо на имя А. А. Аракчеева с просьбой проявить к раненому «лояльность». Через четыре дня после вступления русской армии в Вильно генерал Лефевр умер и был похоронен на местном Бернардинском кладбище. Спустя 100 лет, к 1912 г., его могила с мраморным надгробием еще сохранялась[7].

---

[1] Французы в России. Т. 3. С. 245.

[2] Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона... С. 719.

[3] См.: Французы в России. Т. 2. С. 155; Ségur Ph.-P. Op. cit. T. 2. P. 154.

[4] См.: Из записок покойного графа В. А. Перовского // Русский архив. 1865. № 1. Эти записки использованы в романах «Война и мир» Л. Н. Толстого (где Перовский послужил прототипом Пьера Безухова) и «Сожженная Москва» Г. П. Данилевского (здесь Перовский как один из главных героев).

[5] См.: Шрайбер Э. Л. Жорж Сименон. Л., 1983. С. 281–282.

[6] См.: Тотфалушин В. П. Жизнь и судьба Ж.-Б. Савена в свете новых фактов // Бородино и наполеоновские войны. М., 2003.

[7] РГИА. Ф. 154. Оп. 1. Т. 2. Д. 82. Л. 47 (текст письма Ф.-Ж. Лефевра); Круковский А. Могила одного из участников войны 1812 г. // Русская старина. 1911. № 9.

Уникальный в истории всех времен и народов факт: в кровопролитной войне 1812 г. с Россией Наполеон не проиграл ни одного сражения (даже при Березине «потерпев» победу!), но потерял почти всю свою, более чем полумиллионную армию. Если не считать вспомогательные войска пруссаков и австрийцев, из примерно почти 600 тыс. завоевателей, вторгшихся в Россию, выбрались из России едва ли больше 30 тыс. горемык, включая и фланговые корпуса[1]. Кутузов имел основания так отрапортовать царю 7 декабря 1812 г.: «Неприятель почти истреблен»[2].

Во Франции известие о гибели Великой армии вызвало всеобщее потрясение, тем более сильное, что страна не была к такому готова. Ведь еще недавно французские газеты прославляли вступление Наполеона в Москву как нечто «выходящее за пределы всего, что давала нам доселе его полная чудес история»[3]. Правда, отступление из Москвы, как ни приукрашивалось оно в 27-м и 28-м бюллетенях Наполеона, встревожило Францию. «Мы начали пробуждаться от сна», – вспоминала герцогиня Л. д'Абрантес; и все-таки окончательное пробуждение «было ужасно»[4]. Опубликованный 16 декабря в парижском официозе «Moniteur» 29-й бюллетень ошеломил французов[5]. Одна его фраза о том, что-де из-за морозов «армия, столь блестящая еще 6 ноября, 14-го имела уже иной вид, почти без кавалерии, без орудий, без транспорта»[6], сказала почти все – остальное дорисовывало воображение. Вся страна была повергнута в траур. Повсюду, с верхов до самого низа социальной лестницы, начался ропот.

Катастрофой, случившейся с ним в России, потрясен был и сам Наполеон. Перед нападением на Россию он взвесил, казалось, все: ее военный потенциал, способности русских генералов, количество и качество солдат и вооружений, – но сражаться ему пришлось со всем российским народом, которого он, прикидывая свои шансы на победу, опрометчиво не принял в расчет. Вот в чем была его главная, роковая оплошность, более важная, чем недоучет российских пространств и морозов, оплошность, тем более непостижимая, что он с 1808 г. уже страдал от нее в Испании. Иначе говоря, против него вновь сработал *испанский синдром*, теперь многократно большего масштаба, ибо Россия предстала перед Наполеоном как «Испания без границ».

---

[1] Тарле Е. В. Нашествие Наполеона... С. 726.
[2] М. И. Кутузов... Т. 4. Ч. 2. С. 551.
[3] Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 13.
[4] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 15. С. 5, 6.
[5] Mémoires du duc Rovigo. P., 1828. T. 6. P. 47.
[6] Bulletins officiels de la Grande Armée... P. 158.

Глава IV
НАЧАЛО КОНЦА

Меня свергли не роялисты или
недовольные, а иностранные штыки.
Наполеон

1. Очередная (шестая!) коалиция

В декабрьские дни 1812 г., когда Франция скорбела о гибели своей Великой армии, Россия упивалась триумфом над «современным Аттилой». Александр I и М. И. Кутузов, естественно, радовались больше всех. «Я почитаю себя щастливейшим из подданных Вашего Величества», – написал фельдмаршал царю 7 декабря[1]. Но Кутузов лучше, чем кто-либо, видел и дорогую цену победы, одержанной, глядя со стороны, легко и быстро. Не говоря уже о разоренных городах и селах России (включая сожженную Москву), о гибели неисчислимого множества ее хозяйственных, культурных и прочих ценностей, сравним две армии.

Ведь как ни осторожничал светлейший, руководимая им *победоносная* русская армия, преследуя Наполеона, понесла потери немногим меньшие, чем побежденная и «почти истребленная» французская армия. Документы свидетельствуют: Великая армия Наполеона вышла из Москвы численностью 115,9 тыс. человек, получила в пути подкрепления в 31 тыс., а на границе от нее осталось 14,2 тыс. человек[2] (общие потери – 132,7 тыс. человек[3]); Кутузов вышел из

[1] М. И. Кутузов: Сб. док-тов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 549.

[2] Chambray G. Histoire de l'expedition de Russie. P., 1838. T. 2. P. 315; T. 3. P. 162–163.

[3] Гланым образом то были пленные. Подсчитано, что общее число военнопленных к 1 января 1813 г. превысило 216 тыс., т. е. более трети всей Великой Армии (Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 185).

Тарутина во главе 120-тысячной армии (не считая ополчения), получил в пути как минимум 10-тысячное подкрепление, а привел к Неману 27,5 тыс. человек[1] (потери – не менее 120 тыс. человек). Стендаль был близок к истине, заявив, что «русская армия прибыла в Вильно не в лучшем виде», чем французская[2]. Поэтому Кутузов в рапортах царю 1, 2 и 9 декабря настойчиво предлагал дать армии отдых в Вильно «до двух недель», ибо, «если продолжить дальнейшее наступательное движение, подвергнется она в непродолжительном времени совершенному уничтожению»[3].

Александр I, однако, потребовал «следовать беспрерывно за неприятелем» из пределов России в Европу. Он прибыл в Вильно вместе со своим alter ego А. А. Аракчеевым 11 декабря, а 12-го, в день своего рождения, принял у себя всех генералов и приветствовал их словами: «Вы спасли не одну Россию. Вы спасли Европу»[4]. Кутузову царь лично вручил высший воинский орден империи – Св. Георгия I степени.

Кутузов достиг вершины своей полководческой славы, казавшейся ему самому невероятной. В откровенном разговоре с А. П. Ермоловым он признался: «Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, стращавшего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу!»[5] Но с заграничным походом светлейший не торопился и предпочел бы вообще обойтись без него. «Ваш обет исполнен, – говорил он царю, – ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле. Теперь остается исполнить и вторую половину обета: положить оружие»[6]. Но Александр I, переживший взлет от глубочайшего унижения к высочайшему торжеству, не хотел останавливаться на достигнутом.

Победа над «всемирным бичом» зла показалась царю столь грандиозной, что он не посмел объяснить ее ни патриотическим подъемом народа и армии, ни собственной твердостью, а целиком отнес ее к Богу. «Господь шел впереди нас, – говорил Александр князю А. Н. Голицыну. – Он побеждал врагов, а не мы!» Эту мысль царь выразил и в манифесте к россиянам от 25 декабря 1812 г.: «Итак, да по-

---

[1] М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 1. С. 361, 440; Ч. 2. С. 552.

[2] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 108.

[3] М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. С. 551, 582.

[4] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 134.

[5] Ермолов А. П. Записки. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 258 (Ермолов подчеркнул здесь, что он передает сказанное Кутузовым «в точных его выражениях»).

[6] Цит. по: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 137.

знаем в великом деле сем промысел Божий!»[1] На памятной медали в честь победы 1812 г. над Наполеоном Александр повелел отчеканить: «НЕ НАМЪ – НЕ НАМЪ – А ИМЕНИ – ТВОЕМУ»[2]. Вдохновляясь «промыслом Божьим», он решил, что недостаточно отомстить «исчадию революции», врагу всех «Божьих помазанников» (феодальных монархов) и своему личному – за Аустерлиц и Фридланд, Смоленск и Москву, за подневольные обеты Тильзита и Эрфурта только изгнанием его из России. Теперь Александр посчитал возможным, *с Божьей помощью*, достроить шестую коалицию, возглавить ее и стать на правах коалиционного вождя Агамемноном Европы. Ради этого он проявил столько инициативы, настойчивости и энергии, что можно согласиться с мнением русских придворных историков: «Без Александра не было бы войны 1813 г.»[3]

12 декабря Александр заверил английского комиссара при русском штабе Р. Т. Вильсона: «Теперь я уже не оставлю мою армию»[4]. Он, правда, согласился на двухнедельный отдых Главной армии в Вильно, как только увидел ее. Армия, ослабленная на две трети численно, еще и «потеряла вид», что огорчило царя, а у великого князя Константина Павловича это зрелище исторгло крик возмущения: «Эти люди умеют только драться!»[5] Лишь 24 декабря, отдохнув и подтянув резервы, Главная армия выступила из Вильно и 1 января 1813 г. перешла Неман, положив тем самым начало своим заграничным походам 1813–1815 гг. Командовал ею по-прежнему Кутузов, но вместе с ним в Главной квартире неотлучно пребывал сам российский император, готовый если не стратегически, то политически вразумлять старого фельдмаршала. Кутузов продолжал осторожничать. «Самое легкое дело – идти теперь за Эльбу, – ворчал он, – но как воротимся? С рылом в крови!»[6] Впрочем, до конфликта между царем и фельдмаршалом дело не дошло. Уже в феврале Кутузов стал часто болеть; 28 апреля 1813 г. в силезском городке Бунцлау (ныне г. Болеславец в Польше) он умер – за четыре дня до новой встречи с Наполеоном.

---

[1] Отечественная война 1812 г.: Мат-лы Военно-учетного архива Главного штаба (далее – ВУА). СПб., 1914. Т. 21. С. 256.

[2] Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 409. Надпись на медали – цитата из Псалтири (Пс. 113:9). – *Примеч. ред.*

[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 137.

[4] Вильсон Р. Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий... СПб., 1995. С. 283.

[5] Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1907. Ч. 1. С. 25.

[6] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 142.

Да, Наполеон к тому времени, словно из-под земли, по волшебству, уже собрал новую армию и спешил во главе ее к Эльбе.

Катастрофа, постигшая французскую армию, в России потрясла, но не обескуражила Наполеона, поскольку была воспринята им как *стихийное* бедствие. Он верил в себя, надеялся на преданность своих германских вассалов и на лояльность тестя, императора Австрии, а потому считал, что шестая коалиция не будет прочной и распадется после первых же его побед. Трудно было лишь собрать заново большую армию, а в том, что он поведет ее от победы к победе, император не сомневался, как не сомневался и в том, что эти его победы заставят смолкнуть охвативший Францию ропот недовольства его воинственностью.

Новую армию Наполеон создавал с магической быстротой, призвав под ружье половину новобранцев досрочно, в счет 1814 и отчасти даже 1815 г. Не только обучить, но и организовать их должным образом не было времени. Их отправляли в поход ротами, на пути к границе соединяли в батальоны, за границу они уходили полками, а к началу боев составляли дивизии и корпуса. «Разум отказывается верить, – вспоминал один из министров императора, – когда представляешь себе работу, которую пришлось проделать, и разнообразные ресурсы, какие сумел он найти, чтобы за пять месяцев собрать, одеть, экипировать и обеспечить боеприпасами такую армию».

«Но даже гений Наполеона, – справедливо констатировал Анри Лашук, – не мог создать из ничего хорошую конницу»[1]. Для этого недоставало ни времени, ни источников пополнения конного состава, поскольку многие из лучших конных заводов Европы находились в Пруссии и государствах центральной Германии, выступивших теперь против Франции. Отныне недостаток кавалерии будет фатально тормозить маневренность войск Наполеона.

Всего к началу кампании 1813 г. Наполеон уже имел 200 тыс. солдат, но их боеспособность резко уступала той, которою славились герои Аустерлица и даже Бородина. Теперь, по авторитетному мнению Дэвида Чандлера, «между количеством солдат и качеством их существовала пропасть», – настолько невыгодно отличались новые войска от прежних[2]. Но преклонение перед Наполеоном удваивало силы новобранцев. Император сам провожал в поход новые формирования, раздавал им знамена, старался воодушевить их клятвами верно-

---

[1] Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796–1815 гг. М., 2004. С. 591; Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 199–200.

[2] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 529.

сти Отечеству. «Никогда, – вспоминал очевидец одной из таких сцен, – никогда не изгладится в моей памяти конец его речи, когда, привстав на стременах и протянув к нам руку, он бросил нам эти два слова: “Клянетесь ли?” И я, и все мои товарищи, мы почувствовали в этот миг, точно он силой исторг из наших душ крик: “Клянемся! Да здравствует император!” Сколько мощи было в этом человеке!»[1]

Такой же патриотический подъем испытывали и жители Парижа (из разных сословий), собиравшиеся многотысячными толпами у дворца Тюильри посмотреть на проводы. Последний перед отъездом самого Наполеона на фронт смотр его войск ярко запечатлен в романе Оноре Бальзака «Тридцатилетняя женщина». «То было тринадцатое воскресенье 1813 года <...>. Франция готовилась к прощанию с Наполеоном накануне кампании, опасность которой предвидел каждый. На этот раз дело шло о самой Французской империи, о том, быть ей или не быть. Мысль эта, казалось, волновала и военных, и штатских, волновала всю толпу, в молчании теснившуюся рядом с солдатами. Солдаты эти – оплот Франции, последняя капля ее крови – вызывали тревожное любопытство зрителей. Большинство горожан и воинов, быть может, прощались навеки; но все сердца, даже полные вражды к императору, обращали к нему горячие мольбы о славе Франции. Даже люди, измученные борьбой, завязавшейся между Европой и Францией, отбросили ненависть и понимали, что в грозный час Наполеон – олицетворение Франции.

Далее Бальзак описывает *явление Наполеона* на этом смотре *народу* и армии. «Император был замечен всеми и сразу на всех концах площади. Тотчас забили “поход” барабаны, оба оркестра грянули одну и ту же воинственную мелодию, которую подхватили все инструменты от нежнейших флейт до турецкого тромбона. При этом мощном призыве сердца затрепетали, знамена склонились, солдаты взяли на караул, единым и точным движением вскинув ружья во всех рядах. От шеренги к шеренге, будто эхо, прокатились слова команды. Возгласы “Да здравствует император!” потрясли воодушевленную толпу. Вдруг все дрогнуло, всколыхнулось, тронулось. Наполеон вскочил на коня. Движение это вдохнуло жизнь в немую громаду войск, взметнуло в едином порыве знамена, взволновало лица. Стены высоких галерей дворца, казалось, тоже возгласили: “Да здравствует император!”. В этом было что-то сверхъестественное, то было какое-то наваждение, подобие божественного могущества <...>. Человек этот, средоточие такой любви, восхищения, преданности, стольких чаяний, ради которого солнце согнало тучи с неба, сидел верхом на

[1] История XIX в. / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1906. Т. 2. С. 181.

коне, скромно одетый, шага на три впереди эскорта из приближенных в расшитых золотом мундирах <...>. Ничто не дрогнуло в лице этого человека, взволновавшего столько душ»[1].

Тем временем победоносные русские войска шли вперед – освобождать от Наполеона Европу, включая и Францию. Это понимал каждый солдат. Другие задачи – восстановить на континенте феодальные режимы, свергнутые Французской революцией и Наполеоном, вернуть на троны Европы дореволюционных монархов, а народам – крепостное право, инквизицию, сословное неравенство, даже обеспечить России европейскую гегемонию, – эти задачи «нижним чинам» не разъясняли. Зато Александр I и его окружение, впервые за 10 лет испытавшие радость победы над Наполеоном, предвкушали скорое решение всех задач, ради которых бились насмерть с «новым Аттилой» пять коалиций подряд. Царь не скрывал своего торжества. Сопровождавший его в феврале 1813 г. А. И. Михайловский-Данилевский записывал в дневнике: «Государь был всегда верхом, одетый щеголем. Удовольствие не сходило с прекрасного лица его»[2].

Все складывалось для шестой коалиции наилучшим образом. Англия уже отсчитывала коалиционерам свое золото, выделив на 1813 г. только для России 1 333 334 ф. ст. (при условии, что Россия выставит против Наполеона 160 тыс. человек «пушечного мяса»)[3]. Пруссия и Австрия порвали союзные отношения с Францией, причем 20-тысячный прусский вспомогательный корпус генерала Г. Йорка[4] еще в декабре 1812 г. перешел на сторону России, а 28 февраля в Калиге Пруссия заключила с Россией договор о совместной борьбе с Наполеоном, выставив для начала 80 тыс. солдат[5]. Австрийский же вспомогательный корпус фельдмаршала К. Ф. Шварценберга (30 тыс. человек) в январе вышел из войны, открыв русским войскам путь на Варшаву, и теперь министр иностранных дел, а фактически глава правительства Австрии К. В. Л. Меттерних договаривался с Россией и Пруссией об условиях присоединения Австрийской империи к шестой коалиции. Договаривался так, что Александр I и Фридрих-Вильгельм III поняли: Франц I присоединится к ним непременно и скоро.

---

[1] Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 2. С. 97, 101–102.

[2] 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 317.

[3] Внешняя политика России XIX и нач. XX в.: Док-ты Российского Минва иностр. дел. Сер. 1 (далее – ВПР). М., 1970. Т. 7. С. 250, 253.

[4] Г. Йорк заменил в августе 1812 г. заболевшего Ю. Граверта.

[5] Там же. С. 67.

А пока 15 марта в Бреславле Александр встретился с Фридрихом-Вильгельмом. Венценосные приятели бросились в объятия друг к другу и, по наблюдению очевидцев, «молча, несколько минут, прижимали один другого к сердцу». Видя, что король прослезился, царь воскликнул: «Утешьтесь, брат мой, это последние слезы, которые заставил вас проливать Наполеон!»[1] В тот же день из Бреславля Александр отправил письмо другому своему «брату» Францу I: «Хотел бы приехать в Вену, чтобы забыть в ваших объятиях о прошлом и возобновить Вашему величеству заверения в моей искреннейшей привязанности»[2].

Пока был жив Кутузов, Александр выказывал ему подчеркнутую благосклонность. Никто не мог упрекнуть царя в том, что он завидует воинской славе фельдмаршала. Он воспринимал как должное приветственные возгласы пруссаков в адрес Кутузова даже при виде его, царя: «Vivat papa Kutusof!»; а когда жители городка Стейнау на Одере поднесли самому Александру лавровый венок, он отослал его Кутузову[3]. Царь был так деликатен с Кутузовым не только по своей воспитанности, но и потому, что видел: дни старого фельдмаршала уже сочтены. Уважая патриотические чувства нации, Александр простился с умершим Кутузовым как с национальным героем. «Не вы одна проливаете о нем слезы, – написал он вдове фельдмаршала. – С вами плачу я, и плачет вся Россия»[4]. На запрос о том, где похоронить усопшего, царь ответил: «В Казанском соборе, украшенном его трофеями»[5].

После смерти Кутузова остро встал вопрос о главнокомандующем союзными войсками. Несмотря на старшинство в чинах трех полных генералов – М. Б. Барклая де Толли, А. П. Тормасова и М. А. Милорадовича, Александр I предпочел генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна. Должно быть, царь учитывал при этом не только заслуги этого генерала как «спасителя Петербурга» в 1812 г., но и его немецкую фамилию. Ведь речь шла теперь о главнокомандующем и русскими, и прусскими войсками. Именно Витгенштейну было доверено принять на себя удар стремившегося к реваншу за 1812-й год Наполеона.

Первое после «грозы Двенадцатого года» сражение русских и прусских войск с новой армией Наполеона произошло 2 мая 1813 г.

---

[1] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 142; Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1848. Т. 5. С. 122.

[2] ВПР. Т. 7. С. 97.

[3] 1812 год. Военные дневники. С. 327.

[4] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 144.

[5] Там же. С. 382.

на исторической равнине у г. Лютцен, где в 1632 г. в битве со знаменитым Альбрехтом Валленштейном пал (но выиграл битву) еще более знаменитый Густав II Адольф. Здесь Наполеон и Александр I сошлись на поле боя впервые после Аустерлица. Оба они понимали, как важно начать кампанию с победы, и в желании победить не уступали друг другу. Наполеон, верный себе, непосредственно руководил битвой. Очевидцы рассказывали, что никогда еще со времени Итальянского похода 1796–1797 гг. он не бывал в огне битвы, рискуя собой, по выражению Александра Дюма, «как младший лейтенант»[1]. Видя нерешительность новобранцев, «император увещевал, стыдил, воодушевлял их и затем несколько раз бросался вместе с ними в атаку»; когда же он мчался впереди всех на своем коне, казалось, как вспоминал об этом маршал Мармон, что «даже мертвые отдавали ему честь»[2]. Александр в сражении лишь присутствовал (не столько вдохновляя, сколько стесняя главнокомандующего Витгенштейна), но тоже был под огнем, а когда свита попыталась увести его в безопасное место, заявил: «Для меня здесь нет пуль!»[3]

По русским источникам, Наполеон имел при Лютцене в полтора раза больше солдат (150 тыс. против 92 тыс.), хотя и почти вдвое меньше орудий (350 против 650)[4]. Его новобранцы сражались храбро, но не очень умело. Битва весь день шла на равных, и лишь к вечеру Наполеон осуществил маневр, принесший ему победу. Он подверг ослабленный центр союзников бомбардировке из 80-пушечной батареи генерала А. Друо и под прикрытием этого огневого вала бросил в атаку гвардию. Союзники дрогнули и начали общее отступление, потеряв от 15 до 20 тыс. человек. Они не бежали, как при Аустерлице, но отступали капитально, «вынужденно поспешно» (по выражению Д. Чандлера[5]), как русские в России летом 1812 г. «Отсюда, – вспоминал о Лютцене русский офицер-мемуарист И. Т. Радожицкий, – принялись мы опять за старое: ретироваться»[6].

За реку Эльстер союзные (особенно прусские) войска уходили деморализованными и озлобленными. Вот характерные факты. В храме Пегау генерал Г. Л. Блюхер, чтобы скрыть от местных жите-

---

[1] Дюма А. Наполеон. М., 1992. С. 259.

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 538; Делдерфилд Р. Закат империи. М., 2002. С. 91.

[3] Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 г. 2-е изд. СПб., 1836. С. 121.

[4] Французские историки считают, что силы сторон были равны: примерно по 90 тыс. человек.

[5] Чандлер Д. Цит. соч. С. 540.

[6] Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. М., 1835. Ч. 2. С. 88.

лей свое поражение, «заставил их исполнять благодарственный молебен "Te Deum" ("Тебя, Господи, славим"), после чего его солдаты подожгли храм. Кюре из Болена, отказавшийся звонить в колокола во славу этих ретирующихся вояк, был ими повешен»[1].

А вот для контраста факт с другой, французской стороны. Читаем в монографии англичанина Рональда Делдерфилда: «Среди тех, кто по приказу Наполеона был похоронен с воинскими почестями (после битвы при Лютцене. – *Н. Т.*), был и молодой прусский солдат и после смерти сжимавший знамя, защищая которое он отдал свою жизнь. Знамя было похоронено вместе с ним»[2].

Наполеон потерял при Лютцене не меньше 15 тыс. человек и не имел достаточно сильной кавалерии, чтобы преследовать союзников с боем. Он лишь *проследовал* за ними в Дрезден и далее к Бауцену. В Дрездене император простился (оказалось, навсегда) со своим пасынком, вице-королем Италии Евгением Богарне, который отправился формировать новые итальянские войска. «Наполеон, – читаем об этом прощании у Н. А. Полевого, – долго держал Евгения в объятиях, как будто тревожимый мрачным предчувствием»[3].

Второе в кампании 1813 г. сражение, еще более упорное, чем при Лютцене, союзники дали Наполеону у г. Бауцен 20–21 мая. По русским данным, Наполеон и здесь сохранял общий численный перевес[4], хотя его артиллерия и кавалерия были вдвое слабее. Впрочем, именно артиллерийский маневр первоклассных батарей Антуана Друо с последующим захватом командных высот позволил Наполеону выиграть и эту битву. Если бы маршал М. Ней не оплошал с выполнением главного в той битве приказа Наполеона обойти правый фланг союзников, под Бауценом мог повториться Аустерлиц. Но «князь Московский», который, кстати, после 1812 г. как военачальник резко сдал, под Бауценом непростительно медлил и упустил свой шанс. В результате союзники, потеряв, по данным Д. Чандлера, около 20 тыс. человек, продолжили свою ретираду в относительном порядке. Наполеон, не досчитавшийся, по Чандлеру, примерно стольких же своих солдат[5], и страдавший от недостатка кавалерии, преследовал их без должного напора, но тем не менее занял Бреславль (где так недавно Александр I и Фридрих-Вильгельм III радовались в предвкушении своих побед) и вышел к Одеру.

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 609.

[2] Дерделфилд Р. Цит. соч. С. 92.

[3] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 5. С. 167.

[4] Только А. З. Манфред в кн. «Наполеон Бонапарт» (4-е изд. М., 1987. С. 645) считал иначе: у Наполеона – 150 тыс. человек, у союзников – 180 тыс.

[5] Чандлер Д. Цит. соч. С. 545.

В штабе союзников забили тревогу. Фридрих-Вильгельм вновь плакал, восклицая: «Опять я на Одере!» Русские офицеры вспоминали предостережение Кутузова: «Как воротимся? С рылом в крови!»[1] Витгенштейн сам попросил уволить его с поста главнокомандующего и назвал своим преемником Барклая де Толли. 29 мая Александр I с согласия Фридриха-Вильгельма III назначил главнокомандующим союзными войсками Барклая. В те же дни, прибегнув к посредничеству Меттерниха, союзники предложили Наполеону перемирие.

Наполеон после двух побед не проявлял особой радости. Дело не только в том, что победы дались ему труднее, чем он рассчитывал (теперь и солдаты его были уже не те, а среди соратников ему так не хватало погибшего Ж. Ланна, заболевшего А. Массена, осажденного в Гамбурге Л. Н. Даву и занятого в Испании Л. Г. Сюше). Он пережил в мае 1813 г. и тяжкие личные утраты. Перед битвой при Лютцене, в стычке под Вейсенфельсом, 1 мая на глазах императора погиб его старый друг маршал Ж. Б. Бессьер – был убит ядром, разорвавшим ему грудь. О подробностях гибели Бессьера вспоминали те, кто его убил, – русские офицеры. Очевидец, будущий генерал-декабрист князь С. Г. Волконский, свидетельствовал, что ядро в Бессьера выпустил командир артиллерийской батареи, тоже будущий декабрист О. В. Грабе-Горский – чуть ли не на пари с генерал-майором С. Н. Ланским[2]. Сам Грабе-Горский впоследствии не без гордости вспоминал: «Я убил маршала Бессьера»[3].

А на другой день после битвы при Бауцене, в арьергардном бою под Герлицем 22 мая, когда Наполеон наблюдал за отступлением союзников, неприятельское ядро ударило в дерево, возле которого стоял император, и рикошетом поразило его самого близкого друга обер-гофмаршала Ж. К. М. Дюрока. Смертельно раненный Дюрок умер на руках Наполеона. «Прощай, мой друг, – сказал умирающему император. – Жди меня *там*, мы скоро увидимся»[4]. Когда врачи унесли тело Дюрока, Наполеон машинально сел на какой-то пень и долгое время оставался недвижим, словно изваяние, хотя вокруг него ложились осколки снарядов от прусского арьергарда, а боевые соратники слезно умоляли его пройти в укрытие.

На месте гибели своего обер-гофмаршала Наполеон поставил памятный знак. Андре Кастело писал о нем уже в 1960-е годы: «И сегодня можно увидеть в самом центре деревни Макерсдорф большой квадратный камень <...>. На нем высечены имя, крест, дата:

---

[1] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 142; Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 5. С. 126.
[2] Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 235–236.
[3] Девятнадцатый век. М., 1872. Кн. 1. С. 201.
[4] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 5. С. 180.

“Дюрок. 1813”. Останки Дюрока покоятся в Доме инвалидов, неподалеку от гробницы Наполеона»[1]. Там же погребен и Бессьер. В конце концов, после того как в 1840 г. был перенесен в Париж с острова Святой Елены прах Наполеона, они встретились ТАМ – все трое.

После гибели Ж. Ланна под Эслингом в 1809 г. ничто (даже российскую катастрофу) Наполеон не переживал так тяжело, как смерть в течение трех недель Бессьера и Дюрока. К тому же не радовали императора и вести из Франции. Страна буквально надрывалась, поставляя ему досрочные наборы призывников, и от этого нация теряла здоровье, которым так гордился и любил похвастаться перед Европой Наполеон. В таком расположении духа он принял австрийское посредничество и согласился на перемирие. Оно было подписано 4 июня в чешском селении Плесвиц на два месяца. Надежды союзников на перемирие были понятны: оправиться от двух поражений, подтянуть резервы и, главное, привлечь на свою сторону Австрию.

На что рассчитывал Наполеон? Заключить ли мир с деморализованными коалиционерами на условиях сохранения status quo, т. е. всех его завоеваний? Или видимостью миротворчества успокоить пресыщенную славой и уставшую от войн Францию, а тем временем пополнить свои войска подходившими резервами и нанести коалиции решающий удар? По-видимому, было в его расчетах и то, и другое. Было, но не удалось. Поэтому post factum, уже на острове Святой Елены, Наполеон признал: «Не следовало мне соглашаться на перемирие после победы при Бауцене. Я уже был в Бреславле, и если бы продолжал безостановочное движение, то русские и пруссаки ушли бы за Вислу, поляки снова вооружились бы, и мой тесть (Франц I. – *Н. Т.*) никогда не отважился бы восстать против меня»[2]. Главный биограф Александра I Н. К. Шильдер тоже полагал, что после третьего (вслед за Лютценом и Бауценом) большого сражения, которое, «по всей вероятности», выиграл бы Наполеон, Австрия осталась бы нейтральной[3]. Именно в расчете на лояльность Австрии обманулся Наполеон, заключая перемирие. Он не ожидал, что в ряду предательств 1813 г., когда один за другим бежали от него в стан феодальной коалиции послушные ему раньше германские вассалы, «наиболее элегантное предательство» (по выражению чешского историка Я. Шедивы[4]) уготовит ему Меттерних – alter ego его тестя.

---

[1] Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 387.
[2] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 154.
[3] Там же.
[4] Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 163.

28 июня Меттерних приехал к Наполеону в Дрезден и как посредник предъявил ему нечто вроде ультиматума, который Австрия уже согласовала с Россией и Пруссией. Коалиция соглашалась заключить мир с Наполеоном только на четырех условиях: 1) ликвидация герцогства Варшавского и раздел его между Россией, Пруссией и Австрией, т. е. фактически *четвертый раздел* Польши; 2) возвращение Австрии ее иллирийских провинций, которых она лишилась после затеянной ею и проигранной войны с Францией по Шёнбруннскому договору 1809 г.; 3) присоединение Данцига к Пруссии и очищение от французов всех прусских крепостей; 4) восстановление независимости ганзейских городов («по крайней мере Гамбурга и Любека»). В случае если Наполеон откажется принять эти условия, Австрия обязалась объявить ему войну и выставить против него в рядах шестой коалиции *для начала* 150-тысячную армию[1].

Наполеон, выслушав Меттерниха, пришел в ярость. Ультиматум он отверг категорически и безусловно. Вступлению же Австрии в очередную (пятую кряду за последние 17 лет!) войну против него он отказывался верить. Он то увещевал Меттерниха «образумиться», ласково похлопывая его по плечу («Зачем же нам воевать и воевать?»), то грозил покарать Австрию за предательство, напоминая, что он трижды возвращал престол Францу I и, наконец, породнился с ним, а он, неблагодарный, как был, так и остается врагом. Меттерних настаивал на четырех условиях. С тем и откланялся. «Хорошо, пусть будет война! – жестко сказал Наполеон, провожая его. – До свидания в Вене!»[2] 10 августа Австрия объявила войну Наполеону, и 150 тыс. австрийских солдат, уже готовых сражаться, присоединились к войскам шестой коалиции.

Итак, Наполеон не согласился на мирные предложения коалиционеров. А. З. Манфред усмотрел в этом «суеверие, почти дикарское самоослепление»: «...математик, он непостижимым образом разучился правильно считать»[3]. Иначе (и, думается, вернее) рассудил Е. В. Тарле: не «суеверное самоослепление», а особый, наполеоновский, склад мышления. В 1813 г., как и до 1812, Наполеон действовал по принципу «все или ничего!»[4] Предложенные ему четыре условия перечеркнули бы многие из его завоеваний, а отступать завоеванное он не собирался. «Ваши государи, рожденные на тронах, – говорил

---

[1] ВПР. Т. 7. С. 262.

[2] Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 4. С. 106–108.

[3] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1987. С. 647, 648.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 396.

он в Дрездене Меттерниху, – могут быть побиты хоть 20 раз и спокойно возвращаются в свои столицы. А я солдат, мне нужны честь и слава, я не могу показаться униженным перед моим народом»[1].

Присоединение Австрии резко усилило шестую коалицию. К тому же на помощь ей шли шведские войска, со стороны Пиренеев наступали испанцы и англичане, переходили в лагерь коалиции Бавария и Вюртемберг, Нассау и Баден. Против Наполеона поднималась вся Европа. «Ату Францию!» – таков был общий клич феодальных монархов[2].

Главнокомандующим союзными войсками Александр предложил назначить князя К. Ф. Шварценберга. Сделал он это не только на радостях по случаю вступления Австрии в коалицию, но и потому, что знал: спесивые немецкие феодалы оскорбляются подчинением Барклаю де Толли – «плебею», сыну безродного поручика. Вообще, как подмечено участником тех событий, офицером и будущим генералом М. А. Фонвизиным, «Александр с необыкновенною ловкостью умел соглашать разнородные интересы и требования союзников, жертвовал собственным самолюбием <...> и даже согласился подчинить лучших своих полководцев австрийским и прусским генералам, которые нисколько не были выше наших»[3]. Шварценберг – бывший посол Австрии в Париже, больше дипломат, нежели военачальник, страдавший при избытке осмотрительности недостатком активности, – тоже не вполне устраивал Александра как главнокомандующий, особенно в сравнении с Наполеоном. Поэтому царь возобновил начатые еще в 1804 г. попытки заполучить французского генерала Ж. В. Моро, который был изгнан из Франции за участие в заговоре против Наполеона и жил в США. Первые два приглашения от Александра (в 1804 и 1807 г.) Моро отклонил, но третье принял и в августе 1813 г. приехал к монархам стран – членов шестой коалиции в Прагу. По воспоминаниям государственного секретаря Российской империи А. С. Шишкова, «принят он был с великою и, можно сказать, излишнею честью: российский император и король прусский, как только услышали о его прибытии, тотчас поехали к нему с поклоном и поздравлениями»; ни Румянцеву, ни Суворову, ни Кутузову «не было никогда оказано подобной чести»[4].

---

[1] Цит. по: Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 33–34.

[2] Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий М., 2008. С. 207.

[3] Фонвизин М. А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 171.

[4] Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 209–210.

Александр I предлагал Моро главное командование над союзными войсками с чином фельдмаршала – вместо Шварценберга. Моро предпочитал, чтобы главнокомандующим числился Александр, а он, Моро, руководил бы войсками в качестве начальника его Главного штаба[1]. До битвы при Дрездене этот вопрос не был решен.

Симптоматично, что в один день с Моро приехал в Прагу к союзникам и генерал А. Жомини, бывший начальник штаба у маршала М. Нея, уже тогда авторитетный военный теоретик, перешедший на русскую службу. «Мы, русские, несказанно ему обрадовались, – свидетельствовал А. И. Михайловский-Данилевский, – ибо все, от государя до последнего офицера, почитали его своим учителем»[2]. Жомини сразу получил звание генерал-адъютанта и место советника при Александре I. Поскольку к тому времени появился в стане коалиции и бывший наполеоновский маршал Ж. Б. Бернадот, французские историки восклицают: «Казалось, только французы могут побеждать французов!»[3] Все три «дезертира», как ругал их Наполеон, советовали коалиционерам одно и то же: «Избегать столкновения там, где руководит лично Наполеон, а стараться бить отдельно его маршалов <...>. Если же связываться с самим Бонапартом, то не иначе как с громадным превосходством сил»[4]. Отныне коалиционеры будут следовать этим советам неукоснительно.

В первом же после перемирия сражении под Дрезденом, 26–27 августа, союзники располагали большим численным перевесом: по данным, зафиксированным в отечественных энциклопедиях, 227–235 тыс. человек против 165 тыс.[5] Однако Наполеон вновь победил. Подкреплений перед битвой он получил в несколько раз меньше, чем союзники, но зато к нему вернулся из Неаполя (правда, ненадолго) Иоахим Мюрат, который один стоил многих тысяч сабель. На второй день битвы Наполеон прорвал союзный центр мощным ударом чуть ли не всей своей кавалерии, внезапно собранной в кулак под командованием Мюрата. Этот прорыв заставил коалиционеров беспорядочно отступать. Потеряв, по разным данным, от 30 до 40 тыс. человек, они поспешно уходили, а частью бежали к Богемским горам,

---

[1] См.: Попов А. Н. Генерал Моро на службе в русских войсках // Русская старина. 1913. № 9–10.

[2] 1812 год. Военные дневники. С. 353.

[3] История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 2. С. 192.

[4] Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 143.

[5] БСЭ-3. Т. 8. С. 494; СВЭ. Т. 3. С. 261; СИЭ. Т. 5. С. 379.

бросая обозы, пушки и знамена. Наполеон потерял здесь людей втрое-вчетверо меньше (около 10 тыс.)[1].

Тяжесть поражения усугублялась для союзников и лично для Александра I гибелью Моро. Он был смертельно ранен ядром, которое, по слухам и с той и с другой стороны, выпустил сам Наполеон, разглядевший в подзорную трубу своего «дезертира»[2] («Не знамение ли?» – восклицал по этому поводу Эмиль Людвиг[3]). Сам Наполеон позднее, уже в изгнании, рассказал своему врачу Б. О'Мира, как в действительности был убит Моро. Вот этот рассказ в записи врача. «На расстоянии примерно в 500 ярдов (около 0,5 км. – *Н. Т.*) я заметил группу всадников, собравшихся вместе <...>. Вызвал артиллерийского капитана, командовавшего батареей из 18 или 20 пушек: "Немедленно обстреляйте эту группу людей; возможно, среди них есть несколько генералов". Приказ был выполнен незамедлительно. Одно из ядер попало в Моро, оторвало обе его ноги и пронзило насквозь его лошадь. Я думаю, те, кто стояли рядом с ним, были убиты или ранены»[4].

Рядом с Моро стоял в ту минуту Александр I. Он не пострадал. А генерал Моро после ампутации обеих ног умер 2 сентября, и через месяц прах его был погребен в Латинской церкви на Невском проспекте Петербурга с фельдмаршальскими почестями[5].

В лагере союзников началась паника. Фридрих-Вильгельм III от страха совсем потерял голову. Даже Александр поддался общему унынию. Меттерних, по версии Н. К. Шильдера, «готовился отделить Австрию от коалиции»[6]. В этот критический момент, когда все шло к тому, что шестая коалиция разделит судьбу пяти предыдущих, реализовались советы наполеоновских «дезертиров».

Сам Наполеон после Дрезденской битвы заболел и почти на шесть недель вышел из строя, оставаясь под наблюдением врачей в Дрездене; «острейшая желудочная колика» вызвала у медиков даже подозрение (оказавшееся безосновательным), не отравлен ли он[7]. Преследовать разрозненные войска союзников он поручил своим

---

[1] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 164; Лашук А. Цит. соч. С. 646; Чандлер Д. Цит. соч. С. 554; Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 211; Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 6. С. 58.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 402.

[3] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 384.

[4] О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 173.

[5] См.: Попов А. Н. Указ. соч. // Русская старина. 1913. № 10. С. 69.

[6] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 166.

[7] Наполеон. Годы величия. 1800–1814. М., 2001. С. 443; Людвиг Э. Цит. соч. С. 384.

маршалам, которые, однако, в отсутствие императора действовали неудачно и *все* (!) были разбиты: М. Ней – при Денневице Ж. Б. Бернадотом (!)[1], Ж. Э. Макдональд на р. Кацбах Г. Л. Блюхером, Н. Ш. Удино – у Гроссберена прусским генералом Ф. В. Бюловым. Особенно счастливым для союзников стал бой под Кульмом, где 29–30 августа был окружен и большей частью уничтожен русско-прусско-австрийскими войсками общей численностью до 80 тыс. человек 37-тысячный корпус генерала Д. Вандама, а сам Вандам взят в плен. Как важный трофей пленника доставили к Александру I. Царь строго осудил его «злодейские поступки в Ольденбурге» и сразу пожалел об этом, ибо ответ Вандама был преисполнен дерзости: «Я казнил врагов моего отечества, но не убивал своего отца!»[2]

После такого фейерверка побед над военачальниками Наполеона коалиционеры воспрянули духом. 9 сентября в Теплице (Чехия) они скрепили свой союз новым договором, по которому обязались бороться с Наполеоном до победного конца, в после победы свести Францию к границам 1792 г.[3] К началу октября коалиция выставила против Наполеона уже 1 млн солдат, ударное ядро которых составляли *четыре* армии, рассредоточенные в Германии: Богемская (253 200 австрийцев, русских и пруссаков) под командованием К. Ф. Шварценберга; Силезская (104 тыс. русских и пруссаков) – Г. Л. Блюхера; Северная (128 700 русских, пруссаков и шведов) – Ж. Б. Бернадота, который теперь именовался шведским кронпринцем Карлом-Юханом, и Польская армия Л. Л. Беннигсена (59 400 русских и пруссаков); всего же – 547 300 человек и 1475 орудий[4], плюс гарнизоны, летучие, ополченческие и даже партизанские отряды. Главнокомандующим всеми армиями считался Шварценберг, которым номинально руководил совет трех императоров – российского, прусского и австрийского. Фактически возглавляли союзный штаб два барона: француз А. Жомини и немец К. Ф. Толь, один из которых учился воевать у Наполеона, а другой у М. И. Кутузова. План союзников теперь заключался в том, чтобы совокупными усилиями четырех своих армий окружить и уничтожить в районе Лейпцига армию Наполеона численностью, как они полагали, не более 180 тыс. человек при 700 орудиях.

---

[1] За эту победу над своим бывшим соратником Бернадот получил от Александра I высшую военную награду России – орден Св. Георгия 1 степени.

[2] Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 213; Марбо М., де. Мемуары. М., 2005. С. 649.

[3] См.: ВПР. Т. 7. С. 376–377, 749–750.

[4] Лашук А. Цит. соч. С. 630–631.

2. «Битва народов»

Наполеон понимал, что предстоящее сражение должно решить судьбу кампании 1813 г., если не судьбу его империи вообще. Он знал, что коалиционеры превосходят его численно в полтора раза (а по кавалерии и артиллерии – вдвое), и принял единственное решение, при котором мог рассчитывать на успех. Перед ним изготовились к бою войска Шварценберга и Блюхера, а Бернадот и Беннигсен были еще на марше – в 30 и 40 км. Наполеон решил попытаться разбить две первые армии (Богемскую и Силезскую) до появления Северной и Польской армий, а потом сразиться и с двумя остальными.

16 октября 1813 г. на просторной равнине у Лейпцига началась трехдневная, величайшая из битв наполеоновской эпопеи, которая вошла в мировую историю как «битва народов»[1]. Войска шестой коалиции состояли из россиян, австрийцев, пруссаков, шведов, баварцев, вюртембержцев, причем в русской армии были представлены разные народы России – например, башкиры, вооруженные... луками и стрелами, за что французы прозвали их *амурами*. С другой стороны, под знаменами Наполеона сражались кроме французов итальянцы, поляки, голландцы, бельгийцы, саксонцы. К началу битвы Наполеон имел, по разным источникам, от 155 до 175 тыс. человек и 717 орудий, союзники – от 193 до 220 тыс. человек и 893 орудия.

«Битву народов» под Лейпцигом можно было бы назвать (по аналогии с «битвой трех императоров» при Аустерлице) и «битвой четырех императоров». Здесь императору Наполеону противостояли три монарха – император Александр, император Франц и король Фридрих-Вильгельм, которых, кстати, великий Д. Г. Байрон удостоил нелестным определением: «три чистопородных олуха из старых законных династий»[2].

В ночь на 16 октября, как бы предвещая небывалое кровопролитие, над полем битвы разразилась буря с громом и молнией, а весь день 16-го шел дождь, который, однако, не остудил пыла сражающихся. Битва началась рано утром с артиллерийской дуэли, когда противники стали палить друг в друга из 2 тыс. орудий; «мир еще никогда не слышал такой канонады», – отметил английский биограф Наполеона Винсент Кронин. Цитирую далее Кронина: «За послед-

---

[1] Подробно о ней см.: Богданович М. И. История войны 1813 года... СПб., 1863. Т. 2. С. 433–553; Фредерикс Р. Битва народов под Лейпцигом. М., 1912; Левицкий Н. А. Лейпцигская операция 1813 г. М., 1934; Pflugk-Harttung J. Leipzig, 1813. Gotha, 1913.

[2] Байрон Д. Г. Дневники. Письма. М., 1965. С. 51.

ние шесть лет Наполеон изобрел смертоносную тактику выставления пушек на возможно близкое расстояние, чтобы расстреливать пехоту и кавалерию, выкашивая строй противника целыми рядами. Теперь он мог видеть, как союзники поставили пушки в длинные ряды, чтобы последовать его примеру: "Наконец-то они хоть чему-то научились!"»[1].

Первые полдня битва шла с переменным успехом, а к 15 часам Наполеон подготовил прорыв союзного центра. Начальник его артиллерии генерал А. Друо обрушил на место прорыва из 160 орудий, «пожалуй, неслыханный в истории войн по своей сосредоточенности шквал артиллерийского огня» (свидетельство очевидца, русского генерала и будущего фельдмаршала И. И. Дибича[2]). Ровно в 15 часов все трубачи французской армии протрубили сигнал к атаке. Мюрат с двумя кавалерийскими корпусами (100 эскадронов, т. е. 10 тыс. сабель) устремился к селению Госсе в самом центре позиций союзников. У Мюрата под Лейпцигом уже не было той, по выражению Хилэра Беллока, *«тучи кентавров»*, которые мчались за ним в битве при Эйлау <...>. Их заменили юнцы»[3]. Но и во главе этих «юнцов» Мюрат прорвал уже расстроенную огнем Друо[4] русско-прусскую линию в центре союзников и, преследуя бегущие полки, оказался в 800 м от «Монаршего холма» близ Мейсдорфа, откуда наблюдали за битвой все союзные государи и главнокомандующий Шварценберг.

В этот момент Наполеон решил, что сражение выиграно. Он поздравил с победой короля Саксонского и приказал властям Лейпцига «звонить во все колокола» по случаю великой победы[5]. Однако в считаные часы картина битвы начала калейдоскопически меняться. Из своей ставки на холме у Тонберга, всего в 3,5 км от «Монаршего холма», Наполеон увидел, как пришли в движение союзные резервы. Александр I (кто бы мог подумать?) раньше своих «братьев»-монархов и даже самого Шварценберга понял, что в битве наступает критический момент, и, прежде чем Мюрат прорвался к «Монаршему холму», успел лично послать в прорыв резервную 100-пушечную батарею Н. О. Сухозанета, а вслед за ней – русскую дивизию Н. Н. Раевского и прусскую бригаду Ф. Г. Клейста. Эти войска оста-

---

[1] Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 433.

[2] [Дибич И. И.] Описание сражения при Лейпциге // Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. 364.

[3] Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 298. Курсив мой. – *Н. Т.*

[4] Вспомним здесь сказанное Наполеоном: «Я считаю, что во всем мире не было двух таких офицеров, как Мюрат в кавалерии и Друо в артиллерии».

[5] Богданович М. И. История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 276.

новили Мюрата, закрыли собою брешь в центре союзной позиции и, по выражению М. И. Богдановича, «исторгли успех из рук Наполеона»[1].

Тогда, к 17 часам, Наполеон, стремясь выиграть битву непременно в первый же день, пока не появились войска Беннигсена и Бернадота, решил идти ва-банк и ударить по ослабленному центру коалиционеров силами своей непобедимой, пешей и конной гвардии. Он уже снимал с руки перчатку, чтобы дать знак для сакраментального приказа: «Гвардию – в огонь!» – когда ему доложили об атаке австрийцев на его правое крыло. В атаку шел 2-й корпус австрийской армии, которым командовал старый знакомый Наполеона, генерал от кавалерии граф М. Мервельдт. Наполеон был раздосадован: пришлось отрядить часть гвардии вправо, на помощь князю Ю. Понятовскому, который принял на себя австрийский удар. Понятовский сражался искусно, отбросил австрийцев и взял в плен самого Мервельдта[2]. Но время для решающего удара по союзному центру было упущено. Над полем битвы сгустились сумерки.

Таким образом, первый день «битвы народов» не выявил победителя. Обе стороны понесли огромные потери: Наполеон – больше 25 тыс. человек, союзники – около 40 тыс.[3] Наполеон, владевший бóльшую часть дня инициативой, несмотря на численное превосходство союзников, был доволен тем, как сражались его войска. Польского князя Юзефа Понятовского он прямо на поле битвы произвел в маршалы Франции. Но результат дня его разочаровал. Разбить Шварценберга и Блюхера до соединения их с Бернадотом и Беннигсеном не удалось. В ночь с 16 на 17 октября и Бернадот, и Беннигсен прибыли к Лейпцигу и привели с собой 110 тыс. бойцов. Наполеон в ту ночь тоже получил подкрепления, но всего лишь в 15 тыс. человек. Теперь войск у союзников стало почти вдвое больше, чем у Наполеона.

С утра 17 октября обе стороны начали убирать раненых и (не мешая друг другу) готовиться к возобновлению битвы. Узнав о двойном превосходстве коалиции в силах, Наполеон понял, что выиграть лейпцигское сражение практически невозможно. Он приказал доставить к нему пленного генерала Мервельдта, с которым уже имел дело как с вестником мира в 1797 г. перед Леобеном и в 1805 г., после Аустерлица. Теперь Наполеон сказал Мервельдту, что в знак уваже-

---

[1] Богдановия М. И. История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 276.

[2] См.: Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 59–60.

[3] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 676; Чандлер Д. Цит. соч. С. 566; Кронин В. Цит. соч. С. 434; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 405.

ния к нему отпускает его из плена, и передал с ним письмо к Францу I с предложением мира. Франц, получив это письмо, обратился за советом к Александру I. Тот рекомендовал оставить мирный почин Наполеона (как это делал сам царь в 1812 г.) без ответа[1].

Предлагая мир, Наполеон, вероятно, хотел выиграть время для дипломатических, да и военных маневров. Вышло же так, что он потерял все. Авторитетные специалисты резонно полагают, что если бы Наполеон начал отступать утром 17 октября, то до рассвета 18-го мог бы отвести свои войска в порядке за р. Эльстер[2]. Но полдня он прождал, не примут ли союзники его мирное предложение. Когда же к вечеру 17 октября, не дождавшись ответа, он решил отступать, уже было поздно. На рассвете 18-го союзники атаковали его по всему фронту. Три союзных монарха, отслужившие в ночь с 17 на 18-е молебен Всевышнему о даровании им победы над «антихристом»[3], теперь уповали и на Божью помощь, и на двойное превосходство своих войск в численности.

Второй день битвы стал еще более кровавым, чем первый. Войска союзников сражались не столько умением, сколько числом, ибо Шварценберг слишком полагался на трех монархов, а монархи – на него. Пожалуй, на высоте положения как военачальники были в тот день только русские генералы (М. Б. Барклай де Толли, Н. Н. Раевский, М. А. Милорадович, М. И. Платов) и пруссак Г. Л. Блюхер. Наполеон делал все возможное, чтобы не уступить. Имея вполовину меньше войск, он и здесь умудрялся создавать в решающих пунктах численное превосходство. Был момент, когда он лично повел 5-тысячный кавалерийский резерв Старой гвардии в атаку, чтобы взять обратно захваченную противником деревню Пробстейд (свою опорную базу), а затем вернулся на Тонберг[4]. Оттуда он и увидел в самый разгар битвы, как вся саксонская рать, сражавшаяся в его рядах, вдруг перешла на сторону союзников и, повернув свои пушки, начала палить из них по французам.

От льва Саксонский вкрадчивый шакал
К лисе, к медведю, к волку убежал,–

напишет об этом Байрон[5].

---

[1] См.: Богданович М. И. История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 283; Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 172.

[2] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 567; Фридерикс Р. Указ. соч. С. 50, 82–83.

[3] См.: История русской армии и флота. М., 1911. Т. 4. С. 111.

[4] См. об этом: Кронин В. Цит. соч. С. 434; Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. С. 256.

[5] Байрон Д. Г. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1905. Т. 3. С. 153.

Французы сочли едва ли не главной причиной своего поражения под Лейпцигом именно этот эпизод, которому, как заметил А. И. Михайловский-Данилевский, «военные летописи не представляют подобного»[1]. Такой взгляд на «битву народов», конечно, наивен. Саксонцев было не так много, чтобы их измена могла решить исход битвы: по точным подсчетам Анри Лашука, их было отнюдь не 30 тыс., как считают некоторые французские историки, а всего 4544 человека, из которых 24 офицера и 593 солдата «сохранили верность своему королю»[2]. Зато в моральном отношении измена саксонцев ударила по войскам Наполеона очень больно. Правда, император строго приказал своему адъютанту О. Ш. Флао, доложившему, что саксонцы предали Францию: «Никому ни слова об этой низости!»[3] Но возможно ли было скрыть от французских войск такой «нож в спину»? Не зря, как подметил Хилэр Беллок, «с того дня “саксонцами” на жаргоне французской армии называют людей, которые ведут себя подобным образом – даже при игре в карты»[4].

К концу дня 18 октября Наполеон, несмотря на измену саксонцев, удержал свои позиции. Его уже обстрелянные в битвах под Лютценом, Бауценом, Дрезденом новобранцы показали себя достойными наследниками Великой армии былых лет. Маршалы (Ней, Макдональд, Виктор, особенно Мюрат[5]) в его присутствии и под его руководством тоже старались – хотя и с меньшим энтузиазмом – действовать, как в былые, победные, времена. Но и союзные (большей частью русские) войска сражались не хуже. Наполеон всегда умел отдать должное своим противникам. Вот характерный эпизод «битвы народов»: когда был взят в плен и представлен Наполеону покрытый 18 ранами рядовой гренадер лейб-гвардии Финляндского полка Леонтий Куренной, император особым приказом «поставил его в пример своим войскам и отпустил из плена»[6].

К вечеру 18 октября Наполеон понял, что еще один день он не продержится. В ночь с 18 на 19-е последовал его приказ – отводить войска с поля битвы через Лейпциг за р. Эльстер. Утром 19-го на Тонбергском холме, где три дня располагалась ставка Наполеона, появились Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III. Они обяза-

---

[1] Михайловский-Данилевский А. И. Цит. соч. С. 411.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 685.

[3] Там же.

[4] Беллок Х. Цит. соч. С. 303.

[5] Кроме них в битве под Лейпцигом участвовали Мармон, Удино, Мортье, Ожеро и новоиспеченный маршал Понятовский.

[6] История русской армии и флота. Т. 4. С. 114.

ли Шварценберга преследовать французов со всей энергией и, если понадобится, штурмовать Лейпциг.

Наполеон в течение ночи и предрассветного утра в высшей степени организованно успел вывести из Лейпцига 100 тыс. человек. Единственный каменный мост через Эльстер он приказал взорвать, как только переправится его арьергард и появится авангард союзников. Однако начальник саперов полковник инженерных войск Монфор куда-то отлучился, а временно заменивший его капрал, неизвестно почему (возможно, он принял показавшихся вдалеке уланов Понятовского за казаков), взорвал мост слишком рано; на том берегу оставались еще 28 тыс. французов во главе с Понятовским и Макдональдом[1]. У взорванного моста началась паника. Солдаты и офицеры, генералы и маршалы бросались через Эльстер вплавь. Макдональд спешился и переплыл. Понятовский же, лишь накануне получивший звание маршала, погиб: он бросился в реку на коне, не умея плавать, был ранен и утонул[2].

Преследуя французов, союзники вступили в Лейпциг и подвергли обстрелу из всех видов оружия улицы города, по которым уходили к Эльстеру войска Наполеона. «Чтобы спасти город, – читаем в авторитетнейшем семитомнике “Отечественная война и русское общество”, – Наполеон предложил союзникам заключить на несколько часов перемирие, обязуясь за это время очистить Лейпциг. После решительного отказа коалиционеров в перемирии несколько генералов предложили императору зажечь городские предместья и отступить, пользуясь замешательством союзной армии. Но Наполеон не мог решиться на это и, спасая город, погубил почти столько же своих людей, скольких стоила ему трехдневная битва»[3]. По версии Вальтера Скотта, «возможно, в эту минуту Бонапарт вспомнил об искренней преданности короля Саксонии Фридриха Августа <...>. Поджечь его столицу было бы проявлением черной неблагодарности за многие годы совместных трудов и битв»[4]. Кстати, именно в это утро, 19 октября, Наполеон простился с Фридрихом Августом, «освободив его от всех обязательств, их до сих пор связывавших, и предоставил ему полную свободу вступать в любые союзы, необходимые для безопасности его государства»[5].

---

[1] См.: Левицкий Н. А. Указ. соч. С. 59; Кронин В. Цит. соч. С. 435.

[2] См. об этом: Богданович М. И. История войны 1813 года... Т. 2. С. 542; Потоцкая А. Мемуары. СПб., 1915. С. 233.

[3] Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 61.

[4] Скотт В. Указ. соч. Т. 2. С. 258.

[5] Там же. С. 258–259.

В страшной резне на восточном берегу Эльстера были истреблены своевременно подоспевшими войсками союзников до 13 тыс. французских солдат и еще 25 тыс. взяты в плен. Среди прочих были пленены два корпусных генерала (Ж. А. Лористон и Ж. Л. Ренье), еще 20 дивизионных и бригадных генералов, а также саксонский король.

Всего за три дня «битвы народов» Наполеон потерял, по данным разных источников, не менее 65 тыс. человек (Д. Чандлер полагает, что «точные цифры нельзя выяснить»[1]). Погибли, кроме маршала Понятовского, шесть его генералов. Командующий кавалерией Старой гвардии генерал В. Н. Латур-Мобур (кстати, муж старшей дочери знаменитого героя двух стран – Франции и США – М. Ж. П. Лафайета) был тяжело ранен, потерял ногу, но на сочувствие денщика отвечал шуткой: «Зато впредь тебе надо будет чистить только один сапог»[2]. Союзники потеряли немногим меньше – до 54 тыс. человек. В числе девяти убитых союзных генералов (семи русских и двух австрийских) оказались герой 1812 г. Д. П. Неверовский и зять Кутузова князь Н. Д. Кудашев.

Союзные монархи въехали в Лейпциг, уже очищенный от французов. «На лицах их обнаруживалось торжество и веселие», – вспоминал И. Т. Радожицкий[3]. Веселее всех был Александр I. Как самый авторитетный из коалиционеров, он принимал восторженные поздравления и щедро раздавал награды[4]. Шварценбергу и Блюхеру царь пожаловал орден Св. Георгия 1 степени, Барклаю де Толли и Беннигсену – графский титул, Милорадовичу и Платову – орден Св. Андрея Первозванного, Витгенштейну – золотую саблю с лаврами и алмазами. Генерал-лейтенанты Раевский, Уваров, Винценгероде были произведены в полные генералы. Франц I и Фридрих-Вильгельм III тоже осыпáли своих и российских генералов наградами. Семидесятилетний Блюхер стал «молодым» фельдмаршалом. А вот король Саксонии Фридрих Август был арестован и отправлен под конвоем в Берлин (цитирую личного секретаря Наполеона К.-Ф. Меневаля) «каяться за совершенное преступление, которое выразилось в его нерушимой верности Франции»[5].

Победа шестой коалиции под Лейпцигом действительно была полной и чрезвычайно, можно сказать, *исторически* важной. Правда,

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 569.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 434.

[3] Радижицкий И. Т. Цит. соч. Ч. 2. С. 282.

[4] См. об этом: Богданович М. И. История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 306.

[5] Наполеон. Годы величия. С. 445.

уничтожить наполеоновскую армию (как планировали стратеги коалиции) не удалось. Она ушла от Лейпцига разбитой, но еще многочисленной и вполне боеспособной, что и доказала 30 октября в битве при Ганау. Здесь ее попытались остановить баварские войска фельдмаршала К. Ф. Вреде (который, кстати сказать, с 1805 по 1812 г. сражался на стороне Наполеона). Вместе с русскими отрядами М. И. Платова, В. В. Орлова-Денисова, В. Д. Иловайского и А. И. Чернышева Вреде имел 50 тыс. бойцов. Этот мощный заслон был отброшен, потеряв больше 9 тыс. человек, причем и здесь отличились канониры Антуана Друо[1]. От Ганау Наполеон проследовал к границам Франции уже беспрепятственно. Словом, война еще продолжалась. Но кампания 1813 г. закончилась. Разгромив пять европейских коалиций подряд, Наполеон уступил шестой коалиции.

Эхо «битвы народов» разнеслось по всей Европе. Эмиль Людвиг – выдающийся немецкий литератор-исследователь, автор всемирно известных биографий Гёте и Бетховена, Рембрандта и Бисмарка, Линкольна и Наполеона – проследил за реакцией на это событие трех знаменитостей Германии. В последний день битвы со стены кабинета И. В. Гёте в Веймаре сорвался на пол портрет Наполеона, и поэт пишет об императоре такие стихи:

О, муж с отвагой царственной в груди
Не дрогнет перед тем, что впереди.
Он знает, как опасен к трону путь,
Но никуда не жаждет он свернуть
И тяжесть златоглавого венца
С решимостью приемлет до конца.
Легко и дерзостно несет свой груз,
Как некий лавр, и не страшится уз.
Таков был ты. Лишь ты единый мог
Свершить так много за недолгий срок[2].

В те же дни классик немецкой философии Ф. В. Й. Шеллинг пророчески пишет о Наполеоне: «Я думаю, конец Наполеона еще не очень близок. Если я что-нибудь понимаю, он еще будет жив, чтобы испить горькую чашу унижения до дна». А великий Г. В. Ф. Гегель, живший тогда в Нюрнберге, так отреагировал на переход Баварии в лагерь шестой коалиции: «В Нюрнберге простонародье привет-

[1] См.: Богданович М. И. История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 317; Лашук А. Цит. соч. С. 690–691.

[2] Людвиг Э. Цит. соч. С. 389. Перевод Г. Ратгауза специально для этого издания.

ствовало с диким ликованием вступление в город австрийцев... Более подлого умонастроения и поведения горожан невозможно себе представить»[1].

С тяжелым чувством возвращался Наполеон во Францию после лейпцигского побоища. Полтора десятилетия его непрерывных побед уходили все дальше в прошлое. Была проиграна вторая кампания кряду. Если проигрыш русской кампании он объяснял главным образом вредоносными кознями «Бога погоды», то теперь, после Лейпцига, вынужден был признать и собственные просчеты. Едва ли не главным из них показался ему оскорбительный тон его обращения с тестем, Францем I. Да, Наполеон трижды оставлял Франца на австрийском престоле, хотя мог бы и в 1797, и в 1800, и в 1809 г. лишить его всякой власти. Но унижал он будущего, а потом и настоящего своего тестя постоянно, причем не только своими территориальными притязаниями к его империи. Так, например, когда Франц (естественно, задетый худородностью своего зятя) приказал обшарить все тосканские архивы в розыске предков Буонапарте, а потом сообщил Наполеону, что прослежено его генеалогическое древо в Тоскане вплоть до XI в., Наполеон шокировал Франца высокомерным ответом: «Я предпочитаю быть Рудольфом моего рода».

«Гордые слова корсиканского выскочки о Рудольфе фон Габсбурге, родоначальнике династии Габсбургов, – читаем об этом у Э. Людвига, – глубоко въелись в душу» законного наследника великой династии и, наряду с прочими обидами, подтолкнули его к известному нам решению дилеммы – «воевать ли ему на стороне своего зятя или против него»[2]. Наполеон позднее так скажет о своем небрежении к интересу тестя к генеалогии: «Стоило мне тогда смириться с его капризами, – почем знать, может, на равнине под Лейпцигом против нас было бы на 100 000 солдат меньше!»[3]

Возвращаясь из-под Лейпцига в Париж, Наполеон переживал не только проигрыш военной кампании. Главное, именно тогда начала распадаться его империя. Младший брат императора Жером, вестфальский король, уже был изгнан из своего королевства. Другой, старший брат Жозеф, король Испании, едва удерживал трон в борьбе с испанскими повстанцами и англичанами. Зашатались его режимы в Италии, Голландии, Бельгии, а созданный им Рейнский союз, который к 1812 г. объединял 36 государств, распался. Зять императора, его «лучший в мире» кавалерист, неаполитанский король

[1] Людвиг Э. Цит. соч. С. 390.
[2] Там же. С. 323.
[3] Там же.

И. Мюрат изменил ему. 22 октября австрийский комиссар передал Мюрату предложение перейти на сторону шестой коалиции, и через два дня Мюрат уведомил Наполеона, что хочет вернуться в свое королевство якобы с намерением «поддержать вице-короля Италии Евгения Богарне, оказавшегося в затруднительном положении после перехода Баварии в стан врага»[1]. Наполеон не возражал. 24 октября 1813 г. под Эрфуртом он простился с Мюратом – оказалось, навсегда. Больше им уже не суждено было увидеть друг друга.

Парадокс истории: феодальные владыки, тиранившие своих подданных, поднимали народы против Наполеона, сына революции и творца Гражданского кодекса, во имя *свободы*! Разумеется, Наполеон учитывал, что свободы бывают различными и понимают их разные люди неодинаково. Но такую свободу, как национальное достоинство, он считал привилегией лишь цивилизованного народа, а у народов «отсталых» всегда недооценивал, что и было главным его просчетом, главной причиной всех его неудач. Это доказала ему Испания, затем Россия, а теперь вся Европа. Он проиграл «битву народов» не только под Лейпцигом. «Битвой народов» была *вся кампания* 1813 г. Народы Европы не хотели принимать от него, чужеземного завоевателя, свободы, которые он нес им на штыках своей Великой армии. Они предпочитали отечественные цепи таким «свободам». За него они сражались подневольно и нерадиво (кроме итальянцев и поляков), а против него – с энтузиазмом. Ради того, чтобы сбросить с себя унижавший их национальные чувства диктат Наполеона, они готовы были поддержать не только феодальную коалицию, но и саму нечистую силу. Хорошо сказал о Наполеоне А. И. Герцен: «Он додразнил другие народы до дикого отпора, и они стали отчаянно драться за свои рабства и за своих господ»[2]. Да, за свое крепостное право, за свою инквизицию, за свое социальное унижение, за все это мерзкое *зло*, но – *за свое*!

Наполеон все это видел, удивлялся этому (вспомним его отзыв о россиянах: «Что за люди! Это скифы!»), но так до конца своего и не примирился с мыслью, что противостоять национальному подъему даже одного, а тем более многих народов не может никакой гений.

3. 1814-й год: победоносное поражение

9 ноября 1813 г. Наполеон вернулся в Париж, что называется, *на щите* – после второй кряду проигранной кампании. Как и прошлой

---

[1] Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 302–303.
[2] Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 7. С. 250.

зимой (по возвращении из России), он сохранял присутствие духа и был преисполнен решимости не только продолжать борьбу с коалициями феодальных монархий (сколько бы их ни было), но и в конце концов победить.

Прежде всего он проведал жену и сына. Еще 5 февраля 1813 г., перед тем как отправиться на фронт под Лютцен и Бауцен, Наполеон впервые за время его империи учредил регентство. Допуская (с каждым новым походом все более реально) свою гибель в бою, он сделал так, чтобы в таком случае императрица правила государством от имени сына, обеспечивая преемственность режима и продолжение династии. 30 марта Мария-Луиза была провозглашена регентшей и после отъезда Наполеона на фронт стала председательствовать на заседаниях кабинета министров, хотя министерская деятельность, как заметил ее биограф Франц Герре, «навсегда осталась для нее китайской грамотой»[1].

Впрочем, Наполеон предусмотрел такое квипрокво. Он, во-первых, приставил к императрице в качестве надсмотрщиков-консультантов проверенных людей: министра иностранных дел Ж.-Б. Шампаньи и своего секретаря К.-Ф. Меневаля, а главное, сам с фронта, несмотря на страшную занятость военными делами, непрерывно слал в Париж свои указания по всем вопросам политики, экономики, культуры. Тот же Ф. Герре так определил роль Марии-Луизы в статусе регентши: «Императрица напоминала икону, выставленную для почитания народом, тогда как за стеной, в алтаре государства, богослужение вел незримый священник»[2].

Теперь, вернувшись в Париж, Наполеон очень хвалил Марию-Луизу за «руководство империей» и вообще был очень нежен с нею. Как супругу, мать его сына-наследника, продолжателя династии Бонапартов, Наполеон, конечно, любил ненавистную для большинства французов «австриячку», хотя и без той страсти, которая кипела в его любви к Жозефине и Марии Валевской. Она же едва ли могла любить его по-настоящему, поскольку *боялась* императора как личность полубога, боялась его величия, непредсказуемости его решений и столь же непредсказуемого гнева, так и не поборов в себе былого страха перед ним, когда он трижды (в 1797, 1800 и 1809 гг.) заставлял всю ее семью бежать из собственной столицы куда попало. Зато любовь Наполеона к сыну была искренней и страстной и как нельзя более – взаимной.

---

[1] Герре Ф. Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998. С. 156.
[2] Там же.

В ноябре 1813 г., когда Наполеон вернулся домой из-под Лейпцига, Римскому королю было чуть больше двух с половиной лет. Он рос здоровым, веселым, смышленым, вполне счастливым ребенком: любил играть в солдатики, скакал на деревянной лошадке-качалке, часто заглядывал в кабинет к отцу – посмотреть, что́ он там делает, даже собирал листки с прошениями, которые поступали в Тюильри, и каждое утро с гордостью вручал их императору. Наполеон, который вообще легко сходился с детьми, сына своего обожал, буквально души в нем не чаял и увлекался играми с ним (в прятки, жмурки, догонялки и др.) не меньше самого ребенка. Вот картинка из книги Винсента Кронина: «Наполеон качал мальчика, посадив его к себе на колени, корчил рожицы, чтобы рассмешить его, и показывал Библию с картинками, свою любимую детскую книжку. Он прекрасно понимал, что Наполеон младший являл собою того, кем он сам никогда не будет, – законного короля»[1].

В своих заботах о наследнике Наполеон был неистощим и всеведущ. Он приказал всю мебель в спальне и даже ночной горшок для сына изготовить из позолоченного серебра и обить стены мягким материалом, чтобы ребенок не ушибся при возможном падении; повелел даже загодя «специально отпечатать библиотеку из 4000 томов “лучших произведений по всем отраслям знаний”, а также заказал набор севрских тарелок с яркими картинками: Ниагарский водопад, битва при пирамидах, извержение Этны»[2].

По воспоминаниям К.-Ф. Меневаля, «радость от того, что Наполеон вновь увидел свою супругу и сына, была как бальзам, пролитый на его раны», но это лишь мало-мальски отвлекало его от насущных государственных забот: “ежечасно в течение каждого дня он проводил заседания администрации; принимались чрезвычайные меры и усилия для того, чтобы набрать рекрутов в армию, привести в порядок артиллерию, требовавшую ремонта, изготовить новое оружие вместо вышедшего из строя или утерянного и так далее”»[3].

В краткие минуты общения с сыном император научил его говорить: «Пойдем бить дедушку Франца!» Малыш повторял эту фразу (не понимая ее смысла) часто и очень серьезно, с воинственным видом, под веселый смех отца. А тем временем «дедушка Франц» вместе с другими монархами, возглавлявшими союзную армию шестой коалиции, шел войной на Францию.

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 420.
[2] Там же.
[3] Наполеон. Годы величия. С. 447.

Союзники подступали к границам Франции не без опаски. Теперь они боялись уже не столько Наполеона, сколько французского народа, который мог подняться на революционную войну против них, как это было в 1792 г., и под тем же лозунгом: «отечество в опасности!» К тому же внутри коалиции не было полного согласия, хотя Англия и пыталась скрепить его своими колоссальными субсидиями: в 1812–1814 гг. Австрия получила из Лондона 1 639 523 ф. ст., Пруссия – 2 086 682, Швеция – 2 334 992, Россия – 3 366 334[1].

Дело в том, что если правители Англии, России, Пруссии и Швеции считали Наполеона своим главным (Александр I – еще и личным) врагом и стремились непременно свергнуть его, то для австрийского двора желательно было ослабить, но сохранить Наполеона в Европе как возможного союзника Австрии и как противовес России. Франц I и глава его правительства К. Л. В. Меттерних учитывали, конечно, и династическую конъюнктуру: ведь Наполеон был женат на дочери Франца и, стало быть, наследником французского престола являлся внук императора Австрии. Вот почему Меттерних, тонко шантажируя союзников угрозой выхода Австрии из коалиции, вынудил их согласиться еще раз предложить Наполеону мир – теперь на условиях Люневильского договора 1801 г.

К началу ноября 1813 г. союзные монархи собрались во Франкфурте-на-Майне. Здесь Меттерних пригласил в штаб-квартиру союзников французского дипломата, барона Н. М. де Сент-Эньяна (взятого в плен под Лейпцигом) на встречу с представителями союзных держав – лордом Д. Г. Г. Эбердином (Англия), графом К. В. Нессельроде (Роосия) и кн. К. А. Гарденбергом (Пруссия). По инициативе Меттерниха, уже настроившего своих коллег на мирный лад, союзные дипломаты поручили Сент-Эньяну доставить в Париж их предложения о мире. Сент-Эньян выполнил это поручение 15 ноября, представ в тот день перед Наполеоном[2].

Решающим в этой истории стал голос Александра I. Царь сполна проявил свойственную ему гибкость и поддержал Меттерниха, руководствуясь, надо полагать, двояким соображением. С одной стороны, он больше, чем кто-либо из вождей коалиции, оберегал ее единство (в особенности, русско-прусско-австрийское) как залог победы над Наполеоном. С другой – Александр был вправе считать, что он лучше любого из коалиционеров знает Наполеона, а Наполеон, каким царь его знал, все равно откажется от мирного договора[3].

---

[1] Исдейл Ч. Д. Наполеоновские войны. Ростов н/Д., 1997. С. 407.

[2] См.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 412–413; Лашук А. Цит. соч. С. 698.

[3] См.: Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия // Соч.: В 18 кн. М., 1996. Кн. 17. С. 431.

Люневильский мир был результатом победоносной войны Франции с Австрией после Маренго и Гогенлиндена. Его условия лишили бы Наполеона завоеваний 1802–1811 гг., но сохранили бы за ним Францию как великую державу с завоеванными ранее землями от Ломбардии до Голландии. И что же? Получив бумаги с мирными предложениями союзников, Наполеон... на два месяца затянул их «изучение».

Император не хотел ни отклонять, ни соглашаться на них. Вся Франция – от пахарей до банкиров, от солдат до маршалов – устала от войн и жаждала мира. Нельзя было не считаться с их мнением. Но даже теперь, когда враги стояли у границ Франции, Наполеон не мог заставить себя отказаться от своего правила «все или ничего»! 1 января 1814 г. в Сенате, когда один из авторитетнейших сенаторов высказался сокрушенно: «Страна устала и хочет мира», Наполеон отрезал: «Я хочу мира, но не ценой чести!»[1]

Император рассчитывал, что перед лицом вражеского нашествия Франция воспрянет духом, это поможет ему вооружить новую армию и повести ее к победам, а его победы расстроят коалицию и дадут ему шанс выиграть войну. Поэтому он затягивал переговоры, а тем временем призывал под ружье совсем юных новобранцев, которых в насмешку звали «марии-луизы». Впрочем, как подметили Мишель Франчески и Бен Вейдер, «эти безусые мальчишки вызовут восхищение “старых усачей” наполеоновской гвардии. Сам царь Александр I отдаст должное их примерной храбрости»[2].

«И надо же было случиться такому, – сожалел В. Кронин, – чтобы в тот момент, когда Наполеону нужна была вся поддержка, которую он только мог найти, у него возникли проблемы с братьями»[3]. «Проблемы» – пожалуй, сказано слишком мягко. Все братья Наполеона, кроме Люсьена, в январе 1814 г. сбежались к нему в Париж из своих королевств и вздорными капризами, жалобами, интригами нервировали императора, отвлекая его от наиважнейших дел. Жером оставил без боя свою Вестфалию и купил себе во Франции роскошное поместье. «Отмените эту его сделку, – приказал Наполеон архиканцлеру Ж. Ж. Р. Камбасересу. – Я шокирован тем, что король, потерявший трон, оказался настолько бестактен, что покупает собственность в момент, когда простые граждане жертвуют собой во имя защиты отечества». Людовик Бонапарт, лишенный голландского престола, слезно просил брата вернуть ему королевский

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 696.

[2] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 219.

[3] Кронин В. Цит. соч. С. 438. Далее о братьях Наполеона – там же (С. 438–439).

статус. «Хватит жаловаться! – одернул его Наполеон. – Возьми сто тысяч человек и отвоюй свое королевство». Более порядочный Жозеф, хотя и был крайне расстроен, утратив испанский трон, безропотно принял от Наполеона скромный чин генерал-лейтенанта Франции, ответственного за оборону Парижа.

Между тем как раз в январе 1814 г. союзные войска вторглись во Францию и поначалу не встретили здесь всенародного отпора. Александр I тут же склонил «братьев»-монархов уведомить Наполеона, что они предлагают Франции уже иные условия мира – в границах страны не 1801, а 1792 г., до начала революционных завоеваний, т. е. без Голландии, Бельгии, Ломбардии и левобережья Рейна. «На этот новый мир, – писал о "братьях"-монархах Е. В. Тарле, – они все были согласны, даже лорд Каслри[1], лично прибывший в главную квартиру союзников»[2]. Наполеон, не желавший соглашаться и на условия Люневиля, велел передать союзникам, что считает их новые условия «гнусными». В ночь с 24 на 25 января он выехал к армии бить «дедушку Франца» и его венценосных «братьев».

Накануне, 23 января, во дворе Тюильри император простился с Национальной гвардией Парижа. По воспоминаниям его секретаря К.-Ф. Меневаля, император собрал офицеров национальной гвардии в парадном, т. н. маршальском зале дворца, представил им жену и сына и обратился к ним с такими словами: «Я уезжаю сражаться с врагом. Поручаю вам то, что является для меня самым дорогим – императрицу, мою супругу, и короля Рима, моего сына»[3]. Другой очевидец этой сцены, главный камердинер Наполеона Луи-Жозеф Маршан, свидетельствовал: «Энтузиазм, вызванный действием императора, когда он передал юного короля их своих рук офицерам национальной гвардии, навсегда останется в памяти всех, кто видел это. Неистовые и продолжительные возгласы "Да здравствует император!" перенеслись из маршальского зала на площадь Карусель, где собрались солдаты национальной гвардии. Когда император проходил по площади перед строем солдат, дававших ему клятву верности, воздух наполнился раскатами громогласных восклицаний "Да здравствует император!", "Да здравствует императрица!", "Да здравствует Римский король!" Эта демонстрация искренней любви к его сыну

[1] Каслри Роберт Стюарт (1769–1822) – военный министр и министр иностранных дел Англии 1812–1822 гг., главный из англичан того времени франкофоб.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 422.

[3] Наполеон. Годы величия. С. 454–455.

тронула сердце императора: он с такой теплотой поцеловал юного принца, что это не прошло мимо внимания собравшейся публики, и при этом не один глаз увлажнился от нахлынувших чувств»[1].

Весь день 24 января Наполеон провел в своем кабинете, разбирая, сортируя и подписывая перед отъездом срочные бумаги. Римский король со своей деревянной лошадкой был, как обычно, здесь же, рядом с отцом. Когда ему надоело смотреть на возню императора с бумагами, малыш начал (цитирую далее Е. В. Тарле) «дергать отца за фалды сюртука, требуя внимания к себе. Император взял его на руки и стал подкидывать кверху и ловить. Маленький Римский король был в полнейшем восторге и без счета целовал отца. Но наступил вечер, и его унесли спать»[2]. Ближе к ночи Наполеон простился с женой. «Не печалься, верь мне, – говорил он ей. – Разве я разучился делать свою работу?» И, обнимая ее в последний раз, пошутил: «Я только задам трепку папе Францу... Не плачь. Я скоро вернусь»[3]. Далеко за полночь дежурившая в детской спальне няня увидела, как неслышно открылась дверь и вошел в спальню император. Он склонился над кроваткой, в которой младенчески сладко спал его сын, самое дорогое для него существо, и долго смотрел на своего «орленка», не спуская глаз. Потом также бесшумно вышел. Через считаные минуты Наполеон уже был в экипаже и помчался к армии. Мог ли он думать той ночью, что ни жену, ни сына больше никогда не увидит?..

Перед самым отъездом на фронт Наполеон подтвердил узаконенное в 1813 г. назначение Марии-Луизы регентшей. Но теперь он назначил ее советником (т. е. фактически наставником) архиканцлера Камбасереса, а брату Жозефу повелел «принять на себя регентство в случае отбытия ее из столицы»[4]. Н. К. Шильдер резонно назвал Жозефа «императорским наместником»[5].

К тому времени, когда Наполеон был уже в пути на линию фронта, его новобранцы еще не все вооружились. Готовых к бою солдат он имел лишь 47 тыс. и мог рассчитывать вскоре тысяч на 30–35 резервистов[6]. В полной боевой готовности была только гвардия – Старая (во главе с маршалами Ф. Ж. Лефевром и Э. А. К. Мортье)

---

[1] Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания. Мемуары. М., 2003. С. 51.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 423.

[3] Кронин В. Цит. соч. С. 441.

[4] Богданович М. И. История войны 1814 г. во Франции и низложения Наполеона по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 93.

[5] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 187.

[6] Подробно о соотношении сил к началу кампании 1814 г. см.: Лашук А. Цит. соч. С. 696–701; Чандлер Д. Цит. соч. С. 576–577; Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 36–41, 94.

и Молодая (ее возглавлял маршал М. Ней). Гвардейской кавалерией командовал граф Э. М. А. Нансути – герой битв при Аустерлице, Фридланде, Ваграме и Бородине. Другие, не гвардейские, соединения – и пехотные, и кавалерийские корпуса – спешно заканчивали формирование. В отсутствие ряда маршалов (Ланн, Бессьер, Понятовский погибли, Сен-Сир попал в плен, Сульт и Сюше были заняты в Испании, Даву осажден в Гамбурге, Ожеро – в Лионе, Журдан и Брюн остались не у дел) армейскими корпусами командовали генералы: 1-м пехотным – Н. Ж. Мезон, (только в 1829 г. он станет маршалом), 4-м – Л. А. Моран и 5-м – Ф. О. Б. Себастиани (будет маршалом с 1840 г.). Только четыре пехотных корпуса возглавляли маршалы – К. П. Виктор, Н. Ш. Удино, Ж. Э. А. Макдональд и О. Ф. Л. Мармон. Во главе кавалерийских корпусов оказались посредственные генералы (Ж.-П. Думерг, Р.-Ж. Эксельманс, Ж. Т. Аррига, Э. Ж. Б. Мило), ибо Наполеон уже не имел в своем распоряжении ни Мюрата, ни Лассаля, ни Монбрена, ни Коленкура, ни Латур-Мобура: Лассаль, Монбрен и Коленкур погибли, Латур-Мобур, потерявший ногу под Лейпцигом, стал инвалидом, а Мюрат... о нем речь еще впереди...

Наполеон, безусловно, знал (хотя бы в примерных цифрах), сколь велико численное превосходство полчищ шестой коалиции над его скромным войском. Коалиционеры располагали уже вторгшейся во Францию 230-тысячной Главной армией из россиян, австрийцев, пруссаков, баварцев и вюртембержцев под командованием австрийского фельдмаршала кн. К. Ф. Шварценберга, а вслед за ней шли еще две армии – Силезская во главе с прусским фельдмаршалом кн. Г. Л. Блюхером и Северная армия бывшего маршала Франции, а теперь шведского кронпринца Ж. Б. Ж. Бернадота – общей численностью до 300 тыс. человек. Мало того, уже готовы были выступить в поход еще две российские армии: из-под Гамбурга – т. н. Польская, ведомая давним противником Наполеона генералом от кавалерии бароном Л. Л. Беннигсеном (33 тыс. бойцов), а от Варшавы – 80-тысячная Резервная армия генерала от инфантерии кн. Д. И. Лобанова-Ростовского. Наконец, датский король Фредерик VI обещал союзникам пополнить их воинство своими солдатами, а главное, к вящему негодованию Наполеона, 11 января 1814 г. по сговору с австрийским правительством изменил своему отечеству и объявил войну (!) Франции Иоахим Мюрат – тот самый половой из трактира, которого Наполеон сделал маршалом империи, великим герцогом Бергским, королем Неаполитанским и своим зятем. «Поведение неаполитанского короля гнусно! – возмущался Наполеон в письме к Ж. Фуше от 13 февраля. – Но тому, как поступила королева (Каролина, родная

сестра Наполеона. – *Н. Т.*), вообще нет названия. Я надеюсь дожить до того, чтобы отомстить за себя и за Францию и покарать за столь чудовищную неблагодарность»[1].

Результатом измены Мюрата, как об этом вспоминал Наполеон, стало присоединение к союзникам 60 тыс. неаполитанских солдат[2]. Таким образом, всего, по подсчетам М. И. Богдановича, союзники к началу кампании 1814 г. выставили против Наполеона (вместе с резервами) до 800 тыс. человек и, кстати, 2 тыс. орудий[3].

На что мог рассчитывать Наполеон в борьбе с нашествием тьмы-тьмущей врагов, имея примерно 80 тыс. солдат и две сотни орудий (т. е. и людей, и артиллерии *вдесятеро* меньше?) Только на разобщенность войск коалиции и на исключительные, каких еще свет не видал, виртуозность и быстроту своих маневров. Вряд ли кто верил тогда хотя бы в единичный успех императора при всем уважении к его военному гению. Напротив, казалось, что разгром Наполеона предрешен в первом же бою. Но тут началось нечто такое, чего никто (кроме самого Наполеона) не ожидал и что современники восприняли, а историки доселе воспринимают как верх полководческих возможностей...

Главной ареной боевых действий 1814 г. стала провинция Шампань на северо-востоке Франции, т. е. на путях войск шестой коалиции к Парижу. Уже через день по прибытии на фронт, 27 января, Наполеон разбил при Сен-Дизье авангард Главной армии союзников под командованием русского генерал-лейтенанта С. Н. Ланского[4]. «Император понимал, – пишет об этом Анри Лашук, – что этот первый успех его армии следует максимально использовать для поднятия морального духа французов. Радостную весть о победе над союзниками курьеры несут в Шалон, Труа, Париж...»[5]

Еще через три дня у Бриенна (где Наполеон когда-то учился и теперь очень хотел победить) он взял верх над двумя – русским и прусским – корпусами Г. Л. Блюхера и Ф. В. Остен-Сакена, причем прусский фельдмаршал Блюхер был сбит с лошади и едва не попал в плен вместе со своим начальником штаба, будущим фельдмаршалом А. В. Гнейзенау, а русский генерал от инфантерии Остен-Сакен (позднее он тоже станет фельдмаршалом) был ранен. Кстати, у фран-

---

[1] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 314.

[2] Наполеон на острове Св. Елены // Русский архив. 1912. № 1. С. 133.

[3] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 40.

[4] Ланской Сергей Николаевич (1779–1814) – военачальник и дипломат, двоюродный брат свитского генерала Петра Петровича Ланского (1799–1877), женатого с 1844 г. на вдове А. С. Пушкина Наталии Николаевне.

[5] Лашук А. Цит. соч. С. 708.

цузов в этой битве получили ранения маршалы Л. А. Бертье и Н. Ш. Удино, а общие потери сторон были примерно равны: по 3 тыс. человек. Главное, Наполеон освободил от русско-прусских оккупантов Бриенн, столь дорогой его сердцу город. После битвы на ночлег он остановился в доме местного кюре отца Анриона, бывшего преподавателя Бриеннской школы, когда в ней учился будущий император[1].

1 февраля при Ла-Ротьере Наполеон, располагая, по данным Е. В. Тарле и А. Кастело, 30–33 тыс. новобранцев, выдержал 10-часовую битву с главными силами Шварценберга (как минимум 122 тыс. человек)[2]. Поскольку французы после боя вынуждены были отступить, некоторые историки зачли им поражение. Так, А. Лашук назвал Ла-Ротьер «неудачным сражением» Наполеона, хотя и подчеркнул, что французы отступили «в полном порядке», и при этом «никто даже не пробовал преследовать» их, и Д. Чандлер усмотрел здесь «тактическое поражение» французов, но тоже признал, что Наполеон «с величайшим искусством вышел из битвы по всей своей линии»[3]. Именно потому, что Наполеон после 10-часовой битвы с противником, вчетверо превосходившим его численно, отступил от Ла-Ротьера «с величайшим искусством» и «в полном порядке», Е. В. Тарле заключил, что эта битва оставила у французов «впечатление почти выигранной»[4]. Во всяком случае разбить себя они не позволили и, пожалуй, заслужили под Ла-Ротьером ничью.

Как бы то ни было, Наполеон после Ла-Ротьера вышел в тыл Силезской армии и, сбив с толку союзное командование хитроумно-стремительными маневрами, ошеломил противника целым фейерверком побед: за пять дней, с 10 по 14 февраля, он выиграл четыре сражения – под Шампобером, Монмирайлем, Шато-Тьерри и Вошаном, – разгромив по частям всю Силезскую армию.

10 февраля при Шампобере был почти уничтожен русский корпус генерала З. Д. Олсуфьева, а сам Олсуфьев и еще один генерал, К. М. Полторацкий (причастный к убийству Павла I) взяты в плен вместе с 3 тыс. их солдат. Между прочим, самого Олсуфьева пленил 19-летний рядовой конно-егерского полка Кристиль. «Этот юноша, имевший за плечами всего полгода службы, лично доставил своего пленника к императору, который собственноручно наградил храбре-

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 712–714.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 424; Кастело А. Цит. соч. С. 415.
[3] Лашук А. Цит. соч. С. 723; Чандлер Д. Цит. соч. С. 583.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 424.

ца рыцарским крестом Почетного легиона»[1]. Еще полторы тысячи русских воинов (цитирую Е. В. Тарле) «были перебиты, остальные бежали»[2]. Французы потеряли всего 600 (по данным М. И. Богдановича) или даже меньше 200 человек, как подсчитал Д. Чандлер[3]. Вечером после битвы Наполеон пригласил пленных генералов к себе на ужин и потом долго говорил о пожаре Москвы (может быть, и о цареубийстве) с Полторацким[4].

В тот же вечер император писал Марии-Луизе: «Моя дорогая Луиза! Победа! <...>. Прикажи устроить салют перед Домом инвалидов и пусть об этом возвестят во всех увеселительных заведениях. Я преследую Сакена <...>. Наступая ему на пятки, рассчитываю в полночь достичь Монмирайля. Нап.»[5] Мария-Луиза в ответ поделилась с мужем своей радостью: «Римский король просил меня передать тебе, что он съел весь шпинат – это наша потрясающая новость для тебя»[6].

На следующий день, достигнув, как он обещал Марии-Луизе, Монмирайля, Наполеон разгромил здесь объединенные силы двух союзных корпусов – русского (Ф. В. Остен-Сакена) и прусского (Г. Д. Л. Йорка). Союзники потеряли около 8 тыс. человек, французы – меньше 1 тыс.[7] В этом сражении «получил 10 штыковых ран» и был взят в плен подпоручик Г. С. Батеньков[8] – впоследствии видный член Северного общества декабристов, осужденный на 20 лет каторги.

Развивая успех, Наполеон 12 февраля у г. Шато-Тьерри настиг отступавшие в беспорядке корпуса Йорка и Остен-Сакена и подверг их новому разгрому. На этот раз союзники потеряли еще 3 тыс. человек и весь обоз корпуса Остен-Сакена (урон французов не превышал 400 человек)[9]. «Моя пешая и конная гвардия покрыла себя славой, особенно отличились драгуны, – написал император об этой победе своему министру и другу Рене Савари. – То, что они совершили, может быть сравнимо только с рыцарскими романами и подвигами во-

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 731.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 424.

[3] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 183; Чандлер Д. Цит. соч. С. 587.

[4] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 184.

[5] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 444.

[6] Там же. С. 446.

[7] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 425.

[8] Батеньков Г. С. Соч. и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 7.

[9] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 195; Лашук А. Цит. соч. С. 740; Koch F. Mémoires pour servir à l'histoire de la csmpagne de 1814. P., 1853. T. 1. P. 253.

инов того времени, когда благодаря своему вооружению и ловкости лошадей один убивал триста-четыреста человек. Враг должен быть потрясен и охвачен ужасом»[1].

Союзники действительно были потрясены после Шампобера, Монмирайля и Шато-Тьерри, а после новой победы Наполеона 14 февраля при селении Вошан их потрясение уже приближалось к панике. В битве при Вошане Наполеон разгромил еще два союзных корпуса – прусский (генерала, графа и будущего фельдмаршала Ф. Г. Клейста) и русский (генерала П. М. Капцевича) – под общим командованием Г. Л. Блюхера. Здесь почти полностью была уничтожена прусская дивизия графа Г. Э. К. Цитена (тоже ставшего позднее фельдмаршалом!) и взят в плен русский генерал князь А. П. Урусов, причем союзники потеряли, по разным данным, от 6 до 9 тыс., а французы – всего лишь 500–600 человек[2]. «Невозможно было, – восклицал М. И. Богданович, – одержать бóльших успехов с меньшими потерями!»[3]

Союзное командование на время потеряло способность ориентироваться в столь злосчастном для него круговороте боевых действий. «Наполеон был вездесущ и страшен, – вспоминал российский генерал от инфантерии (эмигрант из Франции) граф А. Ф. Ланжерон. – Он бил нас всех, одного за другим. Мы боялись его дерзких замыслов, быстроты его маршей, его головоломных комбинаций. Едва составишь план, он его уже разгадал»[4]. «Он будто в кармане носил войско свое» и «птицей летал между Сеной и Марной», – в таких выражениях отзывались о наполеоновских маршах 1814 г. современники и будущие историки[5].

Секрет блестящих успехов Наполеона в той самой трудной для него кампании с чисто военной точки зрения был прост: он использовал разбросанность полчищ союзников быстрыми маневрами и неожиданными ударами. Но делал он это так искусно, что сам был горд результатами, похожими на его феерические победы 1796–1797 гг. в Италии, и после Вошана даже воскликнул: «Я опять надел свои сапоги итальянской кампании!»[6]

---

[1] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 740.

[2] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 204; Лашук А. Цит. соч. С. 745; Чандлер Д. Цит. соч. С. 590.

[3] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 208.

[4] Цит. по: Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 68.

[5] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 238; Трачевский А. С. Наполеон I. СПб., 1900. С. 89.

[6] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 188.

Лагерь шестой коалиции снова, уже в который раз, поддался растерянности и был под угрозой раскола. Только Александр I сохранял твердость духа. «Я не заключу мира, пока Наполеон останется на престоле!» – повторял он в те дни[1]. Но даже его советники (князь П. М. Волконский, граф К. В. Нессельроде, барон К. Ф. Толь) склонялись к миру. Государственный секретарь А. С. Шишков, заблаговременно составивший для царя манифест о взятии Парижа, теперь «едва не разорвал оный, полагая, что никогда сего не сбудется»[2]. Франц I, Фридрих-Вильгельм III и главнокомандующий союзными войсками Шварценберг вырвали у царя согласие вновь предложить Наполеону мир на условиях его отказа «от территориальных приобретений, сделанных после 1792 г.» Такое предложение коалиционеры датировали 17 февраля[3].

Тем временем – именно 17 и 18 февраля – Наполеон одержал еще две победы над союзными войсками. 17-го, при Мормане, он наголову разбил авангард Главной армии союзников под командованием генерал-лейтенанта графа П. П. фон дер Палена[4] и австрийского фельдмаршала-лейтенанта И. А. Хардегга. Союзники потеряли до 4 тыс., французы – около 800 человек[5]. На следующий день, в сражении при Монтеро, жертвой мести Наполеона стал его бывший союзник (даже соратник по русскому походу 1812 г.), а теперь изменивший ему враг, кронпринц Вильгельм Вюртембергский, который командовал собственным, сформированным из подданных Вюртемберга, корпусом.

По воспоминаниям генерала графа Ф. П. Сегюра, французы сражались при Монтеро с мстительной яростью: «...эти вюртембержцы, наши вчерашние союзники, внезапно ставшие нашими злейшими врагами, заслужили свое несчастье – им отплатили сполна!»[6] «Наполеон лично руководил этим боем, – вспоминал тот же Сегюр. – <...>. Видели даже, как он слезал с лошади и неоднократно сам наводил орудия! Он старался принудить к молчанию вражеские пушки. Вначале наши артиллеристы ворчали, недовольные тем, что он подвергает себя такой опасности, они умоляли его удалиться. “Не бой-

---

[1] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 436.

[2] Шишков А. С. Цит. соч. Т. 1. С. 265, 269.

[3] ВПР. Т. 7. С. 574.

[4] Пален Петр Петрович, фон дер (1778–1864) – сын петербургского генерал-губернатора графа Петра Алексеевича фон дер Палена (1745–1826), бывшего главным организатором убийства императора Павла I.

[5] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 231, 233–234; Лашук А. Цит. соч. С. 748–750.

[6] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 754.

тесь, друзья, мои,– весело отвечал им Наполеон. – Ядро, которое убьет меня, еще не отлито"»[1]. Вюртембержцы потеряли здесь, по данным разных источников, от 5 до 7 тыс. человек, французы – от 2 до 2,5 тыс.[2]

Можно понять, почему Наполеон после двух новых побед не спешил принимать условия мира, которые он месяцем раньше уже отверг как «гнусные». «Чтобы Франция после меня стала меньше, чем до меня? – возмущался он. – Никогда!»

Видя неуверенность коалиции, Наполеон вознамерился расстроить ее новыми ударами. 7 марта при селении Краон он разбил русский корпус генерала графа М. С. Воронцова[3] (в этом сражении погибли генерал С. Н. Ланской и – почти на глазах у отца – сын одного из друзей Александра I по Негласному комитету П. А. Строганова: ему ядром оторвало голову). Для Наполеона это была победа (он преследовал Воронцова до ночной темноты на протяжении 15 км), но, как заметил Андре Кастело, «победа пиррова»: впервые с начала кампании 1814 г. Наполеон потерял людей больше, чем его побежденный противник (русские – 5 тыс., французы – 5400)[4].

9 и 10 марта Наполеон атаковал укрывшегося от него в Лаоне Блюхера, войска которого численно превосходили французов почти в три раза: 100 тыс. солдат против 37 тыс. На этот раз Блюхер удержал свои позиции, и Наполеон вынужден был отступить от Лаона, не добившись успеха, причем, по данным Д. Чандлера, вновь понес бóльшие потери, чем его противник (6 тыс. человек против 4 тыс.; правда, Ф. Кох считал, что обе стороны потеряли по 3,5 тыс. человек)[5]. Но уже 13 марта Наполеон восполнил упущенное при Краоне и Лаоне яркой победой над русско-прусским корпусом в битве у Реймса.

Командовал корпусом генерал-лейтенант и генерал-адъютант граф Э. Ф. Сен-При – тот самый француз на русской службе, который в 1812 г. был начальником Главного штаба 2-й Западной армии князя П. И. Багратиона. Он занял Реймс как опорную базу союзни-

---

[1] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 753.

[2] Там же. С. 755; Чандлер Д. Цит. соч. С. 593; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 425.

[3] Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – сын генерала от инфантерии Семена Романовича Воронцова (1744–1832), внук генерал-аншефа Романа Илларионовича Воронцова (1707–1783), племянник государственного канцлера Александра Романовича Воронцова (1741–1805), будущий светлейший князь, генерал-фельдмаршал, «герой» эпиграммы А. С. Пушкина «Полу-милорд, полу-купец, полу-невежда, полу-подлец...»

[4] Кастело А. Цит. соч. С. 426; Лашук А. Цит. соч. С. 768.

[5] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 601; Koch F. Op. cit. T. 2. P. 121.

ков. Наполеон после мощной артиллерийской подготовки бросил в атаку на город несколько полков тяжелой кавалерии (кирасиров), которые незадолго до полуночи ворвались на улицы Реймса. Горожане, желая помочь соотечественникам, вывешивали из окон фонари. «Было так светло, – вспоминал один из героев битвы лейтенант Ж.-Р. Куанье, – что хоть иголки собирай». Корпус Сен-При был наполовину истреблен, а сам граф погиб. Наполеон так сообщил в парижском официозе «Moniteur» о его гибели: «Именно та легкая батарея, которая поразила генерала Моро под Дрезденом, нанесла смертельную рану Сен-При, пришедшему с татарами (?! – *Н. Т.*) разорять нашу прекрасную страну»[1]. Потери сторон в этой битве были несопоставимы: по данным А. Лашука, у союзников – 5 тыс., у французов – не более 800 человек (Д. Чандлер насчитывал соответственно 6 тыс. и лишь 700 человек)[2].

После Реймса Наполеон ждал если не распада, то расстройства коалиции. Но вопреки его ожиданиям она... сплотилась. Александр I получил мощную поддержку в лице британского министра иностранных дел лорда Р. С. Каслри, который вновь примчался из Лондона «с карманами, набитыми золотом»[3]. Оба они сумели внушить своим партнерам мысль, что если теперь, уже вторгшись во Францию с многократным превосходством сил, союзники не смогут низвергнуть Наполеона, то через год-два, когда он воссоздаст былую мощь своей Великой армии, вся Европа снова станет жертвой его агрессии. Эта мысль воспалила всех монархов шестой коалиции, даже трусливый Фридрих-Вильгельм III начал свирепеть. 10 марта в г. Шомон на северо-востоке Франции союзники скрепили договором новую клятву на верность друг другу: «Не положить оружия, прежде чем цель войны (разгром и низложение Наполеона. – *Н. Т.*) будет достигнута»[4]. «Наполеон нанес визиты во все столицы Европы. Неужели мы уступим ему в вежливости?» – горячился фельдмаршал Блюхер. Четыре главные державы коалиции (Россия, Англия, Австрия и Пруссия) обязались в Шомоне «держать постоянно в походе каждая по 150 000 человек в полном составе, не считая гарнизонов», а король Англии, кроме того, – «доставлять субсидию в 5 000 000 ф. ст. на потребности 1814 г., распределяемую равно между тремя державами».

---

[1] Цит. по: Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 362. О том же Наполеон рассказывал на острове Св. Елены своему врачу Б. О'Мира (О'Мира Б. Цит. соч. С. 173).

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 777; Чандлер Д. Цит. соч. С. 602.

[3] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 221.

[4] Полный текст Шомонского договора см.: ВПР. Т. 7. С. 587–595.

Еще не зная о новом сплочении коалиционеров, Наполеон через два дня после победы у Реймса, 15 марта, предложил им свой контрпроект мирного договора, согласно которому он отказывался от владений на правобережье Рейна и признавал независимость всей Германии, Швейцарии, Голландии, но сохранял свою империю в границах 1805 г.[1] 19 марта союзники отвергли контрпроект[2]. Военные действия возобновились – и опять неудачно для коалиции. Наполеон, имея меньше 30 тыс. бойцов против Главной армии К. Ф. Шварценберга численностью до 90 тыс. человек, не только выстоял в битве при Арси-сюр-Об, но и отбросил неприятеля на нескольких пунктах. В критический момент битвы император лично возглавил кавалерийскую атаку; «конь под ним убит, – вспоминали очевидцы, – он вскакивает на другого...»[3] Втрое превосходившие его численно союзники и потеряли людей втрое больше: он – 3 тыс., они – почти 9 тыс. Правда (согласимся с Е. В. Тарле), «достигнуть разгрома союзной армии Наполеону на этот раз не удалось»[4], зато 26 марта под городом Сен-Дизье, где два месяца назад была одержана его первая в кампании 1814 г. победа, он разгромил русско-прусский корпус еще одного генерал-адъютанта Александра I – барона Ф. Ф. Винценгероде. Но главное, под впечатлением побед Наполеона «едва не воспламенился для национальной войны» (по выражению И. Т. Радожицкого) французский народ[5].

В то время как фабриканты, биржевики, придворная знать, а частью (мы это еще увидим) даже министры и маршалы отходили от Наполеона, готовые предать его и договориться с внешним врагом, трудовые «низы», которым жилось в империи неизмеримо хуже «верхов», поддерживали императора. Для них Наполеон был альтернативой Бурбонам, а Бурбоны – воплощением дореволюционного, средневекового режима, при котором рабочие были лишены минимума зарплаты, крестьяне – земли, те и другие – гражданских прав. Теперь, когда их отечеству угрожало, как в начале революции, чужеземное нашествие, в обозе которого спешили вернуться на французский престол Бурбоны; когда рабочим и крестьянам приходилось *выбирать* между Наполеоном и Бурбонами, они предпочитали Наполеона. Вожди шестой коалиции с тревогой узнавали о народных восстаниях и партизанской борьбе против союзных войск на занятой ими территории Франции.

---

[1] См.: ВПР. Т. 7. С. 788.
[2] Там же. С. 614.
[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 400.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 430.
[5] Радожицкий И. Т. Цит. соч. Ч. 3. С. 9.

Так, 6 апреля 1814 г. Д. М. Алопеус, которого Александр I назначил генерал-губернатором Лотарингии, докладывал царю, что «вооруженные крестьяне подстерегали в лесах и убивали [русских] солдат», и даже «партизаны захватили Нёфшато и продвинулись на Коломбе»[1]. Как явствует из комментариев А. А. Егорова к монографии Ч. Д. Исдейла, в фондах ВУА РГВИА «сохранилось немало свидетельств, доказывающих наличие широкого партизанского движения во Франции весной 1814 г.»[2] Много данных об этом и в научной литературе. Альбер Сорель отмечал, что «крестьяне стреляли в казаков, убивали отставших и, наконец, появилось удивительное и в то же время тревожное (для оккупантов. – *Н. Т.*) знамение: союзники не находили более шпионов»[3].

«Энергия Наполеона вызывала энергичный отклик у его народа, – подчеркивал англичанин Винсент Кронин. – По мере того как набат распространялся на востоке и северо-востоке страны, “банды” атаковали конвои противника, устраивали засады, нападали на отдельные отряды. В Вогезах такие банды фермеров полностью уничтожили два полка русских. В Эперне крестьяне под водительством своего мэра Жана Моэта открыли винные погреба и встречали Наполеона и его солдат с полуторалитровыми бутылками шампанского, а затем шли с ними в бой плечом к плечу, хотя из оружия у них были только вилы и косы»[4]. Колоритные примеры, засвидетельствованные очевидцами, приводил А. Кастело: «Можно было увидеть двенадцатилетних мальчишек, несших по два ружья на плече, которые вели перед собой двух или трех здоровяков (пленных. – *Н. Т.*), доставляя их с торжествующим видом к императору»[5]. «У него, – писал о Наполеоне, имея в виду весну 1814 г., Анри Лашук, – еще есть возможность устроить врагам “императорскую Вандею”. Из Бар-ле-Дюка и Бар-сюр-Об, из Лангра и Лотарингии приходят известия, что многие тысячи крестьян ответили на призыв набата. Формируются добровольческие отряды (corps-francs – “вольные корпуса”). Крестьяне нападают на вражеские обозы. На востоке Франции начинается ужасная, беспощадная “война ножей”»[6].

В такой обстановке единственную и вполне реальную возможность победить дал бы Наполеону его призыв к национальной войне под лозунгом “защиты отечества”, к всенародному ополчению, кото-

---

[1] ВПР. Т. 7. С. 641, 642. Нёфшато и Коломбе – селения в Лотарингии.
[2] Исдейл Ч. Д. Цит. соч. С. 520.
[3] Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1908. Т. 8. С. 222.
[4] Кронин В. Цит. соч. С. 448.
[5] Кастело А. Цит. соч. С. 417–418.
[6] Лашук А. Цит. соч. С. 802.

рое уже спасало Францию от интервентов и сопутствующих им Бурбонов в 1792–1794 гг. Но такой радикальный шаг, который был бы в духе генерала Бонапарта, императору Наполеону не подходил. Генерал Ф. О. Б. Себастиани вечером после битвы при Арси-сюр-Об прямо спросил императора, почему он не хочет «поднять нацию», и услышал в ответ: «Поднять нацию в стране, где революция уничтожила дворян и духовенство, а я задушил революцию? Это – химера!»

Комментируя это заявление императора, Е. В. Тарле заострял внимание своих читателей на том, что Наполеон «долго убивал всякое воспоминание о революции», что он ее «долго и успешно топтал и душил»[1]. Думается, Евгений Викторович неоправданно и сверх меры сгустил краски: ведь Наполеон задушил крайние проявления революции на путях террора, социального хаоса, гражданской войны, но все ее основные завоевания – социальное равенство, неприкосновенность личности и собственности, гражданские свободы – сохранил и узаконил в своем Гражданском кодексе, который (напомню читателю) действует поныне не только во Франции, но и в других, самых цивилизованных странах – в Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии.

«Поднять нацию» на отечественную войну в 1814 г. Наполеон не захотел скорее всего потому, что уже как государь, а не рядовой генерал, боялся разнуздать стихию народного возмущения, что могло бы повлечь за собой рецидив и революционного хаоса, и гражданской войны. Был ли он так ослеплен блеском своих побед, что рассчитывал выиграть кампанию 1814 г. у противника, в 10 раз численно преобладавшего, только в битве обычной войны? Едва ли. Был у него, вероятно, и расчет на противоречия внутри коалиции, которые он надеялся усугубить своими победами и таким образом подтолкнуть коалиционеров к более выгодным для него условиям мира.

Как бы то ни было, после Арси-сюр-Об Наполеон задумал маневр с выходом в тыл союзников, чтобы оттянуть их на себя от Парижа, а самому тем временем сблизиться с 40-тысячным корпусом маршала П. Ф. Ожеро, который бездействовал в Лионе. Еще 13 февраля Ожеро получил приказ императора следовать из Лиона через Женеву на Везуль (центр французской провинции Верхняя Сона) и там перерезать линию неприятельских коммуникаций, но не спешил с выполнением приказа. «Как? Вы все еще в поле?! – гневно торопил его Наполеон неделю спустя. – <...>. Если Ваши 60 лет[2] Вас тяготят,

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 430.

[2] Маршалу Ожеро было тогда 56 лет.

сдайте командование старшему из Ваших офицеров!» Ожеро «не двинулся с места до последних дней февраля, – саркастически писал о нем Х. Беллок. – Он зря потратил – или нарочно не использовал – целых две недели»[1]. Впрочем, выступив из Лиона 3 марта, Ожеро неудачно принял бой с подоспевшими за это время союзными войсками, вернулся в Лион, а 21 марта сдал город противнику, сорвав план Наполеона идти на Везуль.

В те же февральские и мартовские дни, когда сам Наполеон осуществлял искусные маневры и выигрывал битву за битвой, его маршалы – один за другим – терпели неудачи. Макдональд не сумел удержать г. Труа и вместо того, чтобы идти на соединение с главными силами Наполеона вперед, «откатывался со своими войсками назад»[2]. Удино, не сумевший активно взаимодействовать с Макдональдом, потерпел поражение в бою при Бар-сюр-Об от русско-баварских войск П. Х. Витгенштейна и К. Ф. И. Вреде. Виктор упустил шанс отрезать войскам кронпринца Вюртембергского путь отступления после битвы при Монтеро. Наконец, Мармон, которому Наполеон приказал быть со своим корпусом к утру 10 марта у Лаона, чтобы помочь императору в сражении с превосходящими силами Блюхера, промедлил и в ночь с 9 на 10-е был разбит пруссаками у Атьеса[3]. Наполеон был в ярости: «Невозможно иметь худших помощников, чем у меня!»[4]

«Император никак не желал понять, что не все его подчиненные – Наполеоны», – вспоминал о том времени один из его генералов[5]. А вот союзные военачальники давно это поняли и старательно использовали. Их главнокомандующий К. Ф. Шварценберг прямо говорил: «Мы разделяемся нарочно, чтобы и Наполеон разделял свою армию и чтобы он *не был везде сам*»[6].

27 марта после боя при Сен-Дизье Наполеон, еще не остыв от гнева при известии о фактическом предательстве Ожеро, узнал от пленных гораздо сильнее поразившую его новость: союзники вместо того, чтобы повернуться к нему лицом, пошли прочь от него – на Париж! «Прекрасный шахматный ход! – воскликнул Наполеон. – Никогда бы не подумал, что генерал коалиции способен на это!»[7] «Он забыл, – комментирует восклицание Наполеона А. К. Дживелегов, – что

---

[1] Беллок Х. Цит. соч. С. 307.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 598.
[3] См.: Беллок Х. Цит. соч. С. 308–312.
[4] Лашук А. Цит. соч. С. 770.
[5] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 426.
[6] Тречевский А. С. Указ. соч. С. 90.
[7] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 208.

Шварценберг учился в его школе»[1]. Увы! Все было проще: подсказала союзникам «шахматный ход» и тем самым решила судьбу Парижа измена.

Наполеон не знал, что еще 17 марта в Труа, где размещалась штабквартира союзников, прибыл эмиссар Ш. М. Талейрана и агент Бурбонов барон Э. Ф. Витроль. Он передал Александру I нарочито неряшливую и безграмотную по форме (для конспирации) записку от Талейрана с настоятельным советом оставить Наполеона у себя в тылу и спешить к Парижу, где союзников *ждут*[2]. По свидетельству К. В. Нессельроде, эта записка уже «решила вопрос о движении на Париж»[3]. А пока интервенты готовились к маршу, несколько сомневаясь, верно ли их решение, Бог послал им (как они думали) еще одну удачу, которая сняла все сомнения. 23 марта казаки перехватили письмо Наполеона к императрице Марии-Луизе, где говорилось: «Я пошел к Марне. Сегодня буду в Сен-Дизье»[4]. Так стало ясно, что Наполеон удаляется от Труа *на восток*. 24 марта союзники из Труа быстро пошли на запад – к Парижу.

У местечка Фер-Шампенуаз путь 100-тысячной Главной армии фельдмаршала князя К. Ф. Шварценберга, при котором неотлучно обретались трое монархов (Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III), преградили 25 тыс. французов под командованием маршалов О. Ф. Мармона и Э. А. Мортье. Союзники отбросили их и через четыре дня вслед за ними подступили к Парижу.

Утром 29 марта императрица Мария-Луиза по инициативе ее «надсмотрщика» Жозефа Бонапарта и с согласия Регентского совета выехала из столицы вместе с сыном и многолюдной свитой. Римский король заупрямился: раздраженный тем, что к нему применили силу – а силу необходимо было применить, чтобы усадить его в карету, – он в гневе заявил: «Я не хочу покидать Париж. Здесь я хозяин!»[5] Но что мог сделать этот «хозяин», которому едва исполнилось три года? Целый поезд императрицы из двух десятков экипажей с воинским эскортом в 700 сабель, напоминавший верным слугам Наполеона «похоронную процессию», скоропалительно помчался через Рамбуйе и Шартр в город Блуа на Луаре, бывший когда-то резиденцией французских королей. Там Мария-Луиза узнает о вступлении союзников в Париж и об отречении Наполеона и оттуда вернется с Римским королем в Рамбуйе, куда обещал приехать к ней

---

[1] Дживелегов А. К. Цит. соч. С. 244.
[2] См.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 428–429.
[3] См.: Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 260.
[4] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 469.
[5] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 98.

Франц I. 16 апреля император Австрии приедет к дочери и с того дня возьмет ее и внука навсегда под свое попечение[1].

Вернемся теперь в Париж 29 марта. Мармон и Мортье мобилизовали Национальную гвардию, которую возглавил один из старейших маршалов Наполеона Бон-Адриен Монсей, и довели таким образом число защитников города до 40 тыс.[2] 30 марта 100 тыс. интервентов, две трети которых (63 тыс.) составляли русские, пошли в атаку[3]. Бой был упорным. Пока армейские ветераны, новобранцы, Национальная гвардия и даже инвалиды-ополченцы сражались за столицу своего государства, Шарль Морис Талейран иезуитски развернул в Париже подрывную работу. «С 28 марта, – читаем у Е. В. Тарле, – Талейран деятельно агитировал между оставшейся в Париже группой сенаторов в пользу призвания Бурбонов. Он лживо уверял их, будто таково желание Александра I, запугивал их (а через них весь город), распуская ложный слух, что русские предадут огню и мечу столицу, если заподозрят, что французы хотят оставить императора на престоле». В те же дни «он успел внушить и Сенату и Парижу, что Александр именно к нему, Талейрану, питает доверие, что именно он спасает Париж от разгрома, пообещав русскому царю восстановление Бурбонов»[4].

С ведома (если не по инициативе) Талейрана воспрянувшие духом в Париже роялисты ради скорейшего возвращения Бурбонов задумали организовать убийство Наполеона. Исполнителем этого замысла был выбран некто Мари-Арман Герри де Мобрейль – фанатик, одно время служивший у Жерома Бонапарта в Вестфалии. «Он разорился, спекулируя фондами, принадлежавшими армии, – пишет о Мобрейле Хилэр Беллок. – Это был отщепенец, знакомый с подонками общества, и из них он мог набрать банду убийц. Но пока ему не удавалось найти людей, способных на такое дело, как убийство Наполеона. Он мог найти кое-кого, кто согласился бы, скажем, низвергнуть статую императора[5], но набрать – по крайней мере быстро – группу из нескольких человек, которые согласились бы его

---

[1] Подробно об этом см.: Герре Ф. Цит. соч. С. 225–233.

[2] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 517.

[3] Там же. С. 520–521.

[4] Тарле Е. В. Талейран // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 111, 112.

[5] Именно Мобрейль 9 апреля 1814 г., через считаные дни после вступления интервентов в Париж, привязал к хвосту своей лошади крест Почетного легиона и руководил толпой роялистов, низвергнувших знаменитую статую Наполеона с Вандомской колонны (см.: История XIX в. / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 2. С. 222).

убить, он не смог»[1]. Добавлю от себя: или не успел. В то же время «Блюхер по собственной инициативе выделил отряд с четкой задачей: уничтожить императора»[2]. Тоже не удалось.

Тем временем битва за Париж продолжалась с крайним ожесточением – с 5 часов утра до 5 вечера. Жозеф Бонапарт вскоре после полудня, в разгар сражения, покинул столицу, «поручив командование Мармону и разрешив ему начать переговоры с врагом»[3]. К 17 часам союзники потеряли у стен Парижа, по данным М. И. Богдановича, 8200 человек (в том числе 6 тыс. россиян)[4], тогда как урон французов не достигал и 5 тыс.[5] Поскольку именно в тот момент русские войска под командованием француза А. Ф. Ланжерона овладели высотами Монмартра (они стратегически господствуют над Парижем), Мармон поддался уговорам Талейрана и запросил у союзников мира.

Когда парламентер от Мармона поднялся над предместный холм Бельвиль, где его ждали три союзных монарха, он безошибочно определил, кто из них главный, и обратился с просьбой о мире к Александру I. Император, выслушав его, предъявил защитникам Парижа заранее согласованное с «братьями»-монархами требование *капитулировать*, подчеркнув при этом: «Париж может довериться великодушию союзных государей». «Казалось, вселенная внимала в эту минуту словам его», – вспоминал бывший тогда рядом с Александром А. И. Михайловский-Данилевский[6].

31 марта, с 10 часов утра до 3 часов пополудни, союзные войска торжественно, церемониальным маршем вступали в покоренную столицу еще недавно казавшейся непобедимой империи. Александр I в темно-зеленом кавалергардском мундире с тремя белыми крестиками орденов российского Св. Георгия, австрийской Марии Терезии и прусского Красного Орла, в черной шляпе с белым султаном, ехал впереди своей свиты и гвардии на белоснежном коне по кличке Марс, которого подарил ему перед своим нашествием на Россию Наполеон. Слева и справа от царя гарцевали Фридрих-Вильгельм III

---

[1] Беллок Х. Цит. соч. С. 320 (Мобрейль фигурирует здесь в русском переводе как Мобойль); Dictionnaire Napoléon / Sous la direction de J. Tubard. Fayard, 1999. T. 2. P. 289.

[2] Людвиг Э. Цит. соч. С. 403.

[3] Лашук А. Цит. соч. С. 804.

[4] Эта цифра – 6 тыс. русских солдат, сложивших головы в битве под Парижем, – зафиксирована в ведомости, хранящейся в РГВИА: Ф. 474. Оп. 1. Д. 91. Л. 158.

[5] Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 550.

[6] Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 гг. 3-е изд. СПб., 1836. С. 36.

и К. Ф. Шварценберг, представлявший Франца I (тот посчитал неудобным для себя участвовать в торжестве по случаю завоевания столицы, где царствовала его дочь). В первом ряду свиты монархов обращали на себя особое внимание прусский фельдмаршал Г. Л. Блюхер и пожалованный накануне в фельдмаршалы командующий русскими войсками М. Б. Барклай де Толли.

Здесь уместно позабавить читателя историографическим курьезом. Некто Б. А. Костин, приписавший, кстати, Наполеону в 1812 г. цель «раздавить, уничтожить, стереть с лица Земли (! – *Н. Т.*) Россию», восклицает: «С трибуны мавзолея на Красной площади 7 ноября 1941 г. прозвучали славные имена *тех*, кто привел победоносную русскую армию в 1814 году в Париж»[1]. Как известно, с трибуны мавзолея из уст И. В. Сталина прозвучали имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Все они к 1814 г. были покойниками, и никто из них в Париже никогда не был. Кто же, по мнению Костина, привел русские войска в 1814 г. в Париж? Он называет их во множественном числе: *те*. Должно быть, Минин и Пожарский?

Итак, 31 марта 1814 г. войска шестой антинаполеоновской коалиции вступают в Париж. Александр I переживал в то утро свой звездный час, апогей величия, славы и счастья. Теперь все было отмщено: позор и слезы Аустерлица, страшный урок Фридланда, унижения Тильзита и Эрфурта, пожар Москвы, горести Лютцена, Бауцена, Дрездена, Шампобера, Краона, Реймса... От полноты чувств он даже кольнул А. П. Ермолова и в его лице всех злоязычников: «Ну, Алексей Петрович, что теперь скажут в Петербурге? Ведь, право же, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка?»[2]

Парижане, в противоположность москвичам, и не помышляли ни жечь свою столицу, ни бежать из нее. Простонародье угрюмо взирало на завоевателей издалека, а буржуазия и особенно аристократическая публика заполняли тротуары, кровли, балконы и окна домов вдоль пути въезда союзных монархов. По воспоминаниям очевидцев, роялисты – и явные, и скрытые – теперь высыпали на улицы, бурно приветствуя «освободителей»; «некоторые даже бросались на колени перед [союзными] начальниками, целуя их запыленные сапоги»[3].

---

[1] Костин Б. А. «Гром победы, раздавайся!». СПб., 2001. С. 6.

[2] М. И. Богданович привел эти слова в своей «Истории войны 1814 г.» с примечанием: «Слышано от Ермолова» (Т. 1. С. 564; Т. 2. С. 170).

[3] См.: Радожицкий И. Т. Цит. соч. Ч. 3. С. 123; Беранже П. Ж. Моя биография // Соч. М., 1957. С. 541.

«Толпа любопытных увеличивалась по мере нашего движения, – вспоминал полковник русской армии П. С. Пущин[1]. – Она нас встречала, выражая свою радость криками: “Да здравствует Александр! Да здравствует король Пруссии! Да здравствуют Бурбоны!” Но можно ли верить этому? Эти же самые еще вчера кричали: “Да здравствует Наполеон!”»[2]. Н. К. Шильдер справедливо подметил: «Это движение было чисто поверхностное и отчасти искусственное»[3].

Как бы то ни было, теснились парижские роялисты поближе к Александру Павловичу, который восхищал их эффектной наружностью, осанкой и улыбкой. «Царствуйте над нами! – кричали они самодержцу всея Руси. – Или дайте нам монарха, похожего на вас!»[4] Царь отвечал им приветственными жестами и галантными репликами. Когда кто-то, протиснувшись совсем близко к нему, крикнул: «Мы уже давно ждали прибытия вашего величества!» – Александр с улыбкой возразил: «Я прибыл бы к вам раньше, но меня задержала храбрость ваших войск»[5].

Мой читатель, пожалуй, давно уже настроен спросить меня: «А что же Наполеон? Где он находился в те дни и чем был занят?» Все его помыслы были тогда о Париже. Узнав в Сен-Дизье, что Главная армия интервентов совершенно неожиданно для него (он ведь не знал об измене Талейрана!) пошла на Париж, император сделал все возможное ради того, чтобы защитить свою столицу и продолжить борьбу с многоглавой коалицией. К концу дня 27 марта его войска получили приказ и с рассветом 28 выступили в поход – спасать Париж. Сам Наполеон на следующее утро, 29 марта, опережая армию, ускоренным маршем пошел вперед с гвардией. Вечером 29 он приказал гвардии вдвое увеличить переходы и помчался с кавалерийским эскортом к Фонтенбло. На промежуточной почтовой станции Наполеон оставил эскорт, пересел с коня в кабриолет и «на максимальной скорости» устремился далее, взяв с собой только А. Коленкура, А. Друо и маршала Ф. Ж. Лефевра[6].

В ночь с 30 на 31 марта Наполеон, загнав лошадей, прибыл в Фонтенбло и здесь узнал: *Париж капитулировал*! Это значило, что его блистательная, победоносная кампания 1814 года... проиграна.

---

[1] Пущин Павел Сергеевич (1789–1865) – будущий генерал, декабрист (член Союза Благоденствия), адресат стихотворения А. С. Пушкина «Генералу Пущину».

[2] Дневник Павла Пущина. 1812–1814 гг. Л., 1987. С. 154.

[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 213.

[4] Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 гг. С. 44.

[5] Богданович М. И. История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 508.

[6] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 803–805.

4. Первое отречение

Той ночью Наполеон пережил одно из сильнейших за всю его жизнь потрясений. Потерять столицу в ходе кампании, когда он шел от победы к победе! – такой оборот событий казался невозможным. Он и не стал бы возможным, если бы не измена Талейрана, но об изменнических кознях «хромого беса» Наполеон узнает лишь post factum. Теперь же император, еще не зная и даже не догадываясь о том, что́ и как привело интервентов в столицу Франции, взялся с присущей ему энергией готовить ответный удар.

С утра 31 марта, когда войска шестой коалиции вступали в Париж, Наполеон начал стягивать свои силы к Фонтенбло, чтобы повести их в бой за освобождение столицы. К 5 апреля он рассчитывал собрать 70 тыс. бойцов: уже на подходе была его гвардия, неподалеку располагались гарнизоны Санса, Блуа, Орлеана и Труа, возвращался из Испании во Францию с 40-тысячной армией один из его лучших маршалов Л. Г. Сюше, между тем как Н. Ж. Сульт пока держался против союзных войск в Испании, а Е. Богарне – в Италии. 3 апреля Наполеон устроил перед дворцом Фонтенбло смотр только что прибывшей к нему гвардии. «Солдаты! – обратился он к своим “ворчунам”. – Враг опередил нас на три дня и овладел Парижем. Мы должны выбить его оттуда. Бесчестные французы, те эмигранты, которым мы давали амнистию, нацепили белые кокарды и перешли на сторону наших врагов. Подлецы! <...>. Поклянемся победить или умереть, отплатить за оскорбление, нанесенное отечеству и оружию нашему!» «Клянемся! – с энтузиазмом гремели в ответ императору его солдаты. – Париж! Париж!»[1]

На следующий день Наполеон вызвал к себе маршалов, чтобы изложить им свой план битвы за Париж. Собрались в его приемной Л. А. Бертье, М. Ней, Ф. Ж. Лефевр, Ж. Э. Макдональд, Н. Ш. Удино и Б. А. Монсей[2]. Их реакция на призыв императора была прямо противоположной солдатскому энтузиазму. Уныло понурившись, маршалы долго молчали, а потом Мишель Ней, «храбрейший из храбрых», сказал то, о чем они все думали: «Государь, армия не пойдет на Париж». Макдональд добавил: «Армия не хочет подвергнуть Париж участи Москвы». «Она повинуется мне!» – жестко заявил Наполеон. «Нет, государь, она повинуется своим генералам». – «Чего

[1] Наполеон. Годы величия. С. 460; Тарле Е. В. Наполеон. С. 433.

[2] Подробно об этом см.: Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1892. Т. 5. С. 85–88; Houssaye H. 1814. P., 1825. P. 604–607.

же вы хотите, господа генералы?» Маршалы чуть не хором ответили: «Отречения».

Взгляд, которым Наполеон обвел взбунтовавшихся соратников, сулил им один из тех взрывов ярости, что приводили в содрогание самых мужественных людей. Но на этот раз император пересилил себя. «Ступайте, господа! – отпустил он маршалов. – Я подумаю и скажу вам свое решение».

Думал он недолго. Мог ли он теперь рассчитывать на сражение, если все бывшие при нем маршалы отказывались сражаться? Грустно было ему видеть их «усталыми, деморализованными, обуржуазившимися и оппортунистически настроенными»[1]. Вероятно, он вспоминал в те минуты не только об их отваге и верности ему, императору, но и о тех наградах, которыми он их осыпáл. Ведь каждый из них получал солидные оклады (40 тыс. франков в год против 10–15 тыс. у генералов), а кроме того, многочисленные доплаты (квартирные, на лошадей, на фураж и пр.) и, главное, роскошные замки, поместья, ежегодные и пожизненные ренты в сотнях тысяч франков золотом[2]. Риск лишиться всего, накопленного за долгие годы кровопролитнейших войн, стал для них у необоримым. Может быть, в те минуты Наполеон задумался и над предостережением Макдональда если не об «участи Москвы» (сгоревшей в 1812 г. более чем на три четверти), то о возможных разрушениях любой части Парижа.

Как бы то ни было, Наполеон быстро набросал текст добровольного отречения от престола в пользу своего трехлетнего сына – Римского короля – при регентстве императрицы Марии-Луизы. Затем он вновь пригласил к себе маршалов и сам зачитал им написанное. Вот что они услышали: «Поскольку союзные державы провозгласили, что Наполеон – единственное препятствие к установлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он готов оставить трон, покинуть Францию и даже отдать жизнь на благо отечества – благо, неотделимое от прав его сына, регентства императрицы и законов Империи»[3]. Маршалы восприняли этот текст с воодушевлением. Они не хотели ни затянувшихся войн Наполеона с феодальными коалициями, ни возвращения Бурбонов, от которых могли пострадать за свою службу революции и Наполеону. Согласимся с мнением Рональда Делдерфилда: «Регентство, которое обещало быть долгим, давало им надежду спо-

[1] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 223.

[2] Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 102, 533; Тарле Е. В. Наполеон. С. 245.

[3] Correspondance de Napoléon I. T. 27. № 21555. P. 358.

койно и не теряя своих заслуг дожить до старости в мире и достатке»[1]. Выслушав льстивую риторику воспрянувших духом маршалов, император назначил депутацию с поручением доставить подписанный им документ в Париж к Александру I. Ее составили маршалы Ней и Макдональд и министр иностранных дел (бывший когда-то послом Франции в Петербурге) А. Коленкур.

Тем временем в Париже Талейран развил бурную, изощренно-коварную деятельность по подготовке реставрации Бурбонов. Начал он с того, что недосягаемо возвысил свой престиж в глазах роялистов. Вот как он это сделал. Старый лис больше, чем кто-либо, понимал, что в лагере шестой коалиции решающим будет голос самого авторитетного из «братьев»-монархов – Александра I. Узнав, что российский император намерен поселиться в Елисейском дворце, Талейран отпугнул его от такого намерения анонимными сведениями о том, что дворец будто бы заминирован, и тут же предложил к услугам царя и его свиты свой дом – великолепный, в три этажа, особняк на ул. Сен-Флорантен, возле сада Тюильри[2]. Александр I занял 16 комнат на втором этаже особняка и провел там две недели[3].

Между тем Талейран, козыряя близостью к своему могущественному «квартиранту», ретиво занялся оформлением переходного (от Наполеона к Бурбонам) режима, в котором он отводил себе главную роль. Уже 1 апреля он собрал у себя дома 64 из 140 сенаторов (в том числе двух старейших маршалов Империи – 72-летнего Ж. М. Ф. Серрюрье и 79-летнего Ф. Э. К. Келлермана). Объявив эту посиделку пленарным заседанием Сената, Талейран вотировал – без кворума и без прений! – декреты о низложении Наполеона и создании Временного правительства[4]. Главой правительства Талейран, естественно, «избрал» себя, а военным министром предложил избрать генерала П. Дюпона, еще пока не освобожденного из тюрьмы, где он сидел уже шесть лет за капитуляцию перед испанскими партизанами при Байлене в 1808 г.

Итак, 4 апреля три депутата от Наполеона прибыли из Фонтенбло в Париж. Александр I принял их в доме Талейрана джентельменски любезно, дал им понять, что согласится с их предложением, но отложил окончательное решение на завтра, поскольку должен был посо-

---

[1] Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 329.

[2] Ныне бывший особняк Талейрана занимает посольство США во Франции.

[3] См.: Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 255, 261.

[4] См.: История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 2. С. 223–224; Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 321.

ветоваться с «братьями»-монархами. Назавтра же все обернулось иначе.

Утром 5 апреля Александр принял депутацию в присутствии Фридриха-Вильгельма III и министров коалиции (Франц I и здесь отсутствовал)[1]. Ней, Макдональд, Коленкур в три голоса высказались за вариант отречения, предложенный Наполеоном, подчеркнув, что у него еще много преданных войск и поэтому нельзя доводить его до крайности. Когда им уже показалось, что «братья»-монархи соглашаются с ними, вошел адъютант Александра и что-то вполголоса сказал царю. Коленкур, понимавший по-русски, расслышал два слова: «шестой корпус». Царь, подставив ухо адъютанту, переспросил: «Весь корпус?» Тот ответил: «Весь!» Александр встал, извинился перед депутацией и увел короля и министров на совещание. «Все кончено!» – сказал Коленкур маршалам. Действительно, Александр вышел к ним уже в другом настроении. Он объявил, что наполеоновская армия, о которой маршалы так хорошо говорили, уже раскололась: весь 6-й корпус маршала Мармона перешел к союзникам. Поэтому союзные государи требуют, чтобы Наполеон отрекся от престола без всяких условий. При этом, как подчеркивает Е. В. Тарле, «союзники настоятельно просили не откладывать акта отречения», ибо «побаивались гражданской войны и солдатской массы, в которой по-прежнему обнаруживалось полное повиновение Наполеону»; безоговорочное же и скорое отречение Наполеона «могло предотвратить опасность смуты»[2].

В тот же вечер Коленкур с маршалами вернулись в Фонтенбло и уведомили Наполеона об измене Мармона и требовании союзных монархов. Наполеон отпустил маршалов («До завтра!»), но оставил у себя Коленкура и долго говорил с ним не только о Мармоне. Предательство Мармона, которого он опекал, выдвигал и одаривал начиная с Тулона, когда тот был 19-летним лейтенантом, болезненно ранило императора: «Несчастный не знает, что его ждет. Имя его опозорено»[3]. Эти слова Наполеона оказались пророческими. Во французском языке появился даже новый глагол «raguser» (от титула Мармона – герцог *Рагузский*), что означало «предавать», а само имя бывшего герцога и маршала Империи заслуженно встало в один ряд с именем Иуды[4]. Но в тот вечер Наполеон говорил с Коленкуром

---

[1] См. об этом: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 270; Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 594.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 435.

[3] Там же. С. 436.

[4] См.: Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 337; Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 318.

и о других маршалах: «О, люди, люди!.. Мне горько от мысли, что люди, которых я вознес так высоко, пали так низко!.. Мои маршалы стыдились бы повести себя так, как Мармон, они говорят о нем с негодованием, но им досадно, что он их так опередил по пути к почестям. Они хотели бы, не покрывая себя, правда, позором, получить те же права на благорасположение Бурбонов»[1]. Говоря это, Наполеон еще не знал, что маршал Ожеро после капитуляции Парижа обратился к своим войскам с прокламацией, в которой отрекался сам и призывал их отречься от Наполеона – «от того, кто, принеся в жертву своему нещадному (cruelle) властолюбию миллионы жизней, не сумел умереть, как следовало воину»[2].

Отпустив Коленкура, Наполеон почти всю ночь (самую горестную до тех пор за всю его жизнь) просидел в раздумье. Утро 6 апреля 1814 г. застало его готовым к единственно возможному решению. Он вновь пригласил маршалов и в их присутствии написал на листке бумаги пять строк, отныне и навсегда вошедших в мировую историю. Вот эти строки: «Союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе. Император, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции и от трона Италии с готовностью пожертвовать всем и даже собственной жизнью для блага Франции. 6 апреля 1814 г., во дворце Фонтенбло. Наполеон»[3]. Маршалы были радостно взволнованы. «Они, – читаем у Е. В. Тарле, – целовали его руки, осыпая уже отрекшегося императора привычной лестью, которой награждали его во время царствования. Сейчас же Коленкур с двумя маршалами повез этот документ в Париж»[4].

Теперь и враги, и соратники Наполеона могли заключить: все кончено. Парадоксальный факт: в кампании 1814 г., как и в 1812 г. (!), Наполеон не проиграл ни одного сражения (11 из 14 выиграл и три свел вничью), но именно тогда он, в представлении современников, был окончательно побежден. Стендаль не без оснований считал, что «из всех военных подвигов» Наполеона «наибольший восторг потомства будут возбуждать» его победы 1814 г.[5] Крупнейшие авторитеты, включая А. Жомини, Ф. Энгельса, Е. В. Тарле, ставят

---

[1] Цит. по: Тарле Е. В. Наполеон. С. 435–436; Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995. С. 311.

[2] Цит. по: Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 633; Надлер В. К. Указ. соч. Т. 5. С. 154.

[3] Correspondance de Napoléon I. T. 27. № 21558. P. 361.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 438.

[5] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 118.

эти победы с точки зрения военного искусства вровень с лучшими достижениями наполеоновского гения. «Если итальянская кампания 1796–1797 гг. является самой *красивой* кампанией генерала Бонапарта, – обобщает их выводы Анри Лашук, – то кампания 1814 г., чудо гения, отваги и воли, – самая *совершенная* из всех кампаний императора Наполеона»[1]. Барон М. де Марбо верно заметил: «Самые большие противники императора вынуждены согласиться, что он превзошел сам себя в зимней кампании первых трех месяцев 1814 года»[2]. Но победить шестую коалицию в 1814 г. только силами армии без общественной поддержки Наполеон не мог, даже если бы не предал его Талейран, не изменил Мармон. Коалиция все равно задавила бы его громадным и постоянно нараставшим *количественным* превосходством сил.

Париж в те дни стал штаб-квартирой шестой коалиции. Союзные монархи, их министры, дипломаты и генералы предались двум заботам. Одна их них – празднование одержанной победы, что выражалось в ежедневных молебнах, парадах, балах, визитах и просто в хозяйском лицезрении красот Парижа (который, слава Богу, французы не подвергли сожжению). Александр I преуспевал в этом больше других. Он бывал всюду, осматривал все – от Академии наук до лечебниц для умалишенных (парижане острили, что после его посещений число женщин, сошедших с ума, возросло).

Ощущая себя Агамемноном (царем царей), российский самодержец делал все, что называется, в свое удовольствие, никому не подыгрывая и вынуждая всех приспосабливаться к нему. Так, он обрадовал роялистов, устроив богослужение на месте казни Людовика XVI, но и шокировал их: 16 апреля навестил в Мальмезоне экс-императрицу Жозефину (гуляя по парку, долго беседовал с ней наедине, очарованный ее «кротостью» и «покорностью судьбе»[3]). Испортил новоявленному Агамемнону парижские впечатления его визит в Дом инвалидов – к ветеранам Наполеона (и туда его занесло). Он заговорил с изувеченным в сражениях рядовым солдатом, «порадовав» его вестью о мире и о возвращении Бурбонов. «Недоброе дело вы учинили, – ответил царю солдат. – Без нашего императора Наполеона нет и Франции!»[4]

Здесь уместно сказать, что к восстановлению власти Бурбонов (это и было второй заботой союзных монархов) Александр I отно-

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 695.

[2] Марбо М., де. Мемуары. С. 713.

[3] Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Т. 2. С. 332–333.

[4] Шильдер Н. К. Вел. кн. Николай Павлович с 1814 по 1822 гг. // Русская старина. 1901. № 6. С. 451.

сился сдержанно. По-видимому, *лагарповский* заряд отвращал его симпатии от средневекового, архаичного, хотя и легитимного режима. Кстати, Фредерик Цезарь Лагарп был опять рядом с Александром. Он приехал к царю в январе 1814 г. и уже три месяца не разлучался с ним как его личный советник. 10 апреля Александр демонстративно пожаловал ему высший орган Российской империи – Св. Андрея Первозванного (кавалерами которого не могли быть лица чином ниже генерала), хотя Лагарп имел в России только чин полковника.

Лагарп настойчиво «тянул Александра в сторону Бернадота»[1]. Сам Александр не возражал в принципе против «шведского француза», готов был посадить на трон Франции даже Евгения Богарне[2] (лишь бы сгинул Наполеон!). В штаб-квартире союзников Франц I стоял за регентство Марии-Луизы, Фридрих-Вильгельм III – за любой вариант без Наполеона и только Р. Каслри – категорически за Бурбонов. К поддержке Бурбонов подталкивали царя близкие к нему эмигранты, в первую очередь – земляк и личный враг Наполеона К. О. Поццо ди Борго. Но решающим образом повлиял на Александра все-таки Талейран: этот, по выражению Эмиля Людвига, «хромоногий Мефистофель», склонил «Агамемнона» к признанию Бурбонов непререкаемым аргументом: «Регентство или Бернадот – интрига. Только Бурбоны – принцип»[3].

Ради соблюдения этого принципа – легитимизма – Александр I стерпел даже болезненное унижение, которому подверг его Людовик XVIII при первой встрече, еще на пути к Парижу, в Компьене: король уселся в кресло, а «царю царей» предложил стул, чем не просто его обидел, а навсегда испортил личные отношения с ним[4]. Но именно Бурбоны как воплощение феодальной легитимности смогли, что называется, прийтись к масти всех «братьев»-монархов, и Александр вынужден был это признать.

Зато судьбу Наполеона Александр решал, можно сказать, единолично. Притупилось ли в отмщенной душе царя личное чувство ненависти к повергнутому властелину Европы, или он (скорее всего) изобразил себя великодушным, а может быть, как победитель действительно проявил великодушие к побежденному, как бы то ни было, Александр отверг возражения Талейрана, Каслри и даже Меттерниха и принял такое решение: сохранить за Наполеоном императорский титул и предоставить ему в пожизненное владение

---

[1] Николай Михайлович, вел. кн. Цит. соч. Т. 1. С. 149.

[2] См.: ВПР. Т. 7. С. 790; Манфред А. З. Цит. соч. С. 661.

[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 216; Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 570.

[4] См.: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 227.

остров Эльбу, в 50 км от его родины – Корсики. «Талейран с первого же момента боялся этой комбинации, на которую подтолкнул царя Коленкур, настоявший и на сохранении за Наполеоном титула императора и на отдаче ему острова, так близко лежащего и от берегов Франции, и от берегов Италии, т. е. двух стран, над которыми Наполеон долго царствовал»[1].

Александр Павлович предлагал даже Наполеону (в приватном разговоре с Коленкуром 5 апреля) Корсику, но Коленкур заявил, что Наполеон не сможет принять такое предложение, поскольку Корсика является департаментом Франции и поэтому отделять ее от Франции не следует. Тогда Александр сказал: «Ну, – так остров Эльбу» (владение итальянского герцогства Тоскана). Наполеон, выслушав отчет Коленкура о переговорах его с царем, одобрил все им сказанное[2].

Ранее, 2 апреля, в разговоре с тем же Коленкуром о судьбе Наполеона Александр сказал даже так: «Пусть он примет руку, которую я предлагаю ему, пусть удалится в мои владения, и он найдет там не только щедрое, но и сердечное гостеприимство. Мы дали бы великий пример миру: я – предложив, а Наполеон – приняв это убежище»[3]. Таким жестом независимо от того, в какой мере он был искренним, царь демонстрировал безмерное великодушие, как бы не ведая в чистоте побуждений, что тем самым он безмерно унижает Наполеона. Коленкур был слишком умен, чтобы принять всерьез такое предложение.

Наполеон первые пять дней после отречения не походил на себя. Одиноко, как неприкаянный, бродил он по залам огромного дворца Фонтенбло, не замечая всегда готовых помочь ему слуг. 11 апреля он согласился – как частное лицо – подписать договор с четырьмя великими державами (Россией, Австрией, Пруссией, Англией) о том, что он вступает в пожизненное владение островом Эльба, сохраняя при этом императорский титул. Лорд Р. Каслри протестовал против незаконного, на его взгляд, именования в договоре *генерала Бонапарта* императором Наполеоном. «Протест этот не был тогда принят во внимание, – писал об этом в 1895 г. американский историк Виллиан Слоон, – но до сих пор еще очень многие из выдающихся англичан называют более великого из двух царствовавших во Франции Наполеонов просто-напросто Бонапартом»[4].

---

[1] Тарле Е. В. Талейран. С. 119.

[2] См.: Богданович М. И. История войны 1814 г. ... Т. 1. С. 580; Thiers A. Histoire de Consulat et de l'Empire. P., 1860. T. 17. P. 762–764; Caulaincourt A. Mémoires. P., 1933. T. 3: L'Agonie de Fontainebleau. P., 250.

[3] Надлер В. К. Цит. соч. Т. 5. С. 70.

[4] Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 2. С. 556.

На следующий день после подписания Фонтенблоского договора, а точнее в ночь с 12 на 13 апреля, Наполеон решил покончить с собой и принял яд[1]. Оказалось, что он воспользовался тем самым ядом (смесью опиума, беладонны и чемерицы), который изготовил для него лейб-медик А.-У. Юван после битвы при Малоярославце, когда Наполеон чуть не попал в плен к казакам. С того дня император уже полтора года носил пакет с ядом в своем несессере и теперь вскрыл пакет и выпил его содержимое. Эта минута слабости стоила ему нескольких часов страданий. Первым прибежал к нему на помощь камердинер Констан Вери, комната которого сообщалась с императорской спальней. Наполеон, превозмогая приступы то сотрясавшей его боли и рвоты, то какого-то (очень напугавшего Констана) оцепенения, произнес несколько фраз, одну из которых Констан запомнил: «Мармон нанес мне смертельный удар... Негодяй! А ведь я любил его!» Потом он сказал Констану: «Позови Коленкура и Ювана...» Коленкур и Юван появились тотчас же и вместе с Констаном уговорили императора выпить чашку чая. «Ты считаешь, что твоя доза была достаточно сильной?» – обратился Наполеон к Ювану. Лейб-мадик только теперь понял, в чем дело, и пришел в ужас при мысли, что император может умереть по вине, хоть и невольной, его – Ювана. Судя по комментариям П. Джонса к мемуарам другого камердинера императорского двора Л.-Ж. Маршана, «Юван, у которого, казалось, помутился разум, отправился в конюшню, вскочил там на коня и помчался галопом в Париж»[2]. А император, уже чувствуя облегчение, сказал Коленкуру и Констану, тоже почти умиравшим от страха за него: «Я осужден жить» (скорее всего, яд в пакете и несессере за полтора года выдохся и потерял убийственную силу).

Едва вернувшись к жизни, весь измученный ночной предсмертной агонией, Наполеон уже на следующее утро мог встретиться... с ангелом (каковым он считал Марию Валевскую)[3]. Констан доложил императору, что Мария приехала в Фонтенбло и хотела бы увидеть его. «Попроси ее подождать», – сказал Наполеон и надолго впал в забытье: его сознание то вроде бы прояснялось, то совершенно отключалось от реальности. Констан не смел беспокоить его какими-либо вопросами и напоминаниями. Прошел весь день, наступила ночь – Мария все ждала в комнате перед спальней императора, когда он ее позовет. На рассвете она, не желая, чтобы ее увидели дворцо-

---

[1] Наиболее подробно об этом см.: Наполеон. Годы величия. С. 469–472; Caulaincourt A. Op. cit. T. 3. P. 340–342.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 63.

[3] Подробно см.: Наполеон. Годы величия. С. 473–474; Кастело А. Наполеон. С. 449–452; Брандыс М. Мария Валевская. М., 1975. С. 461–462.

вые слуги, покинула дворец. Наполеон пришел в себя вскоре после ее отъезда и был в отчаянии: «Бедная женщина! Она подумает, что я ее забыл!»

Вернувшись к себе в особняк на ул. Виктуар, 48 (кстати, сохранившийся поныне), Мария через два дня, 15 апреля, написала и передала Наполеону через Констана нежное письмо, на которое он ответил 16-го. Текст его, извлеченный из парижского архива графов Колонна-Валевских, опубликован в книге Мариана Брандыса: «Мари, я получил твое письмо от 15-го числа. Те чувства ко мне, которые ты выражаешь, меня глубоко трогают. Они достойны твоей прекрасной души и твоего доброго сердца <...>. Будь благополучна, не грусти, не забывай меня и никогда не сомневайся во мне. 16 апреля. Н.»[1] В 1814 г. они все же увидятся, а на следующий, 1815-й, год судьба отвела им еще одну, *последнюю* встречу.

В тот же день, 16 апреля, Наполеон пишет и Жозефине письмо, оказавшееся последним, прощальным в отношениях между ними. Он обращается к бывшей жене на «вы», вероятно, по мнению А. Кастело, «из боязни, что курьер будет перехвачен врагами»: «Я принял решение и не сомневаюсь, что это письмо дойдет до Вас <...>. Падение мое оглушительно, но по крайней мере небесполезно, как считают многие. Я ухожу в уединение, чтобы сменить шпагу на перо. История моего царствования будет интересна: меня видели только в профиль, теперь я предстану весь целиком. О скольком мне нужно рассказать! О скольких людях развеять ложное мнение!.. Я осыпал благодеяниями тысячи негодяев, а что они сделали для меня?

Да, меня предали, все предали; я не беру в счет лишь доброго Евгения, столь достойного Вас и меня. Да будет он счастлив под властью короля, умеющего ценить естественные чувства и честь!

Прощайте, милая Жозефина, смиритесь, как смирился я, и вечно храните память о том, кто никогда не забывал вас и не забудет. Наполеон»[2].

А тем временем, все в тот же день 16 апреля, в Рамбуйе (невдалеке, юго-западнее Парижа) Мария-Луиза встречалась с отцом, Францем I, который приехал к ней с многолюдным эскортом, чтобы забрать дочь и внука к себе, в Вену, подальше и, конечно, навсегда от побежденного наконец-то «антихриста». Римский король категорически отказывался от общения с дедом: «Он папин враг, и я не хочу его видеть!» Не сумел Франц обрадовать своей заботливостью и Марию-Луизу. Вот что написала она об этом Наполеону: «Он был

[1] Брандыс М. Указ. соч. С. 462.
[2] Кастело А. Жозефина. Т. 2. С. 234–235.

добр и сердечен, но все кончилось после того, как он нанес мне самый жестокий удар, какой только мог нанести. Он запрещает мне присоединиться к тебе или видеть тебя, он даже не разрешил мне сопровождать тебя в путешествие (т. е. в ссылку на остров Эльба. – *Н. Т.*). Напрасно я указывала, что следовать за тобой меня обязывает чувство долга. Он заявил, что не хочет этого»[1].

Итак, в считаные дни Наполеон лишился трона, потерял Францию, а теперь еще – жену и сына («милую Жозефину», кстати, тоже). Едва ли он мог предвидеть тогда, что судьба подарит ему новые встречи с Марией Валевской и что он вернет себе (на 100 дней!) даже трон Франции, но ни Марию-Луизу, ни Жозефину, а главное, своего «орленка» уже никогда более не увидит...

20 апреля в парадном дворе у дворца Фонтенбло, который с тех пор так и называют «Двором прощания» (La Cour des Adieux), Наполеон простился со своей гвардией[2]. Ровно в полдень на виду у чуть ли не всего населения городка, собравшегося за дворцовой решеткой, застыли в напряженном безмолвии два ряда гренадеров и егерей: в первом ряду – Старая гвардия с офицерами и генералами, во втором – Молодая. «Эти люди, – пишет о них Р. Делдерфилд, – следовали за Наполеоном в Италию, пересекали Синайскую пустыню, переходили Альпы, шли вниз по Дунаю к Вене, к Варшаве, в Испанию, в Дрезден, в Москву и в конце концов вернулись назад»[3]. Теперь они ждали скорбную для них минуту прощания с великим императором, которого издавна привыкли называть «маленьким капралом». А у ворот дворца стояли наготове экипажи, в которых императору предстояло прямо из Фонтенбло отправиться к острову Эльба.

Наполеон вышел к своим «ворчунам» в сопровождении генералов А. Г. Бертрана, А. Друо, Г. Гурго и секретаря А. Фэна. Но здесь же при нем теснились и четверо комиссаров (можно сказать, его конвоиров): генерал-адъютант граф П. А. Шувалов от России, генерал барон Коллер от Австрии, граф Вальдбург-Трухзес от Пруссии и полковник сэр Н. Кемпбелл от Англии. При появлении Наполеона все гвардейцы взяли оружие «на караул», а знаменосцы преклонили к его ногам боевые знамена.

«Солдаты и офицеры моей гвардии! – обратился к ним император. – Двадцать лет я вел вас по дорогам чести и славы. С такими, как

---

[1] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 462.

[2] Подробно об этом см.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 440–441; Соколов О. В. Цит. соч. С. 467–468; Кастело А. Наполеон. С. 454–456; Caulaincourt A. Op. cit. T. 3. P. 384–386.

[3] Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 367.

вы, я еще мог бы сражаться с ополчившейся против нас Европой. Но часть наших войск изменила нам, а я не хочу междоусобной войны, она была бы бедствием для Франции <...>. Обо мне не жалейте. У меня есть миссия рассказать потомству о великих делах, которые мы с вами совершили. Прощайте, дети мои! Я хотел бы обнять и расцеловать всех вас, но по крайней мере обниму вашего генерала и поцелую ваше знамя».

Обняв генерала Ж.-М. Пети, которого он знал еще со времени Египетской кампании, Наполеон приказал: «Доставьте мне знамя с орлом!» Почетный караул развернул перед ним знамя, на котором золотом были вышиты названия мест великих сражений: Маренго, Аустерлиц, Иена, Эйлау, Фридланд, Ваграм, Москва. Император трижды поцеловал эту воинскую реликвию: «С моим поцелуем помните обо мне... Прощайте, мои боевые друзья! Прощайте, дети мои!»

Осмотревшись вокруг, словно прощаясь не только с «боевыми друзьями», но и с дворцом, который был ему очень дорог, Наполеон вернул знамя солдатам почетного караула и быстро зашагал к своей карете. Гвардейцы провожали его глазами, полными слез. Многие рыдали, как дети. А в далеком Лондоне величайший поэт страны, для которой Наполеон был главным врагом, Джордж Байрон писал другу: «Увы, мой бедный маленький кумир, Наполеон, сошел с пьедестала <...>. Это способно исторгнуть слезы расплавленного металла из глаз Сатаны»[1].

Под громовой клич «Да здравствует император!», грянувший из тысяч глоток не только гвардейцев, но и зевак из простонародья, толпившихся за решеткой дворца, кортеж отрекшегося императора помчался из Фонтенбло на юг, к порту Сен-Рафаэль. В карете Наполеона ехали вместе с ним Бертран и Друо. Далее следовали четыре экипажа с комиссарами шестой коалиции и еще десять – со «всеми остальными», включая генерала П. Ж. Камбронна (будущего героя битвы при Ватерлоо), врача Фуро де Борегара (ученика Ж.-Н. Корвизара, оставшегося с Марией-Луизой) и прочих лиц из свиты как самого Наполеона, так и его конвоиров. Под такой кортеж были заняты 60 лошадей, которых меняли на промежуточных станциях. Первые четыре дня за каретами следовал эскорт из 1200 солдат конной гвардии, на пятый день отозванный в Париж. Весь путь от Фонтенбло до Сен-Рафаэля занял восемь дней.

На этом пути Наполеон пережил встречи с местным населением, разительно отличавшиеся по отношению к нему лично и к его отказу от престола. В первые дни повсюду – в городах и местечках

[1] Байрон Д. Г. Дневники. Письма. С. 93.

Монтаргис, Бриар, Невер, Роанна, вплоть до Лиона – жители радостно приветствовали императора. Так, в Бриаре «местный трактирщик устроил грандиозный митинг и произнес на нем зажигательную речь, в которой назвал Наполеона не только “героем, великим человеком, но и ангелом, посланным с неба”»[1]. Далее А. Кастело цитирует графа Вальдбурга-Трухзеса: «Прием, оказанный нам в Невере, ничем не отличался от таких же приемов в других городах. Нас (комиссаров шестой коалиции. – *Н. Т.*) оскорбляли, под нашими окнами громко выкрикивали тысячи яростных обвинений в наш адрес, а крики “Да здравствует император!” нигде не умолкали»[2].

К югу от Лиона таких приветствий Наполеону (с «яростными обвинениями» его конвоиров) и трехцветных флагов, которые империя унаследовала от республики, становилось все меньше. Кстати, у г. Валанса 24 апреля император неожиданно встретил маршала П. Ф. Ш. Ожеро, который возвращался из Лиона в Париж. «Куда это ты направился, Ожеро? – спросил Наполеон. – Никак к королевскому двору?» Маршал, не снимая шляпы перед низложенным императором, ответил на его язвительный вопрос грубостью, после чего бывшие соратники разошлись[3].

Вечером того же числа, проездом через г. Донцер, Наполеон впервые в своей жизни услышал вслед себе такие крики: «Долой тирана! Да здравствует Людовик XVIII!» Дальше – хуже: путь к Сен-Рафаэлю лежал через департамент Прованс, слывший очагом роялизма. 25 апреля на улицах Авиньона кортеж попыталась задержать агрессивная толпа, горланившая: «Наполеона на виселицу!», а следующим утром в Оргоне Наполеон увидел из своей кареты новую толпу, которая развлекалась тем, что под собственный рев жгла окровавленное чучело с табличкой «Бонапарт», болтавшееся на самодельной виселице[4]. После этого сопровождавшие Наполеона «сторожевые псы», как он называл с мрачным юмором четырех эмиссаров, уговорили его переодеться в белый австрийский мундир и фуражку (прицепить себе белую кокарду Бурбонов он отказался!). В таком виде 26 апреля он встретил в замке Люк близ г. Экса свою любимую сестру Полину. «Эта “маленькая язычница”, – пишет о ней Андре Кастело, – испугалась, увидев брата в таком странном наряде. “Я не могу тебя поцеловать, – сразу же заявила она. – Ведь на тебе мундир

---

[1] Кастело А. Наполеон. С. 456.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 457; Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 368–369; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 73.

[4] См.: Кастело А. Наполеон. С. 459–460; Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 370.

австрийского офицера". Улыбнувшись, он переоделся»[1]. Полина обещала брату разделить его судьбу на Эльбе и, как мы увидим, сдержала свое обещание.

Наконец, 28 апреля многострадальный кортеж прибыл в Сен-Рафаэль, где стояли два корабля – французский бриг, «чье название "Непостоянный" как нельзя лучше подходило к тому, чтобы быть теперь названием для всей Франции»[2], и английский фрегат «Неустрашимый». Едва увидев полоскавшийся над бригом флаг Бурбонов, Наполеон предпочел воспользоваться английским фрегатом. Когда он поднялся на борт «Неустрашимого», английские моряки отдали ему все почести, которые полагались монарху. 29 апреля, около 11 часов утра, «Неустрашимый» с Наполеоном, его «сторожевыми псами» и всей их свитой на борту поднял якорь и взял курс мимо родной для императора Корсики к чуждой и загадочной Эльбе.

---

[1] Кастело А. Наполеон. С. 463.
[2] Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 376.

Глава V
ЭЛЬБА

Цезарю подарили державу Санчо Пансы!
Анри Гуссэ

1. Миниимперия

3 мая 1814 г. (в тот самый день, когда Людовик XVIII с эскортом из оккупационных армий въезжал в Париж!) Наполеон прибыл на Эльбу. Фрегат «Неустрашимый» бросил якорь на рейде Портоферрайо – главного города Эльбы. «Император и суверен острова Эльба» (таков теперь был титул Наполеона) отправил на берег генерала А. Друо с поручением информировать командующего войсками на Эльбе генерала барона Ж.-Б. Далесма и местную администрацию о своем прибытии. Друо при этом обещал властям острова от имени «императора и суверена», что «никаких кадровых изменений не произойдет, все они останутся на своих местах»[1]. Вслед за тем состоялся торжественный церемониал вручения Наполеону ключей от города.

Когда император, одетый в его любимый, уже всем известный (по рассказам, портретам и даже карикатурам) зеленый мундир гвардейских егерей, приблизился к берегу в шлюпке со свитой и двадцатью четырьмя гребцами, он увидел на пристани многолюдье чиновников и обывателей. Впереди всех стоял мэр Эльбы Пьетро Традити, любовно держа в руках серебряное блюдо с городскими ключами. Собственно, то были ключи... от домашнего погреба мэра, наспех позолоченные по столь торжественному поводу, а настоящие городские ключи давно потерялись за ненадобностью. Наполеон снял с головы свою легендарную треуголку, принял ключи и тут же вернул их мэру

[1] Маршан Л.-Ж. Годы изгнания. Мемуары. М., 2003. С. 77.

с такими словами: «Оставьте их у себя, господин мэр. Более бережливых рук им не найти!»[1]

В тот же день весь гарнизон Эльбы и национальная гвардия в полной парадной форме были выведены к гавани Портоферрайо во главе с генералом Далесмом. Наполеон принял этот парад воинов-островитян в присутствии фактически всех жителей города, способных держаться на ногах. «Военные взяли на караул, – вспоминал об этом очевидец Л.-Ж. Маршан. – Возгласы “Да здравствует император!”, многократно повторяемые, сотрясали воздух. Было трудно представить себе более сильное проявление безудержного счастья. Подобный прием, должно быть, вознаградил императора за отвратительные происшествия в Авиньоне и Оргоне»[2].

Закончился первый день пребывания Наполеона на Эльбе уютным праздничным приемом, который император устроил для горожан в местной ратуше. Здесь (цитирую Винсента Кронина) «он порадовал местных жителей знанием названий и высоты местных гор, которые выучил из путеводителя, а также тем, что узнал одного из них, получившего орден Почетного легиона за Эйлау»[3].

Весь следующий день, 4 мая, Наполеон осматривал дарованное ему владение, объездив его вдоль и поперек. После стольких лет владычества чуть не над всей Европой он возглавил кукольное государство размером 30 на 20 км с населением в 12 тыс. человек, неприглядное и бедное, похожее на запущенную деревню. Эльба – это остров в Тирренском море. От ближайшего побережья в Италии его отделяет пролив Пьомбино шириной в 12 км. От Эльбы до Корсики – почти 50 км. С X в. здесь постоянно менялись хозяева – пизанцы, генуэзцы, испанцы, герцоги Савойские, короли неаполитанские, а с 1801 г. Наполеон сделал Эльбу департаментом королевства Этрурия, потом – Французской империи и наконец в 1809 г. передал ее Тосканскому герцогству. Теперь он сам лично стал ее сувереном.

Фонтенблоский договор санкционировал суверенные права Наполеона как хозяина Эльбы, но ограничил его возможности относительно свиты, охраны, воинского контингента, финансов и даже семейного положения «императора и суверена». «Братья»-монархи разрешили ему взять с собой кроме генералов Друо, Бертрана и Камбронна еще казначея барона Г. Пейрюса, врача Ф. де Борегара, камердинера Л.-Ж. Маршана, полсотни слуг – личных,

---

[1] Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 469–470.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 80.

[3] Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 466.

дворцовых и конюших[1], а главное, батальон Старой гвардии (400 «ворчунов»), эскадрон польских улан и взвод гвардейских моряков – всего 724 человека[2]. По прибытии на остров Наполеон уже как местный суверен добавил к ним два батальона корсиканских стрелков и эльбской милиции, роту канониров и три жандармские роты, доведя таким образом общую численность своих *вооруженных сил* до 1600 человек[3]. В первые же дни император сформировал и свою администрацию: Бертран – гофмаршал и фактический глава правительства, Друо – генерал-губернатор, Камбронн – «начальник армии», Пейрюс – финансовый контролер (можно сказать, министр финансов). Бывший субпрефект Эльбы Луиджи Бальбиани был назначен (тоже условно говоря) министром внутренних дел этой «лилипутской империи», как стали называть Эльбу ненавистники Наполеона[4].

По Фонтенблоскому договору монархи-победители назначили побежденному императору «как заслуженному инвалиду пенсию»[5] (точнее, годовую ренту) в 2 млн франков, а членам его семьи – меньшие, но тоже немалые суммы: например, «маме Летиции» и сестре Полине – по 300 тыс. франков. Однако, «ни гроша из всех этих сумм выплачено не было»[6]. В результате «император и суверен» вынужден был (с большим трудом) покрывать все издержки за счет той части собственных денег, которую он успел взять с собой из Парижа, и местных доходов от его хозяйственных дел. Впрочем, неизмеримо больнее был для Наполеона другой удар, нанесенный ему «братьями»-монархами: они разлучили его (навсегда!) с женой и сыном.

---

[1] Старшим конюхом Наполеона на Эльбе был Луи Пьер Лувель (1783–1820) – тот самый, кто 13 февраля 1820 г. в Париже убил последнего наследника династии Бурбонов герцога Беррийского. Это убийство взбудоражило тогда всю Европу. «Братья»-монархи были в гневе и страхе. В Петербурге А. С. Пушкин показывал знакомым портрет Лювеля с собственноручной надписью «Урок царям» (Из писем К. Я. Булгакова к брату Александру Яковлевичу // Русский архив. 1902. № 11. С. 349; Гроссман Л. П. Цех пера. Статьи о литературе. М., 1930. С. 246).

[2] См.: Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 467.

[3] История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1906. Т. 2. С. 232.

[4] Там же.

[5] Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. М., 1835. Ч. 3. С. 146.

[6] Кронин В. Цит. соч. С. 477; История XIX века. Т. 2. С. 233. Этот факт возмутил даже такого ненавистника Наполеона, как Вальтер Скотт (см. его кн.: Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. С. 397).

«Так как во время переговоров в Фонтенбло, – пишет об этом Анри Гуссэ, – даже не высказывалось предположение о разводе, то, по-видимому, само собой разумелось, что отречение от престола никоим образом не может лишить императора его прав супруга и отца»[1]. Но феодальные монархи рассудили, что Наполеон еще слишком популярен во Франции (да и в Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии...) и поэтому надо пресечь в корне его династию; на Эльбе его сын был бы наследным французским принцем, а в Вене из него можно сделать австрийского герцога. Франц I и Меттерних спланировали иезуитскую операцию: не затевать развода Марии-Луизы с Наполеоном и вообще не говорить ей прямо, что она никогда больше не увидит мужа; «решено было повременить, пустить в ход разные отговорки, которые могли бы истощить то небольшое количество воли, какое могло быть в этой женщине»[2]. Главное же, к ней был приставлен в качестве камергера граф Нейперг с тайным поручением заставить ее забыть Францию и Наполеона *«любыми средствами»* (Меттерних подчеркнул эти два слова в специальной инструкции Нейпергу)[3].

Фельдмаршал-лейтенант граф Алам Адальберт фон Нейперг (1775–1829 гг.) слыл в Австрии отличным военачальником и дипломатом. «Французов он ненавидел как никого в мире»[4]. Именно в битве с французами при Неервиндене (1794 г.) он потерял правый глаз и полпальца на правой руке, и с тех пор носил на этом глазу черную повязку, а вместо пальца – золотой наперсток, что сделало его похожим на пирата, но лишь добавило шарма к его репутации неотразимого сердцееда. «Своим единственным уцелевшим глазом, – писала о нем мадам Ж. де Сталь, – он умел покорить прекрасный пол в два раза быстрее некоторых, имевших оба глаза»[5]. Такому сердцееду (он, кстати, был к 1814 г. дважды женат и от второй жены имел пятерых детей) не составило труда очень быстро, уже 24 сентября 1814 г., в гостинице «Золотое солнце» швейцарского городка Рижи стать любовником Марии-Луизы, после чего австрийцы стали называть супругу Наполеона «мадам Нейперг»[6].

Тем временем сын Наполеона и Марии-Луизы был лишен титула Римского короля и наречен герцогом Рейхштадтским (т. е.

---

[1] История XIX века. Т. 2. С. 233.

[2] Там же.

[3] Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995. С. 219; Герре Ф. Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998. С. 253.

[4] Сьюард Д. Цит. соч. С. 320.

[5] Цит. по: Там же. С. 321.

[6] Там же. С. 322; Герре Ф. Цит. соч. С. 258.

Австрийским). У ребенка отняли даже его главное имя, *Наполеон*. Отныне его называли Франц-Карл, или просто (по-австрийски!) Франц. «Его специально воспитывали так, чтобы он считал себя Габсбургогм и австрийцем <...>, – читаем о нем у Д. Сьюарда. – Правда, без особых успехов. Он жадно проглатывал все, что ему попадалось под руку о своем отце»[1]. В Вене был такой случай: «Когда Римскому королю представили князя де Линя, он спросил свою гувернантку, не был ли тот одним их тех маршалов, которые предали его отца; получив отрицательный ответ, он протянул князю руку»[2].

В дни тревог из-за того, что монархи 6-й коалиции разлучают его с женой и сыном, Наполеон пережил еще один удар судьбы: он узнал, что 29 мая 1814 г. в Мальмезоне скоропостижно скончалась его Жозефина. В комментариях П. Джонса к мемуарам Л.-Ж. Маршана и в книге А. Кастело «Наполеон» приводится текст последнего письма Жозефины к Наполеону (на Эльбу) с выражением готовности приехать к нему и скрасить его одиночество: «Одно слово от Вас, и я еду!»[3] Последние, предсмертные, слова Жозефины, которые услышала дежурившая у ее постели камеристка, были: «Бонапарт... Остров Эльба... Король Римский...»[4] «Жозефине был пятьдесят один год, – констатирует Андре Кастело. – Наполеон умрет в том же возрасте»[5]. Да, и в том же месяце, семь лет спустя.

Умерла Жозефина, по данным разных историков, то ли от «инфекционного гриппа», то ли от «гангренозной ангины», от дифтерии, или даже от обыкновенной простуды[6]. Когда Наполеон по возвращении с Эльбы спросил ее доктора Ж. Оро, чем же она болела, что стало причиной ее смерти, доктор ответил: «Горе, тревога, тревога за вас»[7].

С тех пор и доныне в литературном и даже научном обиходе живет версия о том, что Жозефина была отравлена. Согласно этой версии[8], организатором убийства Жозефины был Ш.-М. Талейран. Он боялся ее осведомленности и возможных откровений при встречах с Александром I и подослал к ней ядовитый букет цветов. Теперь уже трудно судить, насколько достоверна такая версия. Для

---

[1] Сьюард Д. Цит. соч. С. 356.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 147.

[3] Там же. С. 115–116; Кастело А. Цит. соч. С. 479.

[4] Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 2. С. 342.

[5] Там же.

[6] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 115; Кронин В. Цит. соч. С. 469; Сьюард Д. Цит. соч. С. 326; Кастело А. Жозефина. Кн. 2. С. 343; Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 102.

[7] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1987. С. 669.

[8] Подробно о ней см.: Нечаев С. Ю. Жозефина Бонапарт. Тайна любви и смерти. М., 2004. С. 164–165, 185–186 и др.

Наполеона достоверен и зловещ был самый факт: Жозефины не стало. Узнав об этом, император был так потрясен, что «на два дня заперся от всех»[1].

Наверное, в те дни Наполеон, как истинный семьянин, с горечью думал о превратностях судьбы, за какие-нибудь два месяца отнявших у него Жозефину, разлучивших его с Марией-Луизой и сыном и разбросавших по свету его родных – мать, всех четырех братьев и трех сестер, пощадив лишь его пасынка и падчерицу. Первым бежал из Парижа и лучше всех своих братьев (кроме Люсьена) устроился Жозеф[2]. Он прихватил с собой семь подвод, нагруженных серебром и дорогой мебелью, часть этого добра предусмотрительно обменял на недвижимость в США, а другую часть – на приобретение особняка Шато Пранжен в Швейцарии, на берегу Женевского озера, где и обосновался с комфортом. Жером устроился, хотя и без всякого комфорта, в Триесте, а Людовика приютил у себя в Риме Люсьен, который, пользуясь покровительством папы Римского Пия VII, роскошествовал и сам стал покровительствовать членам своей семьи. У него поселились и «мама Летиция», которая, однако, все время порывалась (как и Полина, успевшая продать свой особняк в Париже А. Веллингтону!) уехать к Наполеону на Эльбу. А вот Элиза и Каролина (жена И. Мюрата) порвали отношения с Бонапартами, причем не только братья и сестры и, главное, собственная мать, но и все бонапартисты третировали Каролину как предательницу. Лишь Евгений и Гортензия Богарне, не теряя достоинства, сохранили на родине все свои материальные блага с титулами принца и принцессы, главным образом вследствие симпатии к ним и заступничества со стороны Александра I.

В такой ситуации Наполеон на Эльбе при всех его переживаниях не упал духом, а с первых же дней развил феноменально бурную деятельность, опираясь и на безграничную преданность своей свиты и восторженное отношение к нему островитян. Жители Эльбы с энтузиазмом восприняли пасторское воззвание, с которым обратился к ним 4 мая 1814 г. глава местной церкви, почетный каноник соборов в Пизе и Флоренции, генеральный викарий Жозеф-Филипп Арричи. Текст воззвания гласил: «Божественное провидение, которое своей доброй волей, неумолимо вершит все события и определяет судьбы наций, решило в самый разгар политических изменений в Европе, что мы теперь будем подданными великого Наполеона <...>. Остров Эльба становится в один ряд с другими державами, и его маленькая

[1] Кастело А. Жозефина. Кн. 2. С. 343.
[2] См.: Сьюард Д. Цит. соч. С. 322 и сл.

территория отныне прославлена благодаря имени ее суверена <...>. Объединитесь все в общем чувстве любви к вашему властелину, который скорее подобен доброму отцу, чем суверену. Так отпразднуйте с радостью и от всей души доброту Всевышнего, который из всей вечности приберег для вас это счастливое событие»[1].

Для Наполеона такое, граничившее с обожествлением, доверие к нему островитян было как нельзя более кстати. «Повинуясь своему организаторскому гению, который побуждал его наложить свою печать на все, к чему он прикоснется, – читаем о нем в "Истории XIX века" Э. Лависса и А. Рамбо, – он захотел преобразить весь остров»[2]. И он сделал это! Трудно даже перечислить все, что он сотворил в своей миниимперии за десять месяцев управления ею: осмотрел каждую деревеньку, разыскал и провел в Портоферрайо новый, более чистый источник питьевой воды; начал мостить в городах улицы, а по всему острову – исправлять старые и проводить новые дороги; осушил болотистую равнину на юге Эльбы; занялся одновременно реконструкцией железных рудников, производством оливок и акклиматизацией шелковичных червей; начал кампанию по выращиванию картофеля, цветной капусты, лука и редиса; устроил лазарет для бедных и соединил богадельню с военным госпиталем; наконец, перестроил здание секуляризованной церкви св. Франциска, которая использовалась как военный склад, в городской общественный театр и сам возглавил публику на открытии театрального сезона в Портоферрайо[3].

Мало того, «чтобы добыть для своего острова еще земли, Наполеон даже стал завоевывать колонии! – восклицает Винсент Кронин. – Он прочитал, что во времена Римской империи на острове Пьяноза, в двадцати пяти километрах к северу от Эльбы, выращивают пшеницу. Поэтому 20 мая Наполеон отплыл на «Каролине», однопушечном суденышке его личного флота, состоявшего из четырех кораблей, чтобы взять себе забытое всеми владение. Он оставил там солдат, чтобы они построили форт и казармы для защиты от вооруженного нападения пиратов, и наметил план переселения сотни семей, которые осядут здесь и будут выращивать пшеницу. А пока выпустил пастись на зеленых склонах овец»[4].

Вот как прокомментировал все это Эмиль Людвиг: «Поскольку Наполеон никогда не был дилетантом, он крутит маленькое колесико с той же серьезностью и точностью, с какой еще вчера вращал ма-

---

[1] Цит. по: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 84–85.
[2] История XIX века. Т. 2. С. 232.
[3] См.: Там же. С. 232–233; Кронин В. Цит. соч. С. 466–467, 473.
[4] Кронин В. Цит. соч. С. 466–467.

ховик всей планеты»[1]. Не зря английский комиссар Нейл Кемпбелл назвал его perpetuum mobile (вечный двигатель)[2].

Конечно, все содеянное им на Эльбе этот perpetuum mobile обращал во благо местным жителям. В Портоферрайо он даже организовал службу по сбору мусора (раньше мусор просто гнил на улицах, источая зловоние). Так он избавил город от мух. Но его нескончаемые затеи стоили островитянам таких усилий, к которым они, при всем их трудовом энтузиазме, долго не могли привыкнуть. «Первые месяцы Наполеон доводил всех до изнурения, постоянно при этом повторяя: "Какой спокойный остров!"»[3].

Рабочий день самого «императора и суверена» был днем трудоголика. Вставал он каждое утро в 5 часов и работал даже в летнюю жару целыми днями (без выходных!), успевая не только все организовать и всем руководить, но и трудиться как чернорабочий: «копал ямы дол деревьев, пробовал и пахать на волах, хотя его борозда оставляла желать лучшего, выходил в море добывать тунца и охотился с гарпуном»[4]. Только к вечеру он отправлялся на двухчасовую прогулку по острову верхом: «Для того, чтобы снять усталость», – так объяснял он этот свой кавалерийский моцион сэру Кемпбеллу.

Для проживания он выбрал себе рядом с гаванью дом под названием «Мулини» (Мельница), сразу надстроил над ним еще один этаж – разумеется, лично руководя строителями, – и стал называть его *дворцом*. В качестве летней дачи он построил уютный домик на холме в Сан Мартино. Уюту он всегда был рад, но к роскоши равнодушен. Его кровать во дворце Мулини была обычной походной (железной) кроватью. Слуг во дворце было немного, и беспокоил их Наполеон нечасто. У себя дома он бывал только поздними вечерами, от верховой прогулки до сна, и обычно – за книгами: перечитывал своих любимых авторов (Плутарха, Корнеля, Расина, Вольтера), а также «"Кабинет фей"» – собрание сказок и легенд в 41 томе, от "1001 ночи" до Шарля Перро»[5].

Комиссары шестой коалиции ни в чем не мешали Наполеону, но раздражали его самим фактом надзорного присутствия. Он был рад, когда в конце мая 1814 г. трое из них (россиянин, пруссак и австриец) уехали с Эльбы. Остался на острове для формального присмотра за ссыльным императором только сэр Кемпбелл. И тут вскоре одна

---

[1] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 416.
[2] Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 6. С. 88.
[3] Кронин В. Цит. соч. С. 467.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 475.

за другой, стали приезжать к нему три дорогих для него женщины – мать, сестра и (тайно!) возлюбленная.

Первой, 2 августа 1814 г., прибыла в Портоферрайо «мама Летиция». Наполеон ждал ее у причала. Сопровождавший его Л.-Ж. Маршан на всю жизнь запомнил, с какой нежностью сын встретил мать: «...он так бурно целовал ее, что высушил все слезы, стекавшие из ее глаз»[1]. По воспоминаниям Маршана, 65-летняя «Madame Mère» «была в хорошем состоянии здоровья и по-прежнему очень красива». Сэр Кемпбелл тоже отметил: «Эта пожилая леди была весьма привлекательна, среднего роста, с хорошей фигурой и свежим цветом лица»[2].

Наполеон доставил «маму Летицию» в отдельную резиденцию, которую он приготовил и обставил всем необходимым для нее неподалеку от дворца Мулини. Летиция, зная о финансовых затруднениях императора, предложила ему все содержимое ее шкатулки с драгоценностями. Наполеон категорически отказался принять такой (не на один миллион франков) подарок. Тогда она столь же категорически потребовала, чтобы ей было позволено самой платить за свой пансион. Здесь уже сын не стал спорить с матерью.

Судя по всему, Летиция приезжала к Наполеону в его бессрочную ссылку навсегда. Можно согласиться с Э. Людвигом в том, что, оказавшись на Эльбе, она была счастлива: «теперь ее сыну больше не угрожают покушения и битвы, здесь тепло и тихо, и почти так же красиво, как на Корсике. Ежедневное общение с сыном возвращает Летицию к доброму старому времени»[3].

Прошел месяц, и к Наполеону приехала на Эльбу (тоже с желанием остаться при нем) женщина, которая была его самой трогательной, чистой и нежной любовью, – Мария Валевская. Ее родной брат полковник французской армии Теодор Марциан Лончиньский сначала побывал у Наполеона в Портоферрайо с письмом от Марии, в котором она просила разрешения приехать к императору. Ответ был: «приезжай», а в конце его значилось: «До свидания, Мари. С беспредельной нежностью – Наполеон»[4].

Поздним вечером 1 сентября 1814 г. с палубы трехмачтового брига в Портоферрайо сошли Мария Валевская с 5-летним сыном Александром, ее брат Теодор Марциан и сестра Эмилия. Их встречали гофмаршал Бертран и полковник Бернотти с каретой, запряжен-

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 123.
[2] Цит. по: Сьюард Д. Цит. соч. С. 330.
[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 418.
[4] Брандыс М. Мария Валевская. М., 1975. С. 463–464.

ной четверкой лошадей, и еще с тремя лошадьми под седлами. Четырех пассажиров теперь надо было привезти в высокогорную обитель Мадонна дель-Монте над селением Марчиана. Цитирую далее Мариана Брандыса (лучше его об этом не расскажешь).

«После того как пассажиры пересели с корабля в экипаж, кони рысью пошли к Марчиане. На половине дороги экипаж вдруг остановился. Путешественников наэлектризовал возглас: "Император!" Они увидели трех всадников с факелами. Это Наполеон с офицерами личной охраны выехал верхом встречать Валевскую и сына... Дальше ехали уже вместе. За селением Марчиана вся компания вышла из кареты и принялась взбираться по крутой тропинке в обитель Мадонна дель-Монте. Маленького Александра несли на руках поочередно Наполеон и один из его офицеров. Добрались к обители только в час ночи»[1].

В горной обители Наполеон и Мария поужинали вместе с его свитой и ее родственниками, а ко сну разошлись: она – в приготовленные для нее комнаты, он – в армейскую палатку под каштановым деревом. «Только он уединился в своем "шатре", – не без юмора пишет об этом Андре Кастело, – как раздался ужасный раскат грома, и Наполеон, вскочив с кровати, как был, в ночной рубашке, побежал к Марии. Ведь его прекрасная полька так боится грозы! Нужно ее успокоить...»[2]

Следующий день, 2 сентября, Наполеон и Мария провели, по меткому выражению М. Брандыса, «в идиллической атмосфере». Он был нежен и с нею, и с их сыном, водил их обоих к скале Аффачьятойо, в десяти минутах подъема от Мадонны дель-Монте (собственно, он вел Марию за руку, а сына нес на своих плечах) и оттуда показывал им горы его родной Корсики. Все то время Наполеон любовался Марией. Она, по воспоминаниям Маршана, «выглядела немного пополневшей, хотя это не повлияло на ее талию», а главное, нисколько не повредило ее очарованию[3].

Что касается малыша Александра, то он был очень похож (к удовольствию императора) на Римского короля. Доктор Фуро де Борегар, увидев сына Валевской на коленях Наполеона, воскликнул: «Сир, Римский король так вырос!» Наполеон рассмеялся, но и насторожился: ведь доктор рассказал ему, что в Портоферрайо островитяне радуются приезду... императрицы Марии-Луизы с сыном. «Все бы-

[1] Брандыс М. Мария Валевская. С. 465.

[2] Кастело А. Наполеон. С. 483.

[3] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 138. О том же: Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 304–305.

ли уверены, что именно она прибыла на таинственном корабле, чтобы разделить с мужем изгнание. Кого же еще мог приветствовать с непокрытой головой гофмаршал Бертран?»[1] Наполеон тогда все еще надеялся, что Мария-Луиза приедет к нему вместе с Римским королем. Как ни любил император Валевскую, свой брак с Марией-Луизой и рожденного в этом браке наследника династии Бонапартов он ставил выше тайной (хотя и упоительно прекрасной) любви к Валевской и незаконнорожденного (хотя и родного) сына. Поэтому он был встревожен толками о приезде Марии-Луизы, опасаясь, как бы английский комиссар и шпионы Бурбонов не разгадали приезжую и не осведомили об этом австрийский двор, после чего Мария-Луиза, конечно, отказалась бы ехать к нему, неверному. Может быть, в тот же день Наполеон был готов проводить Марию с Эльбы – был готов, но не смог. Он заставит себя расстаться с нею завтра...

А пока весь день 2 сентября Наполеон не оставляет Марию и Александра ни на минуту. Во время обеда с участием польских офицеров из эскадрона полковника Павла Жермановского (о нем еще речь впереди), когда один из гостей заиграл на флейте мазурки и полонезы, император даже пустился в пляс вместе с Марией. А с Александром он играл в прятки и катался по траве. Потом Наполеон рассказывал Марии и Александру о своем детстве и, в частности, о том, как он однажды посмеялся над бабушкой, и «мама Летиция» за это его высекла. «А ты не боишься розог?» – спросил он малыша и услышал в ответ: «Но ведь я не смеюсь над мамой!» Император нежно расцеловал Александра: «Ты хорошо ответил!»[2]

Вечером Наполеон нашел в себе силы сказать Марии, что им завтра же надо расстаться. «Позволь мне снять где-нибудь домик, – просила она. – Пусть не в городе, пусть не рядом с тобой, только чтобы я могла прийти, когда буду нужна тебе»[3]. Наполеон говорит: «нет»; здесь, на маленьком острове, он всегда и у всех на виду и не хочет стать жертвой сплетен о его супружеской неверности. Вот как пишет об этом автор самого знаменитого из биографических романов о Наполеоне французский писатель-историк Макс Галло, которого называют «Александром Дюма нашего времени»: «Мария слушает его с величайшим достоинством, в ее глазах стоят слезы. Он знает, что она – самая благородная, самая великодушная женщина из всех, кого он знал. Она просит только права любить его. А он отказывается от нее»[4].

---

[1] Брандыс М. Цит. соч. С. 466.
[2] См.: Там же; Кронин В. Цит. соч. С. 471; Массон Ф. Указ. соч. С. 305.
[3] Кронин В. Цит. соч. С. 471.
[4] Галло М. Наполеон. Роман-биография в 2 кн. М., 2009. Кн. 2. С. 660.

В тот момент Наполеон поставил супружеский долг выше любви. Мариан Брандыс по этому поводу резонно заметил: «...все было бы иначе, знай Наполеон, что́ произойдет месяц спустя»[1]. Он имел в виду превращение императрицы Марии-Луизы в «мадам Нейперг», случившееся через 21 день после отъезда Марии Валевской с Эльбы. Увы! Наполеон об этом превращении не знал и еще не скоро узнает.

Утром 3 сентября Наполеон простился с Марией и Александром. Целуя сына, он прошептал: «Прощай, дорогое дитя моего сердца...»[2] Мария, Александр и Эмилия сели в карету. Их сопровождал Бернотти. Теодор Лончиньский был уже на пристани Марчичана-Марина возле брига, готового к отплытию в Неаполь. Когда четверка коней помчала карету к пристани, Наполеон долго смотрел ей вслед (можно представить себе, с какими мыслями). Вдруг опять, как в день приезда Марии, разразилась гроза. Наполеон тут же отправил офицера на пристань с приказом отложить поездку. Но бриг по распоряжению Бернотти уже отправился для посадки на другую сторону острова в более спокойную бухту Порто-Лонгоне. Цитирую далее А. Кастело: «Узнав об изменении маршрута, Наполеон вскочил на коня и, несмотря на шквалистый ветер, галопом поскакал к Порто-Лонгоне. Преодолев тридцать четыре километра, он наконец примчался, промокший до нитки, в порт и там узнал, что Мария, повинуясь его воле, уже покинула остров»[3].

Сам не свой от пережитого стресса (он отверг ее любовь, а теперь она, по его вине, может и жизни лишиться!), Наполеон остался в Порто-Лонгоне ждать вестей о благополучном прибытии брига в Неаполь. Ждать пришлось долго. Только через неделю император успокоился: ему доложили, что бриг причалил к берегу Неаполя без проблем, и все его пассажиры живы-здоровы.

А на Эльбе жизнь продолжалась. С 1 ноября она стала даже более оживленной. В тот день к Наполеону из Портичи (порт рядом с Неаполем) прибыла на французском корабле его любимая сестра Полина. Император встретил ее в гавани Портоферрайо и вместе с нею поехал к «маме Летиции». После свидания с матерью Полина заняла комфортные апартаменты, которые Наполеон приготовил было для Марии-Луизы, но теперь, судя по всему, он уже знал, что его законная супруга к нему не приедет.

---

[1] Брандыс М. Цит. соч. С. 467.
[2] Массон Ф. Указ. соч. С. 306.
[3] Кастело А. Наполеон. С. 485.

«Приезд принцессы Полины[1], – читаем в мемуарах Л.-Ж. Маршана, – ознаменовал начало нового образа жизни в Портоферрайо <...>. Небольшой монарший двор на Эльбе принял менее военный вид. Принцесса, чье очарование достигло высшей точки, придавала всему своему окружению атмосферу галантности и радости»[2]. Полина стала душой эльбской миниимперии. Она взяла на себя повседневные заботы двора: устраивала балы, маскарады, приемы, театральные представления, буквально электризовала всех и вся. Наполеон был доволен активностью сестры, но, зная ее характер, принял меры предосторожности. Дело в том, что Полина любила сорить деньгами (и, кстати, привезла их с собой без счета), а Наполеон учитывал, что местные жители могут быть и обижены и унижены чрезмерным расточительством при дворе их суверена. Поэтому он благоразумно предписал сестре не расходовать даже на самый роскошный бал больше 1000 франков.

Тем временем на Эльбу не прекращался поток любопытствующих иностранцев. П. Джонс в примечаниях к воспоминаниям Маршана, ссылаясь на свидетельства разных мемуаристов (в том числе и сэра Н. Кемпбелла), утверждал: «Толпы приезжих ежедневно высаживались на Эльбе. Они приезжали со всей Европы – из Италии, Германии, Норвегии. Французские матери привозили с собой детей, чтобы показать им “героя из героев”. Возбужденные до предела пожилые дамы, не в силах более вынести ссылку “Славы Франции”, покидали свои дома, чтобы приехать на Эльбу и всего лишь приветствовать императора. Но чаще всех (! – *Н. Т.*) приезжали англичане: одни в качестве простых туристов, другие, влиятельные политики или аристократы, добивались чести быть принятыми во дворце Мулини. Офицеры британских военных кораблей, курсировавших в Средиземном море, брали отгул, чтобы посетить Эльбу...»[3] Кстати, по воспоминаниям Маршана, «британцы были поражены простотой обращения императора» – и с его солдатами, и с английскими моряками; «эта простота являла собой удивительный контраст с той аристократической надменностью, к которой они привыкли» в своих войсках, и на суше и на море[4].

---

[1] Напомню читателю, что Полина Бонапарт имела титул принцессы Гвастальской и была замужем (во втором браке) за итальянским принцем Камиллом Боргезе.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 144–145. См. также: Сьюард Д. Цит. соч. С. 331; Кронин В. Цит. соч. С. 472–473.

[3] Цит. по: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 112.

[4] Там же. С. 90.

Когда австрийский князь К. И. де Линь острил в Вене, что Наполеон на своем острове «играет в Робинзона Крузо»[1], он, должно быть, просто не знал ни о размахе многообразной деятельности «императора и суверена» острова, ни о том интересе, который он вызывал и у подвластных ему островитян, и у приезжавших толпами хотя бы поглазеть на него иноземцев. Но вот сам Наполеон больше, чем Эльбой, интересовался Францией. Он жадно ловил все новости, которые узнавал от родственников, друзей и недругов, – в первую очередь о том, как Франция воспринимает Бурбонов. Самую богатую и точную информацию доставил ему прибывший на Эльбу 15 февраля 1815 г. под именем итальянского моряка-ротозея Пьетро Сан-Эрнесто бывший ревизор Государственного совета Империи и субпрефект Реймса П. А. Э. Флери де Шабулон[2]. Он имел при себе секретнейшее послание к Наполеону от бывшего (в 1811–1813 гг.) министра иностранных дел Г. Б. Маре.

То, что Наполеон узнал из послания Маре и дополнительных разговоров с Флери де Шабулоном, подтолкнуло его к решению теперь же, как можно скорее, возвращаться во Францию. Рассмотрим далее в подробностях, что́ именно он узнал.

2. Франция без Наполеона

Итак, 3 мая 1814 г.[3] Людовик XVIII под охраной союзных войск («в обозе оккупантов», как стали говорить о нем злые языки) торжественно въехал в Париж. Любопытствующие горожане высыпали на улицы столицы, чтобы лицезреть монарха, который давным-давно, не успев занять французский престол, бежал от революции на чужбину и, отвергнутый собственным народом, четверть века прозябал в изгнании как иждивенец то у российского, то у прусского, то у английского монархов. И вот теперь под защитой иностранных штыков он возвращался на «законный» трон, «дарованный от Бога» в 1589 г. династии Бурбонов. Парижским зевакам было в тот майский день на что (и на кого) поглазеть.

Непомерно тучный и в свои 60 лет уже дряхлый, подагрик с тройным подбородком и отвислым животом, Людовик XVIII даже в лучшие годы не мог сесть на лошадь, а теперь сам едва держался на ногах, и его с двух сторон поддерживали специальные «ассистенты». Ко всему прочему он был странно одет: в гражданское платье, но

---

[1] Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 222.

[2] См. об этом: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 166–167; Кронин В. Цит. соч. С. 480.

[3] Вспомним, что именно в тот день Наполеон прибыл на Эльбу.

с огромными эполетами, и, как вспоминал о нем современник, «засунут в бархатные сапоги» столь мудрено, что «мог бы споткнуться и о соломинку»[1]. Великий поэт Франции Пьер Жан Беранже тогда иронизировал над тем, что Людовик XVIII, уже давно проклятый и высмеянный подавляющим большинством французов, «носил смешное прозвище “Желанный”»[2].

В свите Людовика XVIII выделялся внешней презентабельностью его (а стало быть, и казненного Людовика XVI) родной брат Карл-Филипп де Бурбон граф д'Артуа, будущий король Франции Карл X, – столь же недалекий, но гораздо более мстительный и злобный, чем его братья, «дикий барин», общепризнанный глава ультрароялистов, один из организаторов интервенции против собственного отечества, вандейских мятежей и роялистских заговоров против Наполеона. Здесь же были сыновья «дикого барина» – герцог Ангулемский (женатый на своей двоюродной сестре – дочери Людовика XVI и Марии Антуанетты – Марии Терезе Шарлотте) и герцог Беррийский, самый младший отпрыск династии Бурбонов. Все они были обуреваемы помимо стремления восстановить *«старый порядок»* еще и жаждой личной мести за своих августейших сородичей. Герцогиня Ангулемская в этом отношении едва ли не превосходила самого Карла д'Артуа. Поскольку роялистская пропаганда возвеличивала ее как «ангела доброты», один из соратников Наполеона префект А.-К. Тибодо прокомментировал это определение: «Ангел явился – сухая, надменная, с хриплым и угрожающим голосом, с изъязвленной душой, с ожесточившимся сердцем, с горящими глазами, с факелом раздора в одной руке и мечом отмщения в другой»[3]. «То был скорее демон, чем ангел», – заключает А. З. Манфред...[4]

По данным Ярослава Шедивы, вместе с Бурбонами во Францию возвратились более 30 тыс. эмигрантов, «у которых ничего не было, но которые хотели иметь все»[5]. Главное, как подчеркивается в «Истории XIX века» Э. Лависса и А. Рамбо, «эмигранты хотели абсолютной монархии, контрреволюции, восстановления трех сословий, возврата к режиму 1788 года»[6]. Осторожный и послушный сво-

---

[1] См.: Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1992. Т. 5. С. 205; Манфред А. З. Цит. соч. С. 664; Людвиг Э. Цит. соч. С. 422.

[2] Беранже П. Ж. Моя биография // Соч. М., 1957. С. 544.

[3] Thibaudeau A. C. Mémoires. T. 2. P. 408.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 664.

[5] Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 235.

[6] История XIX века. Т. 2. С. 229.

им покровителям – монархам шестой коалиции, Людовик XVIII поначалу разочаровал роялистов, особенно – ультра. Союзные монархи – в первую очередь Александр I – заставили короля даровать французам конституционную Хартию (они были убеждены, что без конституции Бурбоны не продержатся у власти). 4 июня 1814 г. Хартия Людовика XVIII была обнародована. Она выглядела довольно либеральной[1]: гарантировала равенство сословий, право для всех граждан приобретать национальное имущество и занимать любую государственную должность, сохраняла наполеоновскую структуру органов власти, даже Кодекс Наполеона (!) и орден Почетного легиона, хотя и резко ограничивала избирательные права демоса, наделив ими «лишь маленькую кучку очень богатых людей (одну сотню тысяч из 28–29 миллионов населения)»[2].

Вскоре, однако, выяснилось, что *слова* Хартии значат мало. Гораздо важнее оказались *дела* нового режима. Людовик XVIII оценил «романтическое великодушие»[3] к Бурбонам со стороны союзных монархов. Они, хотя и оккупировали Францию и свели ее по Парижскому мирному договору от 30 мая 1814 г. к границам 1792 г., охотно поощряли любой «антибонапартизм». Поэтому король под давлением ультрароялистов начал, что называется, закручивать гайки, чтобы, как удачно выразились Мишель Франчески и Бен Вейдер, «дебонапартизировать» страну[4]. Словно ни революции, ни консульства, ни империи не существовало, Людовик стал исчислять на официальных документах время своего правления со дня казни его брата (21 января 1793 г), напоминая всякий раз, что идет *двадцать второй* год его царствования.

М. Франчески и Б. Вейдер проницательно констатировали, что реставрация Бурбонов в 1814 г. «была дважды незаконной»: не только потому, что Бурбоны вернулись к власти «в обозе оккупантов», но еще и потому, что Наполеон был низложен кучкой предателей в оккупированном Париже, тогда как он «получил императорский мандат голосованием народа, и только такое голосование могло бы низложить его законным путем»[5]. Все это для Людовика XVIII было, говоря по-русски, трын-трава. Уверовав в свою силу и подгоняемый ультрароялистами во главе с «диким барином» д'Артуа, он подверг бонапартистов широкомасштабным унижениям и гонениям, от кото-

---

[1] См. о ней: Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «Спасителе». М., 1996. С. 346–347; Mathiez A. Les lois françaises de 1815 à nous jours... P., 1906. P. 14.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 452.

[3] Скотт В. Указ. соч. Т. 2. С. 403.

[4] Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 225.

[5] Там же. С. 223–224.

рых страдали и нейтральные слои общества. Вместо прославленного в республике и империи трехцветного знамени Бурбоны ввели свое белое, которое народ Франции давно уже воспринимал как знамя изменников-эмигрантов. Соответственно трехцветная кокарда была заменена белой, после чего французские солдаты и офицеры, как правило, хотя и носили белую кокарду, но в глубине своих ранцев хранили, как реликвию, старую трехцветную. Запрещен был гимн революции, консульства и империи – любимая народом «Марсельеза».

Главное, Людовик XVIII, поощряя реваншизм эмигрантов и попирая статьи собственной Хартии, распределял в стране военные и государственные должности исключительно среди роялистов. Именно эмигранты заняли почти все места в управлении государством, допуская к себе в компанию лишь самых одиозных из бывших наполеоновских служак. Так, военным министром был назначен генерал Пьер Антуан Дюпон, ранее судимый за позорную капитуляцию при Байлене 1808 г. и лишь теперь освобожденный Бурбонами из тюрьмы – сразу на министерский пост. Согласимся с А. З. Манфредом: «Армия усмотрела в этом странном назначении намеренный (и наглый, конечно! – *Н. Т.*) вызов»[1]. Не менее наглым вызовом бонапартистам стало назначение на должность префекта полиции Луи Антуана Бурьенна, изгнанного Наполеоном с государственной службы за казнокрадство и взяточничество. А вот Талейран в награду за то, что он «так суетился, так хлопотал, так распинался в своих стараниях посадить Бурбонов на престол»[2], получил от них важнейший пост министра иностранных дел, который «хромой бес» умудрялся занимать и при Директории, и при Наполеоне.

Шокировал большинство французов и указ Людовика XVIII о том, чтобы отныне день казни его брата (21 января) отмечался во Франции как день национальной скорби. Тем же указом был восстановлен средневековый орден Св. Людовика. Зато орден Почетного легиона, формально не упраздненный, был унижен, как и все его кавалеры – бонапартисты. Мало того, что орденом жаловали без разбора невесть кого, неизвестно, за что, например, «лавочников, торгующих духами в Пале-Рояле»; теперь его просто мог купить кто угодно за малые деньги. В результате «при Бурбонах за период с августа по декабрь 1814 г. кавалеров этого ордена стало гораздо больше, чем при Наполеоне за двенадцать лет его правления»[3].

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 667.

[2] Тарле Е. В. Талейран // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 117.

[3] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 135; Делдерфилд Р. Маршалы Наполеона. М., 2001. С. 366.

Объектом особой ненависти и боязни стала для Бурбонов армия как главная опора Наполеона. Роялисты затеяли в ней грандиозную чистку. По указу Людовика XVIII от 16 декабря 1814 г. были уволены с военной службы 100 тыс. солдат и 10 тыс. офицеров, а еще 12 тыс. офицеров разных степеней (от младших до высших) король посадил на половинное жалованье[1]. При этом Старая императорская гвардия «была самым оскорбительным образом удалена из столицы»[2]. Наверняка Людовик не просто боялся ее – он не мог примириться с ее реакцией на встречи с ним, Его Величеством Людовиком *Желанным*. Дело в том, что наполеоновские «ворчуны» больше, чем кто-либо, чуствовали себя в строю перед королем, как удачно выразился Вальтер Скотт, «скорее пленными, выставленными на парад победителей, чем воинами, одержавшими победу»[3]. Процитирую далее свидетельство очевидца одной их таких встреч (3 мая 1814 г.) авторитетнейшего в то время литератора и политика Франсуа Рене Шатобриана (уверен, эта пространная цитата не покажется читателю скучной, настолько она красноречива и уместна).

«Не думаю, чтобы когда-либо человеческие лица имели выражение столь грозное и страшное. Эти израненные гренадеры, покорители Европы, пропахшие порохом, тысячу раз слышавшие свист ядер, пролетавших над их головами, лишились своего вождя и вынуждены были приветствовать дряхлого, немощного короля, жертву не войны, но времени, в столице *Наполеоновской империи*, наводненной русскими, австрийцами и пруссаками. Одни, морща лоб, надвигали на глаза громадные медвежьи шапки, словно не желали ничего видеть; другие сжимали зубы, еле сдерживая яростное презрение, третьи топорщили усы, оскалившись, словно тигры. Когда они брали на караул, их исступленные движения вселяли ужас. Никогда еще, без сомнения, люди не подвергались подобным испытаниям и не претерпевали такой муки»[4].

Этот подробный рассказ очевидца дополняют краткие зарисовки других современников. Вот одна из них: когда военный министр заставлял солдат бывшей императорской гвардии кричать «Да здравствует король!», «они тотчас добавляли себе в бороды: “Римский”»[5]. Два таких великих современника, как Анри Мари Стендаль и Вальтер Скотт, которые с противоположных позиций оценивали в своих книгах Наполеона, в один голос констатировали, что еще до

---

[1] См.: Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 134; История XIX века. Т. 2. С. 228.
[2] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 134.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 402.
[4] Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 266.
[5] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 224.

конца 1814 г. во Франции «армия была утрачена для Бурбонов»[1]. Еще точнее выразился великий российский историк С. М. Соловьев: «Правительство Бурбонов было без войска; но войско существовало – и было против правительства»[2].

Теряя от избытка мстительности всякую меру благоразумия, Бурбоны «осыпáли милостями» шуанов (роялистски настроенных бандитов), «служили мессы в память террориста Кадудаля и предателя Пишегрю», прославляли заговорщика и перебежчика Моро[3]. Игнорируя растущее недовольство населения, Людовик XVIII довольствовался услужливостью наскоро скомплектованных – согласно королевской Хартии – двух палат безропотного парламента: палаты депутатов и палаты пэров. Все бурбонские парламентарии были настолько послушны, что Стендаль с горькой иронией отметил: «Изображение Панургова стада[4] вполне могло бы стать нашим гербом»[5].

Смирились с режимом Бурбонов и почти все оставшиеся в живых маршалы Наполеона. Лишь единицы из них (Сюше, Лефевр, Сульт) при этом сохранили достоинство и не холуйствовали перед новым режимом, а непреклонный Даву вообще отказался сотрудничать с ним[6]. Бернадот, который тешил себя надеждой воссесть с помощью союзников на французский трон, очень скоро понял, что такая награда от шестой коалиции ему не светит, и уехал из Парижа, чтобы уже никогда более туда не возвращаться. «Возможно, – предполагает Рональд Делдерфилд, – это решение ему помогла принять жена Лефевра, в глаза назвавшая его изменником»[7].

Тем временем Бурбоны, все глубже впадая в мстительный раж, взялись перетряхнуть *Институт Франции* – по тому же принципу «дебонапартизации». Институт Франции (L'Institut de France) – так с 1806 г. до наших дней называется высшее научное учреждение страны, в состав которого входят Академия наук и еще четыре академии. По указу Людовика XVIII были исключены из Института 15 членов всех пяти академий (вместе с Наполеоном, Жозефом

---

[1] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 134; Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 415.

[2] Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия // Соч. в 18 кн. М., 1996. Кн. 17. С. 487.

[3] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 134; Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 225.

[4] Панургово стадо – толпа, рабски и бессмысленно идущая за своим вожаком (по имени Панурга – одного из героев романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»).

[5] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 131.

[6] Подробно см.: Дерделфилд Р. Цит. соч. С. 369–374.

[7] Там же. С. 375.

и Люсьеном Бонапартами – Л. Н. Карно, Г. Монж, Ж. Л. Давид, А. Грегуар и другие «бонапартисты»). Этот указ «ошеломил народ»[1], тем более что места общеизвестных корифеев отечественной политики, науки и культуры заняли безвестные, но преданные новому режиму дельцы.

Людовик XVIII так наглел, что пытался даже показать себя по меньшей мере равным в компании монархов шестой коалиции (ведь «Бурбоны знатнее Романовых!») и независимым от них. Когда в январе 1815 г. Александр I начал с ними переговоры о возможном бракосочетании своей сестры великой княжны Анны Павловны (той самой, в руке которой было отказано Наполеону!) с племянником короля герцогом Беррийским, король отклонил предложение императора, вторично унизив его (вспомним стул вместо кресла в Компьене!). Н. К. Шильдер видел в этом происки вездесущего Талейрана, из-за которых будто бы и расстроились эти переговоры[2]. Но не повлиял ли главным образом на решение короля его брат, «дикий барин» д'Артуа – отец герцога Беррийского? Может быть, он предпочитал женить сына на принцессе из более цивилизованного мира (например, из любимой им Англии), чем эта «медвежья страна», какой представляли себе на Западе Россию? Так или иначе, герцог Беррийский остался холостым до того дня, когда бывший конюх Наполеона Лувель покончил с ним ударом кинжала.

Между тем, как справедливо указывал А. З. Манфред, становилось все более очевидным для всех, кто не был слеп, что «за несколько месяцев новая власть, являвшаяся на деле возвратом к давно отвергнутой старине, сумела восстановить против себя весь народ. Крестьяне опасались, что помещики, старые сеньоры и церковники отнимут у них землю, восстановят старые феодальные тяготы и поборы. Многие новые собственники боялись за свои владения: их права ставились под сомнение. Возникла угроза нового перераспределения собственности, на сей раз в интересах вернувшихся вместе с королем эмигрантов»[3].

Зашевелилась и оппозиция Бурбонам, причем разного толка – не только бонапартистского, но и якобинского и умеренно-либерального. Ее различные течения представляли авторитетные не только во Франции, но и в других странах политики, литераторы, ученые: Мари Жозеф Поль Лафайет, Пьер Франсуа Реаль, Бенжамен Констан и неугомонная мадам Жермена де Сталь, которая ранее бо-

---

[1] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 136.

[2] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 302.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 667.

ролась за свободу слова против Наполеона, а теперь «впадала в конституционное бешенство» против Бурбонов[1]. Застрельщиком оппозиции выступил Лазар Никола Карно – знаменитый «организатор побед» Французской революции, член Директории и военный министр Наполеона. Людовик XVIII уволил его из Института Франции, но не репрессировал, уделив ему скромное место генерального инспектора инженерных работ. В сентябре 1814 г. Карно обнародовал свое диссидентское «Письмо к королю», которое распространялось по стране нелегально, поскольку продавать его в книжных лавках власти Бурбонов запретили (издатель «Письма» был даже привлечен к суду). Автор «Письма» очень смело и, главное, доказательно обвинял Людовика XVIII в том, что он провозгласил себя «Королем милостью Божией» вопреки мнению своего народа и лишь по воле чужеземных правительств[2].

Видя неустойчивость режима Бурбонов, оппозиционеры разных мастей стали строить заговоры с целью заменить архаичного во всех отношениях Людовика XVIII более современным правителем. Они остановили свой выбор на кандидатуре Луи Филиппа, герцога Орлеанского (он действительно станет королем Франции, но лишь в результате Июльской революции 1830 г., и будет свергнут Февральской революцией 1848 г.). Впрочем, заговорщики готовы были подобрать для французского трона и другую кандидатуру (называли даже Евгения Богарне) – только бы сместить Людовика XVIII! «Общая ненависть, – читаем о них у Э. Лависса и А. Рамбо, – объединяла этих людей, коренным образом расходившихся в остальном. Важно было свергнуть Бурбонов. А там будет видно»[3].

Там заговорщики очень скоро *увидели*, что их анонимное письмо к Луи Филиппу с предложением возглавить заговор тот передал Людовику XVIII, причем «открыто выразил ему свою поддержку»[4]. После такой незадачи «орлеанисты», как стали их называть, выжидательно присмирели.

Людовик XVIII был не слишком обеспокоен информацией о заговоре «орлеанистов». Гораздо больше тревожило его все (вплоть до мелочей), что было связано с Наполеоном, – каков он на Эльбе, чем занимается и с кем связан, и не замышляет ли чего против кого-либо? По совету Талейрана он отправил на Эльбу для наблюдения за императором многолюдье шпионов, которые очень старались заслужить благосклонность короля и проникали в поисках информации

---

[1] История XIX века. Т. 2. С. 230.
[2] См.: Там же. С. 231; Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 424–425.
[3] История XIX века. Т. 2. С. 232; Манфред А. З. Цит. соч. С. 668.
[4] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 429.

во все возможные щели. Если им не удавалось найти ничего стоящего, они сочиняли порочащие Наполеона небылицы, которые, по их разумению, должны были понравиться королю. Очень живо рассказано об этом шпионском «фестивале» в книге Винсента Кронина. «Почти на каждом корабле приплывали шпионы, переодетые монахами, моряками или коммерсантами. Они втирались в доверие к лакеям и кучерам Наполеона, и было их так много, что они мешали друг другу. А назад отправлялись их донесения для публикации в проправительственных газетах: Наполеон страдает неприличными болезнями; Наполеон, преступный любовник собственной сестры Полины, гоняет взад-вперед на парадах свою игрушечную армию и адмиралом флота сделал лейтенанта, страдающего морской болезнью. Он теперь под стать королю Гаити, который командует неграми и обезьянами. Потоки пролитой им крови, которые мерещатся ему везде, заставляют этого современного Аттилу таскать свою железную кровать по всему острову в безысходных поисках покоя»[1].

Тем временем европейские монархи – победители Наполеона съехались на международный конгресс в Вену, чтобы переделить освобожденную от «ига Наполеона» Европу. Венский конгресс (1 октября 1814 г. – 9 июня 1815 г.) стал самым представительным в истории дипломатии и остается таковым доныне: Европа прислала в Вену глав 216 государств (сегодня их нет столько во всем мире), а именно двух императоров, пять королей и 209 государей княжеского достоинства. Впрочем, две сотни карликовых княжеств, герцогств, курфюршеств были статистами. Все дела на конгрессе решал квинтет великих держав – России, Англии, Австрии, Пруссии и принятой в их команду роялистской Франции. Внутри же квинтета главную роль взял на себя Александр I. В отличие от других монархов, которые вверили дипломатическую канитель своим министрам, а сами предались развлечениям, царь занимался делами так, что о нем говорили: «Он хочет сам быть своим представителем»[2].

Разумеется, Александр, будучи верен себе, не отставал от «братьев»-монархов и в развлечениях. Особенно любил этот, как называли его, «коронованный Дон Жуан», общаться с красивыми женщинами. Хотя Вена, принявшая в те дни до 100 тыс. гостей, напоминала вавилонское столпотворение, там, пожалуй, не было ни одной красавицы, которую царь не заметил бы и обошел вниманием. Больше других заинтересовала его княгиня Е. П. Багратион (урожденная Скавронская), давно, еще до войны 1812 г. оставившая своего

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 476–477.
[2] Зак Л. А. Монархи против народов. М., 1966. С. 47.

героического мужа. Она держала в Вене свой салон. Александр стал ее «интимным другом», но, как догадывались австрийские соглядатаи, ради того, чтобы узнать от нее секреты другого ее «интимного друга» – Меттерниха. Кроме женщин развлекал Александра в дни Венского конгресса и экзотический подарок Франца I – говорящий скворец, который, едва увидев царя, принимался кричать: «Виват Александр! Виват Александр!»

Французскую делегацию на конгрессе возглавлял, естественно, Талейран, который с первых же дней начал плести в Вене такую сеть интриг, что снискал от коллег прозвище «наибольшей канальи всего столетия (la plus grande canaille du siécle)»[1]. Цель его интриг, согласованных с Людовиком XVIII, была двоякой, причем, в его понимании, равновеликой: 1) поставить Францию вровень с другими великими державами (ее победительницами), опираясь на принцип *легитимизма*, который все монархи антинаполеоновской коалиции всегда провозглашали своим высшим принципом, и 2) удалить Наполеона с Эльбы – либо как можно дальше от Франции и Европы, либо (еще желательнее) вообще из жизни. Для успешного решения и той и другой задачи Талейран пытался – надо признать, с невероятной изворотливостью и энергией, – подточить единство союзной коалиции, а в идеале расколоть коалицию. Он добился бы всего, что задумал, если бы не внезапное стечение обстоятельств.

Более трудной для Талейрана оказалась вторая задача. Вначале все складывалось в его пользу. Талейран заручился поддержкой главы английской делегации в Вене министра иностранных дел лорда Р. С. Каслри и самого авторитетного из британских уполномоченных герцога А. У. Веллингтона. Оба они согласились с идеей Талейрана сослать Наполеона на Азорские острова в Атлантическом океане, «в пятистах лье (больше 2,5 тыс. км. – *Н. Т.*) от всякой земли»[2]. Однако с этим не согласился Александр I, крайне раздраженный в то время отказом Людовика XVIII дать согласие на брак герцога Беррийского с великой княжной Анной Павловной: «Этот подагрический королишка, посаженный на трон стараниями России и ее союзников, находит сестру русского царя, великую княжну из рода Романовых, недостойной своего племянника!»[3]

Талейран сменил тактику. Он переключился на вбивание клиньев между «братьями»-монархами, чтобы рассорить их, а тем временем

---

[1] Тарле Е. В. Талейран. С. 139.

[2] См.: Труайя А. Цит. соч. С. 223; Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 226.

[3] Труайя А. Цит. соч. С. 223.

строил и (не всякий раз!) обсуждал с Каслри планы похищения с Эльбы и даже убийства Наполеона. По данным Э. Лависса и А. Рамбо, «поднимался вопрос об отправке в Портоферрайо испанской эскадры, о высадке на остров алжирских корсаров. Ливорнский консул Мариотти пытался склонить лейтенанта Тальяда к тому, чтобы он похитил Наполеона и увез его на остров св. Маргариты» (в Карибском море, у Южной Америки)[1]. Пояснения к этим данным можно почерпнуть из других источников. Итальянский авантюрист Мариотти был платным агентом Талейрана, стал французским консулом в Ливорно по протекции своего шефа, выполнял его тайные поручения и, надо полагать, с его ведома, если не по заданию, подбирал убийц для покушения на Наполеона[2]. Что касается лейтенанта Тальяда, то он был для Наполеона на Эльбе, условно говоря, адмиралом, поскольку командовал всем флотом императора из четырех малогабаритных судов. Он остался верен Наполеону и, как мы увидим, будет сопровождать его в побеге с Эльбы во Францию.

Наполеон в своей миниимперии знал (главным образом, от Флери де Шамбулона), конечно, не все, но очень многое из того, что *делали* Бурбоны и Талейран, либо даже только *задумывали* для того, чтобы еще больше изолировать, а то и вовсе уничтожить его. К примеру, можно не сомневаться, что лейтенант Тальяд сообщил императору о планах Мариотти и маячившего за его спиной Талейрана. В общем, заключали Э. Лависс и А. Рамбо, «приходится признать, что делалось решительно все к тому, чтобы разбудить в Наполеоне дремлющего льва. Людовик XVIII оставляет его без денег, австрийский император отнимает у него сына, Меттерних отдает его жену придворному развратнику, Каслри хочет его сослать, Талейран замышляет бросить его в подземную темницу; некоторые, наконец, задумывают убить его»[3]. Выходит, по крылатому выражению (которое приписывают даже Талейрану, но, как мы еще увидим, это сказал Наполеон), «Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились». Поэтому они так быстро восстановили большинство нации против себя и в пользу Наполеона.

Да, народные массы Франции, в особенности крестьяне и солдаты, к началу 1815 г. уже так возненавидели Бурбонов, что буквально жаждали возвращения Наполеона. Современники вспоминали: «Не проходило, кажется, дня без того, чтобы в казармах не раздавались

---

[1] История XIX века. Т. 2. С. 234.
[2] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 226.
[3] История XIX века. Т. 2. С. 234.

крики: “Да здравствует император!”»[1]. А деревни полнились слухами о том, что Бурбоны уже начали возвращать помещикам земли, дарованные крестьянству революцией и закрепленные за ним Наполеоном. Проклиная Бурбонов, крестьяне взывали к Наполеону. «“Где он? Когда он снова явится?” Этот вопрос встал в казарме и в деревне раньше, чем где бы то ни было в других слоях населения»[2]. Да и столичный люд все больше презирал Бурбонов. «Во время траурного шествия в день казни Людовика XVI из толпы раздавались крики, как в былые времена: “На фонарь!”, а любимая забава парижан заключалась в том, чтобы, привязав белую кокарду к хвосту собаки, гонять несчастное животное по улицам столицы, швыряя в него камнями и палками»[3].

В сравнении с Бурбонами Наполеон воспринимался французами как Мессия. Вот поразительный факт. «Старую египтянку роялисты в Марселе заставляли кричать: “Виват король!” Но она не хотела – кричала: “Виват император!” Ее повалили ударами штыка в живот. Она приподнялась и, держа обеими руками выпадавшие внутренности, крикнула: “Виват император!” Ее бросили в вонючую воду старого порта; и утопая, в последний раз вынырнув, она крикнула: “Виват император!”». Комментируя этот факт (из книги Анри Гуссэ), Д. С. Мережковский заметил: «Да, люди так никого не любили, так не умирали ни за кого вот уже две тысячи лет»[4].

Между тем Талейран успел решить первую из главных своих задач. С ловкостью фокусника он не только рассорил союзников, изощренно выпячивая и обыгрывая любые (территориальные, идейные, личные) разногласия между ними, но и стравил их друг с другом в соотношении «двое на двоих», а именно Англия и Австрия против России и Пруссии. Королевская Франция, естественно, приняла сторону первых двух, чтобы ослабить ведущую роль России и лично Александра I в Европе. 3 января 1815 г. Каслри, Меттерних и Талейран подписали в кулуарах Венского конгресса секретнейшую конвенцию, согласно которой Англия, Австрия и Франция обязались выставить против России и Пруссии по 150 тыс. солдат. Главнокомандующий войсками трех держав князь К. Ф. Шварценберг уже начертал план военных действий, которые решено было от-

---

[1] Там же. С. 228.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 454.

[3] Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 84; Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона. М., 1997. Т. 2. С. 567.

[4] Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 13.

крыть к концу марта[1]. Александр I так и не смог проникнуть в тайну столь удручающего для него предательского сговора «братьев»-союзников – не помогла ему в этом даже его любовная связь с «интимной подругой» Меттерниха княгиней Багратион.

В такой ситуации, когда три союзные державы готовы были ощетиниться штыками против двух остальных, 7 марта 1815 г. хозяева и гости Венского конгресса развлекались на очередном балу. В разгаре веселья среди танцующих вдруг началась паника. Засуетились государи, царедворцы, дипломаты и генералы. На Фридриха Вильгельма III было жалко смотреть. «У императора Александра, – вспоминала очевидица, графиня Э. Бернсторф, – лицо сделалось желтым, как лимон»[2]. Только что примчавшийся курьер привез невероятную, как все ее восприняли, весть: Наполеон покинул Эльбу и высадился во Франции!

3. Прощание с Эльбой

Побег Наполеона из его миниимперии с целью вернуть себе Францию стал мировой сенсацией не только для современников, но и для историков, иные из которых доныне считают: «Это была самая сумасшедшая авантюра из всех, которые только можно себе представить»[3]. Так могло показаться каждому в 1815 г. и представляется сегодня, если те, кто именно так себе представляют марш-бросок Наполеона с Эльбы во Францию, не учитывают или просто не знают одной из главных особенностей характера императора – его умения дерзать. Да, он смертельно рисковал, отплывая с Эльбы, но не меньший и даже еще больший риск он допускал и преодолевал на пути в Египет и обратно в 1798–1799 гг. или на Березине в 1812 г. Всякий раз, рискуя (казалось, безнадежно), он, во-первых, верил в свою звезду, а главное, с аналитической точностью рассчитывал свои возможности. Так и теперь, в феврале 1815 г. на Эльбе он сопоставил неприятие Бурбонов во Франции и распри внутри шестой коалиции, усмотрел в этом для себя шанс к возвращению на политическую авансцену (из эльбского задворья) и принял дерзкое решение: вернуть себе трон. Ему шел сорок шестой год, и он был полон сил, энергии, замыслов. Эльба была слишком мала для реализации его потенциала и пла-

---

[1] См.: Шильдер Н. К. Цит. соч. Т. 3. С. 301; Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947. Т. 1. С. 64.

[2] Венский конгресс по рассказам графини Элизы фон Бернсторф // Русская старина. 1898. № 3. С. 495.

[3] Дерделфилд Р. Цит. соч. С. 376.

нов. Масштаб его личности требовал по меньшей мере европейского, если не мирового простора, где он мог развернуться во всю свою мощь. Поэтому 11 месяцев эльбского «царствования» стали для него, по оригинальному выражению М. Франчески и Б. Вейдера, всего лишь «сюрреалистической[1] паузой»...[2]

23 февраля Наполеон объявил о своем решении «маме Летиции». Их разговор запечатлен (с использованием фрагментов воспоминаний самой Летиции) в различных исследованиях; наиболее подробно и выразительно – в книге Е. В. Тарле. «“Я не могу умереть на этом острове и кончить свое поприще в покое, который был бы недостоин меня, – сказал он ей. – Армия меня желает. Все заставляет меня надеяться, что, увидев меня, армия поспешит ко мне. Конечно, я могу встретиться с офицером, который верен Бурбонам, который остановит порыв войска, и тогда я буду кончен в несколько часов. Этот конец лучше, чем прозябание на острове... Я хочу отправиться и еще раз попытать счастья (вот она – вера Наполеона в его звезду! – *Н. Т.*). Каково ваше мнение, мама?” Летиция была так потрясена неожиданным вопросом, что не могла сразу ответить: “Позволь мне быть минутку матерью, я тебе отвечу после”. И после долгого молчания ответила: “Отправляйся, сын мой, и следуй своему назначению. Может быть, тебя постигнет неудача и сейчас же последует твоя смерть. Но ты не можешь здесь оставаться, я это вижу со скорбью. Будем надеяться, что Бог, который сохранял тебя в стольких сражениях, еще раз сохранит тебя”. Она крепко обняла сына, сказав это»[3].

Сразу после разговора с матерью Наполеон пригласил к себе генералов – Бертрана, Друо и Камбронна, с которыми поделился своими планами; он дал им подробные инструкции, чтобы все было готово для отплытия с Эльбы к 26 февраля. «Он ехал не завоевывать Францию оружием, – читаем о его планах у Е. В. Тарле, – а просто намерен был <...> объявить о своих целях и потребовать себе обратно императорский престол. Так велика была его вера в обаяние своего имени; ему казалось, что страна должна была сразу, без боя, без сопротивления, пасть к его ногам (мы увидим, что так и будет. –

---

[1] Сюрреалистическая (от фр. surréalisme – сверхреальность): здесь ирреальная, подсознательная.

[2] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 223. Попытка Доминика де Вильпена доказать, что Наполеон бежал с Эльбы из-за «постоянного страха» за свою жизнь, буквально «терзаемый страхом» (на с. 117–118 его книги «Сто дней» в русском издании 2003 г. слово «страх» применительно к Наполеону повторяется 8 раз!), – эта попытка выглядит просто смешной.

[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 456–457. См. также: Кастело А. Наполеон. С. 499; Кронин В. Цит. соч. С. 481; Людвиг Э. Цит. соч. С. 427; Сьюард Д. Цит. соч. С. 331–332.

Н. Т.). Следовательно, отсутствие у него вооруженных сил не могло стать препятствием. А для того, чтобы его не могли арестовать и прикончить раньше, чем кто-нибудь узнает о его прибытии, и раньше, чем хоть один настоящий солдат его увидит, у Наполеона под рукой были люди»[1].

Численность этих людей, по совокупности данных из авторитетных исследований (Е. В. Тарле и А. З. Манфреда, Х. Беллока и Д. С. Мережковского), составляла 1100–1150 человек. Наиболее подробные вычисления сделал Винсент Кронин: 650 офицеров и солдат Старой гвардии, 108 польских улан, 300 добровольцев с Эльбы и Корсики, 50 жандармов; итого – 1108 бойцов[2].

25 февраля, накануне отъезда, Наполеон принял доверенейших лиц из гражданской администрации острова и объявил им, что завтра отплывает во Францию (без объяснений, для чего и надолго ли) и назначает губернатором Эльбы полковника местной Национальной гвардии Лапи с присвоением ему генеральского звания. «Я оставляю вам мать и сестру, – сказал он, заканчивая прием. – Могу ли я проявить большее доверие вам?»[3]

Тем временем спешно готовились к отплытию пять судов – бриг «Непостоянный» с 26 пушками на борту (тот самый, на котором Наполеон не захотел плыть к Эльбе), пассажирские фелюги (парусники) «Каролина», «Звезда», «Святой дух» и «Святой Иосиф», а также две большие шлюпки, нагруженные всевозможными припасами[4]. Во второй половине дня 26 февраля началась экстренная посадка на суда миниармии Наполеона. Солдаты «понятия не имели о том, куда собираются их везти, ни одного слова им раньше не было сказано, но, конечно, еще до начала посадки они догадывались и с восторгом приветствовали императора, когда он появился в порту»[5]. По воспоминаниям командира польских улан полковника П. Жермановского, которые использовал Стендаль, «переходя с берега на корабли, старые гренадеры кричали: “Париж или смерть!”»[6].

Перед отъездом в порт Наполеон простился с матерью и сестрой. Л.-Ж. Маршан не мог забыть трогательной сцены, когда Летиция и Полина, «охваченные страхом и надеждой, никак не могли выпу-

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 457.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 482.

[3] Кастело А. Наполеон. С. 500; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 176–177.

[4] См.: Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 139; Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 99.

[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 458.

[6] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 139.

стить императора из своих объятий»[1]. «Мама Летиция» неутешно рыдала, а Полина, кружевной платок которой промок от ее слез, была близка к обмороку. Она, кстати, вручила Маршану для императора свое бриллиантовое колье ценностью в 500 тыс. франков. Когда она сказала Маршану «прощай», он возразил: «Ваше высочество, я надеюсь, что это только "до свидания"». «Думаю, что нет», – произнесла Полина сквозь слезы. «Какое-то скрытое предчувствие, – вспоминал Маршан, – подсказывало ей, что она никогда больше не увидит императора»[2].

Обе женщины – «мама Летиция» и сестра Полина, которых Наполеон любил больше всех своих родственников, – задержались на Эльбе ненадолго. Экспансивная Полина уже 3 марта бежала с острова на фелюге с помощью и в сопровождении какого-то галантного французского офицера и до осени оставалась в Тоскане, где облюбовала себе виллу, принадлежавшую ранее ее сестре Элизе. Когда же в начале апреля и Летиция прибыла сначала в Неаполь на линкоре (!) «Джоакино», который прислала за ней Каролина, а затем в Рим, Полина тоже обосновалась в Риме[3].

Все это будет. А пока, к вечеру 26 февраля, толпы народа заполнили улицы Портоферрайо. Люди шли и шли к гавани с возгласами «Да здравствует император!», чтобы проводить Наполеона и пожелать ему счастливого пути. На площади перед Морскими воротами Наполеон вышел из кареты, остановился перед скопившейся здесь массой островитян, которые без устали, надрывно приветствовали его, властным жестом руки заставил их смолкнуть и обратился к ним с прощальным словом: «Эльбийцы! Я хвалю вас за ваше поведение. В то время, когда поливали меня грязью, повергая сердце мое в печаль, вы проявили ко мне любовь и преданность. За это я благодарен вам и всегда буду хранить о вас самые добрые воспоминания. Прощайте! Я вас очень люблю!»[4] С этими словами император поднялся на борт брига. Тут же «люди на борту судна затянули "Марсельезу", которую затем подхватили горожане, столпившиеся на пристани»[5].

Вскоре после 19 часов, когда уже стемнело, в тот воскресный день 26 февраля 1815 г. флотилия «императора и суверена» Эльбы при

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 177.

[2] См.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 458; Кронин В. Цит. соч. С. 482; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 177.

[3] См.: Сьюард Д. Цит. соч. С. 332–333; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 179; Dictionnaire Napoléon. Fayard, 1999. T. 2. P. 485.

[4] Цит. по: Кастело А. Наполеон. С. 501.

[5] Сьюард Д. Цит. соч. С. 332.

попутном ветре отплыла на север. Путь ей освещала своевременно округлившаяся на небосводе полная луна. Могло показаться, что у императора и его миниатюрной армии впереди спокойный и безопасный, как небо в полнолуние, воистину *светлый путь*. Но так ли казалось тогда Наполеону? Нет, он знал, что ему и его людям грозит смертельная опасность: что-то он предусмотрел и уже миновал, а на что-то рассчитывал или просто надеялся избежать.

Главная опасность заключалась, конечно, в той бдительной слежке, которую вел за Наполеоном и его окружением английский комиссар сэр Кемпбелл. Но 17 февраля комиссар уехал во Флоренцию – по одной версии, «показаться врачу, поскольку обнаружил у себя признаки начинающейся глухоты»[6], а по другой – на рандеву «к своей возлюбленной графине»[7]. Во всяком случае, он уведомил Наполеона, что вернется на Эльбу 28 февраля, и Наполеон решил воспользоваться его отсутствием для побега, что он и сделал.

Беглецам грозила и другая опасность: вокруг Эльбы для наблюдения за островом денно и нощно кружили английские и французские королевские военные фрегаты. Зная об этом, Наполеон держал в уме наготове двойной вариант: проскочить, незаметно или обманом, мимо неприятельских судов (как это ему удавалось перед началом и в конце Египетской экспедиции), а в крайнем случае – атаковать фрегаты Бурбонов. «По правде сказать, – вспоминал полковник Жермановский, – мы полагали, что они охотнее присоединятся к флотилии императора, чем станут сражаться против него; но какой-нибудь офицер-роялист, мало-мальски решительный, мог повелеть дать залп из орудий и увлечь за собой экипаж»[8]. К счастью для флотилии, Наполеон сумел направить ход событий по первому из двух его вариантов. Вот как это было.

На следующий день, примерно в 16 часов, Наполеон увидел в подзорную трубу, что издалека навстречу его флотилии идут три военных корабля, два из которых вскоре повернули влево и вправо, а третий, бриг под названием «Зефир», направился прямо к «Непостоянному». Наполеон приказал своим гренадерам снять их знаменитые (очень высокие) медвежьи шапки и лечь плашмя на палубу. Далее цитирую воспоминания П. Жермановского в переводе Стендаля: «Император намеревался взять бриг на абордаж. Но это было крайним средством, к которому он решил прибегнуть только в том случае, если королевское судно не согласится пропустить “Inconstanst” («Непостоянный». – *Н. Т.*) без осмотра. “Zéphir” под бе-

[6] Кронин В. Цит. соч. С. 480.
[7] Кастело А. Наполеон. С. 493.
[8] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 140.

лым флагом на всех парусах несся к "Inconstanst". Когда лейтенант Тальяд с "Inconstanst" приветственно окликнул капитана "Zéphir" Андрие, с которым он был в приятельских отношениях, тот, ответив на приветствие, только спросил, куда направляется "Inconstanst". "В Геную", – ответил Тальяд и прибавил, что с удовольствием исполнит поручения Андрие, если таковые у него имеются. Андрие сказал, что ему в Генуе ничего не нужно, и напоследок прокричал в рупор: "Как себя чувствует император?" Наполеон сам ответил: "Превосходно!" – и корабли разошлись»[1].

Это был самый критический момент за все время исторического рейса флотилии Наполеона от Эльбы до Франции. Он мог стать еще более критическим, если бы не вмешалась та, кого Наполеон в шутку называл своей любовницей (ее и власть!), – *фортуна*. Дело в том, что Нейл Кемпбелл возвращался на Эльбу не 28-го, как он предполагал заранее, а 27 февраля. Но его фрегат «Партридж» из-за безветрия простоял несколько часов перед островом. Тогда-то солнце, поднимавшееся над горизонтом, помешало английским морякам заметить проскользнувшую мимо них вдалеке флотилию Наполеона. Когда же «Партридж» вошел в гавань Портоферрайо, Кемпбелл сразу к ужасу своему сразу понял, что произошло: бриг «Непостоянный» в порту не оказалось, а у Морских ворот дежурили вместо наполеоновских гренадеров солдаты местной Национальной гвардии. Кемпбелл начал было расспрашивать Летицию и Полину, но обе женщины в один голос заявили, что они ничего не знают, кроме того что Наполеон зачем-то «отправился к берегам Африки». Кемпбелл в байку об Африке не поверил и пустился в погоню за беглецами к берегам Франции, но догнать их уже не смог[2].

О том, как флотилия Наполеона прошла последние два дня своего пути с Эльбы, подробно рассказано в воспоминаниях очевидцев – камердинера Л.-Ж. Маршана и полковника П. Жермановского. Только на рассвете 28 февраля, когда вдали обрисовалось побережье Прованса, «ворчуны» императора стали соображать, что они плывут напрямик во Францию. «До той минуты, – свидетельствовал Жермановский, – почти все, кто находился на судах флотилии, думали, что они держат курс на Неаполь (чтобы там соединиться с Мюратом. – *Н. Т.*). Солдаты много раз спрашивали об этом офицеров, а те сами задавали вопросы императору, который в ответ

---

[1] Там же. Менее подробно о том же: Кастело А. Наполеон. С. 502; Кронин В. Цит. соч. С. 482; Дерделфилд Р. Цит. соч. С. 376; Тарле Е. В. Наполеон. С. 458.

[2] См.: Кастело А. Наполеон. С. 501–502; Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 401.

упорно молчал. Теперь он сказал с улыбкой: “Мы держим курс на Францию!”»[1].

Тем же утром, 28 февраля, Наполеон продиктовал в своей каюте «двум-трем адъютантам» воззвания «К французскому народу» и «К армии», которые он датировал 1 марта. Их полный текст воспроизведен в мемуарах Маршана. Цитирую оба воззвания с некоторыми сокращениями.

Текст воззвания «К французскому народу» гласил: «Французы! Дезертирство герцога Кастильоне (Ожеро) уступило Лион нашим врагам. Армия, которую я вверил ему, была в состоянии разгромить австрийские корпуса, противостоявшие ей, и обрушиться на тыл армии союзников, угрожавшей Парижу. Победы при Шампобере, Монмирайле, Шато-Тьерри, Вошане, Мормане, Монтеро, Краоне, Реймсе, Арси-сюр-Об и Сен-Дизье; восстания отважных крестьян в Лорьяне, Шампани, Эльзасе, Франш-Конте и Бургундии; позиция, которую я занял в тылу вражеской армии, отрезав ее от резервов и складов, – все это поставило наших врагов в отчаянное положение. Никогда французы не были так близки к тому, чтобы стать столь могущественными, а их внешние враги – беспомощными; они нашли бы свою гибель <...>, если бы не измена герцога Рагузского (Мармона) <...>. Неожиданные поступки этих двух герцогов, которые предали свою родину и своего императора, изменили исход войны.

<...>. Монарх, который теперь правит вами, уселся на мой трон благодаря тем же армиям, что так разорили нашу землю. Он будет стремиться укрепить свое положение с помощью и ради прав феодалов <...>. Французы! В изгнании услышал я ваши жалобы и ваши желания. Вы требуете правительство по собственному выбору – только такое и является законным <...>. Я прибыл к вам, чтобы снова овладеть своими правами, которые вместе с тем – и ваши права»[2].

Второе воззвание («К армии»), естественно, перекликалось с первым: «Солдаты! Мы остались непобежденными. Двое людей из наших рядов предали нашу славу, свою страну, своего монарха и благодетеля. <...>. Ваши земли, ваше положение, ваша слава и слава ваших детей теперь не имеют бóльших врагов, чем эти коронованные особы, навязанные нам иностранными державами <...>. Я с вами! Приходите и становитесь под знамена вашего вождя. Его жизнь неразрывно связана с вашей; его права суть права народа и ваши; его интересы, честь и слава – это ваши интересы, честь и слава!»[3]

---

[1] Цит. по: Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 140.

[2] Цит. по: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 185–187.

[3] Там же. С. 188–190.

Читатель видит, как подчеркнута в обоих воззваниях главная мысль: мы не побеждены, нас предали, а «коронованные особы», которых внешние враги посадили нам на шею, стремятся вернуть Францию в феодальное прошлое. Наполеон знал, что именно эти слова французский народ поймет и воспримет с готовностью восстать против Бурбонов и принять его, императора, как своего избавителя и от внутренних и от внешних врагов.

Когда текст обоих воззваний был готов, Наполеон приказал зачитать их во всеуслышание на верхней палубе своего брига. Все, кто был на судне, бурно приветствовали самого императора и все им сказанное. «Хорошо, – похвалил он их. – Теперь надо изготовить побольше копий». П. Жермановский вспоминал, что «после этого все солдаты и матросы, умевшие писать, разлеглись на палубе. Им раздали бумагу, и они вскоре представили копии в количестве, достаточном для того, чтобы распространить их в момент высадки»[1].

Вообще весь день 28 февраля до позднего вечера «офицеры, солдаты и матросы непрерывно толпились вокруг Наполеона, который мало спал и почти безотлучно находился на палубе. Они лежали, сидели, стояли, непринужденно расхаживали вокруг него, стремясь поговорить с ним; они забрасывали его вопросами, на которые он отвечал, не высказывая ни малейшего раздражения, хотя некоторые из этих вопросов были в достаточной мере нескромными. Они хотели знать его мнение о многих значительных лицах, еще живых, о королях, маршалах, министрах прошлых лет»[2]. Наполеон был с ними прост и откровенен: он умел и удовлетворить их любопытство к конкретным лицам или фактическим деталям, и объяснить им ключевые положения своей военной или политической доктрины. Так, он всерьез заговорил с ними о смысле и особенностях понимания воинской повинности: «Придет время, когда девушки будут отвергать мужчину, который не выполнил долг по отношению к своей родине. Воинская повинность достигнет своего пика, когда она не будет считаться обязанностью, а станет делом чести, когда призывнику будут завидовать все без исключения; именно тогда нация станет великой, достойной славы и сильной»[3]. А вот как – скорее с грустной, чем с веселой улыбкой, – представил он солдатам и матросам своих генералов: «Среди них нет ни одного, возможности которого я не знал бы досконально; у некоторых из них потенциал доходит до пояса (импе-

[1] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 141. О том же: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 190.

[2] Стендаль. Цит. соч. Т. 14. С. 141.

[3] Цит. по: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 184.

ратор при этом указал на свой пояс), у других доходит до плеч, но тех, у кого он выше, крайне мало»[1].

Перед самой высадкой на французский берег Наполеон продиктовал еще одно воззвание – от солдат, офицеров и генералов его гвардии к их собратьям по оружию на родине: «Солдаты и товарищи! Мы спасли для вас вашего императора, несмотря на многочисленные западни, расставленные на его пути; мы доставили его вам обратно. <...>. За несколько месяцев правления Бурбоны убедили вас в том, что они *ничего не забыли и ничему не научились* <...>. Идите с нами! Барабаны бьют! Мы на марше! Спешите взять в руки оружие, присоединяйтесь к нам, к вашему императору, становитесь под наши трехцветные знамена!»[2]

С восходом солнца в среду 1 марта 1815 г. миниэскадра Наполеона причалила к французскому берегу в бухте Жуан, близ города и порта Антиб, основанного еще в IV веке до н. э. Экипаж всех судов высыпал на палубы. «Ворчуны» Старой гвардии с волнением искали глазами еще не проснувшихся обывателей. Первым встретил их радостными криками какой-то крестьянин. «Ну, вот и подкрепление!» – воскликнул Наполеон[3].

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 185.

[2] Там же.

[3] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 6. С. 369.

Глава VI
СТО ДНЕЙ

Падение его было грандиозным, под стать
его славе. Перед тем и другим немеет мысль.
Шарль де Голль о Наполеоне

1. Полет орла

Называю этот параграф, следуя устоявшейся исторической традиции. Именно так – «полет орла!» – восприняли современники и запечатлели не только в тексте, но даже в названии глав своих трудов историки разных стран (среди них – и французы, и россияне[1]) двадцатидневный марш Наполеона от бухты Жуан к Парижу. В самом деле, этот фантастический марш с 1 по 20 марта 1815 г. показался современникам и кажется доныне, по выражению одного из героев Оноре Бальзака, «самым большим из божьих чудес»; ведь такого не было в мировой истории никогда – ни раньше, ни позже: безоружный человек во главе горстки людей, не сделав ни одного выстрела, «только шляпой помахав», за 20 дней положил к своим ногам великую державу[2].

Бальзаку, соотечественнику Наполеона, вторил другой гений – из страны, которая была главным врагом и губителем императора, – Джордж Гордон Байрон:

---

[1] См.: История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1906. Т. 2. С. 234; Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 504; Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «Спасителе». М., 1996. С. 351; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 236; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1987. С. 674; Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 489.

[2] Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 17. С. 156.

Прямо с Эльбы в Лион! Города забирая,
Подошел он, гуляя, к парижским стенам –
Перед дамами вежливо шляпу снимая
И давая по шапке врагам![1]

Посмотрим, как все это было. Наполеон избрал для своего марша кратчайший путь через Канн[2] и Гренобль к Лиону – второму после Парижа городу Франции, который французы привыкли считать «второй столицей» империи. В Лионе с традиционно бонапартистским настроением его горожан император рассчитывал обрести надежную поддержку для решающего продвижения к Парижу. При этом с самого начала он ориентировался на *бескровное* изгнание Бурбонов с французского (стало быть, его *императорского*) трона. Отправляя командира своих «ворчунов» П. Ж. Камбронна в Канн с заданием «перехватить всех курьеров и скупить лошадей и мулов, которых Камбронн мог бы найти», Наполеон доверительно сказал ему: «Я даю тебе авангард моей прекрасной кампании. Тебе не придется сделать ни единого выстрела. Запомни, что я хочу вернуть свою корону, не пролив при этом ни капли крови»[3].

В ночь с 1 на 2 марта Наполеон со своим «войском» благополучно миновал Канн. «На его пути почти никто не встретился, – вспоминал о той ночи Маршан, – хотя в некоторых домах окна были раскрыты и освещены; мы услышали несколько возгласов: “Да здравствует император!”»[4]. 2 марта в г. Грасс Наполеона встречали уже почти все местные жители с теми же возгласами. Королевских солдат в этом городе не было. Здесь впервые были отпечатаны прокламации с текстом наполеоновских воззваний, которые и «ворчуны» императора, и жители местных городов и деревень распространяли везде и всяко.

Из Грасса, чтобы как можно скорее выйти на прямую дорогу к Греноблю, нужно было преодолеть по снегу и льду горный перевал Вальферрьер высотой в 1150 м над уровнем моря и скалистое ущелье Тулан. Жители Грасса вызвались помочь Наполеону в качестве гидов. После изнурительного 46-километрового перехода по обледенелым горным тропам 4 марта «орлы» Наполеона во главе с ним самим спустились на дорогу, которая вела в Гренобль. Только теперь они

---

[1] Байрон Д. Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 2. С. 80.

[2] Канн (Канны, Cannes) – ныне всемирно знаменитый курорт и (с 1946 г.) место проведения самых престижных международных кинофестивалей.

[3] Цит. по: Маршан Л.-Ж. Годы изгнания: Мемуары. М., 2003. С. 197 (из показаний Камбронна во время суда над ним после второй Реставрации Бурбонов).

[4] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 197.

узнали, что лишь это «скалолазанье» и позволило им миновать подстерегавшую их опасность. Выяснилось, что маршал А. Массена, присягнувший Бурбонам (теперь он командовал войсками Людовика XVIII на юге Франции), узнав о высадке Наполеона в бухте Жуан, приказал генералу А. Ф. Миоллису – тоже из бывших соратников императора – остановить и обезоружить отряд «узурпатора». «Крупное войсковое соединение генерала Миоллиса пошло наперерез отряду Наполеона, – читаем у А. З. Манфреда. – Но случилось так, что отряд Наполеона оказался впереди войск Миоллиса; поставленная задача не была выполнена. Современники терялись в догадках: то ли наполеоновский отряд шел очень быстро, то ли полки генерала Миоллиса шли слишком медленно, и если это так, то в чем причина? Но, так или иначе, они не встретились на пути, и Наполеон со своими солдатами беспрепятственно дошел до Гренобля»[1].

Думается, весь секрет несостоявшегося «свидания» Миоллиса с Наполеоном кроется в том, что Миоллис шел наперерез Наполеону *внизу*, а Наполеон прошел над ним *поверху*. Путь на Гренобль перед императором был открыт, но именно на этом пути, у с. Лаффре, 7 марта он пережил самый опасный, критический момент за все время своего триумфального «полета» от Эльбы до Парижа. Здесь его встретили готовые к бою королевские войска – батальон 5-го линейного полка с артиллерией и саперами под командованием майора Делессара, заместителем которого был капитан Рандон – адъютант генерала Маршана и, по данным А. Кастело, будущий маршал Франции[2]. Их направил сюда из Гренобля в качестве своего авангарда начальник гренобльского гарнизона генерал граф Жан Габриэль Маршан (однофамилец, но не родственник Луи-Жозефа Маршана) – в прошлом герой Фридланда и Бородина. Получив приказ короля защитить Гренобль от «бандитов Бонапарта», Маршан сосредоточил в городе три полка пехоты плюс артиллерийский, саперный и гусарский полки, общей численностью более 5 тыс. человек. Боевой дух его солдат показался ему «сомнительным». Поэтому он на всякий случай занялся укреплением оборонительных фортов города.

Между тем отряд Наполеона пошел на сближение с авангардом Маршана. Небольшой оркестр «ворчунов» играл «Марсельезу». Император шагал впереди всех, за ним – Друо, Камбронн и Бертран. Вот они уже в опасной близости от королевских солдат, которые держат ружья наперевес, нервно ожидая команду «огонь». Наполеон приказывает своим солдатам опустить их ружья дулами вниз. Еще

[1] Манфред А. З. Указ. соч. С. 671.
[2] См.: Кастело А. Указ. соч. С. 515.

через несколько шагов император жестом руки останавливает свой отряд и дальше идет под пули роялистов один, безоружный.

– Вот он! Пли! – вне себя от страха и ярости скомандовал капитан Рандон. Его солдаты оторопели: у них подкашивались ноги, а ружья в судорожно сжатых ладонях дрожали. Ни один из них не осмелился выстрелить.

Наполеон подошел к ним вплотную. Голос его прозвучал в мертвой тишине так же звонко, твердо и спокойно, как звучал всегда на парадах: «Солдаты! Вы узнаете меня?» Ответом было разноголосое: «Да... да...» Наполеон расстегнул сюртук: «Кто из вас хочет стрелять в своего императора? Стреляйте!» Того, что за этим последовало, очевидцы не могли забыть до конца своих дней. Королевские солдаты, расстроив фронт, бросились к Наполеону с громовым, полным ликования, кличем: «Да здравствует император!» Они окружили Наполеона тесной толпой, «целовали его руки, его колени, плакали от восторга и вели себя как бы в припадке массового помешательства»[1]. «В эту минуту, – заключает Д. С. Мережковский, – он для них, в самом деле, "воскресший Мессия"»[2]. Капитан Рандон в ужасе от такого «помешательства» вскочил на коня и был таков, а «майор Делессар, униженный, в полном отчаянии, отдал саблю императору, который его обнял, чтобы успокоить»[3].

Великий Стендаль – современник, боевой соратник и биограф Наполеона – резонно воспринял жест императора 7 марта 1815 г. при Лаффре как «один из тех поступков, которые во все времена и во всех странах указывают народу, за кем надо следовать и за кого надо сражаться»[4]. Теперь на Гренобль Наполеон повел не только своих «ворчунов» и польских уланов, но и солдат Делессара. А в Гренобле генерал Маршан, храня верность Бурбонам, лихорадочно готовился к обороне. Защищать передовую линию укреплений он приказал двум линейным полкам – 7-му и 11-му. Командовал 7-м полком один из самых блестящих офицеров императорской армии, бывший адъютант маршала Ж. Ланна, 28-летний полковник Шарль-Франсуа Лабедуайер. Получив приказ Маршана, он прямо перед фронтом своих солдат вырвал из ножен саблю и воззвал к ним в присутствии генерала: «Солдаты 7-го полка! Виват император! За мной, мои храбрые товарищи! Я поведу вас вперед! Те, кто меня любит, – за

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 459. О том же: Вильпен Д., де. Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003. С. 152–153.

[2] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 235.

[3] Кастело А. Указ. соч. С. 516.

[4] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 145.

мной!»[1] «Под крики “Виват император!”, которые подхватила большая часть гарнизона, – читаем далее у Андре Кастело, – 7-й линейный пошел вперед. Проходя через городское предместье, Лабедуайер вытащил из кармана императорского орла, венчавшего когда-то его знамя, и насадил его на толстую ветку ивы – она теперь станет древком нового полкового знамени»[2]. Маршан, видя, как деморализованы его солдаты, оставшиеся в городе, не рискнул как-то (угрозами или стрельбой?) наказать отступников.

Здесь важно подчеркнуть (как это сделал Е. В. Тарле), что Лабедуайер увел за собой полк к императору, «даже еще не зная» о случившемся при Лаффре[3]. Он присоединился к Наполеону, когда до Гренобля императору оставалось пройти еще 8 км. По воспоминаниям Л.-Ж. Маршана, Наполеон принял у Лабедуайера его полковое «знамя» и, «поблагодарив молодого полковника за патриотическое мужество, обнял его[4]. 7-й линейный полк выстроился вдоль дороги, император сделал ему смотр, после чего вся колонна двинулась дальше в путь. Этот полк в составе 1800 человек удвоил императорское войско, а присоединение местных жителей – учетверило его»[5].

К концу того же необыкновенного дня 7 марта, около 19 часов, «учетверенный» отряд Наполеона достиг Гренобля. Император сразу понял, что генерал Маршан приготовился к обороне: городские ворота были заперты, а на крепостном валу города сосредоточились воины разных полков, включая 4-й артиллерийский – тот самый, в котором Наполеон 22 года назад стал капитаном. «Пушки были заряжены, фитили дымились; позади гарнизона в качестве резерва разместились солдаты Национальной гвардии»[6]. Все это, казалось бы, делало город неприступным. Но «возгласы “Да здравствует император!”, выкрикиваемые солдатами и горожанами с крепостного вала, не оставляли сомнений относительно их чувств». Мало того, «с самой вершины крепостного вала солдаты кричали, что порох гарнизонной артиллерии отсырел»[7].

---

[1] Кастело А. Указ. соч. С. 517.

[2] Там же.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 460.

[4] Мы еще встретимся с Ш.-Ф. Лабедуайером по ходу дальнейших событий, но, полагаю, уже здесь уместно сообщить читателю, что за время «Ста дней» Наполеона он станет генералом, графом и пэром Франции, отличится в битве при Ватерлоо, а после возвращения Бурбонов будет арестован, осужден и 19 августа 1815 г. расстрелян. Подробно о нем см.: Вильпен Д., де. Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003. С. 153–157.

[5] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 206.

[6] Стендаль. Цит. соч. С. 146; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 206.

[7] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 206–207.

Наполеон потребовал от генерала Маршана открыть городские ворота. Генерал запросил сутки на раздумье. Тем временем, не считаясь с раздумьем генерала, более чем двухтысячная толпа крестьян и ремесленников из предместий Гренобля, вооруженная топорами, вилами, старинными мушкетами, пришла в движение. Рабочие-тележники приволокли громадное дубовое бревно, готовясь высадить им городские ворота. Наполеон вместе с Лабедуайером подошел вплотную к крепостному валу. Оттуда выглядывал офицер с группой солдат. «Приказываю вам открыть ворота!» – обратился император к офицеру. Тот ответил: «Я исполняю приказы только своего генерала». Тогда эмоциональный Лабедуайер прокричал, обращаясь к солдатам: «Сорвите с него эполеты!»[1] В ту же минуту тележники двумя-тремя ударами своего бревна снесли ворота.

Когда Наполеон во главе своей гвардии, сопровождаемый толпами крестьян и ремесленников, въезжал в город, его радостно приветствовали собравшиеся отовсюду на встречу с ним массы горожан. Размахивая факелами (в городе уже стемнело), они истошно скандировали три лозунга: «Виват император! Виват свобода! Долой Бурбонов!»[2] Весь гарнизон города бросил свои посты и присоединился к ликующему народу. Только генерал Маршан с горсткой закоренелых роялистов поспешно бежал из Гренобля – черным ходом, через задние ворота.

Как только Наполеон добрался до гостиницы «Три дофина», перед гостиничным балконом появилась группа рабочих с многопудовыми обломками городских ворот. Услышав их призывный шум, император предстал перед ними на балконе. Рабочие, обращаясь к нему, как к своему Богу, на «ты», огласили следующее заявление: «За неимением ключей от Твоего дорогого города Гренобля мы вручаем тебе его ворота»[3].

На следующий день Наполеон принял глав всех гражданских ведомств Гренобля (кроме немногих, бежавших из города)[4] и командующих всеми родами войск. На этом официальном приеме он сделал, уже как государь, ответственные заявления, два из которых произвели наибольший эффект. Во-первых, император заострил свою коронную мысль: он «пришел спасти крестьян от грозящего им со стороны

---

[1] Кастело А. Указ. соч. С. 518.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 235.

[3] История XIX века. Т. 2. С. 238.

[4] Среди тех, кто бежал от Наполеона из Гренобля, был префект города Жан Батист Фурье (1768–1830) – знаменитый ученый-математик, будущий академик, один из тех ученых, которые сопровождали Наполеона в Египетской экспедиции 1798–1799 гг.

Бурбонов восстановления феодального строя, пришел обеспечить крестьянские земли от покушений со стороны дворян-эмигрантов». Во-вторых, он «обещал полное прощение всем, кто встанет на его сторону, и утверждал, что сам же, отрекшись от престола, советовал своим приближенным служить Бурбонам и освободил их от присяги ему, императору. "Но Бурбоны показали, что они несовместимы с новой Францией"»[1].

В тот же день, 8 марта, Наполеон имел в Гренобле и два заинтересовавших его неофициальных приема. К нему в гостиницу пришел его бывший (школьный) учитель математики. Очевидец их встречи Л.-Ж. Маршан вспоминал: «Император, находившийся в своей комнате, подошел к двери, чтобы приветствовать учителя, обнял его и в течение нескольких минут беседовал с ним: тот был в восторге от полученного приема»[2]. А вот рассказ того же Маршана о другом неофициальном визите к Наполеону в Гренобле: «Графиня Маршан, супруга генерала, не покинула Гренобль вместе с мужем; она пришла к императору, чтобы сообщить ему, что ее муж не мог встать на его сторону, поскольку не хотел оказаться предателем данной им клятвы верности королю, но станет последователем дела императора, как только король оставит королевство. Император проявил по отношению к этой даме верх любезности, на которую был способен[3], заверив гостью, что он с большим удовольствием встретится с ее супругом (получившим от Наполеона и чин генерала, и титул графа. – *Н. Т.*). Сам генерал Маршан не счел удобным лично нанести визит императору»[4].

В 14 часов того же дня Наполеон устроил в Гренобле смотр войскам перед выступлением в поход на Лион. Он был приятно удивлен тем, что «накануне 6000 солдат надели на себя старые трехцветные кокарды, которые они хранили в своих ранцах на память об их прошлой славе»[5]. Главное же, теперь император вновь ощутил себя настоящим повелителем Франции. Из Гренобля к Лиону он повел 7,5 тыс. преданных ему солдат с 30 орудиями. При необходимости он уже мог бы сразиться в открытом бою с королевскими войсками, но по-прежнему верил в бескровную победу над Бурбонами, ибо считал, что «вообще никаких королевских войск во Франции нет и никогда не было, а есть войска его, наполеоновские, императорские, которым

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 460.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 207.

[3] Как тут не вспомнить строки из Д. Г. Байрона: «Перед дамами *шляпу* снимая и давая по *шапке* врагам»?

[4] Там же. С. 207–208.

[5] Там же. С. 208.

пришлось по несчастному случаю пробыть 11 месяцев под чужим белым знаменем»[1].

Вдохновляла императора и безоговорочная поддержка народных масс. На всем пути от Гренобля до Лиона «толпы крестьян, и толпы огромные, исчисляемые свидетелями в 3–4 тыс. человек, шли за Наполеоном и его войсками, стекаясь к нему, провожая его от села к селу и сменяясь в каждом новом пункте новыми толпами; одна толпа крестьян как бы передавала его другой толпе, принося припасы, предлагая всякую помощь. Толпы, меняясь в составе, не уменьшались в числе»[2]. При этом крестьяне (как, впрочем, и мастеровые из городских поселений) искали случая для любого, пусть даже мимолетного, общения с Наполеоном: «...все жаждали поговорить с ним, прикоснуться к нему или хотя бы на него взглянуть. Они карабкались на его карету, влезали на запряженных в нее лошадей, со всех сторон кидали ему фиалки и примулы. Короче говоря, Наполеон все время находился в объятиях своего народа»[3].

Между тем роялисты делали все возможное для того, чтобы не пустить Наполеона в Лион и здесь положить конец его триумфальному маршу. Возглавили оборону города прибывшие 8 марта из Парижа два будущих короля Франции – граф д'Артуа и герцог Орлеанский. Но брат Людовика XVIII, «еще больший роялист, чем сам король», как о нем говорили, настроенный и защитить Лион, и потом (по напутствию от короля) «гнаться за Бонапартом», сразу пережил в Лионе горькое разочарование. «Он с ужасом обнаруживает, сколь малочисленны имеющиеся в его распоряжении силы: вместо 30–40 тыс. солдат, обещанных Сультом[4], всего лишь гарнизон в 6 тыс. человек и одна тысяча национальных гвардейцев. Он оказывается в численном меньшинстве, тогда как всего два дня назад предполагал, что будет сражаться тридцатью против одного!»[5] Немного успокоил королевского брата маршал Ж. Э. Макдональд, который прибыл в Лион от короля 9 марта. Прикинув, что для защиты хорошо укрепленного города достаточно будет 6-тысячной дивизии генерала М. С. Брайе при поддержке Национальной гвардии, маршал распорядился срочно забаррикадировать все мосты через реки Рона и Сона (Лион стоит у слияния этих рек) и предложил графу д'Артуа

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 461.

[2] Там же.

[3] Стендаль. Цит. соч. С. 149.

[4] Маршал Н. Ж. Сульт 3 декабря 1814 г. заменил П. Дюпона на посту военного министра.

[5] Вильпен Д., де. Указ. соч. С. 174–175.

собрать все войска на смотр, дабы вдохновить их самим присутствием королевских особ.

Смотр прошел на заре 10 марта под проливным дождем и не просто разочаровал, а морально травмировал, унизил и перепугал обоих будущих королей. О том, как все это было, в тот же день расскажет Наполеону присутствовавший на смотре генерал Брайе. Едва солдаты выстроились, Макдональд представил им графа д'Артуа и герцога Орлеанского, а затем обратился к солдатам с зажигательной речью, призывая их как «истинных патриотов» к борьбе против Наполеона во имя присяги на верность Людовику XVIII. Заканчивая речь, Макдональд прокричал: «Да здравствует король!» В ответ со стороны солдат – гробовое молчание. Цитирую далее рассказ Брайе в передаче Маршана: «Граф д'Артуа остановился перед пожилым солдатом из 13-го драгунского полка, имевшим несколько шевронов[1] на рукаве мундира, и сказал ему: «Подойди сюда, мой добрый солдат, и крикни: "Да здравствует король!". – "Нет, милорд, я не могу сделать это. Мы не будем сражаться против нашего отца". Этот ответ разъяснил все. Повернувшись к генералу Брайе, стоявшему поблизости, граф д'Артуа сказал: "Теперь нет ничего, на что можно было бы надеяться"»[2]. В отчаянии д'Артуа ретировался со смотра и без промедления умчался из Лиона в Париж. Герцог Орлеанский последовал за ним.

Макдональд – по привычке, обретенной у революции и Наполеона, – остался было с солдатами, вновь и вновь пытаясь (теперь уже приватно, без маршальского гонора) уговорить их остаться верными Бурбонам. Но солдаты, как свидетельствовал очевидец, «на все, что ни говорил им маршал, отвечали: "Все это прекрасно, господин маршал, но вы, такой храбрец, должны попросту бросить Бурбонов и присоединиться к нам. Мы отведем вас к императору, он будет рад снова вас увидеть"»[3]. Когда войска Наполеона подступили к городу, Макдональд попытался все-таки повести своих солдат в бой, но (цитирую Е. В. Тарле) «едва его полки (впереди шли драгуны) увидели наполеоновских кирасир, как с криком "Да здравствует император!" бросились прямо к ним. Разом, в одну минуту, все части, бывшие в распоряжении маршала, смешались с войсками Наполеона в одну массу. Чтобы не попасть в плен к собственным солдатам, Макдональд ускакал прочь и бежал из города»[4]. Мчался он на коне

---

[1] Шеврон – золотая или серебряная нашивка, определяющая число лет сверхсрочной службы.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 210–211.

[3] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 176.

[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 464.

так быстро, что, по его признанию, «был поврежден» слишком резвым галопом своего скакуна[1].

Вот как Макдональд объяснил случившееся в донесении военному министру: «Я покинул Лион или, вернее сказать, ускользнул оттуда, после того как стал свидетелем отложения всего гарнизона, который перешел под знамена Наполеона с кликами "Да здравствует император!", кликами, которые подхватывались от предместья Гильотьер до лионской набережной массою народа, толпившегося на обоих берегах Роны»[2].

Да, именно так – не только весь гарнизон Лиона, но и все жители города с энтузиазмом перешли от Бурбонов к Наполеону. Император вступил в Лион 10 марта – как и ранее в Гренобль, около 19 часов. Его встречали местные офицеры и генералы всех рангов, включая Брайе, который занимал должность командующего Лионским военным округом. Но с наибольшим воодушевлением приветствовали императора жители города. Л.-Ж. Маршан вспоминал: «Невозможно представить себе всю эту толпу людей, включая детей и стариков, бегущих на мосты и набережные с риском быть при этом задавленными. Каждый хотел видеть *его*, слышать *его*, быть уверенным в том, что это действительно он, а не какая-то иллюзия»[3]. «Все мосты, набережные, все улицы были полны людей, мужчин, женщин, стариков и детей, – вторит Маршану другой очевидец, П. А. Э. Флери де Шабулон, следовавший в свите за Наполеоном. – Царило чистейшее безумие. Непрерывные оглушительные крики "Да здравствует император!" часами гремели вокруг»[4]. Когда Наполеон занял апартаменты местного архиепископа, все трое суток, пока он оставался в Лионе, под окнами его резиденции стояла, не расходясь, 20-тысячная (!) толпа горожан, оглашая (а может быть, и оглушая?) целые кварталы раскатами своего приветственного грома»[5]. «Как ни была велика самоуверенность Наполеона, – комментирует эти сцены Е. В. Тарле, – но подобных неслыханных триумфов он, судя по вырвавшимся у него словам, все-таки не ожидал»[6].

По отношению к роялистам народ в Лионе проявил больше ненависти и агрессии, чем где-либо раньше, включая Гренобль. Вот что писал Анри Гуссе в одной из глав знаменитой «Истории XIX века» под редакцией Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо: «Рабочие оста-

---

[1] Кастело А. Цит. соч. С. 520.
[2] Цит. по: История XIX века. Т. 2. С. 238.
[3] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 213.
[4] Цит. по: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 464.
[5] См.: Las-Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 3. P. 467.
[6] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 464.

навливались перед домами роялистов и камнями выбивали окна. На площади Белькур разгромлено было кафе Бурбон, известное, как место сборищ эмигрантов <...>. Крики "Да здравствует император!" перемешивались с такими возгласами: "Смерть роялистам! На эшафот Бурбонов!" "Можно было подумать, что мы опять накануне 1793 года", – говорил один офицер»[1].

11 марта Наполеон принял на той самой площади Белькур (главной в Лионе) парад войск местного гарнизона. «Его Величество, – вспоминал Л.-Ж. Маршан, – с удовольствием вновь посетил эту площадь, которую он 15 лет назад восстановил из руин, заложив первый камень»[2]. В тот же день император принимал в своей резиденции глав муниципальной власти, промышленных корпораций и Национальной гвардии, а 13-го подписал несколько исторических декретов. Главный из них – о низложении с французского трона Бурбонов – ставил режим феодальной Реставрации вне закона. Ряд других декретов отменял Хартию Людовика XVIII, белое знамя (восстанавливалось трехцветное), дворянские титулы и все награждения орденом Почетного легиона от имени короля, смещал всех офицеров, генералов и судей, назначенных Бурбонами, и объявлял подлежащими изгнанию всех эмигрантов, возвратившихся после апреля 1814 г.[3] Таким образом, в Лионе Наполеон формально уже восстанавливал свою власть над страной. Местным властям он заявил: «Я пришел, чтобы защитить и отстоять ценности, рожденные революцией <...>. В отличие от Людовика XVIII я не хочу даровать хартию, которую можно отнять. Хочу дать Франции нерушимую конституцию, которая была бы деянием народа и моим»[4].

13 марта Наполеон выступил из Лиона в поход на Париж. Текст его прощального обращения к жителям города заканчивался фразой, которая растрогала их: «Народ Лиона, я люблю тебя!»[5] Дальше все пошло, как в сказке. К Парижу император повел уже, по данным Д. Вильпена, «почти 20 тыс.» солдат[6]. В следующие два дня к ним присоединились 40 тыс. крестьян, собравшихся из соседних деревень[7]. 16 марта первый секретарь русской миссии в Париже П. С. Бутягин с тревогой сообщал в Петербург: «Наполеон движется

---

[1] История XIX века. Т. 2. С. 238.
[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 214.
[3] См.: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 178; История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 174.
[4] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 179.
[5] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 215.
[6] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 177.
[7] История Франции. Т. 2. С. 174.

на Париж с революционными факелами, на его стороне низы народа и армия»[1]. Именно в тот день на цоколе Вандомской колонны появился большой, написанный от руки плакат: «Наполеон – Людовику XVIII. Король, брат мой, не посылай мне больше солдат, их у меня достаточно!»[2]

Обратимся теперь к тому, как чувствовали и вели себя тогда в Париже роялисты, королевский двор и лично сам Людовик XVIII. Поначалу король, как только узнал о высадке Наполеона в бухте Жуан, петушился в полной уверенности, что авантюра Бонапарта обречена на мгновенный провал. 6 марта он обнародовал «Королевский ордонанс», который вскоре же станет темой для антироялистских анекдотов. В четырех статьях ордонанса Наполеон был объявлен «изменником и бунтовщиком»: «Всем губернаторам, военным командирам, национальной гвардии, гражданским властям и даже простым гражданам предписывается содействовать погоне за ним, арестовать его и незамедлительно предать военному суду»; «таким же образом должны быть наказаны <...> все военные и все служащие всех рангов, которые сопровождали Бонапарта или следовали за ним во время его вторжения на французскую территорию», а «также те, кто речами, плакатами или прокламациями выразил свое участие или подстрекал граждан принять участие в бунте»[3].

Однако, по мере того как Наполеон совершал свой орлиный полет от бухты Жуан[4] к Греноблю и от Гренобля к Лиону, а войска, которые, высылались против него, полк за полком, дивизия за дивизией, переходили к нему, Бурбоны стали паниковать. В Париже «дрожали от страха и толстый король, и его тощий двор», а рядовые роялисты «прятались по щелям, торопливо срывая с себя белые кокарды»[5]. Король попытался было наладить отпор «изменнику и бунтовщику» военной силой: заменил военного министра Сульта (который лишь недавно сменил на этом посту Дюпона) герцогом и пэром А. Ж. Г. Кларком и призвал под знамена Бурбонов 100 тыс. военнослужащих, находившихся в отставке и в отпусках. Но и Кларк за девять дней своего министерства (с 11 до 20 марта) ничего изменить не мог, а из 100 тыс. призывников «явились только шесть (!! – *Н. Т.*) человек»[6].

---

[1] РИО. СПб., 1901. Т. 112. С. 168.
[2] Кастело А. Цит. соч. С. 523.
[3] Полный текст ордонанса см. в цит. соч. Л.-Ж. Маршана (С. 211–213).
[4] Гольф-Жуан (*франц.* Golfe-Juan). – *Примеч. ред.*
[5] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 431; Манфред А. З. Цит. соч. С. 674.
[6] Кастело А. Цит. соч. С. 523; Манфред А. З. Цит. соч. С. 671.

После того как Лион без сопротивления пал к ногам Наполеона, idée fixe для королевского двора стало – *бежать*: «Бежать без оглядки от смертельной опасности, бежать от Венсенского рва, где гниет труп герцога Энгиенского. Столпотворение в умах было невообразимое»[1]. Но поскольку для Людовика *Желанного* такое бегство стало бы не только утратой престола, но и несмываемым позором, Бурбоны и К° лихорадочно засуетились, сочиняя самые экстравагантные планы спасения. Так, О.-Ф. Мармон предложил королю превратить дворец Тюильри в неприступный редут. «Нужно переоборудовать дворец, чтобы его могла разрушить лишь батарея орудий крупного калибра, – читаем об этом предложении у А. Кастело. – Людовика XVIII вместе с его креслом поместят в самом центре этой крепости, с ним будут три тысячи слуг и солдат <...>. Всех обеспечат провизией на два месяца осады <...>. Что касается других членов королевской семьи, то они будут отправлены куда подальше. Ну, а если в голову королю попадет ядро из пушки крупного калибра, что тогда?» Мармон предусмотрел такой вариант: «Сир, но ведь ваш брат, ваши племянники, ваши кузены будут находиться за пределами дворца. Если вас убьют, ваши права и титулы перейдут к кому-то другому»[2].

Людовик XVIII не польстился на такое «утешение», склоняясь больше, пожалуй, к самому экстравагантному, если не сумасбродному плану, который сочинил фаворит короля и его министр двора Пьер-Луи-Жан-Казимир Блака́. Вот как – точно по сути, хотя и язвительно иронически по форме, – изложил этот план Е. В. Тарле: «Король сядет в карету и со всеми сановниками, со всей своей семьей, с высшим духовенством выедет за город; у заставы все эти экипажи остановятся и будут ждать идущего на столицу узурпатора. Узурпатор, увидев седовласого легитимного монарха, гордого своим правом и бестрепетно своей собственной особой заграждающего вход в столицу, несомненно, устыдится своего поведения – и повернет обратно»[3].

Время неслось слишком быстро для роялистов. Наполеон с каждым днем был все ближе к столице, а Бурбоны никак не могли выбрать из своих химерических планов самый подходящий. Последний из них строился на идее убийства Наполеона. Цитирую Е. В. Тарле: «В Париже узнали, что Наполеон не принимает никаких мер предосторожности, что, например, при своем торжественном вступлении

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 467.
[2] Кастело А. Цит. соч. С. 523–524.
[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 467. См. также: Кастело А. Цит. соч. С. 524.

в Лион он ехал впереди свиты и армии, и лошадь его шагом ступала среди огромной массы со всех сторон окружавшего его народа. Ничего не стоило одним ударом кинжала спасти династию Бурбонов. И в Париже, говорят нам свидетели, тайные агенты вмешивались в толпу, чтобы вложить кинжал в руки нового Жака Клемана (убившего в 1589 г. короля Генриха III). Будущему убийце обещали открыто большую награду, ссылаясь при этом на то, что такое деяние будет законнейшим и не подлежащим суду актом, так как Венский конгресс объявил Наполеона врагом человечества и поставил его вне закона. Но Жака Клемана в короткие оставшиеся дни найти не успели»[1].

Впрочем, пока роялисты тасовали и перетасовывали свои планы избавления от смертельной угрозы со стороны Наполеона, у них появилась надежда на такое избавление в лице самого выдающегося из наполеоновских маршалов, присягнувших Бурбонам. То был Мишель Ней – герцог Эльхингенский и князь Московский (напомню читателю, что маршал Л. Н. Даву сотрудничать с Бурбонами отказался).

«От Лиона к Парижу – все выше и выше “полет орла”», – в такой, по словам Д. С. Мережковского, момент Бурбоны восприняли Нея как панацею от всех зол и бед, воплощением которых был для них Наполеон. Да, еще 7 марта срочно вызванный на прием к Людовику XVIII «храбрейший из храбрых», целуя руку коронованного подагрика, обещал: «Я покончу с Бонапартом и доставлю вам его в железной клетке!»[2] Эта фраза так понравилась самому Нею, что он повторял ее всем, кто его окружал. «Лучше бы привезти Бонапарта в гробу, чем в клетке», – заметил кто-то из них. Ней возразил: «Нет, вы не знаете Парижа; надо, чтобы парижане видели его в клетке»[3]. К вверенным ему войскам Ней прибыл уверенный, что сдержит свое обещание Бурбонам. Когда один из друзей маршала усомнился, будут ли солдаты сражаться против Наполеона, Ней заверил его: «Они будут сражаться. Я лично начну дело и всажу свою шпагу по рукоять в грудь всякого, кто не решится следовать моему примеру»[4].

К вечеру 13 марта Наполеон прибыл из Лиона в городок Макон и здесь узнал, что войска Нея преградили ему путь у местечка Лонде-Сонье. Теперь, после Лиона, император, абсолютно уверенный в себе и успехе своего дела, не придал этой информации большого значения. Он даже устроил веселый прием чиновников местной вла-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 468.
[2] Houssaye H. 1815. P., 1898. T. 1. P. 275.
[3] Ibid. P. 306.
[4] Цит. по: Егоров А. А. Маршалы Наполеона. Ростов н/Д., 1998. С. 308.

сти и офицеров Национальной гвардии. На этом приеме его позабавила следующая сцена. «Ваше величество, вы всегда творите чудеса, потому что, когда мы узнали, что вы вернулись, мы подумали, что вы сошли с ума...» – так начал один из офицеров свою приветственную речь и не кончил, заглушенный неистовым: «Виват император!» «С ума сошел» не только император, но и вся Франция[1].

Пока Наполеон отдыхал и развлекался в Маконе, Ней с четырьмя полками, к которым уже шли подкрепления, готовился к бою под Лон-де-Сонье. Днем 13-го маршал попытался вдохновить своих солдат призывами к борьбе против бывшего, преступившего все законы императора во имя верности законному королю, однако солдаты в ответ на все его призывы угрюмо молчали. Ней вернулся к себе в штаб раздраженным, уже теряя уверенность в своей правоте. А в ночь с 13 на 14-е его разбудили следующим известием: «Артиллерийская часть, которая должна была прийти к нему в подкрепление из Шомона, взбунтовалась и перешла вместе со своим эскортом (кавалерийским эскадроном) на сторону Наполеона»[2].

Наутро 14 марта, в момент жестокой борьбы маршала с самим собой, когда солдаты смотрели на него с мрачным разочарованием, а боготворившие его ранее (при Наполеоне) офицеры избегали его взгляда, – в такой момент конный ординарец примчался к нему с запиской от Наполеона. В ней значилось: «Ней! Идите мне навстречу в Шалон. Я вас приму так же, как на другой день после битвы под Москвой»[3].

Прочитав записку, Ней принял решение. Он собрал и выстроил все свои войска на плацу. Встав перед их фронтом, маршал выхватил из ножен шпагу и в напряженной тишине зычным голосом буквально протрубил: «Солдаты! Дело Бурбонов навсегда проиграно. Законная династия, которую выбрала себе Франция, возвращается на престол. Повелевать нашей родиной вправе только один император Наполеон!» Громоподобные вопли «Виват император! Виват маршал Ней!» заглушили его слова. А сам маршал, по воспоминаниям очевидцев, «словно обезумев, пошел вдоль рядов солдат, обнимая их всех подряд, “в том числе флейтистов и барабанщиков”»[4]. О том, как закончился этот смотр, читаем у Е. В. Тарле: «Несколько роялистских офицеров сейчас же скрылись. Ней им не препятствовал. Один из них тут же сломал свою шпагу и горько упрекнул Нея.

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 236; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 215.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 466.

[3] Кастело А. Цит. соч. С. 522; Манфред А. З. Цит. соч. С. 673.

[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 466–467; Кастело А. Цит. соч. С. 522; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 184.

“А что же, по-вашему, было делать? Разве я могу остановить движение моря своими двумя руками?” – ответил Ней»[1].

Наполеон принял Нея именно так, как обещал. Очевидец их встречи Л.-Ж. Маршан вспомнил: «Император распростер объятия, маршал бросился к нему навстречу, и они обнялись. Оставшись наедине, они долго беседовали»[2].

Известие о том, что Ней, вместо того чтобы доставить Наполеона к Бурбонам в железной клетке, сам, со всем своим войском, без боя преклонился перед «узурпатором», повергло королевский двор в ужас. «Теперь я вижу, что все кончено», – паниковал Людовик XVIII. В ночь с 19 на 20 марта он со всей семьей и с многолюдным эскортом, в котором оказались четыре бывших наполеоновских маршала (Макдональд, Мармон, Мортье и Бертье), бежал на север в Лилль и далее, уже за пределы Франции, в бельгийский город Гент – поближе к морю и к берегам Англии. В спешке король забыл взять с собой домашние тапки и с грустью признавался по пути из Парижа маршалу Макдональду: «Больше всего мне жаль моих комнатных тапочек. Они были так хорошо разношены по ноге»[3].

А вот и язвительная гримаса истории: Людовик XVIII бежал от Наполеона по той же, роковой для его брата, дороге через Варенн, где 21 июня 1791 г. Людовик XVI, бежавший от революции, был задержан почтмейстером (бывшим драгуном и будущим – при Наполеоне – супрефектом) Ж. Б. Друэ, а затем гильотинирован. Вспомнил ли 18-й Людовик, проезжая через Варенн, о судьбе 16-го? Думается, не мог не вспомнить. Единственным утешением для королевской семьи теперь была только надежда на «братскую» помощь феодальных монархов. И они эту последнюю надежду Бурбонов оправдали.

В лагере шестой коалиции, который в то время был занят гласными договорами и закулисными интригами Венского конгресса, первым получил известие о побеге Наполеона с Эльбы фактический глава правительства Австрийской империи князь К. В. Л. Меттерних. 7 марта он только лег спать под утро (в 3 часа), а в 6 часов камердинер принес ему в спальню срочную депешу. Князь, решив доспать еще какое-то время, отложил ее нераспечатанной, но уснуть так и не смог и около 7 час. 30 мин. вскрыл конверт. Так он узнал, что Наполеон с Эльбы бежал. Меттерних бросился оповещать об этом

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 467.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 218.

[3] См. об этом: Кастело А. Цит. соч. С. 526–527; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 468; Манфред А. З. Цит. соч. С. 673; Делдерфилд Р. Маршалы Наполеона. М., 2001. С. 382; Кронин В. Наполеон. М., 2008. С. 491.

монархов, а те распорядились экстренно собрать министров иностранных дел[1]. Поднялся переполох: каково было Меттерниху, Каслри, Талейрану смотреть в глаза Александру I и Фридриху Вильгельму III, памятуя, что по секретнейшему январскому договору 1815 г. через считаные недели Англия, Австрия и Франция должны были бы начать войну против России и Пруссии? Второе пришествие Наполеона заставило их забыть распри и вновь сплотиться между собой.

Разумеется, не обошлось и без некоторых трений, дипломатических колкостей. Когда Александр I упрекнул герцога Веллингтона: «Как могли вы позволить ему бежать?», герцог показал, что он за словом в карман не лезет: «А вы как могли там его оставить?»[2] Но в главном коалиционеры были едины. 13 марта в Вене все пять великих держав, включая Францию (в лице Талейрана), а также Испания, Португалия и Швеция обнародовали декларацию, проект которой сочинил Талейран[3]. Творцы декларации поставили Наполеона «вне закона по всей Европе» («можно спросить, по какому закону?!» – возмущался Бен Вейдер[4]), объявили его *«врагом человечества»* и выразили уверенность, что «вся Франция сплотится вокруг своего законного суверена», т. е. Людовика XVIII, который тем временем уже собрался бежать. Декларация воодушевила поборников феодальной «законности» повсюду, особенно в Вене, где они под заботливой опекой Венского конгресса смело предрекали гибель Наполеона с первых же дней его «полета». И Талейран, и К. А. Поццо ди Борго уверяли, что «если Наполеон пойдет во Францию, то его повесят на первом дереве»[5].

Пока «братья»-монархи готовились помочь Бурбонам, а Бурбоны – бежать из Парижа, Наполеон «подлетал» к Парижу. В ночь с 19 на 20 марта он прибыл с авангардом своих войск в Фонтенбло, занял там дворец и прежде чем лег спать долго смотрел с дворцового крыльца на «Двор прощания», где ровно 11 месяцев (день в день) тому назад происходило душераздирающее прощание с его гвардией. А наутро 20-го императору доложили, что этой ночью, когда он спал в Фонтенбло, король, его семья, их двор и все их при-

---

[1] См.: Кастело А. Цит. соч. С. 518–519; Зак Л. А. Монархи против народов. М., 1966. С. 224–226.

[2] Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 224.

[3] Текст декларации см.: [Chodzko L.] Comte d'Angeberg. Le congrès de Vienne et les Traités de 1815. P., 1864. T. 3. P. 912–913.

[4] Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 209.

[5] Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1892. Т. 5. С. 488–489.

сные бежали из Парижа. Теперь ничто не мешало Наполеону с триумфом вступить в столицу именно в тот день, как ему хотелось, – в день рождения его сына, «орленка», Римского короля. Возможно, по мнению Д. Вильпена, Наполеон не забывал и о том, что «21 марта – еще одна, зловещей памяти, годовщина – казни герцога Энгиенского (21 марта 1804 г.). Поэтому Наполеон считал необходимым попасть в столицу вечером 20-го»[1]. Впрочем, Л.-Ж. Маршан несколько запоздавшее, только к 20 часам, прибытие Наполеона в Париж объяснял просто: «...его задержали толпы людей, собравшихся на его пути, а также генералы, которые спешили поздравить императора с возвращением из ссылки на трон»[2].

Несмотря на вечерние сумерки, все были уверены, что Париж встретит Наполеона грандиозным торжеством, но действительность превзошла все ожидания. По данным очевидцев, приветствовать императора вышли на улицы до 20 тыс. парижан[3]. Ярко описал момент прибытия Наполеона в Тюильри Евгений Викторович Тарле: «Несметная толпа ждала его во дворце Тюильри и вокруг дворца. Когда еще с очень далекого расстояния стали доноситься на дворцовую площадь с каждой минутой усиливавшиеся и, наконец, превратившиеся в сплошной, оглушительный, радостный вопль крики толпы, бежавшей за каретой Наполеона и за скакавшей вокруг кареты свитой, другая огромная толпа, ожидавшая у дворца, ринулась навстречу. Карета и свита, окруженные со всех сторон несметной массой, не могли дальше двинуться. Конные гвардейцы тщетно пытались освободить путь. “Люди кричали, плакали, бросались прямо к лошадям, к карете, ничего не желая слушать”, – говорили потом кавалеристы, окружавшие императорскую карету. Толпа, как обезумевшая (по показаниям свидетелей), бросилась к императору, оттеснив свиту, раскрыла карету и при несмолкаемых приветственных криках на руках понесла Наполеона во дворец и по главной лестнице дворца наверх, к апартаментам второго этажа»[4].

К тому времени и в дворцовых апартаментах уже толпились люди разных сословий, чинов и званий. Среди них был и генерал барон П.-Ш. Тьебо. Он вспоминал: «На несколько часов *народ составлял двор* того, кого Франция вновь вознесла на трон. Души всех, казалось, были переполнены радостью <...>. Вдруг появился Наполеон. Его встретил такой взрыв ликования, что подумалось, не рухнут ли

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 217.
[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 220.
[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 219.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 468–469.

потолки. Мне почудилось, что я присутствую при воскрешении Христа. В самом деле, после сыгранной им необыкновенной роли, после несчастий, в скорбное течение которых словно бы вмешалось небо, чудесное его возвращение окончательно делало из этого человека почти что Бога»[1]. Другой очевидец этой сцены генеральный директор почт граф Антуан-Мари Лавалетт – один из самых преданных «фанатов» Наполеона и в некотором смысле его родственник (был женат на племяннице Жозефины Эмилии Богарне) – вспоминал: «Глаза мои были полны слез, и я как в бреду повторял: "Как?! – это вы! Это вы! Наконец-то это вы!"»[2]. Такова была, по впечатлению классика французской литературы П. Ж. Беранже, «околдовывающая сила этого последнего чуда великого человека»[3].

Уединившись от ликующих масс народа в свои покои, Наполеон встретился там «с лучшим связующим звеном из прошлого – Гортензией. Она была в черном, поскольку носила траур по Жозефине»[4]. Наполеон принял любимую и любящую его падчерицу в объятья, и они долго оставались одни, расспрашивая друг друга и отвечая друг другу на вопросы. Кстати, Гортензия рассказывала Наполеону, что Александр I «сделал много для Парижа: без него англичане ограбили бы нашу столицу, а пруссаки сожгли бы ее». Император грустно улыбнулся: «Если бы я не был Наполеоном, то желал бы быть Александром»[5].

Так закончился этот «полет орла». За 20 дней, которые потребовались Наполеону для того, чтобы без единого выстрела и без капли крови отвоевать себе всю Францию, он прошел по маршруту, нормально рассчитанному на 40-дневный поход. Эмиль Людвиг подбором цитат наглядно показал, как стремительно в те дни менялась реакция официальной прессы на орлиный полет Наполеона от побережья к столице Франции. «Изверг рода человеческого улизнул из ссылки... Корсиканский оборотень высадился под Канном... Чудовище добралось до Гренобля... Тиран был в Лионе... Узурпатор решился идти к столице... Бонапарт никогда не дойдет до Парижа... Завтра Наполеон будет у городских стен... Его Величество император прибыл в Фонтенбло»[6].

Историки разных стран правомерно считают осуществленный Наполеоном «полет орла» его «самым замечательным» достижени-

---

[1] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 219–220. Курсив мой. – *Н. Т.*
[2] Там же. С. 220.
[3] Беранже П. Ж. Моя биография // Соч. М., 1957. С. 549.
[4] Кронин В. Указ. соч. С. 491.
[5] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1848. Т. 5. С. 365.
[6] Людвиг Э. Цит. соч. С. 434.

ем, «самой прекрасной победой»[1]. «Надо было обладать смелостью, решимостью Наполеона, – подчеркивал А. З. Манфред, – его умением дерзать, его политическим глазомером, чтобы рискнуть на беспримерное предприятие и достичь успеха»[2]. Скажу проще: надо было быть Наполеоном. Не забудем, что сотворил в 1815 г. свое «второе пришествие» тот самый Наполеон, который в 1806 г. уничтожил фактически все вооруженные силы Пруссии за один день, в двух сражениях 14 октября – при Иене и Ауэрштедте. Не зря сам Наполеон в изгнании на острове Святой Елены, подытоживая свой жизненный путь, призна́ет: «Лучшее время всей моей жизни – это поход из Канна в Париж»[3].

Чем же объяснить столь бурный взрыв весной 1815 г. общенародной любви к властолюбцу, деспоту и агрессору, каковым в той или иной мере был Наполеон? Объяснение только одно: Наполеон стал желанным для Франции не сам по себе, а как альтернатива Бурбонам, как гарант от возвращения страны в дореволюционную, феодальную быль. Хорошо сказал об этом Стендаль: для народных масс «Наполеон воплощал не свое собственное правление, а правление, противоположное тому, которое установили Бурбоны»[4]. В результате Франция пережила тогда, по определению А. З. Манфреда, «своеобразную буржуазную революцию»[5], специфическую особенность которой французские историки справедливо усматривают в следующем: «Революция 1815 года – это народное движение, поддержанное армией»[6].

Сам Наполеон в те же мартовские дни 1815 г. точно определил смысл и секрет своего триумфа: «Революция 20 марта совершилась без заговора и предательств <...>. Народ и армия привели меня в Париж <...>. Народу и армии я обязан всем»[7]. Такое признание побуждало его вознаградить народ и армию самыми желанными для них благами – миром и спокойствием.

Так начались знаменитые *«Сто дней»* Наполеона.

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 674; Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 228.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 674.

[3] Цит. по: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 234.

[4] Стендаль. Цит. соч. С. 148.

[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 676.

[6] История XIX века. Т. 2. С. 240.

[7] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 678.

2. Обновленная империя против 7-й коалиции

Весной 1815 г. Наполеон был популярен во Франции, в народе, в армии как никогда. Все дни после 20 марта народные массы повсюду (особенно в Париже) бурно выражали свое доверие императору. Ж. Фуше опасливо констатировал возрастающее влияние «черни». О том же сообщали, как подметил А. З. Манфред, даже российские газеты: «Всякая сволочь толпится теперь в Тюильрийском саду и вызывает к себе нередко Бонапарта, к коему прежде и подступиться не осмеливались»[1]. В такой ситуации – можно сказать, при всенародной поддержке – Наполеон проводил (насколько последовательно, мы еще увидим) новый курс своей внутренней и внешней политики.

Первым делом вернувший себе трон император предложил европейским державам – Англии, России, Австрии, Пруссии – заключить мир на условиях status quo. Он торжественно заявил, что отказывается от всех претензий к кому бы то ни было: «Франции ничего не нужно – ей необходим только мир»[2]. «Был ли он искренен? – задавался таким вопросом Антонен Дебидур и сам себе отвечал: – Может быть»[3]. Бесспорно одно: Наполеон очень надеялся, что его предложение будет принято, ибо вновь объединиться против него коалиционеры не смогут. Дело в том, что Людовик XVIII, в спешке бежав из Тюильри, забыл у себя в кабинете (вместе с домашними тапками) изготовленный для него экземпляр секретного договора от 3 января 1815 г. между Англией, Австрией и Францией против России и Пруссии. Наполеон сразу же отправил заверенную копию этого документа с секретарем российской миссии в Париже П. С. Бутягиным в Петербург и Вену. Александр I принял Бутягина 8 апреля. Прочитав документ, царь был потрясен не меньше, чем того ожидал Наполеон, однако результат потрясения оказался прямо противоположным надеждам Наполеона.

Вот как последовавшая далее трагикомическая сцена запечатлена в научной литературе – со слов очевидца, прусского барона Г. Ф. К. Штейна, который был доверенейшим лицом Александра I. Самодержец всея Руси пригласил к себе князя Меттерниха, показал ему бумагу и осведомился: «Известен ли вам этот документ?» Австрийский лидер, слывший первым лгуном в Европе, от неожиданности даже не нашелся (пожалуй, впервые в жизни), что́ солгать. «Пока мы оба живы, – после долгой паузы сказал ему Александр, –

---

[1] Там же. С. 676.

[2] Там же. С. 681.

[3] Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1815–1878). М., 1947. Т. 1. С. 76.

об этом предмете не должно быть между нами ни слова. Теперь нам предстоят другие заботы. Наполеон возвратился. Наш союз ныне должен быть крепче, нежели когда-либо!» С этими словами царь бросил документ в камин[1].

Три обстоятельства, которые Наполеон не мог учесть, отправляя Александру I текст договора от 3 января 1815 г., предопределили (вопреки расчетам Наполеона и несмотря на шок, пережитый Александром, когда тот читал договор) прочность коалиции. Во-первых, коалиционеров испугала и сплотила общим испугом весть о возвращении Наполеона с Эльбы во Францию. Они вмиг отбросили все, что их разъединяло, и, по выражению В. О. Ключевского, «судорожно схватились за Россию, за Александра, готовые вновь стать в его распоряжение»[2]. Далее, когда Наполеон еще продолжал свой «полет орла», а именно 13 марта, все восемь держав шестой коалиции в один голос объявили Наполеона «врагом человечества». Наконец, 25 марта (когда Наполеон уже «приземлился» в Париже, но Александр еще не получил отправленный ему текст январского договора), четыре великие державы – Англия, Россия, Австрия и Пруссия – подписали договор, юридически оформивший создание новой, седьмой (!) антинаполеоновской коалиции[3]. По этому договору коалиционеры обязались «не полагать оружия» в борьбе с Наполеоном как «врагом человечества» не на жизнь, а на смерть, «до конца» (разумеется, победного); выставить к началу новой кампании от каждой державы армию в 150 тыс. человек; задействовать на нужды коалиции субсидии от Англии в 5 млн ф. ст. и пригласить к участию в коалиции государей «всех держав европейских», включая Людовика XVIII. В результате «все или почти все государства Европы двинулись военным походом против наполеоновской Франции»[4]. Связав себя таким договором, Александр I, как и любой из коалиционных монархов, просто обязан был идти вперед против *общего врага*, игнорируя любые распри между участниками коалиции, назад ходу не было!

Эти факторы в совокупности и обусловили ответ на мирное предложение Наполеона – ответ категорически отрицательный, который

---

[1] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 308; Богданович М. И. История царствования Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5. С. 52–53; Борисов Ю. В. Ш.-М. Талейран. М., 1986. С. 277.

[2] Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 426.

[3] Внешняя политика России XIX и нач. XX в. Док-ты Российского мин-ва иностр. дел. Сер. I (далее – ВПР). М., 1972. Т. 8. С. 243–245, 651–652.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 682.

был сформулирован, как ни парадоксально, раньше, чем последовало само предложение. Иначе говоря, Наполеон предлагал европейским монархам мир, стучась *в глухую стену* уже принятого седьмой коалицией решения идти против него войной...

Уже в первые из своих «Ста дней» Наполеон поставил перед собой главную задачу: реформировать управление империей, придав ей либеральный вид. Но, будучи вынужденным готовиться к военным действиям, он отвлекался и на заботы о вооруженных силах. 9 и 10 апреля были изданы его декреты о призыве солдат запаса для регулярных войск и для Национальной гвардии. Кадровая армия, которую Наполеон оставил было «в наследство» Людовику XVIII и теперь «отнаследовал» обратно, насчитывала 150 тыс. человек. Император в кратчайший срок довел ее численность до 250 тыс.[1] Национальные гвардейцы, в отличие от кадровых солдат, не получали боевой подготовки, поскольку использовались не в боях и походах, а для контроля над главными городами Франции, «защиты крепостей и пограничных постов»[2]. Общая численность Национальной гвардии к началу лета 1815 г. достигала 160 тыс. человек[3].

Пока комплектовались полки регулярных войск и Национальной гвардии, Наполеон занялся главным делом – конституционной реформой. Для этого он (к всеобщему удивлению) приказал отыскать и доставить к нему в Тюильри его личного врага Констана.

Бенжамен Анри Констан (1767–1830 гг.) – писатель[4], публицист, социолог, всемирно известный теоретик конституционализма – пребывал в эмиграции с 1803 г. до возвращения Бурбонов в 1814 г. 19 марта 1815 г. (за день до «прилета» Наполеона в Париж!) он опубликовал в газете «Журналь де деба» буквально остервенелую передовицу против «людоеда Бонапарта»: «На стороне короля – конституционная свобода, безопасность, мир; на стороне Бонапарта – рабство, анархия и война <...>. Он – Аттила, он – Чингисхан, только более страшный и отвратительный». Примечательна концовка этой передовицы: «Я увидел, что король слился с нацией воедино. Я не стану, подобно жалкому перебежчику, пресмыкаться то перед одной, то перед другой властью, прикрывая низость софизмами и лепеча пошлости, дабы искупить постыдную жизнь»[5]. Не успев бежать вместе

---

[1] Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796–1815. М., 2004. С. 809.

[2] Саундерс Э. Сто дней Наполеона. М., 2002. М. 69.

[3] Лашук А. Цит. соч. С. 810.

[4] А. С. Пушкин высоко оценил «славный роман» Б. Констана «Адольф» и приветствовал его русский перевод как «важное событие в истории нашей литературы» (Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 67).

[5] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 198.

с королем за границу, Констан затаился в Нанте, и там его разыскали и оттуда доставили в Тюильри курьеры от Наполеона – прямо «в пасть Аттиле».

«Бенжамен Констан, – иронизирует Е. В. Тарле, – предстал перед "Аттилой" не без трепета и к восторгу своему узнал, что его не только не расстреляют, но предлагают ему немедленно изготовить конституцию для Французской империи»[1].

Да, именно так: в день первой же встречи с Констаном, 6 апреля, Наполеон предложил ему составить не то чтобы новую конституцию империи, но «Дополнительный акт» (под таким названием) к действующей Конституции 1804 г. При этом император откровенно изложил свое видение задуманного им «Дополнительного акта». Вообще, «чтобы обезоружить гостя и снять его предубеждение, – читаем у Д. Вильпена, – Наполеон выставляет себя в лучшем свете: он предупредителен, приятен, блестящ»[2]. Здесь уместно процитировать воспоминания очевидца первой, почти двухчасовой встречи Наполеона с Констаном П. А. Э. Флери де Шабулона: «Император, желая привязать к себе господина Констана, пустил в ход все свое очарование. Когда он хотел приковать кого-нибудь к своей колеснице, он изучал и с необыкновенной проницательностью постигал ум человека, его характер, принципы, его главенствующие страсти, и тогда с непринужденным изяществом, с силой и живостью выражения, придававшими столько ценности и прелести его беседе, он незаметно проникал вам в душу. Он завладевал вашими страстями, мягко возбуждал их, ласкал их сердечно. Затем, раскрывая вдруг все волшебное богатство своего гения, он опьянял вас, погружал в восторг и покорял так быстро и так полно, что вам казалось, будто вы околдованы»[3].

Расположив Констана к себе (разумеется, о передовице в «Журналь де деба» не было сказано ни слова), Наполеон доверительно делился с ним своими идеями о «Дополнительном акте». «Нация, – говорил он Констану о своей коронации 1804 г., – бросилась к моим ногам, когда я пришел к власти. Вы должны об этом помнить, вы же попробовали быть в оппозиции. Где была ваша опора, ваша сила? Нигде! <...>. Но времена изменились. Вновь возникла потребность в конституции, дебатах, речах <...>. Дайте мне ваши идеи. Публичные прения, свободные выборы, ответственные министры – на все это я согласен <...>. Нужна прежде всего свобода прессы, душить ее – бессмысленно. В этом я убежден <...>. Я человек из

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 472.
[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 309.
[3] Цит. по: Там же.

народа. И если народ действительно хочет свободы, я ее ему дам»[1]. Далее они «оба работают сообща во время ежедневных встреч до 20 апреля»[2]. Собственно, Констан выступал в роли автора (не зря парижане окрестят «Дополнительный акт» «Бенжаменкой»), а Наполеон – в роли редактора. Констан, как на то и рассчитывал император, с первой же их встречи был воодушевлен, полон восторга и работал вдохновенно.

23 апреля *Дополнительный акт к конституциям Империи* был опубликован. Уточненный и окончательный вариант названия этого акта увязывал его с конституцией не только 1804, но и 1802 г., а главное, подчеркивал, по мысли Наполеона, «преемственность между первым (до 1814 г. – *Н. Т.*) и вторым его царствованием»[3]. Вот наиболее существенные дополнения к конституциям 1802 и 1804 гг. и, кстати, некоторые уточнения их статей в «Дополнительном акте» 1815 г.[4] Значительно понижен имущественный ценз как для избирателей, так и для избираемых в органы власти. Лучше обеспечивалась свобода слова: отменялась предварительная цензура, а противозаконные выпады печати отныне могли караться лишь по суду. Были расширены и структура, и полномочия представительных органов: наряду с *избираемой* Палатой депутатов учреждалась новая – верхняя Палата пэров, члены которой *назначались* императором. Министры теперь были подотчетны обеим палатам, и законы должны были проходить через обе палаты прежде чем поступить на утверждение императору. Таким образом, император, сохранив за собой всю полноту исполнительной власти, поделился властью законодательной с двумя палатами. В случае конфликта с Палатой депутатов император был вправе распустить ее (конфликт императора с Палатой пэров, т. е. его назначенцев, даже не предполагался).

Итак, «Дополнительный акт» представлял собой весомый довесок к двум конституциям Наполеона, заметно ослабивший пресс наполеоновской диктатуры. Как бы в благодарность нации за доверие и поддержку Наполеон, верный своим мартовским обещаниям, принимал обличье конституционного монарха. Но соблюсти должную последовательность в этом конституционализме он не смог, когда увидел, что итоги выборов в Палату депутатов и, главное, поведение обеих палат не оправдывают его надежд на их покорность ему как признанному главе нации.

---

[1] Цит. по: Там же. С. 310–311.

[2] Там же. С. 313.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 472.

[4] Там же; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 313–319; Тюлар Ж. Указ. соч. С. 353–354.

С одной стороны, Наполеон понимал и позднее (в изгнании на острове Святой Елены) признал, что только обращение к народу под лозунгами великой революции 1789 г. «Свобода, равенство, братство» могло бы привести его к победе над седьмой (и любой другой, сколько бы их ни было) коалицией. Утопить в крови французский народ коалиционеры не смогли бы и силами миллионной армии. Они просто не рискнули бы пойти на это, хотя бы из страха перед заражением их собственных армий и народов проказой революции. «Нужно было снова начать революцию, – прямо говорил Наполеон, вспоминая о 1815 г., – <...>. Без этого я не мог спасти Францию»[1]. Но, с другой стороны, он же признался Констану в дни работы над «Дополнительным актом»: «Я не хочу быть королем Жакерии»[2]. Не желая крайностей революции с ее «большим террором» и с риском гражданской войны, Наполеон избрал компромиссный путь, но сплотить нацию вокруг себя, как он надеялся, «Дополнительным актом» ему не удалось. Либеральный довесок к его конституциям не удовлетворил ни либералов справа, ни якобинцев слева (правые сочли его слишком малым, левые – излишне большим). Бонапартисты же, безоглядные приверженцы Наполеона, составили в нижней палате нежданно-негаданно жалкое меньшинство (из 620 депутатов – лишь 80, против 40 якобинцев и 500 (!) либералов)[3].

Больше всего поразила Наполеона такая неожиданность, как равнодушие народных масс к его конституционным новациям. Это выяснилось по результатам всенародного голосования. Из 5 млн избирателей (т. н. «активных граждан») за «Дополнительный акт» проголосовали 1 532 527 человек против 4810, но... при 3,5 млн воздержавшихся[4]. Народ явно хотел не либеральных довесков к законам империи, а революционного, в духе 1789–1793 гг., искоренения всех остатков феодализма, которые олицетворяли собой в народном сознании Бурбоны.

Разумеется, и плебисцит о «Дополнительном акте», и выборы в нижнюю палату разочаровали Наполеона. Но – дело сделано, и теперь император постарался извлечь из него максимум пользы для себя и своей империи. 1 июня на Марсовом поле в центре Парижа он провел торжественную церемонию, на которой были оглашены результаты плебисцита, розданы императорские знамена с орлами сол-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 471.

[2] Там же. Жакерия – крестьянское антифеодальное восстание во Франции 1358 г. с участием 100 тыс. человек. Название – от прозвища «Жак-Простак» (Jacques Bonhomme), которое дали крестьянам дворяне.

[3] Кастело А. Цит. соч. С. 540.

[4] Там же; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 340; Тюлар Ж. Указ. соч. С. 354.

датам Великой армии и Национальной гвардии и объявлено о первом заседании вновь избранной Палаты депутатов[1]. Церемония была художественно оформлена под руководством первого живописца Франции и всей Европы Ж. Л. Давида и одного из лучших архитекторов империи П. Фонтена. Площадь украсили два сказочно живописных трона, на которых император восседал – сначала по ходу гражданского, а потом военного церемониала; вокруг тронов – затейливые арки, трибуны, скамьи. Громадную эспланаду (площадь между трибунами) заполнили 50 тыс. кадровых и национальных гвардейцев, а общее число собравшихся на площади и окрест нее превышало 200 тыс. Адольф Тьер выразился даже так, что здесь в тот день «находился почти весь народ Парижа».

Очевидец этой церемонии англичанин Хобхаус (адвокат и близкий друг Д. Г. Байрона), оставшийся после бегства Людовика XVIII в Париже, вспоминал: «Мы увидели зрелище, великолепие которого не поддается описанию. Монарх, увенчанный белым плюмажем, восседал на троне, казавшемся сверкающей пирамидой из орлов, оружия и военных мундиров. Огромное пространство было заполнено солдатами, окруженными столь многочисленной толпой, что склоны с двух сторон являли собой ковер из человеческих голов. Сам император, обстановка праздника – все способствовало тому, чтобы вызвать у нас невыразимое восхищение открывшимся нашему глазу зрелищем»[2].

Нет, одна деталь, вызывающе несозвучная торжеству империи, удивила, если не сказать уязвила, народ и армию: Наполеон был в коротком белом плаще и белых атласных штанах, в черной шляпе с белыми перьями, с прической à la Ренессанс и в туфлях, как у принца из семьи Бурбонов. Император старался всем своим видом подчеркнуть мирный, праздничный характер торжества, но не учел, что народ и армия воспринимают его таким, каким он запомнился в годы его мировой славы: государь-воин в скромном мундире и легендарной в своей скромности треуголке, а тот наряд, в который он теперь облачился, делал его в глазах собравшихся оскорбительно похожим на ненавистного Людовика XVIII.

Впрочем, несмотря на этот «не свой» наряд, Наполеон вновь стал самим собой в тот момент, когда приступил к раздаче знамен и орлов. Сорвав с себя «бурбонский» плащ, он по-мальчишески, в два прыжка, соскочил с трона и устремился к эспланаде. Там, перед

[1] Подробно об этой церемонии см.: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 403–410; Саундерс Э. Цит. соч. С. 107–117.

[2] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 403–404.

стройными рядами своих солдат, он словно преобразился из монарха в «маленького капрала», т. е. – для тех, кто так его называл, – величайшего полководца всех времен и народов. Вызывая к себе по очереди каждую воинскую часть, император приветствовал ее солдат одной-двумя фразами, иногда даже шуткой, и вручал им трехцветное знамя с медными орлами. Последними, чеканя в марше шаг, к нему подошли его любимые «ворчуны» Старой гвардии. Их грозный вид заметно порадовал Наполеона. «Солдаты императорской гвардии! – обратился он к ним. – Клянетесь ли вы превзойти самих себя в предстоящей кампании и скорее умереть, чем допустить, чтобы чужеземцы диктовали вашей родине свои законы?!» «Клянемся!» – ответил ему многотысячный, исполненный вдохновения клич. «Когда они проходили маршем перед императором, глаза их сверкали мрачным огнем, – вспоминал о тех минутах очевидец, один из вождей либералов герцог Ахилл де Брой. – Казалось, что с губ их вот-вот сорвется “Morituri te salutant...”»[1]. А вот что пишет об этом английский историк Эдит Саундерс: «Маршируя тысячами с удивительной точностью под гром барабанов и рев орудий, они казались ужасной и несокрушимой силой. Именно на этот эффект и был рассчитан парад; он был спланирован так, чтобы внушить уверенность, и даже сам Наполеон усмотрел в нем предвосхищение победы»[2].

Вполне возможно, что на Марсовом поле 1 июня Наполеон ощутил именно такое предвосхищение победы над внешним врагом. Но внутри страны его не устраивали и раздражали притязания либеральной оппозиции. Из двух законодательных палат одна, верхняя, – Палата пэров – казалось бы, должна представить собой эталон единомыслия с императором. Ведь все ее 117 членов были назначены им: среди них – и все его четыре брата, и пасынок Евгений, и дядя кардинал Феш, и его верные министры и чиновники (Камбасерес, Лебрен, Коленкур, Маре, Годен, Роже Дюко, Ласепед, Декре, Савари, Лавалетт, Тибодо и др.), и военные (11 маршалов: Даву, Сюше, Ней, Массена, Лефевр, Сульт, Брюн, Монсей, Журдан, Келлерман, Мортье; генералы Друо, Камбронн, Жерар, Лабедуайер, Рапп и др.)[3]. Но даже эта палата амбициозно добивается «улучшения» Конституции в пользу пэров. Что же касается депутатов нижней палаты, то они, «обуянные страхом перед диктатурой» (по выражению Вильпена), настойчиво требуют от императора повышения их статуса и расширения полномочий. Особенно активен

[1] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 409.
[2] Саундерс Э. Цит. соч. С. 116.
[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 414.

в Палате депутатов ее вице-председатель М. Ж. П. Лафайет. «Должна ли эта палата называться представительством французского народа, – язвительно запрашивал он коллег, – или наполеоновским клубом?»[1]

7 июня Наполеон в своей тронной речи раздраженно одернул парламентариев обеих палат: «Конституция объединяет нас всех. Перед лицом угроз нашему отечеству извне она должна быть нашей путеводной звездой <...>. Не будем уподобляться Византии, которая, теснимая со всех сторон варварами, стала посмешищем для потомства, занявшись отвлеченными дискуссиями в тот момент, когда таран разбивал ворота ее столицы»[2]. Парламентарии выслушали императора (не без обиды на то, что он сравнил их с византийскими горе-политиками), но, как мы еще увидим, не смирились со своим подневольным, на их взгляд, статусом.

Гораздо меньше хлопот, по сравнению с выборами парламентариев, доставил Наполеону подбор министров. Здесь он как верховный глава исполнительной власти все решал исключительно по собственному усмотрению. Ключевые позиции в правительстве император старался укрепить новыми, но испытанными в разных сферах людьми. После 15-летнего перерыва он вернул в правительство Лазара Карно, назначив его министром внутренних дел. Это назначение было драгоценным подарком для якобинцев и всех вообще республиканцев, ибо Карно, прославленный «организатор победы» 1793–1794 гг. над феодальными интервентами, смело выступавший против коронации Наполеона, теперь, в 1815 г., как никто олицетворял собой Республику. Доминик де Вильпен, процитировав верное замечание Франсуа Гизо («Наполеону было нужно, чтобы знамя Революции, украшенное именами ее героев, реяло над Империей»), столь же верно добавляет от себя: «Карно играл роль гаранта морали и демократии. Его назначение говорит об умении императора сплотить вокруг себя республиканцев. Наконец, оно успокаивает французов, ибо рядом оказываются два человека, которые вошли в историю последней четверти века как спасители нации»[3]. Правда, Карно принял должность министра внутренних дел с неохотой, прямо заявив Наполеону: «Я был бы полезнее в военном ведомстве». Император переубедил его неотразимым аргументом: «Разумеется, я думал об этом. Но ваше появление в военном министерстве было бы

[1] Там же. С. 413.
[2] Там же. С. 414–415.
[3] Там же. С. 244.

истолковано Европой как мое намерение начать большую войну[1]. А вы знаете, что я стремлюсь к миру»[2].

Военное министерство Наполеон передал в железные руки маршала Л. Н. Даву. Удивительно, как и почему дезориентирован автор отличной книги «Сто дней» Д. Вильпен, полагающий, будто Наполеон «всегда относился к Даву с недоверием» и даже «завидовал (? – *Н. Т.*) маршалу, чья слава затмевала (?? – *Н. Т.*) его собственную»[3]. В действительности же после их первого совместного похода в Египет 1798–1799 гг., когда Наполеон присматривался к Даву, этот маршал стал, по справедливому определению Е. В. Тарле, «любимцем Наполеона»[4], о чем свидетельствует и уже цитированное мной в этом томе высказывание императора на острове Святой Елены: Даву – «один из самых славных и чистых (в смысле бескорыстных. – *Н. Т.*) героев Франции»[5].

На ответственный пост министра иностранных дел Наполеон вернул Армана де Коленкура – одного из самых близких лично к нему сановников. Это назначение и во Франции, и в Европе было воспринято позитивно. Ведь Коленкур как дипломат всегда слыл поборником мира: будучи послом в России, с 1807 по 1811 г., он все делал для сохранения русско-французского союза; перед войной 1812 г. настойчиво отговаривал Наполеона от нашествия на Россию, а в 1814 г., впервые возглавив внешнеполитическое ведомство, приложил колоссальные усилия для того, чтобы склонить императора к заключению, «пока не поздно», мирного договора с державами шестой коалиции. Тогда эти его усилия успеха не имели, но почему бы не теперь?

Точно рассчитанными и вполне ожидаемыми выглядели почти все (кроме одного) другие назначения на министерские посты: Ж. Ж. Р. Камбасерес – министр юстиции, М. М. Ш. Годен – министр финансов, Д. Декре – морской министр, А. М. Лавалетт – генеральный директор почтового ведомства. Зато возвращение Жозефа Фуше на место министра полиции стало неожиданностью, озадачившей и современников, и позднее – историков. Отметив, что Фуше «перекинулся к Наполеону (от Бурбонов. – *Н. Т.*) в последний момент», А. З. Манфред подчеркивал: «...это назначение было, несомненно ошибочным шагом; по выражению одного из современников, назна-

---

[1] Напомню читателю, что Л. Карно уже был при Наполеоне (в апреле–октябре 1800 г.) военным министром.

[2] Там же. С. 245.

[3] Там же. С. 238–239.

[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 471.

[5] Hourtoulle F. Davout le terrible. P., 1975. P. 3.

чить Фуше министром полиции значило поселить измену в собственном доме»[1].

Что толкнуло Наполеона к такому шагу? Думается, лучше всех объяснил это Е. В. Тарле[2]. Во-первых, Фуше «ухитрился перед самым въездом Наполеона в Париж (20 марта. – *Н. Т.*) вызвать против себя гнев Бурбонов и опалу», что, конечно же, император принял к сведению. Главное же, Наполеон знал и ценил исключительные способности Фуше к раскрытию любых заговоров и к изысканию негласной информации на любые темы. Император все еще находил, что такой министр полиции более полезен ему, нежели опасен, и лишь помог вести засекреченное наблюдение за ним. Когда же главный наблюдатель Флери де Шабулон раскрыл похожий на измену контакт Фуше с Меттернихом, Наполеон вызвал министра «на ковер», но тот артистически увильнул от изобличения. Наполеон отпустил его со словами: «Вы изменник, Фуше! Мне бы следовало приказать, чтобы вас повесили». Фуше, изогнувшись в верноподданническом поклоне, робко возразил: «Я не разделяю это мнение вашего величества». Этот разговор состоялся перед самым отъездом Наполеона на фронт – разобраться с Фуше у него тогда не хватило времени. Позднее, уже на острове Святой Елены, он признается в разговоре с генералом Г. Гурго: «Если бы я победил при Ватерлоо, то сразу бы приказал расстрелять его»[3].

Наполеон не пожалеет о том, что назначил военным министром Даву. «Железный маршал» оказался первоклассным чиновником. Именно он обеспечил ускоренную мобилизацию кадровых войск и Национальной гвардии, а также боевую подготовку резервов[4]. Но на полях сражений Наполеону будет его очень недоставать – как, собственно, и многих других маршалов. Бертье, Мармон, Макдональд, Виктор, Удино остались верны Бурбонам; Массена, Лефевр и Мортье по болезни, Сен-Сир по убеждениям и еще трое по возрасту (Монсею было за 60 лет, Серрюрье – за 70, Келлерману – под 80) оказались не у дел, а Периньон и Ожеро были изгнаны за потуги к измене в 1814 г. В строю оставались, кроме Даву, Ней, Сюше, Сульт, Журдан, Брюн и новый (с 15 апреля 1815 г.), хронологически последний, 26-й в созвездии наполеоновских маршалов Груши. Из них Сюше командовал Альпийской армией, обороняя Лион, а Брюн – другими войсками у южных границ Франции, Журдан возглавлял парижский военный округ. Таким образом, Наполеон смог

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 679.
[2] Далее цит.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 473–474.
[3] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 420.
[4] См.: Егоров А. А. Цит. соч. С. 238.

взять с собой в последний поход – на север, в Бельгию, – только трех маршалов: Нея, Сульта и Груши. Даву как военный министр был оставлен в столице. Наполеон так и сказал ему: «Я не могу доверить Париж никому, кроме вас»[1].

Наверное, мой читатель уже недоумевает: а где же Мюрат? Вот кто был бы позарез нужен Наполеону при Ватерлоо! Увы! – Мюрат, этот «южный Бернадот», как прозвал его Наполеон, запутался в головоломной афере, которую сам и затеял крайне неосмотрительно[2]. Узнав о возвращении Наполеона с Эльбы во Францию, он 14 марта отправил ему письмо, полное восторга перед императором и раскаяния в собственном предательстве, а 18 марта объявил войну Австрии. При этом он не посчитался с переданной через связного просьбой Наполеона не спешить, поскольку Наполеон тогда рассчитывал договориться с Австрией о ее нейтралитете. «Мой связной, – вспоминал Наполеон на острове Святой Елены, – пал перед ним на колени, чтобы помешать ему сделать это, но все его уговоры оказались тщетными»: Мюрат не стал его слушать. Он в те дни загорелся идеей объединить всю Италию, а потом поделить ее с Наполеоном. Импульсивная скороспелость его решений и авантюризм действий привели Наполеона в ярость, особенно после того как он узнал, что 2–3 мая при Толентино Мюрат был разбит австрийцами и бежал из Неаполя, а его жена Каролина (сестра Наполеона) отдала себя во власть победителей. Когда Мюрат высадился на французском побережье, в Канне, и дал знать о себе, Наполеон не пожелал его принять, но, наказав Мюрата, еще хуже сделал себе самому. Но осознает он это с досадой на себя лишь в день битвы при Ватерлоо.

В условиях, когда его маршалы оказались разобщенными и даже разделенными на враждебные лагеря, Наполеон был особенно рад, собрав у себя вместе родных братьев и «маму Летицию». Первым (уже 23 марта) приехал к нему в Париж Жозеф, а вслед за ним Люсьен (9 мая), Жером (27 мая) и Летиция (1 июня). Все они вместе с Гортензией старались, как могли, по-родственному поддержать Наполеона в его государственных, военных и прочих заботах и в личных переживаниях. Ближе всех к нему из братьев был в то время, пожалуй, Люсьен, который вновь – после десяти лет разлада – протянул брату-императору руку помощи, как это было 18 брюмера 1799 г. Обрадованный император наградил его орденом Почетного легиона и дал ему место в Палате пэров.

---

[1] Егоров А. А. Цит. соч. С. 238.

[2] Подробно об этом см.: Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 323–329.

Редко и ненадолго, но император находил возможности отключиться от тяжкого бремени нескончаемых дел. Так, 6 апреля он посетил мастерскую своего великого друга Жака Луи Давида, чтобы увидеть его последний шедевр – «Леонид у Фермопил»[1]. Картина была задумана «как аллегория гения революции в его столкновении с Европой, новой варварской Персией, жаждущей уничтожить французскую Спарту»[2]. Наполеон долго разглядывал картину, а потом тепло поздравил Давида: «Дорогой Давид! Продолжайте прославлять Францию своим творчеством. Я надеюсь, что в самом скором времени копии с этой картины украсят военные школы: они будут напоминать ученикам о доблестях их ремесла».

В те же дни Наполеон повидал и другого из своих великих друзей-художников. Первый во Франции (да и в Европе) художник сцены Франсуа Жозеф Тальма играл главную роль в трагедии Ф. Ш. Ж. Люс де Лансиваля «Гектор». Наполеон присутствовал на премьере этого спектакля в 1809 г. и вот теперь вновь появился в Комеди Франсез, чтобы посмотреть новую постановку трагедии. Публика, естественно, встретила его появление в театральной ложе «с исступленным восторгом»[3]. Но для Наполеона гораздо важнее публичных восторгов была встреча после спектакля tête-à-tête с Тальма. «Выяснилось, – пишет об этом биограф актера А. И. Дейч, – что и на Эльбе император читал газеты и знал все, что писалось об актере. “Уверяют, – сказал, улыбаясь, Наполеон, – что я брал у вас уроки. Ну что ж, если Тальма был моим учителем, то это гарантия, что я хорошо сыграл свою роль”»[4].

12 апреля Наполеон вместе с Гортензией посетил Мальмезон[5]. Там он любовался садами, которые считал «творением Жозефины»: ведь она увлеченно выращивала к компании со своими садовниками каждое дерево в этих садах. «Как все это напоминает мне ее, – сказал он Гортензии. – Никак не могу поверить, что ее здесь больше нет...» Перед возвращением в Париж император прошел в комнату, где умерла Жозефина, и там долго пробыл один.

Минул апрель. За ним – май. Тем временем множились отовсюду поступавшие к Наполеону данные о самом главном: с разных концов Европы выступают в поход на Францию войска седьмой коалиции –

---

[1] Леонид – царь Спарты 488–480 гг. до н. э. – летом 480 г. погиб, возглавляя отряд из 300 спартанцев, в битве у горного прохода Фермопилы с персидской армией царя Ксеркса.

[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 357–358.

[3] Саундерс Э. Цит. соч. С. 69.

[4] Цит. по: Дейч А. И. Франсуа Жозеф Тальма. М., 1973. С. 230.

[5] См.: Саундерс Э. Цит. соч. С. 77–80.

русские, английские, прусские, австрийские, шведские, пьемонтские, неаполитанские... Наполеон внимательно отслеживал возможные маршруты их передвижений и соединений. Верный себе, он и на этот раз обдумывал такой план очередной кампании, чтобы удалось сочетать скоростные маневры с неожиданными ударами и бить союзные армии порознь. 11 июня он объявил, что завтра выезжает на фронт к своей Северной армии, которая сосредоточилась в районе г. Бомон, у границы с Бельгией.

В этот день, последний перед отъездом на войну, император получил исчерпывающую (устную и письменную) информацию – от своего секретаря К.-Ф. Меневаля, только что вернувшегося из Вены, и от директора почт А. М. Лавалетта – о том, что императрица Мария-Луиза давно уже состоит в любовной связи с ее одноглазым камергером Нейпергом. Наполеон был потрясен до глубины души. Ведь он больше двух месяцев, день за днем, ждал ответа от императрицы на свое письмо к ней от 28 марта. Вот что значилось в его письме: «Добрая моя Луиза, я – хозяин всей Франции. Народ и армия переполнены энтузиазмом. Так называемый король бежал в Англию. Целыми днями я устраиваю смотры 25-тысячным войскам. Жду тебя в апреле!»[1] И вот что он узнал теперь: *его* «добрая Луиза» – блудливая «мадам Нейперг»! Вечером 11 июля морской министр Декре застал императора в его кабинете сидящим у камина с низко опущенной головой – то ли дремлющим, то ли погруженным в глубочайшее раздумье. «Министр стоит молча и неподвижно, как вдруг Наполеон поднимается и восклицает: “Ну что ж, будь что будет!”»[2].

3. Ватерлоо

Прощальный обед Наполеона с «мамой Летицией», братьями и Гортензией затянулся до позднего вечера 11 июня, а ранним утром 12-го император, оставив старшего брата Жозефа председательствовать на время своего отсутствия в Совете министров и взяв с собой младшего из братьев Жерома, помчался с гвардейским эскортом к войскам Северной армии. К вечеру 13 июня он прибыл в Бомон, где застал свою армию в боевой готовности.

О чем думал Наполеон по пути из Парижа к Бомону? Должно быть, прежде всего о том, что никогда еще феодальные коалиции не навязывали ему войну с такой непримиримостью, агрессией и мо-

[1] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 422.
[2] Там же. С. 424; Людвиг Э. Цит. соч. С. 443.

щью, хотя оснований для этого у седьмой коалиции было меньше, чем у любой из предыдущих шести. «До 1814 г., – справедливо отмечают Мишель Франчески и Бен Вейдер, – европейские монархи пытались оправдать свою враждебность к Франции якобы ее территориальной экспансией. В 1815 г. этот предлог рассыпается в прах. Франция вернулась в свои пределы и торжественно заявляет голосом своего императора о желании жить в мире со всеми соседями. Выбор своего политического строя касается только ее. Готовящийся крестовый поход, цель которого – новая реставрация Бурбонов, является чудовищным вмешательством во внутренние дела Франции; так считает даже парламентская оппозиция в Англии»[1].

Действительно, левые парламентарии и независимая пресса, вроде газеты «Morning Chronicle», выступали в те дни с такими заявлениями: «Бонапарт принят во Франции как освободитель. Бурбоны потеряли трон по своей собственной вине. Было бы чудовищно воевать с нацией, чтобы навязать ей правление, которого она не хочет». И еще: «Английские патриоты считают, что государи континента объединяются не так против Бонапарта, как против духа свободы»[2].

В чем же дело? Чем объяснялась сугубая, неистовая агрессивность седьмой коалиции? На этот вопрос исчерпывающе ответил Е. В. Тарле: «Кроме ненависти к завоевателю, кроме ужаса перед страшным полководцем и вечным победителем, теперь на Александра, Франца, Фридриха Вильгельма, лорда Каслри <...> – на всю эту реакционную правящую верхушку Европы действовала еще и тревога по поводу новых “либеральных” замашек вернувшегося Наполеона. Красный платок, которым обматывал себе голову Марат, был для европейских правителей более страшен, чем императорский золотой венец Наполеона. В 1815 г. им показалось, что Наполеон собирается именно “воскресить Марата” для общей борьбы <...>. И это еще более усилило и без того непримиримую их вражду к завоевателю»[3].

Наполеон все это знал, хотя и не собирался «воскрешать Марата». Но в его реакции на агрессию в седьмой раз ополчившихся против него глав европейских монархий важным был и личный мотив: он возненавидел их всех и каждого из них за то, что они отняли у него жену и сына.

Тотчас по прибытии к Северной армии Наполеон сориентировался в военно-политической обстановке, точнее, в деталях ее, поскольку

---

[1] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 231–232.
[2] Там же. С. 230–231.
[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 476.

ку обстановка в целом была уже изучена им досконально. По совокупности агентурных данных император выяснил, что войска седьмой коалиции идут походом на Францию тремя главными линиями плюс три вспомогательные[1]. Первую линию на территории Бельгии к тому времени составили две армии – Нидерландская фельдмаршала герцога А. У. Веллингтона в районе Брюсселя численностью (по разным данным) от 93 до 110,5 тыс. англичан, ганноверцев, брауншвейгцев, голландцев, бельгийцев при 220 орудиях, не считая еще 17 тыс. в отдельных гарнизонах, и Нижне-Рейнская армия фельдмаршала князя Г. Л. Блюхера – юго-восточнее, у Намюра: 117 тыс. пруссаков и 296 орудий. Блюхеру, кроме того, был подчинен отдельный 25-тысячный корпус генерала графа Ф. Г. Клейста в Западной Германии. Во второй линии, от Среднего Рейна, наступала русская армия фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толли (150 тыс. человек) и в третьей линии, на Верхнем Рейне, – армия австрийского фельдмаршала князя К. Ф. Шварценберга (210 тыс. австрийцев, баварцев, вюртембержцев и гессенцев). Еще по трем линиям изготовились к вторжению во Францию пьемонтская армия генерала князя И. М. Ф. Фримона (50 тыс. человек), «армия Неаполя» во главе с победителем Мюрата при Толентино фельдмаршала герцога В. Ф. Бьянки (40 тыс. человек), а также развернутая у французской границы в Пиренеях 80-тысячная испано-португальская армия.

Таким образом, шесть союзных армий общей численностью без малого 800 тыс. человек (а к ним на соединение шла еще седьмая, шведская, армия) шли на Францию отовсюду. План союзников был бесхитростен: окружить и задавить воинство Наполеона своим громадным численным превосходством. Ведь разведка союзного командования определяла численность Северной армии не более чем в 150 тыс. человек. В действительности, по данным различных источников, Северная армия насчитывала и того меньше – от 113 до 128 тыс. бойцов и от 344 до 366 орудий[2]. Вся армия была разделена на пять армейских корпусов, которыми командовали генералы Ж. Б. Друэ д'Эрлон, О. Ш. Рейль, Д. Ж. Вандам, Э. М. Жерар и Ж. Мутон (все пятеро – гра́фы!), кавалерийский резерв под командованием маршала и графа Э. Р. Груши и корпус Императорской гвардии численностью в 19 909 человек во главе с генералом графом А. Друо[3].

---

[1] Ср.: Лашук А. Цит. соч. С. 814–815; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 445; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 617.

[2] Ср.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 475; Лашук А. Цит. соч. С. 814; Чандлер Д. Указ. соч. С. 618.

[3] Лашук А. Цит. соч. С. 811–814.

На боевые качества солдат и офицеров Северной армии (особенно ее гвардейских частей) Наполеон вполне мог положиться, а вот высшие командные кадры на этот раз еще более, чем в кампании 1814 г., удовлетворить его не могли. Дело не только в том, что он смог взять с собою в поход всего лишь трех маршалов, включая «новичка» Груши. Главное, император вынужден был заменить на посту начальника Генерального штаба незаменимого до тех пор Бертье. Но первый и с 1805 г. бессменный штабист империи в апреле 1814 г. переметнулся к Бурбонам, а 1 июня 1815 г., будучи в Бамберге у своего тестя, баварского герцога Вильгельма, погиб. Карл Маркс считал, что Бертье «был убит шестью лицами в масках, которые выбросили его из окна» герцогского дворца, когда он смотрел в это окно, с высоты 15 м, на вступление в город русских войск[1]. Другие исследователи делают оговорку: Бертье погиб «при невыясненных обстоятельствах»: то ли выпал из окна, то ли был выброшен кем-то[2]. Р. Делдерфилд без ссылки на источники утверждает: «Когда об этом сообщили Наполеону, он заплакал»[3].

Маршал Сульт, которому Наполеон поручил возглавить Генеральный штаб, не пользовался доверием солдатской массы. Ведь никто не забывал о том, что он служил Людовику XVIII как военный министр. К тому же Сульт никогда не имел никакого отношения к работе Генерального штаба, бывшего в монопольном ведении Бертье. «В отличие от Бертье, – характеризует Сульта Д. Вильпен, – его приказам часто не хватало точности <...>. В тех случаях, когда Бертье, подстраховываясь, отправлял по семь-десять копий с разными гонцами, новый начальник штаба чаще всего довольствовался одним курьером. Но случайности войны приводят к тому, что одного всадника могут взять в плен, убить, ранить, он может заблудиться в пути»[4]. Эта, можно сказать, «фамильная» слабость Сульта, как мы увидим, станет роковой в битве при Ватерлоо. Дэвид Чандлер, возможно, прав, полагая, что «маршал Сюше был бы гораздо лучшим начальником штаба, чем Сульт»[5], но, с другой стороны, Наполеон, конечно же, знал, что именно Сюше лучше, чем кто-либо, сможет защитить Лион от испанских, португальских, пьемонтских, неаполитанских войск.

---

[1] Маркс К. Бертье // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 14. С. 98.

[2] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 820; Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 384; Тюлар Ж. Наполеон... С. 357.

[3] Делдерфилд Р. Указ. соч. С. 384.

[4] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 447.

[5] Чандлер Д. Указ. соч. С. 620.

Кстати, о маршалах. Да, их осталось в строю у Наполеона только семеро. Но зато и в Северной (главным образом), и в Альпийской армии у Сюше командовали отдельными корпусами очень талантливые генералы, из которых шестеро тоже станут в будущем, уже после смерти Наполеона, маршалами: Жерар, Мутон, Друэ д'Эрлон, Рейль, а также Г. Молитор и Б. Клозель[1].

Боевой дух Северной армии, равно как и эффективность ее действий определялись различными факторами, но решающим был харизматический авторитет, в буквальном смысле культ личности Наполеона. Вот как пишет об этом Доминик Вильпен: «Магия его личности подчиняет себе всю армию. Солдаты, ничего не понимающие в стратегии, с изумлением смотрят на сверхчеловека, часами склоняющегося над картами, тучами рассылающего эстафеты и при этом диктующего письма, всевидящего, всезнающего и догадывающегося обо всем. Они боготворят его. Он – голова, они – ноги»[2]. Е. В. Тарле отмечал, что в те дни «английские лазутчики не могли прийти в себя от удивления и доносили Веллингтону: "Обожание Наполеона в армии дошло до размеров умопомешательства". С этими свидетельствами согласуются и показания других иностранных соглядатаев, присматривавшихся к настроениям во Франции»[3].

Здесь же Евгений Викторович обратил внимание на такую подробность: «Ни Веллингтон, ни его шпионы не разглядели в настроениях французских солдат еще и другой черты, которой не было до сих пор в наполеоновских армиях, – это подозрительности и недоверия солдат к генералам и маршалам. Солдаты помнили, что маршалы в 1814 г. изменяли императору. Слепо веря Наполеону, они хотели, чтобы он поступил с "изменниками" так же, как в свое время Конвент поступал с подозрительными генералами. Гильотина для изменников в генеральских галунах!»[4] Наполеон на это не шел, но само его присутствие уже внушало солдатам уверенность в том, что генералы и маршалы под личным присмотром «всевидящего, всезнающего и догадывающегося обо всем» императора не посмеют унизить себя до измены.

Виктор Гюго, скрупулезно, как исследователь проанализировав кампанию 1815 г. (и, кстати, глубоко вникнув в подробности битвы при Ватерлоо), верно подметил, что наполеоновский план кампании

---

[1] См.: Valynseel le. Les maréchaux de la Restauration et de la monarhie de juillet. P., 1962.

[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 439.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 476.

[4] Там же.

«был, по общему мнению, образцовым»[1]. Наполеон исходил из того, что ближайшие две из семи коалиционных армий – Веллингтона и Блюхера – удалены друг от друга на 56 км и растянуты по фронту в 170 км. Он решил вклиниться между Веллингтоном и Блюхером, разбить их порознь, сбросив англичан в море, а пруссаков в Рейн, и затем, подтянув резервы, сразиться с армиями Барклая де Толли и Шварценберга. Успешному выполнению этого плана не помешала даже измена генерала (еще одного будущего маршала Франции) Бурмона, болезненно воспринятая в армии как удар ножом в спину[2].

Луи Огюст Бурмон, бывший шуан и один из вождей роялистского мятежа в Вандее, причастный к попытке убить Наполеона с помощью «адской машины» 24 декабря 1800 г., был помилован Наполеоном и в 1813 г. получил от него генеральский чин. В марте 1815 г. Бурмон был помощником М. Нея, когда тот вызвался доставить Наполеона «в железной клетке» Людовику XVIII, а во время «Ста дней» по ходатайству того же Нея занял должность командующего пехотной дивизией в корпусе Э. М. Жерара. На рассвете 15 июня Бурмон оставил свою дивизию и с пятью офицерами штаба, посвященными в его затею, бежал к пруссакам. Там он выдал неприятелю все, что знал (оказалось, немногое) о возможных планах Наполеона и точные данные о численности Северной армии. Фельдмаршал Блюхер, естественно, обрадовался предательству Бурмона, но принять самого предателя отказался и даже «велел передать ему, что считает его “собачьими отбросами”»[3].

Ни Блюхер, ни Веллингтон не смогли (или не успели) извлечь из предательской информации Бурмона какую-то пользу для себя. Наполеон в течение дня 15 июня рядом ложных маневров сбил с толку союзное командование, вышел со всеми своими силами в разрез между Блюхером и Веллингтоном и 16 июня ударил их обоих: Ней с двумя корпусами (Друэ д’Эрлона и Рейля) численностью в 20 тыс. человек должен был взять занятую 7-тысячным авангардом британцев д. Катр-Бра на линии связи войск Блюхера и Веллингтона, а Наполеон во главе 68 тыс. при Линьи атаковал 84-тысячную армию Блюхера. Когда сражение при Линьи было в разгаре, император отправил Нею приказ, согласованный с ним заранее: спешить к Линьи, чтобы «обойти Блюхера справа и со всего размаха ударить ему в тыл»[4]. Однако Ней потерял полдня у Катр-Бра впустую и не успел

---

[1] Гюго В. Отверженные // Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 6. С. 359.

[2] Подробно об измене Бурмона см.: Лашук А. Цит. соч. С. 821; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 449–450; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 477–478.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 478.

[4] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 455.

вовремя прибыть к Линьи, сорвав тем самым расчет Наполеона на уничтожение армии Блюхера.

Битву при Линьи Наполеон выиграл[1]. Прусская армия была разгромлена и обратилась в бегство. Сам Блюхер, которому шел уже 73-й год, был сбит с лошади, как и годом ранее под Бриенном, и едва не затоптан французскими кирасирами. «Графу фон Ностицу и прусским кавалеристам, которых он остановил, – читаем об этом у Анри Лашука, – удалось усадить старика-фельдмаршала, находившегося тогда в полуобморочном состоянии, на другую лошадь и вывести его с поля битвы, смешавшись с потоком беглецов»[2]. Пруссаки потеряли здесь до 20,5 тыс. убитыми, ранеными и пленными, хотя немало и французы – 11,5 тыс.[3]

Разумеется, победа Наполеона при Линьи (кстати сказать, *последняя* из всех его более чем 50 побед) была абсолютной. Но император вместе с радостью победы пережил и разочарование: ведь он планировал *уничтожить* армию Блюхера и вполне мог добиться этого, если бы не досадная (как выяснится потом, роковая) медлительность Нея, казалось бы, совершенно не свойственная «храбрейшему из храбрых». Если бы Ней во главе своих 20 тыс. бойцов по ходу битвы при Линьи и во исполнение приказа Наполеона ударил на Блюхера с тыла, прусская армия перестала бы существовать. Теперь же, разбитая и обращенная в бегство, она тем не менее сохранилась как военная сила и могла восстановить свою боеспособность. Вальтер Скотт при этом справедливо отметил, сколь важно было для пруссаков, что остался в строю их главнокомандующий: «Смерть или взятие в плен Блюхера могли бы иметь для союзников трагические последствия. После такого неудачного боя с очень значительными потерями пруссаки вряд ли решились бы вновь вступить в сражение 18 июня (при Ватерлоо. – *Н. Т.*) без своего фельдмаршала»[4].

Как бы то ни было, победа Наполеона над Блюхером в очередной раз повергла глав феодальной коалиции в скорбные чувства. «Уныние и страх распространились в Главной квартире союзников, – писал об этом со слов очевидцев В. К. Надлер. – Утверждают, что даже лица, приближенные к Александру I, упали духом и с трепетом ожидали известий о новых победах Наполеона. Один только Александр не поддался общей тревоге. Исполненный веры в боже-

---

[1] Подробно о ней см.: Лашук А. Цит. соч. С. 833–844; Чандлер Д. Цит. соч. С. 630–634; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 453–459.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 843.

[3] Там же.

[4] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. С. 484.

ственное покровительство[1], он молился, горячо испрашивая себе совета и силы у Духа Святаго»[2].

Преследовать разбитую армию Блюхера Наполеон поручил новоиспеченному маршалу Груши, отделив для него от армии 36 тыс. человек. Выходец из дворянской аристократии, зять маркиза Ж. А. Н. Кондорсе – выдающегося философа-просветителя, академика, члена Конвента, – Эммануэль Робер де Груши (1768–1848 гг.) считался одним из лучших кавалерийских генералов империи. Очень точно характеризовал его Стефан Цвейг: «Груши – человек заурядный, но храбрый, усердный, честный, надежный, испытанный в боях начальник кавалерии, но не больше, чем начальник кавалерии»[3]. Доминик Вильпен уточняет: «Привыкнув командовать одной кавалерией, он никогда еще не руководил соединенными войсками»[4]. Для этого ему не хватало ни предприимчивости, ни опыта. Почему же Наполеон доверил ему столь ответственное поручение – преследовать опытнейшего Блюхера? Вокруг этого вопроса среди историков до сих пор, по выражению Вильпена, «кипят страсти». Между тем, как доказывает Вильпен, ответ прост: именно потому, что Груши был тогда у Наполеона одним из трех *маршалов*, ибо маршал Сульт возглавил Генеральный штаб, маршал Ней действовал на левом фланге Северной армии против Веллингтона; оставался для действий на правом фланге против Блюхера Груши[5].

А пока Груши преследовал отступавшего перед ним в крайнем расстройстве Блюхера, Наполеон, присоединив к себе войска Нея, пошел на Веллингтона. Фельдмаршал Артур Уэлсли, с 1809 г. герцог Веллингтон, слывший в Европе «железным герцогом», победитель Н. Ж. Сульта и М. Нея в испанской кампании 1808–1813 гг., теперь впервые противостоял самому Наполеону. Отступив от Катр-Бра, он занял сильную, удобную для обороны позицию в 22 км южнее Брюсселя на плато Мон-Сен-Жан, у деревни Ватерлоо. Правда, хоть и очень сильная, эта позиция имела один недостаток, который потенциально грозил английской армии гибелью: лес Суаньи за линией ее обороны отрезал ей путь отхода к Брюсселю. Но Веллингтон учиты-

---

[1] Вспомним, какие слова повелел Александр I отчеканить на памятной медали в честь победы 1812 г. над Наполеоном: «Не нам, не нам, а имени *Твоему*!»

[2] Надлер В. К. Цит. соч. Т. 5. С. 554.

[3] Цвейг С. Невозвратимое мгновение (Ватерлоо, 18 июня 1815 г.) // Собр. соч.: В 7 т. М., 1963. Т. 3. С. 71.

[4] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 461.

[5] См.: Там же. С. 461–462.

вал этот недостаток и надеялся избежать его губительных последствий, следуя своему плану сражения.

План «железного герцога» заключался в том, чтобы продержаться на занятой им позиции против Наполеона, чего бы это ни стоило, до тех пор пока не придет к нему на помощь недобитый Блюхер. Дело в том, что еще в полдень 17 июня начальник Главного штаба прусской армии генерал А. В. А. Гнейзенау дал ему знать: как только Блюхер оправится от поражения, он поспешит к Веллингтону; а на рассвете 18-го, за считаные часы до битвы с Наполеоном, Веллингтон получил подтверждение обещанного Гнейзенау от самого Блюхера[1].

Численность армии Веллингтона к началу битвы при Ватерлоо, по данным автора специального исследования А. Г. Кавтарадзе, составляла 70 тыс. человек[2]. Блюхер мог привести с собой (и действительно привел) еще 45 тыс.[3] Таким образом, вместе Веллингтон и Блюхер, располагая 115 тыс. человек, превосходили численно армию Наполеона (А. Г. Кавтарадзе насчитал в ней 74 тыс.; Е. В. Тарле, А. Лашук, В. Слоон, Д. Чандлер, В. Кронин – 72 тыс.)[4] более чем в полтора раза. Боевые качества войск обоих фельдмаршалов были примерно равными (пруссаки 1815 г. несоизмеримо превосходили пруссаков 1806 г.), а сами фельдмаршалы, при всем различии их натур и военно-стратегического мышления, удачно дополняли друг друга: Веллингтон – стратег и прагматик, мастер выбора позиции и затяжной (с расчетом на изматывание противника) обороны; Блюхер – виртуоз маневра, атаки и контратаки, но не стратег. В искусстве разработки военных операций с учетом всех «за» и «против» ему очень помогал Гнейзенау – «его серый кардинал, которого Блюхер, кстати, прозвал своей “головой”»[5]. Об этом свидетельствует бытующий и в научной, и в художественной литературе исторический анекдот (то ли факт, то ли легенда). Однажды на военном совете Блюхер обратился к своим генералам: «Господа, кто из вас может поцеловать свою собственную голову?» Генералы, озадаченно переглянувшись, молчали. «А я могу!» – торжествующе заявил Блюхер и, подойдя к Гнейзенау, поцеловал его.

---

[1] См.: Там же. С. 464–465; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 478–479.

[2] Кавтарадзе А. Г. Ватерлоо // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 160–161.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 661.

[4] Там же. С. 645; Лашук А. Цит. соч. С. 860; Кронин В. Цит. соч. С. 499; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 479; Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 2. С. 599.

[5] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 445.

К исходу дня 17 июня Наполеон, преследуя отступавшего от Катр-Бра Веллингтона, подошел к ферме с «фатальным названием» Бель-Альянс («Прекрасный союз») и оттуда увидел в тумане плохо различимые войска неприятеля на плато Мон-Сен-Жан. «Желая точно удостовериться, что он действительно загнал Веллингтона на Мон-Сен-Жан, – читаем у Д. Чандлера, – император приказал кирасирам генерала Мило выехать вперед по дороге, имея для поддержки несколько батарей конной артиллерии, чтобы заставить Веллингтона выдать свое присутствие. Приманка сработала: грохот ядер и снарядов, выпущенных из 60 орудий союзников, успокоил императора на этот счет»[1]. В тот момент Наполеон мог подумать, что Веллингтон – у него в руках, обреченный на гибель. Позднее, уже на острове Святой Елены, он говорил своему врачу, англичанину Б. О'Мира: «Со стороны Веллингтона было безумием дать мне сражение в таком месте, где в случае поражения погибло бы все его войско, ибо отступление было для него невозможно – у него в тылу был лес, куда вела одна дорога»[2]. Да, Веллингтон ждал в тот день Блюхера, но ведь Наполеон знал, что Блюхера преследует Груши, а главное, император был уверен, что разгромит Веллингтона без Груши и до возможного прихода Блюхера. Поэтому он решил начать сражение наутро 18 июня как можно раньше, с рассветом. И вот тут спасительно для Веллингтона вмешалась в ход истории природа (Александр I непременно усмотрел бы в этом вмешательстве «промысел Божий»!).

К ночи с 17 на 18 июня разразилась жесточайшая гроза и всю ночь, не переставая, лил проливной дождь. Он, по словам Д. Чандлера, «промочил до костей всех, кроме немногих счастливчиков, которые ухитрились приютиться на ферме и в домах»[3]. Это касалось и французов, и англичан. Но англичане уже заняли оборонительные позиции, готовые к битве, а французам предстояло их атаковать в условиях, когда почва превратилась в болото и развернуть артиллерию (да и кавалерию тоже) для быстрого маневра было практически невозможно. Послушаем Виктора Гюго: «Наполеон имел обыкновение сосредоточивать в своих руках всю артиллерию, целясь, словно из пистолета, то в одно, то в другое место поля битвы; и теперь он поджидал, когда батареи, поставленные на колеса, смогут быстро и свободно передвигаться»[4]. Пришлось ждать, пока просохнет хоть мало-мальски земля. Ждать пришлось для той ситуации, когда решалась судьба трех армий и, возможно, всей кампании,

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 643.
[2] Наполеон на острове Святой Елены // Русский архив. 1912. № 1. С. 124.
[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 643.
[4] Гюго В. Цит. соч. С. 363.

слишком долго: вместо 6 часов утра, запланированных накануне для начала битвы, Наполеон вынужден был перенести его на 9, а затем и на 11 часов.

Теперь (цитирую Гюго) «представьте себе, что земля была бы суха, артиллерия подошла бы вовремя и битва могла бы начаться в шесть утра. Она была бы закончена к двум часам дня, то есть за три часа до прибытия пруссаков»[1]. При таком раскладе времени (без дождя) Наполеон «должен был обязательно победить» Веллингтона, прежде чем появился бы Блюхер, а затем и Блюхера, которого, не забудем, преследовал Груши; в таком заключении сошлись и самый выдающийся из *английских* специалистов по истории наполеоновских войн Дэвид Чандлер, и самый авторитетный в мире наполеоновед, президент Института Наполеона *француз* Жан Тюлар[2]. Гюго сделал даже слишком далеко идущий вывод: «...если бы в ночь с 17 на 18 июня 1815 г. не шел дождь, будущее Европы было бы иным»[3]. Прогнозировать столь категорически будущее Европы у нас нет достаточных оснований: даже если бы седьмая коалиция проиграла битву у Ватерлоо, лишилась бы армий Веллингтона и Блюхера и распалась, феодальные монархи могли бы создать еще и восьмую, и (если бы потребовалось) девятую коалицию и, скорее всего, сохранили бы за Европой ее *роялистское* будущее.

Итак, начало битвы при Ватерлоо Наполеон перенес на 11 часов. В 10 часов он провел у Бель-Альянса смотр войскам, готовым к бою. То был последний армейский смотр в жизни Наполеона, и он оставил как у рядовых солдат, так и у самого императора неизгладимое впечатление. Когда Наполеон в своем неизменно зеленом мундире, который давно уже стал легендарным, предстал перед стройными рядами солдат, офицеров и генералов верхом на красивой белой лошади по кличке «Дезире» (наверное, обидной для Дезире Клари и Бернадота), войска встретили его с восторгом просто сумасшедшим, иначе не скажешь. Стефан Цвейг так писал об этом со слов очевидцев: «Исступленно гремят барабаны, неистово-радостно встречают императора трубы, но весь этот фейерверк звуков покрывает раскатистый, дружный, ликующий крик семидесятитысячной армии: “Vive l’Empereur!” Ни один парад за все пятнадцать лет правления Наполеона не был величественнее и торжественнее этого – последнего – смотра»[4].

---

[1] Гюго В. Цит. соч. С. 363.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 676; Тюлар Ж. Наполеон... С. 358.
[3] Гюго В. Цит. соч. С. 358.
[4] Цвейг С. Цит. соч. С. 74.

С таким настроением прямо со смотра войска Наполеона пошли в бой. Когда грянул мощный залп французских орудий как сигнал к началу битвы при Ватерлоо, часы показывали 11.35.

Ватерлоо! Утром еще безвестное селеньице неподалеку от столицы Бельгии к вечеру уже стало одним из самых знаменитых мест всемирной истории, ибо здесь закончился беспримерный полководческий путь Наполеона.

Свой план битвы Наполеон строил на том, чтобы прорвать центр обороны Веллингтона, ворваться в образовавшуюся брешь и оттуда громить оба неприятельских фланга. С целью заранее ослабить центр противника, отвлечь его внимание и силы от направления главного удара император запланировал в качестве отвлекающего маневра атаку на правый фланг английской позиции против замка Угумон.

Сражение началось именно с этой атаки. На штурм Угумона пошла одна из четырех пехотных дивизий корпуса О. Ш. Рейля, а возглавил ее Жером Бонапарт, загоревшийся желанием доказать брату-императору свою воинскую состоятельность и тем самым искупить грехи 1812 г. «Поэтому, – иронизирует над ним Д. Вильпен, – с не свойственным ему смирением он согласился участвовать в войне как простой дивизионный генерал»[1]. Взять Угумон Жером не сумел, но это, в принципе, и не требовалось. Важно было оттянуть туда из центра часть сил Веллингтона, что и удалось, – правда, менее, чем хотелось бы.

Тем временем, пока Наполеон готовил удар по центру позиции Веллингтона, один из полков корпуса Друэ д'Эрлона после ряда атак приступом взял опорный пункт левого фланга англичан ферму Гей-Сент. Главные ворота фермы взломал топором под огнем противника французский геркулес лейтенант Вьё (воспитанник Политехнической школы), – впоследствии он дослужился до полковника и погиб в 1836 г. в Алжире[2].

Теперь, пошатнув оба фланга Веллингтона, перед тем как атаковать его центр, Наполеон, обеспокоенный отсутствием вестей от Груши, осведомился у Сульта, сколько гонцов тот послал к новоявленному маршалу. Сульт ответил: «Одного». «Милостивый государь! – воскликнул Наполеон с негодованием. – Бертье послал бы сто гонцов!»[3] В 13 часов 30 мин. Сульт отправил второго гонца с приказом Груши спешить к полю битвы при Ватерлоо, но этот приказ Груши получит лишь в 17.30[4].

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 471.
[2] Лашук А. Цит. соч. С. 873; Гюго В. Цит. соч. С. 375.
[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 474–475; Манфред А. З. Цит. соч. С. 685.
[4] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 475.

А в 13.30 маршал Ней повел корпус Друэ д'Эрлона в лобовую атаку на плато Мон-Сен-Жан в самом центре британской позиции[1]. Четыре эскадрона кирасиров ворвались по крутому откосу на плато и обратили в бегство нидерландскую бригаду графа ван Биландта, которая первой приняла на себя их удар. Вслед за кирасирами на гребень плато уже поднимались и пехотные полки д'Эрлона. В этот критический момент на помощь защитникам плато подоспели полки тяжелой кавалерии генерал-майора сэра Уильяма Понсонби.

Бригаду драгунов генерала Понсонби в армии Веллингтона называли Союзной бригадой, поскольку три ее полка как бы символизировали единство Англии, Шотландии и Ирландии. Атакуя французов под уклон, они смяли их пехоту, отбросили кирасиров и устремились было за ними в погоню. Но тут Наполеон, внимательно следивший за ходом боя, бросил им навстречу сильный отряд уланов и егерей, которые опрокинули английских драгун, истребили их бóльшую часть и заставили уцелевших спасаться бегством. Сам генерал Понсонби пал в этой сече, пронзенный уланскими пиками. «В результате, – заключил Д. Чандлер, – англо-шотландская бригада прекратила свое существование в качестве действующего соединения»[2].

После разгрома Союзной бригады центр Веллингтона дрогнул и подался назад. В битве наступил переломный момент. Очень выразительно запечатлел его Виктор Гюго: «Наполеон вдруг заметил, что плато Мон-Сен-Жан как бы облысело и что фронт английской армии исчезает. Стягиваясь, она скрывалась. Император привстал на стременах. Победа молнией сверкнула перед его глазами. Загнать Веллингтона в Суаньский лес и там разгромить – вот что было бы окончательной победой <...>. Веллингтон уже отступил. Это отступление оставалось лишь довершить полным разгромом. Внезапно обернувшись, Наполеон тут же отправил в Париж нарочного с эстафетой, извещавшей, что битва выиграна»[3], а затем отдал приказ кирасирам генерала Мило взять Мон-Сен-Жан.

Командующий 4-м корпусом тяжелой кавалерии граф Эдуард Жан Батист Мило, бывший «цареубийца» (член Законодательного собрания 1792 г., голосовавший за казнь Людовика XVI) и герой Аустерлица развернул к атаке свои 26 эскадронов – три тысячи пятьсот воинов, не единожды прошедших сквозь огонь и воду и медные трубы. «Это были люди-гиганты на конях-исполинах», – писал о них

---

[1] Подробно об этой атаке см.: Лашук А. Цит. соч. С. 865–869; Чандлер Д. Цит. соч. С. 650–652.

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 652.

[3] Гюго В. Цит. соч. С. 376–377.

Гюго. Рядом с генералом Мило повел их в атаку маршал Ней. «Казалось, что вся эта масса людей, – читаем далее у Гюго, – превратилась в сказочного дива и обрела единую душу <...>. Среди пушечных залпов и звуков фанфар – хаос касок, криков, сабель, лошадиных крупов, страшная и вместе с тем послушная воинской дисциплине сумятица <...>. Нечто подобное этому видению являлось, вероятно, в древних легендах о полулюдях-полуконях, титанах с человеческими головами и лошадиным туловищем, которые вскачь взбирались на Олимп, страшные, неуязвимые, великолепные; боги и звери одновременно <...>. Они неслись во весь опор, отпустив поводья, с саблями в зубах, с пистолетами в руках, – такова была эта атака». Когда они обрушились на плато, «это походило на начинающееся землетрясение»[1].

Английский офицер, прапорщик 1-го пехотного гвардейского полка Гронау вспоминал: «Ни один человек, присутствовавший при этом и выживший, не мог до конца жизни забыть ужасающего великолепия этой атаки. Вы видели вдали что-то казавшееся огромной двигающейся линией, которая, приближаясь, сверкала, как мощная морская волна, отражающая солнце. Все ближе и ближе неслась эта конница, пока сама земля не начинала сотрясаться от ее громового топота. Казалось, ничто не сможет устоять под напором этой ужасной накатывающейся массы. Это и были знаменитые кирасиры – в основном старые солдаты, отличившиеся почти во всех сражениях в Европе. Невероятно быстро они оказались уже рядом с нами, оглушая нас криками “Vive l’Empereue!”»[2].

Нужно отдать должное многонациональным защитникам плато Мон-Сен-Жан из армии Веллингтона – англичанам, шотландцам, голландцам, бельгийцам, ганноверцам... Они сомкнулись в 13 пехотных каре (ощетинившиеся штыками четырехугольники). Кирасиры атаковали весь их фронт сразу, налетев на них ураганом. Но они стояли насмерть. Цитирую Виктора Гюго: «Первый ряд, опустившись на колено, встречал кирасиров в штыки, второй расстреливал их; за вторым рядом канониры заряжали пушки; фронт каре разверзался, пропуская шквал картечного огня, и смыкался вновь. Кирасиры отвечали на это новыми атаками. Огромные кони вздымались на дыбы, перескакивали через ряды каре и через штыки <...>. Ядра пробивали бреши в рядах кирасиров, а кирасиры пробивали бреши в каре. Целые шеренги солдат исчезали, раздавленные лошадьми»[3]. И вот

[1] Там же. С. 378–379.
[2] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 653–654.
[3] Гюго В. Цит. соч. С. 381.

еще одно свидетельство английского прапорщика Гронау: «Наши каре имели ужасный вид. Мы почти задыхались внутри от дыма и гари. Было невозможно шагнуть ни на один ярд[1], чтобы не наступить на раненого товарища или на тело убитого, а громкие стоны наших раненых и умирающих вселяли в душу ужас»[2].

Предчувствуя близость решающей победы, Наполеон подкрепил эскадроны Мило тяжелой кавалерией из резервного корпуса, которым командовал граф Франсуа Этьен Келлерман – герой Маренго и Аустерлица, сын маршала Ф. Келлермана. Новые волны атак на союзный центр возглавил вместе с Мило и Келлерманом все тот же Ней. Под ним были убиты уже четыре лошади, но самого маршала пули не брали. Конечно, очень недоставало Наполеону в те часы Мюрата с его несопоставимой с кем бы то ни было харизмой, умением воспламенить и обратить атакующие эскадроны в смертоносный таран. Но и «храбрейший из храбрых» Ней смог добиться почти того же. К 18-ти часам, по заключению Д. Чандлера, «для Веллингтона настала тяжелейшая минута дня»[3]. «Кирасиры уничтожили семь каре из тринадцати, захватили или заклепали 60 орудий и отняли у англичан шесть знамен, которые были доставлены императору к ферме Бель-Альянс»[4]. Центр Веллингтона еле держался – из последних сил. Части союзных войск, одна за другой (в их числе весь элитный Камберлендский гусарский полк), бежали в Суаньский лес и далее к Брюсселю. От Мон-Сен-Жан «на протяжении почти двух миль[5] в направлении Брюсселя, – читаем у Виктора Гюго, – вся местность, *по свидетельству очевидцев, которые живы еще и теперь*, была запружена беглецами. Паника была так сильна, что докатилась до Людовика XVIII в Генте»[6].

К этому времени у Веллингтона практически уже не было больше кавалерии, почти не осталось и артиллерии: «целые батареи валялись на земле, сбитые с лафетов». Испанский и австрийский комиссары при штабе «железного герцога» считали его погибшим.

---

[1] Ярд (англ. Yard) – мера длины: 91,4 см.

[2] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 654.

[3] Там же. С. 655.

[4] Гюго В. Цит. соч. С. 383.

[5] Миля (англ. Mile) – различная в разных странах мера длины от 1852 до 7468 м.

[6] Там же. С. 385 (Курсив мой. – *Н. Т.*); Лашук А. Цит. соч. С. 873–874; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 480–481. Здесь уместно подчеркнуть, что Виктор Гюго воссоздал ход битвы при Ватерлоо (посвятив ей 17 глав в романе «Отверженные») не только по письменным источникам и научным исследованиям, но и по воспоминаниям *живых свидетелей*.

Вглядываясь то влево, то вправо, откуда могли подоспеть спасители-пруссаки, Веллингтон «повторял, как заклинание: “Блюхер или ночь!”»[1].

Именно в этот миг, примерно в 18.30, на высотах у Планшенуа и Фришермона, справа от боевых порядков Северной армии, появились прусские авангарды Ф. В. фон Бюлова, Г. Э. К. фон Цитена и Г. Д. фон Пирха, а вслед за ними главные силы Блюхера общей численностью в 45 тыс. человек, которые ударили во фланг и в тыл французам. Так, по словам Виктора Гюго, «наступил перелом в этой исполинской драме»[2].

Все перевернулось в считаные минуты: «Наполеон ждал Груши, а явился Блюхер – смерть вместо жизни»[3]. Какое-то время император еще верил, что Груши придет – пусть не раньше Блюхера, но вслед за ним; а пока надо приостановить атаки пруссаков и добить обескровленного Веллингтона. Выставив навстречу пруссакам армейский корпус Ж. Мутона и два полка Молодой гвардии, Наполеон бросил в бой против Веллингтона своих испытаннейших «ворчунов» – Старую гвардию. Вот как запечатлел эту историческую атаку французский и мировой гений Виктор Гюго:

«Что ж, двинем гвардию», – сказал он. И тотчас
Согласно лязгнула сталь сабель, медь кирас;
Уланы двинулись, драгуны, кирасиры,
Колонны гренадер, шатнулись канониры,
С громами дружные, и медленно пошли,
Как встарь – под Фридландом, Ваграмом, Риволи,
И, зная, что идут на смерть, с грозой во взгляде,
Пред божеством своим прошли как на параде,
Крича: «Да здравствует наш император!». Гром
Их кликов с музыкой рванулся напролом,
И вот, презрев картечь, что била неустанно,
Строй Старой гвардии вступил в жерло вулкана[4].

После того как «Большая батарея» гвардейской артиллерии из 80 орудий обрушила шквал огня на оставшихся защитников плато Мон-Сен-Жан, которые по-бульдожьи буквально вгрызались в землю с одной-единственной надеждой – продержаться до прихода Блюхера, – девять батальонов Старой гвардии ринулись по склонам

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 874; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 480; Гюго В. Цит. соч. С. 385.

[2] Гюго В. Цит. соч. С. 385.

[3] Там же. С. 386.

[4] Гюго В. Искупление // Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 12. С. 166.

плато вперед и вверх. Во главе каждого батальона гарцевал на коне генерал: Друо, Камбронн, Фриан, Роге, Мишель, Пети, Анрион, Поре де Морван, Арле – все были здесь. А впереди всех – маршал Ней!

«Ворчуны» Старой гвардии первой же атакой опрокинули и обратили в бегство несколько британских и два брауншвейгских батальона, захватив при этом две батареи противника. Генерал Фриан, раненый и отправленный в тыл, крикнул с носилок, когда его проносили мимо императора: «Все идет хорошо!»[1] Увы! – к тому времени на всех прочих участках битвы (Угумон, Ге-Сент, Планшенуа) вновь прибывшие войска Блюхера уже атаковали французов, отвлекая на себя последние резервы Наполеона. Старая гвардия все еще наступала, и при виде ее раненые французы «приподнимались, чтобы из последних сил выкрикнуть: "Да здравствует император!"»[2]. Но вокруг непобедимых «ворчунов» другие части Северной армии, отбиваясь от пруссаков, начали отходить, а иные – бежать, с криками «Спасайся, кто может!» – все это под зловеще-багровым отблеском *заходящего* солнца; «под Аустерлицем, – напоминал Виктор Гюго, – оно *всходило*»[3]. «Обескровленный английский генералиссимус[4], – пишет о Веллингтоне Доминик Вильпен, – использует этот чудом выпавший ему час, чтобы восстановить свою линию фронта»[5].

Дальнейший ход битвы Наполеон уже не мог должным образом контролировать, а Веллингтон, «на три четверти побежденный» (по выражению Гюго), сам воспрянул духом при виде спасителей-пруссаков и вдохновлял – радостными словами и жестами – свои, казалось, безнадежно деморализованные войска на *общую* с пруссаками атаку. В эти минуты героически, но уже тщетно пытался исправить непоправимое маршал Ней. «Под ним убили пятую лошадь. Весь в поту, с пылающим взором, с пеной на губах, в расстегнутом мундире, с одной эполетой, полуотсеченной сабельным ударом английского конногвардейца, со сломанным крестом Большого орла, окровавленный, забрызганный грязью, великолепный, со сломанной шпагой в руке», он пытался остановить бегущих солдат и повести их за собой в контратаку. Но солдаты, восхищаясь его героизмом, не находили больше сил в разверзшемся хаосе для новых атак. «Да здравствует Ней!» – кричали они и продолжали мимо него бежать[6]. В пароксизме

---

[1] Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 473.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 875.

[3] Гюго В. Отверженные. С. 388.

[4] Фельдмаршал Веллингтон имел титулы барона, маркиза, виконта, графа, герцога, князя, но генералиссимусом не был.

[5] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 481.

[6] Гюго В. Отверженные. С. 388–389; Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 404–405.

отчаяния Ней, обращаясь к ним, восклицал: «Смотрите, как умирает маршал Франции!» «Несчастный! – напишет об этом Виктор Гюго. – Ты уцелел, чтобы пасть от французских пуль!»[1]

Только батальоны Старой гвардии, построенные в каре, «среди дикой паники и обезумевших толп беглецов, – читаем у О. В. Соколова, – казались гранитными утесами, возвышающимися над бурлящим морем»[2]. Но и они теперь отступали, «как затравленный мощный зверь, отбивающийся от своры лающих и кусающих его гончих»[3]. Сам Наполеон, уже сменив раненую лошадь, ехал шагом в центре мощного каре 1-го гренадерского полка, которым командовал генерал барон Ж.-М. Пети – тот самый, кто возглавлял Старую гвардию на прощании с императором во дворе Фонтенбло 20 апреля 1814 г. По воспоминаниям Пети, каре отступало «в идеальном порядке»: «Враг шел за нами следом, но не осмеливался атаковать»[4]. В порядке отступали и другие полки Старой и Молодой гвардии. Зато все вокруг – с криками, равно паническими: «Спасайся, кто может!» и «Гвардия отступает!», – беспорядочно бежали. Наполеону приходилось отступать со своими войсками перед врагом и в Египте, и в России, и в Германии, но под Ватерлоо он впервые увидел свою армию *бегущей* у него на глазах с поля битвы.

Когда с наступлением сумерек преследователи ослабили натиск, император оставил каре генерала Пети и помчался с конногвардейским эскортом в Жемапп, а потом еще далее на юг к Катр-Бра (куда он прибыл уже в час ночи на 19 июня) – с надеждой собрать остатки разбитой армии. Увы, увы... Вместо более или менее организованных воинов он всюду обнаруживал лишь толпы беглецов. К счастью для побежденных, опьяненные несказанной удачей победители прекращали их преследование, торопясь праздновать победу, так что к рассвету 19-го французы «полностью оторвались от своих преследователей»[5]. Это позволило Наполеону собрать у Филиппвиля, на самой границей с Францией, все то, что осталось от Северной армии. Сознавая, сколь необходимо теперь его наискорейшее прибытие к себе в столицу, он сдал командование Сульту и с тем же эскортом, на этот раз в походной карете, поспешил в Париж.

Тем временем, пока Наполеон был уже на пути к Жемаппу и Катр-Бра, у подножия плато Мон-Сен-Жан все еще держалось по-

---

[1] Гюго В. Отверженные. С. 389.
[2] Соколов О. В. Цит. соч. С. 476.
[3] Там же (О. В. Соколов цит. здесь Анри Гуссе).
[4] Цит. по: Соколов О. В. Цит. соч. С. 476.
[5] Чандлер Д. Цит. соч. С. 659.

следнее каре Старой гвардии, отражая яростные атаки многократно превосходивших его численностью англичан и пруссаков. Командовал им генерал граф Пьер Жак Этьен Камбронн. Подвиг этого каре, навсегда запечатленный в мировой истории, рассмотрен в многочисленных исследованиях (А. Гуссэ и А. Лашука, Д. Вильпена и Д. Чандлера, А. З. Манфреда и О. В. Соколова) и буквально воспет в бессмертном романе В. Гюго «Отверженные». Современники и потомки всегда удивлялись и продолжают удивляться жертвенному героизму воинов Камбронна, которые, будучи окруженными со всех сторон, под убийственным огнем противника, «спокойно, как всесокрушающий таран, прокладывали себе дорогу сквозь неприятельские ряды»[1]. Когда же английский генерал Чарльз Колвил (или, по другим данным, Фредерик Мэтленд), восхищенный их доблестью, воззвал к ним: «Храбрые французы, сдавайтесь!», Камбронн, как свидетельствует большинство источников, ответил: «Гвардия умирает, но не сдается!» Эта его «знаменитая фразы», по мнению Д. Чандлера, «служит достойной эпитафией безграничному мужеству наполеоновской гвардии», хотя, как полагает Чандлер, Камбронн... «не произносил ее, ограничившись куда более выразительным словцом в пять букв»[2]. Да, еще до Чандлера такие авторитеты, как В. Гюго и Е. В. Тарле, считали, что Камбронн ответил на предложение англичан именно «словцом в пять букв»: «Merde!» (Дерьмо)[3].

Две столь разные версии ответа Камбронна («Дерьмо» или «Гвардия умирает, но не сдается!»)[4] до сих пор обсуждаются в научной литературе. Д. Вильпен, сопоставив данные разных источников, допускает, что Камбронн отграничился презрительным «словцом», тогда как фразу «Гвардия умирает, но не сдается!» произнес командовавший другим гвардейским каре генерал К. Э. Мишель (он погиб при Ватерлоо)[5]. По-моему, лучше всех разобрался в том, что́ и как (и кем) тогда было сказано, О. В. Соколов. Он установил, что «уже в эпоху Второй Империи ряд ветеранов, дравшихся при Ватерлоо в рядах Старой гвардии, под присягой подтвердили, что они не только слышали, но и хором вместе с другими произносили: «Гвардия умирает, но не сдается!» Скорее всего, Камбронн, а может быть, и другие офицеры и солдаты отвечали выкриками и проклятьями на

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 686.

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 658.

[3] Гюго В. Отверженные. С. 392; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 481.

[4] По мнению А. З. Манфреда (его цит. соч. С. 686), Камбронн сказал и то, и другое: «Дерьмо! Гвардия умирает, но не сдается»!).

[5] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 485–486.

неоднократные предложения сдаться. Но все это тонуло в грохоте канонады, в треске ружейной пальбы, в воплях раненых и криках сражающихся. Кто именно и что кричал, никто не мог бы, наверное, толком вспомнить и час спустя»[1].

Сам генерал Камбронн был тяжело ранен осколком ядра в голову «и упал с коня без сознания на груды трупов»[2]; подобрали его, уже как военнопленного, англичане. Оставшееся без своего командира последнее каре Старой гвардии сражалось с прежним ожесточением, не на жизнь, а на смерть, и было фактически полностью уничтожено. «Так погибли французские легионы, еще более великие, чем римские», – заключил Виктор Гюго описание этой битвы в романе «Отверженные»[3] (может быть, самое яркое из всех описаний битв в мировой литературе)...

Веллингтон вошел в историю победителем Наполеона, дав основание Виктору Гюго съязвить: «Ватерлоо – это первостепенная битва, выигранная второстепенным полководцем»[4]. Как это получилось? Мы видели: по уникальному стечению невероятно счастливых, просто спасительных для Веллингтона обстоятельств. Ведь его позиция, да еще в той ситуации, в которой он оказался после разгрома Блюхера у Линьи, обрекала «железного герцога» на верную гибель, но тут, словно «Всевышней волею Зевеса» (как сказал бы А. С. Пушкин), были ниспосланы ему, один за другим, сразу четыре *якоря спасения*: сначала Ней необъяснимо промедлил и не помог Наполеону добить Блюхера при Линьи; потом нежданно-негаданно гроза помешала императору начать битву при Ватерлоо ранним утром, а не к полудню; далее единственный (!) гонец от Сульта опоздал вовремя призвать к Ватерлоо корпус Груши и, наконец, самое главное – Груши, преследуя Блюхера, потерял его из виду и не пришел помочь Наполеону (а недобитый Блюхер на помощь к Веллингтону пришел!) – «почти что отлупили Веллингтона, да подоспели прусские колонны», – так написал об этом Д. Г. Байрон[5]). Согласимся с Мишелем Франчески и Беном Вейдером: «Ватерлоо могло бы стать новым Аустерлицем, если бы не случилось невероятного стечения фатальных обстоятельств»[6].

Данные о потерях сторон в битве при Ватерлоо, естественно, разнятся, но если потери союзников историки определяют почти со-

---

[1] Соколов О. В. Цит. соч. С. 475.
[2] Там же.
[3] Гюго В. Отверженные. С. 395.
[4] Там же. С. 398.
[5] Байрон Д. Г. Дон-Жуан // Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 336.
[6] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 241.

гласно (22–22,5 тыс. человек), то французские потери – в широком диапазоне от 25 до 41 тыс.[1] Разумеется, главный итог битвы не в этих цифрах, а в самом факте разгрома лучшей на тот момент из французских армий, которую лично возглавлял Наполеон. Можно себе представить, как счастливы были Веллингтон и Блюхер, обнимаясь при встрече в конце сражения, около 22-х часов, у фермы, название которой «Бель-Альянс» так соответствовало их настроению.

Весть о победе при Ватерлоо воодушевила, как нельзя более, весь лагерь седьмой коалиции. «Радость была неописуемая, – вспоминал о реакции на Ватерлоо в Главной квартире русской армии флигель-адъютант Александра I А. И. Михайловский-Данилевский, – тем более что после поражения пруссаков при Линьи не только не ожидали успехов, но боялись услышать о новых победах французов»[2].

Радовались тогда победе над Наполеоном не только правители, но и народы тех стран Европы, которые зависели от французского диктата и теперь будто бы получили возможность развиваться свободно. Только со временем (очень скоро!) выяснится, что победители Наполеона заковали весь континент в цепи феодализма, инквизиции, мракобесия, куда более тяжкие, чем французский диктат, и что, стало быть, как сказал Генрих Гейне, «битву при Ватерлоо проиграло человечество»[3]. Великому *немцу* Гейне вторил (обращаясь к Веллингтону) великий *англичанин* Байрон: «Реставрации в угоду ты спас легитимизма костыли»[4]. А позднее и подробнее ту же мысль выскажет великий *россиянин* Герцен: «Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту победы при Ватерлоо; я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз в груди делается холодно и страшно <...>. Ирландец на английской службе, человек без отечества, и пруссак, у которого отечество в казармах, приветствуют радостно друг друга; и как им не радоваться, они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь – в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат»[5].

Д. С. Мережковский выразился еще более резко: «Победа над ним (Наполеоном. – *Н. Т.*) Веллингтона и Блюхера есть поражение чело-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. 482; Кавтарадзе А. Г. Цит. соч. С. 163; Лашук А. Цит. соч. С. 880; Чандлер Д. Цит. соч. С. 661; Слоон В. Цит. соч. Т. 2. С. 618; Кронин В. Цит. соч. С. 501; Саундерс Э. Цит. соч. С. 290.

[2] Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 гг. 3-е изд. СПб., 1836. С. 238.

[3] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 261.

[4] Байрон Д. Г. Цит. соч. С. 360.

[5] Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 7. С. 230–231.

веческого смысла бессмыслицей. Ватерлоо решило судьбы мира, и если это решение окончательно – значит, мир достоин не Наполеона-Человека, а человеческого навоза»[1].

4. Второе отречение

Утром 20 июня, сдав командование остатками Северной армии маршалу Сульту в городке Лан (примерно на полпути от Бомона до Парижа), Наполеон отбыл в Париж. «Как в 1799 году в Египте, как в 1812 году после Березины в России, он считает, что положение во Франции требует его скорейшего возвращения в столицу. В предыдущем году его отсутствие дало свободу действий предателям – Талейрану и сенаторам. Наученный горьким опытом, он хотел вернуться не мешкая, чтобы воспрепятствовать интригам, неизбежным после постигшего его поражения». Нельзя не согласиться с этим и следующим замечанием Доминика де Вильпена: «Теперь положение видится еще более опасным, чем в 1814 году. Палаты, которые вчера раболепствовали перед ним, сегодня фрондируют в открытую <...>. Если учесть размеры бедствия, слабым утешением является то, что Париж не взят, Жозеф не бежал, а Талейран все еще находится за границей. Чтобы спасти хоть что-то, Наполеон должен был срочно вернуться в Елисейский дворец, где его присутствие, возможно, разоружит парламентское большинство, которое уже точит ножи»[2].

Оставляя армию, император уже знал, почему маршал Груши – этот, по меткому определению Стефана Цвейга, «невольный вершитель судьбы Наполеона»[3] – не пришел к нему на помощь и, хуже того, не помешал Блюхеру спасти Веллингтона. Выяснилось, что еще до полудня 18 июня, заслышав гул канонады с поля битвы при Ватерлоо, генералы Жерар и Вандам стали требовать от Груши, чтобы он незамедлительно повел войска к Наполеону, но маршал досадливо «ощетинился», ссылаясь на приказ от императора преследовать Блюхера[4]. Однако преследовал он Блюхера столь вяло и, главное, неумело, словно хотел доказать собственным генералам, что как маршал он еще новичок. Так, он не заметил, когда Блюхер с главными силами оторвался от него, оставив перед ним лишь небольшой отряд барона А. Ф. Тильмана. В результате Груши сбился с пути и долго шел за отрядом Тильмана, «ошибочно полагая, что он преследует Блюхера»[5].

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 252.
[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 490–491.
[3] Цвейг С. Цит. соч. С. 75.
[4] Чандлер Д. Цит. соч. С. 648.
[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 684–685.

Французские авторы «Истории XIX века» резонно обвиняют маршала: «Великая вина Груши в этот день заключалась в том, что он не повторил дерзкого маневра Дезе при Маренго»[1]. Вот и получилось, резюмирует А. З. Манфред, что «битва при Ватерлоо стала как бы повторением сражения при Маренго, но в перевернутом виде и с несчастным исходом»[2].

Правда, на следующий день после Ватерлоо Груши (отдадим ему должное) смог действовать и решительно, и умело. «Обдумав несколько вариантов, – пишет о нем Дэвид Чандлер, – он решил отходить во Францию через Намюр и начал выполнение блестящей операции по отходу, целых два дня стряхивая с себя преследующих пруссаков. Даже когда Пирх и Тильман нагнали Груши у Намюра 20 июня, маршал оказался способен нанести два неожиданных поражения своим преследователям. Таким образом Груши привел 25000 уцелевших французских солдат в Филиппвиль на следующий день, и, несмотря на то что 18-го он не пошел на гул канонады, его вина (вот здесь согласиться с Чандлером невозможно! – *Н. Т.*) искупается, безусловно, этим фактом»[3].

21 июня в 5.30 утра Наполеон прибыл в Париж. У Елисейского дворца, едва он вышел из кареты, встретил и приветствовал его Арман Коленкур. «Мне нужны два часа покоя», – таковы были первые слова императора. Маршан приготовил ему горячую ванну, полагая, что после этого он ляжет в постель, но император прямо из ванны отправился на экстренное заседание Совета министров.

Здесь уместно оспорить следующее мнение Е. В. Тарле: «Наполеон приехал после Ватерлоо в Париж не бороться за престол, а сдавать все свои позиции. И не потому, что исчезла его исключительная энергия, а потому, что он, по-видимому, не только понял умом, но ощутил всем существом, что он свое дело – худо ли, хорошо ли – сделал и что его роль окончена»[4]. Цитированные Д. Вильпеном письма, которые Наполеон отправил министрам и лично брату Жозефу перед своим отъездом из армии, говорят о другом. «Мужества! Твердости!» – требует император от Жозефа. А министров он убеждает: «Не все потеряно. Я предполагаю, что, если собрать все силы, у меня будет 150 тыс. человек. Федераты и Национальная гвардия дадут мне 100 тыс. Резервные батальоны – еще 50 тыс. <...>. Все еще можно поправить. Я думаю, депутаты осознáют, что их долг в данных обстоятельствах – сплотиться вокруг

[1] История XIX века. Т. 2. С. 248.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 685.
[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 659.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. 483.

меня, чтобы спасти Францию. Подготовьте их к тому, чтобы они достойно помогали мне»[1].

Теперь, вернувшись в Париж, Наполеон, по авторитетным свидетельствам очевидцев (тех же Коленкура и Маршана, а также его братьев – Жозефа и Люсьена), развернул активную деятельность с целью мобилизовать и сплотить вокруг себя всю Францию для отпора нашествию интервентов[2]. «Я вернулся, чтобы внушить народу великое и благородное самопожертвование», – заявил он на Совете министров. Когда же госсекретарь М.-Л.-Э. Реньо опасливо заметил, что Палата депутатов не поддержит императора, ибо настроена добиваться его отречения, Наполеон отреагировал на это очень жестко: «Народ избрал меня императором не для того, чтобы низвергнуть, а чтобы поддерживать. Я не боюсь депутатов. Стоит мне сказать одно слово, и с ними будет покончено. За себя я не боюсь, но боюсь за Францию. Если вместо того, чтобы объединиться, мы будем ссориться, все погибнет. А между тем патриотизм народа, ненависть его к чужеземцам, любовь ко мне могли бы дать нам огромную силу...»

Тут же император начал излагать план новой кампании «с таким блеском (цитирую Д. С. Мережковского), что министры заслушались, забыли Ватерлоо: снова воскресал перед ними Наполеон – "бог войны, бог победы". "Это черт, а не человек, – говорил несколько часов спустя Фуше своим новым друзьям-роялистам. – Он меня сегодня напугал: когда я слушал его, мне казалось, что он все начнет заново"»[3].

После того как Наполеон дал слово министрам, они разделились на три группы. Даву, Карно и оба брата императора предложили силовой вариант – распустить Палату депутатов, объявить отечество в опасности и, опираясь на поддержку народа, установить в стране «временную военную диктатуру». Коленкур, Камбасерес и Маре высказались примирительно – за поиск консенсуса с обеими палатами. Наконец, «пораженцы» во главе с морским министром Декре верноподданнически просили Наполеона отказаться от борьбы, поскольку, мол, найти консенсус с палатами невозможно.

Тем временем, пока Совет министров под председательством самого императора *разговаривал*, Палата депутатов начала *действовать*. Ее бунт против Наполеона возглавил вице-председатель палаты маркиз Мари Жозеф Поль Лафайет – этот, по выражению Д. Вильпена, «пришелец из 1789 года», который решил «покончить

---

[1] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 491–492.

[2] Подробно об этом см.: Там. же. С. 499–501; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 255–256; Haussaye H. Op. cit. T. 1. P. 14–22.

[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 256.

с маскарадом либеральной империи»[1]. «Настал момент, – заявил он, поднявшись на депутатскую трибуну, – всем нам объединиться вокруг старого трехцветного знамени 89-го года, знаменем свободы, равенства и общественного порядка»[2]. Не сходя с трибуны, Лафайет огласил составленный им проект резолюции из пяти пунктов. Ее второй пункт Д. Вильпен правомерно уподобил «государственному перевороту»: «Палата объявляет себя постоянно действующей. Всякая попытка распустить ее является государственной изменой: всякий, виновный в подобной попытке, является предателем родины и будет осужден как таковой»[3]. Авторитет Лафайета и его энтузиазм буквально воспламенили не только протестное большинство, но и нейтральных депутатов. В результате, палата приняла резолюцию почти единогласно. «С этой минуты дело Наполеона было безвозвратно проиграно», – заключают авторитетные специалисты от В. Я. Богучарского до П. П. Черкасова, ссылаясь, между прочим, на собственное (сделанное им незадолго до смерти) признание императора[4].

Наполеон мог бы и не проиграть. Он не сразу уступил парламентской оппозиции. Не теряя надежды усмирить ее, император к вечеру 21 июня отправил в Бурбонский дворец, где заседала Палата депутатов, трех министров – Карно, Даву и Коленкура во главе с Люсьеном. Однако депутаты, с утра наэлектризованные Лафайетом, не поддались на их уговоры. Люсьен Бонапарт, словно тряхнув стариной судьбоносных дебатов 18 брюмера 1799 г., страстно воззвал к патриотизму депутатов: «Подумайте же, дорогие мои соотечественники, о достоинстве Франции, об уважении к ней! Что скажет о ней цивилизованный мир, что скажут потомки, если, после того как она с восторгом приняла Наполеона 20 марта, после того как она провозгласила его героем-освободителем, после того как она торжественно принесла ему новую клятву на Марсовом поле, всего через три дня после проигранного сражения, под угрозой чужеземного вторжения она объявит его единственной причиной наших бед и сместит с трона, на который только что призвала? Не навлечете ли вы на Францию серьезный упрек в непостоянстве и легкомыслии, если в эту минуту она бросит Наполеона?»[5]

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 502.

[2] Цит. по: Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 288.

[3] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 502.

[4] Черкасов П. П. Цит. соч. С. 289.

[5] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 509.

Люсьену с еще большей страстностью ответил Лафайет: «Это чудовищно! Как смеете вы обвинять нас в бесчестии и нарушении долга перед Наполеоном! Вы что, забыли все, что мы сделали для него? Неужто вы забыли, что прах наших детей и наших братьев свидетельствуют о нашей ему верности повсюду – и в песках Африки, и на берегах Гвадалквивира и Вислы, и в снежных пустынях Московии? За последние десять лет три миллиона французов лишились жизни ради одного человека, который и теперь еще намерен сражаться со всей Европой. Довольно! Мы достаточно сделали для него! Теперь наш долг повелевает нам спасать нашу Родину!»[1]

Люсьен и трое министров вернулись к Наполеону ни с чем, если не считать яростной стычки Люсьена с Лафайетом перед самым уходом посланцев императора из Бурбонского дворца. «Скажите вашему брату, – потребовал Лафайет, – чтобы он прислал нам свое *отречение*, не то мы пошлем ему *отрешение* его от власти!» «А я, – парировал Люсьен, – пришлю к вам Лабедуайера с батальоном гвардейцев!»[2]

Лазар Карно тем же вечером успел выступить с призывом к чрезвычайным мерам под лозунгом «Отечество в опасности!» в Тюильри перед Палатой пэров, но и там не нашел должной поддержки. Именно тогда, в те часы и дни, предательскую роль, которую годом ранее сыграл Талейран, взял на себя Фуше: «...всюду, куда ступала его нога, он сеял ядовитую поросль неверия, сомнений, готовности к измене <...>. Фуше шептал каждому на ухо: “Мы все погибнем вместе с ним”; он заразил всех депутатов стадным чувством страха»[3]. Не зря позднее, уже на острове Святой Елены, Наполеон скажет: «Если бы я в свое время повесил Талейрана и Фуше, я бы еще оставался на троне»[4].

Между тем народные массы в самом Париже и в его предместьях денно и нощно 21 и 22 июня выражали свою поддержку Наполеону, митингуя с призывами: «Да здравствует император! Долой изменников! Император и оборона! Долой палаты!»[5] Перед Елисейским дворцом многотысячные толпы трудового люда устроили овацию Наполеону, которого они привыкли считать гарантом завоеваний революции. «Все эти люди, находившиеся в состоянии сильного возбуждения, – вспоминал очевидец Л.-Ж. Маршан, – провозглашали

---

[1] Цит. по: Черкасов П. П. Цит. соч. С. 289–290.

[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 515.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 687.

[4] Там же. С. 688.

[5] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 484; Манфред А. З. Цит. соч. С. 688; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 513.

здравицу в честь императора, требовали оружия и единого слова призыва от него, чтобы сокрушить внутреннего врага и выступить в поход против врага внешнего, приближавшегося к Парижу»[1]. Жан Тюлар характеризует этот настрой городских низов такими словами: «От императора ждут лишь мановения руки»[2].

Того же не просто ждали, к тому настойчиво призывали императора Карно и Люсьен, прямо ссылаясь и даже показывая руками в окна на толпы митингующих за него парижан, часть которых «пыталась даже взобраться на стены Елисейского дворца, чтобы предложить Наполеону помощь и защиту»[3]. Наполеон все это слышал и видел. Разумеется, он при этом учитывал и настроение, а главное, силы резервных армий, которые оставались верными ему: Альпийской армии маршала Сюше, Варской (в Провансе) – маршала Брюна, Юрской (на границе Франции и Швейцарии) – генерала К. Ж. Лекурба, Рейнской – генерала Ж. Раппа, Западной (в Вандее) – генерала М. Ж. Ламарка и, конечно же, войск парижского гарнизона и Национальной гвардии под командованием маршала Даву, который, кстати, 30 июня, уже после отречения Наполеона, отбросит от Парижа прусский корпус во главе с Блюхером[4].

Тот план кампании, который Наполеон изложил на Совете министров утром 21 июня и которым он так напугал Фуше, «предусматривал отход к Лиону с непострадавшими войсками Брюна, Сюше и Лекурба. Восток Франции оставался бы под защитой крепостей, которые могли продержаться три месяца. Оборону Парижа должен был возглавить Даву. Тем временем император поднял бы 160 тыс. человек, объявив набор 1815 года, и использовал бы еще 200 тыс. человек, уже находившихся на призывных пунктах. Генерал Б. Клозель заменил бы Даву в военном министерстве, а правительство при необходимости покинуло бы столицу и переехало в Тур» (город на р. Луаре)[5].

Так был настроен Наполеон утром 21-го, а к ночи, узнав о мятеже нижней и об оппозиции верхней (до Ватерлоо абсолютно послушной) палат, он решил отказаться от борьбы за власть – борьбы, которая была чревата гражданской войной. «Да, если я захочу, если позволю, – сказал он Люсьену, глядя на “экзальтированные толпы” народа, – через час мятежная палата перестанет существовать. *Но я*

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 271.
[2] Тюлар Ж. Наполеон... С. 359.
[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 513.
[4] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 662.
[5] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 501.

вернулся с Эльбы не для того, чтобы Париж был залит кровью»[1]. Вот как прокомментировал это историческое высказывание Наполеона Луи-Жозеф Маршан: «Достаточно было только одного его слова; без сомнения, жертвы были уже выбраны, и они должны были пасть на плахе народного мщения. От императора требовалось сверхчеловеческое мужество, чтобы не позволить увлечь себя волной народного энтузиазма. Его величайшее самообладание осталось непоколебимым, и Франция навсегда должна быть ему благодарной за это, поскольку его психологический срыв вызвал бы начало гражданской войны в придачу к войне с интервентами»[2]. 21 июня 1815 г. «последняя битва сверхчеловека с превратностями судьбы», как определил смысл «Ста дней» русский историк А. С. Трачевский, закончилась.

Рано утром 22 июня Наполеон вновь собрал у себя в Елисейском дворце министров, а также братьев Жозефа и Люсьена, чтобы объявить им свое решение. Люсьен и Карно и здесь призывали императора учесть волю народа, разогнать палаты и установить военную диктатуру ради спасения отечества от реставрации феодализма. Наполеон прервал их агитацию. «Принц Люсьен, пишите!» – неожиданно приказал он младшему брату. Тут последовала сцена, которую описал, по воспоминаниям очевидцев, Анри Гуссе и позднее воспроизвел Д. С. Мережковский. «Наполеон вдруг обернулся к Фуше с такой усмешкой, что тот весь зашевелился под ней, как стрелой пронзенная змея.

– Герцог Отрантский, черкните и вы этим добрым людям, чтоб успокоились: они получат свое!

Люсьен сел за стол и взял перо, но при первых же словах, продиктованных братом, раздавил перо на бумаге, вскочил, оттолкнул стул и пошел к двери.

– Стойте! – произнес император так повелительно, что Люсьен вздрогнул, вернулся и опять сел за стол. Наступила мертвая тишина; слышны были только далекие, из-за дворцового сада, крики толпы “Виват император!”»[3].

По версии Эмиля Людвига, Наполеон говорит: «Я сделал все, что мог», и только «после этого эпилога из пяти слов, в которых выражено все», диктует Люсьену, а тот нервно царапает на бумаге текст его *второго* отречения от престола[4]. Вот он, этот текст: «Народ Франции! Вступая в войну, чтобы отстоять национальную независимость, я

---

[1] Там же. С. 513; Тюлар Ж. Наполеон... С. 359; Тарле Е. В. Цит. соч. 484. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 271.

[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 257.

[4] Людвиг Э. Цит. соч. С. 455.

рассчитывал на объединение всех усилий, всех желаний и на содействие всех национальных властей. У меня были основания надеяться на успех, и потому я пренебрег заявлениями иностранных держав, направленных против меня. Теперь обстоятельства, судя по всему, изменились. *Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции. Надеюсь, что они искренни в своих заявлениях и желают зла только мне лично.* Объединитесь же ради общественного спасения, во имя национальной независимости»[1].

«Люсьен и Карно восклицают в один голос: император забыл упомянуть сына! “Мой сын, мой сын! Какая химера! Да не в пользу сына я отрекаюсь, а в пользу Бурбонов! – возражает Наполеон, а затем с горечью добавляет. – Они хотя бы не пленники в Вене”. Впрочем, с какой-то обреченной покорностью он диктует новый параграф: “Моя политическая жизнь кончена, и я объявляю императором французов моего сына, под именем Наполеона II <...>. Приглашаю палаты издать соответствующий закон и установить регентство”»[2].

Потрясенный Карно отправился уведомить об отречении императора Палату пэров, а ликующий Фуше, не чуя ног под собою, поспешил с той же миссией в Палату депутатов. Карно сопровождали министр финансов Годен и генеральный казначей Мольен, а Фуше – министр иностранных дел Коленкур и морской министр Декре. Пока Карно и Фуше с провожатыми были в пути к депутатам и пэрам, обе палаты «теряют терпение и направляют своего эмиссара (командира батальона Национальной гвардии) объявить Наполеону, что они собираются голосовать за его отрешение от власти. Император с иронией отвечает: “Как эти господа спешат! Скажите им, чтобы они успокоились. Четверть часа назад я послал им свое отречение”»[3].

Зато прибытие Карно и Фуше с известием об отречении Наполеона вызвало бурю восторга почти у всех депутатов и у большинства пэров. Остаток дня, вечер и часть ночи с 22 на 23 июня они посвятили выборам Временного правительства из пяти человек: трое – от депутатов и двое – от пэров. Депутаты избрали Карно, Фуше и генерала П. Гренье – старого друга Ж. В. Моро, якобинца, который никогда не грешил (в представлении депутатов) излишней преданностью императору. От Палаты пэров членами Временного правительства были избраны Коленкур и бывший комиссар якобинского Конвента Н.-М. Кинет. Трое из пяти избранных (Карно, Фуше

[1] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 517.

[2] Там же; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 258; Haussaye H. Op. cit. T. 1. P. 60–62.

[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 519.

и Кинет) голосовали за казнь Людовика XVI. «Таким образом, – подытоживает Д. Вильпен, – цареубийцы триумфально возвращаются во власть, составляя три пятых новой Директории. Здесь нет ни одного явного роялиста. В конечном счете по отношению к Людовику XVIII Временное правительство 1815 г. настроено еще более оппозиционно, чем к Наполеону»[1]. Действительно, Карно и Коленкур по-прежнему стояли за императора.

Тем временем народ Парижа, его предместий и периферийных, вплоть до отдаленных, департаментов выражал свою солидарность с императором все более энергично и угрожающе. «Весь Париж кипел, как котел на огне, – пишет об этом Д. С. Мережковский, ссылаясь на Анри Гуссе. – Толпы рабочих ходили по улицам с революционными песнями. Весть об отречении только подлила масла в огонь. Все грознее становились крики: “К оружию! К оружию!” Были в толпе и офицеры Великой Армии. “Батальонами пойдем на палаты, – грозили они, – потребуем нашего императора, а если не получим, подожжем Париж с четырех концов!”»[2].

Едва ли не бóльшую часть протестантов составляли тогда стекавшиеся в столицу на летний сезон с разных концов страны «многие десятки тысяч строительных рабочих – каменщики, плотники, слесари, кровельщики, землекопы и т. п. <...>. Они были гораздо более связаны с деревней, чем постоянные парижские рабочие. И потому они ненавидели Бурбонов двойной ненавистью – и как рабочие, и как крестьяне, а в Наполеоне видели верный залог избавления от Бурбонов. Эта масса не хотела успокоиться, не хотела примириться с отречением Наполеона. Она избила до полусмерти на улице несколько хорошо одетых людей, в которых заподозрила роялистов “аристократов”, потому что они отказались кричать с толпой: “Не нужно отречения!” Эти народные толпы беспрестанно сменяли друг друга. “Никогда народ не обнаруживал к императору больше привязанности, чем в эти дни”, – пишет свидетель того, что происходило в Париже не только до отречения, но и после него, 23, 24, 25 июня, когда тысячные толпы все еще не хотели примириться с совершившимся»[3]. Поразительный факт из воспоминаний очевидцев засвидетельствовали Анри Гуссе и Доминик Вильпен: «На Вандамской площади двести-триста человек встали на колени перед колонной со статуей Наполеона, клянясь умереть за него»[4].

---

[1] Там же. С. 521.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 258.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. 485–486. Подробно об этом см.: Лас-Каз Э. Мемориал Святой Елены. М., 2010. Т. 1. С. 13–14.

[4] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 530.

Немудрено, что в таких условиях Наполеона (как он признался в этом своему адъютанту Ш.-Т. Монтолону), «одолевает искушение вновь захватить власть: достаточно ему только приказать, чтобы тысячи человек, к которым присоединилась бы и армия, набросились на предателей, засевших в Тюильри и Бурбонском дворце»[1]. Но император превозмог соблазн власти и остался верен своему отречению. Зато был донельзя перепуган пронаполеоновскими манифестациями Жозеф Фуше, который именно в эти дни «на две недели становится властелином Франции»[2].

Политический хамелеон, не уступавший в этом качестве Талейрану, Фуше 23 июня возглавил Временное правительство, высказав при этом такие изворотливость, мошенничество и энергию, что ему позавидовал бы и сам Талейран. Сначала он договорился с «временщиками», что они сами, без вмешательства палат, изберут себе председателя. «Когда это предварительное условие принимается (никто из коллег Фуше, естественно, не усмотрел здесь никакой интриги. – *Н. Т.*), он обещает отдать свой голос Карно, который счел, что обязан поступить так же (т. е. проголосовать за Фуше. – *Н. Т.*). Между тем Фуше голосует за себя и получает большинство»[3].

Первым делом временный (скорее *главарь*, чем глава) Франции стремится удалить Наполеона из Парижа, ибо «чернь с Наполеоном может все»[4]. Попытки Фуше руками своих агентов раздать манифестантам деньги, чтобы они разошлись, не дают результата: на смену тем, кто расходится, приходят в еще большем числе другие. Тогда, уже 24 июня, Палата депутатов по наущению Фуше постановляет: «Просить бывшего императора покинуть столицу»[5].

Пока Наполеон, подчиняясь решению палаты, готовился к отъезду из Елисейского дворца, массы народа, постоянно толпившиеся перед дворцом и теперь взбудораженные слухами об его отъезде, моментально разнесшимися по всему городу, стали с удвоенной одержимостью скандировать: «Да здравствует император! Не покидайте нас!» «Чтобы не быть окруженным толпой, – читаем об этом у Д. Вильпена, – Наполеон вынужден прибегнуть к хитрости. Он приказывает направить свою карету к официальному выходу, а затем выходит через садовую дверь и садится в менее приметный экипаж

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 530.

[2] Там же. С. 526.

[3] Там же. С. 525–526. Подробно и ярко об этом см.: Цвейг С. Жозеф Фуше // Собр. соч.: В 7 т. М., 1963. Т. 4. С. 596.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 258.

[5] Там же.

гофмаршала Бертрана»[1]. «Выехал потихоньку, прячась от толпы, осаждавшей дворец, как будто бежал», – так выглядело все это в представлении Д. С. Мережковского[2].

К 14 часам 25 июня Наполеон со свитой прибыл в Мальмезон к любимой падчерице Гортензии. Там ему пришлось задержаться на четыре дня. Дело в том, что за считаные час-полтора до его отъезда (*навсегда!)* из Парижа к нему в Елисейский дворец пришел проститься Лазар Карно. Он настойчиво торопил императора уехать из Франции и вообще из Европы в Соединенные Штаты. «Оттуда вы еще заставите ваших врагов трепетать, – говорил великому монарху великий республиканец. – Если случится так, что Франция вновь подпадет под иго Бурбонов, ваше пребывание в свободной стране послужит поддержкой общественному мнению»[3]. Наполеон знал, что на рейде в порту Рошфор (западное побережье Франции, близ Ла-Рошели) стоят два готовых к отплытию фрегата – «Заале» и «Медуза» (второй из них обессмертит, спустя три года, Теодор Жерико в одной из главных своих картин «Плот Медузы»). Император обратился к палатам с просьбой дать ему эти фрегаты «для путешествия». Просьбу, естественно, перехватил Фуше, а он, собираясь, по меткому выражению Д. С. Мережковского, «торговать с союзниками головой императора, не торопился выпускать его из Франции»[4].

Это верно. Фуше в те дни действительно «извивался, как беспозвоночно-гибкая гадина, между союзниками, Бурбонами, Наполеоном и революционным Парижем. Он сообщил Веллингтону о намерении Наполеона ехать в Америку, испрашивая будто бы для него пропуска, а на самом деле давая возможность англичанам усилить крейсерную блокаду берегов», дабы не выпустить их главного врага на волю[5]. Ведь союзники планировали тогда различные варианты расправы с «врагом человечества», каковым они сами себе и всему человечеству представляли Наполеона. Веллингтон считал достаточным выдворить императора на край света, первым назвав остров Святой Елены более чем в 2 тыс. км от *ближайшего* побережья (Южной Африки), а премьер-министр Англии лорд Р. Б. Ливерпуль предлагал «выдать Бонапарта французскому королю, чтоб он мог расправиться с ним, как с бунтовщиком». Блюхер носился с идеей

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 532.
[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 258.
[3] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 532.
[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 258.
[5] Там же. С. 259–260.

расстрелять или повесить Наполеона перед фронтом прусской армии, «дабы тем оказать услугу человечеству», причем сделать эту операцию как «неотвратимое возмездие Божие» в Венсеннском замке, где был расстрелян герцог Энгиенский[1].

Фуше все (или почти все) об этом знал и, конечно, учитывал в своих политических хитросплетениях. Уже 25 июня он прислал в Мальмезон не страдавшего излишним бонапартизмом генерала Н.-Л. Беккера, чтобы тот возглавил эскорт императорской гвардии, «с явным поручением охранять Наполеона, тайным – стеречь»[2]. Так определил миссию Беккера Д. С. Мережковский – определил верно по замыслу Фуше, но почему-то не учел принципиально важных уточнений Маршана к тому, как понимал и выполнял свою миссию сам Беккер. Уже по возвращении Маршана с острова Святой Елены (в 1821 г.) генерал расскажет ему, что, принимая назначение в Мальмезон, он видел свою задачу «только в том, чтобы служить императору и обеспечивать его защиту», даже не подозревая о переговорах, которые Фуше вел тогда и с Веллингтоном, и с агентом Людовика XVIII бароном Э.-Ф.-О. Витролем[3]. В общем, Беккер только охранял императора, но не стерег его от побега, и, стало быть, Фуше в полицейских расчетах на боевого генерала промахнулся.

Сопровождали Наполеона в Мальмезон и там вместе с Гортензией старались изо всех сил скрасить его одиночество (даже в те дни и часы, когда ему как раз хотелось побыть одному) его верный гофмаршал А.-Г. Бертран (он всегда – от Эльбы до Святой Елены – был неизменно рядом с императором), бывшие министры Ю.-Б. Маре и М. Р. Савари, генералы в роли адъютантов Г. Гурго, Ш.-Т. Монтолон и Ф.-А. Лаллеман, еще два генерала, преданнейшие соратники императора – графы Ш.-Ф. Лабедуайер и А. М. Лавалетт[4]. В следующие дни приезжали в Мальмезон к Наполеону «мама Летиция», три его брата (все, кроме больного Людовика), жены Бертрана, Монтолона, Маре, Савари и... Мария Валевская, а вместе с ней ее (и Наполеона) сын Александр.

О последней из встреч Наполеона с его «польской Мадонной» сведений немного. Все, о чем мог вспомнить Александр Валевский (ему тогда было лишь немногим больше пяти лет) и что добавил к этому из других источников Андре Кастело, обобщил самый до-

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 260; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 539.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 258.

[3] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 286–287. Ср.: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 553–554.

[4] См.: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 284; Людвиг Э. Цит. соч. С. 456, 460; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 537.

тошный из биографов Валевской Мариан Брандыс. Поскольку Мария и Александр приехали в Мальмезон вечером 28 июня, а на следующий день они уже *навсегда* простились с Наполеоном, их встреча была недолгой и безрадостной. Вот фрагмент из воспоминаний А. Валевского: «Мы прибыли к вечеру в Мальмезон. Настроение было грустное, похоронное. Подробности этого визита очень смутно сохранились в памяти. Правда, у меня перед глазами фигура императора, я вижу черты его лица, вспоминаю, что он меня обнимал и, кажется даже, слеза скатилась у него по лицу... Но что из того? Я не помню ни слов, которые он мне сказал, ни одной другой подробности...»[1] А вот как представлена эта сцена у А. Кастело (цитирую по М. Брандысу): «Мальмезон... Наполеон принимает графиню Валевскую и маленького Александра. Она долго плачет в его объятиях и предлагает ехать с ним в изгнание... Он обещает вызвать ее к себе, если позволит ход событий. Но ход событий – и она хорошо это знает – обяжет императора творить свою легенду, остаться в памяти своих потомков в роли мученика, создать тем самым трон для Орленка, а не доживать по-обывательски с одной из фавориток, будь ею даже сладостная Мари»[2].

Встречу в Мальмезоне М. Брандыс очень точно определил как «заключительный аккорд исторического романа» Наполеона и Марии Валевской: «...с этого момента Наполеон исчезает из биографии Валевской»[3], как, впрочем, и она тоже – из биографии Наполеона.

Разумеется, общение с родными, друзьями и соратниками, встреча с любимой женщиной и ребенком, который был плодом их романтической любви, – все это отвлекало низложенного императора от естественной в его положении депрессии и тоски. Привыкший повелевать миллионами людей на двух континентах мира, он теперь ждал решения своей судьбы от растленного до мозга костей, еще совсем недавно пресмыкавшегося перед ним холуя Фуше. Мог ли он примириться с таким переворотом в его бытии и сознании за считаные дни? Конечно, нет. Но о чем он думал тогда, подолгу уединяясь в апартаментах дворца или в дворцовом парке и пугая этим верных ему людей, которые не забывали его попытку самоубийства после первого отречения? Скорее всего, о прошлом, причем не просто думал о нем, а прощался с ним. Он простился даже с любимым кедром, который посадил собственными руками 15 лет назад, в память о битве при

[1] Цит. по: Брандыс М. Мария Валевская. М., 1975. С. 469.
[2] Там же.
[3] Там же.

Маренго (А. З. Манфред видел и описал этот «кедр Маренго» спустя полтора века, в 1973 г.[1]).

Для императорской свиты ясно было (или, точнее, казалось ясным) одно: император уже не строит наполеоновских планов, ни на что не рассчитывает и, конечно же, не надеется, что феодальные монархи оставят на троне его сына. Таков он был, на взгляд окружающих, либо заставлял себя быть таким, и в то раннее утро 29 июня, когда адмирал Декре предстал перед ним с доброй вестью: «два фрегата ждут его в Рошфоре, им приказано поднять якоря, как только император поднимется на борт»[2]. Наполеон обещал уехать в тот же день, но, едва успев проводить Декре, узнает, что Блюхер сосредоточил прусские войска на ближних подступах к Парижу. Император моментально загорелся идеей напоследок вновь послужить Франции в роли ее генерала[3]. Он предложил Беккеру срочно «лететь в Париж» с его просьбой: «Скажите Временному правительству, что Париж не должен быть взят, как ничтожнейшая хибара. Я соберу армию, воодушевлю ее, отброшу пруссаков, добьюсь лучших условий мира, а потом все же уеду. Я отрекся и от сделанного не отступлюсь, даю слово чести – слово чести солдата!» Беккер был явно ошеломлен такой идеей, но выполнил просьбу императора: сразу помчался с нею в Париж.

Фуше и К° восприняли предложение Наполеона с ужасом. «Он что, издевается над нами?!» – схватился за голову Фуше. Отчитав Беккера за то, что генерал занялся «не своим делом», он отправил его назад, в Мальмезон, торопить императора с отъездом в Рошфор. Когда Беккер доложил обо всем этом Наполеону, тот был не столько удивлен, сколько разочарован. «Эти люди уничтожают Францию», – так отреагировал он на отказ Временного правительства в его просьбе и тут же распорядился готовить отъезд. Все было готово к пяти часам пополудни.

Буквально в последние часы перед отъездом Наполеона из Мальмезона к нему приехали еще двое гостей. С академиком Гаспаром Монжем (великим математиком, у которого будущий император учился когда-то в Парижской военной школе) он успел поделиться своими планами на будущее. «Праздность была бы для меня худшей из пыток, – признался император своему бывшему учителю. – <...>. Я остался без армии и без Империи. Теперь только науки могут сильно захватить мою душу. Но узнать то, что сделали другие,

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 690.
[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 540.
[3] См. об этом: Там же. С. 540–542; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 293–295.

мне недостаточно. Я хочу сделать новую карьеру, оставить труды и открытия, достойные меня»[1].

Последний из мальмезонских гостей Наполеона буквально ворвался к нему в покои, когда он говорил «прощай» «маме Летиции» за несколько минут до отъезда в Рошфор. То был еще один Великий Гражданин – Франсуа Жозеф Тальма. «Движимый искренним сочувствием и жаждой видеть трагедию, – пишет о нем Эмиль Людвиг, – он приехал, чтобы стать свидетелем великого расставания и потом передать потомкам сцену сдержанного прощания матери с сыном в патетических тонах»[2].

О последних минутах прощания в Мальмезоне с грустью вспоминал Л.-Ж. Маршан. Он до конца своих дней (а доживет до 1876 г.) не мог забыть, как тепло простился Наполеон 29 июня 1815 г. с «мамой Летицией», Гортензией и Марией Валевской – простился с ними *навсегда*. Все три женщины провожали его глазами, полными слез, когда он зашагал от них к четырехместной карете, запряженной четырьмя почтовыми лошадьми, сел в нее вместе с Бертраном, Савари и Беккером и, может быть, еще виделся их воображению, пока карета не скрылась за поворотом на дорогу к Рошфору. Вслед за каретой императора тронулись в путь и экипажи с его свитой. А тем временем туда же, в Рошфор, по договоренности Фуше с Веллингтоном, «торопились встретить будущего пленника по меньшей мере 30 английских кораблей»[3].

Путь Наполеона к Рошфору с 29 июня до 3 июля 1815 г. живо, в подробностях, напоминал его *«полет орла»*. Цитирую Анри Гуссе в переводе Д. С. Мережковского: «По всему пути из Мальмезона в Рошфор толпы бежали за ним, с тем же немолчным: “Виват император!”, как тогда, при возвращении с Эльбы. Но теперь, зная, что Он покидает Францию, молили, плакали: “Останьтесь, останьтесь с нами, не покидайте нас!” В городе Ниоре 2-й гусарский полк едва не взбунтовался, требуя, чтоб Он принял команду и вел его на Париж. Эльбское чудо могло бы повториться, если б он захотел; но Он уже ничего не хотел»[4]. По воспоминаниям Маршана, эскадрон 2-го гусарского полка во главе со своим командиром самовольно взялся сопровождать императора из Ниора в Рошфор, галопом следуя рядом с дверцами его кареты: Наполеон «был не в состоянии избежать восторженного приема местных жителей, и за пределами города привет-

[1] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 542.
[2] Людвиг Э. Цит. соч. С. 460.
[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 543.
[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 263.

ствовавших его возгласами: “Да здравствует император!”, – но, как только мы проехали несколько лье от города, он не захотел и далее следовать с эскортом гусаров; поблагодарив офицера и весь эскадрон, выдал каждому гусару по золотому наполеондору»[1].

В Рошфор Наполеон и вся его свита прибыли в 8 часов утра 3 июля. Здесь, по донесению роялистского шпиона, император «был принят как бог»[2]. Маршан вспоминал: «Самые восторженные демонстрации горожан стали свидетельством горячих чувств, испытываемых народом по отношению к императору. Горожане, собравшиеся под окнами императора, ждали момента, чтобы увидеть его и выразить свои чувства любви к нему и скорби. Император несколько раз выходил на балкон своих апартаментов, и каждый раз толпа народа приветствовала его с неослабным энтузиазмом. Император сохранял хладнокровие, и казалось, что ему безразлично все происходящее вокруг него»[3]. «Дивное спокойствие освещало его лицо», – добавляет к этому рассказу Маршана Беккер[4]. Когда же «к императору пришли делегации от городов и от армии с мольбой не покидать их», он обстоятельно им разъяснил, «что теперь это уже слишком поздно; его советы, мнения и служба были с презрением отвергнуты, враг уже находится в Париже, и его вмешательство означало бы, что к вражескому вторжению на территорию отечества добавились бы ужасы гражданской войны»[5].

Тем временем выяснилось, что два фрегата, обещанные Наполеону, готовы к отплытию, но выйти в море не могут, потому что английский крейсер «Беллерофон» блокировал рейд. В первый же день по прибытии в Рошфор генералы императорской свиты вместе с доверенными лицами из городских властей собрались на совет, и все следующие дни до 13 июля предлагали Наполеону различные (вплоть до самых дерзких и жертвенных) планы отплытия из Рошфора, минуя английскую блокаду. Так, капитан Шарль Бодэн (сын того самого Бодэна Арденнского, депутата Совета старейшин, который в 1799 г. скончался от «взрыва радости», узнав о возвращении генерала Бонапарта из Египта) предложил в распоряжение Наполеона французский корвет, стоявший под его командой непо-

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 306. Наполеондор (*франц.* napoleon d'or – «золотой Наполеон») – золотая монета достоинством в 20 франков, которая чеканилась во Франции с 1803 по 1914 г.

[2] Haussaye H. Op. cit. T. 1. P. 364.

[3] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 307.

[4] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 594.

[5] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 307.

далеку от Рошфора в устье р. Жиронда[1]. «Бодэна я знаю, – говорил в те дни адъютант императора вице-адмирал граф П. Мартен. – Это единственный человек, способный доставить Его Величество здравым и невредимым в Америку». Сам Бодэн 5 июля написал морскому префекту Рошфора барону Ф. К. де Бонфу такое письмо: «Император может довериться мне <...>. Мой отец умер от счастья, узнав о возвращении его из Египта. Я умер бы от горя, видя, как император покидает Францию, если бы думал, что, оставшись на родине, он сможет еще принести ей пользу. Но он должен оставить ее и жить с почетом в свободной стране, а не умереть пленником своих врагов».

«Наполеон согласился на этот план и, если бы тотчас исполнил его, был бы спасен, – резонно считал Д. С. Мережковский. – Но отложил... Прошло два-три дня, а он все откладывал». Тут подоспел и другой план: капитан В. Бессон, который командовал шхуной «Маддалена», нагруженной бочками с водкой, изъявил готовность вывезти императора из Рошфора и доставить в Соединенные Штаты, а на случай тревоги и обыска – спрятать его... в обитой изнутри пустой бочке. «Эту затею, – по словам Маршана, – император счел недостойной себя»[2].

Пока Наполеон медлил с решением (а к «Беллерофону» шли на подкрепление английские крейсера), ему предлагали все новые и новые планы[3]. Самый жертвенный из них представил капитан фрегата «Медуза» Пене. Сделал он это 8 июля. В тот день Наполеон посетил фрегат «Заале», откуда хорошо просматривалась вся гавань и, как на ладони, был виден «Беллерофон», пока без подкреплений. Пене тут же прибыл к императору со своим планом. Вот как излагает его А. Гуссе (русский перевод Д. С. Мережковского): «Ночью сегодня “Медуза” пойдет впереди “Заале” и в темноте настигнет “Беллерофон” врасплох. Я начну с ним бой, борт о борт, и не дам ему сдвинуться с места... Часа два продержусь, наверное; после боя мой фрегат будет в плохом состоянии, но, главное, “Заале” успеет выйти в море». Цитирую далее Д. С. Мережковского: «Пене хорошо знал, что обрекает на гибель не только фрегат, но, может быть, и весь экипаж, и себя самого. Император был тронут до глубины души. Чтобы исполнить план Пене, нужно было согласие старшего командира обоих

---

[1] О плане Ш. Бодэна см.: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 594–595; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 263.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 308.

[3] См. о них: Там же. С. 313–314; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 601; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 265; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 487–488; Haussaye H. Op. cit. T. 1. P. 378–381.

фрегатов (капитана А. Филибера. – *Н. Т.*). Тот сначала дал его, но потом взял обратно – испугался Фуше».

Жертвовать экипажем «Медузы» ради своего спасения Наполеон отказался. А капитан Пене был в отчаянии. «Почему император не сел на мой корабль, вместо “Заале”! – восклицал он. – Я бы уговорил его и прорвался бы с ним, несмотря на британские крейсера!»

Пожалуй, самым дерзким планом спасения Наполеона из рошфорской западни был тот, который придумали шесть юных офицеров 14-го флотского экипажа: капитан-лейтенант Конти и лейтенанты Доре, Сали, Пельтье, Жантиль, Шатонер. Вот их план (в изложении А. Гуссе и Д. С. Мережковского): 12 июля «два люгера, понтонные двухмачтовые шлюпки, стоящие в Рошфорской гавани, возьмут на борт императора с двумя-тремя лицами свиты, проберутся ночью, в темноте, вдоль берега к Ла-Рошели, выйдут оттуда в открытое море и закупят или захватят силой первое попавшееся торговое судно, чтобы доставить на нем беглецов в Америку». Наполеон отклонил этот план, не желая рисковать (как он выразился) «жизнью шести мальчиков».

В последний момент, перед тем как Наполеон отдаст себя в руки англичан, еще один план спасительного прорыва из Рошфора в Америку предложил генерал Франсуа-Антуан Лаллеман (1774–1839 гг.) – один из ближайших соратников Наполеона, верно служивший ему все время от первой Итальянской и Египетской кампаний до битвы при Ватерлоо[1]. Поскольку об этом плане даже у Д. Вильпена нет ни слова, считаю уместным процитировать подробное изложение его сути в мемуарах осведомленнейшего свидетеля Луи-Жозефа Маршана: «В устье реки Шаранта (близ Рошфора. – *Н. Т.*) находятся несколько судов без парусов, капитаны которых готовы предложить свои услуги, заявляя при этом, что смогут пройти незамеченными между британскими кораблями: все наперебой соперничали за право добиться чести спасения императора и за то, чтобы отвезти его в Америку. Генерал Лаллеман беседовал с капитанами этих судов, людьми очень смелыми. Император легко мог добраться до них сухопутным путем: требовалось всего лишь обмануть шпионивших за ним людей. Для этого императору следовало притвориться больным. Чтобы это выглядело более правдоподобным, императору нужно было только оставить после своего отъезда Маршана, кото-

[1] После второй Реставрации Бурбонов Лаллеман будет осужден на смертную казнь, но ему удастся бежать в США и там основать французскую колонию в штате Техас. Вернется во Францию после Июльской революции 1830 г.

рый бы отвечал в течение 24 часов на вопросы о заболевании императора. Генерал Лаллеман был уверен, что сможет переправить императора сухопутным путем в Сент (пристань на р. Шаранта. – *Н. Т.*) и посадить его на борт судна до того, как кто-либо узнает о его побеге»[1].

Наполеон не согласился и с таким планом. «Опасность всегда присутствует, когда приходится отдаваться в руки врагов, – заявил он, – но лучше пойти на риск, доверившись их чести, чем попасть в их руки в качестве обычного пленника»[2].

Можно понять отказ Наполеона от всех только что рассмотренных планов его спасения, поскольку все они были связаны с риском для жизни многих людей – тех самых, кому он был благодарен уже за то, что они проявили готовность к самопожертвованию ради него. Наименее рискованным из тех планов был план Бодэна. Однако его исполнение император затянул по причинам, о которых речь еще впереди. Но ведь был среди множества планов и один такой, который сулил с наименьшей долей риска наибольший успех! Его предложил Жозеф Бонапарт[3]. 12 июля он прибыл в Рошфор с готовым решением и сразу доложил о нем Наполеону. Оказалось, что Жозеф, используя свои масонские связи (в частности, негоцианта из Рошфора Д. Герена), зафрахтовал американский бриг «Коммерс» на имя «месье Бушара». Внешне Жозеф был очень похож на Наполеона (однажды в Сенате его даже перепутали с императором). Теперь он решил использовать это внешнее сходство для того, чтобы отправить Наполеона под видом «месье Бушара» на бриге «Коммерс» в Америку, а самому выдать себя за Наполеона и остаться в Рошфоре с императорской свитой, притворившись больным, – чтобы выиграть больше времени до того, как будет разгадана его загадка. Казалось, такой план гарантирует удачу. И что же? По свидетельству Маршана, «император обнял Жозефа и отверг его предложение, попрощавшись с ним при этом и попросив позаботиться о собственной безопасности». Тогда Жозеф сам обернулся «месье Бушаром», отплыл из Рошфора на бриге «Коммерс» и благополучно (без погони и обыска) добрался до Нью-Йорка.

Вопрос, почему Наполеон так медлил в Рошфоре (11 дней!), отказываясь от всех планов спасти его и увезти в Америку (даже вполь-

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 311.

[2] Там же.

[3] См. об этом плане: Там же. С. 309; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 595; Кастело А. Цит. соч. С. 585; Иванов А. Ю. Двенадцать Бонапартов. М., 2006. С. 270–271.

не осуществимых – от Бодэна до Жозефа), всегда был предметом споров. Вот что писал об этом Е. В. Тарле: «Романтическое поколение 20-х и 30-х годов (XIX века. – *Н. Т.*) даже создало гипотезу, что "к славе императора недоставало только мученичества", что наполеоновская легенда была бы не так полна и не так величава, если бы в памяти человечества не остался навсегда этот образ нового Прометея, прикованного к скале, и что Наполеон сознательно не захотел иного конца своей эпопеи. Никогда после сам он не давал удовлетворительного объяснения своему поведению в те дни»[1]. Однако Доминик де Вильпен в новейшем специальном исследовании о «Ста днях» Наполеона, ссылаясь на авторитетные источники, выявил (по-моему, вполне обоснованно) тот главный мотив, который объясняет каждый шаг императора в каждом из 11 дней его пребывания в Рошфоре. Вот цитированный Д. Вильпеном фрагмент воспоминаний графа Э. Лас-Каза о Наполеоне: «Он надеялся, что с приближением опасности у властей Франции откроются глаза, что к нему обратятся вновь и он сможет спасти родину; именно поэтому он изо всех сил тянул время, оставаясь в Мальмезоне; именно это заставило его так сильно задержаться в Рошфоре»[2].

Проще найти ответ на другой (хотя и более трудный) вопрос: почему Наполеон «принял самое невероятное из всех возможных решений: доверить свою судьбу самому беспощадному своему врагу – Англии»[3]. Д. Вильпен верно заметил, что это его решение, «отчасти вынужденное, рождено также собственными долгими размышлениями»; он еще в 1814 г. так говорил А. Коленкуру о возможных вариантах своего добровольного изгнания: «В Австрию – никогда; австрийцы ранили меня в самое сердце, отняв у меня жену и сына. Уехать в Россию – значит предаться одному человеку. Уехав в Англию, я бы по крайней мере отдал себя в руки нации»[4]. В разговоре с генералом Г. Гурго 13 июля Наполеон признался, что «ему приходила мысль подплыть к английской эскадре и крикнуть: "Подобно Фемистоклу, не желая способствовать страданиям моей родины, я прошу у вас убежища", но что он не мог на это решиться»[5]. Не мог до 13-го, а вот 13 июля все-таки решился.

Пример Фемистокла – знаменитого государственного деятеля и полководца античности, который подчинил интересам государства олигархию в Афинах, обеспечил победу над персами в исторической

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 486.
[2] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 596–597.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 691.
[4] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 601–602.
[5] Там же. С. 601.

битве при Саламине (480 г. до н. э.), но затем был изгнан олигархами из Афин и запросил убежища у главного своего врага, персидского царя Артаксеркса I, а тот принял его с почетом, – этот пример Наполеон считал как нельзя более соответствующим для него, великого императора, приговоренного к изгнанию олигархическими верхами против воли собственного народа. Согласимся с Д. Вильпеном: «Сдаваясь на милость победителю, Наполеон проявляет величие. Он полагает, что есть определенное благородство в том, чтобы довериться извечному врагу Франции»[1].

Итак, 13 июля 1815 г. Наполеон пишет следующее, навсегда запечатлевшееся в истории, письмо принцу-регенту Англии, будущему (с 1820 г.) королю Георгу IV, который фактически правил страной с 1811 г., ввиду умопомешательства его отца Георга III: «Ваше Королевское Высочество! Став жертвой борьбы партий, расколовших мою страну, и жертвой ненависти великих держав Европы, я завершил свою политическую карьеру и, как Фемистокл, ищу приют у английского народа. Отдаю себя под защиту его законов, которую прошу у Вашего Королевского Высочества как самого могущественного, самого непреклонного и самого великодушного из всех моих противников»[2].

14 июля генерал Гурго и граф Лас-Каз (он, кстати, знал английский язык) поднялись на борт «Беллерофона» с письмом, которое Наполеон адресовал принцу-регенту. Они вручили копию письма капитану судна Фредерику Мэтленду и уведомили его о том, что император готов прибыть на его корабль завтра. По словам Лас-Каза, Мэтленд при этом заявил: «...нет никаких сомнений в том, что Наполеон найдет в Англии все те знаки уважения и то обхождение, на которые он мог рассчитывать»[3]. Генерал Гурго сообщил Мэтленду, что он имеет поручение от императора доставить оригинал его письма в Лондон лично принцу-регенту. Мэтленд не возражал.

В тот же день Гурго отплыл из Рошфора в Лондон на английском корвете «Слэни», а на следующее утро, 15-го, французский бриг «Ястреб», под белым флагом перемирия, принял императора на борт и доставил его к «Беллерофону». Очевидец этого (трагического не только в биографии Наполеона, но и в истории Франции и всей Европы) момента Л.-Ж. Маршан вспоминал: «Лица всех француз-

---

[1] Там же. С. 602.

[2] Цит. по: Лас-Каз Э. Указ. соч. Т. 1. С. 30. Текст этого письма (с разночтениями в переводах) см. также: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 312; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 605; Кастело А. Цит. соч. С. 587; Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 538; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 267.

[3] Лас-Каз Э. Указ. соч. Т. 1. С. 28.

ских моряков выражали глубокую скорбь, и, когда британская военная шлюпка приблизилась к бригу, чтобы забрать императора, можно было слышать самые душераздирающие возгласы: французские офицеры и матросы с отчаянием в душе наблюдали за тем, как его Величество вручает свою судьбу великодушию нации, чье вероломство им было известно <...>. Крики "Да здравствует император!" вперемежку с громкими рыданиями сопровождали императора до тех пор, пока он не прибыл на "Беллерофон". Отчаяние французских моряков было столь велико, что некоторые из них рвали на себе волосы, а другие в ярости сбросили с себя шляпы и топтали их ногами»[1].

Прежде чем перейти с *французского* брига в *английскую* шлюпку, Наполеон долго всматривался в лица французских моряков и вслушивался в их голоса, сняв свою легендарную треуголку. «Волнение перехватывает ему горло, и он вдруг нагибается к морю. Трижды он зачерпывает в руку немного воды и, не говоря ни слова, обрызгивает ею корпус французского корабля»[2].

Когда император и его свита (все, кто приехал с ним из Мальмезона в Рошфор, кроме генерала Беккера) поднялись на верхнюю палубу «Беллерофона», капитан Мэтленд распорядился препроводить каждого в заранее приготовленные каюты. Теперь капитан «Беллерофона», а заодно с ним все капитаны и адмиралы, лорды и пэры, епископы и архиепископы Англии могли радостно потирать руки: «Самый могучий, упорный и грозный враг, какого Англия имела за все свое историческое существование, был в ее руках»[3].

Когда «Беллерофон» снялся с якоря, Наполеон вышел на палубу и некоторое время, пока к нему не присоединились сопровождавшие его лица, оставался один, глядя на удалявшиеся контуры французского берега в глубоком раздумье. Вероятно, в тот час он думал о возможных превратностях своего убежища в Англии и, конечно же, прощался (навсегда ли?) с Францией. Не знал он тогда, что уже не увидит не только любимую Францию, но и враждебную Англию, и что вернется он на землю отечества лишь прахом через 19 лет после смерти.

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 313.
[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 606.
[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 488.

Глава VII
СВЯТАЯ ЕЛЕНА

Лучшего места для Наполеонова
ада сам дьявол не выбрал бы.
Д. С. Мережковский

1. Путь в преисподнюю

И так, утром 15 июля фрегат «Беллерофон» с императором Наполеоном и его свитой на борту отбыл из Рошфора, держа курс к английским берегам. 24-го фрегат бросил якорь в порту Торбей на юго-западном побережье Англии (чуть восточнее Плимута), и здесь Наполеон узнал, что британское адмиралтейство запретило генералу Гурго высадку на берег Англии и вообще любую связь с берегом. Капитан корвета «Слэни» заявил генералу, что он, капитан, сам передаст письмо Наполеона принцу-регенту, и «как генерал ни протестовал, он ничего не добился»[1].

Капитан «Беллерофона» Мэтленд немедленно отправил курьера к главнокомандующему английским флотом в Ла-Манше адмиралу Д. Э. Кейту, который на тот момент пребывал (как выяснится, не случайно) совсем рядом, в Плимуте, а Кейт вызвал «Беллерофон» к себе. По пути из Торбея в Плимут Наполеон, судя по всему, не предполагал, что его ждет убийственный вердикт английских верхов. Глядя на ряд домиков, разбросанных вдоль береговой линии, он мечтательно признался Маршану, что «был бы рад жить в одном из них уединенно под именем Мюирона или Дюрока»[2] (наиболее близких его друзей, погибших у него на глазах в 1796 и 1813 гг.). Но по прибытии «Беллерофона» в Плимут, 31 июля, адмирал Кейт и государ-

[1] Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания. Мемуары. М., 2003. С. 325.
[2] Там же. С. 326.

ственный секретарь по военным делам Англии генерал Г. Банбери предъявили Наполеону официальный акт британского правительства, который гласил: «Нашему долгу перед нашей страной и союзными державами мало соответствовало бы то обстоятельство, что генерал *Буонапарте* (! – *Н. Т.*) сохранит средства или возможность вновь нарушить мир в Европе. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы он был ограничен в своей личной свободе. В качестве его будущей резиденции выбран остров Святой Елены»[1].

Показательно для той спешки, с какой английские верхи стремились изолировать Наполеона от цивилизованного мира, то, что они объявили ему место его «будущей резиденции» за два дня до того, как державы седьмой коалиции договорились в Париже (2 августа) считать Наполеона «пленником Европы» и вверить его содержание под стражей именно Англии[2].

Выслушав оглашенный Кейтом текст «приговора», Наполеон тут же заявил Кейту и Банбери устный, а затем и вручил письменный протест: «Я не пленник, а гость Англии <...>. Если английское правительство, отдавая приказ капитану "Беллерофона" принять меня, готовило мне западню, оно обесчестило себя и свое знамя <...>. Я взываю к суду истории: он докажет, что враг, который двадцать лет воевал с английским народом, пришел к нему по своей воле, подвергаясь ударам судьбы, чтобы найти приют под защитой его законов. Возможно ли еще большее доказательство моего уважения и доверия к законам Англии? И чем же Англия в лице ее властей мне ответила? Лицемерно подала мне руку гостеприимства, а когда я доверился ей, решила меня уничтожить»[3].

Можно понять негодование Наполеона: он ведь учитывал, прибегая, подобно Фемистоклу, к покровительству главного из своих врагов, что Англия – это единственная, кроме самой Франции, страна в Европе, пережившая – на полтора столетия раньше французской! – свою *антифеодальную* революцию и узаконившая у себя самый цивилизованный для того времени modus vivendi (образ жизни). Поэтому он резонно надеялся получить в такой стране приличествующее ее законам и его положению убежище. При этом, естественно, император мог только радоваться, что эта страна *соседствует* с Францией: мало ли как могло еще повернуть в будущем строптивое

---

[1] Цит. по: Лас-Каз Э. Мемориал Святой Елены: В 2 кн. М., 2010. Кн. 1. Р. 46. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] Текст договора см.: Мартенс Ф. Ф. Собр. трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. М., 1905. Т. 14. С. 239–241.

[3] Цит. по: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 53.

колесо истории? Варварское же решение английских властей депортировать его без суда и следствия за тридевять земель от цивилизации, в никуда, разъярило его и морально надломило. Он понимал, что его протест (который Кейт и Банбери фарисейски обещали «довести до сведения правительства») останется, как, впрочем, и *все* последующие, гласом вопиющего в пустыне. Делать нечего: сразу после «обмена любезностями» с Кейтом и Банбери Наполеон стал готовиться к отъезду туда, откуда он уже не рассчитывал вернуться.

Начал он с подбора свиты. Присланный из Лондона вердикт обязывал его соблюсти такие нормы: он мог взять с собой (только из тех, кто был с ним на «Беллерофоне») трех генералов, кроме уже выданных на расправу Бурбонам М.-Р. Савари и Ф.-А. Лаллемана (оставались как раз три генерала: А.-Г. Бертран, Г. Гурго и Ш.-Т. Монтолон), а также врача и 12 слуг. С разрешения Кейта Наполеон включил в свою свиту на правах четвертого «генерала», а на деле личного секретаря, графа Э.-О.-Д. Лас-Каза, который, по логике англичан, мог стать для них переводчиком и возможным осведомителем. Кроме того, британское адмиралтейство разрешило Бертрану взять с собой жену и троих детей, Монтолону – жену и ребенка, Лас-Казу – 15-летнего сына.

Что касается врача, то бывший при Наполеоне на Эльбе ученик знаменитого Ж.-Н. Корвизара Фуро де Борегар задержался в Париже, а император тем временем познакомился с главным врачом «Беллерофона» ирландцем (который владел свободно итальянским и неплохо французским языками) Барри О'Мира (1786–1836 гг.) и проникся к нему симпатией – оказалось, взаимной. Когда Наполеон поинтересовался, не захочет ли О'Мира сопровождать низложенного императора в изгнание на остров Святой Елены, тот с готовностью согласился и получил разрешение от адмирала Кейта с такой гарантией для него: «...буду считаться британским офицером и волен покинуть столь специфическое место службы в том случае, если найду его несовместимым с моими желаниями»[1]. В дальнейшем мы ознакомимся с О'Мира ближе.

В список 12 слуг, по желанию Наполеона, вошли камердинер Л.-Ж. Маршан, дворецкий Ф. Киприани, конюшие Ашиль и Жозеф Аршамбо и др. – почти все они (11 из 12!) были с императором на Эльбе. «Новеньким» был лишь повар Лепаж, ранее служивший Жозефу Бонапарту.

Поскольку «Беллерофон» был признан недостаточно мощным и технически исправным для рейса на остров Святой Елены за

[1] О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 8, 603.

4400 миль (8150 км)[1] от Англии, французские изгнанники ждали в Плимуте, когда придет за ними более надежный, 74-пушечный военный корабль «Нортумберленд» под флагом контр-адмирала Джорджа Кокбэрна. Корабль пришел 6 августа. В тот же день оба адмирала – Кокбэрн и Кейт – поднялись на «Беллерофон» и вручили Наполеону инструкцию британского Кабинета министров, в которой предписывалось «обыскать все вещи, находящиеся у генерала Буонапарте», с изъятием «всех видов оружия». «Все письма, которые будут адресоваться генералу, а также членам его свиты, – гласила далее инструкция, – сначала будут вручаться адмиралу или губернатору, которые прочитают их перед тем, как сдать адресату; это же правило распространяется и на письма, написанные генералом и членами его свиты». Заключительный «перл» инструкции звучал ханжески: «Генерал должен знать, что губернатор и адмирал получили определенные указания адресовать правительству Его Величества любую просьбу или жалобу от генерала. Ничто в этом случае не станет препятствием для подобной акции генерала, но лист бумаги, на котором будут изложены его просьбы и жалобы, должен оставаться не запечатанным в конверте с тем, чтобы можно было добавить любые замечания адмирала и губернатора, которые они сочтут необходимыми»[2].

После обыска английские ищейки предложили Маршану взять расписку для «генерала Буонапарте» с описью его вещей, но Маршан, шокированный тем, как они называют его *императора*, заявил, что не может принять такую расписку, не согласовав ее с гофмаршалом. Бертран, однако, успокоил его: «Пусть они называют его, как хотят; они же не могут помешать ему быть тем, кем он является. Возьми то, что они вручают тебе»[3].

Когда же адмирал Кейт вместе с адмиралом Кокбэрном пришел в каюту к Наполеону и вежливо потребовал: «Англия просит вашу шпагу!», «выражение лица императора, – по воспоминаниям очевидца, – стало просто страшным; положив ладонь на рукоятку своей шпаги, он, казалось, всем своим видом бросал вызов любому, кто попытается отнять ее у него. Оба английских адмирала, честно исполнявшие приказ, противоречивший по своему духу их характеру, почтительно отсалютовали императору, покидая его каюту. Шпага Аустерлица осталась при нем». Сохранили свои шпаги и все четыре

[1] Морская миля = 1853 м.
[2] Цит. по: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 338–340.
[3] Там же. С. 342.

генерала императорской свиты: «англичане взяли только огнестрельное оружие»[1].

8 августа 1815 г. «Нортумберленд» в сопровождении целой эскадры из четырех военных (с войсками) и трех транспортных судов отправился в долгий путь с южного побережья Англии к югу Африки. Перед отплытием Наполеон тепло простился с генералами Савари и Лаллеманом – все трое были в слезах, понимая, что расстаются навсегда. Следующим утром вся армада английских судов, занятая депортацией одного человека, вышла в океан, обогнув выгнутый на северо-запад берег Франции. Маршан на всю жизнь запомнил, как долго и отрешенно, в стороне ото всех, стоял на палубе император-изгнанник: сняв шляпу, он с каким-то ностальгическим трепетом вглядывался в очертания французского побережья и негромко, как бы про себя (но так, что Маршан, державшийся поблизости, услышал), произнес: «Прощай, страна храбрецов! Прощай, Франция! Прощай!..»[2] Теперь он знал – навсегда.

Командиром «Нортумберленда» был шурин адмирала Кокбэрна капитан Чарльз Росс, но Кокбэрн возглавлял не только эскадру английских кораблей в пути до острова Святой Елены. Он, согласно инструкции кабинета министров Англии, должен был возглавить администрацию (и военную, и гражданскую) на самом острове до прибытия туда генерал-лейтенанта Хадсона Лоу, который был назначен губернатором острова 1 августа, но пока задерживался в Лондоне, оформляя свое назначение. С Наполеоном капитан Росс, все английские офицеры и сам адмирал Кокбэрн держались, по свидетельству Маршана, «весьма любезно: если адмирал выходил на палубу, где уже находился император, то обычно спешил к нему и предлагал свою руку, которую император всегда принимал»[3]. На обеды Кокбэрн приглашал Наполеона в офицерскую кают-компанию, где императору отводилось за столом почетное место.

Кстати, на первом же из таких обедов случился показательный инцидент с оттенком мелодрамы: из-за того, что Наполеон привык не задерживаться за обеденным столом, а Кокбэрн не знал об этой его привычке. Цитирую Андре Кастело: «Наполеон, которому надоело ждать, пока его обслужат, выпил чашку кофе и покинул столовую, оставив в полном недоумении своих английских сотрапезников, привыкших расслабиться и поболтать за столом, передавая друг другу

[1] Там же. С. 342–343.
[2] Там же. С. 347.
[3] Там же. С. 351.

традиционную флягу с крепким портвейном. Поэтому адмирал взбрыкнул.

Кажется, генерал не читал лорда Честерфильда! – громко сказал он.

Филипп Честерфильд был автором книги по этикету, которая высоко ценилась в Англии.

1. Не забывайте, месье адмирал, – резко ответил ему Бертран, – что вы имеете дело с человеком, который был господином мира, и короли почитали за честь быть приглашенными к его столу!

2. Да, вы правы, – вынужден был согласиться Кокбэрн»[1].

Главным занятием императора на корабле в течение всего более чем двухмесячного *«пути в преисподнюю»* было чтение. Он собирался было взять с собой из Парижа 10 тыс. томов, но смог увезти только 588, и лишь позднее, уже на острове, за счет «личных присылок» довел каталог своей «тюремной» библиотеки до 1814 единиц[2]. Иногда он отвлекался от книг на игру в шахматы, занимался и карточной игрой, в которой, как запомнилось Маршану, «всегда проигрывал». Тогда же, в пути, он начал диктовать Лас-Казу свои воспоминания и старательно брал у него уроки английского языка. На палубу выходил ежедневно, с 15 или 16 часов – после обеда, и любил оставаться там один, без свиты, хотя избежать недреманого ока Маршана, всегда и везде дежурившего немного поодаль, не мог, а может быть, и не хотел.

Увидеть на палубах корабля Наполеону и людям из его свиты довелось многое, включая и то, что даже не укладывалось в их сознании как бесчеловечный рецидив средневековья. То были телесные наказания моряков. Их пороли плетьми за нарушение дисциплины – пороли на открытой палубе в присутствии команды корабля и пассажиров, так пороли, что один из недавно исхлестанных и вновь провинившихся матросов не вынес боли и страха перед ожидавшей его поркой и выбросился в море; спасти его не удалось. «Я присутствовал на одном таком наказании, – вспоминал Маршан. – Я не представлял себе, что эта порка может быть такой варварской, и не мог понять, почему люди готовы терпеть подобное наказание. Мне думалось, что в результате полученной порки человек настолько деградирует, что его душа уже неспособна хотя бы как-то ощущать чувство собственного достоинства. Я склонен полагать, что подобное истязание превращает людей в животных, ибо видел одного портного, только что получившего 20 ударов плетью, но тем не менее тут же пустив-

[1] Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 603.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 349.

шегося плясать джигу. Я пришел к выводу, что есть такой сорт людей, которые могут терпеть любую порку, но которые не в состоянии, как французская нация, произвести на свет великих граждан»[1].

21 августа «Нортумберленд» во главе своей эскадры достиг острова Мадейра, принадлежавшего союзнице Англии – Португалии. Здесь, в местном порту Фуншал, эскадра пополнила свои запасы провизии. Весь этот день с моря неистово дул ураганный ветер – сирокко, погубивший почти все виноградники острова. По воспоминаниям Маршана и О'Мира, даже мощный «Нортумберленд» «швыряло из стороны в сторону», а местные жители суеверно приписывали разрушительное вторжение к ним сирокко... Наполеону[2].

От Мадейры до Святой Елены английская эскадра с французскими изгнанниками шла еще почти (без одной недели) два месяца, но уже ничего нового, кроме, пожалуй, приступов морской болезни да еще пойманной 90-килограммовой акулы, внутри которой сохранились остатки одежды человека, Наполеон и его свита больше не увидели и не ощутили. Правда, однажды эскадра Кокбэрна встретилась с тремя французскими военными кораблями, и по «Нортумберленду» прошел слух, что это «флотилия, посланная для спасения Наполеона», но такой слух был сразу же опровергнут как совершенно неправдоподобный[3] (в самом деле, кто и где мог бы узнать о маршруте «Нортумберленда» и успеть встретиться с ним в Атлантическом океане, чтобы спасти Наполеона?).

Наконец 15 октября с верхней палубы «Нортумберленда» его вольные и невольные обитатели увидели перед собой зловещую панораму острова Святой Елены, о котором английский хирург Уолтер Генри именно тогда отозвался как о «самой ужасной, самой мрачной из скал, какую только можно вообразить»[4], а Марина Цветаева через 120 лет напишет стихи:

Черные стены
С подножием пены.
Это – Святая Елена[5].

Действительно, по описаниям очевидцев, остров представлял собой возвышавшееся посреди моря нагромождение чернобазальтовых скал, изрезанных уродливыми расщелинами и утыканных англий-

---

[1] Там же. С. 353.
[2] Там же. С. 352–353; О'Мира Б. Цит. соч. С. 9.
[3] Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992. С. 198.
[4] Там же. С. 199.
[5] Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 2. С. 329.

скими пушками. «Когда судно приближается к острову, – читаем у Эмиля Людвига, – ущелье над гаванью кажется вратами ада, а черные стены – созданными руками демонов»[1]. Не зря «один британский писатель» подобрал для острова такое определение: «Это *логово сатаны* на Юге»[2].

Пока Наполеон, его соратники и слуги высаживаются под английским конвоем на остров Святой Елены, ознакомимся с тем, что́ происходило в это время во Франции. Сразу скажу: если бы узники Святой Елены, вступая в «логово сатаны», знали о жертвах «белого» террора, который свирепствовал тогда на их родине, состояние их душ, и без того уже подавленное, было бы еще мучительнее.

Вот как преобразилась Франция, после того как Наполеон отрекся от престола и оставил Париж (а затем – и Мальмезон, и Рошфор). Поначалу депутаты и пэры двух палат французского парламента (в большинстве своем) тешили себя иллюзией договориться с монархами седьмой коалиции о том, чтобы Франция сама, без иностранной оккупации, могла бы конституироваться в новый порядок – без Наполеона, но и без Бурбонов. Прежде всего, уже 25 июня (в тот день, когда Наполеон отбыл из Парижа в Мальмезон), шестеро делегатов от обеих палат, которых возглавлял *республикански* настроенный М. Ж. П. Лафайет, спешно выехали навстречу подступавшим к Парижу войскам с предложением заключить перемирие.

Эта мирная миссия обернулась трагикомедией. Александр I, на которого Лафайет возлагал особые надежды, отказался вступать с делегатами в переговоры без согласия на то других монархов, а к Францу I, Фридриху-Вильгельму III и лорду Р. С. Каслри их даже не допустили (впрочем, едва ли на кого-то из этих троих делегаты могли рассчитывать). Тем временем союзные армии шли и шли к Парижу. В итоге «удрученные делегаты вернулись в столицу в обозе союзников»...[3] вслед за Людовиком XVIII.

Да, 8 июля «христианнейший король» Людовик Желанный (по мнению роялистов) и просто «старый подагрик в английских гетрах» для большинства нации[4] вновь – под охраной почти полумиллионного воинства интервентов – вернулся в Париж на трон, освободившийся после отречения Наполеона. Ф. Р. Шатобриан саркастически подметил различие между повторными воцарениями Наполеона

---

[1] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 516.

[2] Цит. по: Мартино Ж. Повседневная жизнь на острове Святой Елены при Наполеоне. М., 2008. С. 14.

[3] Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 291.

[4] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 6. С. 64.

с его «полетом орла» и Людовика с доставкой его к трону в оккупационном обозе: «Бонапарт возвратился *во главе* 400 французов; Людовик XVIII возвращается *позади* 400 тыс. чужестранцев»[1].

Накануне Временное правительство по инициативе Фуше подписало в Сен-Клу с Веллингтоном и Блюхером акт о капитуляции Парижа, согласно которому французские войска отводились за Луару, а союзные – вступали в столицу Франции. В тот же день Временное правительство под угрожающие выкрики *прусских* солдат, окруживших Тюильрийский дворец, торжественно признало Людовика XVIII своим государем и на этом прекратило свое существование. Людовик уже заранее начал формировать новый состав кабинета министров. Ключевые посты в нем заняли буквально ошалевшие от счастья (как выяснилось, недолгого) пока все еще непотопляемые Талейран и Фуше: первый из них стал главой правительства и министром иностранных дел, второй (уже в пятый раз за свою карьеру) – министром полиции. Очевидец их совместного визита к Людовику за этими назначениями Ф.-Р. Шатобриан картинно описал то, что он увидел. «В приемную безмолвно вошли порок об руку с преступлением – господин Талейран с господином Фуше; адское видение медленно проплыло мимо меня и скрылось в кабинете короля. Фуше спешил поклясться своему повелителю, что будет служить ему верой и правдой; верноподданный цареубийца, преклонив колена, жал рукой, приблизившей смерть Людовика XVI, руку брата короля-мученика; клятву скреплял епископ-расстрига»[2].

А что же парламентские палаты? Что с ними стало? Палата пэров уже 7 июля, увидев, что сад и двор Люксембургского дворца, где она заседает, оцеплены батальоном *прусской* пехоты, приняла решение о самороспуске. Нижняя Палата продолжала, что называется, толочь воду в ступе (пытаясь найти консенсус со всеми, кроме Бурбонов) весь день 7-го и назначила очередное заседание на 8 июля. Однако утром 8-го депутаты, явившиеся продолжить свою говорильню, обнаружили, что двери Бурбонского дворца для них закрыты и охраняются *английскими* солдатами. Оказалось, что Людовик XVIII распустил Палату. «Многочисленные зрители, собравшиеся у входа в Палату, – удовлетворенно писал об этом великий англичанин Вальтер Скотт, – с насмешками и издевательствами наблюдали за возмущенными и расстроенными депутатами»[3].

---

[1] Шатобриан Ф. Р., де. Замогильные записки. М., 1995. С. 303.

[2] Там же. С. 312.

[3] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. С. 523.

Наверное только теперь депутаты, наконец, поняли то, чего до сих пор странным образом не понимали: «убрав Наполеона, они возвращают Людовика XVIII и сами приговаривают себя»[1], – иными словами, из двух зол выбрали явно большее.

Первые шаги новой власти были подчеркнуто карательными, причем роль главного карателя подневольно, но все-таки взял на себя Фуше. Именно ему как министру полиции король поручил составить проскрипционные списки всех противников своего режима. 24 июля Фуше публикует сразу два списка антироялистов: в первый из них вошли 19 военных служак, которые должны были предстать перед военным трибуналом; во второй – 38 гражданских лиц, с которых надлежало взять подписку о невыезде до окончательного решения их судьбы. В этих списках – «все товарищи Фуше, бывшие с ним во Временном правительстве, последние его товарищи по Конвенту, товарищи по революции <...>. Только одно-единственное имя отсутствует в нем – имя Жозефа Фуше». Это свое наблюдение Стефан Цвейг тут же уточняет: «Вернее, оно не отсутствует. Имя Фуше стоит в документе. Но не в тексте, не среди обвиняемых министров Наполеона, а в качестве подписи королевского министра, отправляющего на смерть или в изгнание всех своих прежних товарищей, как имя палача»[2].

При этом «палач», верный себе, своей натуре, «заметает» на всякий случай отдельные следы: кто-то «забыт» и вообще не попал в список, как Жан-Жак Режи Камбасерес, а кто-то вычеркнут, как Бенжамен Констан. Лазар Карно, оставшийся в одном из списков, гневно осведомился у Фуше: «Куда же мне теперь идти, предатель?» Фуше лишь усмехнулся: «Куда хочешь, дурак»[3].

Двумя первыми списками палаческая «арифметика» Фуше не ограничилась. Были и другие. В. А. Бутенко насчитывал в целом – в двух списках – до 300 имен, а хорошо осведомленный А.-М. Лавалетт даже 2 тыс.[4] Впрочем, роялисты на всех уровнях власти чинили расправу с инакомыслящими (в первую очередь с бонапартистами) и в обход списков, но в угоду и к выгоде «христианнейшего короля».

«Белый» террор второй Реставрации (как и первый) начался сразу по прибытии Людовика XVIII в Париж[5]. Кстати, само понятие

---

[1] Вильпен Д., де. Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003. С. 511.

[2] Цвейг С. Жозеф Фуше // Собр. соч.: В 7 т. М., 1963. Т. 4. С. 608–609.

[3] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 611.

[4] См. об этом: Егоров А. А. Фуше. Ростов н/Д., 1998. С. 362–363.

[5] См.: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 614; История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 178–179.

«белый террор» впервые в истории появилось именно в то время во Франции – по цвету знамени и герба (белых лилий) Бурбонов. Уже к августу 1815 г. число арестованных достигло 70 тыс. Только военные суды и чрезвычайные трибуналы вынесли 10 тыс. обвинительных (преимущественно смертных) приговоров. Около 100 тыс. человек были уволены с гражданской службы, а число уволенных из армии не поддавалось подсчету: «Возмущенные отказом от трехцветного знамени, войска массированно дезертируют, – читаем о том времени у Д. Вильпена, – тех же, кто остается, с легкостью увольняют»[1]. Арестовывали и бросали в тюрьмы людей по малейшему подозрению в республиканизме и бонапартизме, а также по ходячему обвинению в том, что они благодаря революции приобрели земли духовенства и верного Бурбонам дворянства.

Жертвами «белого» террора стали выдающиеся соратники Наполеона, его генералы и маршалы, прославившие Францию в борьбе с ее внешними врагами. Первым из них уже 9 июля, на следующий день после въезда Людовика XVIII в Париж, был арестован граф Антуан-Мари Лавалетт. Его заточили в тюрьму Консьержери, которая «пользовалась славой наихудшей из всех парижских тюрем»[2] (здесь сидели перед казнью королева Мария Антуанетта, убийца Ж.-П. Марата Шарлотта Корде, вождь шуанов Ж. Кадудаль и др.). После того как Лавалетт был осужден на смертную казнь, к нему в камеру смертника допустили проститься его жену Эмилию (урожденную Богарне, племянницу Жозефины). Оставленные наедине супруги обменялись одеждой. Эмилия заняла место мужа в камере, а он в платье жены, прикрыв лицо платком, вышел из камеры и миновал караульные посты. Этот, нашумевший на всю Европу, побег Лавалетта спас и продлил ему жизнь на 15 лет, однако жене его стоил слишком дорого: некоторое время тюремщики «христианнейшего короля» продержали ее *в той же* камере, а когда освободили, она вследствие пережитых ею в судьбе мужа потрясений лишилась рассудка. Наполеон, узнав (на острове Святой Елены) о жертвенном подвиге Эмилии, назвал ее «настоящей героиней Европы»[3].

2 августа был арестован и 19-го расстрелян другой генерал и граф – Шарль-Франсуа Лабедуайер. «После краткой беседы со священником он сам командует взводом солдат, который приготовился его расстрелять: “Друзья мои, стреляйте и не промахнитесь!..

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 607.

[2] Делдерфилд Р. Маршалы Наполеона. М., 2001. С. 412.

[3] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 430. О судьбе А.-М. Лавалетта см.: Dictionnaire Napoiléon / Sous la direction de J. Tulard. Fayard, 1999. T. 2. P. 163.

Целься... Огонь!"»[1]. Так же героически вели себя при аресте, на суде и под пулями взвода карателей еще два наполеоновских генерала – братья Константен и Сезар Фоше. Когда их расстреливали (27 сентября 1815 г.), «братья держались за руки»[2]. А пока судили и казнили Лабедуайера и братьев Фоше, в Консьержери ждал своей очереди один из наиболее прославленных маршалов Наполеона Мишель Ней – герцог Эльхингенский и князь Московский, «храбрейший из храбрых».

Ней был арестован еще 3 августа. Людовик XVIII повелел судить его за мартовскую измену судом специально учрежденного военного трибунала, в состав которого вошли четверо наполеоновских маршалов, недавних сослуживцев Нея (Ж. Б. Журдан, А. Массена, П. Ф. Ожеро и Э. А. Мортье), а также еще три высокопоставленных, малоизвестных офицера[3]. Маршал Л. Н. Даву, отказавшийся служить Бурбонам, но и не подвергшийся серьезным репрессиям, в те дни был уверен, что трибунал оправдает «храбрейшего из храбрых»: «Никто не сможет осудить такого человека. Никто, даже Рагуза!» (т. е. Мармон, герцог Рагузский). Однако сам Ней почему-то выразил недоверие трибуналу и потребовал, чтобы его, пэра Франции, судил не военный трибунал (больше половины которого составляли его боевые соратники), а суд Палаты пэров, где верховодили противники бонапартизма.

Суд Палаты пэров был скорым, а приговор его, как и следовало ожидать, жестоким. Прозаседав три дня, с 4 по 6 декабря, пэры проголосовали за меру наказания своему, самому выдающемуся из них, коллеге: 109 голосов – за смертную казнь, 17 – за ссылку, пятеро воздержались. За смертный приговор Нею голосовали в Палате пэров и пять бывших маршалов Франции: предатель О.-Ф. Мармон, уклонист К.-П. Виктор и три отставных старейшины маршальского созвездия: Ф. Э. Келлерман, Д. Периньон, Ж. М. Ф. Серрюрье, жить которым оставалось уже недолго : Келлерману – 5 лет, Серрюрье – 4, Периньону – 3 года.

Последний в истории Франции и России «князь Московский» был расстрелян 7 декабря 1815 г. возле решетки Люксембургского сада на площади Обсерватории. Присутствовавший при этой экзекуции адъютант Александра I граф Луи-Виктор-Леон де Рошешуар,

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 613.

[2] Там же.

[3] Подробно о судебном процессе М. Нея см.: Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 417–421; Маршал Ней, князь Московский // Судебные драмы. 1902. № 11. С. 157–230; Егоров А. А. Маршалы Наполеона. Ростов н/Д., 1998. С. 316–319.

который был тогда военным комендантом Парижа, вспоминал: «Конечно, он отказался стать на колени и не позволил завязать себе глаза <...>. Повернулся лицом к взводу, державшему ружья на прицеле. И тут, с осанкой, которую я никогда не забуду, столько в ней было благородства, спокойствия и достоинства, без всякой рисовки, он снял шляпу и <...> произнес следующие слова, отчетливо мною слышанные: "Французы, я протестую против своего приговора. Моя честь..." При последних словах, когда он поднес руку к сердцу, раздался залп; он упал сраженный <...>. Такая прекрасная смерть произвела на меня глубокое впечатление. Обратившись к Августу де ла Рошжаклену, гренадерскому полковнику, стоявшему рядом со мной, я сказал: "Вот, друг мой, великий урок, как надо умирать!"»[1].

Теперь в Париже, на площади Обсерватории, где французы казнили своего «храбрейшего из храбрых», стоит памятник ему (на высоком пьедестале – скульптура Нея в его полный, очень высокий рост, с обнаженной саблей в руке). А в мировой литературе доныне бытует романтическая, но более чем сомнительная версия, что Мишель Ней в 1815 г. был спасен и уехал в США, где прожил до 1846 г. под именем Питера Стюарта Нея – школьного учителя[2].

Пока Ней ждал суда в Консьержери, был арестован и расстрелян еще один из самых знаменитых маршалов Наполеона, столь же достойный титула «храбрейшего из храбрых», – Иоахим Мюрат, «генералиссимус всей кавалерии», как называли его солдаты, король Неаполитанский, зять Наполеона. Отвергнутый во время «Ста дней» Наполеоном, который не смог простить ему измены 1814 г., Мюрат после второго отречения императора попытался осуществить собственный *«полет орла»* в Неаполь, чтобы вернуть себе королевский трон[3]. 8 октября 1815 г. он высадился с отрядом из 28 человек на юге Италии у городка Пиццо, но был схвачен жандармами Фердинанда IV – вернувшегося к власти в Неаполе короля из неаполитанской ветви Бурбонов. Фердинанд повелел судить «генерала Мюрата» с заведомо предрешенным смертным приговором. Цитирую его повеление: «...осужденному будет предоставлено лишь полчаса, чтобы иметь возможность побеседовать со священнослужителем и исповедаться»[4].

---

[1] Мемуары графа Рошешуара, адъютанта императора Александра I // Революция. Империя и Реставрация. М., 1915. С. 386–387.

[2] Аргументы за и против этой версии см.: Натансон Э. А. Был ли казнен маршал Ней? // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 214–219.

[3] Подробно об этом см.: Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 415–417; Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 337–343.

[4] Цит. по: Тюлар Ж. Указ. соч. С. 341.

Мюрат был расстрелян 13 октября там же, в Пиццо. По воспоминаниям каноника Антонио Масдеа, который исповедовал осужденного, он, «прибыв на место казни и обратившись к присутствующим, сказал: "Не думайте, что я принимаю смерть из чьих-либо иных рук, кроме Божьих. Мне отвратителен только способ, каким это делается. Куда мне встать? Укажите, господин офицер". Встав на указанное ему возвышение, он расстегнул одежды и, рванув их, обнажил грудь. "Стреляйте! – скомандовал он. – И не бойтесь. Пусть свершится воля Господня!"». Р. Делдерфилд, по выражению которого, Мюрат «умер картинно храбро», приводит такую версию его последних слов: «Пощадите лицо, цельтесь в сердце!», а по словам Вальтера Скотта, Мюрат перед тем, как начал командовать собственным расстрелом и получил шесть пуль в сердце, «повесил себе на грудь портрет своей жены»[1].

После этой казни родилась легенда о том, что Фердинанд IV, дабы стопроцентно удостовериться в смерти своего главного врага, приказал доставить ему в Неаполь его голову и держал у себя до конца жизни в особом резервуаре для спирта, а после смерти Фердинанда «в тайном отделении одного из шкафов в его спальне обнаружили эту голову, залитую спиртом»[2]. По авторитетному мнению Жана Тюлара, эта мрачная легенда, которой, кстати, отдал дань Александр Дюма-отец (автор «Трех мушкетеров») в книге «Знаменитые преступления», «родилась потому, что доныне невозможно получить точный ответ на вопрос, где покоится прах казненного. По всей вероятности, останки Мюрата были расчленены и «смешаны с останками тысячи человек в подземельях церкви Святого Георгия Мученика в Пиццо, чтобы невозможно было их опознать»[3].

Самой трагичной стала гибель маршала Гийома Мари Брюна[4]. 2 августа 1815 г. в Авиньоне толпа черни (явно науськанная роялистами сверху) ворвалась к нему в номер местной гостиницы и буквально растерзала его. Изувеченное тело маршала убийцы торжествующе волокли за ноги по улицам города и затем выбросили в Рону. Когда толпа разошлась, прислуга гостиницы извлекла тело Брюна из реки и тайно похоронила его. Очевидцы вспоминали, что перед смертью Брюн прошептал: «Господи! Пережить сотню битв и так умереть...»

---

[1] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 458.

[2] Тюлар Ж. Указ. соч. С. 343; Dumas A. Les Crimes célèbres. P., 1874. P. 177.

[3] Тюлар Ж. Указ. соч. С. 344 (с цит. «Бюллетеня друзей Музея Мюрата»).

[4] См. об этом: Делдерфилд Р. Цит. соч. С. 411–412; Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 610, 680; Маркс К. Брюн // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 14. С. 145.

«Белый террор» против наполеоновской военной элиты не просто удовлетворял королевскую семью Бурбонов, но и радовал ее. «Мы начали охоту на маршалов! – хвастался сын "дикого барина" Карла д'Артуа и племянник "христианнейшего" Людовика XVIII герцог Беррийский. – Надо убить по меньшей мере человек восемь»[1].

Правда, маршалов, после того как был расстрелян Ней, больше не убивали, но с генералами и офицерами роялисты чинили расправу до конца 1815 г. и продолжили в 1816 г. Генерал Рамель был без суда убит в Тулузе, генерал Лагард – в Ниме. Луи Арагон в историческом романе «Страстная неделя» запечатлел такие *факты*, как гильотинирование на Гревской площади одного офицера, Толлерона, который «кладет руку на плаху и говорит палачу: "Руби эту руку – она защищала Отчизну!"», и расстрел на площади Гренельской другого офицера, Дебана, получившего в свое время крест Почетного легиона из рук самого императора; теперь, под наведенными на него ружьями, он «сгибает и проглатывает этот крест, лишь бы не расстаться с ним»[2]. Д. Вильпен полагает, что «период военной чистки» официально закончился 27 июля 1816 г. казнью генерала императорской гвардии Р.-Б. Мутона-Дюверне – героя многих сражений, начиная с Итальянской кампании 1796–1797 гг.[3]

«Чистка» гражданских кадров, начатая еще в период первой Реставрации и теперь продолженная, по масштабам почти не уступала репрессиям против военных, но приговоры в отношении штатских были гораздо мягче, и до казней не дошло. Людовик XVIII готов был даже помиловать исключенного из Института Франции и вынужденного покинуть родину великого живописца Ж. Л. Давида (для Бурбонов – «цареубийцу», поскольку художник голосовал как член Конвента за казнь Людовика XVI). С 1816 г. Давид жил в Бельгии. Уполномоченные лица сообщили ему: «Людовик XVIII готов простить вас, если вы напишете его портрет». – «Отличная идея! – воскликнул Давид. – Пришлите мне в Брюссель его голову!»[4]

Тем временем, пока Бурбоны упивались долгожданной властью и мщением, развязав репрессии, войска седьмой коалиции, второй раз за последние 14 месяцев водворившие их на французский престол, бесчинствовали и в центре, и на окраинах Франции. «Более

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 611.

[2] Арагон Л. Страстная неделя. М., 1976. С. 545.

[3] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 614.

[4] Ж.-Л. Давид писал тогда в изгнании портреты соратников и родственников Наполеона: генерала Э. М. Жерара, графа А. А. Тюренна, бывшего консула Э. Ж. Сьейеса, двух дочерей Жозефа Бонапарта и др. (Шнаппер А. Давид. Свидетель своей эпохи. М., 1984. С. 256–262).

миллиона солдат коалиции, – читаем у Д. Вильпена, – оккупируют две трети территории, в буквальном смысле взяв Францию в заложники»[1]. «Грабежам и насилию оккупантов над мирным населением не было предела, – пишут авторы коллективной "Истории Франции".– Они забирали содержимое казначейств <...>. Из занятых крепостей вывозились не только пушки и снаряды, но и все изделия из железа, стратегические карты и планы. Более 5 тыс. картин, статуй и других произведений искусства были изъяты из Лувра и отправлены за границу. Убытки от вражеского нашествия превысили 1,6 млрд. франков»[2].

Главы коалиционных держав не осуждали ни «белый террор» Бурбонов, ни бесчинства собственных войск, а иные поощряли и то и другое. Так, лидер тори[3] и будущий глава правительства Англии Джордж Каннинг провозгласил: «Франция – наше завоевание, и мы хотим истощить ее до такой степени, чтобы она сидела смирно не менее десяти лет»[4].

А как вел себя в той ситуации Александр I? Он прибыл в Париж 10 июля и поселился в Елисейском дворце (кстати, названном так по имени герцогини Элизе́ Бурбон, которая получила дворец в подарок от Людовика XVI). Здесь «спустя полчаса» его навестил Людовик XVIII, чтобы получить от царя подтверждение незыблемости своих королевских прав[5]. И получил.

В Париже Александр пробыл до конца сентября, будучи все время на виду, но не вмешиваясь в политику Бурбонов. Даже когда лютовал «белый» террор, царь отклонял все просьбы о вмешательстве, а русских офицеров, осудивших карательную прыть Бурбонов (в том числе будущего декабриста М. С. Лунина) выслал из Парижа[6], еще одному будущему декабристу – кн. С. Г. Волконскому – выразил за то же свое «негодование»[7]. Барон А. А. Жомини, генерал-адъютант Александра I и уже в то время европейски знаменитый военный историк, «осмелился прислать государю в запечатанном конверте оправдание маршала Нея, но Александр прогневался и велел передать генералу Жомини, что "доколе он находится в службе Его

---

[1] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 607–608.

[2] История Франции. Т. 2. С. 178.

[3] Тори (англ. tory) – одна из двух (наряду с вигами) ведущих политических партий в Англии. С 1780-х гг. до 1830 г. постоянно находилась у власти. На ее основе в середине XIX в. образовалась современная Консервативная партия.

[4] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 608.

[5] Отечественная война и русское общество. Юб. изд. М., 1912. Т. 6. С. 137.

[6] См.: Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962. С. 19–20.

[7] Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 343.

Величества, то не должен заниматься никакими посторонними делами, не принадлежащими к сей службе". Вместе с тем возвращено ему было и оправдание Нея»[1].

К самому Наполеону Александр тоже больше не проявлял великодушия, из-за которого в 1814 г. «подарил» ему остров Эльбу. Очевидно, царь был задет тем, что Наполеон не удовольствовался столь щедрым «даром» и не остался жить на острове «смирно». Но его интерес к Наполеону не ослабел. Александр вновь, как и в 1814 г., посещал места, связанные с жизнью Наполеона, даже кормил из своих рук в пруду Фонтенбло пару лебедей, которых, как рассказывали царю, любил Наполеон[2]. В один из таких дней Александру доложили, что Наполеон отдал себя в руки англичан, а те отправили его в изгнание на остров Святой Елены.

С каждым днем в августе–сентябре 1815 г. ультрароялисты крепили свои позиции при королевском дворе и, не довольствуясь репрессиями против бонапартистов и разных прочих инакомыслящих, очередной мишенью избрали... правительство в лице двух его главарей – Талейрана и Фуше. Начали они, естественно, с министра полиции как «цареубийцы». «Все члены королевской фамилии требовали от Людовика XVIII, чтобы теперь, когда его власть упрочилась, он с позором изгнал из Тюильри убийцу своего брата»[3]. 15 сентября Людовик уволил Фуше с министерского поста и отправил в Дрезден, посланником при захудалом Саксонском дворе.

Талейран продержался в качестве главы кабинета и министра иностранных дел лишь на 10 дней дольше Фуше. Король сместил его с обоих постов 25 сентября не только под давлением своих радикальных сторонников, но и с учетом позиции Александра I. Тот не мог простить Талейрану ни его антироссийских интриг на Венском конгрессе, ни (и это главное) январского 1814 г. договора Англии, Австрии и Франции против России и Пруссии. Царь прямо заявил Людовику XVIII, что ему «нечего ждать от петербургского кабинета, пока Талейран остается во главе кабинета тюильрийского»[4]. Но тут же, щадя «святость королевских прав» Людовика, Александр предложил такую кандидатуру на пост премьер-министра Франции, которую можно было считать в полном смысле этих слов российско-французской, – герцога Армана Эммануэля Ришелье (правнучатого

---

[1] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 340.

[2] См.: Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 г. 3-е изд. СПб., 1836. С. 343.

[3] Цвейг С. Цит. соч. С. 613.

[4] Тарле Е. В. Талейран // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 180.

племянника знаменитого кардинала А. Ж. Ришелье). Французский роялист-эмигрант и видный российский чиновник, генерал-губернатор Новороссии, Ришелье равно устраивал на месте главы правительства Франции и Людовика XVIII, и Александра I. Только обделенный властью Талейран язвил: «Хороший выбор, конечно: француз, знающий Крым лучше Франции»[1].

Именно Ришелье довелось подписать 20 ноября 1815 г. в Париже тягчайший для Франции мирный договор с державами седьмой коалиции[2]. Теперь Франция была сведена к границам не 1792 г., как предусматривал Парижский договор от 30 мая 1814 г., а 1790, т. е. с утратой таких стратегически важных районов, как Савойя, Филиппвиль, Мариенбург, Саарлуи. Территория Франции оккупировалась на срок до 5 лет 150-тысячной армией интервентов, которую надлежало содержать за счет французской казны. Кроме того, с Франции взыскивалась контрибуция в 700 млн франков.

Этот мирный договор серьезно ослаблял Францию, а вот позиции Бурбонов во Франции гарантированно (как могло тогда показаться) упрочились в связи с подписанием в Париже еще 26 сентября акта феодальных монархов (Александра I, Франца I, Фридриха-Вильгельма III) о создании Священного союза. То был союз монархов против народов. На словах монархи обязались «побуждать своих подданных к исполнению обязанностей, в которые наставил человеков Бог-Спаситель», и «во всяком случае, и во всяком месте подавать друг другу помощь»[3]. На деле, как показали все конгрессы Священного союза, столь гуманная фразеология прикрывала сугубо карательную цель: сообща давить «во всяком месте» Европы «всякий случай» сопротивления новым (точнее, восстановленным *старым*, феодальным) режимам. Как подметил Е. В. Тарле, Священный союз был нацелен «против новой возможности антифеодальной революции»[4].

Под крылом Священного союза Бурбоны (как, впрочем, и все феодальные монархи) чувствовали себя все увереннее и вольготнее. 22 августа в условиях «белого» террора и под давлением оккупационных войск прошли выборы новой Палаты депутатов. Состав ее так приглянулся Людовику XVIII, что он назвал ее «бесподобной» (Chambre introuvable): из 388 избранных членов 235 были крупными

---

[1] Борисов Ю. В. Ш. М. Талейран. М., 1986. С. 285.

[2] Текст договора см.: Мартенс Ф. Ф. Указ. публ. Т. 14. С. 290–292.

[3] Акт о Священном союзе // ВПР. Сер. I. Т. 8. С. 516–518.

[4] История дипломатии. 2-е изд. М., 1959. Т. 1. С. 503 (автор главы – Е. В. Тарле).

помещиками из старой дворянской, почти исключительно эмигрантской знати. Настроенные ультрароялистски, они чванились тем, что представляют собой «более последовательных монархистов, чем сам король», и не скрывали своего намерения восстановить *все* былые привилегии старого, феодального дворянства и духовенства[1].

Продолжался и террор. 7 января 1816 г. «бесподобная» палата приняла закон под издевательским названием «Об амнистии», по которому все «цареубийцы», почему-либо не включенные в проскрипционные списки Фуше, подлежали незамедлительному изгнанию из Франции. В новый список попали и Камбасерес, и Сьейес (второй и третий консулы 1799 г.), и сам Фуше[2]. Бывший министр, а теперь посол, находившийся в Дрездене, был лишен всех должностей, чинов и права вернуться в каком бы то ни было качестве на родину. Он и умер в изгнании, в Триесте, униженно испросив себе австрийское подданство, умер на четыре месяца раньше Наполеона. Так оплошно закруглил свой жизненный путь этот политический оборотень, о котором говорили (выходит, зря?), что он «раньше всех подмечал всякое начало конца»[3]. Оправдался прогноз Наполеона, высказанный после того, как он вторично отрекся от престола: «Фуше обманывает всех, но будет обманут последним, попав в собственные сети»[4].

Подытожим все сказанное в этом параграфе. В то время как Наполеон был депортирован, фигурально говоря, в преисподнюю, на остров Святой Елены, вся Франция погружалась в своего рода политическую преисподнюю, а именно в феодальное, закоснелое и отжившее, но, по разумению Бурбонов и К°, обновленное свежей кровью жертв «белого» террора средневековье. Американский историк Виллиан Слоон резонно подчеркнул, что «даже в летописях революционных неистовств не отыщется ничего, способного сравняться со злодейской свирепостью роялистского “белого террора”»[5]. На долгом пути в изгнание Наполеон, конечно же, предполагал, во что выльется вторая Реставрация, но лишь со временем, уже на острове, в «логове сатаны», он узнает, даже если не со всеми подробностями, насколько реальная действительность оказалась страшнее самых мрачных его предположений.

---

[1] См.: Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913. Т. 1 (1814–1820). С. 278–279.

[2] Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 613–614.

[3] Трачевский А. С. Наполеон I. СПб., 1900. С. 239.

[4] Цит. по: Вильпен Д., де. Цит. соч. С. 531.

[5] Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 2. С. 625.

2. «Логово сатаны»

Жизнь Наполеона в изгнании на острове Святой Елены изучена его биографами меньше всего и до последнего времени освещалась, как правило, кратко, без подробностей. В одной из лучших биографий императора, автор которой – выдающийся российский историк А. З. Манфред, Святой Елене отведены лишь несколько строк на первой странице «Эпилога»[1]. Но в 2005 г. в Париже на французском языке, а затем в 2008 г. в Москве на русском увидела свет книга Жильбера Мартино «Повседневная жизнь на острове Святой Елены при Наполеоне», которая теперь служит важным подспорьем для исследователей в освещении последних лет жизни Наполеона. Дело в том, что Ж. Мартино провел на острове Святой Елены без малого 40 лет в качестве хранителя Французских владений, целиком посвятив себя изучению всего (вплоть до мельчайших подробностей), что связано с жизнью и смертью Наполеона в изгнании, и все, что он узнал, изложил в своей книге.

Остров Святой Елены, «наиболее удаленный от обитаемого мира»[2], был открыт португальским мореплавателем Жуаном да Нова 21 мая 1502 г., в тот день, который христианско-католическая церковь посвятила памяти св. Ел. Равноапостольной; поэтому остров был назван ее именем. В 1633 г. Святую Елену оккупировали английские моряки, а в 1673 г. «хартия Карла II[3] закрепила за ней статус “колонии”»[4].

Специалисты полагают, что остров «был создан вулканом, извергшимся тысячи лет назад»; «потухший вулкан в Мировом океане», – так назвал его Эмиль Людвиг[5]. И этот «потухший вулкан», по определению Д. С. Мережковского (кстати, примерно равный по своим размерам в окружности Парижу), «более похож на исполинский, плавающий в океане гроб, чем на землю живых»[6]. В самом деле, «нельзя представить себе, – свидетельствовал английский врач Наполеона Б. О’Мира, – более унылого, пустынного и безысходного зрелища, чем этот остров»; «весь он состоит из лавы, остывшей в различных состояниях расплавленной массы»[7]. Врачу Наполеона вто-

---

[1] См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1987. С. 692.

[2] Слоон В. Цит. соч. Т. 2. С. 627.

[3] Карл II (1630–1685) – сын казненного в 1649 г. короля Англии Карла I, английский король с 1660 г.

[4] Мартино Ж. Цит. соч. С. 305.

[5] Людвиг Э. Цит. соч. С. 516.

[6] Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 270. См. также: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 323.

[7] О’Мира Б. Цит. соч. С. 591.

рил комиссар Людовика XVIII на острове Святой Елены маркиз К. М. А. Моншеню в своем отзыве об острове: «Вид его ужасен»[1].

Тот же Б. О'Мира, ссылаясь (помимо собственных впечатлений) на единодушное мнение «медицинских офицеров», служивших на острове в английском гарнизоне, утверждал: «...климат острова Святой Елены является чрезвычайно пагубным для здоровья человека»[2]. Э. Людвиг, обобщивший данные различных источников, заключил: «На этом острове никто не доживал до 60-ти и лишь немногие – до 50-ти; климат тут убийственный»[3]. Убивала людей главным образом феноменальная сырость. Некий «бурский[4] офицер» так определил эту особенность островного климата: «На Святой Елене есть два времени года: короткий сезон долгих дождей и долгий сезон коротких дождей»[5].

28 октября 1818 г. Барри Б. О'Мира направил официальное письмо лордам британского Адмиралтейства о «необычайно высокой смертности на острове Святой Елены» с примерами из английской (и сухопутной, и морской) стражи: так, «корабль Его Величества "Завоеватель" потерял шестую часть своего экипажа, из которых почти половина умерла за последние восемь месяцев»[6]. В книге Ж. Мартино, по данным врачей Королевского флота, приводится такая статистика: «Флагманский корабль "Конкверор" за полтора года потерял 110 человек из 600 членов экипажа, а еще 107 человек были списаны на берег и отправлены в Великобританию <...>. "Москитоу" и "Рекун" из 100 членов экипажа потеряли один 16, а другой 24 человека. "Леверет" похоронил 12 моряков из 75, а "Гиффон" – 15 из 85»[7].

Разумеется, страдали от островных болезней и все изгнанники, включая Наполеона. О болезнях самого императора речь пойдет особо. Но вот данные, которые собрал Ж. Мартино о людях его свиты. «В феврале 1816 г. заболел Гурго. Сильнейший приступ дизентерии <...>. В мае у Бертрана начинаются после еды колики, а в октябре заболевает Альбина Монтолон (жена Ш.-Т. Монтолона. – *Н. Т.*), которую лечат каломелью. В это же время маленькому Тристану Монтолону (сыну Альбины. – *Н. Т.*) становится так плохо, что при-

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 14.

[2] О'Мира Б. Цит. соч. С. 602. О том же см.: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 455.

[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 517.

[4] Буры – голландские колонисты в Южной Африке, сотрудничавшие в начале XIX века с английскими властями.

[5] Мартино Ж. Цит. соч. С. 97.

[6] О'Мира Б. Цит. соч. С. 657.

[7] Мартино Ж. Цит. соч. С. 207.

шлось сделать ему кровопускание, чтобы спасти его. В 1819 г. заболел и Маршан: он жалуется на боли, которые похожи на те, что терзали перед смертью Франчески Киприани, сгоревшего за несколько дней в чудовищных муках, и миссис Диаз (служанка. – *Н. Т.*), которая скончалась в одночасье 12 марта 1818 г.»[1]

Можно не удивляться тому, как мог Вальтер Скотт (патриот Англии и ненавистник Наполеона) повторять официальную ложь английских тюремщиков, будто на острове Святой Елены царит «здоровый климат»[2]. Но удивительно, что поверил этой лжи (не проверив ее непредвзятыми данными?) Е. В. Тарле, повторив, вслед за Скоттом, что «климат острова Святой Елены очень здоровый»[3].

На этом «кромешном острове», по выражению Д. С. Мережковского, «самым кромешным местом» был Лонгвуд – плоская скала высотой в 500 м над уровнем океана, которая бóльшую часть года окутана туманом и залита дождем. Местные жители-островитяне, узнав о том, что для жилища Наполеона избран Лонгвуд, удивились, ибо знали, что как раз Лонгвуд и «является наихудшей и самой неприятной частью острова», а потому никто из них «никогда в Лонгвуде постоянно не проживал»[4]. «Почва Лонгвуда, – вспоминал О'Мира, – состоит из липкого глинозема, который в мокрую погоду прочно прилипает к обуви пешехода, образуя столь тяжелую массу глиняной грязи, что заставляет его прилагать колоссальные усилия, чтобы сделать очередной шаг»[5].

В течение 50 лет до депортации сюда Наполеона Лонгвуд использовался как *скотный двор* и только теперь его спешно стали переоборудовать в жилые дома для людей. «Негры и матросы, – читаем у Э. Людвига, – прямо поверх навоза настелили половые доски, даже не убрав оставленные скотом экскременты. Поэтому вскоре после вселения в дом императора сгнившие доски провалились, вонючая жижа разлилась по полу, и он вынужден был перебраться в другую комнату. Из коровника, прачечной и конюшни сколотили для Наполеона и его спутников некое подобие дома, в котором ему отвели шесть каморок <...>. Эти каморки и весь дом населены огромными крысами, которые здесь привыкли быть хозяевами: они загрызают кур во дворе и кусают за ноги лошадей, генерала Бертрана однажды укусили в руку». А Лас-Каз вспоминал, как «однажды, когда

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 210–211.
[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 561.
[3] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 504.
[4] О'Мира Б. Цит. соч. С. 598, 601.
[5] Там же. С. 599.

император пожелал удалиться из столовой и ему передали его шляпу, из нее выпрыгнула огромная крыса»[1].

Наполеон больше всего был удручен и рассержен «могильной сыростью» лонгвудских «апартаментов»: он «приказал бросать в камин тонны дров. Увы, дрова-то сырые! Изгнать сырость не удается, – даже в его спальне обнаруживаются гнилые доски»[2]. Такое обиталище (Наполеон сразу назвал его «сырым погребом») В. Слоон счел «пригодным разве лишь для пленного зулусского вождя»[3].

Столь пагубный выбор места для «резиденции» императора объяснялся не только мстительной жестокостью английских властей, но (может быть, в первую очередь) еще и тем, что «все плато, на котором находился Лонгвуд, было полностью окружено склонами гор и поэтому за ним можно было легко наблюдать»[4]. Не зря Вальтер Скотт с удовлетворением подчеркнул: «...пожалуй, нет другого места на Земном шаре, которое гарантировало бы Европе почти полную безопасность» от «такого страшного человека, как Бонапарт»[5]. Чтобы гарантировать полную безопасность Европы от Наполеона, на роль главного инквизитора в Лонгвуд требовался особо одаренный для такой роли и надежный индивид. Таковой у правительства Англии нашелся: то был генерал-лейтенант сэр Хадсон Лоу – кавалер орденов Бани (Англия), Святого Георгия (Россия) и Воинской доблести (Пруссия).

Лоу был ровесником Наполеона (родился в Ирландии 28 июля 1769 г., на 18 дней раньше императора – под тем же знаком зодиака: Лев!). В 1793–1795 гг. он служил на Корсике в гарнизоне английских оккупантов. «Там он услышал о Бонапарте и даже видел мадам Летицию и ее дочерей; их дом был реквизирован в пользу британских офицеров»[6]. В 1806 г. Лоу командовал английским гарнизоном на острове Капри. В составе гарнизона кроме англичан был и «королевский полк корсиканцев». Осажденный французами Лоу капитулировал – во главе гарнизона, «со всеми фортами, артиллерией, амуницией, складами»[7]. Среди французов, которые принимали капитуляцию Лоу, был тогда Франчески Киприани – будущий дворецкий Наполеона в Лонгвуде, умерший скоропостижно и необъяснимо.

---

[1] Людвиг Э. Цит. соч. С. 517; Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 757.
[2] Мартино Ж. Цит. соч. С. 99.
[3] Там же. С. 101; Слоон В. Цит. соч. Т. 2. С. 631.
[4] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 393.
[5] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 560.
[6] Мартино Ж. Цит. соч. С. 115.
[7] Там же. С. 116; О'Мира Б. Цит. соч. С. 529.

Затем, в 1813–1814 гг., Лоу в чине полковника служил при штабе прусского фельдмаршала Г. Л. Блюхера, а в 1815 г., уже как генерал-майор, при штабе герцога А. У. Веллингтона. В битве при Ватерлоо он не участвовал, поскольку за считаные дни до нее был откомандирован к британским войскам в Геную, но вскоре после Ватерлоо, в дни торжеств по случаю победы над Наполеоном, получил звание генерал-лейтенанта, орден Бани (с 1399 г. и доныне один из высших английских орденов), титул сэра и назначение губернатором на Святую Елену[1]. 16 апреля 1816 г. Хадсон Лоу высадился на острове и приступил к исполнению своих обязанностей – стеречь в «сыром погребе» на «кромешном острове» «врага человечества» с гарантией исключить любые шансы на его побег.

Губернаторство Лоу в «логове сатаны» было главным делом его жизни – делом, которое зловеще «прославило» губернатора на весь мир так, что эта «слава» живет до сих пор. Сэр Лоу признан «самым знаменитым тюремщиком в истории»[2], «всемогущим пигмеем», который терзал «безоружного гиганта»[3], но чисто по-человечески – ничтожеством (даже Веллингтон считал его «кретином»[4]), заурядным «солдафоном, который помешался от свалившейся на него ответственности»[5]. «Лоу в самом деле,– с уверенностью диагностировал его Д. С. Мережковский, – душевно заболевает от вечного страха, что Наполеон убежит; знает, что может убежать, а отчего не бежит – не знает»[6].

Прежде всего, Лоу тщательно проверил, отлажен ли до совершенства механизм систем охраны острова, надзора за ссыльными и слежки за всем, кто только и что могло бы повредить охране, надзору и слежке. Весь этот караульно-сыскной режим с момента доставки Наполеона и его спутников на остров, т. е. с 15 октября 1815 г., и до прибытия Лоу возглавлял адмирал, будущий первый лорд Адмиралтейства сэр Джордж Кокбэрн – тот самый, кто депортировал Наполеона на Святую Елену. Лоу с «тиранической пунктуальностью» (по выражению Ж. Мартино) углядел и ликвидировал нежелательные послабления в режиме и придал ему инквизиторскую законченность, превратив «весь остров в застенок»[7].

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 116–119.

[2] Там же. С. 37.

[3] Слоон В. Цит. соч. Т. 2. С. 632.

[4] Мартино Ж. Цит. соч. С. 119.

[5] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 363.

[6] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 274.

[7] Подробно см.: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 161–162, 348 и сл.; О'Мира Б. Цит. соч. С. 17–19, 612; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 386; Мартино Ж. Цит. соч. С. 59, 148.

Почти три тысячи солдат были расставлены вдоль шестикилометровой каменной стены, которая окружала Лонгвуд и примыкающую к нему часть плато, так, чтобы они видели друг друга. По ту сторону стены Наполеон мог гулять только в сопровождении английского офицера, причем вторая, внешняя, цепь дозорных с каждого из холмов вокруг Лонгвуда оповещала внутренние посты сигнальными флажками обо всех перемещениях «пленника Европы». Меньшие цепи часовых и пикеты бдили по всему острову, на всех спусках к океану, вплоть до тропинок, настолько крутых, что «император, при тучности своей, не мог бы спуститься по ним, не сломав себе шею»[1]. С началом сумерек лонгвудские часовые сближались и окружали дом так, чтобы никто не мог ни войти в него, ни выйти. Дежурный офицер по два раза каждые сутки лично удостоверялся, что пленник на месте. Не удивительно, что Наполеон, когда его соузники жаловались на обилие и агрессию лонгвудских крыс, отмахивался от их жалоб: «Меня больше раздражают часовые»[2].

Каждая площадка, каждый удобный выступ на плато и все подходы к острову были уставлены пушками, способными отразить любую атаку со стороны океана. Тем не менее два военных корабля беспрестанно ходили вокруг острова на всякий случай. Б. О'Мира имел все основания утверждать, что «чрезвычайные меры предосторожности, дабы воспрепятствовать побегу Наполеона, были приняты; оставалось разве лишь запрятать императора в тюрьму и посадить его там на цепь»[3]. Но Хадсону Лоу казалось, что «предосторожностей» еще мало, и все время, пока был жив Наполеон, он изыскивал новые. Российский комиссар на острове граф А. А. де Бальмен аккуратно оповещал Петербург о действиях Лоу. Вот два примера. 18 февраля 1818 г.: «Он без устали трудится над укреплениями Святой Елены, ставит в разные места новые телеграфы и батареи, удвоил караулы в Лонгвуде». 30 января 1819 г.: «Он роет рвы, возводит укрепления, словно постоянно готовится к бою»[4].

Все это и раздражало, и в некотором роде забавляло императора, вызывало с его стороны саркастическую реакцию. «Когда Лоу окружает мой дом своими офицерами, – говорил он, – они напоминают мне дикарей, исполняющих танец вокруг пленников, перед тем как их съесть»[5]. Гораздо болезненнее Наполеон реагировал на каждодневное вмешательство самого губернатора или его дежурных офи-

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 271.
[2] Кронин В. Наполеон. М., 2008. С. 509.
[3] О'Мира Б. Цит. соч. С. 19.
[4] Из бумаг гр. А. А. де Бальмена // Русский архив. 1869. С. 657, 775.
[5] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 558.

церов в быт Лонгвуда, сопровождаемое всевозможными притеснениями. Лоу неустанно подогревал усердие своих служак, внушая им, что «надзирающий офицер занимает на острове второе место после губернатора». «И эти бедняги, – читаем о них у Жильбера Мартино, – не знали ни минуты покоя, бегали, высматривали и вынюхивали, теребили садовников, китайцев и рабов, капралов и сержантов, чтобы сплести сеть для сбора и фактов, и сплетен <...>. Но Лоу не был удовлетворен их усердием и требовал от них большего воображения: им бы следовало по вечерам бродить под окнами, подслушивать, прижимаясь ухом к ставням, а еще лучше заглядывать в комнату "генерала" сквозь щели между досками. Если же его советы шокировали офицеров, он обвинял их в "чистоплюйстве" и кричал: "Я прикажу просверлить дырку в его комнате, чтобы вы могли наблюдать за ним днем и ночью!"»[1].

Лоу въедливо, с параноидальной подозрительностью, перлюстрировал и задерживал всю переписку Наполеона, отказывался выдавать ему книги, присланные из Европы, поскольку они были адресованы «императору Наполеону». «Я такого не знаю, – ёрничал губернатор. – У меня в плену генерал Буонапарте»[2]. С той же целью – как можно жестче изолировать «пленника» – он запретил французам общаться с жителями острова, а островитянам – с французами. «Своенравно и со злой иронией, – вспоминал Э. Лас-Каз, – губернатор сокращает зону передвижений императора, отмечает следы его шагов и заходит так далеко, что пытается регулировать содержание его бесед и характер его выражений»[3]. «Приняты были все меры предосторожности, какие только могло изобрести человеческое остроумие, дабы устранить для Наполеона возможность всяких сношений с внешним миром», – так оценил все это В. Слоон[4].

Сэр Хадсон не гнушался даже прикарманивать деньги, которые английское правительство отпускало на содержание «пленника Европы». Он, например, не выдавал Наполеону сукно, ссылаясь на то, что нет зеленого цвета, любимого императором. Наполеон вынужден был перелицовывать свои старые мундиры.

Но сильнее всего губернатор изводил Наполеона и его окружение назойливым соглядатайством, своими мелкими – по всякому поводу и без повода – запретами и досмотрами, он выжил с острова самых нужных императору людей, не говоря уже о загадочной трагической

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 143–144.
[2] См.: О'Мира Б. Цит. соч. С. 646.
[3] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 395. Курсив мой. – *Н. Т.*
[4] Слоон В. Цит. соч. Т. 2. С. 631.

смерти Ф. Киприани (свидетеля позорной капитуляции Лоу перед французами на острове Капри в 1806 г.). В декабре 1816 г. вынужденно покинул остров Э. Лас-Каз – секретарь императора, автор лучших свидетельств о пребывании Наполеона на острове Святой Елены, а в августе 1818 г. был удален врач Б. О'Мира – за то, что он, по мнению губернатора, оказался «более предан Бонапарту, чем Англии»[1]. В результате до приезда на остров в сентябре 1819 г. корсиканца Ф. Антомарки, присланного по просьбе А.-Г. Бертрана от кардинала Ж. Феша, Наполеон больше года оставался вообще без доктора (хотя уже страдал от тяжких болезней), ибо английских врачей сэр Лоу к нему не допускал.

Разумеется, Наполеон энергично протестовал против каждой из репрессивных акций губернатора. При первом же визите Лоу в Лонгвуд император заявил ему прямо в лицо: «Я знаю, что вы способны на все. Самый недостойный поступок английских министров заключается не в том, что они выслали меня сюда, а в том, что они передали меня в ваши руки. Для нас вы представляете собой наибольшее зло из всех, которыми богата эта ужасная скала. Вы являетесь позором вашей нации, и ваше имя навсегда останется пятном на ее репутации!»[2] Сразу после этого визита Наполеон поделился с Лас-Казом своим впечатлением о губернаторе: «Рожа настоящего висельника! Он глядел на меня глазами гиены, попавшей в капкан. Вероятно, он и есть мой палач»[3]. А своему врачу О'Мира император сказал: «На столе между нами стояла чашка кофе, и мне показалось, что Лоу отравил его своим взглядом. Я велел Маршану выплеснуть кофе в окно»[4].

С тех пор Лоу стал еще более мстительным. «Нас уверяют, – записывал Лас-Каз в дневнике 15 ноября 1816 г., – что сэр Хадсон часто недосыпает и, вскочив с постели ночью, начинает придумывать новые планы предотвращения побега Наполеона с острова»[5]. Полномочные же комиссары великих держав на острове не вмешивались в конфликт между губернатором и его пленником.

Кстати о комиссарах. Их было трое: от России, Австрии и королевской Франции (Пруссия посчитала лишним присылать своего представителя в «логово сатаны»). Прибыли они на остров 18 июня 1816 г. Россию представлял граф Александр Антонович Рамсей де

---

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 561–562.
[2] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 35, 395.
[3] Там же. Кн. 1. С. 483; Людвиг Э. Цит. соч. С. 522.
[4] О'Мира Б. Цит. соч. С. 34.
[5] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 512.

Бальмен – выходец (как и М. Б. Барклай де Толли) из шотландского рода, советник российского посольства в Лондоне. Австрийский император Франц I прислал на Святую Елену в качестве надсмотрщика за своим зятем барона Игнаца Лоренца фон Штюрмера – дипломата из «школы Меттерниха», как о нем говорили, исполнявшего важные поручения австрийского двора и в Париже, и в Петербурге. Наконец, от Бурбонов с полномочиями комиссара в «логово» сэра Лоу прибыл маркиз Клод-Марэн-Анри де Монтшеню – бывший роялист-эмигрант, амнистированный при Наполеоне, «обозный генерал, даже не нюхавший пороха» (по определению императора)[1].

Все комиссары, выполняя Парижский договор государств седьмой коалиции от 2 августа 1815 г., а также инструкции английского правительства, одобрили условия, в которых содержался Наполеон, как и усердие Лоу. При этом они подчеркивали свой статус высочайше уполномоченных *наблюдателей* и вызвались пожаловать к Наполеону в Лонгвуд с *официальными* визитами. Наполеон отказался принять их как официальных лиц, но заявил о своей готовности общаться с ними как с лицами частными[2]. «Что за нелепость присылать сюда комиссаров, не имеющих никаких обязанностей и ни за что не отвечающих? – удивлялся император. – У них не будет иного занятия, как слоняться по улочкам острова и карабкаться на скалы. Прусское правительство выказало более благоразумия и сэкономило деньги»[3].

Поскольку комиссары предпочитали общаться с Наполеоном только как лица официальные и не иначе, они за все годы своего пребывания на острове так ни разу и не увидели императора, если не считать тех минут, когда кто-то из них мог издали лицезреть «пленника Европы» в подзорную трубу.

Такой авторитет, как Жильбер Мартино, признал «самым интересным из трех комиссаров и наиболее достойным доверия» графа Бальмена[4]. Он один из всех «наблюдателей», позволял себе даже в депешах царю представлять «резиденцию» Наполеона в истинном свете: «Святая Елена – самое печальное, самое уединенное, самое неприступное место на свете, которое исключительно легко защищать и почти невозможно атаковать, место самое неприветливое, самое бедное»[5]. Более того, Бальмен в одной из тех же депеш откро-

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 156.

[2] См.: Наполеон на острове Святой Елены // Русский архив. 1912. № 4. С. 176.

[3] Мартино Ж. Цит. соч. С. 184.

[4] Там же. С. 172.

[5] Там же. С. 174.

венно признался Александру I: «Что с первого мгновения на острове более всего поразило меня, так это то огромное влияние, которое этот человек, окруженный стражниками, скалами и безднами, все еще оказывает на умы. Все на Святой Елене ощущают его превосходство <...>. Англичане приближаются к нему с робостью, и даже те, кому поручено надзирать за ним, счастливы всякому его взгляду, слову, разговору. Никто не смеет обращаться с ним как с равным. Обреченный судьбой на унижение, не видя вокруг ничего достойного своего гения, он забавляется этим отношением к себе окружающих, намеренно возбуждая зависть одних и выказывая расположение другим»[1].

Наполеон со своей стороны попытался использовать Бальмена для того, чтобы через его посредство информировать об излишествах чрезвычайных мер надзора и сыска на острове Святой Елены русского императора как наиболее авторитетного из монархов седьмой коалиции. В апреле 1818 г. гофмаршал Бертран предложил Бальмену доставить к Александру письмо Наполеона с какими-то сведениями, которые могли бы не только «помочь Наполеону», но и «принести пользу России». «Я обещаю вам, – ответил Бальмен, – точнейшим образом передать моему двору то, что вы мне сообщите устно, но я не могу принять от вас никакого письма. Я не имею на это права». Устно Бертран (явно следуя указаниям Наполеона) ничего передавать Бальмену не стал[2].

Показавшийся губернатору излишне лояльным к Наполеону Бальмен был (надо сказать, искусно) нейтрализован... женитьбой на дочери губернатора, после чего вел себя, как и другие комиссары, проанглийски. Впрочем, может быть, одно совпало с другим: старшая дочь Хадсона Лоу от первого брака 18-летняя Шарлотта Джонсон приглянулась 40-летнему и все еще холостому графу. 5 ноября 1819 г. Бальмен запросил у императора Александра согласие на брак и, получив оное, стал зятем сэра Лоу[3].

Полномочные комиссары трех держав не просто одобрили, но и как бы дополнительно узаконили перед Священным союзом феодальных монархов режим заточения Наполеона в «сыром погребе» на острове Святой Елены, который национальный герой Индии Джавахарлал Неру назвал «поразительно подлым»[4], а Виктор Гюго заклеймил следующими строками:

---

[1] Там же.
[2] Из бумаг гр. А. А. Бальмена // Русский архив. 1869. С. 675–676.
[3] См.: Мартино Ж. Цит. соч. С. 182–183.
[4] Неру Д. Взгляд на всемирную историю. М., 1975. Т. 2. С. 169.

Есть в глубине морей, в просторах мглы свинцовой
Скала ужасная – обломок древних лав...
Судьба, взяв молоток и цепь и гвозди взяв,
Того, кто молнию похитил с небосклона,
На этот черный пик помчала непреклонно
И приковала там <...>
О траурный закат его звезды огромной!
От утренней зари до поздней ночи темной
Сплошь – одиночество, отчаянье, тюрьма;
У двери – часовой, у горизонта – тьма[1].

Враги Наполеона могли только приветствовать такой режим на «ужасной скале». Прусский фельдмаршал А. В. Гнейзенау в 1817 г. выразил их общее мнение в благодарственном письме к Хадсону Лоу: «Тысячи раз думал я об этой удивительной скале, где вы являетесь сторожем мира в Европе. От вашей бдительности и от вашей твердости зависит наша безопасность: ослабьте вы хоть немного ваше пристальное наблюдение за самым хитрым негодяем в мире, и наш покой оказался бы под угрозой»[2].

Да, со стороны *политических* врагов Наполеона (а им не было счета) такое восхваление «бдительности» и «твердости» Лоу как «сторожа мира» было естественным. Но среди исследователей жизни и деятельности императора (ученых и литераторов) в унисон с Лоу и Гнейзенау одиноко, хотя и громко, звучит, пожалуй, только голос Вальтера Скотта. Он осудил «постыдную борьбу» Наполеона за свои «эфемерные права» с таким «воспитанным и благородным человеком», как Хадсон Лоу, вместо того чтобы, по мнению Скотта, «с благородным терпением» принять заслуженное им наказание[3]. Такой взгляд *великого англичанина* на всю жизнь Наполеона и, в частности, на его заточение в «логове» сэра Лоу *великий немец* Генрих Гейне убийственно заклеймил как «поношение бога, которого он не познал», а за попытку уверить современников и потомков, будто в том логове с Наполеоном «обращались совершенно обворожительно», назвал Скотта «адвокатом дьявола»[4].

На вопрос, почему феодальные монархи в 1815 г. с такой неимоверной целеустремленностью норовили заточить Наполеона как можно дальше и губительнее, кратко, но с исчерпывающей ясностью ответил Е. В. Тарле: «После “Ста дней” Наполеон казался им еще

---

[1] Гюго В. Искупление // Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 12. С. 167.
[2] Цит. по: Мартино Ж. Цит. соч. С. 37.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 581, 604, 608.
[4] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 384, 386–387.

страшнее, чем до этого последнего акта своей эпопеи»[1], ибо каждый из них содрогался при мысли, что он может повторить свой «полет орла».

Теперь уместно обозреть с надлежащими подробностями все, чем был занят Наполеон в течение шести лет его заточения, с кем и как общался, о чем думал, мечтал, жалел и как оценивал содеянное или упущенное им, а также его предшественниками, соратниками и противниками. В следующем параграфе речь пойдет (говоря словами Г. Гейне из его сочинения «Барабанщик Легран») «о мирском Христе, страдавшем под властью Хадсона Лоу, как о том поведано в евангелиях от Лас-Каза, О'Мира и Антомарки»[2].

3. Жизнь продолжается

Вечером 17 октября 1815 г. Наполеон во главе своей свиты из добровольных изгнанников и под конвоем английской стражи сошел с фрегата «Нортумберленд» на землю острова Святой Елены. Поглазеть на «пленника Европы» (о котором молва не смолкала с 15 октября, когда фрегат бросил якорь в гавани острова) сбежались к набережной почти все островитяне. Бетси Бэлкомб, с которой я еще ознакомлю читателя, вспоминала: «Толпа собралась столь многолюдная, что сквозь нее едва можно было пройти, и, чтобы сдерживать ее напор, пришлось вдоль всего пути следования кортежа, вплоть до города, расставить часовых с примкнутыми к ружьям штыками <...>. Уже было темно, когда мы увидели лодку с "Нортумберленда", которая причалила к берегу. Кто-то из нее вышел. Нам сказали, что это Наполеон. Но в темноте нельзя было хорошо различить его черты. Он шел вместе с адмиралом Кокбэрном и генералом Бертраном между выстроившихся шпалерами солдат <...>. Людей было так много, что пришлось среди них прокладывать дорогу для императора <...>. Наполеон был очень недоволен таким проявлением любопытства. Позднее я слышала от него, что ему было противно видеть, как все за ним следят, как смотрят на него, словно на дикого зверя»[3].

Поскольку Лонгвуд к тому времени еще не был переоборудован из скотного двора в «резиденцию» для императора, Наполеон с частью свиты провел первые два месяца своего плена в уютном имении Бриары чиновника Ост-Индской торговой компании Уильяма

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 504.
[2] Цит. по: Мартино Ж. Цит. соч. С. 21.
[3] Цит. по: Там же; Кастело А. Цит. соч. С. 606.

Бэлкомба. Здесь, даже под бдительным надзором часовых адмирала Д. Кокбэрна, исполнявшего обязанности главного тюремщика до прибытия на остров Хадсона Лоу, Наполеон мало страдал от ссыльного режима, главным образом потому, что семья Бэлкомб относилась к нему уважительно и даже заботливо. Было видно, что именно вся семья прониклась к своему «пленному квартиранту» симпатией, но больше всех – младшая из двух дочерей четы Бэлкомб, очаровательная Бетси, которой тогда не исполнилось еще 14 лет, но на вид можно было дать все 18.

Элизабет (Бетси) Бэлкомб произвела на Наполеона, пожалуй, единственно приятное впечатление из всего пережитого им на острове Святой Елены. Очень умная, начитанная, веселая, чрезвычайно общительная (кстати, бегло говорившая по-французски) Бетси с первого дня пребывания Наполеона и до последнего дня своего пребывания на Святой Елене проявляла к нему живейший интерес, а те два месяца, которые он прожил в Бриарах, общалась с ним ежедневно. Она была и среди тех, кто глазел на «пленника Европы», когда его высаживали с корабля на остров. Тогда Бетси ожидала увидеть его таким, каким изображали Наполеона английские карикатуристы: «исчадием ада», «огромным людоедом, исполином с большим сверкающим красным глазом на лбу и с торчащими изо рта острыми клыками»[1]. Но уже на следующий день Бетси присмотрелась к Наполеону и навсегда запомнила его совсем иным: «Он был смертельно бледен, однако черты его, несмотря на их холодность, бесстрастность и суровость, показались мне удивительно красивыми. Едва он заговорил, его чарующая улыбка и мягкость манер тотчас рассеяли наполнявший меня до того страх. Он опустился на один из стоявших тут стульев, обвел своим орлиным взором наше скромное жилище и сказал маме, что оно на редкость удачно расположено»[2].

Обитатели Бриар, со-узники Наполеона и английские надсмотрщики с удивлением следили за развитием необычной дружбы девочки-подростка с недавним повелителем мира, а впоследствии и сама Бетси удивлялась тому, как легко (на равных) складывались ее отношения с императором, которого она запросто называла «Бони»[3].

---

[1] Здесь и далее фрагменты воспоминаний Э. Бэлкомб цит. по соч. Ж. Мартино, А. Кастело, Б. Вейдера и Д. Хэпгуда. См.: Мартино Ж. Цит. соч. С. 19; Вейдер Б. Тайна смерти Наполеона. М., 2002. С. 59.

[2] Цит. по: Мартино Ж. Цит. соч. С. 27.

[3] Бони – английское уменьшительное от Бонапарт (буквально – *хороший*).

Они не только вели доверительные разговоры, но и подшучивали друг над другом, проказничали, бегали, играли в жмурки, словно были ровесниками и притом – четырнадцатилетними! Вот несколько примеров из воспоминаний Бетси[1].

«Однажды вечером Наполеон, генерал Гурго и мы с сестрой (Джейн Бэлкомб. – *Н. Т.*) гуляли по лугу, где паслись коровы. Вдруг одна из них пришла отчего-то в ярость и, выставив вперед рога, устремилась на нас. Схватив нас с сестрой за руки, Наполеон бросился бежать со всех ног, намереваясь перепрыгнуть через изгородь». Но генерал Гурго, вооруженный шпагой, победоносно отразил атаку бодливой коровы.

В другой раз конюх Аршамбо объезжал молодого арабского скакуна, только что купленного для императора. «Жеребец то делал рывки, то вставал на дыбы и отказывался преодолеть белую ленту, специально положенную на газон, чтобы усмирить его. Я заметила, что такого норовистого жеребца Наполеону не оседлать. Он улыбнулся и подал Аршамбо знак спешиться. К моему ужасу, он вскочил на коня и заставил его не только перемахнуть белую полосу, но и встать на нее копытом. Аршамбо не знал, радоваться ли ему или сердиться. Он был горд за ту ловкость, которую выказал его император, но в то же время смущен, что ему, специалисту, не удалось этого сделать».

Бетси позволяла себе даже так подшучивать над императором, что пугала Лас-Каза и собственного отца, но все ей сходило с рук, ибо все в ней нравилось Наполеону. Так, однажды император показал ей очень красивую шпагу с массивной золотой рукояткой. Цитирую далее рассказ Бетси: «Я спокойно вынула ее из ножен и, чтобы отомстить ему за шутку, которую он подстроил мне утром, направила острие прямо ему в лицо и стала делать фехтовальные приемы, как бы угрожая его жизни. Приняв мою игру, он стал отступать, а я загнала его в угол комнаты и удерживала там, предлагая ему помолиться, так как намерена его убить. На шум прибежала моя сестра. Она принялась меня ругать, обещая обо всем рассказать отцу, но я не слушалась и продолжала угрожать императору, пока слишком тяжелая шпага не выпала у меня из рук. Надо было видеть физиономию графа Лас-Каза. Будь это в его силах, он испепелил бы меня взглядом, и тогда сегодня я не могла бы делиться с вами воспоминаниями. Наполеон же только потрепал меня ласково за ухо. Ни на минуту он не утратил своего доброго настроения».

---

[1] Цит. по: Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 208–211, 220; Вейдер Б. Указ. соч. С. 61–63.

Одну из своих проделок Бетси не могла ни забыть, ни простить себе, даже став взрослой, хотя наказана была не тем, кто стал объектом ее обидной шалости, а своим отцом. «Я помню, – читаем в ее воспоминаниях, – как показала Наполеону карикатуру, где он был изображен поднимающимся по веревочной лестнице, каждая перекладина которой носила название побежденной им страны. На последнем рисунке он сидел верхом на земном шаре. Карикатура воспроизводила распространенную тогда в Англии игрушку. При помощи замысловатого механизма фигура Наполеона падала по другую сторону лестницы вниз головой и оказывалась на острове Святой Елены. Я не должна была показывать императору эти оскорбительные шаржи, тем более в его несчастье <...>. Отец был не на шутку рассержен моей выходкой <...>. Из учебного класса меня отправили в погреб, где я раскаивалась за содеянное. Долго я помнила это наказание еще из-за крыс, которые жили в погребе. Император выразил сожаление по поводу суровости наказания за мою проделку, ибо не придал ей большого значения, но весело слушал мой рассказ о сражении с крысами».

Э. Лас-Каз заслуженно называл шаловливую Бетси Бэлкомб «сорванцом в юбке». Пусть так, но зато «какая девушка еще может похвастаться, что товарищем ее игр был повелитель мира?»[1] «Я не встречала никого, – вспоминала Бетси об этом повелителе, – кто бы так беззаботно отдавался детским проказам <...>. Я же, играя, видела в нем брата или сверстника. Все наказы, которые мне давались, и моя собственная решимость проявлять к императору должное почтение в один миг улетучивались под магическим воздействием его улыбки и лукавого смеха».

8 декабря 1815 г. Наполеон вынужден был оставить Бриары и навсегда переселиться в Лонгвуд. Прощаясь с хозяевами Бриар, он вручил Уильяму Бэлкомбу на память о себе золотую шкатулку со своим императорским вензелем и пригласил его наведываться к нему в Лонгвуд со всем семейством. «Я горько плакала, – вспоминала о том дне Бетси. – Наполеон подошел ко мне: “Не надо плакать, мадемуазель Бетси. На следующей неделе вы приедете ко мне, и мы будем видеться часто”. С этими словами «император осушил слезы Бетси своим платком с вышитой монограммой, а затем вручил его девушке вместе с прядью своих волос»[2]. Далее вновь цитирую Бетси: «...он подарил мне очаровательную бонбоньерку, которой я часто восхищалась <...>. Я снова заплакала и выбежала из комнаты. Из ок-

[1] Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 204.
[2] Вейдер Б. Цит. соч. С. 314.

на я наблюдала за его отъездом. Сердце мое не выдержало, я бросилась на кровать, чтобы вволю выплакаться».

В Лонгвуде супруги Бэлкомб и обе их дочери гостили у Наполеона неоднократно, но всякий раз получали за это выговор от Лоу как нарушители его запретов. Поэтому их визиты к императору становились все реже и короче, а в марте 1818 г. Лоу выпроводил всю их семью с острова «в отпуск, в Англию» и не разрешил вернуться на Святую Елену[1].

По данным Жильбера Мартино, в Европе слух об отеческой симпатии Наполеона к Бетси Бэлкомб «дал повод утверждать, что 14-летняя девочка была любовницей великого императора. На Святой Елене эти слухи распространялись благодаря французскому и австрийскому комиссарам. На самом деле Бетси заменяла Наполеону его сына, малолетнего Римского короля, сосланного в Вену»[2]. Кстати сказать, известный, переведенный на разные языки (включая русский) исторический роман английского писателя Томаса Костейна «Последняя любовь» о взаимоотношениях Наполеона с Бетси Бэлкомб основан на гораздо более проверенных фактах, нежели на предвзятой молве и авторских домыслах.

Судьба Бетси после отъезда с острова Святой Елены сложилась удачно[3]. Она жила в Лондоне, давала уроки музыки, там в 1830 г. вышла замуж, а в 1844 г. опубликовала свои воспоминания, которые неоднократно переиздавались и в Англии, и во Франции[4], и, вероятно, в других странах, что сделало ее, по признанию Бена Вейдера, «всемирно знаменитой»[5].

В Лондоне Бетси с 1830 г., когда ее впервые посетил вернувшийся из Америки Жозеф Бонапарт и подарил ей дивное кольцо с камеей, поддерживала связи с родственниками Наполеона. Когда же один из них, племянник любимого ею «Бони», стал императором Франции под именем Наполеона III, он преподнес ей еще более дорогой подарок – имение в Алжире. Бетси даже стала героиней одноименной пьесы английского драматурга Мориса Юма. Умерла она в Лондоне в 1871 г., прожив 69 лет[6].

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 264.

[2] Там же. С. 265.

[3] См.: Там же. С. 265, 295; Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 274; Вейдер Б. Цит. соч. С. 314.

[4] См.: Abell L. E. Napoléon à Sainte-Hélène. Souvenirs de Betzy Balcombe. P., 1898; Абель Э. Император в плену. Воспоминания Бетси (с острова Святой Елены). М., 1899.

[5] Вейдер Б. Цит. соч. С. 314.

[6] См.: Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 274; Мартино Ж. Цит. соч. С. 265.

Итак, с декабря 1815 г. после двух «розовых» месяцев, прожитых в Бриарах, потянулись для Наполеона воистину «черные» пять с половиной лет заточения в Лонгвуде. Автор предисловия к французскому изданию книги Жильбера Мартино Жак Журкен определил эти годы как «жизнь Гулливера под властью лилипутов»[1]. Довольно многолюдная для изгнанника свита то облегчала, а то и осложняла ему эту жизнь. Познакомимся с теми, кто окружал Наполеона в Лонгвуде, поближе.

Главным из них был неизменный с 1813 г. (после смерти М. Ж. К. Дюрока) гофмаршал императора, генерал граф Анри-Грасьен Бертран (1773–1844) – способный военачальник (командовал корпусом в Великой армии) и блестящий военный инженер, но в первую очередь администратор, правда (по мнению Ж. Мартино), «не столько умный, сколько исполненный всяческих сведений»[2]. Если главным в свите Наполеона был Бертран, то самым близким к императору и самым полезным, «лучшим из собеседников» был граф Мари-Жозеф-Эммануэль-Огюст-Дьедонне де Лас-Каз[3] (1766–1842). Бывший морской офицер и камергер императорского двора, он добровольно последовал за Наполеоном в изгнание прежде всего как литератор. Именно он составит исторический «Мемориал Святой Елены» (записки под диктовку Наполеона его воспоминаний, исследований, афоризмов плюс собственный дневник) и будет признан «самым серьезным свидетелем последних лет императора»[4]. Хорошо сказал о «Мемориале» Лас-Каза Жильбер Мартино: «Его будут читать в городах и деревнях, во дворцах иностранных государей и в халупах, и повсюду, благодаря удивительному дару Лас-Каза как бы растворяться в тени своего гениального собеседника, будет слышен громовой голос бывшего владыки Европы, как если бы, чудом преодолев огромное расстояние, читатель оказался в замкнутом пространстве Лонгвуда»[5].

Третий из генералов императорской свиты – Гаспар Гурго (1783–1852), между прочим, сын скрипача из придворной капеллы Людовика XVI – был прежде всего храбрым солдатом. Герой Аустерлица и Сарагосы, он был ранен под Смоленском и первым вошел в Московский Кремль, но в изгнании, каждодневно общаясь с Наполеоном, поклонялся ему так назойливо и демонстративно, что

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 10.
[2] Там же. С. 42–43.
[3] Таково его полное имя.
[4] Там же. С. 52; Тарле Е. В. Наполеон. С. 506.
[5] Мартино Ж. Цит. соч. С. 51.

стал докучать своим обожанием. «Я же ему не жена, – воскликнул как-то император, выйдя из себя, – и не могу с ним спать!»[1]

О четвертом генерале, Ш.-Т. Монтолоне, речь пойдет в следующем параграфе, но здесь уместно сказать о скандальной версии относительно взаимоотношений Наполеона с Альбиной Монтолон – женой генерала. Англичане (агенты Лоу) и австрийский комиссар фон Штюрмер распускали на острове слух, которому поверил Д. С. Мережковский: «Г-жа Монтолон находилась в любовной связи с императором; от него родился у нее ребенок в Лонгвуде (дочь, названная Наполеоной. – *Н. Т.*); и это, кажется, знают все, кроме мужа; а может быть, знает и он, но терпит»[2]. Андре Кастело, признавая наличие таких слухов, резонно подчеркивает: «Никаких доказательств на этот счет не имеется, а историку всегда следует оставаться в своих суждениях благоразумным»[3].

Что касается врачей (тоже входивших в ближайшее окружение Наполеона), то с Барри О'Мира, которому император доверял и симпатизировал, мы уже знакомы, а присланный вместо него 21 сентября 1819 г. (за один год и семь с половиной месяцев до смерти Наполеона) корсиканец Франчески Антомарки (1789–1838) фигурирует в специальной литературе как человек и врач «грубый, невежественный и самомнительный»[4]. По некоторым данным, Наполеон испытывал к нему «такое презрение, что обещал уделить ему по завещанию 20 франков для... приобретения веревки, на которой Антомарки должен повеситься»[5]. Возможно, какое-то время все было именно так, но в «8-м дополнительном распоряжении» к завещанию император «уделил» Антомарки пожизненную пенсию в размере 6 тыс. франков[6].

Главным из личных слуг императора на острове Святой Елены, как и на Эльбе, был его первый камердинер Луи-Жозеф Маршан (1791–1876), мать которого, кстати, нянчила Римского короля. Он заменил Констана Вери, который в дни первого отречения Наполеона сбежал от императора вместе с мамлюком (телохранителем-оруженосцем) Рустамом. С тех пор и до последних дней Наполеона

---

[1] Там же. С. 47.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 279. Ср.: Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 278.

[3] Кастело А. Цит. соч. С. 640, 645.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 282; Людвиг Э. Цит. соч. С. 557; Кастело А. Цит. соч. С. 657; Тарле Е. В. Наполеон. С. 511.

[5] Кастело А. Цит. соч. С. 658; Далин В. М. Наполеон на острове Святой Елены // Люди и идеи. М., 1970. С. 104.

[6] Завещание императора Наполеона // Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 762.

Маршан всегда был при нем и служил ему с фанатичной преданностью, которую император прославит такой фразой в своем завещании: «Услуги, оказанные мне Маршаном, – это услуги друга»[1].

К сожалению и неудовольствию Наполеона, среди его приближенных возникло, как вспоминал об этом Маршан, «некоторое мелочное соперничество <...>. Оно омрачало столь необходимые в среде изгнанников добрые отношения, (...) часто своей благожелательной атмосферой помогавшие преодолевать самые тяжелые минуты»[2]. Смысл этого соперничества очень емко определил Е. В. Тарле: «Лас-Каз, Гурго, Монтолон, Бертран обожали Наполеона, заявляли, что он для них Бог, и ревновали друг к другу» – ревновали так, что «генерал Гурго даже вызвал на дуэль Монтолона, и только гневный окрик императора положил конец их ссоре»[3].

Отчасти из-за такого соперничества (13 января 1818 г. отбыл в Европу Г. Гурго), но чаще по злой воле Хадсона Лоу свита Наполеона с 1816 по 1819 г. постоянно сокращалась. Император особенно переживал удаление с острова его незаменимого секретаря Э. Лас-Каза (30 декабря 1816 г.) и врача Б. О'Мира (2 августа 1818 г.) и, конечно же, смерть его дворецкого Ф. Киприани (27 февраля 1818 г.).

В первое время лонгвудского заточения (преимущественно до прибытия на остров губернатора Лоу) Наполеон еще мог общаться кроме собственной свиты и с семейством Бэлкомб, и с некоторыми из местных жителей и офицеров английского гарнизона. Так, еще будучи в Бриарах, император подружился с *рабом*-малайцем Тоби, которого 40 лет назад захватила в море команда английского корабля, привезла на остров Святой Елены и здесь продала в рабство. К 1815 г. именно Святая Елена оставалась единственным британским владением, где сохранялось рабство. Уильям Бэлкомб купил Тоби у какого-то англичанина, чтобы использовать его как дармовую рабочую силу в своем имении. Наполеон с интересом расспрашивал малайца о подробностях его прошлой и настоящей жизни. «Бедняга! – говорил о нем император Лас-Казу. – У него отняли всю его семью, его родину, а его самого украли и продали. Может ли быть преступление гнуснее этого?»[4] «С Тоби, – заметил по этому поводу Д. С. Мережковский, – английские моряки сделали то же, что ан-

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 742.
[2] Там же. С. 402.
[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 506.
[4] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 255.

глийские министры – с Бони: обманули, увезли и продали в рабство»[1].

Старый раб был польщен и тронут вниманием к нему со стороны императора, называл его не иначе как *«Добрый господин»* и «никогда не упускал случая – в обмен на несколько монет, разумеется, – угостить его лучшими плодами из сада, за которым он ухаживал»[2].

Когда Бэтси Бэлкомб сказала Наполеону о своем желании добиться освобождения Тоби (ее родители не желали и слышать об этом), император на следующий же день направил к Лоу в качестве посредника доктора О'Мира с предложением выкупить Тоби, а «сумму выкупа записать на личный счет графа Бертрана». Лоу, однако, категорически отверг это предложение. «Вы не знаете, – заявил он доктору, – сколь важно то, о чем вы меня просите. Бонапарт не просто хочет доставить удовольствие мисс Бэлкомб, добившись освобождения Тоби. Он хочет заслужить признательность всех негров на острове[3]. Я ни за что на свете не сделаю того, о чем вы меня просите»[4].

Показательно то почтение, с которым (словно в пику своему губернатору) относились к Наполеону офицеры и солдаты английского гарнизона на острове Святой Елены – и сухопутного, и морского. Так, 28 мая 1816 г. Наполеон и Лас-Каз возвращались в Лонгвуд с конной прогулки. «Впервые со времени нашего переселения в Лонгвуд, – вспоминал Лас-Каз, – мы оказались возле лагеря английского пехотного полка. Солдаты немедленно прекратили свои занятия и поспешили выстроиться в одну шеренгу, когда мы проезжали мимо них, отдавая дань уважения императору»[5].

Когда на острове происходила (один раз в два года) смена гарнизона, Наполеон принимал у себя в Лонгвуде офицеров того полка, который по окончании срока службы готовился к отплытию с острова. Однажды командующий сухопутным гарнизоном генерал Джордж Бингэм привел к императору с прощальным визитом офицеров 53-го пехотного полка. Наполеон расспросил их, кто где и как служит, в каких боях участвовал, сколько раз был ранен и т. д., а потом обратился к Бингэму: «Мне понравился этот полк. Я всегда с интересом буду узнавать о том, что ему удалось где-либо отличиться. Вы опечалены, генерал Бингэм, что эти бравые воины покидают вас? Чтобы утешиться, сделайте вашей супруге маленького Бингэма».

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 276.

[2] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 255; Мартино Ж. Цит. соч. С. 32.

[3] По переписи 1820 г. число чернокожих рабов на острове Святой Елены составляло, по данным Ж. Мартино, 1061.

[4] Мартино Ж. Цит. соч. С. 254; О'Мира Б. Цит. соч. С. 16.

[5] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 618.

Далее следуют сцены, колоритно представленные Эмилем Людвигом: «Солдатский хохот. Генерал заливается краской. Когда на следующий день фрегат отчаливает, солдаты кричат своему пленнику троекратное “ура!”. Три месяца спустя об этом случае знает вся Европа»[1].

Командующий военно-морской базой на острове контр-адмирал Пултин Малькольм не скрывал своей симпатии к Наполеону, иногда навещал его в Лонгвуде и подолгу с ним беседовал, чем приводил в ярость Хадсона Лоу. Наполеон отвечал на симпатию к нему со стороны адмирала полной взаимностью: «Я никогда не встречал человека, – говорил он об адмирале, – который бы так сразу мне понравился, как этот красивый, воинственного вида старик»[2]. А ведь этот «старик» был всего лишь одним годом старше 46-летнего Наполеона!

Наконец, вот и заключительный эпизод на тему об отношении разных чинов английского гарнизона к «пленнику Европы», запечатленный Д. С. Мережковским с отсылкой к исследованию академика Ф. Массона: «Когда офицеры английского гарнизона прощались в Лонгвуде с телом императора, один из них сказал своему маленькому сыну: “Смотри на него хорошенько. Это самый великий человек в мире”»[3].

Разумеется, редкие за пять с половиной лет эпизоды такого, хотя и уважительного общения с внешним миром, посторонним по отношению к нему и к его свите, не могли удовлетворить Наполеона, привыкшего каждый день из 19 лет его звездного бытия иметь дело с десятками государств и повелевать миллионами людей. В начале ссылки он был еще физически здоров, полон сил, буквально кипел энергией и в октябре 1817 г., незадолго до своего смертельного заболевания сказал генералу Гурго, что рассчитывает «по крайней мере на 30 лет жизни»[4]. Но куда и на что мог он теперь употребить свою сверхчеловеческую энергию? «“Богу войны, богу победы”, – читаем о нем у Д. С. Мережковского, – надо побеждать до конца. Но кого? Лонгвудских крыс, блох, клопов, комаров, москитов?»[5] «Ему Европа была мала для размаха, а он был брошен на крошечную скалу, заблудившуюся в океане, да и на ней еще ему начертили пределы движения!» – восклицал А. К. Дживелегов[6].

---

[1] Людвиг Э. Цит. соч. С. 532–533; Мартино Ж. Цит. соч. С. 280.
[2] Мартино Ж. Цит. соч. С. 145–147, 280.
[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 287.
[4] Там же. С. 273.
[5] Там же. 274.
[6] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 122.

Наполеон не зря приравнивал свою депортацию на остров Святой Елены к «смертному приговору». Для личности такого масштаба и с такими возможностями жизнь под властью «кретина» Лоу была медленным умиранием. Больше всего угнетала императора вынужденная, да еще поднадзорная *праздность*. Ему недоставало на острове всего – широкого и делового общения, свободной и всеобъемлющей информации, а главное, кипучей глобальной *деятельности*. Он привычно вставал в 6 часов утра, но, промаявшись день (не без пользы, конечно, для будущих историков: диктовал или просто рассказывал своим приближенным многое, что́ они благоговейно старались записать и тем самым увековечить), он зачастую маялся и ночью: «страдал бессонницей, ибо тело его, привыкшее к постоянному напряжению всех сил, в бездействии не могло обрести покоя <...>. Он встает, зовет Маршана, разговаривает, пишет, читает, ходит взад и вперед по своим двум комнатам и засыпает лишь под утро»[1].

Памятуя о том, как он спасался от безделья на Эльбе, Наполеон и здесь попытался было заняться благоустройством острова. Вот что писал об этом, обобщив воспоминания очевидцев, Д. С. Мережковский: «Целыми днями, командуя артелью китайских рабочих, император сажал деревья в саду, планировал цветники, газоны, аллеи, рощи; устраивал водопроводы, фонтаны, каскады, гроты. Так увлекался работой, как будто снова надеялся исполнить мечту всей своей жизни – сделать из земного ада рай <...>. Но все кончилось ничем: лютое солнце сжигало цветы, дождь размывал земляные работы, ветер ломал и вырывал с корнем деревья. Рая не вышло, ад остался адом, и эта Сизифова работа ему, наконец, так опротивела, что он опять заперся в комнатах»[2].

Все – от тотального надзора до мелочных придирок – тяготы режима ссылки лишь усугубляли депрессивное состояние императора. Особенно раздражало его принятое у тюремщиков обращение к нему как к «генералу Буонапарте». Еще до прибытия на остров Хадсона Лоу адмирал Кокбэрн решил однажды устроить бал в самом комфортабельном на острове Колониальном доме (Плантейшн Хаус), где размещалась губернаторская администрация, и разослал пригласительные билеты не только знатным островитянам, но и французским изгнанникам, включая «генерала Буонапарте». «Наполеон, – читаем у Ж. Мартино, – взглянул на приглашение и, пожав плечами, сухо проронил: “Передайте билет адресату. Я последний раз слышал о нем у Пирамид”»[3].

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 75.
[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 281.
[3] Мартино Ж. Цит. соч. С. 39.

Вальтер Скотт, оправдывая, в принципе, все и вся в отношении английских властей к Наполеону, так объяснял их «правоту»: Наполеон сам после Ватерлоо «вторично отрекся и во второй раз торжественно сложил с себя титул императора», а главное (с английской точки зрения), если бы Англия признала его императором, «с ним бы следовало обходиться в соответствии с этим титулом, а в результате оказалось бы невозможным строгое соблюдение всех правил, установленных для его охраны <...>. Где это видано, чтобы *Императора* ограничивали в его прогулках или чтобы при выездах его сопровождал офицер и следили за ним часовые?»[1] Наполеон, разумеется, понимал, что́ именно здесь для английских тюремщиков главное. На прямой вопрос доктора О'Мира, почему он сохраняет титул императора после того, как отрекся от престола, Наполеон так же прямо ответил: «Потому, что я отрекся от трона Франции, но не от титула императора, который вручила мне нация. Я же не называю себя Наполеоном – императором Франции, но императором Наполеоном. Они хотят, чтобы люди поверили, будто французская нация не имеет права объявлять меня своим монархом. Ведь если она не имеет права провозгласить меня императором, то она не вправе и присвоить мне звание генерала». В этом же разговоре с О'Мира Наполеон подчеркнул: «Есть легкий путь для урегулирования спора относительно титула императора. Я уже предлагал и вновь предлагаю взять себе имя Дюрока или Мюирона, убитых рядом со мной»[2]. Но такое предложение английские власти категорически отвергали, давая тем самым понять, как важно для них, чтобы их пленником был не какой-нибудь мало известный в мире Дюрок или Мюирон, а «враг человечества» с именем, прогремевшим на весь мир: *Бонапарт*!

В результате губернатор так и не нашел консенсуса с пленником в своем обращении к нему. Когда, например, Лоу приезжал в Лонгвуд, чтобы «поговорить с *генералом*», ему сообщали: «*Император* принимает ванну»[3]. Такого рода неувязки повторялись на Святой Елене все время, и каждый раз император уязвлял губернатора, а тот злобствовал почти (если не буквально) до сумасшествия.

Надеялся ли Наполеон вернуться из чужедальнего «логова сатаны» в Европу? Да, по крайней мере в первые два года ссылки он прямо говорил людям из своего окружения, что рассчитывает на смену правительства в Англии, а именно на смерть болезненного принца-

[1] Скотт В. Цит. соч. Т. 2. С. 570, 571.
[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 460.
[3] Мартино Ж. Цит. соч. С. 80.

регента Георга Уэльского, после чего трон займет его дочь Шарлотта: «Она призовет меня!»[1] Принцесса Шарлотта Уэльская действительно являлась законной наследницей английского трона, была «чрезвычайно популярна» в Англии[2] и не скрывала своей приязни к Наполеону. Ее мужа, принца Леопольда Саксен-Кобургского, Наполеон лично знал, ранее принимал его в Тюильри, а на острове Святой Елены вспоминал о нем так: «...считаю его одним из самых красивых юношей, которых мне когда-либо приходилось встречать»[3].

Увы! К концу 1817 г. все надежды Наполеона на счастливые для него перемены в Англии развеялись как дым: 20-летняя принцесса Шарлотта умерла при родах, а принц-регент превозмог все недуги, с 1820 г. (после смерти его умалишенного отца, короля Георга III) стал королем Англии под именем Георга IV и пережил Наполеона на девять лет. Мало того, весной 1819 г. Лоу получил и немедленно сообщил «пленнику Европы» радостную для тюремщика и убийственную для пленника весть: 21 ноября 1818 г. монархи Священного союза на своем конгрессе в Ахене не только одобрили условия, к которых Англия содержит Наполеона, но и приняли решение оставить на острове Святой Елены эту «революционную власть, сосредоточенную в лице одного человека, *пожизненно*». Теперь у этого «одного человека» не осталось вообще никаких надежд на освобождение.

Между тем европейские монархи нервничали, получая информацию о планах освобождения Наполеона его сторонниками. Так, осенью 1816 г. в США жившие там маршал Э. Груши и генерал Ш. Лефевр-Денуэтт будто бы купили корабли с намерением атаковать британскую сторожевую эскадру у острова Святой Елены, но отказались от своего плана, узнав, что Лоу имеет приказ убить Наполеона при малейшей «попытке к бегству» (о таком приказе знали тогда, среди прочих лиц, английский посол в Вене А. Осмонд и генерал-адъютант Александра I А. И. Чернышев)[4]. В следующем году Людовик XVIII дважды получал тревожные сообщения о целых эскадрах (то ли военных, то ли *пиратских*!), которые скрытно отправлялись из США к африканскому побережью с возможным заданием освободить Наполеона[5]. А в 1820–1821 гг. Жозеф Бонапарт,

---

[1] См.: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 466–467; Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 255, 265–266.

[2] Д. Г. Байрон воспел Шарлотту Уэльскую в стихотворении 1812 г. «Строки к плачущей леди» (Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 2. С. 59).

[3] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 466.

[4] См.: Сироткин В. Г. Изгнание и смерть Наполеона // Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 163.

[5] См.: Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 263.

благополучно устроившийся в американском штате Нью-Джерси, договорился с компанией знаменитого Роберта Фултона (с 1815 г., когда умер Фултон, ее возглавлял Р. Ливингстон) о создании *подводной* лодки «Наутилус», экипаж которой должен был подплыть к месту прогулок Наполеона, обезвредить стражу и выкрасть императора. Однако, прежде чем этот план был задействован, Наполеон умер[1].

В безысходном изгнании, на «проклятой скале», как называл он «свой» остров, Наполеон тосковал не только о мировой славе и прекрасной Франции, но и о семье – о матери, жене, сыне, братьях и сестрах. Все они, кроме сестры Элизы, переживут его и узнают от тех, кто был с ним на острове, как часто вспоминал он «маму Летицию» и «Римского короля», добряка Жозефа и красавицу Полину, как верил в добродетель Марии-Луизы и даже завещал, после того как он умрет, сердце его положить в спирт и отослать Марии-Луизе.

Чаще, чем к кому-либо, и с наибольшей нежностью Наполеон мысленно возвращался к своей «маме Летиции». «Что касается моей матери, – говорил он Лас-Казу, – то она заслуживает всяческого преклонения», а по свидетельству Ф. Антомарки, в самые тяжелые минуты шептал, закрыв лицо руками: «Ах, мама Летиция, мама Летиция!..»[2] Когда Лас-Каз вернулся с острова Святой Елены в Европу, он имел встречу с Летицией и так вспоминал о ней: «Мадам Мер[3] сообщила мне, что все ее состояние находится в распоряжении сына и что сама она готова, если это будет необходимо, устроиться на любую работу. Одновременно она поручила мне, хотя лично не знала меня, немедленно от ее имени взять в банке сумму, которую я мог бы посчитать необходимой для императора[4]. Лас-Каз взял с ее счета 30 тыс. франков. Летиция тут же добавила к ним еще 30 тыс. и призвала братьев Наполеона последовать ее примеру. Жозеф и Жером, а также Евгений Богарне сразу откликнулись на ее призыв, хотя и разными (по возможностям каждого из них) суммами[5].

Мобилизуя свою семью на оказание финансовой, моральной и прочей поддержки императору, Летиция не желала общаться

---

[1] См.: Вяткин Л. Второй побег Наполеона // Техника молодежи. 1990. № 1–2. С. 40–43.

[2] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 439; Antommarchi F. Les derniers moments de Napoléon (1819–1821). P., 1898. T. 1. P. 269.

[3] Madame Mère (госпожа Мать) – так принято было во Франции называть Летицию Бонапарт.

[4] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 598.

[5] См.: Мартино Ж. Цит. соч. С. 89–90.

с Каролиной и «отвергала все попытки дочери задобрить ее», так как не простила Каролине измены ее мужа, Иоахима Мюрата: «Только через твой труп мог твой супруг замахнуться на твоего брата, вашего благодетеля и повелителя»[1]. О Марии-Луизе Летиция отзывалась пренебрежительно: «Почему моя невестка слоняется по Италии, вместо того чтобы отправиться к своему мужу на Святую Елену?»[2]

В первом же письме к Наполеону (которое, кстати сказать, английские власти пропустили к своему пленнику лишь год спустя!) Летиция выразила желание приехать к нему на «проклятую скалу»: «Если умру, то по крайней мере умру у тебя». Но монархи Священного союза отказали ей в разрешении на отъезд к сыну. Когда Священный союз собрался на конгресс в Ахене, Летиция обратилась к его участникам, а заодно и к Богу, с мольбой об освобождении ее сына. Вот текст ее обращения, опубликованный Эмилем Людвигом: «Мать, подавленная горем сильнее, чем это можно выразить словами, долгое время надеялась, что Ваши Королевские Величества и Высочества, собравшись вместе, вернут ей жизнь. Не может быть, чтобы Вы не стали обсуждать пленение императора Наполеона и чтобы Ваше великодушие, могущество и воспоминания о прошлом не подвигли Ваши Королевские Величества и Высочества к освобождению одного человека, которому Вы некогда выказывали дружеские чувства. Молю об этом Бога и Вас, поскольку Вы – его наместники на земле. Государственные интересы имеют свои пределы. А грядущие поколения, дарующие бессмертие, будут восхищаться благородством победителей»[3]. Однако «победители» («Королевские Величества и Высочества») даже не удостоили это обращение к ним матери не только императора, но также еще трех королей, королевы и трех принцесс ответом.

Ностальгически вспоминал Наполеон в изгнании и каждого из своих четырех братьев и трех сестер, но в особенности – любимую сестру Полину (Паолетту, как звали ее в семье по-итальянски). «Полина, вероятно, самая красивая женщина своего времени, – говорил он о сестре Лас-Казу. – Она была и останется до конца своей жизни самым приятным существом во всем мире»[4]. Полина со своей стороны буквально души не чаяла в Наполеоне. Вот и теперь она порывалась, как и Летиция, ехать к нему на Святую Елену, но тоже не

---

[1] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 23.
[2] Людвиг Э. Цит. соч. С. 537.
[3] Там же. С. 536–537.
[4] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 439.

получила разрешения от английских верхов. 11 июля 1821 г., узнав о тяжелой болезни Наполеона, но еще не зная о том, что он 5 мая умер, Полина обратилась к премьер-министру Англии лорду Р. Б. Ливерпулю с письмом, полный текст которого опубликован в приложении № 19 к воспоминаниям Барри О'Мира. «Болезнь, которой поражен император, – читаем в этом письме, – для острова Святой Елены является смертельной. От имени всех членов семьи я требую от английского правительства смены для него климата. Если в столь справедливой просьбе будет отказано, то это будет означать, что император приговорен к смерти. В этом случае я требую разрешения выехать на остров Святой Елены для того, чтобы присоединиться к императору и присутствовать при его последнем вздохе»[1]. Ни сам лорд, ни кто-либо из его подручных сестре Наполеона на это письмо не ответили.

Император тепло вспоминал на Святой Елене и о других своих сестрах – об Элизе («наделена мужской силой разума, ей надо было стать философом») и даже о «предательнице» Каролине («обладает многочисленными талантами и огромными способностями»)[2]. Из братьев он выделял Жозефа («очень хороший человек», «у него кроткий и добрый характер», «он сделал бы все на свете, чтобы помочь мне»), но и высоко оценил способности и Люсьена, и Людовика, а Жером, по его мнению, хотя и был смолоду «абсолютным мотом», в 1815 г. уже производил на императора «впечатление человека, изменившего к лучшему свое отношение к жизни и подававшего большие надежды»[3].

Что касается законной супруги Наполеона, императрицы, матери его сына-наследника, то император так и умрет, не узнав, что она еще до Ватерлоо обязалась перед своим отцом, в обмен на титул великой герцогини Пармской, не только не воссоединяться с Наполеоном, куда бы его ни изгнали, но и никогда не писать ему ни строчки, а сама утешилась с придворным шаркуном А. Нейпергом. Ему жена Наполеона при жизни мужа родила двоих детей – дочь Альбертину (1 мая 1817 г.) и сына Вильгельма (8 августа 1819 г.). Жила она большей частью вместе с любовником и двумя детьми от него в Парме, а ребенка от мужа (от Наполеона!), уже всемирно известного «Римского короля» («Орленка», Наполеона II, как называли его бонапартисты), оставила в Вене, чтобы его воспитали как *австрийского*

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 639.
[2] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 438–439.
[3] Там же. Кн. 1. С. 599; Кн. 2. С. 438.

принца[1]. «Англия схватила орла, Австрия – орленка», – говорили тогда во Франции.

«Мария-Луиза, – пишет о ней ее немецкий биограф Франц Герре, – хотела вычеркнуть имя Наполеона не только из своей жизни, но и из жизни сына». «Я хочу воспитать из него верного и храброго немца», – признавалась она своей фрейлине[2]. По ее указанию «Орленку» запретили упоминать в утренних и вечерних молитвах имя его отца, отняли у него все французские игрушки, книги и альбомы с монограммой «N» и даже орден Почетного легиона, вместо которого ему навязали австрийскую звезду Св. Стефана[3]. А ведь он страдал от этого и с годами все больше: разыскивал книги, которые прятали от него, искал встреч с теми, кто участвовал в войнах Наполеона, и с жадностью слушал их рассказы, стараясь узнать об отце всегда, везде, все и как можно подробнее[4]. Летом 1815 г., в дни Венского конгресса, когда «Орленку» шел только пятый год, А. И. Михайловский-Данилевский видел его в Шёнбрунне и мог засвидетельствовать, что малыш «часто твердил о Фонтенбло и всякий день спрашивал о своем папеньке»[5].

Разумеется, охотно и подробно вспоминал Наполеон в разговорах с ближними (до отъезда с острова Лас-Каза чаще всего с ним) о себе самом, о пережитом и передуманном с детских лет и до последних дней. Как уместны здесь строки А. С. Пушкина!

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон[6].

«Самым необычным и, я думаю, не имеющим аналогов в истории, – говорил император доктору О'Мира, – было то, что я, будучи рядовым членом общества, поднялся до удивительных высот власти, которой обладал, не совершив при этом ни единого преступления, чтобы получить ее. Если бы я оказался на смертном одре, я мог бы сделать то же самое заявление»[7]. Что же касается постоянных (начи-

---

[1] Подробно об этом см.: Герре Ф. Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998. Гл. 3; Лепеллетье Э. Сын Наполеона. Ростов н/Д., 1999. Ч. 1–2; Кастело А. Сын Наполеона. М., 2007. Ч. 2.

[2] Герре Ф. Указ. соч. С. 277.

[3] Там же; Кастело А. Сын Наполеона. С. 191.

[4] Лепеллетье Э. Указ. соч. С. 134.

[5] Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 140.

[6] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 13. Курсив мой. – *Н. Т.*

[7] О'Мира Б. Цит. соч. С. 160.

ная с его современников и кончая нашими, сегодняшними) обвинений Наполеона в деспотизме и агрессивности, то он реагировал на них спокойно: «Я закрыл пропасть анархии и упорядочил хаос... Я поощрял всяческое соревнование, вознаграждал все заслуги, раздвинул пределы славы. Что можно поставить мне в вину, от чего историк не смог бы защитить меня? Мой деспотизм? Историк покажет, что диктатура в тех условиях была абсолютно необходимой. Меня обвинят в том, что я слишком любил войну? Историк докажет, что нападали всегда на меня»[1]. Здесь от историка требуются две оговорки: из десяти войн[2], которые вел Наполеон как глава государства, две он начал первым, но в Испании он хотел заменить феодальный хаос буржуазной стабильностью, а на Россию пошел войной, узнав о том, что Александр I уже подготовился к нападению на него и лишь случайно не успел вновь (как в 1805 и 1806 гг.) напасть первым.

Лас-Каз верно подметил, что «ни один человек никогда не подвергался столь яростной критике и столь многочисленным оскорблениям, как Наполеон. Ни один человек не был объектом такого числа абсурдных и гнусных историй». Такая клевета распространялась по всей Европе, но, находясь на вершине власти, Наполеон никогда и никому не разрешал отвечать на выпады по его адресу. «Усилия, потраченные на такие ответы, – объяснял он, – только придали бы дополнительный вес тем обвинениям, которые эти ответы должны были опровергнуть. Стали бы говорить, что все, что написано в мою защиту, сделано по приказу и оплачено. Неумелое восхваление моей особы теми, кто окружал меня, в некоторых случаях наносило мне больший ущерб, чем все оскорбления, которым я подвергался. Самым убедительным ответом являются факты. Прекрасный памятник, еще один хороший закон или новая победа достаточны для того, чтобы свести на нет эффект многих тысяч лживых заявлений. Слова уходят, а деяния остаются»[3].

Впрочем, тот же Лас-Каз был свидетелем бурной реакции Наполеона на одно из клеветнических обвинений против него. Однажды, прочитав в английской газете, что он якобы держит где-то спрятанными в тайнике неисчислимые сокровища, император вско-

---

[1] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 158.

[2] 1800 г. – с Австрией; 1805 – с Австрией, Россией, Англией; 1806 – с Пруссией; 1806–1807 – с Россией; 1808 – с Испанией; 1809 – с Австрией и Англией; 1812 – с Россией; 1813 – с Россией, Пруссией, Австрией, Англией и др.; 1814 – с теми же державами; 1815 – тоже. Две военные кампании генерала Бонапарта (Итальянская 1796–1797 и Египетская 1798–1799 гг.) прошли в рамках войн революционной Франции против 1-й и 2-й коалиций европейских монархий, пытавшихся задушить Французскую Республику.

[3] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 126–127.

чил с места и в порыве негодования продиктовал Лас-Казу следующую отповедь клеветникам: «Вы хотите узнать о сокровищах Наполеона? Это правда, что они безмерны, но все открыты для обозрения. Вот они: гавани Антверпена и Флиссингена, способные принять самые крупные флотилии и защитить их зимой от морского льда; гидравлические сооружения в Дюнкерке, Гавре и Ницце; огромные доки в Шербуре, гавань в Венеции; шоссейные трассы из Антверпена в Амстердам, из Майнца в Мец, из Бордо в Байонну; перевалы через Симплон, Мон-Сени, Мон-Женевр и Ла Корниш, которые открывают доступ к Альпам в четырех направлениях и превосходят все строительные шедевры древних римлян. Далее: шоссе из Пиренеев в Альпы, из Пармы в Специю, из Савоны в Пьемонт; новые мосты в Париже, Лионе, Бордо, Руане, Турине; каналы, соединившие Рейн с Роной, Сомму с Шельдой и, следовательно, Париж с Амстердамом; восстановление церквей, разрушенных во время революции; новый Лувр и новые набережные в Париже; строительство многих сотен ткацких фабрик и 400 сахарных заводов по всей Франции; Регент (единственный бриллиант, сохранившийся из тех, что украшали королевскую корону), возвращенный в Берлине евреями, которым он был отдан в залог за 3 млн франков <...>. Вот они – сокровища Наполеона, стоимостью в миллиарды! Это – памятники мне, которые опровергнут любую клевету и будут сохранены на века!»[1]

Интересно высказывался Наполеон в изгнании на религиозные темы. «Кто-то из нас решился сказать императору, что он мог бы, в конце концов, стать религиозным, – вспоминал Лас-Каз. – Император ответил, что он опасается, что все же им не станет, и что он сожалеет об этом, поскольку религия является большим источником утешения, но его неверие – следствие силы его разума, а не порочности души». «Могут ли наши сердца наполниться верой, – продолжал он свои размышления, – когда мы слушаем абсурдную речь и видим неправедные поступки тех, кто читает нам проповеди? Я окружен священниками, которые непрестанно повторяют, что их власть находится вне пределов этого мира, и тем не менее прибирают к своим рукам все, к чему ни прикоснутся». «Как бы то ни было, – подчеркнул Наполеон в заключение этого разговора, – неверие, которое я чувствовал как император, было выгодно тем нациям, которыми я правил. Разве мог бы я одинаково относиться к различным религиям, противостоящим друг другу, если бы находился под влиянием одной из них? Разве я смог бы сохранить независимость моего

[1] Там же. Кн. 2. С. 327–328.

мышления и моих действий под контролем духовника, который руководил бы мной, пугая меня адом?»[1]

Только на Святой Елене Наполеон рассказывал своему окружению о том, как и сколько раз в различных сражениях он был ранен и, случалось, лишь чудом избегал смерти. Так, он показал Лас-Казу глубокий шрам на левом бедре от удара английским штыком, в результате которого он едва не потерял ногу в 1793 г. под Тулоном. В том разговоре с Лас-Казом он заметил, что «люди вообще на удивление много говорят об исключительно счастливой судьбе, которая сохраняла его неуязвимым во множестве сражений»: «Они заблуждаются. Просто я всегда держал в тайне те случаи, когда подвергался серьезной опасности». И он рассказал, что только за время осады Тулона под ним были убиты три лошади, а еще несколько в боях Итальянской кампании и четыре – при осаде Сен-Жан д'Акра. Ранен он был после Тулона еще дважды – осколками пушечных ядер в битвах при Регенсбурге и Ваграме (оба раза – в правую ногу), а в 1814 г., уже после сражения под Бриенном, с трудом отбился от неожиданно напавших на него казаков. «Самое замечательное в этом случае, – вспоминал Наполеон, – было то, что все это произошло возле дерева, под которым я в возрасте 12-ти лет обычно сидел и читал "Освобожденный Иерусалим" в свободное от занятий в Бриеннской военной школе время»[2].

Вообще в разговорах с Лас-Казом и другими на острове Святой Елены Наполеон был, как никогда, откровенен и не стеснялся признавать допущенные им в разное время просчеты и ошибки: например, после завоевания Египта ему следовало бы остаться на Востоке и «быть восточным императором, а не западным»; от нашествия на Россию он должен был отказаться, как только узнал, что Бернадот не будет ему помогать, а турецкий султан уже мирится с Россией; Пруссию после Йены и Ауэрштедта надо было стереть как самостоятельное государство с политической карты Европы. А вот что касается «испанской язвы», то Наполеон оправдывал свою идею цивилизовать Испанию и связать ее всесторонне (экономически, социально, политически и даже династически) с Францией, но признал, что реализация этой идеи оказалась «аморальной» и не удалась ему главным образом из-за грубых и опрометчивых действий исполнителей его воли – Жозефа Бонапарта и Мюрата. «Безобразие испанского дела, – говорил он Лас-Казу, – видится во всей его отвратительной на-

[1] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 660–661.

[2] Там же. С. 301–303. «Освобожденный Иерусалим» – историческая поэма итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595).

готе, и никто теперь не вспомнит о величественности идеи и всех тех политических выгодах, которые я намерен был обеспечить для испанского народа. Однако последующие поколения превозносили бы его до небес, добейся я успеха»[1].

В мемориале Святой Елены Наполеон оставил много колоритных характеристик своих современников – друзей и близких, соратников и врагов. Верных ему соратников (а таковыми они были почти все) император оценивал очень высоко – и в профессиональном, и в чисто человеческом (особенно нравственном) отношении. Мне уже приходилось в разной связи ссылаться на его отзывы о лучших военачальниках (Ланне, Даву, Сюше) и самых близких друзьях (Дюроке, Мюироне, Дезе). Вот еще несколько примеров:

Главного хирурга Великой армии, всемирно знаменитого медика Д. Ж. Ларрея Наполеон считал «самым добродетельным человеком» из всех, кого он знал, и рассказал о нем такую историю. После битв при Лютцене и Бауцене в 1813 г. императору – в ответ на его запрос о раненых – доложили, что «подавляющее большинство из них получили ранение в руку, поскольку они сами наносили себе раны, чтобы избежать участия в военных действиях». Наполеон, по его признанию, «был потрясен этой информацией; он потребовал провести новую проверку, но она дала тот же результат». Император в отчаянии уже «решил наказать со всей строгостью тех, кто оказался настолько труслив, что готов был калечить себя». Однако Ларрей, «не желавший верить в это добровольное членовредительство, которое, по его мнению, было пятном на чести армии и нации», буквально восстал против такого решения императора, сам провел тщательное расследование и доказал: «этих храбрых молодых людей подло оклеветали». При этом Ларрей представил доклад о результатах своего расследования. Ознакомившись с докладом, Наполеон сердечно пожал ему руку и сказал: «Счастлив тот монарх, кто имеет дело с такими людьми, как вы... Вам сообщат мои распоряжения». «В тот же вечер, – читаем об этом у Лас-Каза, – Ларрей получил от Наполеона его портрет, осыпанный бриллиантами, 6000 франков золотом и назначение ему государственной пенсии в размере 3000 франков помимо (так было сказано) всех других наград, на которые он будет иметь право по своему рангу и по службе»[2].

Другое светило мировой науки, математик Г. Монж, по словам Наполеона, «мог бы считаться ужасным человеком», поскольку он во время революции «объявил с якобинской трибуны, что отдаст двух

[1] Там же. С. 695, 700, 703–706.
[2] Там же. Кн. 2. С. 390–392.

своих дочерей замуж за первых двух солдат, которых ранит неприятель», и что «другие должны последовать его примеру, а всех аристократов следует казнить и т. д. И при этом Монж был одним из самых кротких и безобидных людей на свете; он не смог бы зарезать курицу или даже вынести зрелища убийства птицы в его присутствии»[1].

Среди тех, кого Наполеон в изгнании помянул особенно добрым словом, был и польский князь Ю. Понятовский, которого он сделал маршалом Франции. По словам Наполеона, «Понятовский был истинным королем Польши; он обладал всеми качествами, необходимыми для этого высокого поста»[2].

О соратниках, предавших его, император вспоминал по-разному. Если хамелеона Фуше он просто (и брезгливо) заклеймил как «мерзавца всех цветов и оттенков»[3], то о предательстве Мармона говорил с грустью, ибо этого человека он заботливо опекал и выдвигал чуть ли не с детства его: «Меня предал человек, которого я мог бы назвать своим сыном, своим отпрыском, делом моих рук»[4].

Что касается Бернадота, которого, кстати, за его склонность к хвастовству звали Шарлем Жаном *Шарлатаном* (и Наполеон это знал), то о нем 7 августа 1816 г. император сказал Лас-Казу вполне определенно: «Бернадот стал той змеей, которую я пригрел на своей груди»[5], но в январе 1818 г. в разговоре с О'Мира высказался уже иначе, скорректировав свою точку зрения: «Бернадот отплатил мне неблагодарностью, так как именно я возвеличил его. Но я не могу сказать, что он предал меня: он в некотором роде переродился в шведа, и он никогда не обещал мне не совершать того, что он сделал. Я могу обвинить его в неблагодарности по отношению ко мне, но только не в предательстве»[6]. Любопытно, что сам Бернадот во время «Ста дней» Наполеона заявил своим приближенным: «Наполеон – величайший полководец всех времен, самый великий человек из всех когда-либо живших на земле людей». Когда в 1840 г. Бернадот (с 1818 г. Карл XIV Юхан, король Швеции) узнал о «переселении» праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж, он воскликнул: «Скажите там, что я, кто был когда-то маршалом Франции, теперь всего лишь король Швеции!»[7]

---

[1] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 682–683.
[2] Там же. Кн. 2. С. 526.
[3] О'Мира Б. Цит. соч. С. 108.
[4] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 453; Кн. 2. С. 524.
[5] Там же. Кн. 2. С. 115.
[6] О'Мира Б. Цит. соч. С. 350, 553.
[7] Цит. по: Егоров А. А. Маршалы Наполеона. С. 81, 83.

Исторически очень ценны записанные на Святой Елене воспоминания Наполеона о трех главных из монархов Европы, которые были его современниками, – сначала врагами, потом союзниками и вновь врагами. Среди них самым выдающимся, в его представлении, был Александр I: «...по своим качествам он бесконечно превосходит других европейских монархов; он обладает острым умом, тактом, большими знаниями, сумеет обворожить вас, но ему не следует доверять – он лицемерен, как типичный византиец»[1]. Поскольку прусского короля Фридриха-Вильгельма III Наполеон считал «величайшим болваном на свете, невеждой, у которого нет ни таланта, ни знаний», император так и не понял, в чем секрет нежной дружбы между королем и царем, и удивлялся общности их интересов к пустякам. «Они воображали себя равными с лучшими генералами Европы, потому что знали, сколько рядов пуговиц должно быть на кители драгуна, – вспоминал Наполеон. – Я едва удерживался от смеха, когда слышал (в Тильзите летом 1807 г. – *Н. Т.*), как они обсуждали всю эту чепуху с такой важностью, словно планировали предстоящее сражение между двумястами тысячами солдат»[2]. Тестя же своего, Франца I, Наполеон характеризовал скорее с сочувствием, чем с неприязнью: «Император Австрии – добрый и религиозный человек, но тупица. Он не лишен здравого смысла, но при этом никогда сам не принимает решений; его всегда водил за нос Меттерних или кто-нибудь еще из его окружения»[3].

Теперь, в пожизненном заключении, император мог отрешенно, спокойно вспоминать даже о злейших своих врагах – английских министрах и военачальниках, наделяя их точными и хлесткими характеристиками: премьер-министр У. Питт – «гений зла», сплотивший на английские деньги «агрессивные коалиции», плодами которых стали «25 лет мирового пожара»; глава британской дипломатии Р. Каслри – «визирь феодальных монархов»; герцог А. Веллингтон – военачальник, который «в своем таланте превзошел самого себя», ибо «судьба сделала для него больше, чем он сделал для нее»[4].

Английские верхи были по крайней мере последовательны в своей вражде к Наполеону, а вот что касается главного в Европе трио монархов (российского, прусского, австрийского), то они, будучи битыми и вступая в союз с ним, льстили и подлащивались к нему, унижая свое монаршее достоинство. Перед отъездом доктора О'Мира

---

[1] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 1. С. 416; О'Мира Б. Цит. соч. С. 159.
[2] О'Мира Б. Цит. соч. С. 67, 159.
[3] Там же. С. 334.
[4] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 449, 518, 522.

в Европу Наполеон попросил его связаться с Жозефом Бонапартом и взять у него личные письма Александра I, Франца I и Фридриха-Вильгельма III. Пакет с этими письмами Наполеон передал Жозефу на хранение, когда они были в Рошфоре. Теперь он так наставлял О'Мира: «Вы опубликуете эти письма, чтобы покрыть позором всех этих монархов, и продемонстрируете всему миру их жалкое преклонение передо мной, когда они выпрашивали у меня милости и умоляли не лишать их тронов. Когда я был в силе и на вершине власти, они домогались моей защиты и чести стать моими союзниками, слизывая пыль с подошв моих сапог. Теперь же <...> они подло угнетают меня, отобрав мою жену и моего ребенка»[1].

По воспоминаниям Маршана, Наполеон, прощаясь с О'Мира, сказал: «Ваши министры – бесстыдные люди. Когда папа римский был моим пленником, я бы скорее отдал руку на отсечение, чем подписал приказ о том, чтобы оставить папу без его врача»[2]. О'Мира тогда не смог выполнить просьбу Наполеона: оказалось, что письма были потеряны, и только в 1939 г. (!), по данным П. Джонса (автора примечаний к воспоминаниям Маршана), они были опубликованы, хотя и не полностью, во Франции принцем Наполеоном и Жаном Аното[3].

Все, что написал, а главным образом продиктовал Наполеон Лас-Казу и другим на острове Святой Елены, по мнению Е. В. Тарле, «дает понятие не об объективной исторической истинности фактов, о которых идет там речь, но о том, какое представление об этих фактах желал Наполеон внушить потомству»[4]. Думается, точнее было бы сказать, что все сочиненное тогда Наполеоном служило цели, не лишенной объективности: его самооправданию перед историей. Ведь он был вправе считать себя более законным государем, чем любой из его «легитимных врагов», поскольку ни один из них не получал права на трон в результате народного волеизъявления, как Наполеон в 1804 и 1815 гг. Поэтому решение союзных монархов объявить его вне закона как «врага человечества» он считал противоправным. Собственные же, по меньшей мере спорные, решения, например расстрелять пленных турок 8 марта 1799 г. в Яффе и герцога Энгиенского 21 марта 1804 г. в Венсенне, арестовать папу римского и аннексировать герцогство Ольденбургское, он оправдывал либо роковой не-

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 589.

[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 552.

[3] Там же; О'Мира Б. Цит. соч. С. 589. (Автор имеет в виду книгу «Личные письма монархов императору Наполеону I. Париж, 1939». – *Ред.*)

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 507.

предсказуемостью ситуаций, как в первом случае, либо необходимостью возмездия за покушения на его жизнь и, главное, исторической целесообразностью борьбы со средневековьем. На ту же целесообразность он ссылался в оправдание всех своих войн, исключая (не без оговорок, как мы видели) вторжение в Испанию и нашествие на Россию.

Став монархом, императором, Наполеон навсегда остался поборником социальных и политических завоеваний Французской революции и ее республиканских устоев (не зря в течение пяти лет он титуловал себя «императором республики»). «Французская революция, – говорил он доктору О'Мира, – была всеобщим движением масс против привилегированных классов <...>. Главная цель революции заключалась в том, чтобы ликвидировать феодальные привилегии и злоупотребления, запретить остатки древнего рабства народа и предоставить возможность всем гражданам в равной степени служить государству. Это способствовало установлению равенства в правах. Любой гражданин теперь мог добиться успеха в своей деятельности по своим способностям»[1]. Да, так и было во Франции при, казалось бы, неограниченной диктатуре Наполеона. Характерно, что он и в своих аналитических обзорах военных кампаний разных времен – обзорах, которые записаны на острове Святой Елены его секретарями, – всегда отмечал признаки исторического *прогресса*.

Едва ли в мире был хоть один истинно великий полководец, которого Наполеон обошел бы вниманием, обозревая в изгнании на Святой Елене всю историю войн от Александра Македонского до Фридриха Великого. В древней истории его кумирами были Александр, Цезарь и Ганнибал. Наполеон считал их равновеликими военными гениями, причем Александра и Цезаря как *государственных* деятелей ставил выше Ганнибала, но «наиболее удивительной из них личностью», по его мнению, был именно Ганнибал, который «в возрасте 26-ти лет постиг то, что, казалось, осуществить было нельзя»: «он захватил Италию и правил ею в течение 16-ти лет; несколько раз он был на волосок от того, чтобы овладеть Римом, и оставил в покое свою жертву только тогда, когда его враги, воспользовавшись уроками, полученными у него, отправились на территорию Карфагена, чтобы уже там дать ему бой»[2]. Очень лестно, с позиций высочайшего профессионализма оценивал Наполеон общий уровень, характерные особенности и конкретные достижения военного

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 543–544.
[2] Цит. по: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 503–504.

искусства французов: маршала А. Тюренна и принца Л. Конде, английского герцога Д. Мальборо, короля Швеции Густава II Адольфа, прусского короля Фридриха Великого, австрийского фельдмаршала (родом из Франции) Евгения Савойского[1]. А на прямой вопрос Альбины Монтолон, какие войска он считает лучшими, Наполеон ответил: «Те, которые одерживают победы, сударыня», и так иллюстрировал свою мысль: «Лучшими воинами были карфагеняне во главе с Ганнибалом, римляне под командованием Цезаря, македонцы, когда их вел Александр, и пруссаки при Фридрихе Великом». Но выше всех император поставил все-таки своих собственных воинов: «Вероятно, можно было бы собрать войска столь же отличные, как те, которые составляли мою армию в Италии и в битве при Аустерлице, но превзойти их не смогут, конечно, никакие другие войска»[2].

Бесспорно, Наполеон как авторитет в области военного искусства котировался выше всех и уже тогда был общепризнан – именно так судили о нем и соратники его и противники. Но даже близкие к нему люди удивлялись эрудиции и профессионализму суждений императора в области литературы. Подолгу беседуя с ними на острове Святой Елены, он похвально, но строго, обязательно с элементами критики, анализировал творчество не только любимых им с детства Вольтера и Руссо, но и многих других – от великих до малоизвестных – литераторов разных времен. Кстати, первую трагедию Вольтера «Эдип» Наполеон отнес к «самым прекрасным образцам французской драматургии», а «что касается недостатков трагедии, – считал он, – например, нелепой страсти Филоктета, – то их следует приписывать не драматургу, но нравам того времени и ожиданиям тогдашних великих актрис»[3].

В изгнании Наполеон увлекся сам и привил своим собеседникам увлечение «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера. «Только теперь я вполне понимаю Гомера, – признался император. – Он, как и Моисей, сын своего времени: поэт, оратор, историк, законодатель, географ, теолог». Но тут же, в связи с тем, что Гомер «представлял своих героев гигантами», Наполеон не без иронии заметил: «В наши дни нет таких героев. Что стало бы с нами, если бы мы жили в те добрые времена, когда физическая сила составляла истинную власть? Пожалуй, Новерраз (младший камердинер Наполеона, невероятно сильный физически. – *Н. Т.*) овладел бы скипетром и правил всеми нами.

---

[1] Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 197–199, 505.
[2] Там же. С. 199.
[3] Там же. С. 461–462.

Надо признать, что цивилизация более благосклонна к разуму, чем к телу»[1].

Помимо Гомера, Наполеон так восхищался трагедиями Софокла, Эсхила и Еврипида, что заражал своим восхищением Лас-Каза и многих других[2]. Из литературы средневековья он выделял своих соотечественников, драматургов-академиков П. Корнеля и Ж. Расина, а также английского поэта Д. Мильтона с его эпической поэмой «Потерянный рай»[3]. Император увлекался и баснями Ж. Лафонтена, смысл которых (нередко иронический и даже саркастический) он разъяснял семилетнему сыну Монтолона Тристану[4].

Собеседников императора больше всего поражала именно широта его литературных интересов, когда он рассуждал о достоинствах и недостатках не только «Истории крестовых походов» Ж. Ф. Мишо или мемуаров французского хрониста XIII в. Ж. Жуанвиля, но и «женских» романов мадам С. Ф. Д. Жанлис и мадам М. С. Коттен, не говоря уже о европейски знаменитой мадам Ж. де Сталь[5].

Итак, главным занятием Наполеона в течение всех шести лет его предсмертной неволи был литературный труд. Лас-Каз и Бертран, О'Мира и Монтолон, Маршан и Антомарки оставили записи его воспоминаний, военно-исторических сочинений и литературных заметок, а также повседневных разговоров с ним на разные темы плюс свои собственные о нем воспоминания, что образует в сумме богатейший и ценнейший, как в историческом, так и в литературном отношении, *мемориал* Святой Елены. То, что в этом мемориале записано со слов императора, наиболее значимо по содержанию, глубине и блеску мысли, хотя и более всего субъективно.

Как-то поведав Лас-Казу подробности злосчастной судьбы чернокожего раба Тоби, Наполеон вдруг с экспрессией, взволновавшей Лас-Каза, произнес: «Вижу, мой друг, по вашим глазам: вы думаете, что Тоби на Святой Елене не один такой <...>. Нет, здесь не может быть никакого сравнения с нами. Тел наших не мучают, а если бы и мучили, есть у нас души, чтобы победить наших тиранов. Может быть, наш жребий в чем-то даже завиден. Мир смотрит на нас. Мы в его глазах мученики за бессмертное дело <...>. Мы здесь боремся против угнетения богов, и народы благословляют нас!»[6]

---

[1] Там же. С. 345; Людвиг Э. Цит. соч. С. 529.
[2] См.: Лас-Каз Э. Цит. соч. Кн. 2. С. 393, 461.
[3] Там же. С. 514.
[4] Там же. С. 16.
[5] См.: Там же. С. 388–389.
[6] Там же. Кн. 1. С. 258.

Комментируя этот разговор Наполеона с Лас-Казом, Д. С. Мережковский сделал спорное, но в главном верное заключение: «Это и значит: “Прометей на скале” – жертва за человечество. Тут кончается наполеонова “история” – начинается “мистерия”. Чья, в самом деле, судьба, чье лицо в веках и народах напоминает древнего титана?»[1]

4. Кончена жизнь… Умер или убит?

В первые полтора года своего плена на острове Святой Елены Наполеон был физически здоров, но с конца 1816 г., когда Б. О’Мира впервые засвидетельствовал у него приступ страшной головной боли с непроизвольным подергиванием членов, головокружением и обмороком, подобные и другие приступы стали повторяться все чаще и сильнее[2]. Так, в апреле–мае 1818 г. его периодически мучили «обильные желчные и слизистые выделения, головные боли, тошнота, рвота густой едкой желчью, бессонница, беспокойство и слабость»[3].

Кстати, после того как доктор О’Мира в августе 1818 г. был удален губернатором Лоу с острова, Наполеона в разное время осматривали три врача: несколько раз, по вызову, – судовой хирург Джон Стокоу, тоже, как и О’Мира, высланный Лоу с острова, а затем уволенный из Британского морского флота за доброжелательное отношение к императору[4]; с сентября 1819 г. до смерти Наполеона – корсиканец Франчески Антомарки, а в последние месяцы, в качестве ассистента Антомарки, еще один англичанин, военврач Арчибальд Арнотт.

Симптомы болезни императора участились с 1819 г., а в 1820 г. они становились с каждым месяцем все мучительнее и принимали фатальный, угрожающий характер. Император уже почти не выходил из «сырого погреба» своей «резиденции», все реже смотрел из окна на мрачный ландшафт острова в бинокль, служивший ему еще при Аустерлице, и все больше времени проводил в постели. Врачи диагностировали у него хронический гепатит, но сам он раньше врачей усмотрел у себя *рак желудка* – болезнь, от которой умер его отец. Уже смертельно больной Наполеон находил в себе силы подшучивать над своей болезнью: рак – это Ватерлоо, вошедшее внутрь»[5].

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 276.
[2] Подробно см.: Мартино Ж. Цит. соч. С. 99–107.
[3] Там же. С. 103.
[4] Там же. С. 286–287.
[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 512.

Версия о том, что он умер именно от рака желудка, укоренилась в специальной литературе, включая биографии императора, написанные авторитетнейшими исследователями: французами А. Кастело и Ж. Мартино, англичанами В. Кронином и Х. Беллоком, россиянами Д. С. Мережковским и Е. В. Тарле[1]. Но можно ли считать эту версию состоятельной сегодня, в свете новых фактов и сенсационных изысканий С. Форсхувуда и Б. Вейдера, – об этом речь впереди.

Информация о тяжелой болезни Наполеона доходила с острова Святой Елены до правителей и граждан Европы главным образом от очевидцев: Лас-Каза, Гурго, О'Мира, Д. Стокоу. Она вызывала беспокойство и сострадание не только у родственников и соратников императора. Папа римский Пий VII (тот самый, кто в 1804 г. короновал Наполеона и кого Наполеон с 1809 до 1814 г. держал под арестом за отказ от континентальной блокады Англии) ходатайствовал перед европейскими монархами: «Наполеон несчастлив, очень несчастлив. Мы забыли его заблуждения. Святая церковь не должна лишать своих духовных детей заботы о них. Мы глубоко, от всего сердца желаем, чтобы его участь была облегчена. Испросите этой милости от нашего имени у принца-регента Англии»[2].

Во избежание подобных ходатайств английские власти через подконтрольную им прессу распространяли лживые сведения о том, что у Наполеона в изгнании все обстоит как нельзя лучше. Об этом свидетельствовал Барри О'Мира после того, как вернулся с острова Святой Елены в Европу: «В некоторых английских газетах, отражавших точку зрения Кабинета министров, были опубликованы письма, претендовавшие якобы на то, что они присланы с острова Святой Елены. Эти письма представляли Наполеона (к тому времени безнадежно больного. – *Н. Т.*) находящимся в отличном состоянии здоровья и с новой привычкой охотиться за дикими кошками. Были ли эти письма состряпаны на острове Святой Елены или подделаны в Лондоне, я не знаю»[3].

Думается, «состряпать» такие письма и отправить их в Лондон вполне мог Хадсон Лоу. Он ведь даже 17 апреля 1821 г., за 18 дней до смерти Наполеона, весело говорил о нем своему окружению: «Я вас уверяю, что его болезнь есть результат его грубого поведения по отношению ко мне. Если бы у него был выбор, сейчас он действовал бы

---

[1] См.: Кастело А. Цит. соч. С. 658, 660; Мартино Ж. Цит. соч. С. 107; Кронин В. Цит. соч. С. 541; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 281; Тарле Е. В. Наполеон. С. 512; Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 346. Жан Тюлар в кн. «Наполеон» склоняется к той же версии (С. 363).

[2] Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 127.

[3] О'Мира Б. Цит. соч. С. 644.

иначе. Пусть кто-нибудь из вас неожиданно с криком войдет в его комнату, и вы увидите, что он тотчас вскочит на ноги!»[1]

2 апреля 1821 г. доктор Антомарки у постели Наполеона сказал (желая, наверное, заинтересовать и тем самым приободрить больного): «На горизонте появилась комета». Император, словно бы про себя, очень тихо произнес: «Значит, смерть: комета возвестила и смерть Цезаря...»[2] Именно в тот день Антомарки признал состояние больного безнадежным.

13 апреля Наполеон продиктовал Монтолону, а 15-го собственноручно подписал свое завещание. В последующие дни, 24 и 27 апреля, он диктовал дополнения к завещанию. Полный текст его в переводе на русский язык публиковался неоднократно – в разных изданиях[3]. О том впечатлении, которое производит «Завещание» Наполеона, хорошо сказал Д. С. Мережковский: «В нем – множество пунктов, подробных и мелочных, с перечислением сотен предметов, сумм и лиц. Наполеон вспоминает всех, кто сделал ему в жизни добро, и благодарит, награждает не только живых, но и мертвых, в детях и внуках; прибавляет все новых, не может кончить, боится, как бы не забыть кого-нибудь»[4].

В завещании указаны и общая сумма (200 млн франков), и конкретные источники завещанного капитала: более 100 млн, накопленных за 14 лет по цивильному листу[5], 6 млн на личном счету императора у Жака Лаффита (управляющего Французским банком), 2 млн из семейного фонда плюс драгоценные камни императорской короны, иные из которых имели стоимость в 500 и 600 тыс. франков; прочие драгоценности, векселя и т. д. Своими душеприказчиками Наполеон объявил «графов Монтолона, Бертрана и Маршана», пожаловав тем самым главному камердинеру, каковым был Маршан, титул графа[6].

Бóльшую часть своего состояния, а именно 100 млн франков по цивильному листу, Наполеон завещал (пополам) ветеранам французской армии, «которые сражались с 1792 по 1815 год за славу и независимость нации», и местностям (городам и селам) Франции, пострадавшим от нашествий 1814–1815 гг.

---

[1] Мартино Ж. Цит. соч. С. 108–109.

[2] Antommarchi F. Op. cit. T. 2. P. 54.

[3] См., напр.: Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. С. 125–147; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 741–761; Дюма А. Наполеон. М., 1992. С. 337–351.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 283–284.

[5] Цивильный лист – денежное содержание, предоставляемое монарху по конституционным нормам.

[6] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 681, 708. Власти Франции *официально* признают Маршана графом при Наполеоне III.

Всем, кто служил ему на острове Святой Елены, он выделил крупные суммы: Монтолону – 2 млн франков, Бертрану – 700 тыс., Маршану – 500 тыс., Лас-Казу – 200 тыс., не забыв при этом повара Пьеррона (100 тыс. франков), конюха Аршамбо (50 тыс.), кладовщика Курсо (25 тыс. франков) и других слуг.

По 100 тыс. франков каждому император завещал своим боевым соратникам: Ларрею, Друо, Камбронну, Лавадетту, Клозелю, Лефевру-Денуэтту, Лаллеману, а также детям погибших маршала Бессьера, генералов Дюрока, Мюирона, Лебедуайера, Жерара, Летора, Шартрана, Мутона-Дюверне и др.

Всем своим родственникам – «исключительно доброй и преданной» матери, жене и сыну, братьям и сестрам, а также Евгению и Гортензии Богарне, кардиналу Фешу он оставлял свои личные вещи – столовое золото и серебро, севрский фарфор, золотые часы, шпаги и кинжалы, медальоны, ожерелья и браслеты, турецкие ковры и такие раритеты, как сабля польского короля-полководца Яна Собеского и будильник Фридриха Великого, «взятый в Потсдаме».

О себе Наполеон сказал в завещании слова, которые потом будут выгравированы и доныне красуются на мраморе его гробницы в парижском Дворце инвалидов: «Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил»[1].

Диктуя завещание, император иногда отвлекался на побочные, смежные, а то и вовсе посторонние темы. Так, однажды он попросил Бертрана перевести на английский язык, «слово в слово», доктору Арнотту следующую фразу, адресованную правителям Англии: «Вы меня убили, и, умирая на этой ужасной скале, я завещаю позор и ужас смерти царствующему дому Англии». В тексте завещания появился пункт: «Я умираю преждевременно, убитый британской олигархией и ее палачом; настанет время, когда народ Британии отомстит за меня»[2]. В другой раз император вдруг воскликнул: «А китайцы-то мои бедные![3] Двадцать золотых раздайте им на память: надо же и с ними проститься как следует»[4].

26 апреля Наполеон распорядился о собственных похоронах: «...сообщил графу Бертрану, что он хочет, чтобы его похоронили на берегу Сены, или на острове у слияния рек Роны и Соны около Лиона, или на Корсике в кафедральном соборе, где похоронены его предки, ибо там он все же будет во Франции». «А если меня не вы-

---

[1] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 741.

[2] Там же; Antommarchi F. Op. cit. T. 2. P. 85.

[3] Среди тех, кто обслуживал «пленника Европы» на кухне, были два китайца.

[4] Antommarchi F. Op. cit. T. 2. P. 105.

пустят отсюда и мертвого, – продолжал император в раздумье, – схороните там, где течет эта вода...» И он показал на воду, которую приносили ему из соседней долины Герания: там под тремя плакучими ивами был родник[1].

29 апреля, после бессонной ночи с приступом рвоты, Наполеон попытался было продиктовать к своему завещанию очередное дополнение. Присутствовавший при этом Маршан вспоминал: «После нескольких строчек силы покинули его. "Бедный Наполеон", – произнес император, и поскольку он уже не мог сидеть в постели, уронил голову на подушку»[2].

В ночь на 5 мая началась агония. В полубреду, содрогаясь от конвульсий, Наполеон рванулся с постели, схватил с неожиданно чудовищной силой Монтолона, дежурившего возле его ложа, и упал вместе с ним на пол. Подоспевший на шум Аршамбо с трудом высвободил Монтолона из императорской хватки, после чего оба они уложили больного в постель. «Никому не ведомо, – заметил по этому поводу Эмиль Людвиг, – кого из своих врагов император хотел задушить в последней схватке»[3]. С той минуты и до последнего вздоха Наполеон лежал неподвижно, с открытыми глазами, но уже без сознания. «Это была последняя вспышка той силы, которая перевернула мир», – так подытожил случившееся Д. С. Мережковский[4].

Всю ночь с 4 на 5 мая и почти весь следующий день на острове свирепствовала буря, вырывая с корнями деревья в Лонгвуде, под которыми любил отдыхать Наполеон. С утра 5 мая все его приближенные и слуги теснились вокруг умирающего, не сводя с него глаз. Все они ждали его конца под яростно-заунывный, душераздирающий вой бури, испытывая ужас, в котором было что-то мистическое. Последние слова императора, которые удалось расслышать, записаны Маршаном и Монтолоном не совсем одинаково: «Франция... армия... авангард... Жозефина» (Монтолон) и «Франция... мой сын... армия» (Маршан)[5].

К вечеру буря стихла. В 17 часов 49 минут 5 мая 1821 г. с бастионов Джеймстаунской крепости на острове Святой Елены грянул орудийный залп. То был сигнал: «солнце зашло – Наполеон умер»[6].

---

[1] Antommarchi F. Op. cit. T. 2. P. 100; Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 688.
[2] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 693.
[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 571.
[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 286.
[5] Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 703; Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 338.
[6] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 286.

Но, уже испустив дух, он все-таки еще раз, последний, изумил окружающих. Вот как воссоздал эту сцену, по рассказам очевидцев, Марк Алданов: «Граф Бертран тяжело поднялся с кресла и сказал глухим голосом:

– Император скончался...

И вдруг, заглянув в лицо умершему, он отшатнулся, пораженный воспоминанием.

– Первый консул! – воскликнул гофмаршал.

На подушке, сверкая мертвой красотой, лежала помолодевшая от смерти на двадцать лет голова генерала Бонапарта»[1].

Луи-Жозеф Маршан, весь в слезах, принес хранившийся у него исторический синий плащ, в котором Наполеон был 14 июня 1800 г. в битве при Маренго, и накрыл им тело умершего. После этого в бывший кабинет императора, где теперь он лежал на смертном одре, вошли губернатор Лоу и офицеры английского гарнизона. Они, надо полагать, с облегчением прощально раскланялись перед покойником. Далее у Е. В. Тарле сказано так: «Затем были впущены Бертраном и Монтолоном и комиссары держав, которые теперь в первый раз своего пребывания на острове вошли в дом императора, не допускавшего их к себе»[2]. Евгений Викторович ошибся: из трех комиссаров задержался на острове до смерти Наполеона только француз Моншеню (он-то и увидел императора впервые уже в гробу), остальные – и австриец Штюрмер (летом 1818 г.), и россиянин Бальмен (весной 1820 г.) – уехали с острова при жизни Наполеона.

Хоронили императора 9 мая в той самой долине Герания, под тремя плакучими ивами, как ему хотелось в том случае, если англичане не отпустят его из «логова» Хадсона Лоу даже мертвым[3]. Оловянный гроб с его телом был запаян в другой (из красного дерева), а тот – в третий (со свинцовой оболочкой), и третий гроб – в четвертый (тоже из дерева, с железными шурупами). Когда это «четырехгробие» было доставлено солдатами 20-го полка из английского гарнизона к месту захоронения, Лоу не преминул и здесь продемонстрировать свою злобную въедливость. Он запретил обозначить могилу императора надгробной надписью «Наполеон», требуя, чтобы надписано

---

[1] Алданов М. А. Заговор – Святая Елена, маленький остров. М., 1989. С. 397. О том же см.: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 711; Кастело А. Цит. соч. С. 669–670.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 514.

[3] Подробно о похоронах Наполеона см.: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 721–722, 731–732; Мартино Ж. Цит. соч. С. 303–304.

было не иначе, как «Бонапарт». Бертран отверг его требование, и в результате могила осталась безымянной. «Может быть, и лучше так, – рассудил небезосновательно Д. С. Мережковский. – Здесь лежал больше, чем Бонапарт, и больше, чем Наполеон, – *человек*»[1].

Весть о смерти на краю света всемирно прославленного изгнанника с невероятной для того времени быстротой облетела земной шар и сразу же стала обрастать множеством легенд, иные из которых живут и даже обретают новые доказательства сегодня.

К тому времени Европа уже многое знала о тяготах ссылки Наполеона и о церберском усердии Х. Лоу. Постоянные ходатайства перед монархами Священного союза от Лас-Каза, Гурго, О'Мира, Летиции Бонапарт и даже папы римского Пия VII об освобождении или хотя бы о перемещении Наполеона в другое место с менее гибельными условиями настраивали европейское общественное мнение против инквизиторского режима на Святой Елене. В самой Англии росло недовольство правительством, взявшим на себя по отношению к великому императору роль тюремщика. Лорд Р. Каслри, дважды (в 1815 и 1818 гг.) подписавший резолюцию о пожизненном изгнании Наполеона, стал из-за этого крайне непопулярным в собственной стране: «Проклинаемый всеми подлец и тиран», – так заклеймил его величайший из англичан того времени, поэт лорд Д. Г. Байрон[2]. Самоубийство Каслри летом 1822 г. (в приступе меланхолии он вскрыл себе вены) Джавахарлал Неру объяснял главным образом переживаниями по этому поводу[3].

Что касается Хадсона Лоу, то он себя не убил, но у соотечественников (не говоря уже о французах) имел репутацию если не меньшего тирана, чем Каслри, то еще большего подлеца. Когда после возвращения с острова Святой Елены (уже после смерти Наполеона) на одной из улиц Лондона он был избит сыном Э. Лас-Каза, никто его не пожалел. Напротив, он умрет в безвестности, «всеми ненавидимый»; этот вывод Жильбера Мартино основан на мнении не только французов или таких немцев, как Генрих Гейне, но и авторитетных англичан – будущего министра и главы правительства Англии лорда А. Розбери, знаменитого юриста лорда А. Кемпбелла и (напомню читателю) герцога А. Веллингтона[4].

Между тем Наполеон становился героем легенд – о счастливом для него побеге из «логова сатаны» или о подмене если не его само-

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 287.
[2] Байрон Д. Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 237.
[3] Неру Д. Цит. соч. Т. 2. С. 169.
[4] Мартино Ж. Цит. соч. С. 120–121, 126. Курсив мой. – *Н. Т.*

го, то гроба с его прахом при обстоятельствах загадочных и, как правило, надуманных. Так, французский историк Ж. Ретиф де ля Бретон в книге «Англичане, отдайте нам Наполеона!» (Париж, 1977) утверждает, будто в 1840 г. французам был выдан на острове Святой Елены гроб с прахом дворецкого Ф. Киприани, умершего в 1818 г., а гроб с телом Наполеона «еще раньше был увезен в Англию и анонимно захоронен в часовне Вестминстерского аббатства»[1]. Более запутанную, но не менее сомнительную легенду попытался документировать английский историк Ф. Эдвардс. Он полагает, что 5 мая 1821 г. умер на острове Святой Елены и в 1840 г. перезахоронен в Париже французский крестьянин Франсуа-Эжен Робо, солдат и слуга Наполеона, подменивший императора (на которого он походил как брат-близнец) осенью 1818 г., а настоящий Наполеон погиб либо в океане при бегстве с острова, либо в Австрии 4 сентября 1823 г., когда пытался проникнуть в Шёнбруннский дворец к заболевшему сыну[2]. Серьезные историки отвергают версию Эдвардса прежде всего потому, что никакой крестьянин не мог бы составить завещание с тысячью деталей и сотней имен из окружения Наполеона, которое продиктовал император в апреле 1821 г.

Пока рождались и опровергались либо просто терялись из виду такого рода легенды в 1961 г. в Стокгольме была издана книга, которая произвела в мировой историографии впечатление разорвавшейся бомбы. Книга называлась: «Был ли Наполеон отравлен?»[3] Ее автор – шведский ученый проф. Стен Форсхвуд, чьи исследования по гистологии, патологии и токсикологии заслужили международную известность, – выступил с сенсационными доказательствами отравления Наполеона на острове Святой Елены мышьяком.

Форсхувуд, уже заподозрив под впечатлением воспоминаний Л.-Ж. Маршана какую-то тайну в смерти Наполеона, познакомился в Лондоне с леди Мэбэл Брукс – супругой чемпиона мира по теннису Норманна Брукса и (вот что для Форсхувуда было важнее всего!) правнучкой Бетси Бэлкомб. Леди Мэбэл передала ему на исследование волосы Наполеона из той пряди, которую Маршан срезал с головы императора как памятный подарок для Бетси 16 марта 1818 г.; с тех пор эта прядь хранилась в семье Бэлкомбов. По просьбе

---

[1] См. об этом: Широков А. Кто убил Наполеона? // Советская культура. 1989. 12 августа.

[2] Подробно об этом см.: Натансон Э. А. Факты и легенды о последних днях Наполеона // Вопросы истории. 1966. № 10.

[3] Forshufvud S. Vem mördade Napoleon? Stockholm, 1961. 222 p. Переизд. в Париже в том же году.

Форсхувуда доктор Гамильтон Смит – глава отделения судебной медицины университета Глазго в Шотландии, токсиколог с мировым именем – исследовал волосы Наполеона путем бомбардировки их нейтронами в научной лаборатории Харвеллского атомного центра близ Лондона. Результаты исследования показали угрожающе повышенное содержание в волосах мышьяка. Это свидетельствовало об отравлении Наполеона.

Изыскания Форсхувуда, поначалу встреченные в научных кругах с недоверием, стали более доказательными после того как к ним присоединился, а после смерти Форсхувуда в 1985 г. продолжил канадский историк Бен Вейдер – почетный профессор университетов Монреаля и Флориды, основатель (в 1994 г.) и президент Международного Наполеоновского общества, членами которого стали уже более 500 человек из 40 стран, включая Россию. Вейдер в 1978 г. успел издать в Канаде написанный вместе с Форсхувудом бестселлер «Убийство на Святой Елене», который в 1981 г. был переиздан под названием «Убийство Наполеона», переведен на 24 языка и разошелся тиражом более 1 млн экземпляров. Главное же, Вейдер завершил «полицейское расследование» убийства Наполеона и опубликовал по его результатам еще ряд книг, известных сегодня в переводах на все основные языки мира, включая русский[1].

С 1961 по 2003 г. Форсхувуд и Вейдер исследовали в самых авторитетных лабораториях мира (университетов в Глазго и Люксембурге, Института судебной медицины в Страсбурге, ФБР в Нью-Йорке) волосы Наполеона еще из четырех его прядей (кроме той, что сохранилась от Бетси Бэлкомб), срезанных в разное время для Э. Лас-Каза (16 октября 1816 г.), адмирала П. Малькольма (3 июля 1817 г.), Л.-Ж. Маршана (6 мая 1821 г.) и в тот же день – для А. Новерраза. И Форсхувуд и Вейдер не столько разыскивали эти волосы, сколько получали их после выхода в свет первой книги Форсхувуда от самых разных, порой неожиданных обладателей. К примеру, Лас-Каз в 1825 г. подарил часть волос из хранившейся у него пряди в особом конверте своему другу американцу Уильяму Фрезеру, а затем этот конверт оказался у русского белоэмигранта, потомка одного из адъютантов Александра I Григория Трубецкого, который в 1960-е годы жил в Нью-Джерси (США). Он-то и передал Форсхувуду шесть волос Наполеона из локона, которым владел когда-то Лас-Каз.

---

[1] См.: Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992; Вейдер Б. Человек, изменивший лицо Европы. М., 2001; он же. Тайна смерти Наполеона. М., 2002; он же. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005.

Надо сказать, что идея отравления Наполеона жила и, вполне возможно, обсуждалась в феодальных и роялистских верхах, начиная с первого отречения императора. Уже в 1814 г. один из ближайших соратников (да и советников) Александра I генерал-губернатор Финляндии граф Г. М. Армфельд прямо говорил: «Для спокойствия Европы следовало бы не жалеть нескольких порошков мышьяку и дать этому мальчишке»[1]. Поэтому воспринимать тот факт, что Наполеон был отравлен (именно мышьяком!), как нечто невозможное нет оснований. Главное же, доказательства, представленные Форсхувудом и Вейдером, проверены и подтверждены на высшем уровне современной науки и техники[2].

Так, в январе 2003 г. Страсбургский Институт судебной медицины провел *атомно-абсорбционную спектроскопию* волос Наполеона из локонов разных лет и обнаружил в их сердцевине следы мышьяка с концентрацией от 7 до 38 раз выше допустимой дозы, а в ноябре того же года на симпозиуме Международной ассоциации судебных токсикологов действующий президент ассоциации Паскаль Кинтц и его предшественник в этой должности Роберт Веннинг доложили об аналогичных результатах исследования тех же локонов в лаборатории Университета Великого герцогства Люксембургского.

Подробности (вплоть до хронологии) отравления Наполеона изложены в книгах Бена Вейдера. Главным орудием отравления с самого начала (не позднее чем с лета 1816 г.) был мышьяк. Из воспоминаний Маршана и О'Мира явствует, что он использовался на Святой Елене для борьбы с крысами. Отравить Наполеона можно было легко – подсыпать яд в вино. Вот как рассказывал об этом Вейдеру (ссылаясь на воспоминания обитателей Лонгвуда) Стен Форсхувуд: «Наполеон всегда пил одно и то же вино из Константции. У него были личные, предназначенные только для него бутылки; те, кто разделял с ним стол, пили обычно другие вина. Вино для Наполеона доставлялось в Лонгвуд в бочках и разливалось по бутылкам на месте. Нет ничего проще, чем подсыпать яд в бочку перед тем, как разлить вино в бутылки. И как безопасно! Эту операцию можно не повторять ежедневно, как пришлось бы делать, если бы было решено добавлять яд в пищу. Достаточно один раз подсыпать мышьяк в бочку, и есть гарантия, что Наполеон будет получать яд в течение недель и даже месяцев. Соответственно, уменьшался и риск быть застигнутым вра-

[1] Император Александр I и граф Армфельд // Русская старина. 1896. № 10. С. 146. «Мальчишке» Наполеону в 1814 г. было 45 лет, Армфельду – 57.

[2] Наиболее подробно см. об этом: Вейдер Б. Тайна смерти Наполеона. С. 288–305; он же. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. С. 326–348.

сплох. Подтолкнуть же, ускорить ход болезни можно было, добавляя время от времени – когда обстоятельства тому благоприятствовали – дополнительную порцию яда в предназначенную для подачи Наполеону бутылку»[1].

Впрочем, для отравителя важно было не торопить время. Слишком ранняя смерть императора, в 46 лет отличавшегося отменным здоровьем, неминуемо возбудила бы подозрения, что он отравлен, а при вскрытии тела были бы обнаружены следы мышьяка. Такая новость могла вызвать во Франции очередную революцию и окончательно погубить Бурбонов. «Здесь надо учесть, – говорил Форсхувуд Вейдеру, – и соображения безопасности самого убийцы. Не хотел бы я быть в Лонгвуде в момент, когда обнаруживается, что я отравил Наполеона! Без сомнения, верные соратники императора разорвали бы убийцу на части, а так он, выполнив свою миссию, спокойно, никем не подозреваемый, отплыл с острова»[2].

Только после того, как организм Наполеона был подорван почти пятилетней интоксикацией мышьяком, отравитель с конца марта 1821 г. форсировал процесс умерщвления императора. 22 апреля ему был подан новый напиток – оршад, якобы для утоления одолевавшей его жажды, которая, кстати, является одним из симптомов отравления мышьяком. В составе оршада было масло горького миндаля, о котором в книге «Клиническая токсикология» сказано: «Поглощенное масло быстро превращается в яд, и у взрослого человека, проглотившего 7,5 куб. см этого вещества, вскорости наступает смерть»[3]. Наконец, 3 мая Наполеону дали принять 10 зернышек каломели[4], которая содержит ртутехлорид. Смешение в желудке у больного горького миндаля и ртутехлорида привело к образованию убийственного для него цианида ртути. То был последний удар со стороны отравителя. Через 48 часов после приема каломели Наполеон скончался.

Итак, версию Стена Форсхувуда-Бена Вейдера о том, что Наполеон в изгнании на острове Святой Елнеы был отравлен, можно считать доказанной. Это признают сегодня не только авторитетнейшие в мире ученые-токсикологи Паскаль Кинтц и Роберт Веннинг, но и, к примеру, самый выдающийся из английских наполеоноведов профессор Британской Военной академии Дэвид Чандлер[5].

---

[1] Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 307.

[2] Там же. С. 304.

[3] Вейдер Б. Наполеон. Триумф... С. 252–255.

[4] Каломель – препарат ртути, сильно действующее слабительное и дезинфицирующее лекарство.

[5] См.: Там же. С. 334.

Традиционную версию, согласно которой Наполеон умер от рака желудка, теперь уже трудно принять всерьез: воспоминания людей, близких к императору, медицинские заключения врачей, исследования его биографов свидетельствуют: во-первых, никто из четырех братьев и трех (включая незаконнорожденных) сыновей Наполеона не болел раком, и все они, кроме «Римского короля», прожили дольше императора; во-вторых, у самого Наполеона не было каких-либо признаков онкологической болезни, и, в-третьих (вот это, пожалуй, главное), до конца своих дней на Святой Елене он *становился все более тучным*[1], а ведь рак желудка ведет к «скелетичному исхуданию» больного!

Теперь перед нами встает ключевой вопрос: кто был отравителем Наполеона? Его вычислил методом исключения Форсхувуд, а Вейдер подтвердил и дополнил выводы Форсхувуда новыми данными[2]. Цитирую ход рассуждений Вейдера: «Человек, отравивший Наполеона, жил в Лонгвуде с лета 1816 года, когда у императора появились первые признаки мышьякового отравления, до дня его смерти, 5 мая 1821 года. Таким образом, сразу исключаются все те, кто покинул Святую Елену до смерти Наполеона, равно как отпадают и те, кто прибыл туда после лета 1816 года. Следовательно, остаются только камердинер Маршан, гофмаршал Бертран и граф Монтолон. Отравитель обязательно должен быть в повседневном контакте с Наполеоном и поэтому входить в группу лиц, постоянно проживавших в Лонгвуде. К ним не относился Бертран, который жил в отдельном доме рядом с Лонгвудом, поскольку его жена-англичанка не захотела находиться в излишне тесном соседстве со всеми обитателями Лонгвуда. Остаются Маршан и Монтолон».

Маршан *или* Монтолон? Здесь сразу все становится ясно – достаточно сравнить личные досье на того и другого, сохранившиеся в разных источниках. Маршан, по его собственным воспоминаниям и отзывам всех компаньонов Наполеона на Святой Елене, а также по данным исторических исследований, до последних дней императора был его преданнейшим слугой и оставался верен ему всю свою оставшуюся, очень долгую (до 1876 г.) жизнь. В 1840 г. он вместе с Бертраном примет участие в экспедиции на Святую Елену, чтобы доставить оттуда прах Наполеона в Париж. Луи-Жозеф Маршан – вне подозрений.

---

[1] См. протоколы аутопсии (вскрытия тела Наполеона) от 6 мая 1821 г. в кн.: Маршан Л.-Ж. Цит. соч. С. 780–782.

[2] Подробно см.: Вейдер Б. Наполеон. Триумф... С. 257–261; он же. Тайна смерти Наполеона. С. 23–24; Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 306–307; Мартино Ж. Цит. соч. С. 44–45.

А вот Монтолон... Он никогда не был близок к Наполеону: в 1809 г. он стал камергером Жозефины, затем – посланником в Вюрцбурге, но, вопреки запрету Наполеона, женился на дважды разведенной Альбине Роже и был уволен с дипломатической службы. В 1814 г., когда войска шестой коалиции вторглись во Францию, Монтолон, дослужившийся к тому времени лишь до полковника, командовал отрядами волонтеров на Луаре и сразу начал проситься к Бурбонам, козыряя своими родственными связями. Дело в том, что его отчим маркиз Ш.-Л. Семонвиль[1], изловчившийся занимать высокие чиновничьи посты при всех режимах от Людовика XVI до Луи-Филиппа, был личным другом и агентом всемогущего графа Карла д'Артуа. По его ходатайству Монтолон был произведен Людовиком XVIII в генералы (когда Наполеон томился на Эльбе). Возможно, на радостях по такому случаю Монтолон незаконно присвоил себе 6 тыс. франков из армейской казны, но избежал наказания благодаря заступничеству графа д'Артуа.

Когда же Наполеон вернулся к власти после Эльбы, Монтолон вновь поступил к нему на службу в качестве камергера и... последовал за ним на остров Святой Елены. Почему? Стен Форсхувуд так ответил на этот вопрос: «Монтолону было приказано войти в доверие к Наполеону и сопровождать его на Святую Елену, чтобы отравить его там. Этот приказ мог исходить только от графа д'Артуа, уже столько раз выступавшего организатором покушений на жизнь императора. Почему Монтолон согласился выполнять такое ужасающее поручение? Думаю, граф д'Артуа передал Монтолону, без сомнения через его отчима, что, если тот откажется, его бросят в тюрьму за кражу солдатского жалованья»[2].

Здесь я напомню читателю, что английские власти разрешили Наполеону взять с собой на остров Святой Елены из пяти генералов, бывших при нем в Рошфоре (Савари, Лаллеман, Бертран, Гурго и Монтолон), только троих, причем исключив персонально Савари и Лаллемана. «Простой здравый смысл, – рассуждает по этому поводу Бен Вейдер, – подсказывает, что если англичане настаивали только на трех генералах, исключив Савари и Лаллемана, то это для того, чтобы остался Монтолон. Действительно, если бы Наполеон мог выбирать сам, совершенно очевидно, что единственный, у кого не было ни единого шанса, – это Монтолон, которого император едва знал и на кого у него были причины гневаться, тогда как с четырьмя остальными его связывали давние и прочные отношения. Очевидно,

[1] См. о нем: Dictionnaire Napoléon. Fayard, 1999. T. 2. P. 340–341, 754.
[2] Вейдер Б., Хэпгуд Д. Цит. соч. С. 307.

что такое решение было принято по просьбе Людовика XVIII и графа д'Артуа»[1].

Поручение отравить Наполеона Монтолон выполнил классически, имея при себе нечто вроде «наставления по идеальному отравлению». То была книга, которую однажды, 11 июля 1816 г., увидел в руках у жены Монтолона генерал Гурго, – «История маркизы де Бренвилье». Вот что пишет об этой книге и ее героине Бен Вейдер: «Мари-Мадлен д'Обре, маркиза де Бренвилье, была самой знаменитой преступницей века Людовика XIV. Она была осуждена за отравление мышьяком многих людей, в том числе своего отца и двух братьев, и казнена на Гревской площади в Париже 16 июля 1676 года – ей отрубили голову топором, а тело ее сожгли. Перед смертью маркиза подробно исповедалась в своих преступлениях. Вышеупомянутая книга, состоящая из признаний маркизы и ее двух сообщников, во всех деталях описывает способ постепенного умерщвления без опасности быть обнаруженным»[2].

Монтолон добровольно взял на себя в Лонгвуде обязанности виночерпия и единолично контролировал подачу вина императору. Поэтому он мог легко, с учетом рекомендаций маркизы де Бренвилье, выполнить задание, не форсируя, но и не слишком его затягивая, поскольку он более чем кто-либо (после удаления Лас-Каза, т. е. с декабря 1816 г.) проводил времени возле Наполеона, особенно в те дни, когда умирающий император диктовал свое завещание, именно Монтолону выделена в завещании самая крупная денежная награда. Выходит, 2 млн франков вознаграждения за убийство Наполеона убийца получил от своей жертвы...

Исследования С. Форсхувуда и Б. Вейдера ставят крест на легендах о возможном побеге Наполеона из «логова сатаны» и подтверждают тот непреложный факт, что Наполеон действительно умер в этом «логове». Конец его жизни как бы повторил ее начало: рожденный на скалах полудикого острова в сердце Европы, он и ушел из жизни на скалах острова, но неизмеримо более дикого и дальнего, за тридевять земель от родины.

---

[1] Вейдер Б. Тайна смерти Наполеона. С. 46–47.

[2] Он же. Наполеон. Триумф... С. 259–260.

Глава VIII
ЭПИЛОГ

Я создал мой век сам для себя, так же как и я был создан для него.

Наполеон

Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

А. С. Пушкин

1. Последнее новоселье

Именно так – «Последнее новоселье» – назвал М. Ю. Лермонтов свой поэтический отклик на перенесение праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж. Такое *новоселье* было исторически неизбежным, но ждать (и добиваться) его пришлось почти 20 лет.

Известие о смерти Наполеона произвело на современников в разных концах мира сильнейшее впечатление. Классик итальянской литературы Алессандро Мандзони написал знаменитую «Оду 5 мая» с такими строками:

Его не стало. Замерло
Беспамятное тело,
Едва душа с дыханием
Последним отлетела,
И замер мир, известием
Внезапным потрясен[1].

[1] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. Человек, изменивший лицо Европы. М., 2001. С. 252.

А в России А. С. Пушкин откликнулся на это известие стихотворением «Наполеон». Вот его первые строки:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век[1].

Друг Пушкина П. А. Вяземский в 1826 г. засвидетельствовал: «Смерть Наполеона оставила в современной истории бездну пустоты»[2]. Спустя почти 40 лет Виктор Гюго так вспоминал о 20–30-х годах: «С исчезновением Наполеона долгое время ощущалась какая-то огромная, зияющая пустота»[3]. И. В. Гёте в беседе со своим секретарем И. П. Эккерманом 11 марта 1828 г. объяснял это ощущение невосполнимостью понесенной утраты. «Его жизнь, – говорил он в тот день о Наполеоне, – была шествием полубога <...>. О нем смело можно сказать, что судьба его стала такой блистательной, какой до него мир не знал, да и после него вряд ли узнает»[4].

Разумеется, пока во Франции царили Бурбоны (опираясь при этом на Священный союз феодальных монархий), о перезахоронении праха Наполеона в Париже, как бы ни стремилось к тому большинство французов, не могло быть и речи. Но в 1824 г. «сгнил на своем троне» (по выражению Генриха Гейне) Людовик XVIII, затем грянула Июльская революция 1830 г., в результате которой был сброшен с трона и выдворен из Франции последний Бурбон – Карл X (бывший граф д'Артуа), которого вновь, как и после революции 1789 г., приютила у себя Англия. Теперь культ Наполеона во Франции обрел былую свободу и силу. «Широкая общественность, – пишет об этом Андре Кастело, – с восторгом превозносила гений и славу императора. Пьесы, посвященные ему, с 1830 г. посыпались как из рога изобилия и шли триумфально»[5]. А в 1833 г. король Луи-Филипп (сын герцога Орлеанского)[6], учитывая растущее влияние

---

[1] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 1. С. 269.

[2] Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 135.

[3] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 6. С. 404.

[4] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 549.

[5] Кастело А. Наполеон. М., 2004. С. 674.

[6] Луи-Филипп (1773–1850) – бывший герцог Шартрский. В 1792 г. вместе с отцом отрекся от герцогского титула и принял фамилию Эгалите (Egalité – равенство). Сражался в составе революционных войск Франции при Вальми и Жемаппе, но в 1793 г. с изменником Ш. Ф. Дюмурье бежал за границу, а его отец, причастный к той же измене, был казнен.

бонапартистов, повелел восстановить статую Наполеона на Вандомской колонне.

Восьмидесятилетняя «мама Летиция», доживавшая свои последние годы в Риме, уже ослепшая и наполовину парализованная, сидела в кресле, повернувшись (как обычно ее усаживала прислуга) лицом к бюсту Наполеона, когда вошел к ней младший из ее сыновей Жером и, волнуясь, сказал: «Статуя императора будет восстановлена на Вандомской колонне!» Летиция неожиданно для сына поднялась с кресла, словно ее паралич отступил перед такой вестью. Сжимая руку Жерома, она прошептала: «Вот и вернулся император в Париж...»[1] Да, но пока только в виде статуи.

Общенациональную кампанию во Франции за возвращение на родину останков императора начал генерал Ж. М. Ламарк – верный соратник Наполеона и участник Июльской революции. Он выступил в Палате депутатов с призывом: «Пусть возвратится в гробу тот, который под радостные возгласы французов столько раз возвращался на триумфальной колеснице победы!»[2] Этот призыв поддержали и депутаты, и журналисты, общественные, а также биржевые деятели. Ламарк 1 июня 1832 г. умер, но его инициативу подхватил министр внутренних дел (будущий премьер-министр и президент Франции, знаменитый ученый-историк) Адольф Тьер.

Именно Тьер стал первым, по-наполеоновски, давить на короля Луи-Филиппа, так что король в конце концов согласился вытребовать у Англии и перезахоронить прах Наполеона в Париже. 7 мая 1840 г., возглавив к тому времени правительство Франции, Тьер предложил своему послу в Лондоне Франсуа Гизо (как и сам Тьер, знаменитому историку и также будущему премьер-министру) вступить в переговоры по этому вопросу с министром иностранных дел Англии лордом Г. Д. Т. Пальмерстоном. «Не может же Англия сказать всему миру, что она намерена удерживать труп, – подчеркивал при этом Тьер в письме к Гизо. – Даже когда приводят в исполнение смертный приговор, тело казненного обычно возвращают семье»[3]. Пальмерстон охотно согласился на просьбу Гизо и так информировал своего посла в Париже лорда Т. Л. Г. Гренвила, имея в виду национальную рознь между народами Англии и Франции: «Правительство Ее Величества (королевы Виктории. – *Н. Т.*) надеется, что, если подобные чувства существуют до сих пор, они будут погребены в могиле, в которую опустят останки Наполеона»[4].

---

[1] Кастело А. Наполеон. С. 674.; Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 573.

[2] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 675.

[3] Там же.

[4] Цит. по: Таньшина Н. П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 185.

Уже 12 мая 1840 г. в Париже министр внутренних дел Ф. М. Ш. Ремюза привел Палату депутатов в радостный шок следующим объявлением: «Господа! Король приказал его королевскому высочеству, монсеньору принцу де Жуанвилю[1] отправиться со своим фрегатом к острову Святой Елены, чтобы забрать и доставить сюда останки императора Наполеона»[2]. Разумеется, не все французы радовались долгожданному свиданию с прахом Наполеона. Были и такие, как, например, авторитетный в то время литератор Шарль Огюстен Сент-Бёв, который публично ерничал: «Эти кости Наполеона, которые нам возвращают, по сути дела, пригодны лишь для игры в бабки»[3]. Но их единичные голоса тонули в радостном хоре большинства нации.

Трибун Палаты депутатов, еще один историк и поэт Альфонс Ламартин требовал послать за останками Наполеона целую эскадру и выделить для нее кредит в 2 млн франков. Но и депутаты, и министры сошлись на том, чтобы снарядить два корабля: фрегат под вычурным названием «Прекрасная курица» (Belle Poule) и корвет «Фаворит» – с кредитом на экспедицию к Святой Елене в 1 млн франков[4].

Возглавил экспедицию принц де Жуанвиль, но ее деловым распорядителем был назначен граф Филипп де Роган-Шабо, репутация которого как «большого друга Англии» здесь пришлась очень кстати. Из той свиты и прислуги, которая разделяла с Наполеоном его изгнание, приняли участие в экспедиции гофмаршал А. Г. Бертран со своим, уже взрослым, сыном Артуром, генерал Г. Гурго, сын к тому времени немощного и слепого графа Лас-Каза Эммануэль Лас-Каз, камердинер с титулом графа Л.-Ж. Маршан и еще пятеро слуг императора: Л. Сен-Дени, А. Аршамбо, Новерраз, Пьеррон, Курсо. Читатель видит, что в этом перечне нет Монтолона. Он был тогда жив-здоров, но единственный из живых и здоровых компаньонов Наполеона на Святой Елене не поплыл туда за останками императора. Есть данные, что он был тогда увлечен авантюрными планами Луи-Наполеона (будущего Наполеона III), а по версии С. Форсхувуда, мог опасаться его разоблачения как убийцы при эксгумации тела императора: ведь он знал, что мышьяк «является смертельным ядом, но в то же время предохраняет живые ткани от разложения»[5].

---

[1] Принц Франц-Фердинанд-Филипп-Луи-Мария де Жуанвиль (род. 1818 г.) – третий сын короля Луи-Филиппа

[2] Кастело А. Цит. соч. С. 676.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 677.

[5] Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992. С. 343.

7 июля 1840 г. «Бель Пуль» и «Фаворит» отплыли из Тулона и ровно через три месяца, 7 октября, бросили якоря на рейде острова Святой Елены. В первые дни по прибытии на остров французские паломники нанесли визит губернатору лорду Миддлмору, который торжественно обещал передать им прах императора 15 октября, а затем осмотрели бывшее жилище Наполеона и его могилу. Когда они прошли в покои, где император испустил последний вздох, им стало не по себе от мерзости запустения. «Нет больше камина, комнату превратили в мельницу, для чего разобрали потолок. Две знаменитые его маленькие комнаты – кабинет и спальня – превращены в конюшню. Кормушка стоит на месте его бывшего рабочего стола. Французы не смогли сдержать ни своего негодования, ни своих слез. Английские офицеры, чувствуя себя неловко, стыдливо отводили в сторону глаза»[1].

Что касается могилы, то надгробный камень был окружен решеткой, доставленной сюда из бывших покоев Наполеона. Маршан невольно вспомнил при этом, как император говорил, трогая рукой ее острые концы: «Вот она, моя клетка...»

В ночь с 14 на 15 октября двенадцать солдат английского гарнизона в присутствии дрожавших от волнения соратников и слуг императора начали эксгумацию его тела[2]. Они искусно и осторожно вскрыли все четыре гроба, и в четвертом из них все собравшиеся у могилы увидели потрясшую их картину: император лежал перед ними как живой, теперь 66-летний Бертран и 57-летний Гурго в сравнении с ним казались такими стариками! Присутствовавший при эксгумации аббат Кокро вспоминал: Мы увидели, что тело императора было как у человека, умершего накануне. Что же делала смерть эти двадцать лет?.. Двадцать лет смерть щадила его останки!»[3] А вот свидетельство Э. Лас-Каза (сына): «При виде того, что свершила смерть, хотя, несмотря на время, ее свершение было внешне так похоже на жизнь, нами овладело чувство, которое невозможно выразить словами. Оно было еще сильнее от того, что увиденное было неожиданным <...>. У генерала Бертрана было такое выражение, будто он сейчас устремится вперед. Многие судорожно рыдали. Остальные стояли печальные, с влажными глазами»[4].

Гроб с телом Наполеона вновь запаяли еще в три гроба, а затем все четыре поместили в громадный (весом – с гробами! – больше

---

[1] Кастело А. Цит. соч. С. 679.

[2] Подробно об этом см. воспоминания Э. Лас-Каза (сына), цит. по: Вейдер Б. Тайна смерти Наполеона. М., 2002. С. 261–269.

[3] Там же. С. 268.

[4] Там же.

1000 кг) саркофаг, который изготовил в Париже «бывший офицер, фанатик Великой армии, ставший мебельным фабрикантом»[1]. К вечеру 15 октября саркофаг подняли на борт фрегата «Бель Пуль». «Прошло ровно 25 лет, день в день, – отмечает Андре Кастело, – с того момента, когда "Нортумберленд" с Наполеоном на борту бросил якорь перед островом Святой Елены». Теперь «Прекрасная курица» подняла якорь у Святой Елены и, храня на борту прах Наполеона, отправилась в обратный путь к берегам Франции.

Вся Франция ждала в те месяцы возвращения останков Наполеона на родину. Среди тех, кто ждал с особенным нетерпением, оставались в живых (очень немногие) члены семьи императора и его боевые соратники[2]. Ушли из жизни к 1840 г. все три его сестры: первой, еще в 1820 г., – Элиза, за ней, в 1825 г., – Полина (похоронена в знаменитом римском соборе Санта-Мария-Маджоре между двумя папами) и в 1839 г. – Каролина. «Мама Летиция», которая после смерти Элизы одевалась только в черные платья, дожила до 1836 г. Она умерла и была похоронена в Риме, но в 1851 г. ее перезахоронили (вместе с братом, кардиналом Ж. Фешем, скончавшимся в 1839 г.) на Корсике, в кафедральном соборе Аяччо.

Из четырех братьев Наполеона не дожил (несколько месяцев!) до возвращения его тела в Париж только Люсьен. Но никто из трех, еще живых, не смог присутствовать на торжественном перезахоронении императора. Жозеф, который с 1815 по 1832 г. жил – богато и с почетом – в Америке (приобрел имение Пойнт Бриз в Нью-Джерси, дружески общался с президентом США Д. К. Адамсом и государственными секретарями Г. Клеем и Д. Вебстером), вернулся в Европу и прожил три года в Англии, а затем перекочевал во Флоренцию. Там в 1840 г. он перенес кровоизлияние в мозг, после чего оставался немощным инвалидом до смерти в 1844 г. Во Флоренции доживал свой век и прикованный к инвалидной коляске Людовик (умер в 1846 г.). Только Жером еще сохранял здоровье, но, овдовев в 1835 г., он бедствовал в той же Флоренции. Воспрянет он с приходом к власти во Франции (в 1848 г.) Наполеона III, от которого получит звание маршала, высокие должности и оклады и будет с почестями похоронен в 1860 г.

Не дожили до «последнего новоселья» Наполеона ни пасынок его, ни падчерица: Евгений Богарне умер в Баварии в 1824 г., Гортензия – в Швейцарии в 1837. Даже единственный законнорож-

---

[1] Кастело А. Цит. соч. С. 678–681.

[2] Подробно об их судьбе см.: Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995. С. 356–374; Иванов А. Ю. Двенадцать Бонапартов. М., 2006. С. 280–291.

денный сын императора, его *Орленок*, вошедший в историю как Наполеон II, которому в 1840 г. и было бы всего лишь 29 лет, расстался с жизнью еще в 1832 г. Узнав о смерти отца, Орленок горько его оплакивал, а на 22-м году жизни, именуясь уже по-австрийски герцогом Рейхштадтским, надломленный борьбой своего французского начала с австрийским воспитанием, умер в Шёнбрунне от чахотки. Последние слова, которые он прошептал Марии-Луизе перед смертью, были: «Прощай!.. Я иду к отцу...»[1] Его похоронили как члена семьи Габсбургов в Венском капуцинском склепе, не допуская и мысли о том, что ему тоже, как и его отцу, предстоит еще одно, последнее «новоселье».

Зато мать Орленка Мария-Луиза и слышать не хотела об Орле. Она отказалась принять сердце Наполеона, которое он завещал передать ей после его смерти. «Мое единственное желание, – написала она Францу I, – состоит в том, чтобы его сердце осталось с ним в могиле». Правда, Мария-Луиза (теперь уже «мадам Нейперг») приняла от Ф. Антомарки первый оттиск посмертной маски Наполеона, но «потом она отдаст ее детям интенданта своего двора, которые привяжут к ней веревочку и будут играть с его последним ликом»[2].

Итак, фрегат «Бель Пуль» с гробом Наполеона, отплыв 15 октября 1840 г. из гавани острова Святой Елены, 30 ноября прибыл в порт Шербур на севере Франции. Здесь гроб был перенесен на более комфортабельный фрегат «Нормандия». Туда же перешли все участники экспедиции. В сопровождении двух легких кораблей «Нормандия» пошла по Ла-Маншу вдоль французского берега к устью Сены, и «все прибрежное население сбегалось посмотреть на нее»[3]. Далее, уже по Сене, от Гавра к Парижу саркофаг с гробом императора был доставлен на специально оборудованном судне-катафалке.

Торжественный церемониал захоронения останков Наполеона начался утром 15 декабря в Соборе Дома Инвалидов по сигналу из декоративной пушки. «Скоро весь Париж был на ногах, – вспоминал Лас-Каз (сын). – Люди шли от всех застав, от всех улиц, от Нейи и от Булонского леса... Это был праздник, огромное стечение народа, энтузиазм, равный которому едва ли отыщется в истории»[4]. Как не вспомнить здесь строки из «Последнего новоселья» Лермонтова:

---

[1] Лепеллетье Э. Сын Наполеона. Ростов н/Д., 1999. С. 312.
[2] Кастело А. Цит. соч. С. 673; Сьюард Д. Указ. соч. С. 368.
[3] Вейдер Б. Тайна смерти Наполеона. С. 276.
[4] Там же. С. 279.

И возвратился он на родину; безумно
Как прежде, вкруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут[1].

В церемонии захоронения приняли участие четыре маршала – Н. Ж. Сульт, А. Ж. Монсей, Н. Ш. Удино и Э. Груши – все оставшиеся в живых из 26 маршалов Наполеона, кроме уклонившегося роялиста В. К. Виктора, а также восседавшего на королевском троне в Швеции Ж. Б. Бернадота и предателя О. Ф. Мармона. После неудачной попытки спасти Бурбонов в 1830 г. Мармон был изгнан из Франции и всю оставшуюся жизнь промаялся на чужбине, хотя жил еще долго: умер 2 марта 1852 г. последним из наполеоновских маршалов.

Когда траурная процессия во главе с принцем Жуанвилем направлялась вдоль Елисейских полей к Собору Дома Инвалидов, ее приветствовали несметные толпы народа. По свидетельствам очевидцев, «люди стояли в десять рядов, все балконы и деревья (!) были заполнены ими»; «воздух сотрясался сотнями тысяч возгласов "Да здравствует император!", и, хотя принца Жуанвиля принимали тепло, ни разу не раздалось: "Да здравствует король!"»[2].

У Собора процессию встретил король Луи-Филипп. Принц Жуанвиль обратился к нему, салютуя шпагой: «Сир! Я передаю вам тело императора Наполеона». – «От имени Франции я принимаю его», – ответил король.

В этот момент управляющий Домом Инвалидов 87-летний маршал Монсей «попросил поднести его в кресле поближе к гробу Наполеона. Он уже восемь дней упрашивал своего врача: "Доктор, дайте мне еще пожить немного. Я хочу достойно встретить императора!" Теперь маршал, сидя у гроба, выслушал "Реквием" Моцарта – "высший плач, песнь скорби и триумфа", – а потом прошептал: "Ну все, пошли умирать..."»[3] (он проживет еще почти полтора года).

Сегодня гробница Наполеона в Соборе Дома Инвалидов – одна из главных достопримечательностей Парижа. Здесь всегда много туристов из разных стран. Им есть на что посмотреть: в часовне прямо под золоченым куполом Собора на постаменте из зеленого гранита Вогезов стоит саркофаг из красного порфира. Этот порфир подарил французскому народу для гробницы Наполеона император России Николай I (брат Александра I). Прах Наполеона замурован в шести

[1] Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 517.
[2] Цит. по: Вейдер Б. Тайна смерти Наполеона. С. 284–285.
[3] Там же. С. 281–282; Кастело А. Цит. соч. С. 684.

гробах, уложенных друг в друга: первый – из жести, второй – из красного дерева, третий и четвертый – из свинца, пятый – из эбенового дерева и шестой – из дуба. По обе стороны саркофага – две капеллы: у восточной из них – надгробие Жозефа, у западной – Жерома Бонапартов. Перед входом в часовню – еще две гробницы: двух гофмаршалов императора – М. Ж. К. Дюрока и А. Г. Бертрана. А рядом с саркофагом Наполеона покоится его сын, Орленок.

Да, 15 декабря 1940 г., ровно через 100 лет (день в день!) после захоронения останков самого Наполеона, из Вены был доставлен в Париж и перезахоронен в Соборе Дома Инвалидов прах его сына. Хорошо сказал об этом Андре Кастело: «Орленок вернулся домой к Орлу»[1].

2. Суд истории

Наполеон испытал переизбыток и восхвалений, и хулы современников, но вопреки всему верил в справедливость *суда истории* над ним самим и над его деяниями. «Я не боюсь за свою репутацию, – говорил он в изгнании на скале Святой Елены. – Последующие поколения воздадут мне должное»[2]. Так и вышло.

Главную историческую заслугу Наполеона очень точно определил его российский биограф Н. А. Соловьев: рожденный «революционным хаосом», он «необычайной мощью своего всеобъемлющего гения упорядочил этот хаос»[3]. Действительно, усмирив революцию, Наполеон сохранил и облек в правовые нормы все ее важнейшие завоевания: отмену феодальной кабалы, свободу развития капиталистического производства, гражданское равенство населения. Более того, он распространял эти завоевания из Франции по всей Европе. Вторгаясь в чужие страны, Наполеон уничтожал в них феодальную рухлядь – разрушал средневековые режимы, отменял дворянские и церковные привилегии, упразднял инквизицию, освобождал крестьян от цепей крепостничества, вводил свой Гражданский кодекс (Code Napoléon), который, кстати, остается доныне «основой частного права почти для 300 млн человек по всему миру»[4].

М. Ю. Лермонтов на вопрос о том, что сделал Наполеон «для вселенной», ответил так: «В десять лет он подвинул нас целым веком

---

[1] Кастело А. Сын Наполеона. Биография. М., 2007. С. 388.
[2] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 157.
[3] Соловьев Н. А. Юность Наполеона и начало его карьеры. М., 1912. С. 5.
[4] Дюфрес Р. Наполеон. М., 2003. С. 179.

вперед»[1]. Опережая свое время на полтора столетия, Наполеон шел к европейской интеграции (которую он сам контролировал бы под знаменем идей Просвещения). О будущей единой Европе он говорил как о «прекрасной мечте цивилизации»: «Всюду единство законов <...> Общеевропейский кодекс (разумеется, Code Napoléon! – *Н. Т.*), общеевропейский суд, одна монета, один вес, одна мера <...>. Вся Европа – одна семья, чтобы всякий европеец, путешествуя по ней, был бы везде дома»[2]. На этом пути Наполеон достиг недосягаемых до него высот и «споткнулся, – по выражению Аркадия Аверченко, – только тогда, когда дальше идти было некуда»[3]. Не зря в 1932 г. знаменитый англичанин (историк, романист, поэт, эссеист) Хилэри Беллок заявил: «Если Европа в итоге объединится, то этому, несмотря ни на что, мы будем обязаны Наполеону»[4].

Трагедия Наполеона заключалась в том, что свои передовые идеи, законы и установления он навязывал отсталым народам силой. В результате, он «додразнил другие народы до дикого отпора, и они стали отчаянно драться за свои рабства и за своих господ»[5]. Покорив Европу и облагодетельствовав ее (как ему казалось) своими преобразованиями, он восстановил ее против себя. «Ужасная дубина, которую он один мог поднять, упала, наконец, на его собственную голову», – так сказала об этом Жермена де Сталь[6]. С 1808 г., когда Наполеон был вынужден бороться с феодальными коалициями одной рукой (другая была занята в Испании), и особенно с 1812 г., когда в снегах России погибла его Великая армия, он был исторически обречен. Совершенно прав академик Е. В. Тарле: «В его исторической судьбе удивительно вовсе не то, что он в конце концов погиб, но что он мог столько времени продержаться в том безмерном величии, которое он для себя создал»[7].

Оригинально объяснил главную причину падения Наполеона великий Оноре де Бальзак словами одного из героев своего романа «Сельский врач»: «Он больше, чем человек, – тяжел он был для земли, и земля разверзлась перед ним, вот и все»[8].

---

[1] Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 15.

[2] Лас-Каз Э. Мемориал Святой Елены. М., 2010. Кн. 2. С. 471–472; Las-Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 3. P. 298; T. 4. P. 153, 211.

[3] Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». Л., 1990. С. 214.

[4] Беллок Х. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 6.

[5] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 245.

[6] Мемуары г-жи де Ремюза. М., 1912. Т. 1. С. 254.

[7] Тарле Е. В. Предисловие // Наполеон. Избр. произведения. М., 1941. Т. 1. С. V.

[8] Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 17. С. 55.

«И стало, наконец, вселенной / Невмоготу носить тебя», – перекликался с Бальзаком, обращаясь к Наполеону уже в следующем столетии, классик русской поэзии Валерий Брюсов[1].

Критики (развенчатели и ниспровергатели) Наполеона обычно стараются представить его всего лишь выразителем и даже простым исполнителем воли буржуазных верхов, финансовой олигархии. Отчасти к такому мнению склонялся Е. В. Тарле, утверждая, что «интересы крупной буржуазии Наполеон ставил, конечно, во главу угла всей своей внутренней и внешней политики». Однако при этом Евгений Викторович сделал оговорку, которая существенно меняла смысл только что сказанного: «...вместе с тем он стремился самую буржуазию подчинить своей воле»[2]. Вспомним, как расправился император с олигархом номер один во Франции, «финансовым Наполеоном» Увраром, взыскав с его компании 87 млн франков за жульнические сделки в ущерб государству, а самого Уврара засадив в тюрьму! О. В. Соколов, корректируя точку зрения Тарле, справедливо рассудил: «...государство Наполеона было, без сомнения, самой настоящей монархией, но “монархией новой”, которую простой народ поддерживал безоговорочно». «“Бурбоны были королями дворян, а я был королем народа”, – так коротко резюмировал сам император эти чувства простых людей Франции»[3]. Доминик Вильпен находит для Наполеона удачное определение: «основатель режима республиканской монархии»[4] (собственно, нашел он это определение у самого Наполеона, который долгое время называл себя именно *императором Республики*).

Теперь самое время подчеркнуть красноречивейший факт, который не могут оспорить никакие развенчатели и ниспровергатели: в «республиканской монархии» Наполеона не было массовых политических репрессий. Да, он властвовал в собственной стране и почти на всем европейском континенте диктаторски (не зря же сам признавался: «моя любовница – власть»), но к политическим репрессиям – кроме тех редких случаев, когда имел дело с покушениями на его жизнь, – не прибегал. Можно ли отыскать в мировой истории другого диктатора, который прощал бы, сохраняя им жизнь, и терпел бы возле себя таких иуд, как Талейран и Фуше? Конечно, нет. Сулла и Чингисхан, Тамерлан и Гитлер, Иван Грозный и Сталин ни простить, ни стерпеть чего-либо подобного не могли.

---

[1] Брюсов В. Я. Избр. соч. М., 1980. С. 86.
[2] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 285.
[3] Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 510.
[4] Вильпен Д., де. Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003. С. 626.

Наиболее распространенным и во все времена модным вот уже больше двухсот лет остается обвинение Наполеона – как «убийцы миллионов» – в агрессивности, в развязывании кровопролитных войн, которые так и называются *наполеоновскими*. Однако надо иметь в виду, что т. н. наполеоновские войны – это, как выразился Д. С. Мережковский в 1929 г., «детская игра» по сравнению с Первой мировой и гражданской войнами в России[1] (а тем более со Второй мировой войной) по размаху и человеческим жертвам. О. В. Соколов на основании данных из самых разных источников вычислил, что за 15 лет наполеоновского правления Франция потеряла во всех войнах «около 900 тыс. человек (включая иностранных подданных империи – этнических немцев, итальянцев, бельгийцев и голландцев), из которых не более 150–200 тыс. пали на поле боя и умерли от ран; остальные погибли из-за болезней и лишений в госпиталях и на дорогах»[2]. Таким образом, среднегодовые потери населения в наполеоновской Франции составляли меньше 50 тыс. человек (без учета иностранцев), или 0,16 % от населения страны, тогда как в годы Первой мировой войны Франция потеряла 10,5 % своего населения – в пересчете на один год около 2,5 %, т. е. в 15 раз больше, чем в наполеоновских войнах[3].

Главное же, на сакраментальный вопрос «кто первым начал?» ту или иную из наполеоновских войн, мне уже приходилось отвечать: из 10 войн с феодальными коалициями, которые Наполеон провел как глава государства с 1800 по 1815 г., только в двух – против Испании в 1808 г. и против России в 1812 г. – он был зачинщиком. Нескончаемые попытки официозных историков царской, советской и постсоветской России оправдать войны феодальных монархий против Наполеона, возвести их в разряд *освободительных*[4] сегодня выглядят анахронизмом. Еще в XIX–XX вв. авторитетнейшие исследователи из разных стран на основе неоспоримых фактов и документов вскрыли истинный, агрессивный и реакционный – «равно бесчеловечный и безрассудный», по убеждению русского офицера, декабриста А. В. Поджио[5], – смысл всех семи коалиций. Именно в согласии с фактами Е. В. Тарле подчеркивал, что Наполеон стремился очистить Европу от «гнили» феодализма, и не случайно народные массы Франции «в самые критичные моменты» 1814–1815 гг.

---

[1] Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 11.

[2] Соколов О. В. Цит. соч. С. 67.

[3] Там же.

[4] Самый свежий пример такого рода попыток – книга В. М. Безотосного «Наполеоновские войны» (М., 2010).

[5] Поджио А. В. Записки. Письма. Иркутск, 1989. С. 91.

поддерживали его режим, сознавая, что он для них «выгоднее, чем затхлое дворянски-феодальное старье, которое везли к ним фургоны, следовавшие за армиями союзников»[1]. Английский историк Чарльз Исдейл констатирует очевидное: феодальные коалиции, осилив Наполеона, «повернули часы истории назад к 1789 г.», «после 1815 г. наступил период абсолютистской реакции»[2]. Таков же вывод другого авторитетного англичанина Рональда Делдерфилда. «Именно их усилия, – пишет он об Александре I и его партнерах по коалициям 1813–1815 гг., – задержали социальное и политическое развитие Европы на два, а то и на четыре поколения»[3].

Что же получили народы Европы в результате победы феодальных монархов над Наполеоном? Освободив их от наполеоновского диктата, от Кодекса Наполеона, отменявшего крепостное право, инквизицию, социальные барьеры, победители подмяли их под ярмо феодализма с крепостным правом (как в России и ряде германских государств), инквизицией (в Испании, Португалии, Папской области) и прочими «свободами». Чтобы закрепить и увековечить это ярмо, они и создали Священный союз, инициатором и главой которого стал Александр I – этот, по меткому определению В. О. Ключевского, «караульный часовой чужих престолов против народов»[4]. Союз не только восстановил в Европе старые, дореволюционные, феодальные режимы, но, поскольку они вызвали у народов всеобщее отторжение, взялся давить любые и в любом месте ростки новой антифеодальной революции. Один из столпов Священного союза К. В. Л. Меттерних прямо говорил: «В Европе есть только одна проблема – революция»[5].

Однако решить эту проблему феодальные монархи так и не могли. Реставрация феодальной «гнили» повлекла за собой буквально шквал – затянувшийся более чем на четверть века – восстаний и революций: 1820 г. – в Испании, Португалии, Неаполе; 1821 – в Пьемонте и Греции; 1830 – во Франции, Бельгии, Польше; 1834 – вновь в Испании; 1836 – в Португалии; 1848–1849 гг. – во Франции, Австрии, Пруссии, Венгрии, Саксонии, Бадене, Вюртемберге, Сицилии, Сардинии, Ломбардии, Венеции и др. Добавлю к этому перечню восстание декабристов в России 1825 г.[6] В конечном итоге

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 542, 547.

[2] Исдейл Ч. Наполеоновские войны. Ростов н/Д., 1997. С. 429, 443.

[3] Делдерфилд Р. Закат империи. М., 2002. С. 57.

[4] Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 427. Курсив мой. – *Н. Т.*

[5] Цит. по: Зак Л. А. Монархи против народов. М., 1966. С. 48.

[6] Об этой стороне дела явно не думает В. М. Безотосный, ставящий в заслугу феодальным коалициям тот факт, что с 1815 г. «около 40 лет Европа не

Священный союз политически обанкротился и уже к середине 1830-х годов, что называется, приказал долго жить...

В одном из рубаи великого ученого и поэта раннего Средневековья Омара Хайяма сказано:

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли,
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик: три аршина земли[1].

Можно сказать, что Наполеон и жизнью своей, и смертью опроверг эту максиму. Бессмертными стали его дела, причем не только в памяти народов, но и в реальности их бытия – прошлого, настоящего и будущего (имею в виду не только его Гражданский кодекс, но и современные нормы государственной и военной службы, структуру органов власти, памятники всестороннего благоустройства, образования, валюты, знаков отличия и т. д.). Бессмертна слава Наполеона как «властителя наших дум» (так назвал его Пушкин)[2]. Виктор Гюго справедливо писал о нем в разное время:

Сей странный человек как будто опьянил
Собой историю и славой ослепил <...>
И Тацит бы ослеп, глядя на пламень славы
Твоей, Наполеон![3]

К бессмертной славе Наполеона как универсального гения (правителя, законодателя, полководца, мыслителя) его враги добавили – не подумав об этом заблаговременно! – ореол мученика, что еще более возвысило его в сознании людей. «Моей репутации, – говорил об этом Наполеон, – недоставало только несчастья. Я носил императорскую корону Франции, железную корону Италии, а теперь Англия увенчала меня еще одной, более великой и почетной – той, что носил Спаситель, – терновой»[4]. О терновом венце Наполеона очень выразительно, хотя и с преувеличенным, но понятным, а главное, для большинства людей оправданным пафосом, сказал А. К. Дживелегов:

знала длительных войн» (Отечественная война 1912 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 11). Да и войны России с Ираном 1826–1828 гг. и Турцией 1828–1829 гг. верно ли считать недолгими?

[1] Омар Хайям. Рубаи. Ташкент, 1981. С. 78.

[2] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 13.

[3] Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 82, 169.

[4] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 270.

«У него была своя Голгофа – Святая Елена; у него были свои Иуды без числа, начиная с Талейрана и Бернадота и кончая Мармоном и Ожеро; у него был свой палач, лютый и свирепый, как сорок тысяч палачей испанской инквизиции, – Хадсон Лоу»[1].

Что касается распространенной доныне критики Наполеона (зачастую в формах срамословия и проклятий), то она никогда не теряла и сохраняет теперь две очень характерные для нее специфические особенности. Одну из них подметил еще русский офицер-артиллерист, герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. И. Т. Радожицкий: «...большая часть черни-писателей бранили его без милосердия и лаяли на него, как моська Крылова на слона <...> между тем полководцы, министры и законодатели перенимали у него систему войны, политики и даже форму государственного правления. Он был врагом всех неучей Европы, <...> но он был гений войны и политики; гению подражали, а врага ненавидели»[2]. Другую особенность критических высказываний о Наполеоне, а именно пиетет к личности императора даже при жестком осуждении его идей и деяний особо подчеркнул Генрих Гейне. В свойственной ему саркастической манере он так отозвался о наиболее ярых хулителях Наполеона: «Они поносят его, но всегда с известной почтительностью: когда правою рукою они кидают в него дерьмо, левая тянется к шляпе»[3].

Впрочем, истинно великие умы обычно без оговорок ставили Наполеона как «зиждителя истории» – при всех его плюсах и минусах – на почетное (как правило, на *первое*) место среди великих. Всемирно знаменитый представитель державы, которая устроила для Наполеона на краю света Голгофу, Уинстон Черчилль говорил о нем убежденно: «В мире не было ничего более великого»[4]. А выдающийся немецкий мыслитель (философ, историк, социолог) Освальд Шпенглер в главном из своих трудов «Закат Европы» историко-философски конкретизировал аналогичное мнение: «Жизнь Наполеона была чудовищной работой – не для себя, не для Франции, а для будущего вообще»[5]. Очень показателен и такой малоизвестный факт: «До Мао Цзэ-дуна в Пекине существовала статуя Наполеона,

---

[1] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 122.

[2] Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. М., 1835. Ч. 1. С. 14.

[3] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 9. С. 179.

[4] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. С. 281.

[5] Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 552.

которого все считали божеством. У ног его благоговейно зажигали палочки ладана»[1].

Однажды, на высоте своего величия и могущества, Наполеон сказал близким к нему лицам: «Я хочу, чтобы меня любили 500 миллионов людей»[2]. Теперь его любят, наверное, миллиарды людей, но и ненавидят, пожалуй, миллионы и миллионы – любят и ненавидят, по выражению его современника Алессандро Мандзони, как

Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой!..[3]

Не только грандиозный масштаб личности Наполеона, но и беспримерные круговороты его судьбы привлекают к нему неугасимое и не сопоставимое ни с кем-либо другим из истории всех времен и народов внимание. Тот же А. Мандзони сумел охарактеризовать весь его жизненный путь очень кратко, но обобщенно:

Все испытал он! – счастие,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье! –
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..[4]

Вот почему Наполеон даже спустя почти два столетия после его смерти «продолжает интересовать, притягивать, раздражать; его судьба тревожит воображение и заставляет глубоко задумываться каждое новое поколение»[5]. Можно не сомневаться, что и далее в различных концах мира о Наполеоне будут писать книги, открывать еще не выявленные факты, высказывать противоположные мнения, но думается, *главное* о нем все-таки сказано, и среди самых проникновенных откликов на мученическую смерть императора звучит с 1821 г. голос Александра Сергеевича Пушкина. Вот последние восемь строк из его стихотворения «Наполеон»:

---

[1] Вейдер. Б. Наполеон. Человек, изменивший лицо Европы. С. 253.
[2] Цит. по: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 254.
[3] Цит. рус. перевод: Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 265.
[4] Там же.
[5] Дюфрес Р. Цит. соч. С. 5.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал[1].

[1] Пушкин А. С. Собр соч.: В 10 т. Т. 1. С. 272.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА – Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ РО – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
СПб ИРИ РАН – Санкт-Петербургский Институт Российской истории РАН
ВПР – Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. I (1801–1815 гг.). М., 1960–1967. Т. 1–6
ВУА – Материалы Военно-учетного архива Главного штаба. СПб., 1900–1914. Т. 1–22
МО ИРВИО – Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества
РИО – Сборник Русского исторического общества
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абель Л. Э. (Abell L. E.) 477
Абрантес (Пермон) Л. А. 15, 38, 91, 103, 118, 119, 122, 124, 128, 145, 164, 251, 269
Август Октавиан 38
Аверченко А. Т. 264, 523
Агамемнон 272, 324, 325
Адамс Д. К. 519
Алданов М. А. 102, 505
Александр Македонский 105, 497
Александр Невский 317
Александр I 17, 19, 22–26, 38, 43, 44, 46–48, 50–53, 59, 60, 62, 70, 74–77, 80, 90, 93–102, 104, 106, 110, 118, 123, 127, 138, 145–154, 157, 158, 166, 167, 178–180, 183–185, 187–190, 194, 196, 197, 199–202, 204, 205, 207–209, 211–217, 222–228, 230, 231, 236, 237, 240, 245–249, 251, 261, 262, 264, 266, 270–272, 275–280, 282–290, 292, 298–300, 307–311, 314–318, 321, 322, 324–326, 337, 338, 348, 352, 354, 355, 357, 358, 383, 385, 387, 388, 401, 406, 407, 409, 420, 450, 454, 458, 459, 460, 471, 485, 490, 495, 496, 508, 509, 521, 526
Александр Фридрих Вюртембергский 25, 200
Алексеев М. П. 266
Алкивиад 64
Алопеус Д. М. 22, 311
Алопеус М. М. 22
Алькье Ш. 58
Андреев Н. И. 217
Андрианова И. А. 47
Анна Павловна, вел. кн. 184, 185, 237, 352, 355
Аното Ж. 496
Анрион К. 304, 416
Антомарки Ф. К. (Antommarchi F.) 469, 473, 479, 486, 499, 500, 502–504, 520
Антрег Э. Л. 25
Араго Д. Ф. 19
Арагон Л. М. 133, 457
Аракчеев А. А. 26, 119, 197, 216, 226, 227, 228, 246, 268, 271
Арле Л. 416
Армфельд Г. М. 25, 509
Арнольди К. К. 222
Арнотт А. 500, 503
Аррига Ж. Т. 302
Арричи Ж. Ф. 338
Артуа К. Ф. 347, 348, 352, 374, 375, 457, 512, 513, 515
Архангельский А. Н. 20
Архипова Э. 82
Аршамбо А. 445, 475, 503, 504, 517
Аршамбо Ж. 445
Аттила 10, 105, 204, 240, 270, 275, 354, 389, 390
Ауэрсперг Ф. К. 40
Ахиллес 165

Бабеф Ж. Н. (Гракх) 109
Багговут К. Ф. 200
Багратион (Скавронская) Е. П. 354, 358
Багратион П. И. 26, 41, 42, 46, 47, 51, 200, 206–209, 212, 214–218, 222, 226–229, 231, 232, 233, 308

Байрон Д. Г. 146, 245, 266, 286, 289, 330, 367, 368, 373, 393, 419, 420, 485, 506
Балашов А. Д. 212, 213, 216, 246
Бальбиани Л. 335
Бальзак О. 274, 275, 367, 523, 524
Бальмен А. А. 467, 470, 471, 505
Банбери Г. 444, 445
Бантыш-Каменский Д. Н. 42
Барбе-Марбуа Ф. 126
Барклай де Толли М. Б.. 191, 197, 200, 201, 206–212, 214–216, 218, 219, 222, 223, 226, 227–231, 237, 276, 279, 282, 289, 292, 317, 402, 405, 470
Батеньков Г. С. 305
Батюшков К. Н. 229
Безотосный В. М. 20, 195, 198, 525, 526
Бейрд Д. 141
Беккер Н. Л. 432, 434–436, 442
Белинский В. Г. 120, 183, 241
Беллок Х. 12, 16, 64, 68, 92, 132, 135, 136, 167, 287, 290, 313, 315, 316, 360, 501, 523
Бельведер Х. 138
Беннигсен Л. Л. 33, 38, 43, 44, 74, 77, 78, 79, 80, 81, 89–95, 102, 116, 200, 211, 227, 237, 260, 285, 286, 288, 292, 302
Беранже П. Ж. 317, 347, 385
Бернадот Ж. Б., он же — Карл XIV Юхан 7, 32, 48, 51, 63, 64, 66–68, 117, 121, 129, 167, 174, 177, 196, 198, 199, 200, 205, 211, 283, 285, 286, 288, 302, 325, 351, 398, 410, 492, 494, 521, 528
Бернотти 341, 344
Бернсторф Э. 358
Бертолле К. Л. 111
Бертран А. Г. 329, 330, 334, 335, 341, 343, 359, 369, 431, 432, 435, 445, 446, 448, 463, 464, 469, 471, 473, 478, 480, 481, 499, 502, 503, 505, 506, 511, 512, 517, 518, 522
Бертье Л. А. 6, 7, 31, 60, 62, 102, 117, 121, 128, 149, 170, 174, 186, 205, 247, 254, 261, 268, 304, 319, 382, 397, 403, 411
Бескровный Л. Г. 20, 29, 39, 44, 47, 53, 213, 217, 228, 240, 253, 262, 265
Бессон В. 437
Бессьер Ж. Б. 7, 8, 30, 31, 48, 117, 121, 122, 135, 138, 139, 158, 205, 254, 255, 279, 280, 302, 503
Бетховен Л. 18, 162, 293
Бингэм Д. 481
Биньон Л. П. 189, 190
Бисмарк О. 293
Блакá П. Л. 379
Блейк Х. 135, 138
Блюхер Г. Л. 66, 71, 277, 285, 286, 288, 289, 292, 302, 303, 306, 308, 309, 313, 316, 317, 402, 405–410, 415, 416, 419, 420, 421, 426, 431, 434, 451, 466
Богарне Г. 103, 125, 181, 182, 338, 385, 398, 399, 400, 431, 432, 435, 503, 503, 519
Богарне Е. 13, 17, 103, 125, 144, 167, 181, 182, 189, 205, 258, 259, 261, 264, 267, 278, 295, 319, 325, 328, 338, 353, 294, 486, 503, 519
Богарне Ж. 6, 11, 13–16, 54, 60, 82, 86–88, 93, 97, 100, 112, 124, 125, 147, 151, 157, 175, 176, 181–184, 186, 259, 296, 324, 328, 329, 337, 338, 385, 398,399, 453, 504, 512
Богарне С. 183
Богарне Э. 157, 385, 453
Богданович М. И. 20, 34, 44, 46, 54, 77, 222, 228, 230, 232, 237, 241, 242, 247, 249, 255, 260, 262, 264, 265, 272, 281, 286–289, 291–293, 301, 303, 305–307, 309, 314–318, 322, 323, 325, 326, 388
Богучарский В. Я. 424
Бодэн Арденнский 436
Бодэн Ш. 436, 437, 439, 440
Болговский Д. Н. 252, 253

Боливар С. 18
Бомон 125, 126, 400, 421
Бонапарт Жером 98, 100, 101, 103, 126, 144, 183, 214, 216, 217, 221, 294, 299, 315, 338, 398, 400, 411, 486, 488, 516, 519, 522
Бонапарт Жозеф 7, 13, 16, 32, 58, 67, 103, 109, 118, 121, 122, 126, 132, 134–136, 139, 140, 144, 177, 182, 183, 193, 225, 294, 300, 301, 314, 316, 338, 351, 398, 400, 421, 422, 423, 427, 439, 440, 445, 457, 477, 485, 486, 488, 492, 496, 519, 522
Бонапарт Жюли 122
Бонапарт К. 13, 15, 103, 120, 302, 338, 361, 398, 487, 488, 519
Бонапарт Люд. 7, 13, 103, 126, 181, 299, 338, 432, 451, 488, 519
Бонапарт Люс. 83, 124, 128, 299, 338, 351, 352, 398, 423–428, 427, 488, 519
Бонапарт П. 13, 15, 103, 119, 166, 197, 331, 332, 335, 338, 344, 345, 354, 360, 361, 363, 486, 487, 488, 519
Бонапарт Э. 13, 15, 103, 338, 361, 486, 488, 519
Бонф Ф. К. 437
Боргезе К. 345
Борисов Ю. В. 128, 146, 314, 321, 388, 460
Боссе Л. Ф. 182
Брагин М. Г. 44
Брайе М. С. 374, 375, 376
Брандыс М. 81, 83–89, 175, 327, 328, 341–344, 433
Бретон Ж. Р. 507
Брой А. 394
Брукс М. 507
Брукс Н. 507
Брюн Г. М. 7, 43, 117, 302, 394, 397, 426, 456
Брюсов В. Я. 524
Будберг А. Я. 60, 102
Буксгевден Ф. Ф. 33, 38, 39, 42, 46, 47, 51, 74
Булгаков А. Я. 335
Булгаков К. Я. 335
Буонапарте К. 193
Буонапарте Л. 124, 128, 129, 181, 335, 338, 341, 343, 344, 359–361, 363, 398, 400, 432, 435, 465, 486, 487, 506, 516, 519
Бурбон-Конде Л. А., герцог Энгиенский 19, 22, 25, 103, 147, 156, 379, 384, 432, 496, 498
Бурбоны 6, 7, 57, 58, 107, 130, 131, 148, 181, 310, 312, 314, 315, 318, 320, 321, 323, 324, 325, 331, 332, 335, 343, 346–353, 356–359, 362, 365, 366, 368–373, 375–383, 386, 389, 392, 393, 396, 397, 401, 403, 428, 429, 431, 438, 445, 450, 451, 453–455, 457, 458, 460, 461, 470, 510, 512, 515, 521, 524
Бургонь А. Ж. 239, 243, 247, 256, 259, 267
Бурмон Л. О. 405
Бурьенн Л. А. 76, 349
Бутенев А. П. 19
Бутенко В. А. 452, 461
Бутовский И. Г. 42
Бутурлин Д. П. 221, 245, 262
Бутягин П. С. 377, 387
Бьянки В. Ф. 402
Бэлкомб Б. 473, 474, 476, 477, 481, 507, 508
Бэлкомб Д. 475
Бэлкомб У. 476, 480
Бюлов Ф. В. 285, 415

Валевская (Лончиньская) М. 81–89, 97, 125, 128, 139, 175, 176, 181, 296, 327–329, 341–344, 432, 433, 435
Валевская Э. 341, 344
Валевский А. 88, 341–344, 432, 433 (Александр)
Валишевский К. 50
Валленштейн А. 277
Валлоттон А. 74, 145, 179
Валуа 7
Валькович А. М. 53, 54

Вандаль А. 93, 95, 96, 98, 99, 106, 118, 122, 147–152, 154, 166, 167, 179, 180, 184, 185, 188–190, 198, 201, 202
Вандам Д. 123, 285, 402, 421
Вар Публий 38
Васильев А. А. 232, 233, 254
Васильчиков И. В. 208
Вахтанг VI 209
Вашингтон Д. 18
Вебстер Д. 519
Вейдер Б. 73, 105, 108, 144, 169, 179, 273, 282, 284, 299, 309, 320, 348, 350, 351, 355, 356, 359, 383, 386, 401, 419, 449, 474–477, 479, 485, 501, 504, 508–514, 517, 518, 520, 521, 527–529
Вейротер Ф. 45–47, 56
Веллингтон А. У. 31, 114, 121, 137, 144, 211, 245, 388, 355, 383, 402, 404–416, 419, 420, 431, 432, 435, 451, 466, 495, 506
Веннинг Р. 509, 510
Вердье Ж. А. 143
Верещагин В. В. 235, 243, 247
Вери К. 8, 9, 11, 84, 86, 109, 160, 175, 327, 479
Вестфален Л. 113
Виван-Денон Д. 125
Вигель Ф. Ф. 75, 145, 146, 266
Виктор К. П. 117, 121, 135, 138, 145, 250, 262, 264, 290, 302, 313, 397, 454, 521
Виланд К. М. 149, 150
Виллие Я. В. 50
Вильнёв П. В. 28, 29, 38
Вильпен Д. 259, 370, 371, 374, 375, 377, 384, 385, 389–397, 399, 400, 402–408, 411, 414, 415, 416, 418, 421–426, 428–432, 434–442, 452–454, 456–458, 461, 524
Вильсон Р. Т. 208, 257, 260, 272
Вимпфен М. 47
Винцент К. 149
Винценгероде Ф. Ф. 25, 41, 292, 310
Висконти Д. 128
Витгенштейн П. Х. 200, 219, 220, 250, 262, 264, 265, 276, 277, 279, 292, 313
Витроль Э. Ф. 314, 432
Вовси Э. М. 232
Военский К. А. 213, 222, 246, 259, 264
Волгин В. П. 107
Волконский Д. М. 241, 243
Волконский П. М. 26, 307
Волконский С. Г. 198, 210, 279, 458
Вольтер 57, 105, 151, 340, 498
Вольцоген Л. Ю. 25
Вонсович С. 267
Воронцов А. Р. 26, 308
Воронцов М. С. 308
Воронцов Р. И. 308
Воронцов С. Р. 22, 308
Вреде К. Ф. И. 293, 313
Вурмзер Д. С. 45, 123
Вяземский П. А. 195, 238, 515
Вяткин Л. 486

Габсбурги 55–57, 88, 163, 170, 172, 176, 183, 185, 187, 193, 294, 337, 520
Гайдн Й. 162
Галло М. 139, 343
Ганнибал 111, 127, 205, 497, 498
Гарбо Г. 82
Гарденберг К. А. 298
Гарнич Н. Ф. 198, 209, 240, 253
Гарнье Ж. 164
Гаугвиц Х. А. 43, 56
Гегель Г. В. 293
Гейне Г. 30, 63, 115, 420, 472, 473, 506, 515, 528
Гейсман П. А. 45
Генёк Л. А. 119, 165
Генрих III 380
Генрих IV 14
Георг Ольденбургский, принц
Георг Петр, герцог Ольденбургский 184, 188
Георг III 153, 441, 485
Георг IV, принц Уэльский 441, 485
Герен Д. 439

Герре Ф. 186, 192, 296, 315, 336, 489
Герцен А. И. 210, 241, 246, 295, 420, 523
Гессен-Филиппшталь Э. К., принц Гессенский 25
Гете И. В. 69, 122, 127, 149, 150, 151, 193, 293, 515
Гизо Ф. 395, 516
Гинде 64
Гитлер А. 524
Глинка В. М. 219
Глинка С. Н. 238, 242
Глинка Ф. Н. 231, 234, 241, 243, 306
Гнейзенау А. В. 71, 303, 408, 472
Гогенлоэ Ф. Л. 47, 64–66, 70, 116
Гогенцоллерны 176, 183
Годен М. Ш. 394, 396, 428
Годой М. 131, 132
Гойя Ф. 132
Голицын А. Н. 19, 271
Голицын С. Ф. 166, 167
Гомер 115, 498, 499
Гонсеровский В. 81, 82
Гончарова (Пушкина) Н. Н. 83
Горицкий В. А. 236
Горностаев В. М. 242
Готье П. Ж. Т. 115
Гофер А. 163, 173, 175
Граббе П. Х. 197, 241, 243
Грабе-Горский О. В. 279
Граверт Ю. 219, 275
Гранин Д. А. 19
Грассини Д. 112
Гренвил Т. Л. 516
Гренье П. 428
Гретри А. 112
Греч Н. И. 285
Грибанов В. К. 229
Грибоваль Ж. Б. 115
Грибоедов А. С. 210
Гронау 413, 414
Гроссман Л. П. 335
Груши Э. 30, 117, 121, 397, 398, 402, 403, 407, 409–411, 415, 419, 421, 422, 485, 521
Гуляев Ю. Н. 39, 40, 43, 53, 217, 228, 232, 240, 242, 255
Гурго Г. 329, 397, 432, 440, 441, 443, 445, 463, 475, 478, 480, 482, 501, 506, 512, 513, 517, 518
Гуссе А. 333, 336, 357, 376, 417, 418, 427, 429, 435, 437, 438
Густав II Адольф 177, 277, 498
Гюго В. 30,
Гюго Ж. Л. 30, 104, 110, 111, 234, 366, 404, 405, 409–419, 450, 471, 472, 515, 527
Гюден Ш. Э. 121

д'Арк Ж. 83
Давид Строитель 209
Давид Ж. Л. 15, 111, 112, 352, 393, 399, 457
Даву Л. Н. 7, 8, 30–32, 48, 50, 51, 63–68, 70, 113, 116, 117, 119, 121, 122, 149, 158, 159, 168, 170, 204, 205, 209, 214, 216–218, 222, 232, 235, 255, 258, 259, 264, 279, 302, 351, 380, 394, 396–398, 423, 424, 426, 454, 493
Давыдов Д. В. 75, 79, 92, 93, 95, 97, 98, 198, 209, 238, 241, 245, 252, 253, 256, 261, 266
Далесм Ж. Б. 333, 334
Далин В. М. 479
Данилевский Г. П. 268
Дарю П. А. 205
Дашкова Е. Р. 26
де Голль Ш. А. 367
де Линьи Ж. 110
де Линь К. И. 187, 346, 337, 346
Дебан 457
Дебидур А. 358, 387
Дезе Л. Ш. 117, 124, 422, 493
Дейч А. И. 151, 399
Декре Д. 28, 156, 394, 396, 400, 423, 428, 434
Делдерфилд Д. Ф. 116, 277, 278, 320–322, 329, 331, 332, 349, 351, 382, 403, 416, 453, 454, 455, 456, 526

Делессар 369, 370
Денье П. П. 204
Денюэль Э. 87, 181
Державин Г. Р. 75, 80, 81, 208, 209, 266
Джемс Д. 172
Дживелегов А. К. 98, 99, 108, 221, 246, 282, 313, 314, 482, 527, 528
Джонс П. 327, 337, 345, 496
Джонсон Ш. 471
Диаз 464
Дибич И. И. 287
Дмитрий Донской 317
д'Обре (Бренвилье) М. М. 513
Долгоруков П. П. 44, 47, 48, 56, 59, 94
Домбровский Я. Г. 220, 262
Доре 438
Дохтуров Д. С. 39, 46, 47, 200, 310, 222, 227, 229, 237, 238
Драгомиров М. И. 119
Дрио Э. 105
Дружинин Н. М. 241
Друо А. 121, 168, 169, 277, 278, 287, 293, 318, 329, 330, 333, 334, 335, 359, 369, 394, 402, 416, 503
Дубровин Н. Ф. 188, 207, 209, 212, 226, 229, 238, 247
Думерг Ж. П. 302
Дурново Н. Д. 257
Дурова Н. А. 93, 97, 238
Дурылин С. Н. 151
Дюбуа А. 192, 193
Дюма А. (Dumas A.) 30, 103, 120, 235, 277, 343, 456, 502
Дюма Т. А. 30
Дюмурье Ш. М. 515
Дюпон П. А. 118, 135–137, 165, 321, 349, 374, 378
Дюрок Ж. К. 77, 82, 84, 85, 87, 88, 118, 124, 149, 174, 267, 279, 280, 443, 478, 484, 493, 503, 522
Дюронель А. Ж. 221, 247, 254
Дюфрес Р. 17, 112, 522, 529

Евгений Савойский, принц 171, 498
Еврипид 499
Егоров А. А. 68, 157, 311, 380, 397, 398, 452, 454, 494
Екатерина Вюртембергская 98, 183
Екатерина Павловна, вел. кн. 74, 146, 184, 188, 228, 246
Екатерина II 26, 33, 228
Елизавета I Петровна 71, 268
Елизавета Алексеевна, императрица (жена Александра I) 75, 183, 246
Ермолов А. П. 52, 210, 216, 217, 226, 237, 241, 243, 252, 253, 254, 264, 266, 271, 317

Жамов В. Е. 219
Жанбон А. 109
Жанлис С. Ф. 499
Жантиль 438
Жерар Ф. П. 52, 83
Жерар Э. М. 394, 402, 404, 405, 421, 457, 503
Жермановский П. 343, 360, 362, 363, 365
Жилин П. А. 20, 39, 40, 42, 43, 47, 53, 203, 213, 217, 228, 240, 253, 255
Жиркевич И. С. 26, 226
Жихарев С. П. 26
Жомини А. А. 27, 62, 63, 66, 68, 70, 138, 214, 215, 222, 231, 235, 265, 283, 285, 323, 458
Жуан VI 137,
Жуанвиль Ж. 499
Жуанвиль Ф. Ф. 517, 521
Жубертон А. 128
Журдан Ж. Б. 7, 30, 117, 145, 205, 302, 394, 397, 454
Журкен Ж. 478
Жюно А. 118, 137, 140, 165, 251, 259, 264

Зак Л. А. 383, 526
Залесский К .А. 167
Земцов В. Н. 231, 242, 233, 248
Злотников М. Ф. 177, 178
Золотарев В. А. 23
Зубова Н. А. 248
Зуев М. Н. 203

Иван IV Грозный 524
Иван VI 214
Иванов А. Ю. 439, 519
Ивашкин П. А. 242
Ивченко Л. Л. 233
Иисус Христос 17, 193
Илари К. 10
Иловайский И. Д. 252, 293
Иоганн Баптист Йозеф, эрцгерцог 33, 161, 163, 167
Йорк Г. 275, 305
Иосиф Антон Иоганн, эрцгерцог 161
Исдейл Ч. Д. 298, 311, 526

Кавтарадзе А. Г. 408, 420
Кадудаль Ж. 124, 351, 453
Кайданов И. К. 20
Каллаш В. В. 238
Калькрейт Ф. А. 81
Камбасерес Ж. Ж. 7, 156, 181, 182, 299, 301, 394, 396, 423, 452, 461
Камбронн П. Ж. 330, 334, 335, 359, 368, 369, 394, 416, 418, 419, 503
Каменский М. Ф. 74, 75, 77
Каменский Н. М. 47
Каменский С. М. 47
Канизи А. 128
Каннинг Д. 458
Канова А. 111, 112
Капетинги 7, 9
Капцевич П. М. 306
Карл Великий 6, 7, 9, 11, 17, 57, 105, 106, 111, 118,
Карл Вильгельм, герцог Брауншвейгский
Карл д Артуа 347, 457, 512
Карл Людвиг, герцог Баденский 183
Карл Людвиг-Иоганн, эрцгерцог 33, 43, 116, 155, 158, 159, 161, 163, 164, 167, 168, 170, 171, 214
Карл Мекленбургский 208
Карл II 462
Карл IV 131–133
Карл X 347, 515
Карл XII 26, 204, 263
Карл-Филипп де Бурбон 347
Карл XIV Юхан, см. Бернадот Ж. Б.
Карно Л. 18, 31, 352, 353, 395, 396, 423–431, 452
Каролинги 7
Каслри Р. С. 141, 300, 309, 325, 326, 355–357, 383, 401, 450, 495, 506
Кастаньос К. 117, 135, 136, 138, 143
Кастело А. 11, 13, 15, 27, 37, 38, 71, 131, 133–137, 153, 155, 156, 159, 165–167, 171, 175, 181, 182, 186, 279, 280, 304, 308, 311, 324, 327, 328, 329, 331, 332, 334, 337, 338, 342, 344, 359–363, 367, 369–372, 376, 378, 379, 381–383, 392, 432, 433, 441, 447, 448, 473, 474, 479, 489, 501, 505, 515–522
Кауниц В. А. 54
Кейт Д. Э. 443–446
Келлерман Ф. Э. 414
Келлерман Ф. Э. К. 7, 14, 117, 321, 394, 397, 414, 454
Кемпбелл А. 506
Кемпбелл Н. 329, 340, 341, 345, 362, 363
Керубини Л. 112
Кизеветтер А. А. 127
Кинет Н. М. 428, 429
Кинтц П. 509, 510
Киприани Ф. 445, 464, 465, 469, 480, 507
Кирхейзен Г. 83, 87, 111, 112, 181, 337
Клари Д. 32, 67, 410
Кларк А. Ж. 136, 189, 378
Кларк Г. 60
Клаузевиц К. 37, 63, 64, 65, 66, 69, 70, 232, 235, 242, 247, 262, 265
Клебер Ж. Б. 117
Клей Г. 519
Клейст Ф. Г. 287, 306, 402
Клеман Ж. 380
Кленгель М. 220
Клозель Б. 404, 426, 503
Ключевский В. О. 388, 526
Кобенцль Л. 152
Козетульский Я. 88, 139

Козлов И. И. 142
Кокбэрн Д. 446–449, 466, 473, 474, 483
Кокро 518
Колачковский К. 222
Колвил Ч. 418
Коленкур А. (Caulaincourt A.) 101, 110, 120, 123, 127, 128, 146, 147, 149, 152, 153, 178, 184, 185, 190, 196, 199, 205, 214, 222, 223, 230, 234, 240, 243, 248, 253, 254, 258–260, 265, 267, 318, 321, 322, 323, 326, 327, 329, 394, 396, 422, 423, 424, 428, 429, 440
Коленкур О. 205, 233, 234, 302
Коловрат И. К. 46
Кологривов А. С. 47
Колонна-Валевский А. 82, 88, 89
Кольчугин Г. Н. 247, 248
Колюбакин Б. М. 232
Конде Л. 498
Кондорсе Ж. А. 407
Коновницын П. П. 210, 222, 237
Констан Л. В. 12, 13, 182, 327, 328
Констан Б. 111, 352, 389–392, 452
Константин Павлович, вел. кн. 94, 96, 102, 149, 246, 272
Корвизар Ж. Н. 87, 88, 111, 174, 175, 182, 254, 330, 445
Корде Ш. 453
Корнель П. 340, 499
Костейн Т. 477
Костин Б. А. 213, 317
Коттен М. С. 499
Кочубей В. П. 26
Крейцер Р. 112
Кронин В. 9–11, 15–17, 57, 56, 125, 126, 202, 286–289, 291, 292, 297, 299, 301, 305, 311, 329, 334, 335, 337, 339, 340, 343, 345, 346, 354, 359–363, 382, 385, 408, 420, 467, 501
Круковский А. 268
Крылов И. А. 266, 528
Ксенофонт 42
Куанье Ж. Р. 309
Кудашев Н. Д. 292
Кульнев Я. П. 210, 219
Куракин А. Б. 94,
Куракин А. Б. (младший) 94, 99, 102, 104, 147, 185, 188, 190, 203
Куренной Л. 290
Курсо 503, 517
Курье П. Л. 18
Кутайсов А. И. 210
Кутузов М. И. 27, 33, 37, 40–48, 50, 51, 53, 54, 60, 74, 90, 116, 199, 207, 208, 210, 211, 213, 225, 227–233, 235–238, 241–243, 245, 250–257, 259–266, 269–272, 276, 279, 282, 285, 292, 317
Кутузова Е. И. 265

Лаб Е. 234
Лабедуайер Ф. 160, 370–372, 394, 425, 432, 453, 454
Лавалетт А. М. 157, 385, 394, 396, 400, 432, 452, 453
Лаваль де Монморанси М. 25
Лависс Э. 56, 216, 274, 283, 315, 321, 335, 339, 347, 353, 356, 367, 376
Лаврецкий И. Р. 18
Лагарп Ф. Ц. 24, 25, 325
Лазарев А. Е. 101
Лаллеман Ф. А. 432, 438, 439, 445, 447, 503, 512
Ламарк Ж. М. 426, 516
Ламартин А. 537
Ламберт К. О. 25, 220
Ланжерон А. Ф. 25, 46, 47, 50, 52, 56, 60, 306, 316
Ланн Ж. 7, 8, 18, 30–32, 40, 41, 48, 51, 63, 64, 65, 68–70, 77, 79, 91, 92, 116–118, 119, 120, 122, 124, 128, 135, 138, 142, 143, 145, 149, 158–160, 162–165, 170, 205, 208, 279, 280, 302, 370, 493
Ланской А. Д. 197
Ланской С. Н 279, 303, 308
Лаперуз Ж. Ф. 247
Лапи 360
Лаплас П. С. 111

Ларрей Д. Ж. (Larrey D.) 111, 160, 239, 244, 267, 493, 503
Ласепед Б. Ж. 111, 394
Лас-Каз Э. 104, 120, 244, 429, 440, 441, 444, 445, 448, 453, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 473, 475, 476, 478, 480, 481, 485–501, 503, 506, 508, 513, 517, 518, 520, 523
Лассаль А. Л. 70, 121, 169, 302
Латур-Мобур В. Н. 292, 302
Латуш-Тревиль Л. Р. 27
Лафайет М. Ж. 292, 322, 352, 395, 423–425, 450
Лафонтен Ж. 499
Лаффит Ж. 502
Лачинов В. П. 184
Лашук А. 21, 28, 35, 39, 40, 42, 43, 49, 62, 64, 65, 66, 69, 79–81, 91–93, 124, 132–137, 139–141, 143–155, 158, 160, 161, 163, 164, 167, 169, 170, 273, 278, 284, 285, 288, 290, 293, 298, 299, 301, 303–309, 311, 313, 316, 318, 324, 389, 402, 403, 405, 406, 408, 411, 412, 414–416, 418, 420
Ле Шапелье И. Р. 107
Лебедуайер Ш. А. 503
Лебрен Ш. Ф. 7, 156, 394
Лебцельтерн А. 200
Лев I Великий 10
Левавассер О. 55
Левенштерн В. И. 260, 266
Левицкий Н. А. 65, 66, 286, 291
Леер Г. А. 43, 45, 46, 50, 51
Лежандр 219
Леклерк Ш. В. 119
Леклерк Э. 119
Лекурб К. Ж. 8, 426
Леопольд Саксен-Кобургский 485
Лепаж 445
Лепеллетье Э. 489, 520
Лермонтов М. Ю. 241, 514, 520–523
Лессепс Ж. Б. 247
Лесток А. В. 71, 78, 80, 90
Лесток И. Г. 71
Летор Л. М. 503
Леттов-Форбек О. 79, 80, 93
Лефевр К. 110
Лефевр М. К. 268
Лефевр Ф. Ж. 7, 30, 81, 110, 113, 117, 120, 121, 125, 135, 138, 205, 268, 301, 318, 319, 351, 394, 397,
Лефевр-Денуэтт Ш. 143, 485, 503
Ливерпуль Р. Б. 431, 488
Ливингстон Р. 486
Линкольн А. 293
Линь К. И. 187, 337, 346
Липранди И. П. 242, 243
Лихачев П. Г. 123, 234
Лихтенштейн И. И. 46, 47, 51, 170
Лобанов-Ростовский Д. И. 94, 102, 302
Ложье Ц. 239, 243, 251
Лончиньский Т. М. 341, 344
Лористона А. Ж. 168, 195, 203, 243, 246, 254, 292
Лоу Х. 447, 465–474, 477, 479–485, 500, 501, 505, 506, 528
Лувель Л. П. 335, 352
Лудд Н. 177
Луи-Антуан, герцог Ангулемский 123, 347
Луиза Мекленбургская, королева прусская 23, 61, 62, 70, 100, 155
Луи-Филипп, герцог Орлеанский (Луи-Филипп I) 353, 374, 375, 512, 515, 516, 517, 521
Лунин М. С. 458
Лучицкий И. В. 133, 135, 136, 143
Людвиг Иосиф Антон, эрцгерцог 159, 161
Людвиг-Фердинанд Прусский 63, 64
Людвиг Э. 7, 10, 11, 13, 72, 109, 110, 112, 144, 177, 284, 293, 294, 310, 316, 325, 339–341, 347, 359, 378, 385, 400, 427, 432, 435, 450, 462–465, 469, 479, 482, 487, 499, 504, 516
Людовик XIII 14
Людовик XIV 5, 109, 110, 130
Людовик XV 5, 110

Людовик XIX, герцог Ангулемский 347
Людовик XVI 14, 112, 115, 124, 185, 186, 249, 324, 347, 357, 382, 412, 429, 451, 457, 458, 478, 512, 513
Людовик XVIII 25, 90, 98, 124, 136, 325, 331, 333, 346–353, 355, 356, 369, 374, 375, 377–380, 382, 383, 387, 388, 389, 393, 403, 405, 414, 429, 432, 450–454, 457–460, 463, 485, 512, 513, 515
Люс Ф. Ш. 399

Маре Г. Б. 203
Мадлен Л. (Madelin L.) 105, 172, 236
Макдональд Ж. Э. (Macdonald J.) 8, 30, 117, 121, 169, 170, 214, 219, 220, 250, 285, 290, 291, 302, 313, 319–322, 374, 375, 376, 382, 397
Макк К. 33–39, 123
Максимилиан, эрцгерцог 161–163
Мале К. Ф. 8, 258
Мальборо Д. 26, 498
Малькольм П. 482, 508
Мандзони А. 514, 529
Манфред А. З. 21, 27, 29, 30, 38, 43, 44, 55, 69, 73, 77, 82, 102, 105, 132, 136, 137, 140, 150, 152, 153, 155–157, 161, 165, 166, 170, 173, 175, 176, 182, 183, 185, 192–195, 266, 267, 278, 281, 325, 337, 347, 349, 352, 353, 360, 367, 369, 378, 381, 382, 386–388, 396, 397, 411, 418, 421, 422, 425, 434, 440, 462
Мао Цзэдун 528
Марат Ж. П. 401, 453
Марбо М. 41, 49–52, 67, 69, 78, 91, 132, 133, 135, 139, 141–143, 159, 160, 163–165, 219, 285, 324
Маре Г. Б. 152, 258, 346, 394, 423, 432
Мариотти 356
Мария Антуанетта, кор. французская 58, 185, 186, 347, 453
Мария Каролина Неаполитанская 58
Мария Людовика Австрийско-Эстская (Моденская) 155
Мария Тереза Шарлотта Французская 74, 347
Мария Терезия 58, 186, 316
Мария Федоровна 145, 146, 148, 184, 185, 187, 246
Мария-Луиза Австрийская 34, 37, 74, 88, 171, 185, 186, 192, 193, 296, 301, 305, 314, 320, 325, 328, 329, 330, 336, 338, 342, 343, 344, 400, 486, 487, 488, 489, 520
Мария Луиза де Бурбон-Парма 131, 132
Маркс К. 61, 113, 121, 183, 209, 211, 235, 403, 456
Мармон О. Ф. 30, 32, 36, 117, 121, 145, 167, 170, 277, 290, 302, 313–316, 322–324, 327, 364, 379, 382, 397, 454, 494, 521, 528
Мартенс Ф. Ф. 94, 180, 444, 460
Мартино Ж. 450, 462–466, 468, 470–474, 477, 478, 481–484, 486, 500–502, 505, 506, 511
Марченко В. Р. 226
Маршан Л. Ж. 83, 300, 301, 314, 327, 331, 333, 334, 337, 339, 341, 342, 345, 346, 360, 361, 363–366, 368–373, 375–378, 381, 382, 384, 422, 423, 425–427, 432, 434–439, 441–443, 445–449, 464, 465, 466, 469, 479, 480, 483, 484, 496, 499, 502–505, 507, 508, 509, 511, 517, 518
Масдеа А. 456
Массена А. 7, 30, 33, 43, 58, 116–119, 145, 158, 163, 164, 165, 168, 170, 205, 279, 369, 394, 397, 454
Массон Ф. 5, 82, 84, 85, 88, 342–344, 482
Машков И. С. 240
Медичи М. 14
Мезенцев Е. В. 20, 22
Мезон Н. Ж. 302
Мелентьев В. Д. 47
Меллендорф Р. 63, 66
Меллер-Закомельский Е. И. 206

Мельци Ф. 123
Меневаль К. Ф. 292, 296, 297, 300, 400
Меншиков А. Д.
Меншиков А. С. 218
Мервельдт М. 123, 288
Мережковский Д. С. 27, 28, 34, 49, 80, 165, 173, 174, 202, 263, 267, 357, 360, 367, 370, 372, 380, 381, 386, 420, 421, 423, 427–432, 435, 437, 438, 441, 443, 462, 464, 466, 467, 479–483, 500–502, 504, 506, 525, 529
Меринг Ф. 236, 265
Меровинги 7, 9
Местр Ж. (Maistre J.) 25, 45, 54, 191, 235, 246, 266
Меттерних К. Л. 155, 157, 171, 275, 279–282, 284, 298, 325, 336, 355–358, 382, 383, 387, 397, 470, 495, 526
Миддлмор 518
Мило Э. Ж. 302, 409, 412–414
Милорадович М. А. 39, 46, 47, 210, 229, 257, 259, 260, 276, 289, 292
Мильтон Д. 499
Минин К. М. 224, 317
Миоллис А. Ф. 369
Митаревский Н. Е. 226
Михайлов (Шеллер) А. 108
Михайлов О. Н. 83, 229
Михайловский-Данилевский А. И. 20, 26, 34, 45, 47, 48, 51, 53, 59, 129, 200, 203, 210, 230, 240, 251, 253, 255, 275, 277, 283, 290, 316, 318, 420, 459, 489
Мишель К. Э. 416, 418
Мишель М. 198
Мишле Ж. 118
Мишо А. Ф. 25, 213, 246
Мишо Ж. Ф. 499
Мобрейль М. А. 315, 316
Моисей 498
Моле М. Л. 127
Молитор Г. 404
Молок А. И. 194
Мольен Ф. Н. 428
Монбрен Л. П. 121, 138, 139, 205, 233, 234, 302
Монж Г. 111, 352, 434, 493, 494
Монсей Б. А. 7, 117, 135, 138, 143, 145, 315, 319, 394, 397, 521
Монтолон А. 463, 479, 498,
Монтолон Т. 463, 499,
Монтолон Ш. Т. (Montholon Ch.) 115, 252, 430, 432, 445, 479, 480, 499, 502–505, 511–513, 517
Монферран О. Р. 71
Моншеню К. М. 463, 470, 505
Моран Л. А. 302
Морков А. И. 25
Морков И. И. 230
Моро Ж. В. 8, 26, 74, 211, 258, 282–284, 309, 351, 428
Мортье Э. А. 7, 8, 39, 40, 42, 92, 117, 121, 143, 145, 247, 251, 259, 290, 301, 314, 315, 382, 394, 397, 454
Моцарт В. А. 521
Мур Д. 140–142, 144,
Муравьев А. Н. 209, 226
Муравьев Н. Н. 209
Мутон Ж. 254, 267, 402, 404, 415
Мутон-Дюверне Р. Б. 457, 503
Мэтленд Ф. 418, 441, 442, 443
Мэхэн А. Т. 38
Мюирон Ж. Б. 443, 484, 493, 503
Мюллер И. 149, 150,
Мюрат И. 7, 8, 12, 30, 32, 34, 35, 39–42, 48, 63, 65, 70, 78, 79, 87, 96, 102, 103, 117, 120, 121, 132, 133, 147, 162, 168, 169, 205, 218, 232, 235, 251, 259, 263, 264, 267, 283, 287, 288, 290, 295, 302, 303, 338, 363, 398, 402, 414, 455, 456, 487, 492

Надлер В. К. 237, 319, 323, 326, 347, 383, 406, 407
Нансути Э. М. 302
Наполеон I Бонапарт 5–52, 54–209, 211–237, 239–256, 258–412, 414–417, 419–455, 459, 461–529

Наполеон II 192, 428, 488, 520
Наполеон III 88, 89, 181, 265, 477, 502, 517, 519
Нарбонн-Лара Л. 110, 199
Нарочницкий А. Л. 201
Натансон Э. А. 455, 507
Находкин П. И. 248
Неверовский Д. П. 217, 222, 256, 292
Ней М. 7, 8, 30–32, 35, 65, 70, 117, 119, 120, 138, 145, 205, 232, 235, 259, 260, 264, 278, 285, 290, 302, 319, 321, 322, 380, 382, 283, 380–382, 394, 397, 398, 405–407, 412–414, 417, 419, 454, 455, 457, 458, 459
Нейперг А. А. 34, 336, 400, 488
Некрасов Н. А. 257
Нельсон Г. 27, 38
Неру Д. 471, 506
Нессельроде К. В. 75, 153, 260, 298, 307, 314
Нечаев С. Ю. 337
Нечкина М. В. 44, 241
Николай Михайлович 74, 207
Николай I 121, 268, 521
Нова Ж. 462
Новерраз 498, 508, 517
Новосильцев Н. Н. 26, 44, 90
Норов В. С. 25, 266, 266

О'Мира Б. О. 61, 120, 168, 284, 309, 409, 445, 449, 462–469, 473, 479, 480, 481, 484, 488, 489, 494–497, 499–501, 506, 509
О'Рейли А. 162,
Ожаровский А. П. 259
Ожеро П. Ф. 7, 31, 32, 65, 69, 78, 79, 109, 117, 121, 290, 302, 312, 313, 323, 331, 364, 397, 454, 528
Окунев Н. А. 255
Окунь С. Б. 20, 29, 44, 213, 458
Олсуфьев З. Д. 304
Омельянович Н. 212
Орлик О. В. 20, 203, 228, 253
Орлов А. А. 20, 22, 155
Орлов А. Г. 245
Орлов-Денисов В. В. 293
Орнано Ф. А. 89
Оро Ж. 337
Осмонд А. 485
Остен-Сакен Ф. В. 303, 305
Остерман-Толстой А. И. 210, 237
Отишан Ж. 25
Отт К. П. 117

Павел I 25, 50, 59, 77, 146, 148, 196, 214, 228, 304, 307
Пагано М. 58
Паизиелло Д. 14, 111, 112
Палафокс Х. 117, 135, 138, 143, 144
Пален П. А. 26, 227, 307
Пален П. П. 307
Пален Ф. П. 26
Палицын А. 224
Пальмерстон Г. Д. 516
Панченко А. А. 77, 78
Партуно Л. 264
Паскевич И. Ф. 54
Пасторе А. 239
Патрокл 165
Паулуччи Ф. О. 25, 208
Пеле Ж. Ж. 165, 236
Пельтье 438
Периньон К. Д. 7, 117, 397, 454
Перовский В. А. 268
Персье Ш. 71
Пети Ж. М. 330, 416, 417
Петр I 25, 26, 46, 54
Петр II 94
Петр III 214
Пий VII 10–12, 14, 16, 103, 338, 501, 506
Пикуль В. С. 83
Пирх Г. Д. 415, 422
Питт У. — младший 56, 495
Пичета В. И. 241
Пишегрю Ж. Ш. 351
Платов М. И. 25, 210, 237, 259, 263, 264, 289, 292, 293
Плутарх 340
Поджио А. В. 525
Подорожный Н. Е. 47

Пожарский Д. М. 224, 317
Покровский М. Н. 29, 178, 188, 202, 260
Полевой Н. А. 33, 57, 75, 76, 104, 109, 171, 276, 278, 279, 385
Полиньяк А. Ж. 25
Половцов А. А. 45
Полосин И. И. 229, 242
Полторацкий К. М. 123, 304, 305
Помарнацкий А. В. 219
Понасенков Е. Н. 247, 248
Понсонби 412
Понятовский С. А. 113, 189
Понятовский Ю. 113, 117, 189, 190, 194, 200, 201, 205, 259, 264, 288, 290–292, 302, 494
Попов А. И. 232, 233,
Попов А. Н. 104, 179, 215, 241, 242, 255, 283, 284
Поре де Морван П. Ж–Б. 416
Потемкин Г. А. 166
Потоцкая А. 83, 291
Поццо ди Борго К. О. 25, 325, 383
Предтеченский А. В. 44
Прендель В. А. 197
Пресняков А. Е. 212
Пржибышевский И. Я. 46, 53, 60
Прозоровский А. А. 54
Пугачев В. В. 211
Пугачев Е. И. 225, 249
Пушкин А. С. 83, 142, 146, 191, 209, 210, 241, 261, 303, 308, 318, 335, 389, 419, 489, 514, 515, 527, 529, 530
Пущин П. С. 318
Пьеррон 503, 517
Пюибюск М. Л. 258

Рабле Ф. 351
Радожицкий И. Т. 241, 277, 292, 310, 317, 335, 528
Раевский Н. Н. 209, 210, 217, 222, 229, 232, 233, 237, 238, 243, 253, 254, 256, 260, 287, 289, 292
Разумовский А. Г. 268
Разумовский А. К. 22, 52
Рамбо А. 56, 216, 274, 283, 315, 321, 335, 339, 347, 353, 356, 367, 376
Рамель Ж. П. 457
Рандон 369, 370
Рапп Ж. 173, 254, 394, 426
Расин Ж. 340, 499
Ратгауз Г. 293
Рафаэль С. 83
Реаль П. Ф. 109, 352
Рейль О. Ш. 402, 404, 405, 411
Рекамье Ж. 128
Рембрандт Х. 293
Ремюза К. Э. (R musat C. E.) 6, 517
Ремюза Ф. М. 113
Рене Ж. Г. 134
Реньо М.-Л.-Э. 423
Репнин Н. В. 52
Репнин Н. Г. 52, 59, 123
Ришелье А. Ж. 460
Ришелье А. Э. 25, 459
Робо Ф. Э. 507
Роган-Шабо Ф. 517
Роге Ф. 259, 416
Розбери А. 506
Розеншильд-Паулин А. К. 219
Романовы 55, 176, 183–185, 352, 355
Ромм Ш. Ж. 17
Росс Ч. 447
Ростопчин Ф. В. 25, 230, 238, 240–243
Ростунов И. И. 209, 229
Ротач А. А. 71
Рошешуар Л. П. 25, 454
Рошжаклен А. 455
Рудольф Габсбург 294
Руместайн 52
Румянцев Н. П. 118, 122, 150, 153, 178, 179, 200, 246, 282
Румянцев П. А. 74, 115, 122, 227
Руссо В. 58
Руссо Ж. Ж. 498
Рустам 165, 169, 479
Рыкачев М. А. 256
Рылеев К. Ф. 55, 56, 119
Рюхель Э. 62, 65
Рябинин Д. 90
Рязанов А. М. 261

Савари Р. 43, 44, 67, 95, 98, 147, 149, 167, 174, 192, 258, 305, 394, 432, 435, 445, 447, 512
Савен Ж. Б. 268
Савойские 334
Сали 438
Салтыков А. Н. 203
Салтыков Н. И. 227, 230
Сан-Хуан Х. Б. 139
Сарду В. 110
Саундерс Э. 389, 393, 394, 399, 420
Сахаров А. Н. 20, 240
Свечников М. С. 204, 255
Себастиани Ф. О. 302, 312
Сегюр Ф. П. (Segur Ph. P.) 68, 113, 205, 231, 233, 235, 239, 241, 243, 244, 251, 252, 253, 255, 258, 259, 263, 268, 307
Семенов 268
Сенармон А. А. 92
Сен-Дени Л. 517
Сен-При Э. Ф. 25, 233, 308, 309
Сен-Симон А. 250
Сен-Сир Л. Г. 8, 33, 117, 121, 138, 220, 250, 262, 302, 397
Сент-Бёв Ш. О. 517
Сент-Илер Ж. 111
Сент-Эньян Н. М. 298
Сергей Михайлович 74
Серрюрье М. Ф. 7, 117, 321, 397, 454
Сеславин А. Н. 252, 253
Симанский П. Н. 195
Сименон Ж. 268
Сироткин В. Г. 22, 47, 197, 198, 228, 241, 253, 270, 485
Скотт В. 19, 40, 66, 72, 137, 141, 143, 167, 172, 289, 291, 335, 348, 350, 351, 353, 363, 406, 441, 451, 456, 464, 465, 472, 484
Слоон В. 10, 11, 126, 127, 167, 326, 357, 408, 420, 461, 462, 465, 466, 468
Смит Г. 508
Собеский Я. 503
Собуль А. 17, 106
Соглаев В. Т. 39, 40, 53, 217, 242, 255
Соколов О. В. 22, 27, 30–32, 34–37, 39–43, 50, 52, 53, 55–59, 112, 119, 141, 144, 204, 235, 265, 320, 329, 335, 367, 416–419, 524, 525
Соколова А. И. 229
Соловьев Н. А. 522
Соловьев С. М. 45, 47, 240, 298, 322, 351
Сорель А. 16, 171, 172, 178, 311
Софокл 499
Спенсер Б. 137
Сталин И. В. 317, 524
Сталь Ж. 111, 128, 336, 352, 499, 523
Стендаль Ф. 18, 19, 69, 96, 105, 106, 119, 123, 126, 131, 205, 271, 323, 349–352, 360, 362, 364, 365, 370, 371, 374, 386
Стокоу Д. 500, 501
Строганов П. А. 26, 59, 60, 90, 308
Суворов А. В. 26, 45, 74, 75, 77, 94, 115, 118, 127, 205, 208, 209, 217, 227, 234, 248, 265, 282, 317
Сулла 524
Сульт Н. Ж. 7, 8, 30, 31, 32, 41, 48, 50, 65, 69, 93, 117, 121, 138, 141, 142, 145, 149, 205, 302, 319, 351, 374, 378, 394, 397, 398, 403, 407, 411, 417, 419, 421, 521
Сухозанет Н. О. 287
Сухотин Н. Н. 163
Сципион Африканский 61
Сьейес Э. С. 457, 461
Сьюард Д. 323, 336–338, 341, 345, 359, 361, 519, 520
Сюше Л. Г. 30, 116, 117, 121, 122, 135, 145, 205, 279, 302, 319, 351, 394, 397, 403, 404, 426, 493

Талейран Ш. М. 6, 94, 99, 101, 106, 107, 123, 128, 129, 132, 142, 149–153, 155–157, 171, 184, 197, 198, 314–316, 318, 319, 321, 324, 325, 326, 337, 349, 352, 353, 355–357, 383, 421, 425, 430, 451, 459, 460, 524, 528

Тальма Ф. Ж. 111, 112, 128, 149–151, 399, 435
Тальяд 356, 363
Тамерлан 524
Таньшина Н. П. 516
Тарле Е. В. 10, 11, 24, 28, 29, 31, 36, 39, 40, 44, 53, 58, 61, 63, 69–74, 77, 78, 82, 90–94, 104, 105, 107–109, 116, 130–132, 135, 143, 153, 155–161, 164, 168–170, 172, 173, 178, 183, 188, 196, 198, 199, 202, 203, 205, 215, 218, 220, 227, 239, 241, 242, 249, 251, 255, 257, 258, 260, 261, 265, 268, 269, 281, 284, 288, 298, 300, 301, 304, 305, 308, 310, 312–315, 319, 320, 322, 323, 326, 329, 348, 349, 355, 357, 359–361, 363, 370, 371, 373–376, 379–382, 384, 390–392, 396, 397, 401, 402, 404, 405, 408, 418, 420, 422, 425, 427, 429, 437, 440, 442, 459, 460, 464, 472, 473, 478–480, 496, 500, 501, 505, 523–526
Тартаковский А. Г. 114, 238, 240
Тассо Т. 492
Тауэнцин Б. 63, 65
Тацит К. 527
Тейль фон Сераскеркен В. Ф. 197
Тибодо А. К. (Thibaudeau A. C.) 187, 347, 394
Тизенгаузен Ф. И. 51
Тильман А. Ф. 421, 422
Тимирязев В. А. 198
Тимощук В. В. 184
Тимур 105
Тири Ж. 165,
Тирион А. 257
Тихомиров М. Н. 241
Толлерон 457
Толстой Л. Н. 37, 119, 268
Толстой Н. А. 26, 44, 146,
Толстой П. А. 26, 118, 146, 147
Толычева Т. (Новосильцева Е. В.) 247
Толь К. Ф. 237, 285, 307
Тормасов А. П. 206, 214, 220, 221, 227, 238, 250, 276
Тотфалушин В. П. 237, 268
Траверсе И. И. 25
Традити П. 333
Трачевский А. С. 116, 125–127, 129, 306, 427, 461
Тренев К. А. 255
Троицкий Н. А. 101, 232, 250, 266
Троцкий Л. Д. 127
Труайя А. 25, 184, 346, 355, 383
Трубецкой Г. 508
Тургенев Н. И. 272
Тутолмин И. А. 246
Тучков Ал-й. А. 223
Тучков Ал-р. А. 223
Тучков Н. А. 223
Тучков П. А. 223, 224, 246
Тучков С. А. 223
Тучкова-Огарева Н. А. 223
Тышкевич Б. 82
Тьебо П. Ш. 384
Тьер А. (Thiers A.) 105, 265, 326, 393, 516
Тюлар Ж. (Tulard J) 7, 8, 11, 16, 71, 72, 79, 116, 117, 120, 169, 177, 211, 212, 235, 295, 303, 348, 367, 391, 392, 398, 403, 410, 426, 427, 455, 456, 466, 501
Тюренн А. А. 457, 498
Тютчев Ф. И. 206, 210, 529

Убри П. Я. 60, 94
Уваров Ф. П. 47, 237, 292
Уврар Г. Ж. 109, 524
Удино Н. Ш. 48, 117, 170, 219, 220, 250, 262, 264, 285, 290, 302, 304, 313, 319, 397, 521
Урусов А. П. 306

Федосов И. А. 203
Федосова Е. И. 201
Фердинанд VII Бурбон 131, 132, 133, 225
Фердинанд Карл Йозеф, эрцгерцог 34, 35, 38, 161, 162

Фердинанд I 57
Фердинанд IV 455, 456
Фердинанд VII 143
Феш Ж. 10, 11, 186, 394, 469, 503, 519
Филибер А. 438
Филипп V 130
Филон А. 123
Флери П. А. 346, 356, 376, 390, 397
Фонвизин М. А. 45, 198, 209, 282
Фонтен П. Ф. 71, 393
Форсхувуд С. (Forshufvud S.) 501, 507–513, 517
Фоше К. 454
Фоше С. 454
Франсуа Ш. 133
Франц I 22, 24, 33, 34, 37, 38, 46, 50, 55, 56, 57, 74, 149, 155, 159, 161, 162, 170, 171, 179, 185, 193, 200, 215, 221, 249, 275, 276, 280, 281, 286, 289, 290, 292, 294, 297, 298, 300, 301, 307, 314, 315, 317, 322, 325, 328, 336, 337, 355, 401, 450, 460, 470, 495, 496, 520
Франчески М. 73, 105, 144, 169, 179, 282, 284, 299, 309, 320, 348, 350, 351, 355, 356, 359, 386, 401, 419
Фредерикс Р. 286
Фрезер У. 508
Фрейганг А. В. 212
Фриан Л. 416
Фридрих Великий 23, 24, 26, 33, 60, 61, 63–66, 68, 69, 74, 104, 127, 497, 498, 503
Фридрих Штапс 173, 174, 181
Фридрих-Август, король Саксонии 100, 291, 292
Фридрих-Вильгельм III 22–24, 60–63, 70, 74, 90, 96, 99, 100, 149, 166, 167, 200, 201, 249, 275, 276, 278, 279, 284, 286, 290, 292, 307, 309, 314, 316, 322, 325, 358, 383, 401, 450, 460, 495, 496
Фримон И. М. 402
Фролов Б. П. 198, 203, 217, 240
Фултон Р. 486
Фуль К. Л. 25, 212, 215,
Фуро де Борегар Л. 330, 342, 445
Фурье Ж. Б. 372
Фуше Ж. 106, 107, 123, 125, 142, 155–157, 302, 387, 396, 397, 423, 425–428, 430–435, 438, 451, 452, 459, 461, 494, 524
Фэн А. (Fain A.) 212, 232, 262, 265, 267, 329

Хайям О. 527
Хардегг И. А. 307
Харкевич В. И. 194, 218, 253
Хатчинсон Г. 265
Хвостов В. М. 203
Хиллер И. 159
Хильдерик I 9
Хобхаус Д. 393
Холодковский В. М. 241, 242
Хэпгуд Д. 449, 474–477, 479, 485, 504, 508, 510–512, 517
Хюбшер К. 125

Цвейг С. 407, 410, 421, 430, 452, 459
Цветаева М. И. 449
Цезарь Ю. 105, 111, 115, 127, 205, 497, 498, 502
Цитен Г. Э. 306, 415

Чандлер Д. 31, 32, 34, 35, 36, 39–41, 43, 52, 55, 63–68, 70, 76–80, 91–93, 102, 131, 132, 134, 135, 137, 139–141, 143, 159, 163, 164, 167, 169, 265, 273, 277, 278, 284, 288, 289, 292, 301, 304–306, 308, 309, 313, 402, 403, 406, 408–410, 412, 413, 414, 417, 418, 420, 421, 422, 426, 510
Чарторыйский А .А. 23, 26, 44, 45, 59, 60, 90, 110, 180, 189, 190, 201, 202
Чатам А. 172, 175
Чеканова О. А. 71
Черкасов П. П. 322, 424, 425, 450
Чернышев А. И. 80, 197, 198, 204, 262, 293, 485
Чернышев З. Г. 166
Чернышевский Н. Г. 241

Черчилль У. 528
Честерфильд Ф. 448
Чехов Е. М. 211
Чингисхан 105, 389, 524
Чичагов П. В. 207, 230, 250, 262–266
Чичерин А. 238

Шамбре Ж. (Chambray G.) 204, 216, 221, 231, 232, 250, 251, 256, 262, 264, 270
Шампаньи Ж. Б. 152, 171, 180, 296
Шарлотта Августа Уэльская 485
Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский 335, 347, 352, 355, 457
Шарнхорст Г. И. 166, 200
Шартран Ж. И. 503
Шатобриан Ф. Р. 110, 111, 350, 450, 451
Шатонер 438
Шахмагонов Н. Ф. 53, 54, 240
Шварценберг К. Ф. 185, 214, 215, 220, 221, 250, 275, 282, 283, 285–289, 291, 292, 302, 304, 307, 310, 313, 314, 317, 357, 402, 405
Шведов С. В. 222, 250, 261
Шедивы Я. 155, 162, 172, 187, 215, 280, 347
Шеин И. А. 29
Шеллинг Ф. В. 293
Шервиг Дж. (Sherwig John M.) 22
Шиканов В. Н. 63, 116
Шилль Ф. 166, 173, 175
Шильдер Н. К. 20, 44, 46, 48, 59, 60, 62, 74, 75, 80, 90, 91, 94, 101, 146, 147, 149, 151, 152, 166, 167, 184, 215, 224, 271, 272, 276, 279, 280, 284, 289, 301, 306, 313, 318, 324, 325, 352, 358, 388, 459
Широков А. 507
Шишков А. С. 45, 147, 216, 282, 307
Шишов А. В. 20, 30, 198, 201, 213, 232
Шнаппер А. 457
Шопен Н. 82
Шпенглер О. 528
Шрайбер Э. Л. 268
Штейн Г. Ф. 25, 387
Штейнгейль В. И. 207
Штейнгейль Ф. Ф. 207, 220, 250
Штюрмер И. Л. 470, 479, 505
Шуазель-Гуфье М. Г. 25
Шувалов П. А. 208, 329

Щербинин А. А. 260
Щукин П. И. 199, 225, 244, 251

Эбердин Д. Г. 298
Эбле Ж. Б. 263, 264
Эдвардс Ф. 507
Эккерман И. П. 122, 127, 150, 151, 515
Эксельманс Р. Ж. 302
Энгельгардт Л. Н. 60
Энгельс Ф. 61, 113, 114, 121, 209, 211, 235, 323, 403, 456
Эртель Ф. Ф. 207, 208, 220, 250
Эссен И. Н. 33, 38, 43, 44, 200, 206, 214, 220, 250
Эсхил 499

Юван А. У. 254, 327
Юлин Б. В. 233
Юм М. 477

Яковлев И. А. 246
Якушкин И. Д. 198

Abell L. E. см Абель Л. Э.
Angeberg 383
Antommarchi F. см. Антомарки Ф. К.
Brayer M. S. см. Брайе М. С.
Camon H. 169
Caulaincourt A. см. Коленкур А.
Chambray G. см. Шамбре Ж.
Chardigny L. 116
Chodzko L. 383
Chuquet A. 208
Denniée P. 235
Dumas A. см. Дюма А.
Dumas M. 235
Durant W. J. 93

Fabry L. 217, 221
Fain A. см. Фэн А.
Forshufvud S. см. Форсхувуд С.
François Ch. 133
Gallaher J. 119
Gourgand G. 245
Grochulska B. 202
Haussaye H. 423, 428, 436, 437
Hourtoulle F. G. 119, 396
Houssaye H. 319, 380
Koch F. 305, 308
Kukiel M. 202
Lacour-Gayet G. 18
Lacroix D. 116
Larrey D. см. Ларрей Д. Ж.
Lefebvre A. 56
Macdonald J. см. Макдональд Ж. Э.
Madelin L. см. Мадлен Л.
Mathiez A. 348
Montholon Ch. см. Монтолон Ш. Т.
Palluel A. 205, 217
Palmer A. 242
Pflugk-Hartung J. 286
Pracad D. 30
Rémusat C. E. см. Ремюза К. Э.
Segur Ph. P. см. Сегюр Ф. П.
Sherwig J. M. см. Шервиг Дж.
Slovak A. 50
Smythe T. 30
Sutherland Ch. 81
Tatistcheff S. 179, 189, 196
Thibaudeau A. C. см. Тибодо А. К.
Thiers A. см. Тьер А.
Tranié J. 53
Valynseele J. 404
Villette L. 117, 165

Научное издание

Мир Французской революции

Троицкий Николай Алексеевич

Наполеон Великий

В двух томах

Том 2
Император Наполеон

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 14.01.2020.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14.
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79.
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Жак-Луи Давид. «Бонапарт на перевале Сен-Бернар». Холст, масло.
246х321 см. 1802 г. Версальский дворец.

Жан Огюст Доминик Энгр.
«Наполеон на императорском троне».
Холст, масло. 259х162 см. 1806 г.
Музей армии, Париж.

Жак-Луи Давид.
«Наполеон Бонапарт в рабочем кабинете».
Холст, масло. 203,9x125,1 см. 1812 г.
Национальная галерея, Вашингтон.

Жан Батист Эдуард Детайль. «Да здравствует император!».
Холст, масло. 445х512,5 см. 1891 г.
Художественная галерея Нового Южного Уэльса, Сидней.

Джозеф Уильям Тёрнер. «Трафальгарское сражение».
Холст, масло. 259х365,8 см. 1822 г.
Национальный морской музей в Гринвиче.

Франсуа Жерар. «Сражение при Аустерлице, 2 декабря 1805 г.».
Холст, масло. 510х958 см. Музей Трианон.

Антуан-Жан Гро. «Наполеон в битве при Эйлау 9 февраля 1807 года». Холст, масло. 521х784 см. 1808 г. Лувр. *Инв. № 5067.*

Хоакин Соролья. «Оборона артиллерийского парка Монтелеон 2 мая 1808 г.». Холст, масло. 400х580 см. 1884 г. Музей Прадо, Мадрид.

Франсиско Гойя. «Третье мая 1808 года в Мадриде».
Холст, масло. 375х266 см. 1814 г. Музей Прадо, Мадрид.

Орас Верне. «Наполеон под Ваграмом».
Холст, масло. 465х543 см. 1836 г. Версальский дворец.

Франсуа Жерар. «Портрет Александра I, российского царя».
Холст, масло. Национальный музей Замка Мальмезон.

Жан-Шарль Ланглуа. «Смоленское сражение 17 августа 1812 г.».
Холст, масло. 184х259 см. 1839 г. Версальский дворец.

Луис-Франсуа Лежен. «Бородинское сражение».
Холст, масло. 210х264 см. 1822 г. Версальский дворец.

Адольф Ивон. «Маршал Ней, поддерживающий арьергард Великой Армии во время отступления из России». Холст, масло. 1856 г. Манчестерская художественная галерея.

Януарий Суходольский. «Переход армии Наполеона через Березину». Холст, масло. 1866 г. Национальный музей в Познани.

Эрнст Мейсонье. «Наполеон I в 1814 году».
Холст, масло. 1863 г.
Художественная галерея Уолтерс в Балтиморе.

Поль Деларош. «Наполеон после отречения в Фонтенбло.
(6 апреля 1814)». Холст, масло. 181х137 см. 1840 г.
Музей армии, Париж.

Антуан-Альфонс Монфор. «Прощание Наполеона с имперской гвардией 20 апреля 1814». Холст, масло. 98х130 см. 1825 г. Версальский дворец.

Жозеф Бом. «Наполеон, покидающий остров Эльба. 26 февраля 1815». Холст, масло. 164х275 см. 1836 г. Наполеоновский музей, Кап д'Антиб.

Элизабет Томпсон, леди Батлер.
«Шотландия навсегда! (Битва при Ватерлоо)».
Холст, масло. 1888 г. Художественная галерея Лидса.

Анри-Феликс-Эммануэль Филиппото. «Битва при Ватерлоо:
британские части, получающие удар от французских кирасир».
Холст, масло. 155х99 см. 1874 г. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

Франсиско Гойя.
«Портрет герцога
Веллингтона».
Холст, масло.
64,3х52,4 см.
1812–1814 гг.
Национальная галерея,
Лондон.

Орасе Верне, Самуэль
Уильям Рейнольдс.
«Наполеон
на Святой Елене».
Эстамп. 27,6х20,3 см.
1829 г.
Отдел эстампов
и фотографий
Национальной
библиотеки Франции.
*Инв. № RESERVE
QB-370 (75)-FT 4.*

Джозеф Уильям Тёрнер. «Война. Изгнание и морская улитка».
1842 г. Галерея Тэйт, Лондон.

Анри-Феликс-Эммануэль Филиппото.
«Возвращение праха Наполеона:
Прибытие корабля „La Dorade“ в Курбевуа 14 декабря 1840 г.».
Холст, масло. 125х200 см. 1867 г.
Национальный музей Замка Мальмезон.

Мир Французской революции